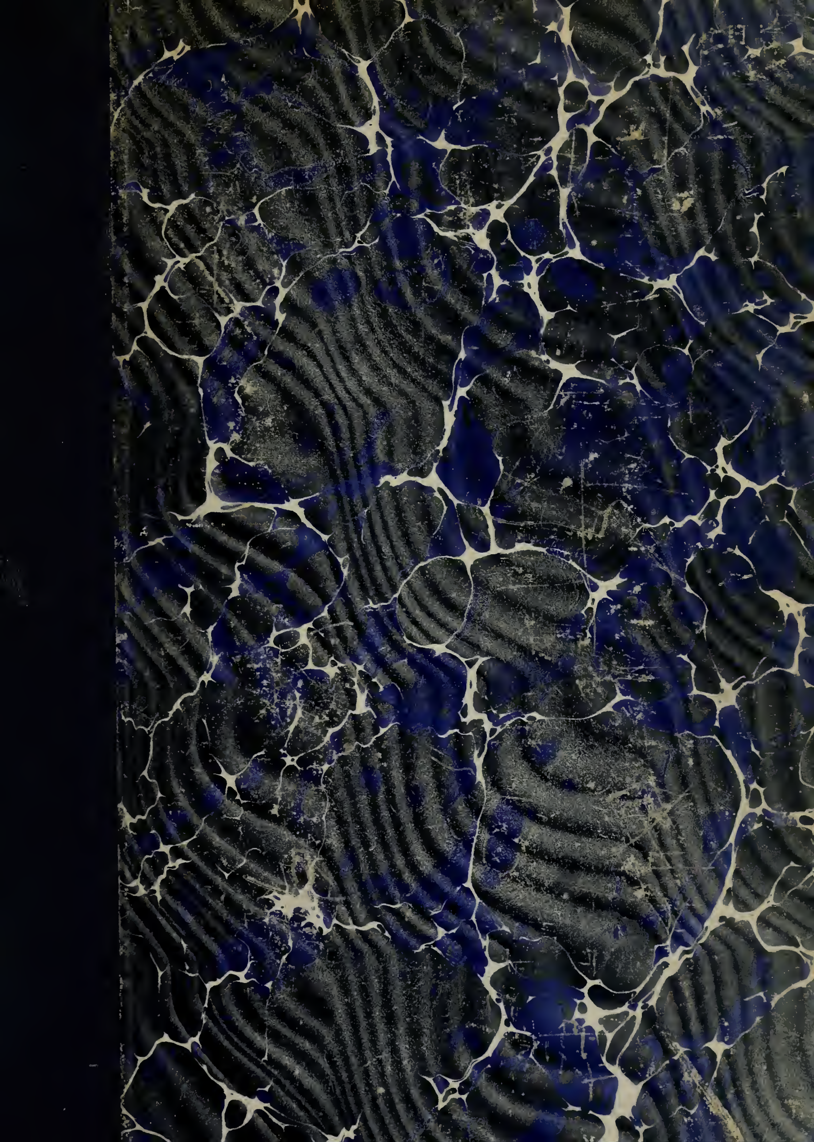

Bibliothèque "LE PAGE"
N° 964
MEUDON-VAL-FLEURY

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

І. В. ГЕССЕНОМЪ

VII

БЕРЛИНЪ 1922

В. Д. Набоковъ въ 1917 г.*

Барона Б. Э. Нольде

Позвольте подѣлиться съ Вами воспоминаніями о В. Д. Набоковѣ въ 1917 г. Я не думаю, чтобы намѣреніе говорить объ этомъ періодѣ его жизни нуждалось въ длинномъ оправданіи. Я имѣю личныя основанія избрать этотъ періодъ, ибо за эти мѣсяцы непрерывно и ежедневно встрѣчался съ Набоковымъ. Но не въ этомъ дѣло. И не въ томъ, что за тревожные мѣсяцы, пережитые тогда Россіей, Набоковъ игралъ первенствующую роль въ событіяхъ, ихъ направлялъ: ибо этого не было — къ ущербу для блага Россіи. Скажу больше — въ личной судьбѣ Набокова, какъ государственнаго человѣка и политика, 1917 годъ не былъ крупнымъ внутреннимъ этапомъ развитія и роста. Наблюдая его на пространствѣ двухъ десятковъ лѣтъ, я всегда поражался тѣмъ, что Набоковъ всегда былъ равенъ самому себѣ. Эту особенность его умственной и нравственной фигуры подтвердятъ всѣ, кто близко его зналъ и кто его любилъ и понималъ. Въ немъ была рѣдкая жизненная логика, укрѣпляемая выдающимися качествами самообладанія и душевнаго равновѣсія.

И за всѣмъ тѣмъ все же 1917-й годъ для Набокова, какъ для всѣхъ русскихъ поголовно, отъ малаго до большого, былъ годомъ затраты такихъ дозъ умственной и нравственной энергіи, съ которыми не сравнятся затраты никакого иного годъ, пережитаго людьми нашихъ поколѣній, — несмотря на то, что, конечно, никакимъ другимъ русскимъ поколѣніямъ не досталось переживать все, что мы переживали съ начала XX вѣка и еще до конца не пережили. Въ этой затратѣ всѣхъ душевныхъ силъ, безъ остатка, въ этомъ потокѣ смѣняющихъ другъ друга радости и отчаянія, надеждъ и разочарованій, побѣдъ и пораженій, тріумфовъ и униженій, калибръ каждаго изъ насъ, его способность думать и дѣйствовать, его энтузіазмъ и его трезвость, измѣрялись лучше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой періодъ развитія русскаго народа и русскаго общества. Поэтому, говоря о Набоковѣ въ 1917 году, я говорю о немъ за періодъ величайшаго испытанія, поставленнаго его умственнымъ и нравственнымъ силамъ, за мѣсяцы его напряженнѣйшей работы и напряженнѣйшихъ размышленій о судьбахъ страны, ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ.

Набоковъ, какъ и вся политическая группа, къ которой онъ принадлежалъ, не былъ повиненъ въ событіяхъ, вызвавшихъ паденіе старой русской власти.

*** Прочтено въ торжественномъ засѣданіи Юридическаго общества въ Парижѣ, посвященномъ памяти В. Д. Набокова, 24 Мая 1922 г.**

Но съ первой минуты, когда выяснилась неминуемость этого паденія, въ немъ, — какъ и въ другихъ людяхъ его политическаго круга, — стало ясно сознаніе отвѣтственности за открывавшееся политическое наслѣдіе. Историческій приговоръ о наслѣдникахъ царской власти произнесенъ еще не былъ и его точно предугадать никто не могъ, какъ не зналъ царь Борисъ, что ему наслѣдуютъ Гришка Отрепьевъ и Тушинскій воръ. Но презумтивный наслѣдникъ былъ на лицо. То былъ верхній кругъ независимой, не связанной съ бюрократическимъ аппаратомъ русской интеллигенціи. Чувство отвѣтственности ея вождей за судьбу государства, парализовавшееся въ нѣкоторыхъ доктринерствомъ и государственной невоспитанностью, въ другимъ личнымъ честолюбіемъ, было необыкновенно ярко въ Набоковѣ. Вспоминая сейчасъ день 3 марта, первый революціонный день, пріобщившій его къ только-что начавшему кристаллизоваться новому государственному порядку, я въ этомъ владѣвшемъ имъ сознаніи отвѣтственности резюмировалъ бы всего Набокова. Его не занимала отвлеченная схема революціи. Отъ служилыхъ предковъ онъ унаслѣдовалъ совершенно конкретное знаніе русской государственной машины. Онъ боролся съ начала вѣка за ея перестройку, но онъ зналъ, что подъ предлогомъ перестройки нельзя была остановить ея движеніе и что сломавшіяся ея части надо было, не теряя ни одной минуты, замѣнить новыми. Выборгское воззваніе лишило его избирательныхъ правъ, и въ началѣ революціи онъ былъ призваннымъ на военную службу прапорщикомъ запаса, въ тотъ моментъ сидѣвшимъ въ одномъ изъ учрежденій Главнаго Штаба: съ начала войны онъ не принималъ никакого участія въ политической жизни, но естественно о немъ тотчасъ же вспомнили въ самые первые революціонные дни. Ни минуты не колеблясь, не взвѣшивая сдѣланнаго ему предложенія на вѣсахъ личнаго честолюбія и личной политической карьеры, онъ сталъ Управляющимъ дѣлами, какъ говорилось въ ту минуту, «Совѣта Министровъ» или «Временнаго Правительства», какъ стали говорить нѣсколько дней спустя, ибо новая власть не знала первоначально, есть ли она новый составъ совѣта министровъ, или средоточіе русской верховной власти. Я засталъ Набокова вечеромъ 3-го марта въ одной изъ комнатъ Таврическаго Дворца, пытающагося въ невѣроятномъ хаосѣ и сумбурѣ, со свойственной ему методичностью и чувствомъ порядка, наладить, во исполненіе обязанностей по новому званію, первыя отправленія новой власти, изданіе, «Правительственнаго Вѣстника» и обнародованіе первыхъ актовъ новаго режима. Я никогда не забуду обстановки этого вечера. Казалось, весь возставшій гарнизонъ Петербурга съ улицъ влился въ Таврическій дворецъ, перемѣшавшись съ другой толпой частью знакомыхъ и частью не знакомыхъ мнѣ людей въ штатскомъ, искавшихъ сплотиться вокругъ двухъ выкристализовавшихся уже въ эту минуту центровъ — новаго совѣта министровъ и повторявшагося по прецедентамъ 1905 г. совѣта рабочихъ депутатовъ. И пока мы втроемъ — Набоковъ, Милюковъ и я — судили о томъ, какъ намъ озаглавить для обнародованія за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ подписанный актъ отказа отъ престола Вел. Князя Михаила, насъ прервали чтеніемъ телеграммъ о матросской расправѣ съ адмиралами и офицерами въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ.

Не буду прерывать цѣпи личныхъ воспоминаній — она ведетъ меня къ Набокову въ первую половину того же памятнаго дня, къ его, вдохновлявшемуся тѣмъ же чувствомъ отвѣтственности за государственный корабль въ мятежныхъ волнахъ тѣхъ дней, участію въ оформленіи новой власти. Въ комнату, гдѣ мы сидѣли и готовили обнародованіе акта Великаго Князя, вошелъ молодой чело-

вѣкъ, котораго я раньше никогда не видѣлъ и который оказался министромъ финансовъ М. И. Терещенкой, и попросилъ меня идти съ нимъ въ засѣданіе новыхъ министровъ, чтобы подумать о томъ, какъ издавать первый новый законъ новой власти. Мы не безъ труда протиснулись въ какую то новую комнату, гдѣ сидѣло нѣсколько министровъ — помню Шингарева, Годнева, В. Львова, Некрасова. Терещенко объяснилъ, что надо сегодня же увеличить эмиссіонное право государственнаго банка, такъ какъ денежныхъ знаковъ можетъ не хватить въ ближайшій срокъ. Шингаревъ и Годневъ сказали, что, по ихъ мнѣнію, законъ надо издать по 87 статьѣ основныхъ законовъ. Напоминаю, что эта статья предоставляла верховной власти, государю импературу, издавать въ перерывы занятій государственной думы указы съ силой закона, подлежавшіе затѣмъ внесенію въ государственную думу и государственный совѣтъ. Послѣ всего, что случилось, юридическое построеніе было довольно фантастическимъ, но ничего другого не приходило въ голову. Отъ меня ждали совѣта, какъ отъ государствовѣда. Я долженъ былъ разсказать — чего никто изъ присутствовавшихъ не зналъ, очевидно изъ-за царившаго смубура, — что три часа передъ тѣмъ Великій Князь Михаилъ подписалъ актъ, въ которомъ провозглашалъ «полноту власти» временнаго правительства впредь до созыва учредительнаго собранія и что такимъ образомъ временное правительство должно было само, внѣ всякой 87-й статьи, впредь издавать законы. Кажется, въ первую минуту всѣмъ это показалось весьма неожиданнымъ, но спорить было трудно, и законодательныя полномочія временнаго правительства были признаны. Въ хаосѣ, царившемъ кругомъ, появлялась какая то точка опоры для построенія новой законности.

Въ созданіи этой точки опоры Набоковъ былъ главнымъ участникомъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ о временномъ правительствѣ, напечатанныхъ въ I-омъ томѣ Архива Русской Революціи, Набоковъ расказалъ, какъ мы писали съ нимъ актъ отказа отъ власти великаго князя. Событіе такъ важно въ русской исторіи, что Вы не посѣтуете на меня, если рядомъ съ его воспоминаніями я поставлю свои. 3 Марта послѣ завтрака я сидѣлъ въ своемъ служебномъ кабинетѣ на Дворцовой Площади. Позвонилъ телефонъ, и я услышалъ какъ всегда ровный и неторопливый голосъ Набокова, сказавшаго: — «бросьте все, возьмите первый томъ свода законовъ и сейчасъ же приходите на Милліонную, такой то номеръ, въ квартиру Князя Путятина». Черезъ десять минутъ меня вводили въ комнату съ дѣтскимъ учебнымъ столикомъ дочки хозяевъ, въ которой оказался Набоковъ и В. В. Шульгинъ. Наскоро Шульгинъ разсказалъ свою поѣздку въ Псковъ, подписаніе акта отреченія отъ престола императора Николая и рѣшительный отказъ утромъ того же дня Великаго Князя принять престолъ. Набоковъ добавилъ, что надо составить объ этомъ манифестъ для Великаго Князя и что набросокъ имѣется, составленный Некрасовымъ. Набросокъ былъ чрезвычайно несовершененъ и явнымъ образомъ не годился. Мы тотчасъ же стали его писать заново. Первый составленный нами проектъ — мы втроемъ взвѣшивали каждое слово — такъ же какъ и Некрасовскій набросокъ — былъ изложенъ какъ манифестъ и начинался словами — Мы Божіей милостью Михаилъ I, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій . . . Въ проектѣ Некрасова было сказано только, что Великій Князь отказывается принять престолъ и передаетъ рѣшеніе о формѣ правленія учредительному собранію. Что будетъ происходить до того, какъ учредительное собраніе будетъ созвано, кто напишетъ законъ о выборахъ, и т. д. — обо всемъ этомъ онъ не подумалъ.

Набокову было свершенно ясно, что при такихъ условіяхъ единственная имѣвшаяся на лицо власть — временное правительство — повиснетъ въ воздухѣ. По общему соглашенію мы внесли въ нашъ проектъ слова о полнотѣ власти временнаго правительства. Набоковъ своимъ превосходнымъ почеркомъ, сидя за маленькимъ учебнымъ столомъ, переписалъ проектъ и отнесъ его въ сосѣднюю комнату Великому Князю. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени Великій Князь пришелъ къ намъ, чтобы сказать свои замѣчанія и возраженія. Онъ не хотѣлъ, чтобы актъ говорилъ о немъ, какъ о вступившемъ на престолъ монархѣ, и просилъ, чтобы мы вставили фразу о томъ, что онъ призываетъ благословеніе божіе и проситъ — въ нашемъ проектѣ было написано «повелѣваемъ» — русскихъ гражданъ повиноваться власти временнаго правительства. Поправки были внесены, актъ еще разъ переписанъ Набоковымъ и одобренъ — кажется, съ новыми маленькими поправками — Великимъ Княземъ. Къ этому времени подъѣхалъ князь Г. Е. Львовъ, Родзянко и Керенскій. Великій Князь сѣлъ за тотъ-же маленькій столъ, подписалъ манифестъ, всталъ, и обнялъ князя Львова, пожелавъ ему всякаго счастья. Великій Князь держалъ себя съ безукоризненнымъ тактомъ и благородствомъ, и всѣ были обвѣяны сознаніемъ огромной важности происходившаго. Керенскій всталъ и сказалъ, обращаясь къ Великому Князю: «Вѣрьте, Ваше Императорское Высочество, что мы донесемъ драгоцѣнный сосудъ Вашей власти до учредительнаго собранія, не расплескавъ изъ него ни одной капли».

Актъ 3 Марта, въ сущности говоря, былъ единственной конституціей періода существованія временнаго правительства. Съ ней можно было прожить до учредительнаго собранія — конечно, реально осуществляя Набоковскую формулу «полноты власти».

Старая русская административная традиція дѣлала должность управляющаго дѣлами совѣта министровъ — временнаго правительства — важнымъ механизмомъ въ машинѣ правительственной власти. Принявъ эту традицію, Набоковъ стремился сдѣлать все, что могъ, чтобы превратить назвавшее себя Временнымъ Правительствомъ, на дѣлѣ чрезвычайно случайное собраніе людей, смотрѣвшихъ въ разныя стороны и объединенныхъ въ одно цѣлое прибоемъ революціонной волны, въ подлинную власть. Но задача эта была невыполнима въ обстановкѣ той минуты. Въ залу Маріинскаго Дворца, куда переѣхало правительство въ первые дни своего существованія, была принесена атмосфера Таврическаго дворца 3 Марта 1917 г. Набоковъ тратилъ всю свою энергію, весь свой духъ порядка, чтобы вытравить эту атмосферу, но уже въ первый мѣсяцъ онъ горько жаловался на безнадежность этой цѣли. Я вспоминаю вечеръ, когда мы вызваны были съ Кокошкинымъ въ Маріинскій дворецъ для объясненій по вопросу о подготовкѣ къ созыву учредительнаго собранія. Когда мы пришли, Набоковъ объяснилъ намъ, что нѣтъ никакой возможности добиться опредѣленнаго часа начала засѣданія. Дѣйствительно, оказалось, что только въ какую-то минуту между двѣнадцатью и часомъ ночи — собралось достаточно министровъ, чтобы начать засѣданіе. Насъ просили обождать, пока не кончится разговоръ съ представителями совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Стекловъ въ теченіе двухъ часовъ поочереди вытаскивалъ изъ кармана разныя телеграммы и письма съ фронта, излагавшія всякія, облеченныя въ революціонный жаргонъ, кляузы о «бонапартизмѣ» генерала А., о контрреволюціонности старшаго врача Б, о сношеніяхъ съ нѣмцами (было и это въ карманахъ нынѣшняго редактора московскихъ «Извѣстій») полковника В., и т. д. Я видѣлъ, сидя противъ Набо-

кова, какое страданіе причиняла ему эта сцена. Чувство отвѣтственности за то крупное дѣло, которое на себя взяло русское общество, его не покидало ни на одну минуту, онъ дѣлалъ, что могъ, чтобы удержать экипажъ на прямой дорогѣ, но обстановка была такова, что экипажъ неминуемо тянуло въ трясину.

Набоковъ считалъ правильнымъ, чтобы близкіе ему по партіи члены временнаго правительства держались въ немъ до конца. Никто не зналъ тогда, можетъ-ли, юридически, членъ временнаго правительства вообще подать въ отставку и проводимая Набоковымъ линія — оставаться до конца въ составѣ правительства — отвѣчала этому первоначальному пониманію организаціи временной власти. Послѣдовательно ведя ее, онъ лично оставался управляющимъ дѣлами и послѣ ухода Милюкова, обнаружившаго первый глубокій кризисъ власти, ухода, вызваннаго совмѣстными усиліями Керенскаго и Альбера Тома. Но послѣ этого перваго кризиса продолжать долго работу управляющаго дѣлами временнаго правительства было уже подвигомъ внутренней дисциплины и самоотреченія, котораго безполезность съ каждымъ днемъ дѣлалась все яснѣе и яснѣе. Вскорѣ Набоковъ ушелъ и былъ назначенъ сенаторомъ только-что обновленнаго перваго департамента.

Онъ вернулся къ свободной публицистикѣ и свободной политической работѣ. То, что онъ говорилъ друзьямъ, надо было теперь высказать громко, сдѣлать предметомъ политической проповѣди, — опять во имя того же чувства общей отвѣтственности русскаго общества за все, что свершилось, за всѣ вечера со Стекловымъ, за весь потокъ словъ, за все бездѣйствіе власти.

Передо мною появившаяся 25 Мая статья Набокова подъ заглавіемъ «Практическіе уроки». Напечатанная въ Вѣстникѣ партіи Народной Свободы, она сугубо интересна, ибо опредѣляетъ, куда хотѣлъ Набоковъ направить свою партію. Она исполнена глубокаго пессимизма. «Чудодѣйственная быстрота, какая то волшебная легкость переворота, сразу опрокинувшаго безъ остатка весь насквозь прогнившій фасадъ стараго порядка, — подлинный энтузіазмъ, охватившій всѣхъ, единодушное признаніе новаго строя всей страной и Западной Европой, безчисленныя выраженія довѣрія и готовности поддерживать временное правительство, — все это сулило успѣхъ и благополучіе, сулило прочность и плодотворность фактической республики». «Что же сталось?» — спрашиваетъ себя Набоковъ. «Въ какую бы область государственной жизни мы ни взглянули, вездѣ встаютъ не радужныя картины, а какіе то зловѣщіе признаки разложенія и гибели. И общее душевное состояніе все болѣе начинаетъ походить на старое, дореволюціонное. Какъ тогда люди сознательные, отдающіе себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлается кругомъ, съ тревогой задавали себѣ и другъ другу вопросъ — что же дальше? и гдѣ выходъ? — такъ и теперь нѣтъ другого вопроса. За исключеніемъ политически безсознательныхъ массъ и кучки анархически настроенныхъ сознательныхъ элементовъ, сейчасъ нѣтъ никого кто бы не испытывалъ этой мучительной тревоги...» И вотъ его заключеніе: — «Во Франціи существуетъ взглядъ, что великая французская революція должна быть принята цѣликомъ, en bloc. И этотъ взглядъ понятенъ и законенъ. Возможно, что и будущіе русскіе историки черезъ сто лѣтъ согласятся принять русскую революцію en bloc. Но мы современники — мы участники не можемъ теперь же встать на высоту исторической перспективы. Для насъ въ этомъ живомъ процессѣ превращенія есть и то, за что мы боремся, и то, противъ чего мы будемъ бороться. И когда мы боремся противъ эксцессовъ и злоупотребленій, противъ вольныхъ и невольныхъ грѣховъ революціи, мы сильны однимъ сознаніемъ: мы

сильны увѣренностью, что въ этой борьбѣ мы отстаиваемъ великія и плодотворныя ея подлинныя начала».

Набоковъ былъ однимъ изъ первыхъ, имѣвшихъ смѣлость всенародно сказать то, что я сейчасъ привелъ. Онъ былъ, конечно, не одинъ въ этомъ діагнозѣ, уже и въ этотъ ранній мѣсяцъ существованія временнаго правительства. Но все же кругомъ господствовалъ наскоро сколоченный оффиціальный оптимизмъ въ оцѣнкѣ всего, что творилось, а рядомъ съ нимъ еще и тенденція — всего ярче представленная тогда въ не-соціалистической интеллигенціи Некрасовымъ — построить весь расчетъ на томъ, чтобы, какъ тогда говорилось, поймать революціонную волну и на ея гребнѣ основать вліяніе и власть. Набоковъ былъ слишкомъ уравновѣшенъ и трезвъ, чтобы дать себя убаюкивать казенно-революціоннымъ оптимизмомъ, и слишкомъ честенъ, чтобы принять макіавелизмъ Некрасова.

Этотъ вопросъ: «что же дальше? и гдѣ выходъ?» — эта патріотическая тревога за будущее опредѣляютъ всю дальнѣйшую дѣятельность Набокова лѣтомъ и осенью 1917 г.

Всѣ помнятъ, какъ ставился тогда этотъ вопросъ. Онъ слагался изъ положенія внѣшняго и положенія внутренняго. Сознаніе связи между войной и революціей, необходимости выбрать между «борьбой до побѣднаго конца» и организаціей нормальной государственной жизни въ новыхъ формахъ, было въ тѣ мѣсяцы далеко не всеобщимъ. Напротивъ того, оно казалось тогда скорѣе грѣховной и запретной политической ересью. Царствовала концепція Милюкова: революція была сдѣлана, чтобы успѣшно завершить войну — одинъ изъ наивнѣйшихъ самообмановъ этой богатой всякими фикціями эпохи. Оглядываясь сейчасъ назадъ съ тѣмъ спокойствіемъ, которое даетъ утекшее время, я долженъ сказать, что среди соціалистовъ, игравшихъ въ то время первенствующую роль, у Дана, Гоца, Скобелева, даже Керенскаго, у А. Я. Гальперна, смѣнившаго Набокова въ качествѣ опекуна надъ порядкомъ во Временномъ Правительствѣ и также безнадежно подавленнаго сумбуромъ входившихъ въ его составъ людей, сознаніе невозможности въ одно и то же время вести войну и канализовать революцію было гораздо болѣе яснымъ, чѣмъ у оффиціальныхъ вождей кадетовъ. Но соціалисты рѣдко умѣли грамотно выразить свою политику и знали только трафареты своихъ интернаціоналовъ по принадлежности, товаръ, не имѣвшій международнаго обращенія и мало внутренняго въ западно-европейскихъ странахъ, союзныхъ и непріятельскихъ.

Когда Набоковъ, Аджемовъ, Винаверъ и я въ первый разъ попытались доказывать въ нѣдрахъ кадетскаго центральнаго комитета на Французской набережной, 8, что надо свернуть съ путей нашего классическаго имперіализма, мы столкнулись съ самымъ упорнымъ сопротивленіемъ. Милюковъ со свойственной ему холодной отчетливостью доказывалъ, что цѣли войны должны быть достигнуты, что нельзя говорить о мирѣ, пока не будетъ создана Югославія и т. д. Генералъ Алексѣевъ, ходившій тогда къ кадетамъ и числившійся въ нашемъ партійномъ спискѣ по выборамъ въ учредительное собраніе, развивалъ мысль, что армія можетъ быть поднята, только бы найти твердую архимедову точку приложенія рычага, который ее подыметъ. Наша группа спрашивала, гдѣ же лежитъ эта точка, и не получала отвѣта. К. Н. Соколовъ — бывшій тогда краснорѣчивымъ глашатаемъ истинъ подлинной кадетской внѣшней политики, со свойственными ему блескомъ и обыкновенностью рѣчи, разбивалъ наши построенія. Послѣ нашихъ совѣщаній, въ которыхъ Набоковъ выступалъ какъ осторожный

вождь всей партіи, считавшійся съ настроеніями всѣхъ ея крыльевъ, мы составили для собиравшагося тогда предпарламента проектъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, осторожно говорившій о мирѣ по общему рѣшенію союзниковъ. Но насъ и, больше всего, меня, дѣйствовавшаго съ меньшимъ чувствомъ партійной отвѣтственности, провалили огромнымъ большинствомъ голосовъ. Я не буду вспоминать другого совѣщанія — происходившаго около этого времени у кн. Гр. Н. Трубецкого, гдѣ вопросъ о продолженіи войны былъ поставленъ еще болѣе рѣшительно и рѣзко. Набоковъ разсказалъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ, и я не буду повторять его разсказа. Но я долженъ добавить, что я такъ же отчетливо запомнилъ, какъ и Набоковъ, это собраніе. Въ самомъ дѣлѣ ни разу раньше и ни разу позже Набоковымъ, Коноваловымъ и другими не была такъ ясно и просто формулирована та дилемма, къ которой Россію прижали событія — разумный миръ или неминуемое торжество Ленина.

Набоковъ чрезвычайно интересовался въ то время вопросами внѣшней политики. Шла рѣчь, по почину М. И. Терещенки, о назначеніи его посломъ въ Лондонъ — куда, какъ извѣстно, Временное Правительство всѣхъ составовъ такъ и не нашло времени назначить своего представителя. Конечно, болѣе блестящаго выбора нельзя было сдѣлать среди тогдашнихъ правительственныхъ и общественныхъ верховъ, чѣмъ Набоковъ, для поста русскаго посла въ Лондонѣ. У него были всѣ данныя — глубокая умственная культура и свѣтское воспитаніе, превосходная политическая школа и великолѣпное знаніе языковъ, самообладаніе и настойчивость, гибкость и находчивость. Но планъ посылки Набокова въ Лондонъ не осуществился — я не помню уже по какой причинѣ. Онъ остался въ Петербургѣ бороться за вторую часть своего отвѣта на вопросъ — «что же дальше и гдѣ выходъ?»

То была уже область внутреннихъ политическихъ отношеній революціонной Россіи. Мы видѣли его пониманіе задачъ, которыя стояли на очереди. Въ огромномъ хаосѣ, въ который превратился весь русскій міръ, надо было найти и укрѣпить «великія и подлинныя начала русской революціи».

Эти начала были Набоковымъ записаны въ актѣ отреченія великаго князя Михаила: Сильное правительство, ведущее страну къ учредительному собранію... «Посему — кончался этотъ актъ, — призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія учредительное собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа».

Была ли ошибочна эта концепція или нѣтъ, я подробно судить здѣсь не буду. Ставка на русское народовластіе была безспорно бита. Но слѣдовало ли изъ этого, что должна была ставиться другая задача и что другая задача могла быть вообще тогда поставлена. Я глубоко убѣжденъ, что, отдавъ всѣ свои силы торжеству этой политической концепціи, Набоковъ не ошибался, что унаслѣдованныя человѣчествомъ отъ двухъ французскихъ революцій идеи учредительной власти и всеобщей подачи голосовъ, въ Россіи, такъ же какъ безчисленное множество разъ въ другихъ странахъ, могли сослужить огромную организаціонную роль. Но надо было, чтобы къ учредительному собранію вела страну сильная власть, способная черезъ народную волю строить, а не разрушать.

Набоковъ съ величайшимъ интересомъ и огромнымъ вниманіемъ отдался стоявшей на очереди задачѣ правовой организаціи. Если эпоха короткаго суще-

ствованія временнаго Правительства дала рожденіе ряду совершенно выдающихся по своимъ внутреннимъ достоинствамъ законодательныхъ актовъ — погребенныхъ вмѣстѣ съ собой Временнымъ Правительствомъ въ его крушеніи —, то въ этомъ заслуга, прежде всего, двухъ людей — Набокова и Кокошкина. Въ Юридическомъ Совѣщаніи при Временномъ Правительствѣ и въ совѣщаніи по составленію закона о выборахъ въ Учредительное Собраніе оба они стояли въ первомъ ряду. Юридическое Совѣщаніе было маленькой, быстро спѣвшейся коллегіей юристовъ, и работа въ ней была легка и пріятна. Но комиссія по составленію закона о выборахъ въ Учедительное Собраніе была многоголовымъ сборищемъ, почти парламентомъ, и тѣмъ, кто, какъ Набоковъ, принималъ въ ней дѣятельное участіе, приходилось преодолѣвать величайшіе трудности. Я хорошо помню Набокова въ качествѣ предсѣдателя редакціонной комиссіи совѣщанія, при обсужденіи правилъ о выборахъ на фронтѣ. Надо думать, что соотвѣтствующая часть положенія о выборахъ навсегда останется единственнымъ въ своемъ родѣ прецедентомъ въ исторіи избирательнаго права. Всеобщіе выборы въ ихъ самой современной и тончайшей постановкѣ приходилось примѣнить въ полевыхъ окопахъ, лицомъ къ лицу съ нѣмецкой тяжелой артиллеріей. Сколько настойчивости, выдержки и политики надо было вкладывать въ эту работу, чтобы не сдѣлать изъ выборовъ на фронтѣ простого предлога для дезертирства. Приходилось съ трудомъ отбиваться отъ максимализма лѣвыхъ коллегъ, частью все еще не успѣвшихъ къ тому времени научиться государственному дѣлу.

Въ концѣ концовъ, работа была закончена и выборы назначены. Но обстановка, въ которой имъ надлежало протекать, была окончательно испорчена. Если въ маѣ мѣсяцѣ, когда Набоковъ писалъ свой призывъ не брать en bloc русской революціи, можно было еще питать какія-то иллюзіи, то въ осенніе мѣсяцы, когда въ Собраніи узаконеній стали одна за другой появляться отдѣльныя части положенія о выборахъ въ Учредительное Собраніе, власть оказалась окончательно расшатанной.

Ее всячески чинили и подмазывали за эти мѣсяцы. Набоковъ быстро — послѣ ухода съ должности управляющаго дѣлами Временнаго Правительства — занявшій одно изъ первыхъ мѣстъ въ составѣ руководителей кадетской партіи, принималъ участіе во всѣхъ безконечныхъ эпизодахъ междупартійныхъ переговоровъ «о конструкціи власти», какъ тогда говорилось. Онъ приходилъ въ полное отчаяніе. Людьми въ ту минуту владѣли въ Россіи слова, не воля. Психозъ словъ порождалъ безысходное всеобщее безволіе. Отъ «полноты власти» остались только жесты Керенскаго. Набоковъ вкладывалъ во всѣ эти попытки столковаться съ лѣвыми и помочь бѣдѣ самую строгую добросовѣстность и добрую волю. Даже близкимъ онъ не сознавался въ томъ, что въ послѣдніе мѣсяцы Временнаго Правительства было, я убѣжденъ, его внутреннимъ смертнымъ приговоромъ февральской революціи. Онъ пользовался, я знаю, довѣріемъ лѣвыхъ и всегда защищалъ публично и въ партіи такъ-называемый «коаліціонный» принципъ.

Оставалась послѣдняя надежда и послѣдняя ставка — Учредительное Собраніе. Набоковъ баллотировался, и былъ избранъ. Онъ дѣятельно велъ предвыборную кампанію, постоянно выступая на митингахъ въ Петербургѣ и Петербургской губерніи. Продолжалась работа и другого рода. Послѣ закрытія совѣщанія по выработкѣ закона объ Учредительномъ собраніи въ качествѣ его преемницы оставалась дѣйствовать, для руководства выборами и разъ-

ясненія избирательнаго закона, такъ-называемая «Всероссійская Комиссія по выборамъ въ Учредительное Собраніе». В. Д. Набоковымъ былъ ея товарищемъ предсѣдателя. Вы помните, что выборы въ Учредительное Собраніе происходили послѣ большевистскаго переворота. Комиссія продолжала засѣдать, слѣдя ежедневно, какъ рушилась всякая законная почва для выборовъ. Въ качествѣ товарища предсѣдателя комиссіи Набоковъ подписалъ 8 ноября воззваніе отъ имени комиссіи, кончавшееся словами: «Тягчайшая отвѣтственность передъ родиной падетъ на всѣхъ, кто дерзнетъ покуситься на правильность избранія Учредительнаго Собранія, съ которымъ вся страна связываетъ нынѣ свои надежды». Эти слова были заключительнымъ аккордомъ всей организаціонной работы эпохи Временнаго Правительства, кануномъ послѣдняго пораженія организаціонной формулы февральской революціи. Черезъ нѣсколько дней въ засѣданіе Всероссійской Комиссіи вошелъ взводъ солдатъ, принесшій собственноручно написанное распоряженіе Ленина объ арестѣ «кадетско-оборонческаго состава» комиссіи; В. Д. Набоковъ и всѣ мы были отведены въ Смольный.

Въ спорахъ послѣднихъ лѣтъ о русской революціи я не чувствовалъ сознанія глубокой трагичности всего того, что тогда совершилось. Разбиралось, кто повиненъ и въ чемъ, одни искали въ судьбахъ ея уроковъ и предостереженій для будущаго, другіе доказывали, что надо вернуться къ ея завѣтамъ. Но надъ всѣми этими спорами, по мнѣ, господствуетъ одинъ, стоящій внѣ всякаго спора, фактъ: съ попыткой построить русское народовластіе связало себя, такъ или иначе, въ той или другой формѣ, какъ участники или какъ оппозиція, съ вѣрой или безвѣріемъ, огромное большинство русскаго общества, все, что было въ немъ лучшаго. Я старался напомнить Вамъ сегодня, что вложилъ въ эту попытку В. Д. Набоковъ. Весь его разумъ и вся его воля, весь его сдержанный и культурный, но глубокій внутренній энтузіазмъ, все отдано было государственному дѣлу въ эту трагическую полосу русскаго историческаго развитія. Вмѣстѣ съ другими Набоковъ потерпѣлъ пораженіе. Но можно ли забыть, что оно было пораженіемъ всего, что было въ народѣ истинно цѣннаго. «Роковая, родная страна», сказано въ стихотвореніи Блока. Да и то, и другое вмѣстѣ: роковая и родная. Року ея была принесена жертва Набокова. Но онъ отдалъ себя родинѣ.

Чрезвычайная Комиссія по дѣламъ о бывшихъ Министрахъ

полковника С. А. Коренева

Поздно вечеромъ присылаютъ мнѣ казенный пакетъ: «Срочно. Главный Военный Прокуроръ проситъ Васъ явиться въ Управленіе завтра къ 11 ч. дня».

На дворѣ май 1917 года. Въ Петроградѣ скверно. Настроеніе тревожное. Въ арміи полный развалъ. На фронтѣ митингуютъ, а здѣсь солдаты распоясались окончательно, безчинствуютъ, глумятся надъ офицерами, совершенно вышли изъ всякаго повиновенія и давно уже превратились въ озорничающую толпу. Только на верхахъ еще стараются соблюсти кое-какой порядокъ и декорумъ.

На утро нацѣпляю ордена и отправляюсь по приглашенію. Въ кабинетѣ меня встрѣчаетъ небольшого роста, сухощавый и для генеральскихъ чиновъ еще совсѣмъ юный брюнетъ.

— «Хотите быть назначеннымъ въ Верховную Комиссію по разслѣдованію дѣйствій бывшихъ министровъ? Дѣло нужное, интересное, а, главное, познакомитесь непосредственно со всей этой гнилью отжившаго строя».

— Ого, думаю: какое опредѣленное отношеніе къ прошлому, а вѣдь этого въ тебѣ, голубчикъ, что-то не было особенно замѣтно за цѣлые десятки лѣтъ твоей царской службы. Ну да, теперь и покрупнѣе тебя «особы» перекрасились! Такъ тебѣ и Богъ велѣлъ . . .

— «Согласенъ», отвѣчаю — «но не знаю, въ чемъ же будутъ заключаться мои обязанности?»

— «Будете производить слѣдствіе о бывшемъ военномъ министрѣ генералѣ Бѣляевѣ и командующемъ арміей генералѣ Ренненкампфѣ, а тамъ и другія дѣла къ Вамъ поступятъ по мѣрѣ того, какъ комиссія будетъ расширять свою дѣятельность. Пока же ѣдемте вмѣстѣ, я Васъ представлю предсѣдателю комиссіи».

Ѣдемъ на растрепанномъ дребезжащемъ автомобильчикѣ въ Зимній дворецъ.

Комиссія работаетъ въ помѣщеніи запасной половины дворца. Во дворцѣ — старые лакеи въ ливреяхъ, швейцары, все честь честью . . .

Проходимъ въ одну изъ залъ. Въ огромной комнатѣ засѣдаетъ президіумъ комиссіи. Во главѣ Муравьевъ, извѣстный московскій присяжный повѣренный.

Члены: академикъ Ольденбургъ, сенаторъ Ивановъ, членъ Государственной Думы Родичевъ, знаменитый авторъ приказа № 1 — присяжный повѣренный Соколовъ, Караханъ (тогда еще меньшевикъ), редакторъ «Былого» Щеголевъ и еще кое-кто изъ менѣе важныхъ. Секретаремъ по собиранію документовъ и редактированію протоколовъ допроса министровъ состоитъ А. А. Блокъ.

Муравьевъ милостиво, по-архіерейски ладонью внизъ, суетъ мнѣ свою холеную руку. — «Очень радъ». Церемонія введенія въ храмъ правосудія закончена.

Хочу немедленно же принять въ свое веденіе дѣла. Иду въ верхній этажъ. Тамъ происходитъ вся черновая работа комиссіи, — президіумъ дѣлаетъ лишь постановленія о привлеченіи къ отвѣтственности, даетъ свои заключенія по законченнымъ слѣдствіямъ, утверждаетъ и измѣняетъ мѣры пресѣченія и даетъ общія руководящія указанія.

Подымаюсь по лѣстницѣ — комнаты направо, комнаты налѣво, — вездѣ строчатъ, гудятъ, какъ шмели, трещатъ машинки. Десятки судей, прокуроровъ, предсѣдателей судовъ, палатъ пристегнуты сюда въ качествѣ профессіональныхъ работниковъ.

По дорогѣ наталкиваюсь на довольно полную, прихрамывающую даму въ черномъ костюмѣ. «Вырубова, — съ допроса», — вполголоса замѣчаетъ спутникъ. Дальше, у окна, толстая фигура мрачно смотритъ въ пространство — Хвостовъ, бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ до Протопопова. Бочкомъ, стараясь проскользнуть незамѣченными, пробираются еще какіе-то бывшіе люди.

Дѣла принялъ. Начинаю съ Бѣляева. Бывшій Военный Министръ, величина не очень замѣтная на Петроградскомъ чиновномъ небосклонѣ въ отношеніи своего вліянія и связей, но интересный субъектъ, какъ типичный петроградскій чиновникъ. Вся его жизнь по штабамъ и канцеляріямъ, съ одной іерархической ступеньки на другую, — все выше и выше. Спалъ и дневалъ обложившись бумагами. Форма и форма — вотъ главное. — Содержаніе же — во-вторыхъ. Знать всѣ начальственныя отношенія, циркуляры, предписанія, инструкціи, умѣть отписаться, наловчиться самому создавать правила и регламентаціи, стригущія все и всѣхъ подъ одну гребенку, но, Боже сохрани, — не касаться лишь живого дѣла — вотъ катехизисъ. Засохнуть на ворохахъ бумагъ, пропахнуть канцелярской плѣсенью и превратиться въ какую-то чернильную запятую — незавидный удѣлъ человѣка. — Но Бѣляевъ былъ, именно, такимъ.

И дѣла-то, въ которыхъ онъ обвиняется, такія же мелкія, чернильныя, какъ онъ самъ. Чтобы угодить царицѣ, по ея указанію, онъ перевелъ сына Григорія Распутина изъ Сибири въ санитары въ Петергофъ. По просьбѣ Коковцева принялъ на службу въ Главный Штабъ какого-то прапорщика изъ числа банковскихъ тузовъ, по желанію императрицы же вмѣшался не въ свое дѣло и отдалъ распоряженіе, не обыскивать на границѣ пріѣзжавшихъ въ Россію во время войны австрійскихъ сестеръ милосердія. По соглашенію съ Протопоповымъ, приказалъ неподчиненной ему военной цензурѣ не пропускать въ печать отчета засѣданія кабинета министровъ, отсуждавшаго вопросъ объ отношеніяхъ съ Польшей и т. п. На фонѣ грозныхъ событій войны и только-что развернувшейся революціи, — все это такъ повседневно, такъ ничтожно, что

просто не хочется ковыряться во всѣхъ этихъ «превышеніяхъ власти». За кѣмъ изъ власть имущихъ такихъ грѣховъ не водилось — и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ?

Разбираюсь дальше, ищу слѣдовъ интриги, покушенія на народное благо, хищеній, сговора съ врагами Россіи. Нѣтъ, на это не находится даже и самыхъ отдаленныхъ намековъ. Правда, обнаруживаются еще какія-то мелочи, вродѣ уничтоженія Бѣляевымъ нѣсколькихъ неважныхъ бумагъ, и даже не оригиналовъ, а копій, — но сдѣлано было это не изъ злого умысла, а изъ нежеланія, чтобы документы, имѣвшіе отношеніе къ войнѣ, попали бы въ руки толпы, когда она въ мартовскіе дни врывалась къ нему въ квартиру. Вотъ и всѣ Бѣляевскіе грѣхи.

Докладываю президіуму: «Въ дѣйствіяхъ бывшаго военнаго министра ничего сугубо преступнаго найти не могъ, полагаю необходимымъ его изъ-подъ стражи освободить».

Оказывается, въ составѣ президіума имѣется два теченія, — одно болѣе мягкое, старающееся каждое дѣло разсмотрѣть и съ точки зрѣнія закона и со стороны простой справедливости, и другое, не знающее ничего, кромѣ желанія «оправдать довѣріе общества и расправиться съ злодѣями».

Ивановъ, Родичевъ, Щеголевъ подходятъ къ дѣлу бывшаго военнаго министра просто: — «Были-де у человѣка формальные грѣшки, за это грозитъ ему по закону отставленіе отъ службы. Но онъ и безъ того уже отъ нея отставленъ, сидитъ, кромѣ того, уже почти три мѣсяца въ тюрьмѣ, такъ и Богъ съ нимъ — выпустить его пока изъ этой ужасной Петропавловки. А тамъ, если понадобится его судить и представится къ этому возможность, то отъ суда онъ никуда не уйдетъ».

Но тутъ на дыбы Муравьевъ и всѣ остальные: — «Какъ освободить?! Да Вы хотите на насъ навлечь негодованіе народа. Да если бы Бѣляевы даже и совсѣмъ были бы невиновны, то теперь нужны жертвы для удовлетворенія справедливаго негодованія общества противъ прошлаго. А за бывшимъ военнымъ министромъ все-таки имѣется большой грѣхъ — его угодливость передъ власть предержащими. За это одно нужно его сгноить въ тюрьмѣ».

Условія защиты неблагопріятны — кругомъ подвываетъ толпа: «Распни ихъ», а толпа теперь — хозяинъ, и защитники безпристрастія почти безъ боя сдаютъ свои позиціи. Предписывается держать Бѣляева по прежнему въ заключеніи и лишь, въ виду его болѣзненнаго состоянія, перевести его изъ Петропавловской крѣпости на Фурштадтскую, въ бывшее жандармское управленіе, гдѣ условія заключенія несравненно мягче.

Для личнаго допроса Бѣляева и для распоряженія по переводу его въ новое помѣщеніе отправляюсь въ крѣпость. Мнѣ даютъ казенныхъ лошадей изъ бывшей царской конюшни. Ѣду. Черезъ Іоанновскія ворота во дворѣ крѣпости, мимо собора, заворачиваемъ у Монетнаго двора налѣво, еще поворотъ, два, и натыкаемся на заборъ.

У калитки звоню. Гремятъ ключи, требуютъ пропускъ. Во внутреннемъ дворѣ сѣрое, угрюмое зданіе — какой-то равелинъ — мѣсто заключенія десятковъ и сотенъ русскихъ революціонеровъ. Теперь тамъ тѣ, которые такъ недавно еще всевластно распоряжались судьбами Россіи.

По узкой лѣстницѣ подымаюсь въ канцелярію. Снова провѣряютъ документы, дѣлаютъ какія то отмѣтки. Расчитываю, что проведутъ непосредственно въ камеру, къ заключенному.

Однако, этого здѣсь не допускается: солдаты караула крѣпости захватили управленіе всѣмъ въ свои руки, установили свой распорядокъ и никакихъ тамъ особыхъ полномочій и указовъ какой то комиссіи не признаютъ. На первыхъ порахъ послѣ переворота, заключенныхъ не докармливали, примѣшивали имъ въ пищу битое стекло, опилки, говорятъ, — колотили, и теперь держатъ ихъ въ камерахъ безвыходно, въ грязи. Не только посторонняго вмѣшательства, но и посторонняго глаза не допускаютъ.

Бѣляева съ часовымъ вводятъ въ большую комнату, гдѣ раньше была пріемная. Щуплый, бѣлесоватый генералъ, съ пугливой походкой, весь съежившійся, растерянный. Ну, совсѣмъ затравленный заяцъ. На плечахъ еще генеральскіе погоны, но отъ генеральства не осталось и слѣда. Попалъ человѣкъ въ капканъ, и только и думаетъ о томъ, что вотъ-вотъ его пристукнутъ. Глаза тревожно бѣгаютъ, озираются.

Здороваемся, прошу его садиться.

— «Ничего, ничего, я и постоять могу, — можетъ быть при допросѣ садиться не разрѣшается?»

Смотрю на него съ удивленіемъ: серьезно онъ это или издѣвается? Нѣтъ, ему, повидимому, не до шутокъ, а просто привыкъ уже къ глумленію, когда солдаты на него покрикивали: — «Ну, ты, генералъ, подтягивайся, мы тянулись, а теперь и ты попробуй солдатской палки». У дверей часовой сидитъ, развалившись въ креслѣ, и ухмыляется.

Дѣлается какъ то неловко, и не знаешь, какъ бы поскорѣе найти простой тонъ, чтобы вывести затравленнаго изъ этого его чувства придавленности.

Садимся оба, — начинаю пока частный разговоръ о семьѣ генерала, о томъ, какъ живется ему въ крѣпости. Вижу, человѣкъ оживляется. Меньше его передергиваетъ, не вскакиваетъ уже съ мѣста чуть ли не при каждомъ задаваемомъ ему вопросѣ. Дальше больше, — касаемся уже краешкомъ и современнаго положенія вещей «на волѣ». Правда, съ большой опаской. Часовой вѣдь тутъ, но, повидимому, онъ попался изъ добродушныхъ или простоватыхъ — сидитъ, зѣваетъ, завернулъ себѣ цигарку, куритъ и подремываетъ.

Генералъ совсѣмъ отошелъ, попросилъ даже разрѣшенія закурить и самъ уже начинаетъ аттаку на меня: жалуется, что его понапрасну мучаютъ, что онъ больной, умирающій человѣкъ, безвредный для новой власти, тѣмъ болѣе, что и раньше онъ былъ далекъ отъ политики, и, какъ человѣкъ службы, дѣлалъ только то, что ему предписывалъ долгъ.

Говоримъ долго, записываю отдѣльныя показанія, касающіяся предъявленныхъ Бѣляеву обвиненій, въ протоколъ. Передъ прощаніемъ объявляю о постановленіи комиссіи перевести его на Фурштадтскую.

Опять испугался, поблѣднѣлъ весь: — «На Фурштадтскую! Зачѣмъ? Это означаетъ что-нибудь дурное?»

Успокаиваю, объясняю, что тамъ и докторъ будетъ, и газеты можно будетъ получать и, вообще, режимъ совершенно иной.

Радуется и не вѣритъ, смотритъ испытующе черезъ пенснэ: «не надуваютъ ли?» Потомъ сразу проникается довѣріемъ, хватаетъ за руку и шепчетъ: «Благодарю васъ, вѣдь мнѣ бы только въ отставку бы поскорѣе уволиться, да пенсію получить и довольно, только бы пенсію».

Въ комиссіи одно дѣло тянетъ за собою другое. Вспомнили о Ренненкампфѣ — открылись страницы карательной экспедиціи 1905—6 годовъ, дошли до Протопопова — стали перещупывать всѣхъ бывшихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, до Штюрмера включительно.

На меня, кромѣ Бѣляевскаго дѣла и дѣла о Ренненкампфѣ, взваливаютъ разслѣдованіе провокаціи Азефа. Интересно все это, — и люди, и событія проходятъ передъ тобою съ исторической точки зрѣнія весьма значительныя, но для суда то ничего здѣсь нѣтъ, кромѣ трухи и живыхъ покойниковъ. Ну какъ судить за то, что уже много разъ покрыто всякими сроками давности или же было совершено людьми, дѣйствовавшими въ предѣлахъ и на основаніи существовавшаго тогда закона, хотя бы и противъ началъ современной демократіи. Судъ не расправа и въ качествѣ боевого органа дѣйствовать не можетъ, для этого существуютъ другія средства. Мы пытаемся поэтому на долю каждаго изъ нашихъ «кліентовъ» наскоблить хоть сколько-нибудь уголовщины, чтобы какъ-нибудь сохранить видимость законности и оправдать дѣйствія комиссіи по сажанію представителей стараго строя въ узилища.

По Бѣляевскому дѣлу вызываю свидѣтелей, къ нѣкоторымъ, теперешнимъ сановникамъ, — ѣзжу на квартиру самъ. Тутъ цѣлый калейдоскопъ лицъ, — всѣ они разныя по занимаемому соціальному и общественному положенію, молодые и старые, бодрые и изжившіе себя, царскіе генералы и сегодняшніе министры, — всѣ разные и въ то же время всѣ одинаковые въ одномъ — въ своемъ душевномъ настроеніи. Ни у кого изъ нихъ нѣтъ увѣренности въ сегодняшнемъ днѣ. Одни больше, другіе меньше, но всѣ чего то ждутъ, на завтрашній день смотрятъ съ опаскою, ни въ одномъ нѣтъ вѣры въ то, что уже кое-что достигнуто, на что то можно оперется.

Наиболѣе характеренъ въ этомъ отношеніе, незадолго до моей встрѣчи съ нимъ оставившій должность военнаго министра — Гучковъ.

Онъ мнѣ нуженъ, какъ главный свидѣтель по поднятому имъ въ свое время въ Государственной Думѣ вопросу о провалѣ Бѣляевымъ дѣла закупки у англичанъ ружей и пулеметовъ. Обвиненіе это дутое, данныхъ, его подкрѣпляющихъ, совершенно нѣтъ, но оставить его безъ формальнаго обслѣдованія невозможно.

У Гучкова на квартирѣ сталкиваюсь съ какими то господами — повидимому, иностранцами: «американскій сенаторъ Смитъ съ секретаремъ». Послѣ ихъ ухода около часа допрашиваю Гучкова, а затѣмъ задерживаюсь еще на нѣкоторое время у него въ кабинетѣ: говоримъ о злобахъ дня. Гучковъ совершенно растерянъ, по его мнѣнію гибель Россіи уже окончательно опредѣлилась, надѣяться больше не на что. Армія развалилась, а съ нею погибъ и государственный аппаратъ, создались вчера еще совершенно немыслимыя возможности, и Германія вотъ-вотъ проглотитъ Россію живьемъ. Кругомъ все плохо, и нѣтъ человѣка, который могъ бы сплотить вокругъ себя всѣхъ честныхъ людей и вдохнуть сознаніе долга въ тѣхъ, которые его утеряли. Въ разговорѣ, при перечисленіи факторовъ разложенія боевой мощи, много вниманія удѣляется соціалистамъ, но о большевикахъ еще не говорится, они пока еще quantité négligeable, не наступили еще іюньскіе дни, когда впервые съ очевидностью сказалась ихъ разрушающая работа.

Отъ Гучкова все по тому же дѣлу Бѣляева ѣду къ помощнику военнаго министра генералу Маниковскому. Этотъ весь проникнутъ одной вѣрой, одной надеждой: «спасенье въ Керенскомъ», — вотъ національный вождь, который сосредоточиваетъ на себѣ всю любовь, всю вѣру страны. «Если бы Вы знали,

какъ въ каждомъ словѣ этого человѣка чувствуется воля, желѣзная энергія, умъ и горячая любовь къ родинѣ. Пока онъ дѣйствуетъ, Россія еще не погибла».

Генералъ говоритъ такъ, какъ будто себя самого хочетъ убѣдить въ правотѣ своихъ мыслей. Чувствуется, что и здѣсь наболѣло, и тутъ ищутъ спасенія и придумываютъ героя, чтобы хоть на немъ то немного отдохнуть душою. Отъ такихъ разговоровъ внутри у самого себя остается какая то слякоть и въ головѣ сумбуръ. Невольно удивляешься, что есть еще чудаки, которые на насъ, представителей новой власти, смотрятъ съ боязнью и считаютъ за силу. Вотъ ужъ воистину: «для мыши сильнѣе кошки звѣря нѣтъ». Это, — помимо сидящихъ за рѣшеткою, — вызываемые для всякаго рода допросовъ и объясненій, бывшія «особы».

Первымъ номеромъ изъ нихъ идетъ князь Голицынъ — предсѣдатель совѣта министровъ въ дни февральскаго переворота. Добродушный русскій баринъ, старый рамоликъ, волей судебъ оказавшійся руководителемъ политики великой имперіи въ самый тяжелый переживаемый ею моментъ.

Когда я увидѣлъ его въ первый разъ въ комиссіи, то искренно удивился, неужели же у царя не было людей понадежнѣе этого присюсюкивающаго, волочащаго ноги подагрика. И внѣшнее впечатлѣніе вполнѣ оправдывается при слѣдующемъ болѣе близкомъ съ нимъ знакомствѣ: при допросахъ, какъ ни стараюсь я добиться отъ него хотя сколько-нибудь толковаго отвѣта о томъ, что дѣлалось въ послѣдніе дни передъ переворотомъ въ правительственныхъ кругахъ, о засѣданіяхъ совѣта министровъ, о роли, которую тогда игралъ Бѣляевъ, — все безплодно.

Голицынъ, о чемъ его ни спросишь, ничего не помнитъ, ничего не знаетъ. Одно желанье — поскорѣе и подальше отъ насъ удрать. Мучаюсь съ нимъ, мучаюсь, и потомъ, какъ то невольно, спрашиваю:

— «Простите, князь, за нескромный вопросъ, — но какъ это васъ, при вашемъ очевидномъ нежеланіи стоятъ во главѣ правительства, назначили на такой отвѣтственный постъ?»

— Голицынъ въ отвѣтъ недоумѣнно разводитъ руками и вдругъ неожиданно заявляетъ:

— «Представьте себѣ, я и самъ этого не понимаю. Я все время имѣлъ дѣло лишь съ императрицею Александрой Феодоровной, былъ ея помощникомъ по предсѣдательствованію въ комитетахъ. Однажды, мѣсяцевъ восемь тому назадъ, вызываютъ меня въ Александровскій дворецъ. Отправляюсь и думаю, что меня требуетъ императрица, но, оказывается, проводятъ меня не на ея половину, а въ пріемную государя. Удивляюсь и жду. Выходитъ царь и начинаетъ со мною разговоръ о создавшемся положеніи вещей въ нашей внутренней политикѣ, о своемъ отношеніи къ Государственной Думѣ, а потомъ вдругъ говоритъ:

«А я васъ, Александръ Николаевичъ вызвалъ вѣдь спеціально для совѣта, — мнѣ нуженъ энергичный и опытный предсѣдатель совѣта министровъ, — кого бы вы могли мнѣ на это мѣсто рекомендовать?»

— «Простите, ваше величество, отвѣчаю: но я стою отъ государственной дѣятельности далеко, близко съ современными общественными дѣятелями незнакомъ и указать на кого-либо изъ нихъ затрудняюсь».

— Вижу, — государь въ отвѣтъ усмѣхается: — «а я, именно, васъ то и хочу просить принять это назначеніе!»

Тутъ я совсѣмъ уже растерялся. «Какъ», говорю: «меня, ваше величество, — да я же совсѣмъ ужъ не въ состояніи исполнить такихъ сложныхъ и отвѣт

ственныхъ обязанностей, которыя возлагаются на предсѣдателя совѣта министровъ. — Увольте, ваше величество, готовъ я вамъ служить всею правдою, какъ раньше служилъ, но только не на такомъ посту: нѣтъ у меня ни опыта, необходимаго для этой дѣятельности, нѣтъ и подходящихъ помощниковъ, — да и способности у меня уже не тѣ — старъ я, ваше величество, не справлюсь съ такою работой».

Долго мы потомъ еще бесѣдовали, отговаривалъ я, отговаривалъ царя, — вижу онъ задумался. «Ну, что же съ вами подѣлаешь», — говоритъ въ концѣ концовъ: «Я не хочу васъ принуждать, а просьбы мои безсильны, — помогайте попрежнему императрицѣ, — она васъ очень цѣнитъ, а я подумаю о назначеніи другого лица на должность предсѣдателя совѣта».

Откланялся я обрадованный, — вотъ думаю, — гора съ плечъ свалилась, — а черезъ два дня послѣ этого получаю именной указъ о назначеніи меня предсѣдателемъ совѣта министровъ. И откровенно вамъ говорю, тяготила меня эта должность ужасно, только и мечталъ о томъ, какъ бы съ нею разстаться, а тутъ вотъ революція, и я какъ куръ во щи попалъ».

Голицына послѣ этого нашего свиданія съ нимъ я уже не вызывалъ, и онъ скрылся съ моего горизонта.

За Голицынымъ на слѣдствіи появляются и другія характерныя фигуры. Вотъ Бѣлецкій, бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, а до этого директоръ департамента полиціи. Это человѣкъ, выслужившійся изъ писарей, прошедшій «огонь, воду и мѣдныя трубы»; за чрезвычайное усердіе, умѣнье быть «на всѣ руки», за талантливость въ исполненіи всякихъ, порою весьма и весьма щекотливыхъ начальственныхъ порученій, извлеченный изъ нѣдръ небытія и сопричтенный къ петроградскому чиновному Олимпу. Здѣсь на его долю, между прочимъ, выпала обязанность охаживать Распутина. Бѣлецкій, попавъ при переворотѣ за рѣшетку, рѣшилъ, что спастись онъ можетъ только полной откровенностью, не щадя въ своихъ показаніяхъ ни себя, ни другихъ, — и въ этой откровенности онъ дошелъ до виртуозности.

Допрашивать его я ѣзжу въ Петропавловку. Бѣлецкій — плотный, бородатый, высокаго роста и семинарскаго облика мужчина. Когда его выводятъ для допроса, онъ, повидимому, уже заранѣе подготовленъ изображать кающуюся грѣшницу. Объ этомъ говорятъ и смиренный тонъ его, и стараніе предупредить каждый вопросъ, и полное «распоясываніе», да еще такое, что даже не вѣрится въ правдивость всего того, что онъ съ такою готовностью выкладываетъ. Бѣлецкій разсказываетъ, между прочимъ, какъ они вмѣстѣ съ Хвостовымъ старались забрать Распутина въ свои руки, какъ съ этой цѣлью спаивали его, сводили съ дѣвицами и дамами, какъ Распутинъ и монахъ Мардарій учиняли дебоши и сколько на это ухлопывалось казенныхъ денегъ «изъ негласныхъ суммъ».

Показанія Бѣлецкаго — это фельетонъ для «Петербургской газеты». Тутъ и генералы, и тибетскіе врачи, обдѣлывающіе черезъ Распутина темныя дѣлишки, получающіе разныя концессіи, аренды, назначенія. Тутъ и дамы свѣта, идущія на все, чтобы вывести въ люди своихъ мужей и любовниковъ, тутъ и суевѣрная, психически больная царица, съ которой Гришка выкидываетъ разныя «колѣна». За нею безвольный, недалекій царь, а вокругъ раболѣпствующія и ползающія на карачкахъ передъ пьянымъ, себѣ на умѣ, мужикомъ «особы».

Роль Бѣлецкаго среди этого хоровода, центральной фигурой которой былъ Распутинъ, довольно таки непривлекательная. Онъ и сводникъ, онъ и устроитель

«афинскихъ» вечеровъ, онъ же и хищникъ, прикарманивающій добрую часть суммъ, брошенныхъ на развлеченія царскаго молитвенника. И это тотъ самый Бѣлецкій, который въ своей семейной жизни извѣстенъ, какъ примѣрный мужъ, заботливый воспитатель принятой имъ въ качествѣ дочери сиротки, добрый, религіозный и скромный въ домашнемъ обиходѣ человѣкъ.

При дальнѣйшемъ ходѣ судебнаго слѣдствія, кромѣ Бѣлецкаго, сталкиваюсь и съ другими дѣятелями департамента полиціи — генералами Климовичемъ, Спиридовичемъ и Герасимовымъ. Послѣдній, — бывшій начальникъ Петроградской охранки — травленный волкъ, ко всякому предлагаемому ему вопросу подходитъ осторожно, обнюхиваетъ его со всѣхъ сторонъ и отвѣчаетъ на все такъ, чтобы за него то лично нельзя было зацѣпиться. Служилъ, ловилъ, сажалъ, — вотъ и все, а кого какъ, за что, имѣлъ ли на это право, — это все погребено въ прошломъ, — нѣтъ слѣдовъ и отвѣтственности...

Два первыхъ — совсѣмъ изъ другого тѣста. Спиридовичъ вѣдалъ дворцовой охраной и Климовичъ былъ московскимъ градоначальникомъ, а затѣмъ директоромъ департамента полиціи. Эти оба хлыщеваты, оба любятъ много говорить на высокія темы, имѣютъ связи, чему обязаны своей карьерой. Спиридовичъ старается показать, что жандармская служба для него была — печальная необходимость, а въ сущности онъ лишь пользовался ею, занимаясь историческими изысканіями и составляя по жандармскимъ архивнымъ документамъ исторію революціоннаго движенія въ Россіи. Климовичъ бьетъ на свои общественныя заслуги и постоянное стремленіе идти навстрѣчу передовымъ идеямъ, — за это, де, его любили въ Москвѣ и баловали въ Петербургѣ. Въ общемъ, оба эти господина стараются поддѣлаться подъ тонъ времени и на задаваемые имъ вопросы о спеціальныхъ методахъ охранки, оскорбленно поводятъ плечами: — «Что Вы, за кого Вы насъ принимаете, да мы всегда были и есть либералы, а служба для насъ была лишь форма и непріятная необходимость». И смѣшно съ ними, и досадно: неужели же они насъ разсчитываютъ обойти такими дѣтскими пріемами, увернуться отъ необходимости просто отвѣчать тамъ, гдѣ цѣна жандармскому «утиранію слезъ невинныхъ» извѣстна каждому по личному опыту. Невольно самъ сбиваешься съ безпристрастія и начинаешь на нихъ смотрѣть непріязненно.

Совсѣмъ иное чувство вызываетъ другое колоритное лицо изъ галлереи царскихъ генераловъ, но взятое уже не изъ чиновныхъ, придворныхъ или жандармскихъ сферъ, а непосредственно изъ арміи — это Ренненкампфъ. Надо было только вспомнить, что представлялъ собою онъ въ прошломъ, чтобы ахнуть отъ того вида, въ какомъ я его засталъ въ майскіе дни въ крѣпостной тюрьмѣ.

Ренненкампфъ прошлаго, — генералъ на бѣломъ конѣ, выкидывающій фокусы въ китайскую кампанію, забирающій съ сотнею казаковъ беззащитные китайскіе города, добывая себѣ награды великолѣпными реляціями о мнимыхъ побѣдахъ, потомъ менѣе уже удачливый командиръ конницы въ японскую войну, затѣмъ, въ 1905-6 годахъ покрывшій себя громкою славой, свирѣпый усмиритель революціонеровъ. Ренненкампфъ, — бравый, усатый, съ орлинымъ взоромъ и львинымъ рыкомъ воевода, который въ мирное время, будучи командующимъ войсками, повергалъ въ трепетъ все ему подначальное, доводилъ до обморока командировъ полковъ, заставлялъ на маневрахъ войска побивать сверхъестественные рекорды скорости переходовъ, загоняя людей и въ зной, и въ вьюгу до полу-смерти, чтобы только показатъ «на что способенъ русскій солдатъ». Ренненкампфъ, который въ первые дни войны поклялся на мечѣ, что онъ отрубитъ

себѣ руку, если не возьметъ Берлина, и который такъ безславно осрамился какъ вождь, когда ему пришлось встрѣтиться съ нѣмцами носъ къ носу. Глупый, бездарный, но крикливый, шумливый и лично безспорно храбрый, — онъ и потомъ, когда его уже оставили отъ командованія арміей, сохранилъ за собою репутацію, хотя и ощипаннаго, а все же «орла», который, можетъ быть и съ дуру, лѣзетъ только впередъ, расшибаетъ себѣ голову, но не теряетъ отваги.

И вотъ я встрѣчаюсь съ нимъ, этимъ грознымъ, безпощаднымъ рубакой. Въ штатскомъ костюмчикѣ, изъ пиджака котораго выглядываетъ завязанная бичевкой арестантская рубаха, въ арестантскихъ туфляхъ, ко мнѣ, робко кланяясь и шаркая ножкой, подходитъ бородатый, обросшій по глаза щетиною, низенькій, приземистый, полусѣдой человѣчекъ. Ушедшіе куда то въ щелку глаза его смотрятъ боязливо и вопросительно.

— «Вы генералъ Ренненкампфъ?», спрашиваю я.

— «Такъ точно, господинъ», — мнется онъ, не зная, какъ меня именовать: — «я — Ренненкампфъ».

Когда онъ узнаетъ, что я изъ Верховной комиссіи и пріѣхалъ для его допроса, онъ начинаетъ подавленнымъ голосомъ, чуть ли не шопотомъ, бормотать: — «Я не имѣю никакого отношенія къ политикѣ, господинъ слѣдователь, — я былъ уже въ отставкѣ и не служилъ, когда меня арестовывали».

— «Хорошо», перебиваю я его: — «мнѣ надо съ вами поговорить по поводу вашихъ дѣйствій въ Восточной Пруссіи, вы обвиняетесь въ томъ, что вы и чины вашего штаба незаконно присвоили себѣ большое количество захваченнаго въ Пруссіи имущества частныхъ жителей и вывезли это имущество въ Россію».

Ренненкампфъ сначала ничего не отвѣчаетъ. Я слышу лишь два три придушенныхъ рыданія. Потомъ онъ, не обращая вниманія на оставшагося сзади часового, хватаетъ меня за руку, и я едва успѣваю ее выдернуть — мнѣ кажется, что онъ хочетъ ее поцѣловать.

— «Помилуйте», слышится среди всхлипываній, «это все происки враговъ, я знаю, что во многомъ меня теперь можно обвинять, но я не воръ».

Проходитъ довольно много времени, пока онъ успокаивается и наступаетъ возможность говорить съ нимъ по его дѣлу. Дѣло это не хитрое, факты на лицо: сукна и матеріи изъ разграбленныхъ нѣмецкихъ магазиновъ, піанино, граммофоны и разные бюргерскіе бебехи, сервизы и другія цѣнныя вещи изъ прусскихъ офицерскихъ собраній и ферейновъ забирались широкой рукой и вывозились домой обозами. Но всѣ эти обвиненія касаются самого Ренненкампфа только краемъ: лично онъ взялъ себѣ на память какой-то дешевенькій альбомъ съ карточками Вильгельма и его присныхъ, одно-два старинныхъ ружья, такое же знамя, — но вообще, не имѣющую никакой особой цѣны ерунду. За то его адъютанты В. и Г., — тѣ охулки на руку не положили, брали все, что плохо лежало, и везли себѣ домой цѣлыя приданыя, до женскихъ юбокъ включительно.

При допросѣ, показаніями Ренненкампфа закрѣпляется лишь то, что было извѣстно уже давно, — это его попустительство, пожалуй, даже покровительство своимъ любимцамъ, которыхъ онъ, какъ будто нарочно, бралъ съ бору да съ сосенки, руководствуясь въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ, кажется, только двумя требованіями: чтобы во время чуть-ли не ежедневныхъ попоекъ они не отставали отъ своего шефа и безропотно переносили бы генеральскіе капризы и вѣчную генеральскую ругань.

Въ результатѣ допроса Ренненкампфа составляю постановленіе о привлеченіи В. и Г. къ отвѣтственности. Пока же допросъ Ренненкампфа прерываю: о

его «подвигахъ» во время карательной экспедиціи въ Сибири слѣдствіе производитъ прокуроръ иркутской судебной палаты, а боевыя дѣйствія Ренненкампфа въ качествѣ командующаго арміей комиссію не интересуютъ, — она ищетъ лишь гражданскихъ мотивовъ.

Уѣзжая изъ крѣпости около трехъ часовъ дня, просидѣвъ тамъ часа четыре, я вспоминаю, что въ свое время не сдѣлалъ перерыва въ допросѣ и можетъ быть этимъ заставилъ человѣка пропустить свой арестантскій обѣдъ. Обращаюсь къ Ренненкампфу:

— «Вы обѣдали?»

— «Никакъ нѣтъ — да это ничего-съ, мнѣ даже полезно поголодать. Пожалуйста, не безпокойтесь, до завтра потерплю».

— «Какъ до завтра, да развѣ Вамъ не дадутъ сегодня ѣсть?»

— «Нѣтъ-съ, насъ одинъ разъ въ день кормятъ, разъ пропустилъ, то ужъ больше не дадутъ».

— «Отчего же Вы мнѣ раньше ничего не сказали, я же могъ бы на полчаса, на часъ Васъ освободить отъ допроса?»

Конфузится и, потупивъ глаза, шепчетъ:

— «Не посмѣлъ-съ» . . .

И это Ренненкампфъ!

За спиною нашихъ кліентовъ, въ видѣ ихъ ангеловъ хранителей, появляются новыя фигуры. Это, во первыхъ, ихъ родственницы — жены, сестры, и дочери. У каждаго, или почти у каждаго, не только уже сидящаго за рѣшеткой, но и боящагося туда угодить, имѣется своя предстательница. Всѣ онѣ день деньской толкутся въ коридорахъ, выжидаютъ пока въ кабинетѣ не окажется никого изъ постороннихъ и тутъ уже налетаютъ.

На мою долю выпадаетъ горькая участь противостоять натиску сразу четырехъ дамъ. Онѣ ведутъ на меня аттаки и всѣмъ фронтомъ, и въ разсыпную. И, надо отдать имъ справедливость, умѣло ведутъ и кое-чего добиваются. Такъ, напримѣръ, мои жандармскіе генералы только благодаря имъ не попадаютъ туда, гдѣ «скрежетъ зубовный» и солдатское рукоприкладство. Правда, что тутъ не безъ дипломатическихъ пріемовъ и со стороны тѣхъ изъ насъ — членовъ комиссіи, — кто не сочувствуетъ стремленію создавать преступниковъ. Пріемы эти сводятся къ тому, чтобы какъ-нибудь сколотить въ президіумѣ большинство, которое, удовлетворившись «китами», хотя бы мелкую то рыбешку не забирало въ свои невода. А для этого необходимо преодолѣть одно препятствіе, — это сбить съ позиціи Муравьева и заставить его поменьше запугивать комиссію отвѣтственностью «передъ революціей и народомъ». Вотъ дамамъ и даешь инструкціи, какъ вѣрнѣе обойти гражданина-выразителя революціонной совѣсти. Онѣ его день уламываютъ, два, ну, а тамъ, смотришь, — адвокатское сердце въ отношеніи дамскихъ моленій тоже вѣдь не камень, — и получается отвѣтъ: «Дѣло вашего мужа у кого находится? — у NN, ну такъ, если NN найдетъ возможнымъ, пока вашего мужа не арестовывать, то я возражать не буду». Цѣль достигается, и однимъ сидѣльцемъ въ крѣпости становится меньше.

Но продѣлывать это можно только въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства дѣла позволяютъ идти навстрѣчу такимъ просьбамъ. Хуже дѣло обстоитъ,

когда и сдѣлать ничего нельзя, а передъ тобою цѣлыми днями скорбная фигура маячитъ. Бываютъ, впрочемъ, и такія молитвенницы, которыя ведутъ себя куда бойчѣе. У Ренненкампфа, напримѣръ, объявляется жена, — та просто требуетъ:

— «Освободите мужа, знать я не хочу вашихъ къ нему придирокъ. Его вся Европа знаетъ, Франція за свое спасеніе ему почетную саблю прислала, а тутъ на-те, вдругъ, тюрьма. Вы съ этой тюрьмой поосторожнѣе будьте, смотрите, какъ бы самимъ туда не угодить, когда большевики одолѣютъ».

Тогда еще можно было на это усмѣхаться, а черезъ 2 мѣсяца слова эти оказались пророческими.

Съ госпожей Ренненкампфъ я въ послѣдній разъ вижусь уже послѣ большевистскаго переворота — въ первыхъ числахъ ноября. Какими-то судьбами она въ это время встрѣчаетъ меня на одной частной квартирѣ и проситъ дать ордеръ въ тюрьму объ освобожденіи Ренненкампфа и выдачѣ его ей на поруки. Тюрьма эта, на Казачьемъ плацу, куда я раньше еще перевелъ Ренненкампфа — была уже, какъ и все въ Петроградѣ, во власти большевиковъ. Желѣзнодорожные поѣзда повсемѣстно почти не ходили, всюду шли грабежи и убійства, все стояло въ полномъ хаосѣ. Наши предписанія и распоряженія въ новыхъ условіяхъ, конечно, гроша ломаннаго не стоили, однако, получивши ордеръ, боевая дама сумѣла не только выцарапать своего мужа отъ большевиковъ, но и увезла его въ Таганрогъ, гдѣ у нея былъ родственникъ греческій консулъ. Какъ ей это удалось, я до сихъ поръ постичь не могу, могу лишь сказать, что такая бой-баба куда больше напоминала во всѣхъ своихъ операціяхъ неустрашимаго полководца, чѣмъ ея полинявшій супругъ.

Появленіе въ комиссіи заступниковъ изъ числа родственниковъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности лицъ, — оказывается явленіемъ не только неизбѣжнымъ, но, пожалуй, даже и полезнымъ. Только они, эти стонущіе, ноющіе, жалующіеся и навязчивые ходатаи за своихъ близкихъ, заставляютъ нѣкоторыхъ изъ насъ невольно оглядываться и отказываться, въ нѣкоторыхъ хотя бы случаяхъ, отъ роли выражателя «народнаго гнѣва».

Но вотъ, помимо этихъ серафимовъ, старающихся слезами разжалобить грозныхъ судей, въ роли непрошенныхъ адвокатовъ выступаютъ и настоящіе ужъ архангелы, которые, соотвѣтственно ихъ положенію, уже не просятъ, а приказываютъ и чуть-ли не силою уволакиваютъ отъ насъ нашихъ жертвъ, когда это имъ только вздумается. Съ такими своеобразными заступниками мнѣ приходится столкнуться впервые по дѣлу уже упомянутаго адъютанта Ренненкампфа, ротмистра В.

Этого В. я вызываю телеграммой съ фронта, гдѣ онъ въ это время служитъ интендантомъ одного изъ корпусовъ дѣйствующей арміи. В. является по вызову, но, когда послѣ допроса, я объявляю ему, что вынужденъ его немедленно арестовать, онъ выпрашиваетъ у меня подъ свое честное слово разрѣшеніе уѣхать на 3 дня обратно, чтобы ликвидировать свои служебныя и личныя дѣла, а потомъ уже вернуться. Когда условленные сроки проходятъ, В. не является. Я шлю командиру корпуса телеграмму за телеграммой, чтобъ В. мнѣ доставили, — отвѣта нѣтъ. Какъ-то въ эти дни дежурный курьеръ докладываетъ, что къ намъ во дворецъ явилась военная делегація и требуетъ, чтобы ее допустили ко мнѣ.

— «Какая делегація?»

— «Съ фронта».

— «Просите».

Входятъ четыре человѣка, — одинъ изъ нихъ зауряд-военный чиновникъ, на видъ нѣсколько поинтеллигентнѣе, остальные военные писаря или что-то въ этомъ родѣ.

— «Это вы», — спрашиваютъ, «вызывали ротмистра В. и намѣрены его арестовать?»

— «Я», — отвѣчаю, «а вы кто такіе и что вамъ угодно?»

— «Мы представители корпуснаго Комитета, спеціально посланы къ вамъ, чтобы, во-первыхъ, спросить васъ, на какомъ основаніи вы посмѣли отдать распоряженія объ арестѣ В., котораго мы считаемъ за порядочнаго и честнаго человѣка, а, во-вторыхъ, чтобы заявить вамъ, что власть — это мы, а не вы, и что состоялось уже постановленіе нашего комитета В. не выдавать, и оставить его при исполненіи служебныхъ обязанностей».

«Хорошо», — говорю, «дѣлайте свое дѣло, а я буду дѣлать свое, и черезъ штабъ главнокомандующаго добьюсь, чтобы В. исполнилъ свое обязательство сюда явиться».

Тутъ вылѣзаетъ впередъ одинъ изъ делегатовъ и напираетъ на меня прямо съ кулаками.

— «Вы насъ, гражданинъ, не очень-то пугайте вашимъ главнокомандующимъ, для насъ главнокомандующій не указъ, и какъ было нами постановлено, такъ оно и будетъ».

Вижу, что съ этими архаровцами не сговориться и стараюсь ихъ поскорѣе сплавить. Каждая сторона остается при своемъ рѣшеніи, и они уходятъ. Черезъ нѣсколько минутъ прилетаетъ ко мнѣ одинъ членъ президіума, за нимъ другой, — появляется, наконецъ, самъ Муравьевъ. Лица у нихъ перепуганныя.

— «Голубчикъ, тутъ у васъ делегація съ фронта была, что у васъ съ нею произошло?»

Объясняю, въ чемъ дѣло.

— «Ахъ, вы сами знаете, что теперь такое время, когда нельзя дразнить звѣря, — съ солдатами намъ вѣдь все равно не сговориться, — оставьте вы вашего В. въ покоѣ».

— «Позвольте», возмущаюсь я, — «да вѣдь В. почти съ поличнымъ пойманъ, онъ хроническій воръ, и за него-то, главнымъ образомъ, и Ренненкампфъ, и другія тамъ лица къ отвѣтственности привлечены».

— «Все равно», возражаютъ, «однимъ В. больше, однимъ меньше, всѣхъ воровъ не переловишь, а непріятности наживешь».

Вотъ тебѣ и суровые стражи революціоннаго правосудія. Кончается дѣло тѣмъ, что президіумъ даетъ мнѣ оффиціальное предписаніе оставить В. на свободѣ и слѣдствіе продолжать производить въ его отсутствіи.

Куда тише и безъ всякихъ уже привходящихъ инцидентовъ проходятъ мервыя дѣла, давно уже завядшія и теперь снова вынырнувшія на свѣтъ Божій. Такихъ дѣлъ нѣсколько, но главныя изъ нихъ — это о провокаціи Азефа и дѣло о Малиновскомъ, — томъ самомъ Малиновскомъ, который большевиками былъ проведенъ въ члены Государственной Думы и впослѣдствіи оказался агентомъ охраннаго отдѣленія.

Самого Малиновскаго, кажется, нѣтъ уже въ живыхъ, или онъ гдѣ-то скрывается, но главные свидѣтели здѣсь въ Петроградѣ на лицо. Эти свидѣтели — Ленинъ и Зиновьевъ. Малиновскій прошелъ въ Думу именно отъ той группы соціалистовъ, которую они тогда возглавляли. Слѣдствіе по этому дѣлу производитъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, Александровъ.

Когда онъ допрашивалъ Ленина, у насъ въ комиссіи переполохъ. Всѣ стремятся посмотрѣть на продавца Россіи и хоть вслѣдъ ему плюнуть: на бо́льшее пороху ни у кого не хватаетъ, да и Ленинъ-то пока еще многимъ изъ насъ кажется всего лишь клоуномъ отъ революціи — Пуришкевичемъ на вывороть.

На допросѣ Ленинъ и Зиновьевъ ведутъ себя совершенно различно. Послѣдній — рыжеватый, плотный мужчина, не старый, но уже съ потрепанной пухнущей физіономіей, — и по манерамъ, и по костюму не то частный повѣренный изъ плохенькихъ, не то коммивояжеръ по галантерейной части.

Онъ намѣренъ, кажется, свое посѣщеніе комиссіи превратить въ нѣкоторую демонстрацію наглости: меня, молъ, сюда никто не тащилъ, а я самъ по дорогѣ заѣхалъ посмотрѣть, какую вы тутъ комедію разрыгрываете. Голова у него задрана къ верху — развалился въ креслѣ, куритъ, на предлагаемые ему вопросы отвѣчаетъ нехотя, а то и вовсе не отвѣчаетъ, и съ мѣста же сцѣпляется съ Александровымъ изъ-за своей фамиліи:

— «Я вамъ не Апфельбаумъ, а былъ, есть и буду Зиновьевъ, — такимъ меня знаютъ и въ партіи, и въ печати, и не вамъ это передѣлывать».

Допросъ его продолжается недолго, — онъ изображаетъ въ своей партіи вторую скрипку — и весь интересъ слѣдователя сосредоточивается на Ленинѣ.

Здѣсь получается уже совсѣмъ другая картина. Ленинъ на допросѣ оказывается не только приличнымъ, но и крайне скромнымъ. Положимъ, по сравненію съ Зиновьевымъ, его роль на слѣдствіи очень невыгодная. Ленинъ здѣсь, если не обвиняемый, то наиболѣе отвѣтственное лицо, — глава партіи, который лично намѣтилъ отвѣтственнаго представителя отъ своей группы въ законодательное собраніе, чтобы оттуда «черезъ головы капиталистическихъ прихвостней говорить съ народомъ», а тамъ получился этакій скандалъ.

И Ленинъ оправдывается. Онъ приводитъ данныя, излагаетъ свои соображенія, которыя объясняютъ, почему онъ довѣрялъ, не могъ не довѣрять Малиновскому и, — въ душу человѣческую вѣдь не влѣзешь, — но у насъ, присутствовавшихъ при этомъ допросѣ, складывается впечатлѣніе, что, пожалуй, по этому-то дѣлу Ленинъ душой не кривитъ, когда отрицаетъ всякое свое знакомство съ русской охранкой.

Страннымъ кажется только одно, почему Ленинъ, повидимому, такъ волнуется и хочетъ отбросить всякіе намеки, заподазривающіе его въ политичесвой безчестности и продажности въ то время, когда исторія съ запломбированнымъ вагономъ и германскими деньгами, заплаченными за грядущій Брестъ-Литовскій миръ, становится секретомъ полишинеля. Не все ли равно, отъ кого были получены имъ тридцать серебрянниковъ?

У насъ въ комиссіи, во второмъ этажѣ дворца, какъ разъ у поворота съ лѣстницы въ коридоръ, помѣщается караулъ — человѣкъ въ 15 преобра-

женцевъ. Это наиболѣе надежный полкъ и солдаты въ караулъ подбираются исключительно изъ бравыхъ молодцовъ призывного возраста; — распущенныхъ, обнаглѣвшихъ запасныхъ бородачей среди нихъ совершенно не видно. Однако, несмотря на такой, повидимому, спеціальный составъ, и на нихъ лежитъ отсвѣтъ событій: лѣниво и неохотно бормочутъ они что-то сквозь зубы, когда пытаешься съ ними заговорить, — рѣдко, рѣдко кто изъ нихъ приподымается со стула во время этого разговора и развѣ не такъ ужъ нахально пускаютъ они своимъ собесѣдникамъ-буржуямъ клубы табачнаго дыма въ физіономію, да не отплевываются спеціально такимъ манеромъ, чтобы «нечаянно» попасть тебѣ на платье, — вотъ, пожалуй, и вся ихъ особенность, отличающая отъ собратій, лущащихъ въ это время сѣмячки на Невскомъ. Впрочемъ, это тоже вѣдь чего-нибудь да стоитъ — такой самоотверженный отказъ отъ шелушенія во дворцѣ демократическаго продукта, и отъ возможности выражать «подсолнечнымъ» путемъ свою самостоятельность и независимый образъ мыслей. Тутъ уже, на измѣну, хотя и временную, революціонной модѣ смахиваетъ. Зато и ухаживаютъ же за этими «продажными душами» у насъ въ комиссіи, — Господи Боже Ты мой, — и откуда только «спеціальныя» суммы берутся на ихъ подкармливаніе. Только и видишь, какъ наша стража что-то жуетъ, пьетъ спиртъ и храпомъ своимъ наполняетъ всѣ щели дворца. И такъ деньденьской, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, пока не наступаютъ зловѣщіе октябрьскіе дни.

Уже въ началѣ октября вмѣсто преображенцевъ въ нашъ караулъ начинаютъ присылать юнкеровъ. Это все цвѣтущая, жизнерадостная молодежь, такая же наивная и такая же бодрая, какою она была и до смутныхъ дней. Когда проходишь мимо, невольно пріостанавливаешься, чтобы перекинуться съ ними хоть нѣсколькими словами и всегда уносишь съ собою улыбку, которую навѣваютъ ихъ жизнерадостность и это бурное выраженіе негодованія, съ которымъ они разсказываютъ о попыткахъ залить и ихъ души ядомъ разложенія. Вотъ эти не выдадутъ и не промѣняютъ своего первородства на чечевичную похлебку!

А событія, между тѣмъ, надвигаются вплотную и, хотя рѣзко подчеркнутые факты, свидѣтельствующіе о достиженіяхъ большевистской агитаціи, еще не выявились, — но Керенщина то, ясно уже для всѣхъ, — обречена на сломъ, объ этомъ чирикаютъ всѣ воробьи на крышахъ, и каждый уже знаетъ, что сегодняшняго дня намъ на завтра не хватитъ и что неотразимое и еще болѣе худшее, чѣмъ нынѣшнее, должно навалиться на насъ впереди. Оно и наступаетъ, это худшее, и хотя мы его съ замираніемъ сердца ждемъ уже давно, но оно все-таки кажется намъ свалившимся не изъ той тучи — и поражаетъ своею неожиданностью и быстротою развязки.

Двадцатыя числа октября. Большевистскія рожки и копыта начинаютъ высовываться изъ-за кулисъ. Уже слышатся ихъ опредѣленныя угрозы и обѣщанія, все разнести. И въ первую очередь начинаетъ трещать нашъ Зимній дворецъ — цидатель Временнаго Правительства. Въ связи съ грозящей опасностью, караулъ въ нашей комиссіи увеличивается тогда втрое, — юнкеровъ снабжаютъ боевыми патронами и предупреждаютъ быть на чеку. Передъ самыми окнами дворца начинается передвиженіе войскъ: дефилируетъ женскій баталіонъ, небольшіе конные отряды казаковъ, громыхаютъ орудія. Въ проходахъ дворцоваго зданія, на канавкахъ, припрятывается нѣсколько пушекъ и пулеметовъ, — на Дворцовой Площади сведены чуть ли не всѣ юнкерскія училища. Большевики уже не скрываютъ своей игры, — на ихъ сторонѣ запасные баталіоны Павловскаго и Волын-

скаго полковъ, пулеметчики, разныя нестроевыя команды и значительная часть вооружившихся до зубовъ рабочихъ, — развязка близка.

Я живу въ «гостинницѣ Арміи и флота». Она биткомъ, сверху до низу, набита съѣхавшимися съ фронта офицерами. Также много, если только не больше, напихано ихъ въ громадной «Асторіи», «Франціи», «Бристолѣ» и разныхъ офицерскихъ общежитіяхъ. На всю эту массу свѣжихъ людей наша петроградская безтолковщина производитъ гнетущее впечатлѣніе. На фронтѣ, хоть и очень плохо, но все же не такъ, какъ здѣсь, да и менѣе тамъ замѣтно это полное отсутствіе власти и безнаказанность попытокъ живьемъ захватить Временное Правительство. Въ моей гостинницѣ офицеры собираются группами, суетятся и не знаютъ, куда имъ приткнуться.

Оружія, кромѣ шашекъ и револьверовъ, у нихъ нѣтъ, распоряженій со стороны военнаго начальства о томъ, чтобы куда-нибудь явиться, сорганизоваться, никакихъ не получается, и приходится ждать, какъ стаду барановъ, чтобы съ нихъ не только шерсть, но какъ бы и шкуру не спустили. Отдѣльные офицеры и цѣлыя ихъ группы обращаются и ко мнѣ: «Укажите же, что намъ дѣлать, снеситесь съ кѣмъ тамъ надо, сообщите правительству, что насъ много, что мы всѣ готовы по первому требованію выступить противъ зачинщиковъ безпорядка, пусть насъ только къ этому призовутъ». Я самъ вижу, что не использовать эту силу преступно, и пробую изловить кого-либо изъ военныхъ отвѣтственныхъ начальниковъ, чтобы отъ нихъ добиться хоть какого-нибудь толка и получить указанія, какъ поступить. Но на военныхъ верхахъ царитъ полнѣйшій хаосъ. Верховскаго только-что убрали изъ военныхъ министровъ, его помощникъ князь Тумановъ отказался занять этотъ постъ. Александръ Федоровичъ, конечно, занятъ «высшею» политикой, — во главѣ военнаго округа оказался никому не вѣдомый и таинственно гдѣ-то прячущійся какой-то полковникъ Полковниковъ, — фронтъ же, то-есть верховный главнокомандующій, никакого отношенія къ тылу не имѣетъ, да и находится слишкомъ далеко, чтобы вмѣшиваться въ дѣло охраны столицы. Вотъ тутъ и ищи «вождей».

Тумановъ мой близкій знакомый, человѣкъ онъ чуткій, болѣзненно все переживающій, но по своей честности не желающій взваливать на себя бремя фиктивной власти и быть министромъ въ такое время, когда всякому старанію наладить хотя какой-нибудь порядокъ въ тылу кладется предѣлъ окриками со стороны разныхъ «Совѣтовъ». Я ловлю его и упрашиваю взять дѣло организаціи обороны въ свои руки. Онъ отмахивается отъ меня и страдальческимъ голосомъ выкрикиваетъ: «Не могу, не въ силахъ, этого сдѣлать, Керенскій передалъ дѣло охраны Петрограда всецѣло въ руки штаба округа, а тамъ сидятъ, если не предатели, то идіоты. Я уже десятокъ разъ и лично, и по телефону говорилъ съ командующимъ войсками и съ начальникомъ штаба округа, а они все время отвѣчаютъ, что безпокоиться нечего, что всѣ предупредительныя мѣры приняты и порядокъ въ городѣ нарушенъ не будетъ. Вотъ, хотите, буду при Васъ еще разъ имъ телефонировать?!» Онъ подходитъ къ военному телефону и сообщается съ начальникомъ штаба округа. Я слышу ого отрывочныя фразы: «Офицеры, находящіеся въ Петроградѣ, могутъ быть собраны и сведены въ боевыя единицы, время еще не ушло, — отдайте лишь приказъ, гдѣ и когда имъ собраться и въ чье распоряженіе поступить». — «Почему не можете? Кто приказалъ, — Керенскій?». — «Вы увѣрены?» — «Хорошо, подождемъ до завтра». Затѣмъ онъ возвращается ко мнѣ: «въ Штабѣ округа твердятъ лишь одно — опасности никакой нѣтъ, и Керенскій приказалъ не

муссировать будто бы пустыхъ слуховъ и не повышать и безъ того безпокойнаго состоянія мирныхъ жителей, почему и офицеровъ призывать, по его мнѣнію, нѣтъ никакой надобности, а если бы и понадобилось, то ихъ всегда успѣютъ собрать и использовать. — Во всякомъ случаѣ, командующій войсками настаиваетъ на томъ, что охрана столицы поручена ему и проситъ въ это дѣло никого не вмѣшиваться. — Видите, я безсиленъ что-либо сдѣлать».

Идти мнѣ дальше некуда, возвращаюсь обратно въ гостинницу, сообщаю офицерамъ о результатахъ переговоровъ, на лицахъ большинства вижу недовѣріе и ироническія улыбки, многіе безнадежно машутъ руками и уходятъ по своимъ номерамъ. Въ городѣ пока все тихо, — можетъ быть, дѣйствительно наши страхи преждевременны и время спасти положеніе еще не упущено.

Утромъ 25 октября мнѣ, какъ обыкновенно, подаютъ къ гостинницѣ экипажъ, — ѣду во дворецъ съ предчувствіемъ чего то сквернаго, но предвѣстниковъ близкаго грядущаго опять таки никакихъ не замѣчаю, — на улицахъ все буднично и обыкновенно: привычная глазу толпа на Невскомъ, тѣ же спѣшащіе на службу чиновники и «барышни», та же дѣловая или фланирующая публика; по всегдашнему ходятъ переполненные трамвайные вагоны, торгуютъ магазины, переругиваются между собою извозчики, давятъ прохожихъ ломовики, гдѣ-то перезваниваютъ колокола, и нигдѣ не обнаруживается пока никакого скопленія войскъ или вообще вооруженныхъ отрядовъ, нигдѣ въ свѣжемъ морозномъ воздухѣ еще не пахнетъ порохомъ. Только уже у самаго дворца замѣтно необычное шевеленіе: на дворцовой площади передвигаются съ мѣста на мѣсто, строятся и вновь расходятся не особенно многочисленныя воинскія части. Это правительственныя войска. Ихъ по сравненію со вчерашнимъ днемъ какъ будто убыло, — потомъ уже я узнаю, что штабъ обороны «за ненадобностью» отправилъ нѣкоторыя военныя училища, въ томъ числѣ и батарею михайловцевъ, обратно къ себѣ въ училища. Но зато Зимній дворецъ снаружи принялъ уже болѣе боевой видъ: всѣ его выходы и проходы, ведущіе на Неву, облѣплены юнкерами. Они сидятъ у воротъ и дверей дворца, галдятъ, хохочутъ, бѣгаютъ по тротуару въ перегонки. Ихъ здѣсь, примѣрно, сотни четыре человѣкъ. Внутри дворца количество ихъ тоже значительно увеличилось. Когда я пріѣзжаю въ комиссію, меня тамъ встрѣчаютъ съ перепуганными физіономіями наши члены. «Видѣли? — Это уже конецъ, — дождались таки». —

— «Въ чемъ дѣло?» спрашиваю я.

Оказывается, что у Дворцоваго моста, съ наведенными на дворецъ орудіями, стала пришедшая изъ Кронштадта «Аврора», — кромѣ нея въ городъ прибыли матросскіе отряды: по слухамъ, рабочіе уже двинулись съ Выборгской стороны, громя по дорогѣ правительственныя учрежденія и стремясь къ дворцу, чтобы захватить здѣсь министровъ. Въ сущности, послѣднее извѣстіе, какъ то мало походитъ на достовѣрное, тѣмъ болѣе, что, насколько можно судить, жизнь въ городѣ идетъ своимъ темпомъ и даже трамваи на Выборгскую сторону еще ходятъ, но «Аврора» — это уже, дѣйствительно, фактъ, матросы тоже не очень то пріятный для насъ гостинецъ, и во дворцѣ начинается хватаніе за голову. А тутъ ползутъ и новые зловѣщіе слухи: «Изъ Кронштадта пришло еще нѣсколько миноносцевъ; — правительству большевиками предъявленъ ультиматумъ — или сдаться, или быть погребенными подъ развалинами Зимняго дворца»; — «какія то банды уже окружаютъ дворецъ»; — «казаки отказались выступать противъ большевиковъ, ссылаясь на то, что въ городѣ слишкомъ

мало пѣхоты, которая могла бы ихъ поддержать въ этомъ наступленіи», — и, наконецъ: — «Керенскій куда-то сбѣжалъ»...

Послѣднее извѣстіе заставляетъ нашихъ «выразителей народнаго гнѣва», — начиная съ предсѣдателя комиссіи — Муравьева, окончательно потерять и безъ того уже небольшіе остатки мужества и рѣшиться «сложить оружіе», то-есть послѣдовать примѣру Керенскаго и тоже удрать, пока еще не поздно. Но все же до того какъ предпринять этотъ подвигъ, президіумъ выноситъ постановленіе о предварительномъ полученіи изъ штаба обороны точныхъ свѣдѣній о создавшейся обстановкѣ и о затребованіи оттуда гарантій нашей безопасности. Въ Штабъ, для переговоровъ, отправляюсь я вмѣстѣ съ другимъ коллегою.

Черезъ сквозной дворцовый проходъ мы съ набержной Невы проходимъ на Дворцовую Площадь. По дорогѣ насъ два раза опрашиваютъ юнкерскія заставы. У входа въ помѣщеніе Штаба округа мы застаемъ настоящій муравейникъ. Двери Штаба стоятъ распахнутыми настежь, по лѣстницамъ взадъ и впередъ снуютъ вооруженные и невооруженные юнкера и солдаты. Послѣднихъ немного, можетъ быть, нѣсколько десятковъ человѣкъ, но юнкеровъ надо считать сотнями. Во второмъ этажѣ, у дверей начальника штаба, — картина: спиною къ двери, разставивъ руки, какъ бы препятствуя этимъ проникновенію въ святилище, стоитъ офицеръ въ кавказкой формѣ и уговариваетъ ломящихся въ дверь юнкеровъ: «Уходите, господа, — я не могу Васъ пустить въ кабинетъ, Начальникъ Штаба усталъ, онъ цѣлую ночь не спалъ, приходите завтра». Въ отвѣтъ, на это слышатся негодующіе голоса: «Какъ завтра, — да у насъ теперь нѣтъ патроновъ, а безъ ордера начальника штаба ихъ изъ склада не даютъ». — «Мы не можемъ отвѣчатъ за наши посты, у насъ всего по 5 патроновъ на человѣка». — «Пропустите насъ къ начальнику штаба, или же пускай онъ вышлетъ намъ ордера, иначе мы не можемъ защищаться въ случаѣ нападенія». — Офицеръ все также равнодушно и упорно повторяетъ: «Я сказалъ Вамъ, господа, не могу, понимаете — не могу, начальникъ штаба усталъ, подождите до завтра». — Блюститель начальническаго покоя и насъ не хочетъ пропустить въ охраняемое имъ Святая-Святыхъ, но мы предъявляемъ ему свои грамоты и пока онъ недоумѣваетъ, какъ на нихъ реагировать, пролѣзаемъ мимо его носа во-внутрь. Въ кабинетѣ два лица: по комнатѣ изъ угла въ уголъ почти бѣгаетъ, затянутый во всю боевую аммуницію, сухопарый, высокій и весь какой то сѣрый таинственный незнакомецъ, — это и есть командующій войсками округа полковникъ Полковниковъ; — за столомъ, съ мирнымъ видомъ довольнаго собою и другими человѣка, въ полурастегнутомъ кителѣ сидитъ, болтая короткими ножками, низенькій полный съ армянскимъ лицомъ — фактическій руководитель всѣми дѣйствіями противъ большевиковъ — начальникъ штаба округа — генералъ-маіоръ Багратуни. При нашемъ входѣ Полковниковъ пріостанавливаетъ свое метаніе, — и онъ, и Багратуни устремляютъ на насъ изумленные и недовольные взгляды: «еще кого нелегкая сюда принесла, — этимъ еще что тутъ нужно?» Мы объясняемъ, кто мы такіе и съ чѣмъ пришли. Говоримъ, что въ нашемъ распоряженіи и на нашей отвѣтственности находится большое количество исключительныхъ по своей цѣнности документовъ и письменныхъ матеріаловъ, относящихся не только къ послѣднему царствованію, но и къ другимъ эпохамъ, пережитымъ Россіею, начиная со временъ Николая I, и что мы, въ цѣляхъ охраны всего этого историческаго богатства отъ расхищенія, можемъ оказаться вынужденными обратиться за помощью къ той силѣ, которая въ данный моментъ будетъ хозяиномъ положенія, хотя бы этой силой оказались

и большевики. Тутъ насъ перебиваютъ, — Багратуни стряхиваетъ съ себя сонную флегму и, вмѣстѣ съ Полковниковымъ, начинаетъ доказыватъ, что мы пришли съ совершенно нелѣпыми предположеніями о возможности какой либо опасности со стороны большевиковъ: «Мы Вамъ ручаемся за то, что сегодня же къ вечеру скопляющіяся на Выборгской сторонѣ и Васильевскомъ островѣ толпы сами разойдутся, а если бы этого и не случилось, то мы ихъ разгонимъ. Силъ у насъ достаточно, да и Керенскій уже утромъ на автомобилѣ выѣхалъ на встрѣчу подходящимъ сюда съ фронта, вызваннымъ для усиленія горнизона войскамъ. Однимъ словомъ, къ вечеру все будетъ кончено. И, во всякомъ случаѣ, предупредите Вашу комиссію, что, если она посмѣетъ какимъ либо способомъ войти въ сношеніе съ большевиками, — то и Вы, и всѣ Ваши члены будете немедленно же арестованы». — «Ну, а какъ же «Аврора» и матросы?» —

«Аврора стрѣлять не будетъ, да у нея нѣтъ и снарядовъ, матросовъ же мы уже почти ликвидировали, — и вообще, повторяемъ, — Ваши страхи совершенно не основательны».

Рѣшительность тона и категоричность завѣрѣній производитъ на насъ нѣкоторое впечатлѣніе, — обѣщаніе же насъ арестовать, если мы когда либо обратимся въ Смольный, совсѣмъ уже кажется намъ ободрительнымъ. Съ этимъ мы и возвращаемся назадъ, но уже по дорогѣ понемногу растериваемъ весь нашъ скудный багажъ только что накопившихся надеждъ на то, что авось и на этотъ разъ пронесетъ мимо насъ грозовую тучу: очень ужъ смущаетъ насъ господствующая въ самомъ центрѣ обороны Петрограда неразбериха, эта малочисленность и безсиліе единственныхъ нашихъ защитниковъ — юнкеровъ, которымъ начальство не можетъ даже удосужиться выдать необходимые боевые припасы, это очевидное отсутствіе во всемъ дѣлѣ обороны направляющей воли, эти сонные генералы и ихъ надежды, что если не кривая, то Керенскій выручитъ. А тутъ еще все та же проклятая «Аврора», хитро подмигивающая намъ жерлами своихъ пушекъ, которыя, хотя и не будутъ стрѣлять, — какъ увѣряютъ насъ въ этомъ наши полководцы, но все же очень подозрительно смотрятъ прямо намъ въ окна.

Результаты нашихъ похожденій мы докладываемъ въ комиссіи. Тамъ ими не очень обрадованы. Въ одной изъ залъ собираемся въ пленарное засѣданіе и большинствомъ голосовъ постановляемъ; — въ виду невозможности забратъ съ собою домой находящіяся на рукахъ у каждаго документы и слѣдственную переписку, — сложить и опечатать весь матеріалъ комиссіи въ одномъ изъ отдѣльныхъ помѣщеній дворца, а самимъ отправиться по домамъ и тамъ выжидать, чѣмъ вся эта заваруха кончится. Если все будетъ благополучно, то вернуться и продолжать работу по прежнему, если же нѣтъ, то предоставить каждому на свой личный рискъ и страхъ предпринять мѣры къ спасенію тѣхъ матеріаловъ, которые будутъ оставлены во дворцѣ.

Около 3 часовъ дня, закончивъ наскоро опечатаніе комнатъ, мы группами выходимъ изъ дворца, простившись съ нашей, остающейся во дворцѣ, охраной. — Около дворца юнкера по прежнему веселятся и грѣются на солнцѣ. Дальше, на Дворцовомъ мосту, съ винтовками въ рукахъ, стоятъ матросы. — Одинъ изъ насъ, мимоходомъ, нарочно, чтобы опредѣлить настроеніе «красы и гордости революціи», обращается къ ближайшему матросу съ какимъ то вопросамъ, — тотъ хотя и не очень какъ будто охотно, но отвѣчаетъ, и въ отвѣтѣ озлобленности какъ будто никакой не слышится.

Черезъ мостъ, къ нашему удивленію, идетъ еще трамвай. Это, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ уже послѣдній, пущенный съ Петроградской стороны вагонъ. Я вскакиваю и прохожу на переднюю площадку. Вагонъ идетъ по Невскому. У арки Главнаго Штаба и на углу Морской патрули юнкеровъ остананавливаютъ автомобили и отводятъ ихъ на Дворцовую площадь. Публика толпится на тротуарахъ. Магазины пока еще открыты. Вагонъ идетъ дальше.

За Полицейскимъ мостомъ неожиданно попадаемъ уже въ «оккупированную непріятелемъ территорію». По сторонамъ моста стоятъ два броневика съ орудіями, обращенными въ сторону Невы, по набережной Мойки разставлены пулеметы и видны кучки залегшихъ, вооруженныхъ винтовками солдатъ Павловскаго полка. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, во главѣ съ подпрапорщикомъ бросаются на перерѣзъ нашему вагона и останавливаютъ его. Оказывается на передней площадкѣ они замѣтили какого то полковника. У него провѣряютъ документы, но самого не задерживаютъ, и мы благополучно двигаемся дальше.

По дорогѣ никакихъ больше приготовленій къ боевымъ дѣйствіямъ что то не видно. На прилегающихъ къ Невскому улицахъ «благополучные россіяне» занимаются своими мирными дѣлами, и не предполагаютъ вовсе, что они стоятъ наканунѣ «совѣтскаго рая». Однако, проходитъ всего одна ночь, и Россія становится Совдепіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приказываетъ долго жить и наша комиссія.

Итакъ, правъ оказался Тумановъ, когда ожидалъ онъ общей гибели, которую готовили намъ «предатели или идіоты» и самъ онъ, бѣдняга, однимъ изъ первыхъ палъ жертвою этого предательства. Въ тотъ самый день, когда я велъ переговоры съ Полковниковымъ и Багратуни, на нѣсколько лишь часовъ позже меня, къ вечеру, Тумановъ тоже отправился въ Штабъ округа, чтобы информироваться о положеніи дѣлъ. Когда онъ вышелъ обратно, то команда примкнувшаго къ большевикамъ Волынскаго полка захватила его почти у самой арки Главнаго Штаба, откуда юнкера въ то время уже отошли, и отвела его въ свои казармы къ Поцѣлуеву мосту. Съ этого времени Тумановъ потерялся. Изъ его близкихъ въ Петроградѣ въ это время оставалась только его невѣста. Вмѣстѣ съ нею мы предприняли поиски исчезнувшаго и, наконецъ, числа 2 — 3 ноября, нашли его въ мертвецкой Обуховской больницы. Голова у него была вся исколота штыками, одинъ глазъ выбитъ, носъ перерубленъ, проколота шея и перебиты ребра. Въ такомъ видѣ его мертваго, предварительно снявъ съ него сапоги и вырвавъ серебренный академическій значокъ съ френча, — убійцы сбросили въ Мойку, откуда трупъ и попалъ уже въ мертвецкую. По нашимъ свѣдѣніямъ оказалось, что, когда Туманова арестовали, то въ полку, куда его привели, не знали что съ нимъ дѣлать. Но въ это время во дворъ полка ввалилась гурьба матросовъ, вытащила несчастнаго изъ караульнаго помѣщенія и тутъ же на дворѣ истязала и издѣвалось надъ нимъ около полутора часовъ, а потомъ, добивъ, сволокла въ рѣку.

Еще нѣсколько словъ о нашей чрезвычайной комиссіи. Въ первыхъ числахъ ноября нѣсколькимъ нашимъ членамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, удалось проникнуть въ ту половину дворца, гдѣ мы когда то работали.

Во дворецъ насъ, контрабандою, пропустили наши же бывшіе курьеры. Большевики, занявшіе дворецъ, были заняты въ это время срочною работой — они вылавливали въ дворцовыхъ погребахъ тѣла утонувшихъ тамъ въ винѣ (выпущенномъ изъ разбитыхъ во время осады бочекъ) своихъ героевъ, чтобы съ соотвѣтствующими бранными почестями похоронить ихъ на Марсовомъ полѣ.

При входѣ во внутреннія помѣщенія дворца намъ въ носъ ударилъ сильнѣйшій запахъ сивухи и рвотныхъ изверженій. Всѣ лѣстницы и коридоры, хотя и подмытыя недавно, разили этимъ запахомъ, а перила лѣстницъ были липки отъ какой то мерзости. Во дворцѣ были разбиты зеркала, ободрана мебель, исчезла часть вещей, но на наше счастье къ архиву комиссіи большевики не успѣли еще добраться, и мы надѣялись, что удастся сохранить хоть часть того матеріала, который связанъ съ нашей работой и который, какъ мы въ то время думали, могъ намъ пригодиться черезъ какую нибудь пару недѣль, когда большевики уйдутъ. — Мы ждемъ этого еще и до-нынѣ.

Записки о подпольномъ Временномъ Правительствѣ

А. Демьянова

Исторія существованія подпольнаго Временнаго Правительства обнимаетъ собою время приблизительно около мѣсяца. Исторія этихъ дней по своему характерна: въ этотъ короткій промежутокъ времени не случилось никакихъ особыхъ событій, которыя явились бы результатомъ дѣйствій или существованія подпольнаго правительства; но происходили событія, внѣ правительства стоявшія. Къ этимъ событіямъ Временное Правительство проявляло свое отношеніе, которое и является показательнымъ.

Для меня было ясно, что всѣ лица изъ состава подпольнаго Временнаго Правительства были люди честные, одушевленные самыми лучшими намѣреніями, хорошо настроенные и, по своему, умные, то-есть такіе, которые всѣ свои дѣйствія, всѣ свои стремленія основывали на томъ или иномъ пониманіи общаго блага. Эгоистическихъ стремленій никто между ними не преслѣдовалъ. Но все же эти «призванные» ничего не сдѣлали и не потому, что имъ это не удалось, а потому, что въ этомъ отношеніи они оказались неспособными. Почему?! Только потому, что это были все люди, удѣлъ которыхъ былъ критиковать и писать свои критики, а не дѣйствовать. Дѣйственныхъ между ними не оказалось. Они, если такъ можно выразиться, не обладали надлежащимъ духомъ сопротивляемости, были людьми не волевыми, и какъ послѣдствіе всего этого, были очень скоро побѣждены, ибо борьба была неравная.

Всѣ министры, засѣдавшіе въ Зимнемъ Дворцѣ, были арестованы, за исключеніемъ А. Ф. Керенскаго, которому судьба помогла избѣжать ареста, и С. Н. Прокоповича. Торжество большевиковъ было, однако, не полнымъ. Никто ихъ торжеству въ серьезъ не вѣрилъ, да и сами большевики не были увѣрены, что властью они завладѣли по-настоящему. Это сказывалось между прочимъ въ томъ, что на ту отрасль правленія, которая выражалась въ государственной дѣятельности министерствъ, они въ первое время почти совсѣмъ не обращали вниманія. Прошло достаточно времени, пока напримѣръ, въ Министерство Юстиціи не явился большевистскій комиссаръ, а заявившись, вновь не стушевался. То же было и въ другихъ министерствахъ.

Я не помню фамиліи перваго комиссара по Министерству Юстиціи; но когда меня уже не было въ Петербургѣ, имъ былъ назначенъ Петербургскій присяжный повѣренный Стучка. Я вспоминаю, какъ мнѣ трудно было примириться съ этимъ фактомъ. И не только потому, что присяжный повѣренный пошелъ на это, но что сдѣлалъ это именно Стучка, хотя я и зналъ, что Стучка былъ

соціалъ-демократомъ большевикомъ. Я часто встрѣчалъ Стучку въ судѣ и былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, я зналъ его за отличнаго товарища по сословію. Стучка — громоздкій по величинѣ и чрезвычайно добродушнаго вида человѣкъ. Какъ адвокатъ онъ ничѣмъ особеннымъ не отличался — ни тонкостью ума, ни талантливостью, ни блестящими дѣлами, но онъ былъ добросовѣстнѣйшимъ повѣреннымъ, и кліенты его цѣнили. По происхожденію — латышъ, Стучка велъ почти исключительно латышскія дѣла; всѣ увѣчныя дѣла латышей находились въ его производствѣ. Онъ относился съ уваженіемъ къ суду, признавалъ судъ . . . И вдругъ! . . Идейную принадлежность его къ коммунизму, къ коммунистическому строю можно объяснить, но какъ Стучка могъ стать членомъ коммунистической партіи, во главѣ которой стояли Ленинъ, Троцкій и вся остальная коммунистическая братія, какъ онъ могъ связать свое имя съ ужасами, творимыми большевиками, принять участіе въ ихъ пляскѣ смерти, въ ихъ обманѣ, лжи и звѣрской, садической жестокости — для меня это загадка, ибо всему есть мѣра и предѣлъ, а Стучка эту мѣру и этотъ предѣлъ преступилъ. Нельзя же все объяснять и оправдывать себѣ тѣмъ, что «взялся за гужъ, такъ не говори, что не дюжъ», а вѣдь другого оправданія Стучка найти для себя не можетъ.

Въ дни перехода власти къ большевикамъ жизнь въ министерствахъ шла своимъ чередомъ, хотя и замерла. Министерства, какъ учрежденія, продолжали существовать, а вмѣстѣ съ ними продолжали существовать и чиновники. Естественно передъ послѣдними немедленно и остро всталъ вопросъ объ отношеніи ихъ къ новой большевистской власти. Въ каждомъ министерствѣ самостоятельно возникъ такой вопросъ. Чиновники стали собираться въ кружки, обсуждать создавшееся положеніе. Они выдѣлили изъ себя особые комитеты для выработки общихъ директивъ, какъ вести себя съ большевистскимъ начальствомъ. Комитеты отдѣльныхъ министерствъ снеслись между собою, и въ концѣ концовъ, создался единый центральный органъ, руководившій дѣятельностью чиновниковъ въ этомъ отношеніи. Этотъ центральный комитетъ объединилъ въ себѣ почти всѣ вѣдомства; онъ дѣйствовалъ почти открыто. Въ секретѣ не могли держаться его засѣданія, и большевики отлично знали о его существованіи. Но до поры, до времени смотрѣли на это сквозь пальцы. Все прежнее главное министерское начальство, которое перестало посѣщать министерства, имѣло съ комитетомъ ближайшія и постоянныя сношенія. Чиновники рѣшили примѣнить на службѣ саботажъ; и это было проведено ими умно, то-есть такъ, чтобы не вредить насущнымъ интересамъ родины. Чиновники рѣшили, напримѣръ, что Министерство Продовольствія, на которомъ лежала обязанность снабжать армію продовольствіемъ, должно продолжать свою работу; то же было рѣшено и въ отношеніи отдѣльныхъ частей Министерства Военнаго, Путей Сообщенія и проч. Этотъ саботажъ чиновниковъ на первое время много крови испортилъ большевистскимъ комиссарамъ. Но, конечно, долго чиновники продержаться не могли. И это само собою понятно — жили они на жалованіе, а не на скопленные капиталы.

Въ послѣдній періодъ существованія Временнаго Правительства я состоялъ предсѣдателемъ Малаго Совѣта Министровъ. Естественно, что когда члены Временнаго Правительства — министры были большевиками арестованы, Малый Совѣтъ Министровъ сдѣлался единственнымъ представителемъ законной Россійской власти, хотя и низвергнутой. Въ качествѣ предсѣдателя Малаго Совѣта я пригласилъ къ себѣ на частную квартиру всѣхъ товарищей министровъ всѣхъ министерствъ для обсужденія политическаго положенія. Это было въ ближайшіе дни послѣ ареста министровъ. Съ этого дня засѣданія Совѣта Министровъ, сначала въ составѣ однихъ товарищей министровъ, а затѣмъ тѣхъ же товарищей министровъ и министровъ, выпущенныхъ большевиками изъ Петропавловской крѣпости на волю, происходили у меня на квартирѣ ежедневно съ 1 часа дня до 4-хъ часовъ, квартирѣ — по Бассейной улицѣ, то-есть той улицѣ, по которой шло все движеніе изъ центральныхъ частей города къ Смольному Монастырю, гдѣ находилась штабъ-квартира большевиковъ. Но большевики, какъ я сказалъ, не проявляли особой заботливости къ тому, что дѣлала старая власть. Большевики не интересовались тогда овладѣніемъ всего аппарата власти. Ихъ задача въ то время была одна — окончательно развалить власть. Такова была ихъ прямая цѣль. Собирались члены Совѣта, не соблюдая строгой тайны, но, конечно, и не болтая объ этомъ. Продолжались эти засѣданія у меня на квартирѣ довольно долго, пока изъ предосторожности не рѣшили перемѣнить мѣсто засѣданій Совѣта, чтобы кто-либо изъ постороннихъ не примѣтилъ ежедневнаго сборища опредѣленныхъ лицъ и все въ одной и той же квартирѣ. Стали засѣдать въ домѣ гр. Паниной по Сергіевской улицѣ. И никто въ продолженіи мѣсяца не потревожилъ этихъ засѣданій.

Но, Боже мой, что это были за засѣданія, въ особенности въ началѣ! Они были сравнительно многолюдны, хотя не всѣ товарищи министровъ ихъ посѣщали. Приходило все же, какъ мнѣ помнится, въ первое время не менѣе 15 человѣкъ. Я и теперь не могу вспоминать хладнокровно эти сборища: они показали, какъ неудачно были приглашаемы нѣкоторыя лица на высшія правительственныя, административныя должности. Многихъ товарищей министровъ я зналъ по Малому Совѣту Министровъ, встрѣчалъ ихъ и въ Совѣтѣ Министровъ, когда ихъ брали съ собой на засѣданія Совѣта ихъ министры. Въ Совѣтѣ они вели себя очень скромно и рта тамъ зря не открывали. А тутъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ будто, прорвало. Стали говорить безконечныя рѣчи и буквально митинговаго характера, какъ будто забыли о томъ, что другъ друга соблазнять своими политическими credo въ Совѣтѣ Министровъ до послѣдней степени неумѣстно и даже хуже, чѣмъ неумѣстно. Помню такой случай: я заявилъ собравшимся товарищамъ министровъ, что просилъ зайти въ Совѣтъ и принять участіе въ обсужденіи вопроса, имѣвшаго широкое общественное значеніе, при условіи конечно, что Совѣтъ найдетъ это нужнымъ, Авксентьева, Гоца и какое-то еще третье лицо и тоже, къ несчастію, эсэра. При приглашеніи ихъ я преслѣдовалъ слѣдующую цѣль. Въ то время въ Петербургѣ образовался Комитетъ спасенія родины и революціи. Эта общественная организація сама по себѣ не имѣла никакой силы, ибо ей не было на кого опереться, не было другой силы, которая могла бы ее поддержать. Она дѣйствовала открыто противъ большевиковъ и слѣдовательно имѣла моральный вѣсъ и въ

этомъ отношеніи весьма значительный. Предсѣдателемъ этого Комитета былъ Готцъ. Авксентьевъ былъ предсѣдателемъ разогнаннаго большевиками предпарламента «Совѣта Республики». Слѣдовательно, тоже былъ политической фигурой. Мнѣ казалось нужнымъ объединить всѣ три организаціи какъ выразительницъ русской общественности, т. е. Совѣтъ Министровъ, комитетъ Спасенія Родины и Революціи и Совѣтъ Республики, и я считалъ, что это объединеніе должно произойти около Временнаго Правительства. Вотъ почему я пригласилъ на засѣданіе Совѣта Министровъ указанныхъ лицъ. На засѣданіе Совѣта Министровъ, кромѣ того, былъ мною приглашенъ и бывшій Министръ Н. В. Некрасовъ. Былъ на засѣданіи одинъ разъ и В. Д. Набоковъ. Авксентьевъ на сдѣланное ему предложеніе обѣщалъ придти, однако по неизвѣстной мнѣ причинѣ не пришелъ. Готцъ, какъ я узналъ потомъ, даже и не обѣщалъ придти; вѣроятно счелъ это излишнимъ. Я нисколько не удивлюсь, если и Авксентьевъ, и Готцъ нашли предложеніе поддержать Временное Правительство въ эту критическую минуту ничего не стоющей затѣей.

Когда я сообщилъ въ Совѣтѣ о сдѣланномъ мною шагѣ, товарищъ Министра Труда Колокольниковъ прочиталъ длиннѣйшую рѣчь на тему, что я не имѣлъ права, безъ прямого порученія Совѣта, самостоятельно кого либо приглашать на засѣданіе Совѣта, что я поступилъ тѣмъ болѣе неправильно, что въ ущербъ партіи соціалъ-демократовъ (слава Богу — «меньшевиковъ») пригласилъ на засѣданіе только однихъ эсеровъ. Не понялъ тогда человѣкъ, что желѣзо куютъ, пока оно горячо, что никто не обязывалъ Совѣтъ Министровъ выслушивать того, кого онъ слушать не хотѣлъ, и что глупо говорить о партійныхъ интересахъ тамъ, гдѣ вопросы партійные вовсе не были затронуты. Колокольниковъ въ своемъ выступленіи успѣха не имѣлъ. Помню, нетерпѣливой Б. Араповъ, директоръ 2-го Департамента Министерства Юстиціи, который ежедневно у меня бывалъ и всегда присутствовалъ на засѣданіи Совѣта, замѣтилъ довольно громко и довольно неосторожно, что въ Совѣтѣ Министровъ митинговыя рѣчи врядъ ли нужны. Колокольниковъ это замѣчаніе услышалъ, и демонстративно громко заявилъ, что «ему здѣсь (то-есть въ Совѣтѣ) наносятъ оскорбленіе». Вѣроятно былъ очень обиженъ. Другой случай былъ такой. Заговорили о Б. В. Савинковѣ (кажется въ томъ же засѣданіи) и о томъ, что было бы полезнымъ его участіе въ работахъ Совѣта. О Савинковѣ рѣчь зашла вотъ почему. Онъ былъ причисленъ къ воинской казачьей части. Въ качествѣ чего не помню, но кажется ради почета. Въ Петербургѣ въ дни борьбы Временнаго Правительства съ большевиками вѣрными правительству были только юнкера. Казаки были въ колеблящемся состояніи. Мнѣ помнится, они просто взвѣшивали тогда шансы успѣховъ своего выступленія противъ большевиковъ и зря выступать не хотѣли. Казаки колебались даже тогда, когда къ Петербургу подступали Керенскій и ген. Красновъ. Это я помню хорошо. Какой то ихъ штабъ засѣдалъ на Знаменской ул. въ д. Павловскаго Института. Я однажды туда отправился для переговоровъ съ казаками, мнѣ сказали, что пройти къ казакамъ можно, и говорить съ ними безопасно. Но въ воротахъ меня остановили, и стоявшій на стражѣ казакъ объяснилъ мнѣ, что положеніи казаковъ не твердо и что итти къ нимъ опасно.

Савинкова въ то время, насколько я помню, не было въ Петербургѣ. Упоминаніе о Савинковѣ опять возбудило пренія. Опять длиннѣйшее возраженіе такого же митинговаго характера со стороны товарища Министра Труда, молодого Дюбуа, кажется, онъ былъ до службы въ Министерствѣ даже не присяжнымъ

повѣреннымъ, а помощникомъ присяжнаго повѣреннаго. Дюбуа закончилъ свою рѣчь призывомъ — «имя Савинкова въ засѣданіи Совѣта никогда не произносить какъ одіозное». А одіозное оно было для одного только Дюбуа, который считалъ, что Савинковъ не выдерживаетъ строго въ своемъ политическомъ поведеніи соціалистической линіи. Г. Дюбуа и Колокольниковъ вскорѣ перестали посѣщать засѣданія Совѣта. Нужно замѣтить, что кратко никто не любилъ говорить въ Совѣтѣ, а говорили между прочимъ всѣ. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что казалось особыхъ темъ для преній вовсе не было. Любилъ говорить появившійся впослѣдствіи въ Совѣтѣ К. А. Гвоздевъ и злоупотреблялъ своимъ правомъ. Чистое несчастье, если человѣкъ не глупый обладаетъ нѣкоторымъ умѣніемъ говорить и сознаетъ, что прямой глупости никогда не скажетъ. Въ первые дни засѣданій Совѣта допекалъ словомъ засѣдавшихъ въ Совѣтѣ товарищъ Министра Торговли и Промышленности, милѣйшій Масальскій. Онъ поставилъ себѣ цѣлью убѣдить Совѣтъ, а доказывалъ онъ это подъ рядъ въ продолженіи нѣсколькихъ засѣданій, что «такъ какъ мы — Малый Совѣтъ, то и не въ правѣ рѣшать спорныхъ и принципіальнаго характера вопросовъ, что — это прерогатива Совѣта Министровъ, и что никто не можетъ имѣть больше правъ, чѣмъ по статуту ему полагается». Я поставилъ, чтобы прекратить окончательно такого рода выступленія Масальскаго, на баллотировку вопросъ, ясный и безъ того, признаетъ ли себя Совѣщаніе товарищей министровъ — Малымъ Совѣтомъ Министровъ, или Совѣтомъ, въ которомъ засѣдаютъ товарищи министровъ, въ качествѣ управляющихъ министерствами за отсутствіемъ министровъ. Такъ и рѣшили; иначе, впрочемъ, не имѣло рѣшительно никакого смысла собираться на засѣданія Совѣта.

Вообще безполезныхъ разговоровъ въ Совѣтѣ было множество и тогда, когда въ Совѣтѣ стали участвовать сами министры.

Само собою разумѣется, что занятія въ Совѣтѣ не были систематичны, и они на первое время не требовали по существу своему, чтобы о нихъ составлялись какіе-либо журналы. Но были и такого рода постановленія, какъ, напримѣръ, постановленіе о выпускѣ новыхъ денежныхъ знаковъ, которыя требовали зафиксированія ихъ въ письменную форму. По сему стала необходима въ иныхъ случаяхъ и канцелярская работа. Въ этомъ Совѣту помогали бывшіе служащіе стараго Совѣта Министровъ. Однажды я встрѣтилъ на улицѣ нѣсколькихъ чиновниковъ Совѣта. Поздоровались очень дружелюбно. Я имъ разсказалъ, что у меня инкогнито собирается Совѣтъ Министровъ. Они тотчасъ же предложили свои услуги въ работахъ Совѣта и сказали за себя и за отсутствующихъ, что съ величайшей охотой станутъ посѣщать эти собранія. Услугами ихъ я воспользовался. Мнѣ была вообще крайне пріятна эта встрѣча, показавшая не только сочувствіе этихъ лицъ Временному Правительству, но и чувства нѣкоторой пріязни къ лицамъ въ немъ работавшимъ. Однако, не думаю, что посѣщеніе Совѣта доставило имъ нравственное удовлетвореніе.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ въ Совѣтѣ былъ вопросъ объ отношеніи чиновъ министерствъ къ новому большевистскому начальству. Въ засѣданіе Совѣта явились депутаты отъ комитета чиновниковъ, которые доложили свою программу дѣйствій. Она была одобрена (о ней сказано выше). Первый мѣсяцъ

чиновникамъ сравнительно легко было проводить свой саботажъ, такъ какъ появленіе большевиковъ совпало съ моментомъ, когда чиновники только-что получили свое жалованіе. Острый моментъ въ продолженіи начатаго ими саботажа наступалъ впослѣдствіи, во второмъ мѣсяцѣ. Какъ я уже упомянулъ, главные чины министерствъ рѣшили не посѣщать министерствъ, чтобы не входить въ сношенія съ большевиками, хотя, конечно, въ иныхъ случаяхъ проведеніе этого принципа во всей строгости было крайне затруднительно. Было рѣшено большевикамъ не давать ключей ни отъ дѣлъ, ни отъ денежныхъ ящиковъ. Кажется, кой-гдѣ изъ-за этого шкапы и столы были большевиками взломаны; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, какъ это было въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, ключи были выданы, когда за ними пришли въ квартиру товарища министра А. А. Нератова. Министерство Продовольствія, Путей Сообщенія должно было продолжать свои занятія, хотя и не во всѣхъ своихъ департаментахъ, о чемъ тоже выше сказано. Военное Министерство во всѣхъ этихъ вопросахъ стояло совершенно особнякомъ. Отъ Военнаго Министерства въ качествѣ его представителя на первое или на одно изъ первыхъ засѣданій Совѣта пришелъ какой-то генералъ (фамиліи его не помню), вѣроятно alter ego Маниковскаго, который все засѣданіе сурово промолчалъ. Вѣроятно, пришелъ только для того, чтобы познакомиться, что тутъ дѣлается. Мнѣ казалось, что будто бы генералъ этотъ чувствовалъ, что онъ попалъ въ какое-то неподходящее для себя мѣсто, не въ то общество, къ которому привыкъ. Въ Военномъ Министерствѣ, вѣроятно, было рѣшено затѣмъ на засѣданія Совѣта больше никому не появляться. Сношенія съ Совѣтомъ продолжались внѣ засѣданій Совѣта. Слѣдуетъ замѣтить, что къ описываемому мною моменту въ Петербургѣ, какъ мнѣ помнится, главные военные посты занимали лица старорежимные, и, слѣдовательно, нѣсколько враждебные новымъ вліяніямъ, то-есть, далекіе Временному Правительству. А ставленники послѣднихъ, большею частью не заслуживавшіе довѣрія, куда-то скрылись или не находились на мѣстѣ. Въ Совѣтѣ было все же извѣстно по сообщенію военнаго вѣдомства, что министерство не прекращаетъ своей работы, такъ какъ армія безъ нея обойтись не можетъ, даже такая армія, которая покидаетъ фронтъ, такъ какъ прекращеніе заботъ о солдатѣ грозитъ неисчислимыми бѣдствіями не только самимъ солдатамъ, но и мирному населенію тѣхъ мѣстностей, гдѣ проходитъ этотъ уже недисциплинированный солдатъ.

Военное Министерство нуждалось тогда въ средствахъ. Для нуждъ арміи необходимъ былъ новый выпускъ бумажныхъ денегъ. Къ удивленію случилось такъ, что старая власть въ лицѣ подпольнаго Совѣта Министровъ имѣла еще возможность распорядиться эмиссіей денежныхъ знаковъ, чѣмъ она тогда и воспользовалась. Эмиссія была проведена, и проведена безъ вѣдома большевиковъ. Министерствомъ Финансовъ въ то время завѣдывалъ товарищъ Министра Финансовъ Фридманъ, очень толковый, но и очень осторожный человѣкъ. Послѣдняя его черта мѣшала иногда тамъ, гдѣ нужна была смѣлость или даже дерзость. Но дерзкихъ въ смыслѣ храбрости между нами никого не было. Вѣдь только подумать, какимъ еще мощнымъ средствомъ для борьбы съ большевиками обладало Временное Правительство, владѣя деньгами! И этимъ средствомъ оно не только не воспользовалось, но даже, казалось, и не хотѣло сдѣлать этого.

Первыя засѣданія Совѣта Министровъ происходили въ то время, когда Москва была въ состояніи войны съ большевиками. Нечего и говорить, какъ мы слѣдили за исходомъ этой борьбы въ Петербургѣ. С. Н. Прокоповичъ, единственный тогда министръ на свободѣ, находился въ Москвѣ. Рѣшено было, снестись съ нимъ и устроить въ Москвѣ при немъ нѣчто вродѣ филіальнаго отдѣленія правительства, а при удачѣ борьбы съ большевиками перевести въ Москву и все правительство. На первое время было рѣшено, чтобы отъ каждаго министерства въ Москвѣ находился одинъ изъ товарищей министровъ. Кто тогда поѣхалъ изъ товарищей министровъ въ Москву, я не помню. Но отъ Министерства Юстиціи этимъ лицомъ былъ Г. Д. Скарятинъ. Я стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что ѣхать долженъ я, а Генадій Дмитріевичъ доказывалъ, что я не могу ѣхать потому, что являюсь предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Въ спорѣ приняли участіе другіе члены Совѣта, и споръ былъ рѣшенъ въ пользу Скарятина. Я очень ему завидовалъ. Мнѣ хотѣлось ѣхать въ Москву, такъ какъ тамъ, мнѣ казалось, нарождались событія большой политической важности. Когда впослѣдствіи Скарятинъ разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Москвѣ, я не пожалѣлъ, что мнѣ не удалось побывать въ Москвѣ: кромѣ чисто военной, боевой борьбы съ большевиками на улицахъ, дѣла тамъ не было. Правительство, какъ таковое, оставалось въ сторонѣ. Г. Д. Скарятину пришлось жить въ Москвѣ въ домѣ, расположенномъ почти на линіи, раздѣлявшей кремлевцевъ отъ большевиковъ, въ сферѣ вліянія большевиковъ. Группы послѣднихъ неоднократно врывались въ квартиру Скарятина и провѣряли, конечно угрожая при этомъ, не давалась ли какая сигнализація оттуда кремлевцамъ. Скарятину приходилось переживать жуткія минуты. Но хладнокровіе его было выше всего, что можно только представить себѣ. Къ вопросу о смерти Скарятинъ относился, и, кажется, это чувство было ему присуще всегда, философски спокойно — онъ абсолютно ея не боялся. Жаль, если Г. Д. Скарятинъ не записалъ того, чему онъ былъ тогда свидѣтелемъ. Одинъ эпизодъ съ убійствомъ студента, только заподозрѣннаго въ симпатіяхъ къ кремлевцамъ, былъ прямо трагическимъ. Студентъ этотъ былъ сыномъ извѣстной въ Москвѣ благотворительницы, жертвовавшей деньги спеціально на нужды рабочихъ. Мать валялась въ ногахъ большевиковъ, умоляя ихъ не убивать сына. Его убили. Крестная мать этого студента, сестра его матери, узнавъ о смерти своего крестника, сошла съ ума.

С. Н. Прокоповичъ пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ товарищами министровъ, которые ѣздили въ Москву. Съ появленіемъ его въ Совѣтѣ, къ нему перешло и предсѣдательствованіе въ немъ. Я продолжалъ имѣть голосъ въ Совѣтѣ, такъ какъ Малянтовичъ еще сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Вскорѣ въ Совѣтѣ появился и послѣдній. Прокоповичъ сразу взялъ «твердый курсъ». Онъ заявилъ, что такъ какъ онъ — единственный министръ изъ всего Совѣта Министровъ, оставшійся на волѣ, то и возьметъ всѣ бразды правленія въ свои руки; «будетъ издавать, какъ онъ выразился, приказы». Такое заявленіе не имѣло въ существѣ своемъ юридическаго обоснованія, ибо ровно ничего не обозначало — взять на себя одного все управленіе или издавать какіе-то приказы, не установивъ ни порядка изданія ихъ, ни опредѣляя заранѣе ихъ силы. Ни одинъ въ этомъ отношеніи старый законъ не

отмѣнялся. Но на это никто тогда не хотѣлъ обращать вниманія и поступили правильно. Заявленіе Прокоповича Совѣта не упраздняло. Само же заявленіе не давало повода бояться какихъ-либо вредныхъ отъ него послѣдствій. Просто — Прокоповичъ не былъ юристомъ, и это сказалось. Но самый фактъ такого заявленія носилъ характеръ, который всѣмъ пришелся по душѣ. Показалось — явился наконецъ человѣкъ, по праву занявшій первое мѣсто въ Совѣтѣ и стремившійся къ твердому проявленію власти. Минута была дѣйствительно такая, гдѣ рѣшительность имѣла первостепенное значеніе, и это всѣми чувствовалось.

Къ несчастью, слова Прокоповича оказались только звуками, потрясшими воздухъ.

Вскорѣ появились въ Совѣтѣ выпущенные большевиками изъ Петропавловской крѣпости министры соціалисты — Никитинъ, Гвоздевъ, Масловъ, Ливеровскій. Во время ихъ прихода предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ, не помню по какой причинѣ, я. Министры познакомили собраніе съ тѣмъ, какъ происходило ихъ освобожденіе изъ крѣпости. Разсказъ былъ невеселый. Оберъ-прокурору Синода Карташеву, Бернадскому и москвичу Смирнову тоже обѣщали освобожденіе, но при условіи, чтобы они о томъ подали прошеніе. Подать прошеніе они отказались, и ихъ оставили въ тюрьмѣ. Просидѣли они затѣмъ довольно долго и были выпущены уже послѣ разгона большевиками Учредительнаго Собранія. Конечно, выпущенныхъ изъ крѣпости министровъ соціалистовъ угнетала мысль о томъ, что они получили свободу по какому-то привиллегированному своему партійному положенію. Особенно сильно сказывалось это на Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ Никитинѣ. Я не знаю, потребовали ли большевики отъ министровъ, когда давали имъ свободу, обѣщаніе, политикой больше не заниматься, или нѣтъ. Какая-то игра съ ихъ стороны въ этомъ отношеніи была. Въ памяти у меня сохранилось такое впечатлѣніе (можетъ быть, ошибочное), что отъ Министра Путей Сообщенія Ливеровскаго такое обѣщаніе было взято. Помню, что послѣ первыхъ посѣщеній засѣданій Совѣта, Ливеровскій затѣмъ прекратилъ свое хожденіе въ Совѣтъ. До выхода своего изъ крѣпости министръ Гвоздевъ посѣтилъ тамъ съ разрѣшенія большевиковъ М. И. Терещенко. Повидимому освобождаемымъ надо было знать, какъ отнесутся ихъ товарищи къ выходу ихъ изъ заключенія. Министры кадеты естественно сказали, что ихъ заключеніе въ тюрьмѣ не должно служить препятствіемъ къ выходу изъ тюрьмы остальныхъ. Все это было вполнѣ естественно, но отъ этого настроеніе вышедшихъ не дѣлалось легче. Результатомъ всего этого было то, что Никитинъ заявилъ въ Совѣтѣ, что фактъ задержанія министровъ-кадетъ въ крѣпости не терпимъ, что нужно принять всѣ мѣры воздѣйствія на большевиковъ, чтобы послѣднихъ освободили. Никитинъ предложилъ тогда же, чтобы освобожденные отъ заключенія министры отправились въ Смольный Монастырь и заявили требованіе большевикамъ, чтобы всѣ арестованные были освобождены или чтобы вновь засадили въ тюрьму освобожденныхъ. Предложеніе это по существу было вреднымъ, да и запоздалымъ. Если была необходима антибольшевистская демонстрація, а она могла бы быть очень полезной для созданія общественнаго настроенія, то надо было поступить такъ, какъ поступилъ Карташевъ и другіе, или ужъ примириться съ совершившимся фактомъ и нести всѣ его послѣдствія, то-есть нѣкоторый стыдъ совершеннаго.

А вредно такое предложеніе было тѣмъ, что безъ практической надобности разрушало Совѣтъ Министровъ, а кромѣ того самый фактъ хожденія къ большевикамъ явился признаніемъ ихъ силы. Удалось, хотя и не безъ труда, отговорить Никитина не дѣлать безполезнаго шага.

Министръ Юстиціи П. Н. Малянтовичъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы черезъ нѣсколько дней послѣ выпуска первыхъ. А, можетъ быть, одновременно, но первые дни сидѣлъ дома. О томъ, что онъ на свободѣ, я узналъ отъ прис. пов. С. Е. Кальмановича, у котораго Малянтовичъ остановился. Малянтовичъ просилъ меня посѣтить его. Повидимому, Малянтовичъ не зналъ еще о томъ, что мы собираемся.

Я не узналъ Малянтовича, когда увидѣлъ его. Онъ былъ всегда очень дѣятельнымъ, живымъ, а тутъ я встрѣтилъ человѣка, какъ-то особенно настороженнаго. Онъ потерялъ себя не внѣшне, а внутренне. Онъ увѣрялъ — безполезно бороться съ большевиками, съ ними не справиться. Это было его основной точкой зрѣнія. И это было, пожалуй, — даже не его настроеніемъ, а новымъ, вынесеннымъ изъ заточенія, его міровоззрѣніемъ. И это-то свое міровоззрѣніе Малянтовичъ сталъ внѣдрять въ другихъ. Это было — не апатія, а нѣчто дѣятельное съ его стороны и весьма вредное въ общественномъ смыслѣ. Когда Малянтовичъ сталъ являться въ Совѣтъ, я, какъ Товарищъ Министра, сталъ на второй планъ, то-есть пересталъ голосовать при принятіи рѣшеній, предоставивъ это право Малянтовичу. Кажется, не было вопроса, въ которомъ наши мнѣнія сходились бы. Все сколько нибудь рѣшительное; все сколько нибудь дѣйственное находило въ немъ себѣ противника. Я былъ всѣмъ происходившимъ въ Совѣтѣ не только угнетенъ, но ощущалъ въ себѣ иногда чувство гнѣва.

Къ этому періоду относятся мои сношенія съ первоприсутствующимъ сенаторомъ Перваго Департамента Правительствующаго Сената Врасскимъ по вопросу о формальномъ непризнаніи Сенатомъ большевистской власти, какъ таковой. Съ Сенатомъ дѣло прошло гладко. Единственнаго чего сенаторы боялись — это выхода при обсужденіи вопроса изъ рамокъ законности и перехода въ политическую демонстрацію. Обошлись безъ демонстраціи, а большевикамъ показали свое мѣсто. Эти мои переговоры происходили при ближайшемъ участіи оберъ-прокурора Перваго Департамента Старицкаго, который всецѣло стоялъ за поддержаніе Временнаго Правительства.

Теперь мнѣ трудно передавать въ систематическомъ порядкѣ о томъ, что происходило въ тайныхъ засѣданіяхъ Совѣта, а посему въ дальнѣйшемъ изложеніи, я буду передавать лишь объ отдѣльныхъ эпизодахъ въ существованіи подпольнаго Временнаго Правительства.

С. Н. Прокоповичъ былъ признанъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Кажется, не было даже избранія его. Формально предсѣдателемъ числился А. Ф. Керенскій, находившійся гдѣ то по близости отъ Петербурга. Съ нимъ удалось снестись. Кажется, сдѣлалъ это Никитинъ. Популярность и авторитетъ Керенскаго послѣ неудачи наступленія его на Петербургъ катастрофически падали. Керенскій самъ повидимому это сознавалъ и, не желая мѣшать дѣятельности подпольнаго Правительства, послалъ ему свой отказъ отъ званія предсѣдателя Совѣта. Это извѣстіе было принято Совѣтомъ съ чувствомъ замѣтнаго удовлетворенія. Однако, въ то время среди членовъ Совѣта еще не замѣчалось того отрицательнаго отношенія къ имени Керенскаго, которое стало считаться впослѣдствіи ярлыкомъ или показателемъ здраваго пониманія политики Россіи. Тѣмъ не менѣе, отказъ Керенскаго породилъ черезъ нѣкоторое время недоразумѣнія въ Совѣтѣ. Совѣтъ понялъ, что Керенскій окончательно вышелъ изъ состава правительства; въ такомъ направленіи было истолковано всѣми членами Совѣта его письменное извѣщеніе объ отказѣ отъ званія предсѣдателя Совѣта, а Керенскій, какъ это выяснилось потомъ, продолжалъ себя считать членомъ правительства, хотя и не предсѣдателемъ Совѣта. Не помню по какому случаю но такое свое отношеніе къ Правительству Керенскій выразилъ въ томъ, что post factum подтвердилъ отъ себя какой то правительственный актъ, принятый подпольнымъ Правительствомъ. Но этимъ все дѣло и ограничилось. Фактически никакого своего участія въ отправленіи власти Керенскій проявить не могъ.

Много времени занялъ въ Совѣтѣ вопросъ о томъ, проявить ли себя Правительству въ Петербургѣ, или же продолжать дѣйствовать подпольно. Всѣмъ было ясно, что сама по себѣ подпольная власть не есть уже власть, что это какая то логическая безсмыслица. Поэтому многіе члены Совѣта говорили — «надо заявить о себѣ». Такъ какъ въ то время Сенатъ, какъ учрежденіе не былъ ликвидированъ большевиками, то кто-то предложилъ перенести засѣданія Совѣта туда и сдѣлать ихъ, слѣдовательно, открытыми. Это было конечно очень наивно. Однако предложеніе было встрѣчено нѣкоторыми съ одобреніемъ. Лично я не понималъ, чего можно было достичь переходомъ Совѣта въ Сенатъ. Для меня переходъ Совѣта въ Сенатъ казался простымъ извѣщеніемъ Смольнаго, что Временное Правительство все еще существуетъ. Власть не сдѣлается властью, если она только перейдетъ изъ частной квартиры въ казенную, или изъ подполья выйдетъ на бѣлый свѣтъ. Задача Совѣта была — быть до поры до времени носителемъ Государственной власти; онъ долженъ заявить о себѣ, но въ мѣстѣ, гдѣ онъ можетъ дѣйствовать, именно, какъ власть. Для этого онъ долженъ былъ создать соотвѣтствующую для себя обстановку и прежде всего создать около себя физическую силу и защиту. А заявить о себѣ въ той формѣ, какъ это предложили, было лишь поводомъ для большевиковъ еще разъ разогнать Совѣтъ Министровъ, да еще насмѣяться надъ ними, арестовать Министровъ уже, какъ явныхъ мятежниковъ, и больше ничего. Предложеніе провалилось. Но конечно, вопросъ этотъ заглохнуть не могъ и вскорѣ онъ былъ вновь поднятъ.

Однажды въ Совѣтъ пришелъ одинъ изъ видныхъ служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ, изъ дѣйствовавшихъ на фронтѣ, (понятно «nomina sunt odiosa»), и объяснилъ, что Временное Правительство имѣетъ полную возможность снестись съ тогдашнимъ Верховнымъ Главнокомандующимъ ген. Духонинымъ теле-

графно по прямому проводу. Было извѣстно, что ген. Духонинъ сочувственно относился къ идеѣ признанія Временнаго Правительства, какъ власти несмѣщенной. Надо была дать знать Духонину, что эта власть существуетъ и что она отъ борьбы съ большевиками не отказывается, что въ его помощи нуждаются, и далѣе, что онъ долженъ, насколько возможно, держаться противъ большевиковъ. Мнѣ было поручено съ виднымъ чиновникомъ военнаго вѣдомства составить текстъ телеграммы и снестись уже помимо Совѣта съ ген. Духонинымъ. Эта телеграмма за моею подписью и была отправлена по назначенію. Подлинная телеграмма теперь у меня не сохранилась. Помню, что телеграмма была очень длинной. Осталось у меня еще слѣдующее впечатлѣніе отъ тѣхъ временъ. Сношенію моему съ генераломъ Духонинымъ большинство Совѣта не придавало значенія. Было такое отношеніе — «отчего же и не попробовать снестись». Это начало сношеній съ Духонинымъ прекратилось смертью Духонина, убитаго большевиками, когда онъ говорилъ рѣчь солдатамъ съ площадки вагона.

Почему именно мнѣ тогда было поручено снестись съ ген. Духонинымъ, а никому другому? Къ этому времени еще до появленія въ Совѣтѣ чиновника Военнаго Министерства относится мое предложеніе, чтобы Совѣтъ «объявилъ себя» — переѣхавъ въ ставку къ Духонину подъ защиту его и его войска, въ которомъ большевики фактически еще не доминировали. Вопросъ не былъ рѣшенъ сразу; пришлось посвятить ему не одно засѣданіе. Съ этимъ вопросомъ какъ-то, по русскому выраженію, «мямлили». За мое предложеніе вполнѣ опредѣленно высказался только одинъ членъ Совѣта. Въ ближайшемъ же засѣданіи Совѣта, когда меня въ Совѣтѣ не было (я исполнялъ какое то порученіе Совѣта), мое предложеніе было отвергнуто, при чемъ отвергнуто съ мотивировкой. Совѣтъ это предложеніе отвергнуть просто не могъ, ибо что онъ могъ возразить на такое вполнѣ естественное предложеніе! Но онъ подыскалъ мотивы для оправданія своей боязни «дѣйствовать». Было признано, что положеніе Совѣта въ ставкѣ будетъ крайне труднымъ, такъ какъ при арміи въ то время уже были организованы различныя военныя революціонныя организаціи, комитеты и проч., которые могутъ, яко бы, своимъ вліяніемъ давить на волю и совѣсть членовъ Совѣта. Изъ сказаннаго усматривается, что у Совѣта все же не было боязни, что войска или революціонныя военныя организаціи пойдутъ противъ Правительства. Боялись одного — «будутъ давить». А, въ самомъ дѣлѣ, какъ можно давить на свободную волю членовъ Совѣта, если они ее будутъ имѣть! Необходима была въ данномъ случаѣ только самая обыкновенная воля, пониманіе и... совѣсть! Не вышло бы дѣло на фронтѣ, пришлось бы уѣхать или стушеваться. Можетъ быть, пришлось претерпѣть! Но къ чести членовъ Совѣта надо сказать, что вопросъ о рискѣ ни у кого не возникалъ и не потому, что они его замалчивали. Члены Совѣта и раньше рисковали, собираясь на совѣщанія, рисковали тѣмъ, что, такъ или иначе, боролись съ большевиками; рисковали, наконецъ, когда думали засѣдать открыто въ Сенатѣ. Конечно есть рискъ и рискъ. Одинъ носитъ идею самопожертвованія, нѣчто въ родѣ самосожженія, а другой то, что я неоднократно называлъ — идею дѣйственности. Послѣднее не было удѣломъ членовъ Совѣта. У членовъ совѣта была чисто русская психика интеллигенціи, психика кабинетныхъ людей. Они останавливались каждый разъ, какъ только нужно было претворять идею въ дѣйствіе. Указанное мотивированное заключеніе сопровождалось, однако, предложеніемъ мнѣ и Никитину ѣхать въ ставку къ Духонину въ качествѣ представителей отъ Правительства. Я категорически отклонилъ это предложеніе, тоже

съ мотивировкой: ставка отрѣзана отъ Совѣта, что я въ такомъ случаѣ могу тамъ дѣлать. Однако, я оговорился, что если бы Совѣтъ далъ мнѣ право дѣйствовать его именемъ во всѣхъ случаяхъ, когда я это найду нужнымъ, то тогда я готовъ ѣхать. «Но вѣдь я такого представительства отъ Васъ не получу?» На этомъ вопросъ и кончился; я даже не помню, получилъ ли я какой либо отвѣтъ на мое заявленіе или нѣтъ. Вѣроятно было такъ — молча отклонили, какъ нѣчто совершенно невозможное. Никитинъ съ своей стороны тоже отклонилъ предложеніе. Вслѣдъ за этимъ, хотя, можетъ быть, и не въ томъ же засѣданіи, я сдѣлалъ другое предложеніе. Я сказалъ: «Ставка Духонина отвергнута. Что же остается дѣлать? Къ кому ѣхать? Имѣется еще одно лицо, имя котораго у всѣхъ на устахъ, но котораго назвать никто не хочетъ, боясь обвиненія въ контръ-революціонности, однако — это единственное лицо, у котораго Правительство можетъ искать защиты и опоры. Я говорю — о генералѣ Калединѣ». Мои слова не вызвали ни замѣчанія, ни реплики. Всѣ промолчали. Только С. Н. Прокоповичъ, какъ то въ сторону, мелькомъ, пустилъ фразу, что имѣется у Правительства еще преданный ему генералъ Дутовъ. Кстати сказать, если я не ошибаюсь, — подчиненный ген. Каледина. А мои слова по существу своему были вызывающими, даже дерзкими. Но и дерзость моя оказалась напрасной. Я видѣлъ, что не было никакого абсолютно смысла настаивать на точномъ отвѣтѣ, ѣхать ли Временному Правительству къ ген. Каледину, и требовать, чтобы всѣ точки на «і» были поставлены. Эти точки и безъ того были слишкомъ ясны. У меня тогда же создалось убѣжденіе, что подвинуть этихъ неподвижныхъ, книжныхъ людей на дѣло ничѣмъ нельзя, что единственный способъ достичь какого либо успѣха — посадить ихъ на готовое уже мѣсто. Я рѣшилъ тогда, про себя, лично отправиться на Донъ и тамъ выяснить вопросъ о согласіи Дона и всего казачества признать и поддержать Временное Правительство, какъ всероссійскую власть.

Населеніе Петербурга въ лицѣ его интеллигенціи не мирилось съ торжествомъ большевиковъ. Около Городской Думы, какъ я упомянулъ, организовался комитетъ спасенія родины и революціи, въ составъ котораго вошли много городскихъ гласныхъ, нѣкоторые литераторы, общественные и политическіе дѣятели и представители тѣхъ политическихъ партій, которыя не признавали большевиковъ. Иначе говоря, въ комитетѣ отсутствовали изъ политическихъ партій только представители лѣвыхъ эсеровъ. Большое участіе въ дѣлахъ этого комитета принималъ, повидимомому, городской голова Шрейдеръ. По крайней мѣрѣ въ его кабинетѣ въ зданіи Городской Думы постоянно засѣдали представители этого комитета или самый комитетъ, (не помню его организаціи). Въ числѣ гласныхъ, вошедшихъ въ Комитетъ, были нѣкоторые товарищи министровъ, посѣщавшихъ Совѣтъ, въ числѣ ихъ граф. Панина, В. Я Гуревичъ; кажется, были еще и другіе. Комитетъ этотъ, какъ выразитель общественнаго мнѣнія г. Петербурга, игралъ въ немъ значительную роль. Къ его голосу прислушивались; на него надѣялись, что онъ что-то сдѣлаетъ. Этотъ комитетъ, несмотря на то, что въ составѣ его имѣлись члены Совѣта Министровъ, однако ничего не зналъ о существованіи Правительства, хотя и подпольнаго. Этому незнанію можно было только удивляться. Это показывало, что тѣ члены Совѣта, которые вошли въ комитетъ очевидно не придавали значенія тому, что дѣлалось въ самомъ Совѣтѣ Министровъ. Иначе трудно было объяснить себѣ такое явленіе. Для

меня было непостижимо какъ Товарищи Министровъ, засѣдавшіе въ Совѣтѣ и Комитетѣ, не сумѣли (вѣдь нельзя же предположить, что они этого «не хотѣли») дойти до мысли, что работа обоихъ учрежденій, хотя бы и параллельная, должна быть координирована. Для меня ясно было, что Комитетъ по своему изолированному положенію въ Россіи сдѣлать самъ ничего не сможетъ, ибо какое могъ имѣть значеніе «Петербургскій» Комитетъ для Москвы, или для другихъ городовъ Россіи, и наконецъ для всей Россіи? А между тѣмъ, какъ общественная организація, какъ моральная сила, ставшая на сторону Временнаго Правительства, Комитетъ въ дѣлѣ борьбы съ большевиками могъ оказать Правительству помощь весьма даже существенную. Между прочимъ однимъ изъ вліятельныхъ членовъ Комитета былъ бывшій членъ первой Государственной Думы и игравшій очень замѣтную роль въ трудовой народно-соціалистической партіи прис. пов. Брамсонъ. Брамсонъ — человѣкъ, который въ основу политической дѣятельности всегда ставитъ — честное отношеніе къ дѣлу. Онъ не — любитель компромиссовъ, слово «мораль» для него не пустой звукъ. Я сталъ видѣться съ Брамсономъ чуть не ежедневно по утрамъ, бесѣдовалъ съ нимъ и обсуждалъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ означенныхъ двухъ учрежденій. Мысль моя была та же, которую я уже и раньше высказывалъ относительно Совѣта рабочихъ депутатовъ. Комитетъ не можетъ дѣйствовать на всю Россію, онъ только для Петербурга; нужна же власть всероссійская; таковая имѣлась въ лицѣ Временнаго Правительства, которое вовсе не умерло и которое дѣйствуетъ. Я скрылъ отъ Брамсона, что въ распоряженіи Совѣта Министровъ находится еще государственный фондъ. «Надо признать Временное Правительство». Брамсонъ вполнѣ раздѣлилъ мою точку зрѣнія. Къ той же точкѣ зрѣнія на значеніе Временнаго Правительства пришли и другіе члены Комитета. Когда признаніе Временнаго Правительства состоялось (объ этомъ тамъ даже и не спорили), я доложилъ объ этомъ въ Совѣтѣ. Рѣшено было пригласить делегатовъ Комитета въ засѣданіе Совѣта и обмѣняться мнѣніями по поводу политическаго момента. Засѣданіе это и знакомство членовъ Совѣта и Комитета другъ съ другомъ состоялось въ квартирѣ гр. Паниной; но всѣ подробности бесѣды ихъ между собою у меня улетучились изъ памяти. Знаю навѣрное только то, что денежнаго вопроса въ засѣданіи Совѣта не подымалось. У меня лишь сохранилось впечатлѣніе отъ этой бесѣды не въ пользу Совѣта. Мнѣ очень не нравилось то, что члены Совѣта говорили съ представителями Комитета какъ-то свысока, то-есть какъ люди больше понимающіе въ политикѣ, чѣмъ ихъ собесѣдники. А было какъ разъ наоборотъ. Всякія разногласія, какія возникали между Совѣтомъ и комитетомъ, члены комитета старались по возможности сгладить. Они шли на всѣ уступки, добиваясь — итти вмѣстѣ. Для дальнѣйшихъ сношеній съ комитетомъ Совѣтъ избралъ меня и Никитина.

Совмѣстныя засѣданія въ Городской Думѣ мои съ Никитинымъ и членами комитета были иной разъ въ достаточной мѣрѣ интересны. Въ нихъ участвовалъ въ качествѣ представителя отъ соціалъ-демократовъ меньшевиковъ Данъ (Гурвичъ) — соглашатель. Его роль и въ Совѣтѣ Республики была такой же и столь же противной. Данъ стоялъ за возможность обширныхъ дѣйствій съ большевиками, каковую политику онъ проводилъ въ предпарламентѣ. Тутъ онъ настойчиво продолжалъ отстаивать свою точку зрѣнія.

Для меня его фигура была отвратительной. Я его считалъ нечестнымъ политическимъ дѣятелемъ. Для меня не было разницы между Даномъ меньшевикомъ и Даномъ большевикомъ. Повидимому и Брамсонъ относился къ Дану

крайне отрицательно. У нихъ произошла какая-то стычка въ засѣданіи. Брамсонъ выразился о взглядахъ Дана, какъ о безнравственныхъ, хотя этого слова и не произносилъ. Это конечно Дану не могло понравиться. Вышелъ разговоръ. Былъ еще одинъ членъ Комитета, фамиліи его не помню, какой-то литераторствовавшій, пріѣхавшій изъ-за границы, еврей; повидимому, изъ богатой интеллигентной семьи. Явный анти-большевикъ и печатавшій статьи противъ нихъ. Но когда онъ говорилъ о Россіи, то подымалась какая-то муть въ душѣ. Въ его словахъ было столько ненависти къ Россіи. Конечно, характеристики Дана онъ не заслуживаетъ. Вѣроятно, ему не было за что любить Россію, но слушать его отъ этого было не легче.

Посѣтилъ какъ-то засѣданіе Совѣта Министровъ и бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, пользовавшійся моей большой симпатіей и уваженіемъ, — Г. Церетелли. Былъ ли онъ тогда въ Совѣтѣ одинъ или съ другими лицами, я не помню. Если бы мнѣ сказали, что онъ былъ вмѣстѣ съ членами Комитета спасенія родины и революціи, я бы не сталъ спорить. С. Н. Прокоповичъ очень любезно его принялъ. Очевидно онъ высоко цѣнилъ Церетелли какъ политика, и конечно, какъ виднаго соціалъ-демократа. Онъ спрашивалъ о его политическомъ прогнозѣ. Церетелли весьма, какъ мнѣ помнится, мрачно высказался по поводу ближайшаго будущаго Россіи.

У Комитета Спасенія Родины и Революціи не было абсолютно никакихъ средствъ на веденіе какой бы то ни было борьбы съ большевиками. Слабость комитета была очевидной, и это вполнѣ явствовало изъ того, что большевики весьма мало обращали на него вниманія. Такое же отношеніе ихъ было и къ министрамъ свергнутаго ими правительства. Въ сущности, большевики не могли не предполагать, что дѣлаютъ же что-нибудь находящіеся на свободѣ министры и ихъ товарищи. Они остро чувствовали на себѣ саботажъ чиновниковъ въ министерствахъ. Дѣла въ министерствахъ у нихъ не ладились. Наконецъ, открыто дѣйствовалъ Комитетъ Спасенія Родины и Революціи. Но, повторяю, они на это не обращали пока вниманіе; они просто его не боялись. Но и самимъ имъ не пришло еще время развернуться. Сами они держались только тѣмъ, что ихъ поддерживалъ распропагандированный ими солдатъ. Главари большевиковъ сидѣли въ Смольномъ, какъ въ бестѣ, или, какъ въ защищенной цитадели, куда они кстати сказать свезли на всякій случай массу съѣстныхъ припасовъ. Особенно сильно большевикамъ безпокоиться впрочемъ не приходилось. На ихъ сторонѣ была воинская сила, а обыватель на рожонъ не лѣзъ. Онъ только не признавалъ большевиковъ. Лишь въ этомъ была его оппозиція.

Комитетъ задумалъ издать рядъ анти-большевистскихъ брошюръ, прокламацій и т. п. для раздачи ихъ среди войска. Эта задача тогда могла имѣть нѣкоторый успѣхъ. Въ войскахъ все же царила какая-то двойственность настроенія и нѣкоторая отсюда нерѣшительность. Но для изданій Комитету нужны были деньги, а ихъ у него не было. Онъ рѣшился обратиться за средствами къ Совѣту Министровъ. По его исчисленію ему нужно было не меньше 300—400.000 рублей. Это было приблизительно около 10—13 ноября. Тогда

же чиновники заявили о желанiи своемъ досрочно получить свое жалованiе, выдаваемое, какъ извѣстно, 20 числа каждаго мѣсяца. Они объяснили, что саботажъ съ ихъ стороны возможенъ лишь при условiи, если у нихъ будетъ на что существовать съ семьями, что они боялись, что, если имъ теперь не выдадутъ впередъ жалованiя, то Совѣтъ къ 20 числу легко можетъ оказаться безсильнымъ въ его выдачѣ, а большевики при выдачѣ жалованiя могутъ поставить имъ такiя условiя дальнѣйшаго ихъ служенiя, что о саботажѣ нечего будетъ и думать. Соображенiя чиновниковъ были вполнѣ резонны. Такимъ образомъ передъ Совѣтомъ было поставлено два вопроса денежнаго свойства. На первую очередь нужно было рѣшить вопросъ о жалованiи чиновникамъ. Это, какъ мнѣ казалось, былъ одинъ изъ самыхъ простыхъ, несложныхъ вопросовъ, на разрѣшенiи котораго не стоило даже долго останавливаться. Деньги нужно было выдать, и выдать безъ всякихъ замедленiй. Не тутъ то было! Вышло совершенно иначе. Поднялись безконечные споры, принципiальнаго якобы свойства — можно ли допускать нарушенiе закона о порядкѣ выдачи жалованiя. Спорили безконечно. С. Н. Прокоповичъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ досрочной выдачи чиновникамъ жалованiя — «не имѣемъ, дескать, права». А право это было въ рукахъ Совѣта, обладавшаго и законодательной, и исполнительной властью. Послѣ нескончаемыхъ пренiй вопросъ все же былъ рѣшенъ въ пользу немедленной выдачи жалованiя. Но вслѣдъ за этимъ произошелъ уже рѣшительный скандалъ. С. Н. Прокоповичъ, чуть не скандируя каждое слово, заявилъ, что, такъ какъ Совѣтъ допустилъ столь явное нарушенiе закона (это выдача-то жалованiя раньше срока всего на одну недѣлю), нарушилъ якобы какой-то принципъ, то онъ снимаетъ съ себя званiе предсѣдателя Совѣта и, помнится мнѣ, что даже вовсе покидаетъ Совѣтъ. На очередь сталъ — кабинетный вопросъ! Было отъ чего впасть въ тоску. Мнѣ казалось тогда, что произошло что-то рѣшительно недопустимое. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы въ средѣ Совѣта произошелъ такой расколъ, который грозилъ распадомъ власти. Теперь я бы иначе отнесся къ событiю и сказалъ бы — «если Прокоповичъ хочетъ уйти, то выберемъ на его мѣсто другого предсѣдателя». Всѣ стали убѣждать С. Н. Прокоповича, и я въ томъ числѣ, взять свой отказъ обратно. Уговоры были безконечные, но Прокоповичъ твердо стоялъ на своемъ. Помню, говорилъ и я; говорилъ о томъ, что ради того, чтобы онъ остался въ кабинетѣ я готовъ, хотя считаю это «моральнымъ давленiемъ», измѣнить свое отношенiе по вопросу о досрочной выдачѣ чиновникамъ жалованiя. Прокоповичъ обидѣлся на выраженiе «моральное давленiе», и вновь возникли нескончаемые разговоры и уговоры около этого выраженiя. Между прочимъ С. Н. Прокоповичъ, когда онъ началъ постепенно сдавать, выразился о себѣ такъ: «это на меня иногда такое находитъ». Вся фраза, можетъ быть, была выражена болѣе литературно, но слово «находитъ» имъ было произнесено. С. Н. Прокоповичъ помирился на слѣдующемъ компромиссѣ: онъ готовъ согласиться на то, чтобы изъ казначейства деньги на жалованiе чиновникамъ были выписаны немедленно и переданы въ министерство, но чтобы самая выдача жалованiя была произведена въ установленный закономъ срокъ. Съ этимъ всѣ помирились. Но про себя я рѣшилъ такъ — деньги въ Министерствѣ Юстицiи будутъ выданы чиновникамъ въ день полученiя ихъ министерствомъ. Я сдѣлалъ бы это вполнѣ сознательно. И не для демонстрацiи; я зналъ, что никому, даже Прокоповичу, не придетъ въ голову провѣрять это обстоятельство; а рисковать тѣмъ, чтобы деньги попали бы въ руки большевиковъ,

я отнюдь не хотѣлъ. Наконецъ компромиссъ Прокоповича по существу былъ лишь пожеланіемъ, ибо никто изъ министровъ не можетъ вмѣшиватся въ распоряженія другого по вѣдомству послѣдняго. Нашелъ нужнымъ выдать и выдалъ! Но, какъ на самомъ дѣлѣ прошла выдача жалованія, я такъ и не знаю, такъ какъ черезъ нѣсколько дней послѣ разсказаннаго событія уѣхалъ изъ Петербурга.

Послѣ такихъ тяжелыхъ дебатовъ о жалованіи чиновникамъ никто уже не смѣлъ настаивать на выдачѣ Комитету Спасенія Родины и Революціи — 300 или 400 тысячъ рублей на пропаганду противъ большевиковъ. Однако вопросъ на обсужденіе былъ поставленъ. Что вопросъ будетъ проваленъ, было заранѣе всѣмъ ясно. Помню, что гр. Панина, которая баллотировала за досрочную выдачу чиновникамъ жалованія, заявила, что будетъ голосовать противъ выдачи денегъ Комитету. Я не ошибаюсь, если скажу, что въ основу такого ея рѣшенія легло стремленіе не доводить С. Н. Прокоповича до новаго заявленія съ его стороны о выходѣ изъ состава Правительства или же до новой его истерики. Настроеніе гр. Паниной раздѣляли многіе изъ тѣхъ, что голосовали вмѣстѣ съ ней. С. Н. Прокоповичъ и тутъ нашелся. Онъ утверждалъ, что «мы не имѣемъ права, тратить народныя деньги на партійную борьбу». Такъ и было сказано, и на «lapsus» ссылаться нельзя! Нужны ли здѣсь комментаріи?! Враги народа, притомъ внутренніе враги народа, на юридическомъ языкѣ называемые преступниками, квалифицируются партійными противниками; съ ними бороться, выходитъ, нельзя; нѣтъ средствъ! Мнѣ кажется — дальше итти некуда. Вопросъ, какъ мнѣ помнится, даже не голосовался. Провалили безъ голосованія. Мнѣ неизвѣстно, какъ встрѣтилъ этотъ отказъ въ помощи ему Комитетъ и какъ съ своей стороны квалифицировалъ его.

Исторія по поводу выдачи чиновникамъ досрочнаго жалованія и отказъ Совѣта въ выдачѣ Комитету денегъ на антибольшевистскую пропаганду среди войскъ, а ранѣе отношеніе къ ставкѣ Духонина «переполнили чашу моего терпѣнія». Я видѣлъ, что подпольное Временное Правительство изъ тусклаго своего прозябанія на свѣтъ Божій не выйдетъ и ничего не совершитъ. Я рѣшилъ тогда, что настало время ѣхать на югъ Россіи, повидаться съ генераломъ Калединымъ, выяснить настроеніе казачества и, если удастся — уговорить генерала Каледина, принять на себя «подъ высокую руку» Временное Правительство. А если онъ на послѣднее согласится, то оповѣстить о семъ Совѣтъ Министровъ и поставить его передъ совершившимся фактомъ — приглашенія прибыть въ Новочеркасскъ. Мнѣ казалось, что тогда Правительству трудно уже будетъ не пойти на переѣздъ, что уже явится исторической необходимостью это сдѣлать, что члены правительства испугаются нравственной отвѣтственности, если не примутъ приглашенія генерала Каледина, ибо что они отвѣтятъ на вопросъ, почему они не сохранили власть, когда это было возможно.

Я заявилъ въ Совѣтѣ, что усталъ и что рѣшилъ уѣхать на отдыхъ на югъ Россіи. Меня стали уговаривать остаться, говорили даже, что уѣзжать въ такое время по политическимъ соображеніямъ недопустимо и т. п., но я категорически отстранилъ всякіе уговоры остаться. Въ то время выѣздъ изъ Петербурга былъ уже сопряженъ съ нѣкоторыми стѣсненіями, и я помню многихъ

выѣзжавшихъ въ Москву, которые для этой цѣли заходили куда-то за какими-то разрѣшеніями къ какимъ-то большевистскимъ властямъ. Однако, были и такіе, которые ухитрялись уѣзжать и безъ всякихъ разрѣшеній. Словомъ, царилъ въ этомъ отношеніи полный хаосъ; точныхъ правилъ отъѣзда никто не зналъ, да вѣроятно и нельзя было ихъ знать. Я уѣзжалъ не одинъ, а съ женой и ея сыномъ; ѣхали въ Сухумъ, гдѣ жилъ отецъ жены. Я рѣшилъ — разрѣшенія на выѣздъ у большевиковъ не брать и лично ѣхать по удостовѣренію, выданному мнѣ изъ министерства, въ которомъ значилось, что я товарищъ Министра Юстиціи и имѣю право ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ даромъ. Все прошло благополучно; мы сѣли въ вагонъ прямого сообщенія до Ростова на Дону. Дальше прямое сообщеніе прерывалось. За билетъ я денегъ не платилъ, потому что билета не бралъ. Я ѣхалъ по своему удостовѣренію, которое не только не возбуждало никакихъ и ни въ комъ сомнѣній, а напротивъ очень помогало мнѣ. Все желѣзнодорожное поѣздное начальство, то-есть кондуктора и оберъ-кондуктора, всѣ наперерывъ были со мною «предупредительны». Это «начальство» не вѣрило въ долгодневность большевистской власти и, по всѣмъ видимостямъ, не симпатизировало имъ. Власть большевиковъ тогда не была еще повсемѣстной. Путь до Ростова былъ совершенно свободенъ за Москвой. Большевики находились еще тогда въ процессѣ сжиманія себя въ кулакъ, и гдѣ силъ у нихъ не было, тамъ они стушевывались и впередъ не лѣзли. Въ Ростовѣ въ то время царилъ уже внѣшній безпорядокъ. Поѣздовъ на дальнѣйшее слѣдованіе уже не хватало, то-есть, не хватало паровозовъ; вагоны брались съ бою, публика влѣзала въ нихъ черезъ окна; въ купэ на шесть человѣкъ набивалось до 12—15 пассажировъ. Словомъ было очень нехорошо. Отъ Ростова я одинъ поѣхалъ въ Новочеркасскъ. Новочеркасскъ былъ переполненъ.

При въѣздѣ въ Новочеркасскъ я былъ свидѣтелемъ сцены, произведшей на меня очень тяжелое впечатлѣніе. Я ѣхалъ на извозчикѣ, и мнѣ пришлось ѣхать мимо зданія Новочеркасской Судебной Палаты. У главнаго подъѣзда Палаты было много народу. Происходила давка, слышны были крики, были казаки на лошадяхъ. «Что тамъ такое?» — спросилъ я извозчика. Изъ словъ извозчика я узналъ, что народъ не хочетъ выпускать изъ рукъ своихъ какого-то разбойника. Весь городъ, оказывается, объ этомъ зналъ. Словомъ, происходилъ самосудъ и гдѣ — передъ зданіемъ судебныхъ установленій! Къ вечеру я узналъ въ подробностяхъ, что произошло. Былъ арестованъ властями и посаженъ въ тюрьму очень извѣстный въ Новочеркасскѣ преступникъ — грабитель и убійца. На его душѣ было чуть ли не до семи убійствъ. Его очень долго ловили; назначали на ночь облавы, опредѣляли ночныхъ сторожей, дѣлали слѣжку. Народъ его ненавидѣлъ и за безсмысленность совершенныхъ имъ убійствъ, и за то, что онъ вносилъ столько безпокойства въ его жизнь, жизнь обывателя, «только и возись, что съ нимъ». Когда слѣдователь вызвалъ арестованнаго изъ тюрьмы къ допросу въ зданіе Суда, то обратно въ тюрьму его уже не удалось вернуть. Народъ не пустилъ. Выходили убѣждать народъ не вмѣшиваться въ судебное дѣло и административныя, и судебныя власти — прокуроръ Палаты и, если я не ошибаюсь, даже старшій предсѣдатель Судебной Палаты. Но все было напрасно. Дали знать генералу Каледину, и онъ прислалъ казаковъ для охраны порядка. Но казаки стали на сторону народа. Преступникъ былъ выведенъ на улицу. Тогда выступилъ одинъ изъ пострадавшихъ и принесъ на него публично жалобу. Одинъ казакъ

или солдатъ изъ толпы хватилъ преступника по головѣ шашкой и убилъ его. Этимъ дѣло закончилось. Тѣло преступника было куда-то убрано, а кровавые слѣды на тротуарѣ и мостовой засыпаны пескомъ. Но мѣсто убійства было отчетливо видно еще и на другой день. Я самъ его видѣлъ, когда проходилъ въ засѣданіе Палаты.

По поводу этого русскаго «суда Линча», который меня не столько возмутилъ, сколько смутилъ своеволіемъ толпы, не считавшейся съ властью, мнѣ пришлось много говорить. Мнѣ претило, что сами власти не отнеслись достаточно серьезно къ такому эксцессу толпы. Но вполнѣ возможно, что власти уже иначе не могли поступить, чувствуя свое безсиліе. Но публика, вся Новочеркасская публика, изъ низовъ и частью изъ верховъ — сторожа казенныхъ учрежденій, швейцары, извозчики, дворники, прислуга ресторановъ, рабочіе и т. п., всѣ, съ кѣмъ я заговаривалъ, всѣ говорили одно: «Слава Богу, убили его наконецъ». Таково было отношеніе «плебса» къ событію дня.

Это было показательно: власть въ Новочеркасскѣ не была крѣпкой; ей приходилось подчиняться настроенію толпы. Правда, я тогда не слышалъ ни одного отзыва, направленнаго противъ самой власти. Повидимому, съ генераломъ Калединымъ считались и относились къ нему съ уваженіемъ.

Я еле нашелъ прибѣжище въ Новочеркасскѣ. Если бы не прокуроръ Палаты Ермоленко, я право не зналъ бы, какъ мнѣ быть. Онъ гостепріимно устроилъ меня у себя. Ермоленко имѣлъ доступъ къ генералу Каледину, и на другой же день устроилъ мнѣ свиданіе съ нимъ. Первоначально онъ предложилъ мнѣ, до свиданія съ генераломъ Калединымъ, повидаться съ генераломъ Богаевскимъ, но я отклонилъ это предложеніе, желая говорить только и непосредственно съ однимъ генераломъ Калединымъ.

Генерала Каледина я видѣлъ раньше только на Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, да и то издали, — но я имѣлъ о немъ совершенно опредѣленное мнѣніе, какъ о человѣкѣ, который, какъ я узналъ, вѣренъ своему слову и ни на какія реставраціонныя или тому подобныя авантюры не пошелъ бы. Свиданіе мое съ нимъ было весьма короткимъ. Помню, что я совершенно откровенно сказалъ Каледину, что имя его связано съ идеей контръ-революціи, что онъ долженъ это знать и обстоятельство это взвѣсить. На Каледина мои слова подѣйствовали очень тяжело, возбудили въ немъ чувство досады, и онъ по этому поводу даже кулакомъ по столу стукнулъ. Калединъ произвелъ на меня впечатлѣніе патріотически настроеннаго, но крайне утомленнаго человѣка; онъ возбуждалъ во мнѣ большую симпатію, смѣшанную съ чувствомъ какой-то жалости къ нему. Калединъ ясно сознавалъ, какъ важно было сохранить для Россіи единую и безспорную власть. Онъ сказалъ, что не желаетъ ничего лучшаго, какъ переѣзда Временнаго Правительства въ Новочеркасскъ, что онъ будетъ защищать правительство, какъ самого себя, но, прибавилъ онъ, — временно я самъ не могу стать въ подчиненное къ нему положеніе, такъ какъ казачество фактически ведетъ свою отдѣльную отъ Россіи политику, и я въ настоящее время какъ представитель независимаго Донского казачества веду переговоры съ казаками Кубани и Терека о взаимныхъ отношеніяхъ казаковъ. Вопросъ о подчиненіи казачества Временному Правительству можетъ возникнуть только по окончаніи этихъ переговоровъ. Необходимо

для этого установить еще, что Временное Правительство не пало, а существуетъ реально. Словомъ, вопросъ о власти былъ поставленъ въ достаточной мѣрѣ просто и ясно. Я написалъ подробное письмо въ Петербургъ С. Н. Прокоповичу съ отчетомъ о моей бесѣдѣ съ генераломъ Калединымъ. Чтобы не было никакихъ сомнѣній, какъ толковать слова Каледина, я всю бесѣду съ Калединымъ изложилъ по абзацамъ и занумеровалъ таковые. Въ письмѣ своемъ, кромѣ того, я извѣщалъ Прокоповича, что для Временнаго Правительства и части Сената отводится помѣщеніе въ Новочеркасскѣ, именно — весь верхній этажъ огромнаго зданія Новочеркасской Судебной Палаты предназначенъ для нихъ, что дѣлается это съ вѣдома и согласія старшаго предсѣдателя Новочеркасской Судебной Палаты.

Письмо въ Петербургъ было послано съ нарочнымъ — секретаремъ или однимъ изъ кандидатовъ на судебную должность Новочеркасскаго Окружного Суда. Письмо было отправлено въ трехъ экземплярахъ по тремъ адресамъ разнымъ лицамъ. Дошли ли они?! Не знаю; что одно не дошло, мнѣ хорошо извѣстно, ибо я видѣлся съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, на имя коего было послано одно изъ писемъ. У меня не сохранилось черновика моего письма, такъ какъ его пришлось уничтожить, когда я жилъ въ городѣ Сухумѣ и когда тамъ появились большевики. Обыскъ былъ и у меня въ квартирѣ. Черновикъ не представлялъ особаго цѣннаго документа, такъ какъ я жилъ въ увѣренности, что письма мои дошли до Петербурга. Копія моего письма должна храниться у Ермоленко, который до отсылки пакета въ Петербургъ снялъ эту копію.

Во всякомъ случаѣ, дошло ли мое письмо къ Прокоповичу, или не дошло, успѣха оно уже не могло имѣть. Вскорѣ послѣ моего отъѣзда, какъ мнѣ сообщили впослѣдствіи, Совѣтъ рѣшилъ заявить о себѣ. Онъ обратился къ народу съ воззваніемъ, призывая его сплотиться около Учредительнаго Собранія. Мнѣ такъ и не удалось ознакомиться съ содержаніемъ этого воззванія.

Межъ двухъ огней

(Записки зеленаго)

Н. Вороновича

I

Лѣтомъ 1917 года среди группы офицеровъ и солдатъ Лужскаго гарнизона зародилась мысль объ организаціи кооператива раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Большая часть Лужскаго гарнизона состояла изъ слабосильныхъ командъ, въ которыя командировались выздоравливавшіе отъ раненій и болѣзней солдаты и офицеры кавалерійскихъ частей. Многіе изъ нихъ были уже совершенно непригодны для фронтовой службы, а нѣкоторые нуждались въ продолжительномъ климатическомъ лѣченіи. Я самъ недавно вернулся изъ Гагръ, гдѣ провелъ зиму 1915 — 16 г. г. и испыталъ на себѣ благодатный климатъ Черноморскаго побережья, благодаря которому почти совершенно оправился отъ послѣдствій двухъ тяжелыхъ контузій. По мысли иниціаторовъ въ кооперативъ могли вступать воинскіе чины, нуждавшіеся въ такомъ климатическомъ лѣченіи. Для этой цѣли мы предполагали исходатайствовать у Временнаго Правительства разрѣшеніе на передачу кооперативу участка земли въ Сочинскомъ округѣ Черноморской губерніи, пригоднаго для занятій садоводствомъ, огородничествомъ и животноводствомъ. Эти отрасли сельскаго хозяйства должны были давать средства, необходимыя для содержанія и лѣченія членовъ кооператива.

Временное Правительство, въ лицѣ товарища министра земледѣлія Ракитина, сочувственно отнеслось къ этому проекту и предписало начальнику Кубано-Черноморскаго управленія госуд. имуществъ предоставить возможность уполномоченнымъ кооператива осмотрѣть и выбрать подходящій для цѣлей кооператива земельный участокъ.

Въ началѣ Августа, воспользовавшись полученнымъ мною отпускомъ по болѣзни, я въ сопровожденіи унтеръ-офицера С. выѣхалъ на Кавказъ и, послѣ долгихъ препирательствъ съ лѣсничими и другими чиновниками министерства земледѣлія (весьма недоброжелательно отнесшимися и къ намъ, и къ министерскому предписанію), облюбовалъ находившійся въ 4 верстахъ отъ города Сочи, на самомъ берегу моря, пустующій участокъ графа Мусина-Пушкина.

Участокъ этотъ, перешедшій владѣльцу еще въ 70-хъ годахъ отъ казны, болѣе 30 лѣтъ не обрабатывался и находился въ совершенно запущенномъ состояніи, весь заросшій непроходимымъ кустарникомъ и столѣтними дубовыми и каштановыми деревьями. Еще по дореволюціоннымъ законамъ всѣ «культурные»

(находившіеся въ прибрежной полосѣ по обѣимъ сторонамъ Черноморскаго шоссе) участки, переданные казной владѣльцамъ, отбирались обратно въ казну, если владѣльцы въ теченіи пяти лѣтъ не приступали къ ихъ обработкѣ и приведенію въ культурное состояніе. На основаніи этого закона участокъ графа Мусинъ-Пушкина также подлежалъ отчужденію въ казну, но благодаря связямъ графа и тому положенію, которое занималъ въ Сочи его управляющій (мечтавшій разбить его на мелкіе участки для продажи по баснословно высокимъ цѣнамъ), оставался все еще за прежнимъ владѣльцемъ.

Вернувшись въ Петроградъ, мы подали въ Министерство земледѣлія соотвѣтствующее заявленіе, приложивъ къ нему всѣ документальныя данныя, касающіеся участка гр. Мусинъ-Пушкина, и вскорѣ получили оффиціальное разрѣшеніе на временное, впредь до окончательнаго разрѣшенія земельнаго вопроса, пользованіе этимъ участкомъ.

Послѣ ликвидаціи Корниловскаго выступленія я, сложивъ съ себя полномочія предсѣдателя Лужскаго совѣта солдатскихъ, крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ, выѣхалъ на Кавказъ въ качествѣ предсѣдателя правленія трудового сельско-хозяйственнаго кооператива «Новая Луга», для подготовки переѣзда въ Сочи 27 членовъ кооператива и ихъ семействъ.

Я мечталъ отдохнуть отъ войны и революціонныхъ событій, отойти отъ политической дѣятельности и всецѣло отдаться своему любимому занятію — огородничеству и животноводству. Однако, судьбѣ угодно было бросить меня въ новый водоворотъ событій и разбить всѣ тѣ перспективы отдыха, которыя рисовались мнѣ при отъѣздѣ на Кавказъ...

Былъ конецъ Сентября. На Черноморскомъ побережьѣ время это считается самымъ лучшимъ въ году. Лѣтняя жара спала, наступила чудная, теплая, душистая осень, или вѣрнѣе вторая весна, когда расцвѣтаютъ вновь различные виды южныхъ деревьевъ и цвѣтовъ.

Въ Сочи и его окрестностяхъ все было переполнено съѣхавшейся изъ Петрограда, Москвы и другихъ большихъ городовъ публикой. Жизнь била ключемъ. Только отсутствіе пароходныхъ рейсовъ напоминало веселящимся и отдыхающимъ обывателямъ о войнѣ и революціи.

Я остановился въ громадной гостиницѣ «Кавказская Ривьера», состоящей изъ четырехъ отдѣльныхъ многоэтажныхъ корпусовъ, расположенныхъ на самомъ берегу моря. Просыпаясь по утрамъ, я наслаждался дивной панорамой спокойнаго бирюзоваго моря, тихо плескавшагося подъ моимъ окномъ. А выйдя на балконъ, я могъ любоваться не менѣе красивой картиной обступившихъ Сочи горныхъ гигантовъ съ ослѣпительно блестѣвшими на солнцѣ, покрытыми снѣгомъ вершинами. Внизу, въ паркѣ, цвѣли розы и тихо шелестѣли огромными продолговатыми листьями бананы... И, если не люди, то природа заставляла забывать и войну, и революцію, и грозныя симптомы надвигавшейся гражданской войны...

По дѣламъ кооператива мнѣ пришлось познакомиться съ мѣстными учрежденіями и въ томъ числѣ съ Сочинскимъ совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ.

Сочи съ его 15,000-мъ населеніемъ являлся не столько городомъ, сколько большимъ дачнымъ мѣстечкомъ. Все коренное населеніе города жило и кормилось вокругъ пріѣзжавшихъ на время сезона дачниковъ и «курсовыхъ». Ни фабрикъ, ни заводовъ въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ не было. Промышленными предпріятіями являлись исключительно гостиницы, рестораны и

духаны, обслуживавшіеся большей частью мѣстныхъ жителей. Другіе аборигены занимались или посредничествомъ по куплѣ и продажѣ домовъ, дачъ и участковъ, или извознымъ промысломъ. И, наконецъ, остальные обыватели состояли изъ отставныхъ военныхъ и чиновниковъ, пріобрѣвшихъ дома и дачные участки и мирно доживавшихъ свои дни въ этомъ чудномъ уголкѣ побережья.

Съ 1914 года, когда было приступлено къ постройкѣ Черноморской желѣзной дороги (отъ Туапсе до ст. Ново-Сенаки Закавказской ж. д.), на побережье хлынули толпы чернорабочихъ. Съ началомъ войны ряды этихъ рабочихъ порѣдѣли и ихъ стали замѣнять военно-плѣнными австрійцами. Къ осени 17 года въ окрестностяхъ Сочи оставалось все-таки до 10.000 рабочихъ, типичныхъ представителей «лумпенъ пролетаріата». Кромѣ этихъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, въ Сочи находилось около 300 мастеровыхъ, грузчиковъ, извозчиковъ и небольшое число квалифицированныхъ рабочихъ.

Гарнизонъ Сочи состоялъ изъ двухъ ротъ желѣзно-дорожнаго баталіона, береговой легкой батареи и полу-сотни пограничной стражи.

Таковъ былъ контингентъ избирателей, объединявшихся Сочинскимъ совѣтомъ.

Большинство желѣзно-дорожныхъ служащихъ и рабочихъ никакого участія въ совѣтѣ не принимали, ибо, во-первыхъ, мало интересовались политикой, а во вторыхъ, предпочитали имѣть дѣло со своимъ желѣзно-дорожнымъ комитетомъ. Поэтому большая часть членовъ Сочинскаго совѣта состояла изъ солдатъ желѣзно-дор. баталіона и мѣстныхъ коренныхъ рабочихъ и интеллигентовъ.

Никакой активной роли въ мѣстной жизни Сочинскій совѣтъ до Октябрьскаго переворота не игралъ, собирался очень рѣдко и выносилъ запоздалыя резолюціи, стараясь слѣпо подражать во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ постановленіямъ Петроградскаго совѣта.

Представителемъ временнаго правительства являлся окружной комиссаръ, вольноопредѣляющійся одного изъ Кавказскихъ полковъ и мѣстный дачевладѣлецъ Науманъ, считавшій себя, по какому-то недоразумѣнію, правовѣрнымъ эс-эромъ.

Что касается до политическихъ партій — то дѣятельность ихъ въ Сочи также почти ничѣмъ не проявлялась. Въ городѣ была небольшая группа ка-детъ, еще меньшая группка эсъ-эровъ, нѣсколько человѣкъ большевиковъ и довольно солидная численностью группа соціалъ-демократовъ меньшевиковъ. Послѣдняя состояла почти изъ одннхъ грузинъ, довольно многочисленныхъ въ городѣ и округѣ. Кромѣ перечисленныхъ партійныхъ группировокъ, въ Сочи имѣлся окружной комитетъ Дашнакцакановъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ среди мѣстныхъ поселянъ армянъ и причинившій имъ много зла своей двуличной политикой, постоянной перемѣной оріентацій и отсутствіемъ опредѣленной позиціи.

Всѣ эти политическія группы жили между собой довольно дружно, никогда не выступали съ демагогическимъ натравливаніемъ массъ другъ на друга и не претендовали на исключительныя права и преимущества. Даже большевики до Ноября мѣсяца не слѣдовали въ этомъ отношеніи примѣру своихъ столичныхъ товарищей.

Впрочемъ, настоящихъ большевиковъ въ Сочи и не было. Единственный правовѣрный большевикъ, ясно понимавшій тактику и программу партіи, былъ нѣкій Поярковъ, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться вскорѣ по пріѣздѣ въ Сочи.

Какъ-то разъ, придя на засѣданіе Сочинскаго совѣта, я обратилъ вниманіе на коренастаго, бородатаго, среднихъ лѣтъ человѣка, одѣтаго въ парусиновый пиджакъ и высокіе сапоги, авторитетно объяснявшаго что-то почтительно слушавшимъ его рабочимъ.

— Кто это такой, полюбопытствовалъ я у одного изъ членовъ исполнительнаго комитета.

— Это наша Сочинская знаменитость: лидеръ мѣстныхъ большевиковъ и бывшій президентъ Сочинской республики — Поярковъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ біографію «президента», а заодно и исторію кратковременнаго существованія Сочинской республики.

Дѣло происходило въ 1905 году. Призванный въ одинъ изъ Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ и попавшій въ Манчжурію, Поярковъ дезертировалъ съ фронта и, скрываясь на югѣ Россіи, поступилъ въ одну изъ соціалъ-демократическихъ боевыхъ организацій. Пріѣхавъ въ Сочи онъ сталъ вести революціонную пропаганду среди окрестныхъ крестьянъ и городскихъ рабочихъ. Экспансивные грузины, которымъ понравились смѣлыя рѣчи Пояркова, избрали его предсѣдателемъ революціоннаго комитета. Въ одинъ прекрасный день предводительствуемая Поярковымъ толпа въ 200 человѣкъ обезоружила немногочисленную Сочинскую полицію и постъ пограничниковъ, арестовала начальника округа и двухъ-трехъ другихъ представителей власти, подняла надъ тюрьмой и окружнымъ управленіемъ красные флаги и объявила Сочи — отдѣлившейся отъ Россіи самостоятельной соціалистической республикой.

Руководитель выступленія Поярковъ былъ избранъ президентомъ.

Однако, самостоятельное существованіе миніатюрной республики продолжалось всего 36 часовъ.

На слѣдующій-же день послѣ переворота къ Сочи подошелъ миноносецъ, навелъ на городъ орудія и потребовалъ безусловной сдачи. Революціонеры, во главѣ съ Поярковымъ, моментально бѣжали въ горы, а оставшіеся въ городѣ встрѣтили съ хлѣбомъ-солью высаженный миноносцемъ дессантъ въ 40 казаковъ, быстро и безкровно присоединившій къ Россіи отдѣлившуюся «республику».

Черезъ нѣсколько дней Поярковъ добровольно явился съ повинной къ начальнику округа, отдался въ руки властей и, какъ поговаривали, выдалъ нѣсколькихъ зачинщиковъ революціоннаго выступленія. Ввиду этого Поярковъ не былъ казненъ, а всего лишь сосланъ на поселеніе въ Иркутскую губернію, откуда и вернулся въ Сочи послѣ революціи 17 года. Въ Сочи его встрѣтили, какъ героя, позабывъ нѣкоторыя темныя стороны его прошлой дѣятельности. Это объясняется тѣмъ, что Поярковъ былъ единственнымъ политическимъ ссыльнымъ, вернувшимся въ Сочи послѣ революціи, а Сочинскіе обыватели не хотѣли отстать отъ другихъ городовъ, торжественно встрѣчавшихъ «жертвъ произвола самодержавнаго строя».

II

Произведенный большевиками въ Петроградѣ переворотъ не внесъ первоначально никакого измѣненія въ спокойную Сочинскую жизнь. Всѣ ожидали результатовъ переворота, внимательно прислушиваясь къ извѣстіямъ изъ столицы. Никакихъ попытокъ со стороны буржуазныхъ и умѣренныхъ социалистиче-

скихъ партій къ поддержанію свергнутаго большевиками Временнаго Правительства сдѣлано не было.

Когда мѣстные большевики убѣдились въ томъ, что ихъ товарищи въ Петроградѣ и Москвѣ прочно укрѣпились и вполнѣ овладѣли правительственнымъ аппаратомъ, они рѣшили объявить и въ Сочи власть совѣтовъ.

Въ нѣсколько дней партія большевиковъ сильно увеличилась въ своемъ составѣ. Для этого Сочинскіе большевики отправили спеціальныхъ агитаторовъ на линію строющейся желѣзной дороги и привезли съ собой въ городъ десятка два «лумпенъ пролетаріевъ».

Послѣ этого было созвано экстренное собраніе совѣта, который почти безъ преній торжественно объявилъ передачу всей власти въ округѣ и городѣ — совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Рѣшеніе это было принято голосами мѣстныхъ 6 — 7 большевиковъ и 20-ю привезенными ими съ линіи рабочими, противъ воздержавшихся остальныхъ членовъ совѣта, примыкавшихъ къ эс-эрамъ и меньшевикамъ.

А вслѣдъ за этимъ постановленіемъ въ Сочи повторилось происшедшее тогда повсемѣстно въ Россіи явленіе: имѣвшіе довольно значительное большинство въ совѣтахъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ члены партій соц-рев. и соц.-демократовъ меньшевиковъ, вмѣсто того, чтобы продолжать работу въ совѣтахъ и исполнительныхъ комитетахъ, бороться въ этихъ учрежденіяхъ съ большевиками и постараться такимъ путемъ ликвидировать политику послѣднихъ, рѣшили выйти изъ исполкомовъ, добровольно очистивъ поле сраженія. Большевики не преминули воспользоваться этимъ рѣшеніемъ правыхъ соціалистовъ и очень быстро сумѣли провести на мѣста ушедшихъ противниковъ своихъ сторонниковъ. Благодаря этому почти во всѣхъ мѣстныхъ совѣтахъ и исполкомахъ большинство голосовъ стало принадлежать коммунистамъ или сочувствующимъ имъ лѣвымъ эс-эрамъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ правые соціалисты поняли свою ошибку, но исправить ее было уже поздно. Большевики умѣло использовали въ глазахъ рабочихъ и солдатъ «дезертирство и саботажъ» эс-эровъ и меньшевиковъ, а неудачныя и нерѣшительныя выступленія этихъ партій противъ «рабоче-крестьянскаго правительства» еще болѣе укрѣпили положеніе правящей партіи.

Вмѣсто сложившаго съ себя полномочія предсѣдателя исполкома, прапорщика мѣстной береговой батареи эс-эра Теръ-Григорьяна, былъ избранъ случайно находившійся въ Сочи членъ Петроградскаго совѣта большевикъ Сундуковъ, оказавшійся очень благоразумнымъ, умѣреннымъ, рѣшительнымъ и работоспособнымъ дѣятелемъ.

Такъ какъ среди большевиковъ не оказалось достаточнаго числа дѣльныхъ людей, которыхъ можно-было бы избрать въ исполкомъ, Сундуковъ предложилъ избрать временный революціонный комитетъ, въ который вошли одинъ большевикъ (наборщикъ мѣстной типографіи) и два безпартійныхъ, въ томъ числѣ начальникъ гарнизона и командиръ желѣзно-дорожнаго баталіона полковникъ Козловъ.

На этомъ и окончились всѣ Сочинскія реформы. Не нарушенная никакими кровавыми выступленіями, жизнь города продолжала течь вполнѣ нормально и большевистскій переворотъ ничѣмъ не отразился на обывателяхъ.

Однако, вскорѣ и въ Сочи стали сказываться послѣдствія переворота, выразившіяся въ медленно, но вѣрными шагами надвигавшейся экономической разрухѣ.

Это сказалось прежде всего на строющейся Черноморской дорогѣ. Управленіе дороги находилось въ Петроградѣ, откуда главный инженеръ получалъ всѣ распоряженія и денежныя средства. Къ Декабрю всѣ имѣвшіяся въ Сочинскомъ главномъ дорожномъ комитетѣ средства изсякли. Комитетъ рѣшилъ пріостановить работы и распустить строительныхъ рабочихъ. Рѣшеніе это вызвало взрывъ возмущенія среди послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что у комитета не было достаточныхъ суммъ для того, чтобы расплатиться съ рабочими. Одну за другой слалъ комитетъ въ Петроградъ телеграммы, но никакого отвѣта на нихъ не получалось. Главный инженеръ и дорожный комитетъ рѣшили тогда свалить всю отвѣтственность на Сочинскій совѣтъ раб. депутатовъ, какъ на признанную рабочими власть.

А между тѣмъ предсѣдатель революціоннаго комитета Сундуковъ, вызванный срочной телеграммой Центр. Комитетомъ, выѣхалъ въ Петроградъ, сложивъ съ себя обязанности фактическаго главы Сочинскаго совѣта, который остался безъ руководителя. Революціонный комитетъ растерялся и не зналъ, что предпринять для успокоенія рабочихъ, которые угрожали придти въ Сочи и разгромить городъ.

Я въ это время успѣлъ закончить всѣ приготовленія для размѣщенія членовъ нашего кооператива и собирался выѣхать въ Петроградъ и въ Лугу для полученія ассигнованной еще Временнымъ Правительствомъ кооперативу долгосрочной ссуды въ 27,000 рублей, пріобрѣтенія необходимыхъ орудій и инструментовъ и для встрѣчи съ оставшимися въ Лугѣ членами правленія.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда ко мнѣ явились два члена Сочинскаго совѣта и обратились со слѣдующимъ предложеніемъ:

Для расплаты съ рабочими Черноморской дороги необходимо получить изъ Петрограда отъ Наркомфина семь милліоновъ рублей. Рабочіе согласились подождать полученія этихъ денегъ и не предпринимать никакихъ выступленій, если совѣтъ обезпечитъ имъ на это время отпускъ продовольствія. Запасы продовольствія въ окружной продов. управѣ невелики и ихъ хватитъ самое большее на шесть недѣль. Поэтому деньги необходимо получить какъ можно скорѣе. Для этой цѣли совѣтъ рѣшилъ отправить въ Петроградъ своего представителя, который долженъ былъ во чтобы-то ни стало добиться полученія денегъ и привезти ихъ въ Сочи. Но никто изъ членовъ революціоннаго комитета не хочетъ взять на себя этой миссіи, ссылаясь на полное незнакомство съ Питерскими порядками. Ввиду этого на частномъ совѣщаніи членовъ совѣта было рѣшено просить меня принять это непріятное порученіе и одновременно согласиться выставить свою кандидатуру въ предсѣдатели Сочинскаго совѣта, такъ какъ это званіе могло бы значительно облегчить полученіе денегъ изъ Государственнаго банка.

Первоначально я категорически отказался отъ этого предложенія, заявивъ, что не считаю возможнымъ, не принадлежа къ партіи большевиковъ, возглавлять, хотя-бы и фиктивно, совѣтъ, большинство членовъ котораго большевики. Но, когда вслѣдъ за первой делегаціей ко мнѣ явились представители безпартійныхъ рабочихъ и просили принять во вниманіе ихъ трагическое положеніе — я согласился, выставивъ непремѣннымъ условіемъ созывъ крестьянскаго и рабочаго съѣзда для избранія окружного исполнительнаго комитета, который бы явился высшимъ органомъ мѣстной власти. (До этого времени крестьяне не имѣли своихъ представителей ни въ совѣтѣ, ни въ его исполнительномъ органѣ).

Совѣтъ согласился съ моимъ требованіемъ и черезъ нѣсколько дней, снабженный цѣлой пачкой мандатовъ и удостовѣреній, я въ сопровожденіи одного изъ членовъ революціоннаго комитета — Королева — выѣхалъ на автомобилѣ въ Новороссійскъ, откуда предполагалъ проѣхать по жел. дорогѣ черезъ Ростовъ въ Петроградъ.

Пріѣхавши въ Новороссійскъ я узналъ, что желѣзнодорожное сообщеніе съ Ростовомъ прервано, ввиду начала военныхъ дѣйствій между большевиками и Кубанскимъ краевымъ правительствомъ.

На Кубани въ это время происходило слѣдующее:

Кубанская рада и краевое правительство Быча не признали власти Совѣта Народныхъ Комиссаровъ и, ввиду происшедшаго въ Петроградѣ переворота, рѣшили объявить Кубань самостоятельной республикой. И Петроградскіе, и мѣстные большевики поняли, что самостоятельная Кубань захочетъ имѣть выходъ къ Черному морю, для чего присоединитъ Черноморскую губернію съ Новороссійскимъ и Туапсинскимъ портами. Потеря Черноморской губерніи явилась-бы для большевиковъ потерей всего Сѣвернаго Кавказа, поэтому изъ центра въ Новороссійскъ, въ которомъ пребывалъ Кубано-Черноморскій центр. исполкомъ, были присланы директивы ликвидировать Кубанское правительство и занять Екатеринодаръ.

Для выполненія директивъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ мѣстные большевики, при помощи возвращавшейся съ Кавказскаго фронта и распропагандированной ими 21-й пѣхотной дивизіи, заняли городъ Армавиръ, въ которомъ образовался Кубанскій революціонный комитетъ. Съ занятіемъ Армавира Кубанскій ревкомъ долженъ былъ предпринять наступленіе на Екатеринодаръ вдоль жел. дор. линій Кавказская-Екатеринодаръ и Тихорѣцкая-Екатеринодаръ, а Новороссійскій исполкомъ одновременно съ этимъ двинуть войска на Екатеринодаръ со станціи Крымской.

Однако, у Новороссійскаго исполнительнаго комитета, кромѣ двухъ баталіоновъ красной гвардіи, состоявшихъ изъ мѣстныхъ рабочихъ, никакихъ войскъ не было.

Въ это время (начало Января 1918 года) въ Новороссійскъ, Севастополь и другіе Черноморскіе порты стали прибывать транспорты изъ Трапезунда съ возвращавшимися съ Кавказскаго фронта частями.

Новороссійскіе большевики рѣшили использовать эти полки для наступленія на Екатеринодаръ. Но прибывавшіе въ Новороссійскъ полки совершенно не хотѣли воевать и требовали немедленной дальнѣйшей отправки по домамъ. Съ большимъ трудомъ предсѣдателю Новороссійскаго совѣта Лосеву удалось уговорить два баталіона двинуться въ походъ противъ Кубанскаго правительства. Эти два баталіона (значительно растаявшіе по пути до Крымской) и составили ядро Новороссійско-Екатеринодарскаго фронта, который сталъ пополняться вновь прибывающими съ Кавказскаго фронта частями.

За два или три дня до моего пріѣзда, въ Новороссійскѣ разыгралась на почвѣ такого пополненія фронта жуткая драма, закончившаяся гибелью 32-хъ офицеровъ.

Въ портъ вошелъ прибывшій изъ Трапезунда транспортъ съ тремя баталіонами одного изъ Туркестанскихъ (если память мнѣ не измѣняетъ) полковъ. Новороссійскій совѣтъ тотчасъ-же командировалъ на транспортъ своихъ представителей и агитаторовъ, предложившихъ полку немедленно выгрузиться и слѣдовать на фронтъ противъ кубанцевъ.

Солдаты собрали митингъ, пригласивъ на него всѣхъ ѣхавшихъ съ ними офицеровъ, которыхъ просили дать имъ совѣтъ, какъ поступить: ѣхать-ли драться съ казаками, или требовать отправки въ Феодосію для дальнѣйшаго слѣдованія по желѣзной дорогѣ на родину. Офицеры, которымъ не улыбалась перспектива сражаться на фронтѣ гражданской войны, посовѣтовали солдатамъ требовать немедленнаго отправленія въ Феодосію. Солдаты съ радостью согласились съ такимъ совѣтомъ и передали свое ультимативное требованіе представителямъ Новороссійскаго совѣта. Послѣдніе съѣхали на берегъ и доложили исполкому о постигшей ихъ неудачѣ, заявивъ, что всему виной офицеры, отговорившіе согласившихся было солдатъ слѣдовать на фронтъ.

Въ Новороссійскомъ порту стояло два миноносца, команды которыхъ были опорой мѣстныхъ большевиковъ. Исполнительный комитетъ рѣшилъ воспользоваться этими миноносцами для того, чтобы расправиться съ контръ-революціонными офицерами, а заодно и постращать несговорчивыхъ солдатъ.

Какъ только транспортъ снялся съ якоря и началъ уходить въ море, къ нему подошли два миноносца и, наведя на него дула орудій, потребовали выдачи всѣхъ офицеровъ. Солдаты сначала отказались исполнить это требованіе, но затѣмъ, когда матросы заявили, что, если офицеры не будутъ выданы, то транспортъ будетъ немедленно потопленъ, принуждены были согласиться. Всѣ офицеры были сняты съ транспорта, перевезены на молъ и тутъ же, на глазахъ у своихъ солдатъ, разстрѣляны.

Послѣ этой жестокой расправы съ офицерами, матросы потребовали отъ солдатъ выдачи всего имѣвшагося въ полку оружія, угрожая снова, въ случаѣ отказа, пустить транспортъ ко дну. Солдаты выдали оружіе, были разбиты поротно и свезены на берегъ. Здѣсь часть изъ нихъ, изъявившая желаніе слѣдовать на фронтъ, была вновь вооружена и отправлена въ Крымскую, а остальные были посланы подъ охраной матросовъ на работы по разгрузкѣ транспортовъ съ продовольствіемъ.

Узнавъ въ Новороссійскѣ о невозможности ѣхать желѣзной дорогой на Ростовъ, я рѣшилъ измѣнить маршрутъ и ѣхать или черезъ Севастополь, или черезъ Феодосію.

На мое несчастье судовыя команды перевозившихъ войска транспортовъ, узнавъ о положеніи въ Новороссійскѣ, рѣшили избѣгать захода въ этотъ портъ, и транспорты стали направляться прямо въ Севастополь, Феодосію и Керчь.

Пришлось просидѣть нѣсколько дней въ Новороссійскѣ и въ буквальномъ смыслѣ «ждать у моря погоды».

На пятый день моего невольнаго сидѣнія въ Новороссійскъ зашелъ, по пути въ Севастополь, вспомогательный крейсеръ «Король Карлъ».

Получивъ соотвѣтствующіе документы отъ Новороссійскаго совѣта, я съ своимъ спутникомъ погрузились на крейсеръ, команда котораго встрѣтила непрошенныхъ пассажировъ весьма недружелюбно. Сначала мы не могли понять, чѣмъ вызвано нелюбезное къ намъ отношеніе офицеровъ и матросовъ крейсера, но черезъ нѣсколько часовъ послѣ отхода изъ Новороссійска — все объяснилось.

До войны «Король Карлъ» былъ пассажирскимъ пароходомъ Румынскаго общества, совершавшимъ рейсы между Констанцей и Константинополемъ. Поэтому на крейсерѣ остались роскошныя каюты и помѣщенія I-го класса, въ одно изъ которыхъ, ввиду поднявшагося на морѣ шторма, намъ разрѣшили войти.

Въ этомъ помѣщеніи (кажется — курительномъ салонѣ) мы увидали сидѣвшую за уставленнымъ бутылками шампанскаго и разными закусками столомъ

веселую компанію штатскихъ и военныхъ молодыхъ и старыхъ людей. У всѣхъ пировавшихъ были петлички и кокарды желто-голубого цвѣта, то-есть національныхъ украинскихъ цвѣтовъ.

Оказалось, что «Король Карлъ» былъ только-что «украинизированъ», и мы присутствовали на торжественномъ обѣдѣ, который команда крейсера давала въ честь делегатовъ «Украиньской влады».

Насъ, какъ москалей, конечно, не пригласили къ трапезѣ и мы, не желая мозолить глазъ веселившимся украинцамъ, улеглись на угловомъ диванѣ и попытались заснуть.

Однако веселье украинцевъ продолжалось недолго.

Часовъ около десяти вечера на крейсерѣ поднялась какая-то тревога. Раздалась команда потушить огни и задраить люки и иллюминаторы. Пиршество было прервано.

Спрошенный нами матросъ сказалъ, что причиной тревоги является перехваченная радіограмма изъ Новороссійска, сообщавшая стоявшимъ въ Севастополѣ миноносцамъ о томъ, что «Король Карлъ», выйдя изъ Новороссійска, спустилъ Андреевскій и красный флаги и поднялъ Украинскій желто-голубой. Радіограмма заканчивалась приказомъ — потопить взбунтовавшійся крейсеръ.

— Ну и влопались-же мы съ вами въ исторію, пробормоталъ мой перепугавшійся спутникъ.

Признаюсь, что и мнѣ очень не понравился такой эпилогъ украинизаціи «Короля Карла».

Но къ счастью все окончилось вполнѣ благополучно.

Собравшійся судовой комитетъ и команда, послѣ долгихъ препреканій съ представителями «Украиньской влады», рѣшили «разукраинизироваться», то-есть спустить желто-голубой флагъ и поднять вновь Андреевскій.

Однако команда все-таки опасалась итти въ Севастополъ и комитетъ постановилъ перемѣнить курсъ, зайти въ Феодосію и тамъ отстояться нѣсколько дней, пока въ Севастополѣ не уляжется поднятая тревога.

Рано утромъ «Король Карлъ» подъ Андреевскимъ флагомъ подходилъ къ Феодосіи.

Когда крейсеръ вошелъ въ портъ и сталъ пришвартовываться къ молу, глазамъ нашимъ представилось странное зрѣлище:

На берегу толпилось нѣсколько сотъ рабочихъ, портовыхъ грузчиковъ и желѣзно-дорожниковъ. Впереди съ обнаженными головами и съ хлѣбомъ-солью стояла делегація отъ союза рабочихъ. Какъ только «Карлъ» пришвартовался, начались рѣчи делегатовъ. Изъ этихъ торопливыхъ и довольно несвязныхъ рѣчей, мы узнали, что изъ Севастополя ночью пришла телеграмма, въ которой сообщалось, что «взбунтовавшійся» крейсеръ «Король Карлъ» бомбардируетъ прибрежные города. Завидѣвъ входящее въ портъ «взбунтовавшееся судно», мѣстные рабочіе рѣшили выслать делегацію съ хлѣбомъ-солью и съ просьбой пощадить ни въ чемъ неповинное мирное населеніе Феодосіи.

Этимъ инцидентомъ закончилось наше злополучное пребываніе на украинскомъ крейсерѣ и мы съ живѣйшей радостью сошли на берегъ.

III

Не даромъ говорится, что, если начнется полоса невезенія, то она продолжается во всемъ.

Такъ случилось и со мной.

Я разсчитывалъ въ тотъ-же день выѣхать изъ Феодосіи, съ первымъ отходящимъ на Джанкой поѣздомъ. Но придя на вокзалъ, я узналъ непріятную новость, что желѣзнодорожное сообщеніе прервано со вчерашняго вечера. Когда пойдетъ слѣдующій поѣздъ — никто изъ станціонныхъ служащихъ опредѣлить не могъ.

Оказалось, что крымскіе татары возстали противъ совѣтской власти, подошли къ ж. д. линіи Феодосія — Джанкой и прервали всякое сообщеніе между этими пунктами.

Предстояла снова невеселая перспектива «ждать у моря погоды», которая кстати совершенно испортилась: дулъ холодный вѣтеръ и моросилъ дождь съ снѣгомъ.

Всѣ гостиницы въ городѣ были реквизированы подъ различныя совѣтскія учрежденія и волей-неволей пришлось пристроиться на скамейкѣ станціоннаго буфета.

Спутникъ мой нервничалъ и на чемъ свѣтъ стоитъ честилъ взбунтовавшихся татаръ:

— Не могли они, черти гололобые, повременить хотя-бы день другой со своимъ дурацкимъ возстаніемъ, ворчалъ онъ, свертывая одну за другой «самокрутки» и выпуская клубы табачнаго дыма.

Отъ нечего дѣлать я вышелъ побродить по перрону.

На запасныхъ путяхъ стояла длинная вереница теплушекъ, у которыхъ сходились, оживленно жестикулируя, группы солдатъ. Я подошелъ къ одной изъ группъ и прислушался къ разговорамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я узналъ, что на станціи стоитъ застрявшій ввиду перерыва движенія эшелонъ одного изъ Туркестанскихъ полковъ, только-что прибывшій моремъ изъ Трапезунда. Въ эшелонѣ было два баталіона — около 1500 солдатъ. Штабъ полка со всѣми офицерами успѣлъ погрузиться и благополучно отошелъ вчера, а оставшіеся безъ офицеровъ, безъ продуктовъ и безъ денегъ баталіоны не знали, что имъ предпринять.

У меня мелькнула мысль воспользоваться этимъ эшелономъ и попытаться «прорвать татарскій фронтъ» и проскочить съ туркестанцами до Джанкоя.

Рискъ во всякомъ случаѣ былъ небольшой: на станціи говорили, что у возставшихъ татаръ не болѣе 500 вооруженныхъ людей, и два баталіона фронтовиковъ безъ особаго труда могли пробиться черезъ такой немногочисленный «фронтъ».

Я вмѣшался въ разговоръ и сталъ проводить свою мысль.

Солдаты страстно желали скорѣйшаго возвращенія въ свои родныя деревни, неожиданная задержка въ Феодосіи нервировала ихъ, а поэтому мои слова вызвали ихъ живѣйшее одобреніе.

— Бѣда только, что у насъ нѣтъ командировъ, продуктовъ и мало патроновъ, говорили съ досадой стрѣлки.

Вокругъ меня собиралось все больше и больше солдатъ. Лица ихъ просвѣтлѣли, собрался настоящій митингъ.

Подошли и три члена полкового комитета, ѣхавшіе съ эшелономъ.

Я сталъ имъ совѣтовать, какъ поступить, предлагалъ пойти въ исполкомъ потребовать паровозъ, патроновъ и кормовыхъ денегъ.

Солдаты поддакивали мнѣ и торопили членовъ комитета.

— Что-жъ, мы пойдемъ, согласились комитетчики, да врядъ-ли чего добьемся . . .

— Третій разъ сегодня шляемся въ исполнительный комитетъ, а отвѣтъ все одинъ: подождите — молъ, до завтра. Нѣтъ у насъ никого, чтобъ замѣсто командира могъ дѣйствовать!

Началось оживленное обсужденіе кандидатуры командира.

— А вы сами, товарищъ, кто такой будете, спросилъ меня одинъ изъ комитетчиковъ.

Узнавъ, что я бывшій офицеръ и предсѣдатель совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, солдаты обрадовались.

— Чего-жъ думать да зря языки чесать, раздались голоса: мы васъ, товарищъ, выбираемъ своимъ командиромъ, а вы ужъ за насъ постарайтесь, сдѣлайте Божескую милость!

Я согласился, выставивъ туркестанцамъ одно непремѣнное условіе — безпрекословное подчиненіе всѣмъ моимъ приказаніямъ.

— Да что-жъ, мы развѣ не понимаемъ, закричали сотни голосовъ: будьте спокойны, мы всѣ на фронтѣ были, ученые. . . .

Черезъ полъ часа я съ членами полкового комитета находился уже у предсѣдателя Феодосійскаго исполкома, который очень обрадовался возможности сплавить отъ себя безпокойный эшелонъ.

Намъ выдали на два дня хлѣба, патроновъ и кормовыхъ денегъ, а начальнику станціи было отдано распоряженіе немедленно подать къ эшелону дежурный паровозъ.

Вернувшись на вокзалъ, я началъ отдавать распоряженія.

Прежде всего пришлось подумать о планомѣрномъ размѣщеніи солдатъ по теплушкамъ. Мой «полкъ» состоялъ изъ демобилизованныхъ солдатъ, возвращавшихся черезъ уѣздные исполкомы по своимъ деревнямъ. На каждой узловой станціи отъ эшелона должны были отдѣляться самостоятельныя партіи. Чтобы не заставлять людей пересаживаться на узловыхъ станціяхъ и не задерживать эшелона, я приказалъ солдатамъ разбиться на группы по 30 — 40 человѣкъ, состоящія изъ «земляковъ» одного или двухъ сосѣднихъ уѣздовъ. Разобравшись въ томъ, какой группѣ и гдѣ надо будетъ отдѣляться отъ эшелона, я развелъ ихъ по теплушкамъ съ такимъ расчетомъ, чтобы отцѣпка вагоновъ происходила въ пути по порядку, начиная съ хвостового вагона. На каждой теплушкѣ надписали мѣломъ станцію назначенія и станцію отцѣпки отъ эшелона.

Затѣмъ я предоставилъ каждой теплушкѣ выбрать старшаго, разбилъ эшелонъ на роты и самъ, по рекомендаціи полкового комитета, назначилъ ротныхъ командировъ.

Ротные командиры и старшіе роздали каждому стрѣлку по 50 патроновъ, назначили дневальныхъ.

Половинѣ эшелона я приказалъ быть въ полной боевой готовности, остальнымъ разрѣшилъ снять аммуницію и отдыхать.

Большая часть моихъ новыхъ подчиненныхъ должна была отстать отъ эшелона въ Курскѣ, Орлѣ и въ Тулѣ. Семь теплушекъ слѣдовали до Москвы и только одна — до Петрограда. Въ эту теплушку, первую отъ паровоза, помѣстился я

самъ со своимъ «штабомъ», состоявшимъ изъ одного члена полкового комитета и трехъ ординарцевъ.

Долженъ отмѣтить, что мои подчиненные оказались чрезвычайно дисциплинированными и послушными: до самаго послѣдняго момента, то-есть до пріѣзда въ Москву, всѣ мои приказанія исполнялись ими быстро и безпрекословно, а ординарцы старались во всемъ услужить мнѣ. Они достали откуда-то соломы, соорудили мнѣ великолѣпную постель, притащили чайникъ, консервовъ, хлѣба, выпроваживали изъ теплушки назойливыхъ посѣтителей.

Подъ вечеръ все было готово и мы двинулись въ путь.

На паровозъ былъ поставленъ пулеметъ и сѣли десять стрѣлковъ подъ начальствомъ браваго взводнаго.

Отъѣхавъ отъ Феодосіи верстъ на 15, я приказалъ отцѣпить паровозъ и отправилъ его на развѣдку до слѣдующей станціи По полученнымъ въ Феодосіи свѣдѣніямъ — на этомъ участкѣ именно и находился «татарскій фронтъ». Прошелъ часъ, и мы увидѣли быстрымъ ходомъ возвращавшійся паровозъ.

Вернувшійся изъ развѣдки взводный доложилъ, что все обстоитъ благополучно и никакихъ татаръ по пути замѣчено не было.

Мы отправились дальше и, доѣхавъ до слѣдующей станціи, узнали, что нѣсколько человѣкъ «повстанцевъ» были утромъ на линіи, пытались разобрать рельсы, но затѣмъ ушли во свояси.

Поздно ночью мы благополучно добрались до Джанкоя, «прорвавъ фронтъ» и возстановивъ прерванное по линіи движеніе. Ни одного «непріятеля» мы на всемъ пути не встрѣтили.

Туркестанцы мои были въ восторгѣ. Многіе изъ нихъ пришли ко мнѣ въ теплушку и благодарили за то, что я ихъ надоумилъ, какъ выбраться изъ Феодосіи:

— Безъ вашей милости — мы-бъ тамъ съ недѣлю проваландались . . .

Мнѣ казалось, что послѣ «прорыва татарскаго фронта» не будетъ уже никакихъ задержекъ, и мы скоро доберемся до Петрограда.

Однако и эти предположенія не оправдались, и моему «полку» пришлось еще два раза приводить себя въ боевую готовность.

Прежде всего намъ пришлось снова «прорывать фронтъ», на этотъ разъ не татарскій, а болѣе серьезный — гайдамацкій.

Не доѣзжая нѣсколькихъ станцій до Александровска, мы узнали, что городъ этотъ занятъ наступающими изъ Херсонщины «гайдамаками».

— Дальше вамъ ѣхать невозможно, говорили желѣзнодорожные служащіе: гайдамаки останавливаютъ всѣ поѣзда, осматриваютъ ихъ, а у кого находятъ оружіе — разстрѣливаютъ.

Но на моихъ туркестанцевъ, расхрабрившихся послѣ удачнаго прорыва въ Джанкой, подобныя предостереженія не дѣйствовали.

— Эка, невидаль, подумаешь, гайдамаки какіе-то! Мы и почище гайдамаковъ встрѣчали! Первые съ ними въ драку не полѣземъ, а если они насъ чеплять станутъ, то пусть не прогнѣваются: такого зададимъ, что долго вспоминать туркестанцевъ будутъ . . .

Было рѣшено принять всѣ мѣры предосторожности и продолжать путь.

Поѣздъ нашъ подошелъ къ Александровску.

Станція казалась совершенно необитаемой и брошенной: мы не встрѣтили здѣсь не только ни одного гайдамака, но даже обычный станціонный персоналъ и тотъ куда-то исчезъ.

Съ большимъ трудомъ ординарцамъ удалось разыскать и привести ко мнѣ перепуганнаго дежурнаго по станціи, который разсказалъ, что за нѣсколько минутъ до прибытія поѣзда, занимавшіе станцію гайдамаки — около 1000 человѣкъ — получивъ съ сосѣдняго разъѣзда телеграмму о движеніи на Александровскъ цѣлаго полка большевиковъ съ пушками и пулеметами, поспѣшно очистили станцію и отошли за Днѣпръ. Уходя, они приказали дежурному не давать большевикамъ паровоза и задержать эшелонъ. Гайдамаки заявили, что они идутъ за подкрѣпленіями и за артиллеріей, послѣ чего снова вернутся на станцію и перебьютъ всѣхъ «кацаповъ».

Хотя мы совершенно не боялись возвращенія гайдамаковъ, но и вступать съ ними въ бой также не входило въ наши предположенія. Поэтому мы потребовали подать намъ паровозъ и черезъ полъ часа тронулись въ дальнѣйшій путь.

Послѣ этой побѣды надъ гайдамаками, туркестанцы стали себя считать совершенно непобѣдимыми.

Казалось, что теперь уже ничто и никто не можетъ задержать нашего побѣдоноснаго движенія, но судьба готовила нашему эшелону еще одно послѣднее испытаніе.

Комендантъ станціи Синельниково, не разобравъ, кто мы такіе, телеграфировалъ находившемуся въ Харьковѣ главнокомандующему внутреннимъ большевистскимъ фронтомъ Антонову о движеніи въ сторону Харькова какого-то подозрительнаго и весьма воинственно настроеннаго эшелона.

Получивъ эту телеграмму, Антоновъ далъ распоряженіе — немедленно разоружить нашъ эшелонъ, какъ только онъ прибудетъ въ Харьковъ.

Ничего не подозрѣвая, мы подъѣхали къ Харькову и въ семь часовъ утра поѣздъ нашъ прибылъ на пассажирскую станцію.

Я сидѣлъ въ своей теплушкѣ, разговаривалъ съ ординарцами и пилъ чай.

Вдругъ на перронѣ послышался шумъ, крики и щелканіе затворовъ.

Я выскочилъ изъ теплушки и увидѣлъ стоявшую на перронѣ роту красногвардейцевъ, съ винтовками на изготовку, направленными въ сторону эшелона.

Двери теплушекъ въ свою очередь ощетинились штыками.

— Въ чемъ дѣло, кто у васъ старшій, обратился я къ красноармейцамъ.

Подошелъ сумрачнаго вида подпрапорщикъ, командиръ красногвардейской роты, и заявилъ мнѣ, что главковерхъ, товарищъ Антоновъ, приказалъ разоружить нашъ эшелонъ.

Изъ теплушекъ посыпались брань и крики:

— Какое-такое полное право имѣетъ твой Антоновъ отмѣнять приказы Троцкаго, кричали стрѣлки: мы всѣ читали приказъ Троцкаго — чтобы каждый солдатъ, возвращаясь домой, везъ съ собой винтовку. Небось — мы тоже грамотные. .. Разъ приказано — не отдадимъ винтовокъ, а если попробуешь силой отбирать — такъ отъ твоей красной гвардіи только мокрое мѣсто останется... Тоже командиръ какой нашелся...

Подпрапорщикъ былъ видимо смущенъ. Онъ сознавалъ, что его рота не устоитъ противъ воинственно настроенныхъ фронтовиковъ.

Я попытался уладить инцидентъ.

— Очевидно происходитъ какое-то недоразумѣніе, сказалъ я подпрапорщику: скомандуйте вашимъ красногвардейцамъ къ ногѣ, отведите ихъ въ сторону и подождите, пока я схожу къ Антонову и узнаю въ чемъ дѣло.

Штабъ Антонова помѣщался въ экстренномъ поѣздѣ, стоявшемъ здѣсь-же на третьемъ пути.

Самаго Антонова въ штабѣ не оказалось, и меня провели къ его помощнику нѣкоему Бакинскому.

— А вы развѣ не Калединцы, спросилъ меня Бакинскій, выслушавъ разсказъ о происшедшемъ инцидентѣ, едва не закончившемся настоящимъ боемъ между туркестанцами и красногвардейцами.

Я успокоилъ недовѣрчиваго «товарища — комиссара» и показалъ ему свои удостовѣренія и мандаты, разсказавъ также, какимъ образомъ я сталъ командиромъ туркестанскихъ стрѣлковъ.

— Право, не знаю, что съ вами дѣлать, сказалъ Бакинскій: товарищъ Антоновъ отдалъ категорическій приказъ разоружать всѣхъ демобилизованныхъ.

— А какъ-же приказъ Троцкаго?

— Что значитъ приказъ Троцкаго, усмѣхнулся мой собесѣдникъ: товарищъ Троцкій былъ вынужденъ отдать такой приказъ, но это только такъ для виду. На самомъ дѣлѣ не можетъ-же правительство допустить вооруженія всѣхъ крестьянъ. Вы знаете, чѣмъ это можетъ кончиться?

— Чѣмъ можетъ кончиться вооруженіе крестьянъ, я еще не знаю, но чѣмъ можетъ кончиться попытка разоружить мой эшелонъ — это я себѣ вполнѣ представляю: добровольно туркестанцы своихъ винтовокъ никому не отдадутъ, а если дѣло дойдетъ до насилія, то они разгромятъ и всѣхъ вашихъ красногвардейцевъ, и весь вокзалъ, и не остановятся передъ вашимъ штабнымъ поѣздомъ.

— Вы думаете, что если я или товарищъ Антоновъ станемъ ихъ уговаривать, то они и насъ не послушаются?

— Что-жъ, попробуйте, поговорите съ ними!

Комиссаръ задумался.

— Ну, чертъ съ ними, пускай себѣ ѣдутъ отъ насъ! Все равно въ Курскѣ ихъ разоружатъ.

— Нѣтъ, ужъ я васъ прошу оставить мой эшелонъ въ покоѣ до самой Москвы. Я ѣду по важному порученію и мнѣ некогда возиться съ вашими комендантами. Можете ихъ разоружать, когда они пріѣдутъ къ мѣсту назначенія!

Въ концѣ концовъ, Бакинскій выдалъ мнѣ бумагу, съ приложеніемъ печати штаба Антонова, въ которой предлагалось всѣмъ комендантамъ станцій, до Москвы включительно, не чинить никакихъ препятствій слѣдующему подъ моей командой эшелону и не требовать его разоруженія.

Инцидентъ былъ исчерпанъ, къ великому удовольствію командира красногвардейской роты, опасавшагося разгрома своей малонадежной части.

Туркестанцы встрѣтили меня громкимъ «ура», осыпая уходившихъ съ вокзала красноармейцевъ язвительными шуточками.

Въ Курскѣ я сердечно распрощался съ половиной моего эшелона, а въ Москвѣ распустилъ свой штабъ, пересѣлъ въ пассажирскій поѣздъ и безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній добрался, наконецъ, до Петрограда.

IV

Покинувъ Петроградъ въ Сентябрѣ и вернувшись черезъ четыре мѣсяца, я не замѣтилъ въ столицѣ никакихъ особенныхъ перемѣнъ. Въ то время большевистское правительство еще не успѣло осуществить ни одного изъ тѣхъ

мѣропріятій и реформъ, которыя впослѣдствіи такъ тяжело отразились на обывателяхъ и на всей жизни города.

Единственно, что меня поразило — это острая нужда въ хлѣбѣ, который выдавался микроскопическими порціями по одной восьмушкѣ фунта на человѣка.

Благодаря моему мандату, мнѣ удалось получить номеръ въ «домѣ рабоче-крестьянской арміи» (бывшемъ офицерскомъ собраніи арміи и флота) на углу Литейнаго и Кирочной.

Хотя номера гостиницы и содержались по-прежнему въ образцовомъ порядкѣ, но я черезъ два дня былъ вынужденъ покинуть кровъ «дома рабоче-крест. арміи»: ежедневно съ 8 часовъ вечера въ большомъ залѣ начиналось веселье, танцы и музыка. Танцулька продолжалась часовъ до 2 ночи, неистовый топотъ визги и шумъ раздавались по всѣмъ этажамъ и коридорамъ и не давали возможности сомкнуть глазъ.

Черезъ нѣсколько дней я сумѣлъ добиться удовлетворительныхъ результатовъ по дѣлу о полученіи необходимыхъ для рабочихъ Черноморской жел. дороги денегъ и, оставивъ Королева заканчивать разныя формальности, началъ хлопотать по дѣламъ нашего кооператива.

Прежде всего намъ нужно было получить отъ Народнаго Комиссаріата Земледѣлія ассигнованную за нѣсколько дней до большевистскаго переворота Министерствомъ Земледѣлія ссуду, въ размѣрѣ 27,000 рублей. Безъ этихъ денегъ намъ было невозможно пріобрѣсти нужныя орудія и инструменты.

Первая попытка получить эту ссуду оказалась неудачной. Въ очень вѣжливой, но категорической формѣ намъ было заявлено, что всѣ постановленія свергнутаго Временнаго Правительства аннулированы настоящей властью.

Тогда наше правленіе рѣшило прибѣгнуть къ слѣдующему способу:

Совѣтское правительство въ ту пору еще заискивало передъ пролетаріями и побаивалось рабочихъ и солдатъ. Мы и рѣшили сыграть на этой слабой стрункѣ товарищей — комиссаровъ.

Въ одинъ прекрасный день, нарядившись въ самыя старыя, рваныя и замасленныя шинели, какія нашлись въ цейхгаузѣ моей бывшей команды, нахлобучивъ ужаснѣйшіе картузы, обросшіе щетиной, которую мы растили въ продолженіи нѣсколькихъ дней, я и два члена правленія кооператива, съ цыгарками во рту, ввалились въ помѣщеніе Народнаго Комиссаріата Земледѣлія, которое находилось на Литейномъ, въ домѣ быв. Главнаго Управленія Удѣловъ.

Тамъ все было по старому: тѣ-же внушительнаго вида швейцары, тѣ-же курьеры, разносившіе на серебряныхъ подносахъ стаканы съ чаемъ, та-же роскошная обстановка.

— Куда вы, товарищи, преградилъ намъ дорогу монументальный швейцаръ.

— Какъ куда? къ товарищу Калегаеву, къ народному комиссару, съ важнымъ видомъ отвѣчали мы, отстраняя его съ дороги.

Прибѣжалъ нѣкто во френчѣ, попробовавшій также задержать насъ въ передней.

— Товарищъ Калегаевъ очень занятъ, его видѣть нельзя.

— То-есть какъ это нельзя, возмутились мы: что-жъ онъ народный комиссаръ, или царскій министръ? Разъ онъ народный комиссаръ, а мы — народъ, то должны его лично видѣть и говорить съ нимъ!

Несмотря на всѣ усилія сбѣжавшихся чиновниковъ комиссаріата, мы все-таки проникли въ кабинетъ комиссара, развязно протянули ему руки и, не

ожидая особыхъ приглашеній, развалились въ креслахъ и неистово задымили вонючими цыгарками.

Наркомъ выслушалъ наше дѣло и началъ повторять то-же самое, что мы уже слышали отъ его помощниковъ.

— Позвольте, товарищъ, перебили мы его: какое намъ дѣло до того, что вы не признаете рѣшеній прежняго правительства? Почему мы должны страдать? Довольно попито нашей кровушки прежними чиновниками, что-жъ теперь и вы также за это принимаетесь? Мы не буржуи какіе, а трудящіеся, безъ этой ссуды намъ невозможно будетъ приступить къ работѣ...

Увидавъ, что отдѣлаться отъ насъ довольно трудно, наркомъ пустился на хитрость:

— Хорошо, я дамъ вамъ ассигновку, по только въ томъ случаѣ, если вы мнѣ представите отъ Сочинскаго совѣта удостовѣреніе о томъ, что вамъ кооперативъ дѣйствительно состоитъ изъ однихъ трудящихся и что среди вашихъ членовъ — нѣтъ бѣлогвардейцевъ.

Комиссаръ правильно разсчиталъ, что пока наше прошеніе дойдетъ до Сочинскаго совѣта, будетъ имъ разсмотрѣно и вернется обратно въ Петроградъ — пройдетъ по крайней мѣрѣ два — три мѣсяца, въ продолженіе которыхъ многое успѣетъ измѣниться.

— Какое-же вамъ нужно удостовѣреніе, спросилъ я его: достаточно-ли будетъ свидѣтельства, подписаннаго предсѣдателемъ совѣта, къ которому будетъ приложена печать?

— Конечно, вполнѣ достаточно.

— А если мы вамъ такое свидѣтельство представимъ, то вы намъ выдадите полностью тѣ 27 тысячъ, которыя были ассигнованы Временнымъ Правительствомъ?

— Тогда я вамъ безъ всякой задержки выпишу ордеръ на 27 тысячъ, нетерпѣливо, ожидая нашего ухода, отвѣтилъ наркомъ.

Мы вышли изъ его кабинета.

Я вытащилъ изъ бокового кармана имѣвшіеся у меня бланки Сочинскаго совѣта, примостился на подоконникѣ, написалъ требуемое наркомомъ удостовѣреніе, приложилъ выданную мнѣ въ Сочи печать и подписался подъ нимъ какъ предсѣдатель Сочинскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Черезъ пять минутъ мы снова ввалились въ кабинетъ наркома.

— Вѣдь я-же русскимъ языкомъ сказалъ, товарищи, что ничѣмъ вамъ не могу помочь до тѣхъ поръ, пока вы не достанете удостовѣренія отъ Сочинскаго совѣта!

Я торжественно вручилъ ему требуемое удостовѣреніе и мой мандатъ.

Наркому оставалось только выписать намъ ордеръ.

Черезъ полъ-часа мы получили деньги и съ торжествующимъ видомъ продефилировали передъ обалдѣвшимъ швейцаромъ.

— Ну и нахалы-же эти товарищи, проворчалъ онъ намъ вслѣдъ.

Закупивъ всѣ необходимые для кооператива инструменты и орудія, въ томъ числѣ полное оборудованіе столярной, слесарной и кузнечной мастерскихъ, мы стали приготовляться къ отъѣзду въ Сочи.

Деньги для Черноморской дороги были уже ассигнованы и должны были быть отправлены въ банковскомъ вагонѣ до Севастополя, гдѣ Королевъ и я должны были ихъ получить на руки.

Отъѣзжающіе члены кооператива съ ихъ семьями и все наше имущество находилось въ Лугѣ. По знакомству съ начальникомъ станціи намъ удалось достать прекрасный вагонъ четвертаго класса, случайно застрявшій въ Лугѣ. Мы погрузили въ него весь нашъ громоздкій багажъ, нѣсколько ящиковъ патроновъ, большой запасъ оставшихся послѣ расформированія моей команды продуктовъ и стали съ нетерпѣніемъ ожидать дня отъѣзда.

Всѣ наши кооператоры захватили съ собой винтовки, которыя впослѣдствіи очень намъ пригодились.

Наконецъ, насталъ часъ отъѣзда, мы распрощались съ Лугой и выѣхали въ Петроградъ, гдѣ нашъ вагонъ былъ переданъ съ Варшавскаго на Николаевскій вокзалъ.

Такъ какъ кооперативъ нашъ, по соглашенію съ комиссаромъ Государственнаго банка, считался охраной банковскаго груза, то вагонъ нашъ присоединили къ банковскому и прицѣпили къ скорому Московскому поѣзду.

Когда поѣздъ тронулся, оказалось, что Королевъ, поѣхавшій въ Государственный банкъ за довѣренностью для полученія по прибытіи въ Севастополь денегъ, опоздалъ къ отходу и остался въ Петроградѣ.

Опозданіе Королева перепутало всѣ наши расчеты и предположенія: безъ находившейся у него довѣренности — я не могъ получить въ Севастополѣ денегъ, — а безъ нашей охраны — Королевъ не могъ доставить этихъ денегъ изъ Севастополя въ Сочи.

Сначала я предполагалъ задержать банковскій вагонъ въ Москвѣ, гдѣ и ожидать пріѣзда Королева, но это оказалось невозможнымъ и сопровождавшіе вагонъ артельщики на такую задержку не соглашались.

Ожидать Королева въ Севастополѣ намъ не хотѣлось, такъ-какъ, ввиду начавшейся демобилизаціи дѣйствующихъ армій, правильнаго желѣзно-дорожнаго движенія между Курскомъ и Севастополемъ уже не существовало, и мы могли-бы его безуспѣшно и безрезультатно ожидать въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль.

Поэтому я телеграфировалъ изъ Москвы Сочинскому совѣту, чтобы онъ выслалъ въ Севастополь въ распоряженіе Королева вооруженную охрану. Сами-же мы рѣшили измѣнить нашъ маршрутъ и избрать, вмѣсто кружнаго пути на Севастополь, болѣе короткій на Орелъ — Царицынъ — Тихорѣцкую — Армавиръ и Туапсе.

Но какъ часто случается — самый короткій путь оказался самымъ длиннымъ.

Мы упустили изъ виду начавшуюся на юго-востокѣ Россіи гражданскую войну и зарожденіе многочисленныхъ фронтовъ.

Такая забывчивость обошлась намъ довольно дорого и наше путешествіе изъ Петрограда въ Сочи, полное всевозможныхъ приключеній, затянулось на цѣлыхъ 34 дня.

V

Едва мы успѣли отъѣхать нѣсколько станцій отъ Москвы, какъ вагонъ нашъ сталъ подвергаться ожесточеннымъ нападеніямъ со стороны толпъ демобилизованныхъ, или вѣрнѣе, бросившихъ свои части солдатъ, запрудившихъ всѣ станціи и полустанки Московско-Курской дороги, выѣзжавшихъ изъ Москвы съ

первыми попадавшимися товарными составами, и слѣзавшихъ съ этихъ составовъ на промежуточныхъ станціяхъ, въ надеждѣ прицѣпиться къ обгонявшимъ ихъ пассажирскимъ поѣздамъ.

Мы при всемъ нашемъ желаніи не могли пускать ихъ въ свой вагонъ: во-первыхъ, онъ считался вагономъ съ казеннымъ грузомъ «особой важности», а во-вторыхъ, мы везли массу цѣннаго имущества, которое навѣрняка было-бы моментально расхищено этой, озвѣрѣвшей и потерявшей всякое понятіе о неприкосновенности казеннаго, общественнаго или частнаго имущества, толпой.

Пришлось на каждой остановкѣ выставлять по обѣимъ сторонамъ вагона часовыхъ съ заряженными винтовками и только ихъ рѣшительный видъ спасалъ нашъ вагонъ отъ насильственнаго захвата.

Мы вздохнули съ облегченіемъ, когда въ Орлѣ нашъ вагонъ отцѣпили отъ Курскаго почтоваго поѣзда и прицѣпили къ товаро-пассажирскому составу Орлово-Грязинской линіи. Первая волна демобилизованныхъ уже прокатилась по этой линіи, а слѣдующая за ней, успѣвшая уже докатиться до главныхъ магистралей, не вышла еще на боковыя желѣзно-дорожныя вѣтки.

Уже въ Ельцѣ мы почувствовали разницу между начинавшей голодать столицей и вполнѣ обезпеченной продуктами юго-восточной провинціей.

Въ Ельцѣ въ вокзальныхъ ларькахъ можно было достать въ неограниченномъ количествѣ хлѣба, сала и колбасъ. Въ Грязяхъ на большомъ базарѣ, расположенномъ близъ станціи, было еще больше всякаго рода продуктовъ, а когда мы пріѣхали въ Царицынъ, то наши кооператоры были поражены обиліемъ и дешевизной муки, хлѣба, сала, рыбы и прочаго добра. Въ Царицынѣ мы закупили на всякій случай десять мѣшковъ прекрасной крупчатки, такъ какъ знали, что на Черноморскомъ побережьѣ продовольственный вопросъ, ввиду плохого сообщенія съ Кубанью, становился съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неудовлетворительнымъ.

На станціи «Зимовники» (между Царицыномъ и Тихорѣцкой) мы впервые узнали о происходящихъ на Дону событіяхъ. Въ Петроградѣ и Москвѣ носились лишь неопредѣленные слухи о томъ, что Калединъ, Алексѣевъ и Корниловъ формируютъ какую-то армію, опираясь на которую хотятъ преградить распространеніе большевизма въ казачьихъ областяхъ. Казенныя большевистскія газеты старательно умалчивали объ этомъ и только посвященные въ правительственныя тайны «Смольнаго» — были въ курсѣ этихъ событій. Несмотря на то, что нѣкоторые наши случайные собесѣдники, съ которыми пришлось разговаривать по дорогѣ до Тихорѣцкой, возлагали большія надежды на успѣхъ Каледина и Корнилова, мы, присмотрѣвшись въ пути къ настроеніямъ Донскихъ казаковъ, сомнѣвались въ томъ, что эти генералы смогутъ дать отпоръ большевизму. Главнымъ орудіемъ большевиковъ была, конечно, не та безшабашная вольница, называвшая себя «красной гвардіей», но та безпринципная демагогія, благодаря которой имъ такъ легко удалось разложить армію и въ томъ числѣ фронтовыхъ казаковъ. И дѣйствительно — пріѣхавъ на станцію «Торговую», мы узнали одновременно и о самоубійствѣ Каледина, и объ оставленіи Ростова Корниловымъ.

На этой-же станціи насъ предупредили о занявшемъ Тихорѣцкую «соловьѣ-разбойникѣ» — большевистскомъ главковерхѣ Автономовѣ.

Главковерхъ этотъ, по разсказамъ вырвавшихся изъ его гнѣзда, не признавалъ никакой власти, обыскивалъ всѣ поѣзда и отбиралъ у пассажировъ деньги и цѣнное имущество. Точно также онъ грабилъ и казенные грузы, а

въ особенности охотился за «банковскими вагонами» и казенными суммами, въ большомъ количествѣ переправляемыми въ то время изъ Петрограда для удовлетворенія демобилизуемыхъ частей Кавказскаго фронта.

Эти извѣстія сильно обезпокоили насъ. Ничего до сихъ поръ не зная о «Тихорѣцкой заставѣ» и для того, чтобы на узловой станціи Тихорѣцкой не задержали-бы дальнѣйшее отправленіе нашего вагона, я имѣлъ неосторожность дать изъ Царицына телеграмму начальнику станціи и коменданту съ увѣдомленіемъ, что съ поѣздомъ такимъ-то слѣдуетъ банковскій вагонъ «особаго назначенія» № 1657, который необходимо отправить далѣе на Армавиръ съ первымъ-же отходящимъ по этому направленію поѣздомъ. Посылку такихъ телеграммъ мы начали практиковать еще съ Орла и благодаря имъ нашъ вагонъ не задерживался ни на одномъ узловомъ пунктѣ.

На этотъ разъ мы опасались, что телеграмма будетъ имѣть роковыя послѣдствія, что и оказалось на самомъ дѣлѣ.

Какъ только поѣздъ нашъ подошелъ къ Тихорѣцкой, къ намъ явился вооруженный съ ногъ до головы комендантъ станціи и попросилъ меня слѣдовать за нимъ къ «товарищу Автономову».

Главковерхъ помѣщался здѣсь-же на станціи въ роскошномъ салонъ-вагонѣ.

Меня встрѣтилъ изящный молодой человѣкъ, любезно предложившій стаканъ чаю и немедленно приступившій къ «дѣлу».

— Я знаю, что вы везете нѣсколько милліоновъ рублей для Черноморской дороги, заявилъ онъ: я не спорю, что деньги эти очень нужны для расплаты съ рабочими и для другихъ цѣлей, но мнѣ деньги также очень нужны. Вы какъ нибудь сможете потерпѣть и обойдетесь тѣми средствами, которыя имѣются на мѣстѣ, а я долженъ содержать свою армію и вести войну съ бандами Корнилова, наводнившими Сальскій отдѣлъ и сѣверную Кубань. Поэтому, какъ мнѣ это ни непріятно, но я долженъ потребовать отъ васъ передачи моему штабу всѣхъ имѣющихся въ вашемъ вагонѣ денегъ.

Я не зналъ, что отвѣтить любезному главковерху. Признаться, что у меня никакихъ милліоновъ съ собой нѣтъ — было абсолютно невозможно: прежде всего Автономовъ-бы мнѣ не повѣрилъ, приказалъ-бы обыскать вагонъ, а это могло кончиться весьма для насъ печально. До сихъ поръ, во время многочисленныхъ обысковъ и повѣрокъ документовъ, насъ спасали удостовѣренія комиссара государственнаго банка, въ которыхъ нашъ вагонъ именовался «вагономъ особаго назначенія». Поэтому насъ не обыскивали и ни у кого изъ пассажировъ «вагона особаго назначенія» документовъ не спрашивали. Теперь, при обыскѣ, красногвардейцы Автономова наткнулись-бы несомнѣнно на ящики съ патронами, на винтовки и обнаружили-бы, что среди насъ находятся три офицера, которыхъ ввиду формированія Добровольческой арміи, тщательно разыскивали по всѣмъ дорогамъ, снимали съ поѣздовъ и моментально «выводили въ расходъ». Обыскъ кончился-бы, безъ всякихъ сомнѣній, поголовнымъ разстрѣломъ всего нашего «вагона особаго назначенія».

Взвѣсивъ все это, я рѣшился пуститься на хитрость и началъ торговаться съ «соловьемъ-разбойникомъ». Послѣ продолжительной торговли Автономовъ согласился взять только половину моихъ «милліоновъ», и мы условились, что ввиду поздняго времени — деньги будутъ ему переданы на слѣдующее утро.

Вернувшись въ свой вагонъ, я собралъ «военный совѣтъ» и передалъ товарищамъ по несчастію весь разговоръ съ Автономовымъ. Мои товарищи

были смущены создавшимся положеніемъ и мы долго ломали себѣ головы, стараясь придумать какой-нибудь выходъ.

Къ счастью кому-то пришла въ голову блестящая мысль: попытаться при помощи взятки прицѣпить нашъ вагонъ къ какому-либо поѣзду, отходящему на Армавиръ или на Царицынъ. Если-бы намъ удалось отъѣхать хотя-бы на двѣ-три станціи отъ Тихорѣцкой — мы могли считать себя въ полной безопасности, ибо власть Автономова распространялась лишь на Тихорѣцкую и ближайшія къ ней сосѣднія станціи.

Планъ этотъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ. За сто рублей дежурный составитель прицѣпилъ нашъ вагонъ къ маневровому паровозу, а затѣмъ, пропутешествовавъ съ полъ-часъ по запаснымъ путямъ, мы оказались прицѣпленными къ хвосту товарнаго поѣзда, немедленно-же отошедшаго на станцію Кавказскую.

Опасаясь все-таки оставаться въ Кавказской (70 верстъ отъ Тихорѣцкой), мы за новую взятку всего въ 25 рублей, добились включенія нашего вагона въ отправлявшійся въ сторону Армавира рабочій поѣздъ и къ утру слѣдующаго дня чувствовали себя въ полной безопасности, прибывъ въ Армавиръ, отстоящій уже въ 140 верстахъ отъ «соловья-разбойника».

Теперь мы считали себя почти добравшимися до дому: оставалось лишь проѣхать перегонъ въ 250 верстъ отъ Армавира до Туапсе, гдѣ можно было получить одинъ или два грузовика, на которыхъ мы могли-бы въ нѣсколько часовъ добраться до Сочи.

Однако, судьба-злодѣйка и на этотъ разъ зло подшутила надъ нами: добравшись почти до конечнаго пункта, намъ пришлось неожиданно повернуть обратно и совершить новое чуть-ли не кругосвѣтное путешествіе, затянувшееся на цѣлыхъ три недѣли . . .

Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ . . .

Мы пріѣхали въ Армавиръ въ семь часовъ утра. Поѣздъ на Туапсе отходилъ по расписанію только вечеромъ. Дежурный по станціи, которому я предъявилъ наши документы, распорядился отвести нашъ вагонъ на запасный путь и приказалъ составителю прицѣпить его къ вечернему Туапсинскому поѣзду. Мы отдыхали отъ пережитыхъ въ Тихорѣцкой волненій, пили чай и истребляли въ неимовѣрномъ количествѣ вкусные мягкіе Армавирскіе бублики.

По заведенному во время дороги порядку одинъ изъ кооператоровъ стоялъ съ винтовкой у дверей вагона. Вдругъ мы услыхали громкій разговоръ, перешедшій вскорѣ въ ругань и угрозы. Я вышелъ къ часовому и столкнулся съ цѣлымъ отрядомъ красногвардейцевъ, окружившихъ нашъ вагонъ.

— Кто вы такіе и куда ѣдете, грубо окликнулъ меня старшій изъ красногвардейцевъ.

Я въ свою очередь спросилъ, съ кѣмъ имѣю дѣло?

— Я помощникъ коменданта станціи и долженъ по приказу революціоннаго комитета обыскать вашъ вагонъ.

— Нашъ вагонъ — особаго назначенія и слѣдуетъ по распоряженію Совѣта Народныхъ Комиссаровъ съ казеннымъ имуществомъ въ Сочи. Никакому обыску вагонъ этотъ не подлежитъ, и мы не имѣемъ права впускать въ него никого изъ постороннихъ, даже коменданта станціи, отвѣтилъ я рѣшительнымъ тономъ.

— Предъявите ваши документы.

— Документы я могу показать только предсѣдателю революціоннаго комитета.

— А почему у васъ въ вагонѣ вооруженные люди?

— Потому, что у меня съ собой конвой въ 20 человѣкъ.

Въ результатѣ пришлось пойти къ коменданту, а отъ него къ предсѣдателю Армавирскаго революціоннаго комитета.

Ознакомившись съ имѣвшимися у меня документами, предсѣдатель комитета, оказавшійся весьма культурнымъ человѣкомъ — незадолго до войны вернувшимся изъ Америки рабочимъ, сталъ извиняться за грубое съ нами обращеніе коменданта станціи и его помощника.

— Ничего не подѣлаешь, сами знаете, какое мы переживаемъ время! Вотъ, напримѣръ, не далѣе, какъ вчера произошелъ такой случай: прибылъ къ намъ изъ Тихорѣцкой вагонъ съ 25-ю демобилизованными. Коменданту онъ показался подозрительнымъ. Послали обыскать, а пассажиры вагона заартачились: не позволимъ обыскивать и не желаемъ предъявлять документовъ! Пришлось примѣнить силу, и что-же оказалось: это ѣхала компанія офицеровъ, везли они съ собой массу оружія, пулеметы и прочее. Ну, конечно, пришлось ихъ всѣхъ «вывести въ расходъ»...

Я поспѣшилъ какъ можно скорѣе распрощаться съ этимъ «культурнымъ американцемъ».

— А какъ-же вы думаете доѣхать до Туапсе, остановилъ меня американецъ.

— Конечно, по желѣзной дорогѣ.

— Ну, знаете-ли, это очень большой рискъ. Если-бы вы не везли съ собой цѣннаго казеннаго груза, я пожалуй не считалъ-бы себя въ правѣ задерживать васъ, но такъ какъ при васъ находятся большія совѣтскія суммы — я долженъ отправить вашъ вагонъ обратно въ Тихорѣцкую.

—Этого еще не хватало, подумалъ я: только-что вырвавшись отъ Автономова — и вдругъ снова попасть къ нему въ лапы!

— Но чѣмъ-же вызвано такое ваше рѣшеніе, съ безпокойствомъ спросилъ я предсѣдателя ревкома.

— Дѣло въ томъ, что близь Курганной (станція въ 60 верстахъ отъ Армавира) появился какой-то отрядъ возставшихъ противъ насъ казаковъ, совершающій періодическія нападенія на поѣзда. Мы не имѣемъ возможности ликвидировать этотъ отрядъ, такъ какъ находящаяся въ семи верстахъ отъ Армавира станица Прочноокопская также возстала. Прочноокопскіе казаки имѣютъ двѣ пушки и намѣреваются напасть на Армавиръ. Всѣ наши силы направлены противъ нихъ и съ минуты на минуту можно ожидать начала боя подъ самымъ городомъ.

— Въ такомъ случаѣ — оставьте нашъ вагонъ временно въ Армавирѣ.

— Не имѣю права сдѣлать это, такъ какъ я уже приказалъ эвакуировать все цѣнное имущество со станціи. Я сейчасъ распоряжусь по телефону и вашъ вагонъ будетъ немедленно отправленъ въ Тихорѣцкую, гдѣ положеніе вполнѣ надежное.

Никакіе уговоры не дѣйствовали на американца, и распоряженіе объ отправкѣ нашего вагона въ Тихорѣцкую было сдѣлано.

Мы совсѣмъ пріуныли и считали себя на этотъ разъ уже опредѣленно погибшими.

Но, обсудивъ создавшееся положеніе, мы все-таки рѣшили попытаться какънибудь вывернуться. Рѣшили снова прибѣгнуть къ магическому дѣйствію сторублевыхъ бумажекъ.

Намъ повезло. Въ Тихорѣцкую мы прибыли поздно ночью и пріѣздъ нашъ никѣмъ изъ помощниковъ Автономова замѣченъ не былъ, тѣмъ болѣе, что

поѣздъ нашъ остановился на отдаленномъ отъ станціи запасномъ пути. Мы тотчасъ принялись за поиски составителей и стрѣлочниковъ. Вскорѣ одинъ изъ товарищей привелъ въ вагонъ составителя. Я объяснилъ ему, что намъ необходимо сейчасъ-же ѣхать въ Царицынъ. Очевидно составитель смекнулъ, что мы хотимъ проскочить черезъ Автономовскую заставу и поэтому заломилъ за прицѣпку къ отходящему черезъ часъ Царицынскому поѣзду тысячу рублей. Какъ мы съ нимъ ни торговались, но въ концѣ концовъ пришлось согласиться, да еще заплатить 150 рублей какимъ-то стрѣлочникамъ и смазчикамъ.

Однако — мы все-таки были несказанно счастливы, когда черезъ часъ товарный поѣздъ, къ которому прицѣпили нашъ вагонъ, миновалъ выходную стрѣлку Тихорѣцкой и сталъ медленно удаляться въ сторону Царицына.

VI

Такимъ образомъ, находясь всего въ какихъ-нибудь 300-хъ верстахъ отъ Сочи, мы черезъ три дня очутились снова въ Царицынѣ, откуда предполагали ѣхать черезъ Лихую на Синельниково — Севастополь.

Наученные примѣромъ съ главковерхомъ Автономовымъ и не будучи увѣренными, что на нашемъ пути не встрѣтятся еще другіе главковерхи, мы никакихъ телеграммъ начальникамъ узловыхъ станцій больше не посылали. Поэтому вагонъ нашъ задержался въ Царицынѣ на цѣлыя сутки и только благодаря новой взяткѣ его на слѣдующій день прицѣпили къ товаро-пассажирскому поѣзду, отходившему въ Лихую.

Вечеромъ мы благополучно добрались до станціи Бѣлая Калитва, гдѣ насъ ожидалъ очередной сюрпризъ.

— Вылѣзай всѣ изъ вагоновъ, дальше поѣздъ не пойдетъ, прокричалъ подъ окнами вагона кондукторъ.

Начальникъ станціи сообщилъ намъ, что между Бѣлой Калитвой и Лихой — образовался «фронтъ»: отступавшіе откуда-то Калединцы вышли на желѣзнодорожную линію и находятся въ 20-ти верстахъ отъ Калитвы. Находящійся на станціи Звѣрево большевистскій командармъ Саблинъ отдалъ телеграфное распоряженіе задерживать всѣ поѣзда въ Бѣлой Калитвѣ и направлять ихъ обратно въ Царицынъ.

— Неужели-же намъ придется возвращаться въ Орелъ, съ отчаяніемъ подумалъ я.

Но въ это время застучалъ телеграфный аппаратъ, передавшій изъ Лихой новое распоряженіе «командарма» — немедленно выслать въ Звѣрево паровозъ подъ какой-то красногвардейскій эшелонъ.

— Значитъ путь до Лихой еще не прерванъ, спросилъ я у начальника станціи.

— Пока еще нѣтъ, но черезъ нѣсколько часовъ, пожалуй, никакого сообщенія съ Лихой уже не будетъ.

Я попросилъ его соединить меня по прямому проводу съ комендантомъ станціи Лихая и добился разрѣшенія прицѣпить нашъ вагонъ «особаго назначенія» къ вызываемому Саблинымъ изъ Калитвы паровозу.

Черезъ нѣсколько минутъ мы понеслись со скоростью курьерскаго поѣзда, рискуя на каждомъ шагу наткнуться на разобранный Калединцами путь и вдребезги разбиться подъ какимъ-нибудь откосомъ.

Однако, все обошлось благополучно и только, доѣхавъ до Лихой, мы узнали, что черезъ часъ, послѣ нашего отправленія изъ Калитвы, казаки разобрали путь въ 30 верстахъ отъ этой станціи и прервали желѣзнодорожное сообщеніе.

Въ Лихой комендантъ станціи, проникнувшись уваженіемъ къ моему мандату и кипѣ различныхъ удостовѣреній, далъ намъ снова паровозъ, доставившій насъ до Звѣрево.

Здѣсь намъ пришлось порядочно помыкаться, прежде чѣмъ посчастливилось двинуться дальше.

Никакого сообщенія ни въ сторону Ростова, ни въ сторону Харькова, ввиду образовавшихся многочисленныхъ «фронтовъ» не было. Начальникъ станціи заявилъ, что намъ придется въ лучшемъ случаѣ просидѣть въ Звѣревѣ тричетыре дня.

— У меня имѣется всего на всего одинъ паровозъ, да и тотъ занятъ подъ поѣздомъ командующаго арміей, который черезъ нѣсколько минутъ уходитъ въ Никитовку. Если это вамъ по пути — попросите у Саблина разрѣшенія прицѣпить вашъ вагонъ къ его поѣзду, а изъ Никитовки до Синельникова добраться будетъ уже не трудно.

Я пошелъ къ командарму.

Командармъ Саблинъ оказался молоденькимъ, но очень надменнымъ и нахальнымъ прапорщикомъ.

— Съ экстренными поѣздами могутъ ѣздить только народные комиссары и командующіе совѣтскими арміями, отвѣтилъ онъ на мою просьбу прицѣпить нашъ вагонъ къ его поѣзду: такъ какъ вы не народный комиссаръ и не имѣете высокой чести командовать доблестными красными войсками — то ваше желаніе не осуществимо.

Убѣждать этого разважничавшагося и упоеннаго своимъ величіемъ господина было совершенно излишне.

Выйдя изъ салонъ вагона юнаго командарма я наткнулся на толпу митинговавшихъ красногвардейцевъ.

— Товарищи, надрывался изрядно подвыпившій «ораторъ»: мало попито видно нашей кровушки при старомъ режимѣ, такъ теперь снова начинаютъ... Онъ думаетъ, что коль онъ командармъ, то можетъ по старорежимному поступать съ нами?

— Правильно, товарищи, вынесемъ резолюцію, чтобъ въ сей моментъ было бы выдано жалованье, а иначе не выпустимъ Саблина!

Прислушавшись къ рѣчамъ, я понялъ, что дѣло идетъ о жалованьѣ, которое не было во время уплачено красногвардейцамъ.

Одѣтый въ потрепанную шинель, безъ погонъ и безъ кокарды, я ничѣмъ не отличался съ виду отъ другихъ красноармейцевъ, почему также вмѣшался въ ихъ толпу и принялъ участіе въ митинговкѣ.

— Намъ тоже, товарищи, второй мѣсяцъ не платятъ жалованья, заявилъ я возбужденнымъ красногвардейцамъ. Видно придется ѣхать въ Никитовку къ самому Антонову, иначе ничего не добьемся.

— Правильно, товарищи, выбирай делегатовъ ѣхать къ Антонову!

Такъ какъ на станціи имѣлся всего лишь одинъ паровозъ Саблина, то выбранные на митингѣ делегаты рѣшили отцѣпить его отъ поѣзда командующаго арміей и сейчасъ-же ѣхать на немъ въ Никитовку. Я попросилъ ихъ прицѣпить къ паровозу и нашъ вагонъ, такъ какъ намъ также необходимо видѣть

Антонова и потребовать отъ него уплаты жалованія. Делегаты, конечно, согласились.

Красногвардейцы отцѣпили паровозъ Саблина, мы прицѣпили къ нему нашъ вагонъ, раздался свистокъ и — доблестный командармъ остался въ Звѣревѣ, а простые смертные, не имѣвшіе счастья командовать совѣтскими арміями, покатили въ экстренномъ поѣздѣ!

Передъ нашимъ отъѣздомъ оставшіеся въ Звѣревѣ красноармейцы заставили начальника станціи дать телеграмму по линіи — нигдѣ не задерживать нашего экстреннаго поѣзда. Поэтому мы неслись съ бѣшенной скоростью, не останавливаясь ни на одной промежуточной станціи.

Верстахъ въ 50-ти отъ Никитовки, на какой-то большой узловой станціи, паровозъ нашъ вынужденъ былъ остановиться, чтобы набрать воды. Здѣсь мы увидѣли нѣсколько товарныхъ поѣздовъ и узнали отъ начальника станціи. что одинъ изъ нихъ идетъ въ Синельниково. Ѣхать въ Никитовку, гдѣ могли произойти какія-нибудь непріятности съ главковерхомъ Антоновымъ, намъ совершенно не улыбалось. Поэтому мы заявили нашимъ спутникамъ, что очень благодарны имъ за компанію, но дальше съ ними не поѣдемъ, такъ какъ должны подождать пріѣзда выѣхавшихъ вслѣдъ за нами изъ Лихой товарищей. Они стали просить насъ не разстраивать компаніи, но затѣмъ махнули на насъ рукой, выругались на прощаніе и помчались дальше. Мы-же прицѣпились къ товарному поѣзду и двинулись по направленію къ Синельниково.

На станціи Чаплино намъ повстрѣчались какіе-то эшелоны, поразившіе насъ столь необычайной въ то время дисциплинированностью и порядкомъ.

Оказалось, что это чехо-словацкіе полки, которые послѣ заключенія Брестъ-Литовскаго мира спѣшно отправлялись въ Сибирь, не желая оставаться на Украинѣ, которую начали занимать ихъ заклятые враги и бывшіе властители — австрійцы.

Безъ особыхъ приключеній добрались мы до станціи Синельниково Екатерининской жел. дороги. Вагонъ нашъ долженъ былъ быть переданъ на станцію Синельниково Харьково-Севастопольской дороги. Начальникъ станціи сказалъ намъ, что по Севастопольской линіи ходитъ всего лишь одинъ поѣздъ въ сутки, къ которому мы уже сегодня опоздали, а поэтому насъ передадутъ на Севастопольскій вокзалъ только на слѣдующій день.

Во время стоянки въ Синельниковѣ, вагонъ нашъ обратилъ на себя вниманіе коменданта, пожелавшаго осмотрѣть его и провѣрить документы пассажировъ. На этотъ разъ мы позабыли выставить часового и комендантъ влѣзъ въ вагонъ «особаго назначенія». На наше счастье дѣло происходило уже вечеромъ, а свѣчей въ вагонѣ не было. Поэтому комендантъ не могъ разсмотрѣть нашъ грузъ особой важности и удовлетворился словесными разъясненіями и ознакомленіемъ съ моимъ мандатомъ, который онъ разобралъ при свѣтѣ карманнаго электрическаго фонарика. Его сильно озадачили два кузнечныхъ мѣха, торчавшихъ изъ подъ скамеекъ и онъ сталъ допытываться, что это за странные предметы?

— Это — балоны съ удушливыми глазами, предназначенные для борьбы съ контръ-революціонерами, нашелся кто-то изъ кооператоровъ.

Такое объясненіе вполнѣ успокоило коменданта, проникщагося большимъ уваженіемъ и къ нашему вагону, и къ его пассажирамъ.

Но несмотря на такое уваженіе со стороны коменданта, вагонъ нашъ продолжалъ оставаться безъ движенія. Мы неоднократно ходили къ начальнику станціи и просили его передать насъ на Синельниково Севастопольской дороги,

такъ какъ боялись опоздать къ Севастопольскому поѣзду. Начальникъ станціи оттоваривался неимѣніемъ паровоза, который на самомъ дѣлѣ стоялъ у него на станціи подъ парами.

Севастопольскій вокзалъ находился отъ насъ всего въ 2-хъ верстахъ.

Такъ-какъ мои спутники за время нашего длиннаго путешествія успѣли порядочно обнаглѣть и набраться храбрости, послѣ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ передѣлокъ, въ которыя мы попадали, то они рѣшили доставить вагонъ на другой вокзалъ своими силами, не дожидаясь, когда начальнику станціи заблагоразсудится дать намъ паровозъ. Принявъ такое рѣшеніе и протрубивъ на имѣвшемся у насъ корнетъ-а-пистонѣ кавалерійскій сигналъ, мы дружными усиліями сдвинули вагонъ съ мѣста и покатили его со станціи.

Поднялась суматоха, раздались свистки составителей и сцѣпщиковъ и къ намъ вдогонку помчался самъ начальникъ станціи.

— Остановитесь, что вы дѣлаете, куда вы катите вагонъ?

— Мы ѣдемъ на другой вокзалъ, такъ-какъ вашего паровоза видно не дождемся до будущаго года, отвѣчали мы ему со смѣхомъ.

— Что вы, съ ума сошли, что-ли: развѣ можно катить вагонъ на рукахъ цѣлый перегонъ, не получивши даже путевой?

— Это наше дѣло, вагонъ — нашъ, что хотимъ, то съ нимъ и дѣлаемъ: хотимъ — стоимъ, хотимъ — ѣдемъ.

Въ концѣ концовъ, перепуганный такой рѣшительностью пассажировъ «вагона особаго назначенія», начальникъ станціи обѣщалъ немедленно дать паровозъ и доставить насъ на Севастопольскую дорогу. И дѣйствительно — черезъ пять минутъ паровозъ былъ поданъ и мы во время поспѣли къ Севастопольскому поѣзду.

Въ Джанкоѣ мы снова рѣшили измѣнить свой маршрутъ, такъ-какъ узнали, что въ Севастополѣ происходятъ какіе-то безпорядки и намъ очень не хотѣлось попасть въ новую кашу и задержаться на нѣсколько дней въ этомъ безпокойномъ городѣ. Поэтому мы поѣхали въ Феодосію.

Здѣсь намъ пришлось прождать цѣлую недѣлю, пока, наконецъ, послѣ долгихъ препирательствъ съ мѣстнымъ исполкомомъ и начальникомъ порта, не удалось получить въ свое распоряженіе парохода, который долженъ былъ насъ доставить въ Туапсе.

Въ день нашего отъѣзда изъ Феодосіи мы присутствовали при торжественной встрѣчѣ перваго транспорта съ плѣнными солдатами, возвращавшимися изъ Турціи. Они прибыли на турецкомъ пароходѣ, конвоируемомъ турецкимъ миноносцемъ и встрѣченнымъ въ морѣ двумя нашими миноносцами. Весь городъ собрался въ порту, и подошедшій пароходъ съ плѣнными былъ встрѣченъ музыкой и криками «ура» собравшихся.

Въ Новороссійскѣ намъ пришлось пересѣсть на другой пароходъ, шедшій въ Батумъ съ какой-то вновь сформированной армянской дружиной.

Дружина эта состояла изъ необученной армянской молодежи, настроенной весьма воинственно и обѣщавшей на словахъ перебить всѣхъ турокъ, занявшихъ къ тому времени большую часть Русской Арменіи.

Передъ отходомъ нашего парохода изъ Новороссійска, портовыя власти предупредили капитана, чтобы онъ держался поближе къ берегу и шелъ съ потушенными огнями, такъ-какъ появившіяся въ морѣ турецкія подводныя лодки, не нападавшія на русскія суда, освѣдомлены о перевозкѣ въ Батумъ армянскихъ

дружинъ и не преминутъ доставить себѣ удовольствіе — пустить ко дну транспортъ, перевозящій ихъ вѣковѣчныхъ враговъ.

Ночь прошла тревожно. Воинскій пылъ армянъ-дружинниковъ угасъ и проявился вновь лишь по прибытіи въ Туапсе.

Въ Туапсе мы погрузились на моторную шхуну и уже безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній, на 34-й день послѣ выѣзда изъ Петрограда, добрались, наконецъ, до Сочи, куда мы прибыли 1-го Марта (по ст. ст) 1918 года, то-есть въ день празднованія годовщины Россійской революціи.

VII

За время моего отсутствія жизнь въ Сочи мало измѣнилась. Собравшійся въ февралѣ окружной крестьянскій съѣздъ отнесся довольно поверхностно къ политическимъ событіямъ и интересовался больше продовольственнымъ вопросомъ. Послѣ съѣзда нѣсколько представителей крестьянства вошли въ составъ окружного исполкома, но послѣдній не проявлялъ никакой активности, передавъ всѣ административныя функціи революціонному комитету, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ солдатъ 20-го жел. дор. баталіона Пирожковъ.

Этотъ Пирожковъ выставлялъ себя убѣжденнымъ коммунистомъ и весьма опытнымъ администраторомъ и очень добивался избранія въ предсѣдатели ревкома. Прошлой его дѣятельностью интересовались очень мало и, такъ-какъ никому изъ членовъ окружного исполкома не хотѣлось занимать этого безпокойнаго поста, то избраніе Пирожкова состоялось единогласно.

Пирожковъ сразу сталъ проявлять свои блестящія административныя способности, выражавшіяся главнымъ образомъ въ личномъ вмѣшательствѣ «предревкома» во всѣ уличныя драки и базарныя ссоры. Впослѣдствіи выяснилось, что у Пирожкова былъ солидный административный стажъ, такъ-какъ онъ до революціи былъ околодочнымъ надзирателемъ, а въ партію большевиковъ вступилъ послѣ того, какъ его вмѣстѣ съ другими чинами полиціи и жандармеріи мобилизовали и послали въ войсковую часть.

Другимъ членомъ ревкома являлся ближайшій начальникъ Пирожкова — его баталіонный командиръ полковникъ Козловъ, сдѣлавшій довольно странную карьеру и проскочившій въ командиры желѣзно-дорожнаго баталіона изъ смотрителей интендантскаго магазина. Впрочемъ — полковникъ Козловъ былъ очень милымъ человѣкомъ, умѣвшимъ великолѣпно ладить и съ большевиками, и съ крайними черносотенцами. Послѣ приказа о снятіи погонъ, онъ днемъ ходилъ въ штатскомъ пиджакѣ и въ такомъ видѣ появлялся въ городѣ и различныхъ учрежденіяхъ, а по вечерамъ приходилъ въ казино гостиницы «Кавказская Ривьера», гдѣ собиралась вся фешенебельная публика, въ кителѣ, полковничьихъ погонахъ и съ орденомъ на шеѣ.

Вся курортная публика, пріѣхавшая на лѣто изъ Петрограда и Москвы, не рѣшилась послѣ октябрьскаго переворота возвращаться въ столицы и осталась въ Сочи, гдѣ не было никакихъ эксцессовъ и жилось, сравнительно съ другими городами, очень спокойно.

Въ Сочи можно было встрѣтить представителей самаго разнообразнаго общества, бывшихъ министровъ, губернаторовъ, генераловъ, офицеровъ, жандармовъ, начиная съ бывшаго премьера Горемыкина и кончая Варшавскимъ оберъ-

полиціймейстеромъ Галле и извѣстнымъ охранникомъ — жандармскимъ полковникомъ Казариновымъ. Всѣ они находились на свободѣ, никѣмъ не преслѣдовались и жили совершенно спокойно, ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ обывателей.

Горемыкинъ жилъ за-городомъ на дачѣ и въ Январѣ мѣсяцѣ былъ убитъ съ цѣлью ограбленія какими-то неизвѣстными бандитами, арестованными вскорѣ послѣ убійства и въ свою очередь убитыми на базарѣ разъяренной толпой, расправившейся съ ними самосудомъ.

Въ первый-же вечеръ, послѣ возвращенія въ Сочи, мнѣ пришлось улаживать инцидентъ, происшедшій съ предсѣдателемъ ревкома Пирожковымъ.

Послѣ торжественнаго празднованія годовщины революціи, Пирожковъ отправился пьянствовать въ какой-то духанъ, послѣ чего вздумалъ покуражиться и проявить свою предсѣдательскую власть. Онъ явился на гауптвахту и началъ экзаменовать стоявшаго на посту красноармейца.

— Ты знаешь, кто я такой, обратился онъ заплетающимся языкомъ къ часовому.

Узнавъ отъ часового, что онъ — предсѣдатель ревкома, Пирожковъ потребовалъ отъ него винтовку.

Часовой винтовки ему не отдалъ.

— Ахъ ты, такой-сякой, закричалъ Пирожковъ. Ты развѣ не знаешь, что при старомъ режимѣ часовой могъ отдать винтовку царю? А теперь — я все равно, что царь, и ты долженъ мнѣ, разъ я приказываю, отдать винтовку.

Такъ какъ часовой не соглашался уравнять Пирожкова въ правахъ съ царемъ, обиженный предсѣдатель ударилъ его кулакомъ по лицу. Сбѣжались другіе красноармейцы, связали расходившагося Пирожкова и подъ конвоемъ доставили его въ революціонный комитетъ.

Послѣ этого происшествія въ казармѣ состоялся митингъ, вынесшій резолюцію о смѣщеніи Пирожкова съ должности предсѣдателя и преданіи его суду.

Такъ-какъ я продолжалъ еще числиться предсѣдателемъ совѣта, то революціонный комитетъ просилъ меня немедленно прибыть въ комитетъ и помочь уладить скандалъ.

Пріѣхавъ въ комитетъ, я увидѣлъ отрезвившагося Пирожкова, который рыдалъ, просилъ прощенія и умолялъ членовъ комитета не выдавать его красноармейцамъ, которые угрожаютъ немедленно его разстрѣлять.

Я сказалъ столпившимся у зданія ревкома красноармейцамъ, что поступокъ Пирожкова будетъ поставленъ на обсужденіе совѣта и просилъ ихъ разойтись и спокойно ожидать рѣшенія совѣта. Красноармейцы послушались меня, и скандалъ окончился сравнительно благополучно.

На слѣдующій день состоялось засѣданіе совѣта, постановившаго уволить Пирожкова отъ обязанностей предсѣдателя ревкома. На этомъ-же засѣданіи я сдѣлалъ докладъ о моей поѣздкѣ (деньги для Черноморской дороги были доставлены изъ Севастополя за недѣлю до моего возвращенія) и сложилъ съ себя обязанности предсѣдателя совѣта.

Послѣ этого я могъ всецѣло отдаться нашему кооперативу, приступившему къ разработкѣ переданнаго намъ участка.

Въ теченіи мѣсяца мы оборудовали и пустили въ ходъ мастерскія, вскопали и засѣяли нѣсколько десятинъ подъ огородъ и кукурузу, завели маленькую ферму и приступили къ самой трудной работѣ — расчисткѣ участка отъ лѣса и кустарника.

Кооператоры наши жили дружно, съ увлеченіемъ отдавались работѣ и, казалось, совершенно забыли о всякой политикѣ.

Между тѣмъ въ сосѣдней съ нами Кубани происходили важныя событія.

Еще въ концѣ января большевики заняли Екатеринодаръ и установили совѣтскую власть на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ. Отдѣльные отряды непризнавшихъ совѣтской власти казаковъ производили періодическіе налеты то на одну, то на другую станицу, причиняя большевикамъ постоянное безпокойство.

Въ февралѣ добровольческая армія генерала Корнилова, вынужденная оставить Ростовъ, совершила свой рейдъ по Кубани, окончившійся гибелью Корнилова и отступленіемъ на Донъ. Большевики праздновали побѣду, которая оказалась также не долговѣчной.

Отдѣлившіеся отъ арміи Корнилова отряды разсѣялись по всей Кубани, преслѣдовались большевиками и старались пробиться или на Донъ, или въ Закавказье.

Одинъ изъ такихъ отрядовъ подъ начальствомъ полковника Кузнецова ушелъ въ горную часть Майкопскаго отдѣла, откуда хотѣлъ выйти на Черноморское побережье и интернироваться въ Грузіи.

Въ то время большевики еще пользовались большимъ вліяніемъ и авторитетомъ среди демобилизованныхъ казаковъ и солдатъ, охотно поддерживавшихъ совѣтскую власть. До деревни большевики еще не добрались, и крестьяне, которыхъ новая власть не трогала, относились къ ней также безъ всякой вражды. Добровольцы, или «кадеты» (какъ ихъ называли казаки и крестьяне) ввиду произведенныхъ ими въ рядѣ деревень и станицъ насилій, грабежей и разстрѣловъ бывшихъ фронтовиковъ, пользовались, наоборотъ, очень скверной репутаціей. Благодаря этому большевикамъ удавалось очень легко выставлять противъ «кадетъ» сильные отряды изъ мѣстныхъ жителей, при помощи которыхъ они быстро ликвидировали отдѣльные Корниловскіе отряды. Во время такихъ «ликвидацій» — озлобленіе бывшихъ фронтовиковъ достигало чудовищныхъ размѣровъ. Плѣнные въ большинствѣ разстрѣливались на мѣстѣ, причемъ на Кубани бывали случаи, когда сыновья — фронтовики собственноручно разстрѣливали своихъ отцовъ, находившихся въ рядахъ «кадетовъ». Такую жестокость фронтовики объясняли примѣромъ добровольцевъ, которые первые начали примѣнять разстрѣлъ и порку захваченныхъ въ плѣнъ красноармейцевъ и фронтовиковъ.

Поэтому когда въ Туапсинскомъ и Сочинскомъ округахъ узнали о движеніи отряда Кузнецова, все крестьянское населеніе стало на ноги.

Туапсинскій исполкомъ распространилъ воззванія, въ которыхъ предупреждалъ крестьянъ, и въ особенности вернувшихся въ деревни фронтовиковъ, о грядущей для нихъ, въ лицѣ отряда Кузнецова, опасности.

Черноморскіе крестьяне знали о «кадетахъ», лишь по наслышкѣ изъ разсказовъ побывавшихъ на Кубани очевидцевъ «ледяного похода». Въ этихъ разсказахъ добровольцы представлялись, какъ сторонники «стараго режима», мстившіе солдатамъ за революцію и за оскорбленія офицеровъ и прочаго «начальства». Большевики въ свою очередь не жалѣли красокъ и рисовали крестьянамъ перспективы побѣды «кадетовъ».

Сочинскій исполкомъ выставилъ въ 30 верстахъ къ сѣверу отъ Сочи «фронтъ», чтобы преградить путь Кузнецову. На фронтъ были посланы всѣ наличныя силы Сочинскаго гарнизона — двѣ роты красноармейцевъ, батарея и отрядъ мѣстныхъ рабочихъ. Крестьяне — фронтовики окрестныхъ деревень

добровольно примкнули къ этимъ силамъ и стали поджидать выхода отряда Кузнецова на приморское шоссе.

Туапсинскій исполкомъ также выслалъ сильный отрядъ на границу Сочинскаго округа.

Не ожидавшій серьезнаго сопротивленія со стороны Сочинскихъ большевиковъ, полковникъ Кузнецовъ перевалилъ Кавказскій хребетъ и вышелъ на побережье у селенія Божьи Воды (въ 20 верстахъ къ сѣв. востоку отъ Лазаревки). Здѣсь отрядъ его былъ атакованъ съ двухъ сторонъ Сочинцами и Туапсинцами и послѣ ожесточенной рукопашной схватки почти цѣликомъ уничтоженъ. Большая часть отряда была перебита (среди убитыхъ оказался священникъ отряда), другая — успѣла бѣжать въ горы, а 65 человѣкъ были взяты въ плѣнъ и отведены въ Туапсе, откуда ихъ переправили въ Майкопскую тюрьму. Въ числѣ плѣнныхъ оказался и начальникъ отряда — полковникъ Кузнецовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Кузнецовъ былъ почему-то освобожденъ изъ тюрьмы и на свое несчастье столкнулся въ Майкопѣ съ лидеромъ Сочинскихъ большевиковъ — Поярковымъ, принимавшимъ участіе въ его плѣненіи. По настоянію Пояркова Кузнецовъ былъ снова арестованъ и отправленъ въ Туапсе, гдѣ и былъ разстрѣлянъ по приказу политкома Грузинскаго фронта.

Вскорѣ послѣ ликвидаціи Кузнецовскаго фронта вниманіе Сѣверно-Кавказскихъ большевиковъ было обращено въ сторону объявившей себя самостоятельной республикой (26-го мая 1918 года) — Грузіи.

Между находившейся подъ властью большевиковъ Черноморской губерніей и вновь образовавшейся Грузинской республикой находилась Абхазія (Сухумскій округъ). Грузины считали, что Абхазія, входившая до революціи въ составъ Кутаисской губерніи, должна быть включена въ Грузію. На это у грузинъ имѣлись нѣкоторыя основанія, такъ-какъ большая часть населенія Сухумскаго округа состоитъ изъ грузинъ — мингрельцевъ. Большевики же сознавали, что занятіе грузинами Сухумскаго округа явится угрозой ихъ владычеству на Черноморьѣ. Поэтому они воспользовались національной ненавистью абхазцевъ къ грузинамъ и, при помощи довольно многочисленныхъ въ Сухумѣ русскихъ рабочихъ, объявили Абхазію — совѣтской республикой.

Во главѣ Абхазской республики былъ поставленъ ревкомъ изъ Сухумскихъ большевиковъ и абхазцевъ. Предсѣдателемъ ревкома оказался зажиточный абхазецъ — Ежба.

Такъ какъ грузины не примирились съ такимъ положеніемъ и стали готовиться къ походу для завоеванія Сухума и такъ-какъ у Сухумскихъ большевиковъ было очень мало войскъ, Ежба обратился къ Сочинскому, Туапсинскому и Екатеринодарскому совѣтамъ съ просьбой о поддержкѣ.

Кубанскіе большевики только-что приступили къ формированію Сѣверо-Кубанской красной арміи и всѣ ихъ наличныя силы были стянуты къ границамъ Донской области, занятой нѣмцами и добровольцами. Поэтому Кубано-Черноморскій центральный исполкомъ предложилъ Туапсинскому и Сочинскому исполкомамъ придти на помощь Сухумцамъ.

Я забылъ упомянуть о томъ, что къ этому времени Сочинскій революціонный комитетъ самоупразднился и вся полнота власти перешла къ окружному исполкому. Изъ 9-ти членовъ исполкома было всего четыре большевика, остальные — были или безпартійные, или являлись членами партій соц.-рев. и меньшевиковъ. Вліяніе большевиковъ такимъ образомъ было очень слабымъ, что имъ конечно не нравилось. Воспользовавшись событіями въ Сухумскомъ округѣ, мѣстные

Сочинскіе большевики постарались захватить власть въ свои руки. Для этой цѣли они добились приказа изъ Екатеринодара объ организаціи въ Сочи «Чрезвычайнаго штаба обороны Черноморскаго побережья», во главѣ котораго сталъ бывшій «президентъ» Сочинской республики и лидеръ мѣстныхъ большевиковъ — Поярковъ.

Чрезвычайный штабъ объявилъ въ Сочинскомъ округѣ «чрезвычайно-осадное положеніе» и устранилъ исполкомъ отъ власти, которую и захватилъ въ свои руки.

Введенное Поярковымъ чрезвычайно-осадное положеніе выразилось въ рядѣ обысковъ и реквизицій, въ запрещеніи появляться на улицахъ послѣ 8 часовъ вечера и другихъ тому подобныхъ распоряженіяхъ.

Сочинскіе обыватели, которымъ больше всего не понравилось запрещеніе вечернихъ прогулокъ, стали роптать и называли введенное Поярковымъ положеніе «чрезвычайно-досаднымъ».

Черезъ нѣсколько дней штабъ былъ вынужденъ отмѣнить это распоряженіе, такъ какъ, несмотря на грозныя предостереженія Пояркова, Сочинцы по-прежнему съ наступленіемъ вечерней прохлады высыпали на улицы, ходили въ кинематографы и сидѣли по кофейнямъ и духанамъ. Красноармейскіе патрули не имѣли никакой возможности арестовывать всѣхъ неповинующихся приказу, ибо таковыми являлись почти всѣ жители города, и Поярковъ, дабы не уронить въ глазахъ народа престижъ новой власти, принужденъ былъ вскорѣ снять «чрезвычайно-досадное положеніе».

VIII

Помощь Сочинскихъ большевиковъ Сухумскому революціонному комитету вылилась главнымъ образомъ въ организаціи «Чрезвычайнаго штаба». Конечно такая помощь не могла удовлетворить сухумцевъ, которые просили поддержать ихъ живой силой — войсками, пушками и патронами. Но такой помощи сочинскій «чрезвычайный штабъ» оказать не могъ. Въ Сочи имѣлось всего двѣ роты красноармейцевъ и четырехъ-орудійная батарея, составлявшихъ единственную опору чрезвычайнаго штаба, опасавшагося, въ случаѣ ихъ отправки въ Сухумъ, остаться безъ всякой вооруженной силы.

Мобилизовать крестьянъ-фронтовиковъ и мѣстныхъ рабочихъ для войны съ грузинами штабъ не рѣшался по той причинѣ, что судьбы Сухумскаго округа совершенно не интересовали Сочинскихъ крестьянъ, а также и потому, что среди мѣстнаго населенія было около 10% грузинъ, большинство которыхъ являлись членами соц.-дем. партіи, а поэтому были хорошо организованы. Большевистскій штабъ боялся, какъ-бы мобилизованные и вооруженные имъ меньшевики-грузины не обратили въ рѣшительный моментъ выданное имъ большевиками оружіе противъ чрезвычайнаго штаба.

Тогда большевики рѣшили возбудить патріотизмъ населенія, воспользовавшись тѣмъ, что Грузинское правительство, опасавшееся нашествія турокъ въ Закавказьѣ, обратилось за помощью къ нѣмцамъ. Германскія войска стали уже прибывать въ Поти и Тифлисъ, и германскій флагъ развѣвался на молу и маякѣ Потійскаго порта. Воспользовавшись этимъ большевики стали распространять слухи о томъ, что германцы, нарушивъ Брестъ-Литовскій мирный договоръ, объявили вновь войну Россіи и хотятъ занять весь Кавказъ.

Такъ какъ нѣкоторыя мѣропріятія чрезвычайнаго Штаба стали вызывать недовольство населенія, и въ особенности крестьянъ, то отношенія между окружнымъ исполкомомъ и штабомъ сильно обострились. Какъ я уже говорилъ, въ исполкомѣ большинство голосовъ принадлежало умѣреннымъ соціалистамъ и безпартійнымъ, и исполкомъ пользовался большимъ довѣріемъ населенія. Опираясь на такое довѣріе исполнительный комитетъ потребовалъ немедленнаго созыва окружного крестьянско-рабочаго съѣзда для разрѣшенія ряда спорныхъ вопросовъ и, въ томъ числѣ, мобилизаціи фронтовиковъ противъ германо-турокъ, каковую большевики хотѣли провести помимо съѣзда.

Въ концѣ-концовъ, большевикамъ пришлось уступить и съѣздъ былъ созванъ.

У нашего кооператива завязались самыя лучшія взаимоотношенія съ окрестными крестьянами. Мы пустили въ ходъ слесарную и кузнечную мастерскія, какихъ въ ближайшихъ деревняхъ не было, и крестьяне ежедневно привозили намъ для починки всевозможные инструменты сельско-хозяйственнаго обихода, приводили ковать лошадей, отпускать (оттачивать) пилы и топоры. Они присмотрѣлись къ нашей работѣ, хвалили насъ и часто обращались за разными совѣтами.

Благодаря такой дружбѣ съ крестьянами, двое изъ членовъ нашего кооператива, въ томъ числѣ и я, были выбраны на съѣздъ делегатами отъ крестьянъ сосѣднихъ поселеній.

Съѣздъ былъ очень бурнымъ, делегаты нападали на «Чрезвычайный штабъ», который, опасаясь дальнѣйшихъ волненій, сложилъ съ себя полномочія. Функціи штаба по рѣшенію съѣзда перешли къ военному отдѣлу окружного исполкома, которому съѣздъ поручилъ, въ случаѣ дѣйствительнаго наступленія германскихъ войскъ на Сѣв. Кавказъ — объявить общую мобилизацію населенія. Я былъ избранъ завѣдывать этимъ военнымъ отдѣломъ.

Во время съѣзда палъ Сухумъ. Грузины безъ особыхъ усилій разгромили неорганизованныя силы Сухумскаго революціоннаго комитета, которыя въ безпорядкѣ отступили къ Гаграмъ. Предсѣдатель Сухумскаго ревкома — Ежба — явился на съѣздъ и потребовалъ, во имя спасенія революціи, немедленнаго объявленія мобилизаціи Сочинскихъ крестьянъ и рабочихъ.

Мое выступленіе, въ которомъ я заявилъ сухумцамъ о нежеланіи крестьянъ воевать съ невѣдомымъ противникомъ и неизвѣстно за чьи интересы — вызвало негодованіе Ежбы, обрушившагося на меня съ обычной большевистской демагогіей и назвавшаго меня контръ-революціонеромъ. Однако единодушная поддержка, которую оказала мнѣ крестьянская и часть рабочей секцій съѣзда, заставила сократиться Ежбу, рѣшившаго ѣхать искать помощи въ Екатеринодаръ и Москву.

Первымъ моимъ шагомъ въ качествѣ завѣдывающаго военнымъ отдѣломъ было увольненіе того команднаго состава Сочинскаго гарнизона, который былъ навербованъ до меня Поярковымъ. Этотъ командный составъ состоялъ изъ трехъ человѣкъ: инспектора пѣхоты — какого-то бывшаго подпрапорщика съ очень подозрительными внѣшностью и прошлымъ, инспектора артиллеріи — капитана Фомина, который страдалъ хроническимъ запоемъ, и, наконецъ, инспектора кавалеріи (которая была лишь въ воображеніи Пояркова и состояла всего изъ 5 всадниковъ) — капитана французской службы Мандрыко.

Капитанъ Мандрыко, бывшій гвардейскій офицеръ, какимъ-то образомъ перешелъ во время войны на французскую службу, затѣмъ былъ прикомандированъ

къ одному изъ штабовъ на русскомъ фронтѣ, а послѣ революціи очутился въ Сочи, гдѣ поселился въ «Кавказской Ривьерѣ» и не снималъ французскаго мундира. Мандрыко велъ широкій образъ жизни, много кутилъ и сильно всѣмъ задолжалъ. Не знаю по какимъ причинамъ, онъ снискалъ къ себѣ симпатіи Пояркова, который предложилъ ему постъ инструктора кавалеріи имѣющей быть сформированной Черноморской красной арміи. Предложеніе это было принято Мандрыко, который сталъ инструктировать, не снимая французскаго мундира, пять человѣкъ Поярковской конницы.

Отстранивъ подъ благовидными предлогами этихъ трехъ «генералъ инспекторовъ», я пригласилъ къ себѣ въ сотрудники для подготовленія и разработки плана обороны границъ Сочинскаго округа (на случай наступленія турокъ и германцевъ) трехъ другихъ находившихся въ Сочи офицеровъ о которыхъ мнѣ говорили, что они въ высшей степени порядочные и дѣльные спеціалисты — инженеры и артиллеристы.

Организовавъ затѣмъ военный отдѣлъ по образцу бывшихъ управленій воинскихъ начальниковъ, я рѣшилъ на нѣсколько дней съѣздить въ Екатеринодаръ для того, чтобы выяснить себѣ общее положеніе, какъ военное, такъ и политическое, создавшееся на Сѣверномъ Кавказѣ и въ остальной Россіи. Разобраться въ этой кашѣ, оставаясь въ Сочи, было немыслимо: никакихъ свѣдѣній мы здѣсь не получали, и вся информація исходила отъ мѣстнаго комитета большевиковъ и, главнымъ образомъ, отъ Пояркова, которому я вѣрить не могъ.

Доѣхавъ на автомобилѣ до Новороссійска, я узналъ, что нѣмцы дѣйствительно предприняли рядъ мѣропріятій для занятія территоріи юга и юго-востока Россіи. Въ частности ими былъ занятъ Севастополь, и почти вся Черноморская эскадра, подъ командой адмирала Саблина, не желая быть захваченной нѣмцами, пришла въ Новороссійскъ.

Здѣсь-же мнѣ сказали, что германскими войсками занятъ Ростовъ и между Ростовомъ и Батайскомъ находится большевистскій фронтъ, которымъ командуетъ главковерхъ Кальнинъ.

Положеніе большевиковъ въ Екатеринодарѣ, когда я туда пріѣхалъ, было довольно прочнымъ, и они не высказывали никакихъ особыхъ опасеній относительно ближайшаго будущаго. Ихъ руководители говорили, что нѣмцы не имѣютъ намѣренія занимать Сѣверный Кавказъ, что Ростовскій германо-большевистскій фронтъ — явленіе временное и что гораздо опаснѣе для нихъ формируемая генераломъ Алексѣевымъ армія.

Что-же касается Сухумскаго фронта — то тамъ, по ихъ мнѣнію, германцы будутъ поддерживать грузинъ, но только въ томъ случаѣ, если красная армія вторгнется въ предѣлы Грузіи.

Изъ этихъ разъясненій, данныхъ мнѣ военнымъ комиссаромъ Кубано-Черноморской совѣтской республики Силичевымъ, я понялъ, что никакой германотурецкой опасности для Черноморья не существуетъ и что Сухумскій фронтъ созданъ исключительно въ интересахъ какихъ-то высшихъ, невѣдомыхъ простымъ смернымъ, соображеній большевистской политики.

Военкомъ Силичевъ, коммунистъ и бывшій морской офицеръ, помѣщался въ атаманскомъ дворцѣ, говорилъ съ большимъ апломбомъ, но не важничалъ, подобно другимъ всемогущимъ комиссарамъ; онъ являлся фактическимъ главковерхомъ всѣхъ многочисленныхъ Кубанскихъ фронтовъ, отъ него зависѣли назначенія и увольненія всѣхъ командармовъ и ему подчинялись всѣ интендантскія и военно административныя учрежденія и заведенія.

Въ оперативную часть Силичевъ, впрочемъ, не вмѣшивался, предоставивъ ее главнокомандующему Сѣв.-Кавказской красной арміи Кальнину, штабъ котораго находился на ст. Тихорѣцкая, и «военруку» (военному руководителю) — генералу генеральнаго штаба Сосновскому, жившему въ Екатеринодарѣ и постоянно находившемуся въ военномъ комиссаріатѣ.

Сосновскій держалъ себя довольно странно. Въ присутствіи коммунистическаго начальства онъ старался показать себя искренно-преданнымъ совѣтскому правительству, но когда въ его кабинетѣ никого изъ большевиковъ не было, онъ сразу мѣнялъ тонъ, намекалъ на то, что никакихъ симпатій къ правящей партіи и ея политикѣ не питаетъ, и говорилъ, что его насильно мобилизовали и подъ конвоемъ прислали изъ Петрограда въ Екатеринодаръ.

Въ кабинетѣ военкома Силичева я познакомился съ какимъ-то французскимъ лейтенантомъ, пріѣхавшимъ въ Екатеринодаръ предложить мѣстной большевистской арміи помощь Франціи для борьбы съ германо-турками.

Мы разговорились, и онъ сталъ горячо убѣждать меня въ необходимости привлечь на службу въ красную армію всѣхъ кадровыхъ офицеровъ.

— Не все-ли равно офицерамъ, какое правительство стоитъ сейчасъ у власти. Разъ это правительство будетъ продолжать войну съ нѣмцами и тѣмъ самымъ нарушитъ Брестъ-Литовскій миръ — долгъ каждаго русскаго офицера добровольно явиться въ ряды красной арміи, говорилъ лейтенантъ. Франція и другіе народы готовы оказать помощь большевикамъ, если они снова начнутъ войну.

Я не сталъ возражать французскому офицеру, такъ какъ понималъ, что нашимъ бывшимъ союзникамъ рѣшительно все равно, какое правительство стоитъ у власти въ Россіи, и они готовы одинаково помогать и большевистскому, и монархическому правительству, лишь-бы оно продолжало вести борьбу съ Германской имперіей.

Послѣ этого разговора я подумалъ, не получилъ-ли и капитанъ Мандрыко какихъ нибудь указаній, когда онъ согласился принять постъ инструктора красной кавалеріи.

Въ день моего отъѣзда изъ Екатеринодара, я узналъ о предъявленномъ большевикамъ германскимъ командованіемъ ультиматумѣ — сдать имъ, или уничтожить нашу Черноморскую эскадру, стоявшую въ Новороссійскѣ. Ультиматумъ этотъ былъ предъявленъ еще нѣсколько дней тому назадъ, но мѣстные большевики отказались исполнить требованіе нѣмцевъ и сообщили объ этомъ въ Москву. Московское правительство приказало немедленно потопить Черноморскій флотъ и командировало въ Екатеринодаръ двухъ видныхъ коммунистовъ, въ томъ числѣ и «краснаго адмирала» Раскольникова, который долженъ былъ убѣдить Черноморскихъ моряковъ, представители которыхъ единогласно заявили отъ лица всѣхъ своихъ товарищей, что они не допустятъ уничтоженія или передачи нѣмцамъ кораблей, подчиниться приказу Совнаркома.

Въ городѣ оживленно обсуждался нѣмецкій ультиматумъ и всѣ, даже большевики, привѣтствовали заявленіе моряковъ.

Въ Новороссійскѣ мнѣ пришлось задержаться на два дня, ввиду поломки моего автомобиля. Въ эти дни я былъ свидѣтелемъ бурныхъ матросскихъ митинговъ, происходившихъ въ городѣ и на территоріи порта, на которыхъ обсуждался этотъ вопросъ. Насколько я знаю, всѣ митинги выносили резолюціи о недопустимости уничтоженія Черноморскаго флота.

Меня, понятно, очень волновала судьба эскадры, стоявшей на рейдѣ Новороссійска и своимъ внушительнымъ видомъ напоминавшей былую мощь Россіи.

Настроеніе моряковъ меня успокоило и, когда автомобиль былъ починенъ, и я рано утромъ выѣхалъ изъ Новороссійска по Черноморскому шоссе, то не могъ себѣ представить, что черезъ какихъ-нибудь полтора часа мнѣ придется быть свидѣтелемъ гибели Черноморскаго флота...

Но оказалось, что прибывшіе изъ столицы большевики напрягли всѣ свои силы, чтобы добиться отъ матросовъ согласія на потопленіе эскадры. Всю ночь происходило засѣданіе делегатовъ съ кораблей, на которомъ большевики убѣдили матросовъ въ необходимости, для «спасенія революціи», пожертвовать Черноморскимъ флотомъ.

Рано утромъ принятое ночью рѣшеніе было объявлено командамъ, и матросы стали покидать суда, расхищая все имѣвшееся на нихъ имущество.

Черноморское шоссе до селенія Кабардинки (въ 20 верстахъ отъ Новороссійска) идетъ по берегу моря, огибая Новороссійскую бухту.

На 12-й верстѣ отъ Новороссійска у автомобиля лопнули одна за другой двѣ шины. Пришлось остановиться для замѣны ихъ новыми. Одновременно произошла какая-то другая поломка, и остановка наша оказалось довольно продолжительной.

Я усѣлся на обрывѣ и смотрѣлъ въ сторону Новороссійска.

Въ первомъ часу дня я замѣтилъ, что стоявшіе въ порту миноносцы снимаются съ якорей и выходятъ въ бухту. Вслѣдъ за миноносцами на буксирѣ двухъ пароходовъ вышелъ изъ порта и дреднаутъ «Свободная Россія» (быв. императрица Марія).

— Смотрите, сказалъ мнѣ подошедшій шоферъ: матросы видно рѣшили уйти изъ Новороссійска, чтобы не топить кораблей.

Но вскорѣ мы убѣдились, что суда выходили изъ порта для другой цѣли...

На всѣхъ корабляхъ были подняты Андреевскіе флаги. Миноносцы, выйдя изъ порта, построились сначала въ кильватерную колонну, потомъ начали сближаться и образовали кругъ. Затѣмъ съ нихъ спустили шлюпки, раздался пушечный выстрѣлъ, оказавшійся погребальнымъ салютомъ, и вдругъ мы замѣтили, что миноносцы стали накреняться въ сторону.

— Смотрите, смотрите, воскликнулъ взволнованный шоферъ: корабли тонутъ!

Накренившіеся сначала въ одну сторону, миноносцы вдругъ выпрямились. Я подумалъ, что кренъ вызванъ былъ какимъ-нибудь маневромъ, но потомъ увидѣлъ, что суда дѣйствительно тонутъ: они накренились въ другую сторону и линія воды близко-близко подошла къ верхнимъ палубамъ.

«Свободная Россія», выведенная буксирами, остановилась на линіи погружавшихся въ воду миноносцевъ. Отъ нея также отъѣхало нѣсколько шлюпокъ. Но дреднаутъ, едва накренившись на лѣвый бортъ, вскорѣ выпрямился и казалось, что онъ стоитъ неподвижно. Какъ мнѣ говорили впослѣдствіи, для потопленія миноносцевъ были открыты кингстоны и хлынувшая въ нихъ вода быстро погрузила на дно небольшіе корабли, но на «Свободной Россіи», имѣвшей много водонепроницаемыхъ перегородокъ, были открыты не всѣ кингстоны, почему вода медленно проникала въ дреднаутъ.

Тогда изъ порта вышелъ еще одинъ, послѣдній остававшійся въ Новороссійскѣ миноносецъ, и открылъ орудійный огонь по нежелавшему опускать-

ся на дно адмиральскому судну, направляя выстрѣлы въ подводную кормовую часть.

Я не могъ больше смотрѣть на эту тяжелую картину.

— Поѣдемъ, сказалъ я, обернувшись къ шоферу.

Онъ посмотрѣлъ на меня помутившимся взоромъ и, судорожно всхлипнувъ, сталъ заводить машину.

Бросивъ послѣдній взглядъ на море, я увидѣлъ, что миноносцы скрылись уже подъ водой, изъ которой, какъ могильные кресты, торчали мачты съ развѣвавшимися на нихъ Андреевскими флагами. «Свободная Россія» также стала медленно погружаться.

Когда мы отъѣхали съ полъ-версты, шоферъ повернулъ ко мнѣ свое заплаканное лицо и тихо проговорилъ:

— Погибла «Свободная Россія» . . .

IX

Вернувшись въ Сочи, я нашелъ тамъ большія перемѣны. За время моего отсутствія по телеграфному распоряженію изъ Екатеринодара былъ назначенъ новый командующій Сухумскимъ фронтомъ — бывшій казачій офицеръ большевикъ Антоновъ (однофамилецъ командовавшаго красной арміей на Юго-Востокѣ главковерха). Помощникомъ Антонова былъ назначенъ Поярковъ. При командующемъ былъ сформированъ полевой штабъ, членами котораго оказались бывшіе члены Сухумскаго ревкома, а предсѣдателемъ штаба — бывшій предсѣдатель Трапезундскаго совѣта солдатскихъ депутатовъ, заядлый коммунистъ грузинъ Кверквелія.

Въ то время большевики еще не признавали единоличнаго командованія и считали необходимыми, при каждомъ главковерхѣ имѣть такіе штабы, являвшіеся не оперативными, а административно-политическими органами. Впрочемъ и впослѣдствіи, предоставивъ своимъ командармамъ полную свободу въ строевой и оперативной части, большевики оставили политическую часть въ рукахъ «реввоенсовѣтовъ», прототипомъ которыхъ и были прежніе «фронтовые штабы».

Штабъ Сухумскаго фронта тотчасъ-же ввелъ въ Сочи осадное положеніе и захватилъ всю власть изъ рукъ окружного исполкома, ставшаго въ открытую оппозицію совершенно чуждымъ мѣстному населенію Сухумскимъ большевикамъ.

Атмосфера въ Сочинскомъ округѣ сгущалась съ каждымъ днемъ. Послѣ моего доклада о Екатеринодарскихъ и Новороссійскихъ впечатлѣніяхъ — окружной исполкомъ отмѣнилъ мобилизацію, чѣмъ окончательно возбудилъ негодованіе Сухумскаго штаба. Дѣйствія и распоряженія штаба вызывали всеобщее возмущеніе населенія, въ особенности крестьянъ. Сухумскіе большевики, пренебрегая совѣтами своихъ болѣе умѣренныхъ Сочинскихъ товарищей, принялись энергично за борьбу съ контръ-революціей. Борьба эта вылилась въ приказы объ отобраніи всякаго огнестрѣльнаго оружія у горожанъ и крестьянъ, о реквизиціяхъ лошадей, скота и продуктовъ и объ арестахъ всѣхъ подозрѣваемыхъ въ сочувствіи грузинамъ лицъ. На Кавказѣ каждый крестьянинъ имѣетъ оружіе, тщательно его сохраняетъ и гордится имъ. Отобрать винтовку, револьверъ или кинжалъ — значитъ нанести Кавказскому поселянину величайшее оскорбленіе. Традиція эта перешла по наслѣдству отъ горцевъ и къ русскимъ поселянамъ, которымъ оружіе было необходимо для охоты и самозащиты. Доволь-

но многочисленное грузинское населеніе Сочи также имѣло оружіе — револьверы и кинжалы — съ которымъ никогда не разставалось. Поэтому приказъ штаба о добровольной сдачѣ въ трехъ-дневный срокъ оружія — вызвалъ взрывъ возмущенія и въ городѣ, и въ деревняхъ. За исключеніемъ перепуганной грознымъ приказомъ городской интеллигенціи, никто изъ жителей добровольно оружія не сдалъ, а отбирать его насильственнымъ путемъ — большевики не имѣли возможности. Такимъ образомъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ, штабъ нажилъ себѣ многочисленныхъ враговъ.

Видя такое враждебное къ себѣ отношеніе, Штабъ Сухумскаго фронта забилъ тревогу и потребовалъ усиленія фронта красноармейскими Кубанскими частями. Екатеринодарское правительство обѣщало прислать въ Сочи Бѣлорѣченскій стрѣлковый полкъ и баталіонъ Майкопскихъ коммунистовъ, прибытія которыхъ стали съ нетерпѣніемъ ожидать Сухумскіе и Сочинскіе большевики.

Въ это время новый главковерхъ Антоновъ пріѣхалъ въ Гагры и рѣшилъ поднять настроеніе фронта, перейдя въ наступленіе на городъ Гудауты (въ 40 вер. къ сѣверу отъ Сухума), только-что занятый грузинской народной гвардіей.

Операція эта увѣнчалась вначалѣ успѣхомъ: грузины были выбиты изъ Гудаутъ, оставивъ Антонову одно орудіе, нѣсколько пулеметовъ и 50 плѣнныхъ.

Одержавши эту побѣду, Антоновъ вернулся въ Сочи, потребовалъ созыва экстреннаго засѣданія окружного исполкома и предложилъ объявить немедленно всеобщую мобилизацію. Во время этого засѣданія кто-то спросилъ Антонова о дальнѣйшей судьбѣ плѣнныхъ грузинъ.

— Во время гражданской войны плѣнныхъ не берутъ — ихъ разстрѣливаютъ, отвѣтилъ Антоновъ.

Слова главковерха облетѣли Сочи и взбудоражили мѣстныхъ грузинъ.

Плѣнные были доставлены въ Сочи и содержались въ тюрьмѣ. Разстрѣливать ихъ въ Сочи большевики опасались, боясь вызвать преждевременное вооруженное выступленіе мѣстныхъ грузинъ. Грузинскій національный комитетъ рѣшилъ устроить побѣгъ арестованныхъ и рѣшеніе это какими-то путями дошло до Пояркова. Тогда штабъ рѣшилъ отправить плѣнныхъ въ Туапсе и тамъ покончить съ ними. Узнавъ о предстоящей отправкѣ плѣнныхъ въ Туапсе, Сочинскіе грузины поняли, что они будутъ разстрѣляны и обратились ко мнѣ съ просьбой — спасти осужденнныхъ штабомъ людей отъ неминуемой смерти. Я обѣщалъ сдѣлать все возможное для спасенія жизни плѣнныхъ и придумалъ слѣдующій планъ: въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города находилась Хлудовская экономія, переданная городской продовольственной управѣ. Въ экономіи были большіе огороды, требовавшіе многочисленныхъ рабочихъ для полки и поливки грядъ. Я предложилъ штабу отправить на эти работы сидѣвшихъ безъ дѣла въ тюрьмѣ плѣнныхъ и реквизировать городскіе огороды для нуждъ фронта. Штабъ согласился, плѣнныхъ перевели въ Хлудовку, гдѣ они вскорѣ были позабыты штабомъ и этимъ спаслись отъ разстрѣла. Когда большевики очистили Сочи, всѣ эти плѣнные очутились на свободѣ и искренно благодарили меня за оказанную имъ услугу.

Окружной исполнительный комитетъ, опасаясь репрессій со стороны большевиковъ, сталъ колебаться. Въ это время въ Сочи прибыли части Бѣлорѣченскаго полка и баталіонъ Майкопскихъ коммунистовъ. Но настроеніе этихъ наспѣхъ сформированныхъ войскъ было далеко не воинственное.

Прибывъ въ Сочи — они отказались выступить на фронтъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что не могутъ драться съ врагомъ, пока не убѣдятся въ «искоре-

ненiи контръ-революцiи» въ тылу. «Искоренить» контръ-революцiю — это значило, по ихъ мнѣнiю, произвести всеобщее изъятiе имущества у «буржуевъ».

Штабъ рѣшилъ успокоить прибывшихъ «героевъ» и обѣщалъ произвести въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ повальные обыски, съ цѣлью отобрать въ пользу фронта всѣ цѣнности, обувь, бѣлье и одежду. Начался форменный грабежъ, продолжавшiйся нѣсколько дней и окончательно деморализовавшiй Бѣлорѣченцевъ и Майкопцевъ.

Къ чести главковерха Антонова — онъ отнесся глубоко отрицательно къ такому рѣшенiю штаба и, въ концѣ-концовъ, потребовалъ и добился прекращенiя этихъ узаконенныхъ грабежей. Антоновъ былъ убѣжденный и идейный коммунистъ, но онъ не признавалъ никакой демагогiи и всегда открыто и честно высказывалъ свои убѣжденiя.

Поведенiе прибывшихъ въ округъ красноармейцевъ окончательно возстановило противъ большевиковъ все населенiе. Кромѣ того крестьяне узнали, что никакихъ турокъ на фронтѣ нѣтъ и что округу не угрожаетъ германо-турецкая опасность. Поэтому въ цѣломъ рядѣ селенiй состоялись сходы, на которыхъ были приняты резолюцiи — обратиться къ Кубано-Черноморскому исполкому съ требованiемъ снять противу-грузинскiй фронтъ и вывести изъ округа прибывшихъ красноармейцевъ. Резолюцiи эти были представлены въ окружной исполкомъ, который большинствомъ одного голоса также постановилъ просить Екатеринодарское правительство ликвидировать фронтъ и предоставить крестьянамъ и рабочимъ Сочинскаго округа войти въ переговоры съ грузинами для заключенiя мира и установленiя добрососѣдскихъ отношенiй.

Исполкомъ поручилъ мнѣ поѣхать съ этой резолюцiей въ Екатеринодаръ и настоять тамъ на ея удовлетворенiи.

Я въ это время уже сложилъ съ себя обязанности завѣдывающаго военнымъ отдѣломъ, ибо не считалъ возможнымъ, при создавшемся положенiи и послѣ вполнѣ выяснившихся истинныхъ намѣренiй Сухумскихъ большевиковъ, имѣть съ ними какiя-бы то ни было дѣловыя взаимоотношенiя.

Я выѣхалъ въ Екатеринодаръ и явился прямо съ вокзала къ военкому Силичеву, которому передалъ резолюцiю и просилъ довести ее до свѣдѣнiя Центральнаго исполкома.

Въ Екатеринодарѣ наблюдалось какое-то тревожное состоянiе. Говорили объ успѣхахъ добровольцевъ и о начавшихся въ цѣломъ рядѣ станицъ возстанiяхъ противъ совѣтской власти. Большевики рѣшили припугнуть казаковъ и терроризовать ихъ. Начались массовые разстрѣлы. Въ одну только ночь въ Екатеринодарѣ были разстрѣляны 28 стариковъ-казаковъ, арестованныхъ на базарѣ за непочтительные отзывы о большевикахъ и о совѣтской власти. Нѣкоторыя станицы, считавшiяся ненадежными и сочувствующими «кадетамъ» — были безъ всякаго предупрежденiя обстрѣляны артиллерiйскимъ огнемъ и обложены контрибуцiей. Всѣ эти мѣропрiятiя еще болѣе озлобили казачество и предрѣшили пораженiе Сѣверно-Кавказскихъ большевиковъ.

Военкомъ Силичевъ спросилъ меня, чѣмъ вызвано требованiе Сочинскихъ крестьянъ о ликвидацiи фронта и нисколько не удивился поведенiемъ присланныхъ имъ въ Сочи красноармейцевъ. Его также не удивилъ и отказъ Бѣлорѣченцевъ выступить на фронтъ.

— Это обычная исторiя, которая повторяется на всѣхъ фронтахъ, сказалъ онъ, обѣщая передать привезенную мной резолюцiю прибывшему только-что въ Екатеринодаръ особоуполномоченному Совнаркома — Оржоникидзе.

Оржоникидзе былъ снабженъ чрезвычайными полномочіями центральной власти, могъ смѣщать комиссаровъ и главковерховъ, объявлять новыя войны и заключать мирные договоры.

На слѣдующій день онъ вызвалъ меня въ атаманскій дворецъ и заявилъ, что ни въ какіе разговоры по поводу привезенной мною резолюціи онъ вступать не намѣренъ:

— Такую резолюцію, воскликнулъ онъ стуча кулакомъ по столу, могутъ принимать только враги совѣтской власти, а защищать ее — завѣдомые и убѣжденные контръ-революціонеры! Сухумскій фронтъ снятъ не будетъ, а всѣ тѣ, кто осмѣлятся открыто встать на сторону нашихъ враговъ — будутъ безпощадно нами уничтожены!

Я понялъ, что всякіе разговоры съ Оржоникидзе излишни и вышелъ изъ дворца, намѣреваясь съ ночнымъ поѣздомъ вернуться въ Новороссійскъ.

Въ Новороссійскѣ я узналъ, что Сочи занято грузинами. Деморализованные грабежами Бѣлорѣченцы и Майкопцы не выдержали боя съ малочисленнымъ грузинскимъ отрядомъ, поддержаннымъ крестьянами окрестныхъ селеній, и, почти не оказывая сопротивленія, бѣжали, бросивъ всю артиллерію, пулеметы и обозъ.

Я выѣхалъ въ Туапсе и засталъ тамъ форменный хаосъ. Въ городѣ собрались всѣ Сухумскіе и Сочинскіе коммунисты; сюда эвакуировались Сухумскія и Сочинскія совѣтскія учрежденія, ревкомы, исполкомы и штабы, со всѣми служащими и канцеляріями. Съ отступавшими красноармейцами бѣжало также много Сочинскихъ рабочихъ, которымъ большевики сказали, что они будутъ разстрѣляны грузинами за сочувствіе совѣтской власти.

Туапсинскій исполкомъ встрѣтилъ бѣжавшихъ Сочинскихъ коммунистовъ очень не гостепріимно, обвинивъ ихъ въ трусости и бездѣятельности, результатами чего явилось ихъ пораженіе. Сочинцы въ свою очередь обвиняли Туапсинцевъ, неподдержавшихъ ихъ живой силой, артиллеріей и патронами. Туапсинскіе коммунисты старались показать потерпѣвшимъ пораженіе товарищамъ, какъ надо проявлять твердость власти и держать въ повиновеніи населеніе. Для этого они организовали революціонный трибуналъ, выносившій въ 24 часа смертные приговоры всѣмъ заподозрѣннымъ въ контръ-революціи обывателямъ, и приговоры приводились немедленно въ исполненіе, иногда — публично. По приговору этого трибунала были разстрѣляны арестованные близъ селенія Архипо-Осиповка бывшій Кубанскій областной комиссаръ Временнаго Правительства Бардижъ и его два сына, бѣжавшіе изъ Екатеринодара послѣ пораженія Корнилова.

Я рѣшилъ какъ можно скорѣе уѣхать изъ Туапсе и вернуться въ Сочи для чего сговорился съ нѣкоторыми изъ Сочинскихъ рабочихъ, которыхъ убѣдилъ въ томъ, что имъ нечего опасаться какихъ-то репрессій со стороны грузинъ.

Однако мнѣ пришлось уѣхать одному и ускорить свой отъѣздъ, ввиду полученнаго приказа Оржоникидзе — арестовать и доставить меня въ Екатеринодаръ, о чемъ меня предупредилъ одинъ изъ Сочинскихъ коммунистовъ.

Мнѣ удалось получить отъ Туапсинскаго коменданта пропускъ, съ которымъ я сѣлъ на отходившую въ Новороссійскъ моторную шхуну и черезъ день добрался до Новороссійска.

Здѣсь я разсчитывалъ сговориться съ капитаномъ какого-нибудь суда, тайкомъ отъ большевиковъ перевозившаго въ Сухумъ, Поти и Батумъ грузы и пассажировъ.

Такое судно нашлось, но отходило только черезъ два дня, а оставаться въ Новороссійскѣ мнѣ не хотѣлось, такъ какъ въ городѣ я подвергался опасности быть узнаннымъ и арестованнымъ. Оказалось, что отходящее черезъ два дня въ Сухумъ судно зайдетъ въ Геленджикъ, а поэтому я рѣшилъ отправиться пѣшкомъ въ Геленджикъ и тамъ подождать прихода этого судна.

Я такъ и сдѣлалъ. Судно, оказавшееся маленькой парусно-моторной шхуной, пришло въ Геленджикъ и стало грузиться мукой, которую по документамъ должно было доставить обратно въ Новороссійскъ.

Когда на шхуну было погружено нѣсколько десятковъ мѣшковъ съ мукой, капитанъ предложилъ мнѣ и тремъ другимъ пассажирамъ спрятаться въ трюмъ, гдѣ матросы насъ тщательно замаскировали мѣшками. Предосторожность эта оказалась далеко не излишней, ибо незадолго до отправленія судна, явились представители Геленджикскаго ревкома, чтобы осмотрѣть судно и убѣдиться, что на немъ нѣтъ пассажировъ. (Выѣздъ изъ Геленджика моремъ былъ запрещенъ штабомъ Новороссійскаго укрѣпленнаго района.)

Наконецъ, представители власти съѣхали на берегъ, шхуна подняла паруса, заработалъ моторъ и мы вышли въ море.

До наступленія сумерокъ капитанъ держалъ курсъ на Новороссійскъ, но какъ только достаточно стемнѣло, шхуна круто повернула и, удаляясь подальше отъ берега, взяла направленіе на Сочи.

Заключенные въ трюмѣ пассажиры могли вылѣзти изъ подъ мѣшковъ съ мукой и свободно размѣститься на палубѣ.

Черезъ два дня судно наше благополучно прибыло въ Сочи, и я снова очутился среди моихъ товарищей-кооператоровъ, сильно безпокоившихся обо мнѣ, такъ какъ до нихъ дошли слухи, будто-бы я арестованъ Туапсинскими большевиками и приговоренъ къ разстрѣлу.

X

Сочи было занято грузинскими войсками по настоянію мѣстныхъ грузинъ и при помощи крестьянъ, которые, убѣдившись въ томъ, что никакихъ германо-турокъ по той сторонѣ фронта нѣтъ, рѣшили освободить Сочинскій округъ отъ прибывшихъ изъ Екатеринодара недисциплинированныхъ красноармейскихъ бандъ. Банды эти за кратковременное свое пребываніе въ окрестностяхъ Сочи успѣли возстановить противъ себя не только городское населеніе, но и крестьянъ.

Безъ активной поддержки крестьянъ немногочисленный грузинскій отрядъ, конечно, не былъ бы въ состояніи такъ легко справиться съ Бѣлорѣченскимъ и Майкопскимъ полками красной арміи.

Участь Сочи была предрѣшена сраженіемъ у селенія Кудепсты (въ 25 верстахъ къ югу отъ Сочи), во время котораго отрядъ крестьянъ, предводительствуемый бывшимъ унтеръ-офицеромъ крестьяниномъ Петромъ Блохнинымъ, обошелъ съ фланга и тыла позицію большевиковъ и захватилъ батарею и нѣсколько пулеметовъ. Грузинскому отряду наступавшему съ фронта осталось лишь предпринять энергичное преслѣдованіе растерявшихся большевиковъ.

Толчкомъ къ выступленію крестьянъ послужили аресты трехъ поселянъ, произведенные по приказанію командира Бѣлорѣченскаго полка, и разграбленіе красноармейцами двухъ вагоновъ съ мануфактурой, доставленныхъ Сочин-

ской продовольственной управой изъ Новороссійска и предназначенныхъ окружнымъ исполкомомъ для нуждъ сельскаго населенія.

Впослѣдствіи и большевики, и крайніе правые элементы обвиняли Сочинскихъ крестьянъ въ отсутствіи патріотизма и въ «государственной измѣнѣ» за оказанную ими помощь грузинамъ. Нѣкоторые утверждали, что такая помощь была щедро оплачена грузинскимъ правительствомъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Мѣстное крестьянство хорошо знало грузинъ, всѣ ихъ положительныя качества и недостатки. Въ округѣ было нѣсколько селеній, населенныхъ исключительно грузинами, въ городѣ большинство торгово-промышленныхъ заведеній содержалось также грузинами. И долголѣтняя совмѣстная жизнь пріучила крестьянъ считать грузинъ своими добрыми сосѣдями, съ которыми у нихъ никогда никакихъ недоразумѣній не происходило. Что-же касается горожанъ, особенно членовъ правыхъ соціалистическихъ партій — то имена стоявшихъ во главѣ грузинскаго правительства лицъ (Жорданія, Чхеидзе, Церетелли и др.) гарантировали имъ демократичность этого правительства и отсутствіе у него какихъ-либо захватныхъ или имперіалистическихъ намѣреній. Этимъ объясняется пассивное сочувствіе грузинамъ одной и активная поддержка другой части населенія Сочинскаго округа.

И на самомъ дѣлѣ у руководителей грузинской политики не было намѣренія присоединить къ Грузіи Черноморскую губернію, хотя нѣкоторые зарвавшіеся и экспансивные грузинскіе шовинисты не только мечтали, но даже громко кричали о «великой Грузіи», которую представляли себѣ въ границахъ, бывшихъ при царѣ Иракліи, когда (правда — недолгое время) грузины владѣли побережьемъ почти до самого Новороссійска.

Занявшій Сочи грузинскій отрядъ состоялъ изъ 500 солдатъ вновь сформированной молодой грузинской арміи и двухъ батарей, которыми командовалъ генералъ Мазніевъ. Въ генералы Мазніевъ былъ произведенъ уже грузинскимъ правительствомъ, а на русской службѣ дослужился до чина подполковника въ одномъ изъ полковъ Кавказской арміи. Взятіемъ Сочи и побѣдами надъ большевиками Мазніевъ создалъ себѣ славу «непобѣдимаго», благодаря чему занялъ одинъ изъ крупнѣйшихъ постовъ въ грузинской арміи. Но впослѣдствіи, когда ему пришлось дѣйствовать противъ болѣе серьезнаго противника, Мазніевъ выказалъ полное отсутствіе какихъ-либо военныхъ талантовъ и былъ со скандаломъ уволенъ въ отставку. Когда-же черезъ два года большевики, успѣвшіе къ этому времени реорганизовать свою красную армію, легко оккупировали Грузію — то генералъ Мазніевъ однимъ изъ первыхъ перешелъ на службу къ большевикамъ и былъ назначенъ на отвѣтственную должность въ красной арміи. Но въ описываемое время Мазніевъ заявлялъ себя ярымъ противникомъ большевиковъ и сочувствовалъ мечтамъ грузинскихъ шовинистовъ о «великой Грузіи».

Недѣли черезъ двѣ, послѣ занятія Сочи, отрядъ Мазніева также легко вступилъ въ Туапсе и объявилъ о присоединеніи Туапсинскаго округа къ Грузинской республикѣ. Эта побѣда была одержана Мазніевымъ благодаря тому, что всѣ силы большевиковъ были оттянуты къ Екатеринодару и Тихорѣцкой, которымъ стали сильно угрожать наступавшіе подъ начальствомъ генерала Алексѣева добровольцы.

Многіе изъ проживавшихъ въ Сочи офицеровъ русской службы, видя въ грузинахъ вольныхъ или невольныхъ союзниковъ Добровольческой арміи, поступили на службу въ отрядъ Мазніева, значительно усиливъ его и численностью и качествомъ.

Первыми шагами правительства Грузіи во вновь присоединенномъ къ республикѣ Сочинскомъ округѣ были ликвидація совѣтскихъ учрежденій и введеніе мѣстнаго городского и земскаго самоуправленія, на основахъ всеобщаго избирательнаго права. Комиссаромъ Сочинскаго округа и другими правительственными чиновниками были назначены мѣстные жители, преимущественно грузины, хотя слѣдуетъ отмѣтить, что многія должности были предоставлены русскимъ. Вообще никакой національзаціи въ Сочинскомъ округѣ грузины не производили, чѣмъ выгодно отличались отъ другихъ новообразовавшихся окраинныхъ государствъ, старавшихся даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ русское населеніе составляло большинство, провести ускореннымъ темпомъ національзацію во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. По отношенію къ крестьянамъ новая власть стала проявлять особенное вниманіе, чѣмъ быстро завоевала къ себѣ симпатіи большей частей крестьянства, за исключеніемъ армянскаго, питавшаго къ грузинамъ старую національную вражду. Къ сожалѣнію такія хорошія взаимоотношенія съ русскимъ крестьянствомъ впослѣдствіи были испорчены грузинскими военными властями и нѣкоторыми гражданскими чиновниками, принявшимися за реквизиціи продуктовъ, фуража и лошадей для нуждъ грузинской арміи. Впрочемъ, когда существовавшій вполнѣ легально при грузинахъ окружной крестьянскій исполнительный комитетъ обратился къ правительству съ жалобой на дѣйствія военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, то оказалось, что дѣйствія эти являлись самочинными и правительство тотчасъ распорядилось о прекращеніи такихъ реквизицій и поборовъ. Поэтому отношенія крестьянъ къ грузинскому правительству во все время оккупаціи округа оставались вполнѣ лояльными и даже дружественными, что и отразилось впослѣдствіи на окружномъ съѣздѣ, вынесшемъ резолюцію о временномъ присоединеніи Сочинскаго округа, впредь до созыва Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, къ грузинской республикѣ.

Такимъ образомъ первые мѣсяцы грузинской оккупаціи протекали вполнѣ спокойно и населеніе Сочинскаго округа отдыхало отъ предшествовавшихъ событій. Убѣдившись, что грузины не преслѣдуютъ никого за участіе въ совѣтской дѣятельности, всѣ бѣжавшіе при приближеніи грузинскихъ войскъ рабочіе и другіе обыватели — вернулись въ Сочи. Даже мѣстные большевики и тѣ, за исключеніемъ Пояркова и двухъ — трехъ другихъ руководителей большевистскаго комитета, вернулись въ Сочи и спокойно, не подвергаясь никакимъ гоненіямъ, жили въ городѣ и окрестностяхъ.

Въ это время Добровольческая армія одержала рядъ побѣдъ надъ Сѣверо-Кавказской красной арміей. Большевики успѣли возстановить противъ себя почти все населеніе Кубани, которое охотно помогало добровольцамъ очистить отъ большевиковъ территорію области.

Вскорѣ послѣ занятія грузинами Туапсе, добровольцы захватили станцію Тихорѣцкую, гдѣ погибъ со своимъ штабомъ большевистскій главковерхъ Кальнинъ. Черезъ нѣкоторое время Алексѣевъ подошелъ къ столицѣ Кубанской совѣтской республики Екатеринодару, а возставшіе противъ большевиковъ казаки Таманскаго отдѣла очистили всю сѣверо-восточную часть Кубани. Силы большевиковъ были раздѣлены: Екатеринодарская группа, оставивъ Екатеринодаръ, отступила на Майкопъ и въ Терскую область, а Таманская группа подъ начальствомъ главковерха Сорокина — въ Новороссійскъ.

Отступавшіе на Майкопъ и Терекъ красныя части разгромили нѣсколько казачьихъ партизанскихъ отрядовъ, оперировавшихъ въ Майкопскомъ и Баталпа-

шинскомъ отдѣлахъ, которые принужены были отступить черезъ горные перевалы въ Сухумъ.

Командовавшій грузинскими войсками на Черноморскомъ побережьѣ генералъ Мазніевъ вооружилъ и снарядилъ этихъ казаковъ и рѣшилъ послать ихъ на усиленіе своего Туапсинскаго отряда. Казаки съ радостью согласились, такъ какъ въ Сухумѣ узнали о пораженіи большевиковъ и о занятіи добровольцами Екатеринодара. Они разсчитывали черезъ Туапсе соединиться со своими земляками и вернуться на родину.

Въ этомъ казачьемъ отрядѣ, переформированномъ въ Сухумѣ, оказалось нѣсколько чиновъ Добрарміи и представители Кубанскаго краевого правительства, признавшаго власть Алексѣева. Поэтому отрядъ считался входящимъ въ составъ Добровольческой арміи и временно прикомандированнымъ къ грузинской арміи.

Ввиду отсутствія перевозочныхъ средствъ и морского транспорта отрядъ этотъ былъ двинутъ въ Туапсе походнымъ порядкомъ по Черноморскому шоссе черезъ Сочи. Сочинскіе обыватели съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія перваго отряда Добровольческой арміи, о которой ходило такъ много противорѣчивыхъ слуховъ. Нѣкоторыми кругами городскихъ жителей руководило не только чувство простого любопытства, а нѣчто другое, что вскорѣ и обнаружилось.

Отрядъ прибылъ въ Сочи поздно вечеромъ и былъ радушно встрѣченъ представителями города и грузинскаго правительства. Казакамъ было предложено угощеніе, а командный составъ былъ приглашенъ въ гостиницу «Кавказская Ривьера» на торжественный ужинъ. Въ Сочи отряду была назначена дневка и первый день этого отдыха прошелъ совершенно спокойно.

Какъ я уже говорилъ выше, въ Сочи проживало много видныхъ дѣятелей до-революціоннаго режима, чиновъ бывшей жандармеріи и полиціи. Всѣ эти господа надѣялись, что съ изгнаніемъ большевиковъ — грузины предложатъ имъ занять отвѣтственные административные посты, занимая которые они смогутъ вознаградить себя за причиненные имъ революціей матеріальные убытки и личныя оскорбленія. Однако грузины дали имъ понять, что прежняя дѣятельность этихъ полицейскихъ чиновниковъ, жандармовъ и членовъ «союза русскаго народа» исключаетъ всякую возможность принять ихъ на службу правительствомъ демократической республики.

Тогда обосновавшіеся въ Сочи реакціонеры стали исподволь вести ярую грузинофобскую пропаганду, причемъ въ первое время выражали даже сожалѣніе уходу большевиковъ. Когда-же вѣсть о побѣдахъ Добрарміи докатилась до Сочи, реакціонные элементы совершенно обнаглѣли и стали громко кричать о томъ, что необходимо выгнать изъ Сочи грузинъ, которые сами большевики и покровительствуютъ оставшимся въ городѣ большевикамъ. При этомъ подъ словомъ «большевики» подразумѣвались члены всѣхъ соціалистическихъ партій и демократически настроенные элементы.

Какъ разъ черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія въ Сочи отряда казаковъ, должны были произойти выборы въ городскую думу. Должно было фигурировать два кандидатскихъ списка — домовладѣльцевъ и правыхъ партій и демократическій. Первый списокъ не имѣлъ большихъ шансовъ на успѣхъ, что хорошо было извѣстно реакціонной группѣ. И вотъ руководитель этой группы извѣстный полковникъ Казариновъ (бывшій жандармъ, охранникъ и членъ союза «русскаго народа», принявшій дѣятельное участіе въ убійствѣ члена Госуд. Думы Іоллоса) рѣшилъ использовать прибывшихъ въ городъ казаковъ для того, чтобы сорвать выборы и устранить нежелательныхъ кандидатовъ.

Подъ какимъ-то предлогомъ казаковъ задержали въ Сочи, гдѣ друзья Казаринова принялись за энергичную пропаганду среди офицеровъ и казаковъ, яростно нападая на грузинское правительство и натравливая казаковъ на оставшихся въ Сочи «большевиковъ». Для большаго успѣха пропаганды казаки усиленно угощались виномъ. Такая агитація завершилась полнымъ успѣхомъ. На второй день пребыванія въ городѣ отряда на улицахъ появились казачьи патрули подъ начальствомъ офицеровъ, у которыхъ имѣлись составленные Казариновымъ списки и адреса «мѣстныхъ большевиковъ».

Произошли безобразныя сцены: казаки врывались на квартиры, выволакивали на улицу перепуганныхъ обывателей, переворачивали подъ предлогомъ обыска вверхъ дномъ всю квартиру, причемъ реквизировали всѣ деньги и цѣнное имущество и свозили избитыхъ арестантовъ къ вокзалу строящейся желѣзной дороги, близъ котораго расположился казачій бивакъ.

Вѣсть о «вылавливаніи большевиковъ» быстро распространилась и по окрестнымъ поселеніямъ. Проживавшій въ поселкѣ Новыя Сочи бывшій полицейскій урядникъ Озеровъ, рѣшившій, что наступила давно ожидаемая имъ пора расплаты съ распустившимся «мужичьемъ», явился къ начальнику отряда и представилъ ему списокъ «большевиковъ-поселянъ», въ который попали ничего общаго не имѣвшіе съ большевиками крестьяне,главная вина которыхъ заключалась въ томъ, что они получили черезъ мѣстный земельный комитетъ во временное пользованіе пустующіе частновладѣльческіе участки. Въ этотъ списокъ былъ занесенъ и нашъ кооперативъ, захватившій «графскую землю». Начальникъ отряда тотчасъ-же послалъ въ распоряженіе урядника Озерова разъѣздъ въ 12 казаковъ. Разъѣздъ на рысяхъ примчался въ поселокъ Нов. Сочи и началъ дикую расправу съ «большевиками». Всѣ враги Озерова были жестоко избиты, арестованы и также доставлены на бивакъ. Къ намъ въ кооперативъ, узнавъ, что всѣ члены кооператива бывшіе солдаты и вооружены винтовками, казаки не рѣшились ѣхать и ограничились обѣщаніемъ впослѣдствіи расправиться съ нами.

Когда всѣ «большевики» числомъ около 40 человѣкъ были свезены на вокзалъ, начальникъ отряда распорядился организовать военно-полевой судъ и немедленно разстрѣлять «мерзавцевъ». Судъ изъ трехъ офицеровъ тотчасъ-же приступилъ къ разбирательству дѣла и сталъ быстро выносить смертные приговоры обвиняемымъ. Осужденныхъ сейчасъ-же отводили въ сторону и заставляли рыть себѣ могилы.

Къ счастью, ни одинъ изъ приговоровъ не былъ приведенъ въ исполненіе, благодаря энергичному вмѣшательству временной городской управы, крестьянскому комитету и грузинскому коменданту. По прямому проводу о происшествіи было дано знать въ Тифлисъ военному министру, приказавшему коменданту города объявить начальнику добровольческаго отряда, что въ случаѣ разстрѣла хоть одного изъ самочинно арестованныхъ — весь отрядъ будетъ обезоруженъ грузинскими войсками и отправленъ въ концентраціонный лагерь въ Грузію. Послѣ долгихъ препирательствъ казачьи офицеры согласились передать арестованныхъ грузинскимъ властямъ, но съ условіемъ — не выпускать ихъ на свободу, а помѣстить въ тюрьму. Такъ какъ въ распоряженіи коменданта была всего лишь одна караульная рота, а казачій добровольческій отрядъ состоялъ изъ 400 казаковъ, то коменданту пришлось уступить, и избитые «большевики» были заключены въ тюрьму.

На слѣдующее утро генералъ Мазніевъ, получивъ соотвѣтствующія ука-

занія отъ грузинскаго правительства, приказалъ казакамъ погрузиться въ экстренный поѣздъ и немедленно выступить въ Туапсе. Часть отряда выступила походнымъ порядкомъ и на своемъ пути успѣла порядочно потрепать двѣ-три деревни, въ которыхъ казаки «реквизировали» всю домашнюю птицу, свиней и нѣсколько лошадей.

Такъ произошло первое знакомство населенія Сочинскаго округа съ Добровольческой арміей. Крестьяне убѣдились, что разсказы о «кадетахъ» не являются вымысломъ и, что «кадетскія войска» ничуть не лучше красноармейскихъ полковъ . . .

Черезъ нѣкоторое время, послѣ описанныхъ событій, добровольцы заняли Новороссійскъ. Большевистская армія Сорокина стала отступать на югъ по Черноморскому побережью и подошла къ занятому грузинами Туапсе. Генералъ Мазніевъ растерялся, не сумѣлъ выставить сильнаго заслона въ сторону Новороссійска и, тѣснимые съ сѣвера добровольцами, большевики выбили изъ Туапсе грузинскій отрядъ, который въ паникѣ отступилъ до селенія Лазаревки (на границѣ Туапсинскаго и Сочинскаго округовъ).

Большевики оставались очень недолгое время въ Туапсе и не преслѣдовали отступившихъ грузинъ, такъ какъ цѣлью ихъ являлось не занятіе Сочи, а прорывъ черезъ Туапсе на Майкопъ для соединенія съ Екатеринодарской группой красныхъ, отступавшей на Терекъ. Задача эта вполнѣ удалась большевикамъ, очистившимъ послѣ этого Туапсе, которое и было занято добровольцами.

Смѣнившій Мазніева грузинскій генералъ Вашакидзе попытался предпринять новое наступленіе на Туапсе, но подошелъ къ городу уже послѣ того, какъ онъ былъ занятъ добровольцами, отказавшимися передать его вновь грузинамъ. Вашакидзе пришлось очистить весь Туапсинскій округъ и отойти со своимъ отрядомъ на рѣчку Чухукъ, являвшуюся сѣверной границей Сочинскаго округа.

XI

Вскорѣ послѣ занятія Туапсе, Добровольческая армія предложила правительству Грузинской республики отозвать свои войска изъ Сочинскаго округа и очистить территорію Черноморской губерніи до рѣки Бзыби, являвшейся до революціи границей между Кутаисской и Черноморской губерніями.

Узнавъ объ этомъ требованіи добровольцевъ, соціалистическій блокъ Сочинской городской думы, мѣстные профессіональныя, рабочія и демократическія организаціи обратились къ Грузинскому правительству съ просьбой оставить грузинскія войска въ Сочинскомъ округѣ и не передавать округъ властямъ Добровольческой арміи. Обращеніе это было вызвано дошедшими до Сочи свѣдѣніями о политикѣ и мѣропріятіяхъ, проводимыхъ добровольцами въ занятой ими Кубани и сѣверной части Черноморской губерніи. Съ нѣкоторыми изъ такихъ мѣропріятій Сочинскіе обыватели познакомились лично за время двухдневнаго пребыванія въ городѣ казачьяго добровольческаго отряда.

Къ этому времени армія генерала Алексѣева окончательно очистила отъ большевиковъ всю Кубанскую область, Ставропольскую и сѣверную часть Черноморской губерніи. Кошмарные слухи о жестокостяхъ добровольцевъ, объ ихъ расправахъ съ плѣнными красноармейцами и съ тѣми жителями, которые имѣли хоть какое-нибудь отношеніе къ совѣтскимъ учрежденіямъ, распространялись въ городѣ Сочи и въ деревняхъ. Случайно находившіеся въ Новороссійскѣ,

въ моментъ занятія города добровольцами, члены Сочинской продовольственной управы разсказывали о массовыхъ разстрѣлахъ, безъ всякаго суда и слѣдствія, многихъ рабочихъ Новороссійскихъ цементныхъ заводовъ и нѣсколькихъ сотъ захваченныхъ въ плѣнъ красноармейцевъ. Разстрѣлы эти производились днемъ и ночью близъ вокзала, на, такъ называемомъ, «Цемесскомъ болотѣ», гдѣ осужденные административнымъ порядкомъ рабочіе и красноармейцы сами себѣ приготовляли могилы . . . На улицахъ города, среди бѣлаго дня разстрѣливались, или вѣрнѣе просто пристрѣливались, оставшіеся въ Новороссійскѣ послѣ потопленія Черноморской эскадры матросы. Достаточнымъ для разстрѣла поводомъ служилъ выжженный порохомъ на рукѣ якорь, или-же доносъ какого-нибудь почтеннаго обывателя о сочувствіи того или другого лица большевизму.

Прибѣжавшій въ Сочи крестьянинъ селенія Измайловки Волченко, разсказывалъ еще болѣе кошмарныя сцены, разыгравшіяся на его глазахъ при занятіи Майкопа отрядомъ генерала Покровскаго:

— Въ первый-же день, разсказывалъ Волченко, было разстрѣляно около тюрьмы двадцать плѣнныхъ красноармейцевъ. На слѣдующее утро Покровскій приказалъ казнить всѣхъ неуспѣвшихъ бѣжать изъ Майкопа членовъ мѣстнаго совѣта и остальныхъ плѣнныхъ. Для устрашенія населенія казнь была публичной. Сначала предполагалось повѣсить всѣхъ приговоренныхъ къ смерти, но потомъ оказалось, что висѣлицъ не хватитъ. Тогда пировавшіе всю ночь и изрядно подвыпившіе казаки обратились къ генералу съ просьбой разрѣшить имъ рубить головы осужденнымъ. Генералъ разрѣшилъ. На базарѣ около висѣлицъ, на которыхъ болтались казненные уже большевики, поставили нѣсколько деревянныхъ плахъ и охмѣлѣвшіе отъ вина и крови казаки начали топорами и шашками рубить головы рабочимъ и красноармейцамъ. Очень немногихъ приканчивали сразу, большинство-же казнимыхъ, послѣ перваго удара шашки, вскакивали съ зіяющими ранами на шеѣ и головѣ, ихъ снова валили на плаху и вторично принимались дорубливать. . .

Волченко, молодой 25-ти лѣтній парень, сталъ совершенно сѣдымъ отъ пережитаго въ Майкопѣ. Никто не сомнѣвался въ правдивости его разсказа, ибо Сочинскіе обыватели едва сами не стали свидѣтелями такихъ-же безсудныхъ казней.

Изъ разныхъ городовъ и станицъ Кубанской области въ Сочи стали стекаться массы «иногороднихъ» (такъ называютъ не-казачье населеніе на Кубани). Бѣженцы разсказывали, что, послѣ изгнанія большевиковъ, казаки стараются выместить причиненные имъ большевиками обиды на иногороднихъ, которыхъ огульно обвиняли въ большевизмѣ. А между тѣмъ большевизмъ проникъ и укрѣпился на Кубани отнюдь не по винѣ иногороднихъ, а былъ насажденъ вернувшимися съ фронта казаками, которые сами-же поддерживали большевиковъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не принялись за политику притѣсненія «контръ-революціоннаго казачества».

Всѣ эти разсказы, изъ которыхъ, можетъ быть, многіе были значительно преувеличены, оставляли самое тягостное впечатлѣніе. Казалось, что добровольцы стараются перещеголять въ жестокости большевиковъ и главной ихъ цѣлью является не освобожденіе края отъ краснаго ига, а мщеніе. Кромѣ разсказовъ о такихъ жестокихъ расправахъ добровольцевъ съ подозрѣваемыми въ большевизмѣ лицами, до Сочи доходили и оффиціальные приказы добровольческихъ властей, изъ которыхъ было видно, что руководители Добарміи не признаютъ никакихъ законовъ и постановленій Временнаго Правительства, распустили демо-

кратическіе органы самоуправленія, поставивъ во главѣ городскихъ и общественныхъ учрежденій назначенныхъ свыше членовъ управъ, и назначаютъ на административные посты полицейскихъ чиновниковъ до-революціоннаго времени, пользовавшихся опредѣленной репутацией и ненавистью населенія.

Все это и явилось причиной обращенія къ Грузинскому правительству мѣстныхъ демократическихъ круговъ, считавшихъ, что происходящія на Кубани безобразія являются послѣдствіями гражданской войны и военной диктатуры, которая со временемъ будетъ замѣнена болѣе демократической властью, а потому желавшихъ избавить округъ отъ подобныхъ испытаній. Вынося такое рѣшеніе, представители Сочинской демократіи отнюдь не мечтали объ отторженіи Сочинскаго округа отъ остальной Россіи. Они считали, что Сочинскій округъ является нераздѣльной частью Россіи, которая не можетъ существовать, хотя-бы и временно, самостоятельно и должна, впредь до установленія въ Россіи нормальнаго правопорядка, выбирать между двумя государственными образованіями — Кубанью (фактически находящейся въ рукахъ командованія Добров. арміи) и Грузіей, изъ коихъ первая ввела въ сосѣднемъ Туапсинскомъ округѣ полицейскій режимъ, отмѣнила выборы въ городское и земское самоуправленія, а вторая гарантировала Сочинскому округу полную внутреннюю автономію и свободное самоуправленіе.

Грузинское правительство, которому по стратегическимъ соображеніямъ было выгодно оставить за собой Сочинскій округъ, рѣшило, основываясь на обращеніи къ нему мѣстныхъ демократическихъ организацій, вступить въ переговоры съ командованіемъ Добровольческой арміи на предметъ установленія добрососѣдскихъ отношеній, опредѣленія временныхъ границъ между Кубанью и Грузіей и отказа добровольцевъ отъ посягательствъ на Сочинскій округъ.

Генералъ Алексѣевъ согласился на веденіе переговоровъ въ Екатеринодарѣ, куда вскорѣ и прибыла делегація Грузинскаго правительства въ лицѣ Е. П. Гегечкори и генерала Мазніева.

Однако переговоры эти кончились неудачно. Руководители Добрарміи, и въ особенности генералъ Деникинъ, совершили ту-же ошибку, которая впослѣдствіи была повторена на сѣверо-западѣ генераломъ Юденичемъ: они отказывались дать прямой и опредѣленный отвѣтъ о признаніи суверенитета объявившей себя самостоятельной республикой Грузіи. Что-же касается вопроса о Сочинскомъ округѣ и Гаграхъ, — то добровольцы категорически потребовали отъ грузинъ очищенія этого района и передачи его назначеннымъ Добрарміей властямъ. Ввиду отказа грузинъ исполнить это требованіе, между Добрарміей и Грузинской республикой началось состояніе войны, которое, впрочемъ, долгое время не выливалось въ форму вооруженныхъ столкновеній и ограничивалось тѣмъ, что обѣ стороны держали на сѣверной границѣ Сочинскаго округа довольно сильные отряды войскъ.

Между тѣмъ въ Сочинскомъ округѣ начались подготовительныя работы по введенію земскаго самоуправленія, котораго въ Черноморской губерніи до революціи не было, несмотря на неоднократныя ходатайства населенія.

Въ связи съ этимъ началась опредѣленная агитація правыхъ элементовъ, рѣшившихъ использовать предвыборную кампанію для проведенія въ земство сторонниковъ Добрарміи. Однако такихъ сторонниковъ среди крестьянъ, за исключеніемъ ненавидѣвшихъ грузинъ армянскихъ поселянъ, не находилось. Тогда правые рѣшили прибѣгнуть къ запугиванію крестьянъ, угрожая имъ всевозможными карами со стороны добровольцевъ, которые рано или поздно выгонятъ

грузинъ изъ Сочинскаго округа. Въ деревняхъ отъ поры до времени стали появляться разные приказы и предписанія Черноморскаго военнаго генералъ-губернатора Кутепова, считавшаго себя въ правѣ, несмотря на оккупацію Сочинскаго округа грузинами, отдавать распоряженія не находящемуся фактически подъ его властью населенію.

Одинъ изъ такихъ приказовъ отразился и на нашемъ кооперативѣ, который вскорѣ прекратилъ свое существованіе. Однажды нами полученъ былъ приказъ генерала Кутепова, въ которомъ говорилось, что ему извѣстно о томъ, что группой солдатъ самочинно захваченъ принадлежащій графу Мусину-Пушкину земельный участокъ. Во избѣжаніе суроваго наказанія, которое постигнетъ насъ послѣ присоединенія Сочинскаго округа къ Россіи, приказывалось немедленно прекратить на участкѣ всякую работу и передать его представителю законнаго владѣльца.

Для насъ было вполнѣ ясно, что приказъ этотъ является результатомъ доноса управляющаго Мусина-Пушкина, который незадолго передъ этимъ являлся въ кооперативъ и угрожалъ въ скоромъ времени выгнать насъ съ участка при помощи казацкихъ плетей.

Кооператоры наши пріуныли. Многіе изъ нихъ говорили, что грузинамъ дѣйствительно придется скоро очистить Сочи и тогда добровольцы въ лучшемъ случаѣ выгонятъ насъ съ участка, а въ худшемъ — обвинятъ въ большевизмѣ и разстрѣляютъ. Напрасно другіе товарищи доказывали, что мы пользуемся участкомъ съ разрѣшенія Временнаго Правительства, выдавшаго намъ оффиціальное удостовѣреніе. Всѣ понимали, что Кутеповъ никакого вниманія на бумагу Временнаго Правительства не обратитъ. Было досадно, затративъ столько трудовъ и энергіи, бросить начатое дѣло, уже начавшее приносить чистую прибыль, но продолжать работу, не будучи увѣренными въ томъ, что благодаря случайностямъ гражданской войны намъ не придется лишиться всего имущества и инвентаря — было невозможно. На общемъ собраніи было рѣшено ликвидировать кооперативъ. Только шесть наиболѣе упорныхъ и упрямыхъ кооператоровъ рѣшили продолжать работу и оставаться на участкѣ до послѣдней возможности. Распродавъ часть живого и мертваго инвентаря, мы снабдили покидающихъ кооперативъ товарищей деньгами, обезпечивающими имъ возможность вернуться на родину. Но немногіе изъ нихъ вернулись въ родныя мѣста: большинство погибло на фронтахъ гражданской войны, мобилизованные по дорогѣ домой или добровольцами, или большевиками.

2-го Декабря собрался окружной крестьянскій съѣздъ, выслушавшій докладъ представителей грузинскаго правительства о правительственныхъ предначертаніяхъ по устроенію мѣстной культурно-хозяйственной жизни, о введеніи въ округѣ давно жданнаго земскаго самоуправленія и о порядкѣ взаимоотношеній органовъ мѣстнаго самоуправленія съ агентами правительства Грузинской республики.

Выслушавъ этотъ докладъ и одобривъ правительственныя предначертанія, съѣздъ вынесъ резолюцію, въ которой отъ имени всего Сочинскаго крестьянства заявилъ, что, оставаясь сторонникомъ возсоединенія Сочинскаго округа съ остальной Россіей, какъ только образуется въ ней единая, твердая демократическая власть, созданная на принципѣ полнаго народоправства, онъ считаетъ, что временное присоединеніе Сочинскаго округа къ Грузіи является необходимымъ въ интересахъ крестьянства, какъ избавляющее его отъ всѣхъ ужасовъ гражданской войны и обезпечивающее ему права самоуправленія.

Принятая съѣздомъ резолюція была встрѣчена съ живѣйшимъ удовлетвореніемъ демократическими кругами и вызвала взрывъ негодованія среди малочисленныхъ сторонниковъ Добровольческой арміи, жестоко отплатившей впослѣдствіи Сочинскимъ крестьянамъ за эту резолюцію, которая была названа «государственной измѣной».

Сторонники Добрарміи использовали національную вражду между армянами и грузинами, вошли въ контактъ съ мѣстнымъ комитетомъ Дашнакцакановъ и стали организовывать армянскія дружины и подготовлять выступленіе армянъ противъ грузинскихъ войскъ. Однако, добровольцы предупредили назрѣвавшее возстаніе армянскихъ поселянъ и вскорѣ сами перешли въ наступленіе противъ грузинъ и заняли Сочинскій округъ.

Стоявшій на границѣ Сочинскаго округа грузинскій отрядъ состоялъ изъ 6-ти ротъ 2-го грузинскаго полка и двухъ батарей. Командовалъ фронтомъ генералъ Коніевъ, очень симпатичный, но совершенно бездарный въ военномъ отношеніи офицеръ.

Въ качествѣ члена окружного комитета по введенію земскаго самоуправленія, я часто бывалъ въ селеніяхъ прифронтовой полосы и убѣдился въ крайней безпечности грузинскаго отряда, фланги котораго совершенно не охранялись и могли быть въ любой моментъ обойдены противникомъ. Въ тылу у грузинъ постоянно появлялись добровольческіе разъѣзды, производившіе совершенно свободно фуражировку и развѣдку грузинскихъ позицій. Между грузинскими и добровольческими офицерами было установлено своеобразное перемиріе и добровольцы открыто пріѣзжали со своихъ позицій въ Сочи, гдѣ по нѣсколько дней кутили въ «Ривьерѣ» и другихъ ресторанахъ.

Какъ-то разъ я въ шутку сказалъ Коніеву и особоуполномоченному грузинскаго правительства Хочолава, что въ одинъ прекрасный день они, проснувшись утромъ, увидятъ подъ своими окнами добровольческихъ часовыхъ.

Хочолава отвѣтилъ мнѣ, что добровольцы никогда не посмѣютъ предпринять наступленіе на Сочи, такъ-какъ Англійское командованіе на Кавказѣ дало завѣреніе грузинскому правительству, что всякое враждебное дѣйствіе Деникина противъ Грузіи будетъ разсмотрѣно, какъ враждебный актъ противъ англичанъ.

Къ описываемому моменту англійскія войска заняли Баку, оккупировали Грузію, явившись на смѣну германскимъ войскамъ, которыя послѣ заключенія перемирія на западномъ фронтѣ должны были очистить югъ и юго-востокъ Россіи.

Приходъ англичанъ былъ встрѣченъ очень холодно грузинами, опасавшимися того, что англичане приберутъ въ свои руки все управленіе страной. Германскія войска оставили послѣ себя самыя лучшія воспоминанія въ Тифлисѣ, Сухумѣ и другихъ городахъ, въ которыхъ они стояли, такъ-какъ вели себя очень корректно и германское командованіе совершенно не вмѣшивалось во внутреннее управленіе республикой, оберегая вмѣстѣ съ тѣмъ Грузію отъ захватническихъ поползновеній со стороны турокъ. Англичане и въ особенности англійское командованіе на первыхъ порахъ старались держать себя въ Грузіи, какъ завоеватели, и только твердая политика правительства Жорданія и рѣшительныя заявленія его о томъ, что, въ случаѣ попытокъ англичанъ захватить въ свои руки управленіе страной, оно не остановится передъ открытымъ разрывомъ со всѣми вытекающими изъ такого разрыва послѣдствіями, спасло Грузію отъ превращенія въ Англійскую колонію.

Англичане опредѣленно сочувствовали Добровольческой арміи и генералу

Деникину, разсматривая грузинъ, какъ взбунтовавшуюся противъ суверена область. Однако они не рѣшались открыто вмѣшаться въ конфликтъ между Грузіей и Добрарміей, предпочитая дѣйствовать другими путями.

Получая указанія и распоряженія отъ находившагося въ Константинополѣ Главнокомандующаго всѣми Велико-Британскими вооруженными силами на Востокѣ, англійскіе генералы, командовавшіе оккупаціонными войсками въ Грузіи, старались всѣми мѣрами поддерживать всякое требованіе Деникина и одновременно обезсилить грузинъ и усыпить ихъ бдительность. Вспыхнувшая въ концѣ Декабря армяно-грузинская война во многомъ обязана своимъ возникновеніемъ политикѣ англійскаго командованія, разсчитывавшаго обезсилить грузинъ и сдѣлать ихъ болѣе послушными указаніямъ англійскихъ генераловъ.

Когда обнаружились признаки усиленной подготовки добровольцевъ къ наступленію на Сочи, англичане успокоили грузинское правительство, заявивъ, что они не допустятъ начала военныхъ дѣйствій между грузинами и добровольцами. Болѣе того, англичане оффиціально предложили грузинамъ нейтрализовать спорный Сочинскій округъ, передавъ всю власть въ округѣ избранному населеніемъ земскому и городскому самоуправленію, и занявъ его для обезпеченія порядка небольшимъ англійскимъ отрядомъ. Впредь до рѣшенія грузинскаго правительства о согласіи или несогласіи его на такое предложеніе, англичане заявили, что всякое наступленіе добровольцевъ на Сочи будетъ ими разсматриваться, какъ враждебный актъ противъ англійскаго правительства.

Грузины совершенно успокоились, повѣривъ заявленію англичанъ, чѣмъ и воспользовались добровольцы, внезапно напавшіе на грузинскій отрядъ, стоявшій на границѣ Сочинскаго округа.

Это событіе произошло въ Февралѣ 1919 года.

Я находился въ это время въ Гаграхъ (въ 60 верстахъ къ югу отъ Сочи), гдѣ занималъ должность завѣдывающаго Гагринской климатической станціей.

Наканунѣ занятія Сочи добровольцами, командовавшій грузинскимъ отрядомъ генералъ Коніевъ пріѣхалъ въ Гагры попировать на свадьбѣ одного изъ грузинскихъ офицеровъ; ничто не предвѣщало нападенія добровольцевъ, и большинство грузинскихъ офицеровъ прикатили вслѣдъ за генераломъ въ Гагры, чтобы повеселиться на свадьбѣ своего товарища.

На слѣдующій день утромъ генералу сообщили изъ Сочи о начавшемся наступленіи добровольцевъ. Онъ немедленно выѣхалъ на своемъ автомобилѣ въ Сочи, и при въѣздѣ въ городъ былъ взятъ въ плѣнъ, успѣвшимъ уже занять городъ непріятелемъ.

Оказалось, что рано утромъ добровольцы внезапно атаковали съ фронта грузинскій отрядъ. Сформированные добровольцами въ тылу у грузинъ армянскія дружины напали на нихъ съ фланга и съ тыла, а небольшая колонна добровольцевъ подошла къ самому городу, занявъ вокзалъ и возвышенную часть Сочи. Вслѣдъ за этимъ командовавшій добровольцами генералъ Бурневичъ предъявилъ ультиматумъ грузинскому командованію — сдать оружіе. Послѣ незначительнаго сопротивленія, небольшой грузинскій отрядъ, отступившій къ «Ривьерѣ», гдѣ находились штабъ отряда и канцелярія особоуполномоченнаго Хочолава, принужденъ былъ капитулировать и выдать все оружіе добровольцамъ.

Какова была роль англичанъ въ этомъ наступленіи видно изъ того, что, когда, послѣ занятія Сочи грузины мобилизовали шесть баталіоновъ народной гвардіи и отправили ихъ въ Поти для дальнѣйшей переброски моремъ въ Гагры,

то англичане заявили грузинскому правительству, что такая переброска войскъ совершенно излишня, такъ-какъ Деникину предложено Британскимъ верховнымъ командованіемъ немедленно вернуть оружіе грузинскому отряду и очистить Сочи.

Когда-же, несмотря на такое заявленіе, грузины все-таки отправили народную гвардію въ Поти и начали грузить войска на зафрахтованный ими частный пароходъ «Кавказъ», къ генералу Гедеванову, командовавшему народной гвардіей, явился англійскій офицеръ и отъ имени Британскаго главнокомандующаго заявилъ, что пароходъ этотъ необходимъ англичанамъ, а потому онъ требуетъ немедленной разгрузки его.

Грузинамъ пришлось подчиниться, такъ-какъ въ порту находились англійскіе миноносцы. Народная гвардія двинулась походнымъ порядкомъ и, конечно, опоздала. Благодаря содѣйствію англичанъ, добровольцы уже заняли Гагры и дошли до рѣки Бзыби, то-есть до границы Кутаисской губерніи.

XII

Первыми шагами добровольцевъ въ занятомъ ими Сочинскомъ округѣ явилась месть мѣстной демократіи, осмѣлившейся предпочесть генеральской диктатурѣ демократическіе порядки Грузинской республики.

Всѣ демократическія организаціи — городская дума, земскій комитетъ, профессіональные рабочіе союзы были распущены, а неуспѣвшіе во время скрыться члены этихъ организацій арестованы по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

Что-же касается до чиновниковъ-грузинъ и взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ и солдатъ грузинской арміи, то всѣ они были обезоружены и подъ усиленнымъ конвоемъ отправлены въ Туапсе, гдѣ ихъ помѣстили въ тифозныхъ баракахъ Черноморской дороги.

Въ числѣ арестованныхъ и отправленныхъ въ Новороссійскую тюрьму находился также и бывшій предсѣдатель Сочинской городской думы, предсѣдатель перваго исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ (до-большевистскаго періода) прапорщикъ Теръ-Григорьянъ, исполнявшій въ послѣднее время должность правителя канцеляріи особоуполномоченнаго Грузинскаго правительства Хочолавы. Теръ-Григорьянъ былъ выдѣленъ въ особую группу-наиболѣе важныхъ преступниковъ и ему былъ предъявленъ рядъ обвиненій: въ государственной измѣнѣ, въ возбужденіи населенія противъ добровольческой арміи и въ сочувствіи большевизму. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ грузинское правительство, подъ угрозой примѣненія такихъ-же репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ оставшимся въ Грузіи бывшимъ офицерамъ русской арміи, добилось черезъ англичанъ освобожденія изъ тюрьмы генерала Коніева, Хочолавы, другихъ арестованныхъ чиновниковъ (въ томъ числѣ и Теръ-Григорьяна) и возвращенія въ Грузію всѣхъ офицеровъ и солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ добровольцами.

Все управленіе округомъ перешло къ военнымъ властямъ, которымъ были подчинены начальникъ округа и участковые пристава, на каковыя должности были назначены опытные чины прежней жандармеріи и полиціи. Затѣмъ была сформирована государственная стража изъ бывшихъ стражниковъ, полицейскихъ урядниковъ и городовыхъ. Новое начальство принялось энергично за возстановленіе «порядка и законности» и прежде всего начало сводить личные

счеты съ населеніемъ, вымещая на немъ всѣ выпавшіе на ихъ долю за время революціи обиды и униженія.

Крестьянство отнеслось вначалѣ къ приходу добровольцевъ совершенно равнодушно, а армяне, составлявшіе до 30% крестьянскаго населенія въ округѣ, благодаря агитаціи Дашнакцакановъ радостно привѣтствовали новую власть, какъ избавительницу отъ грузинскаго ига.

Но недолго продолжалось равнодушное отношеніе крестьянства къ новой власти, которая вскорѣ возбудила къ себѣ жгучую ненависть крестьянъ. Ненависть эта была вызвана, во-первыхъ, назначеніемъ на административные посты старыхъ полицейскихъ взяточниковъ, во-вторыхъ — начавшимися реквизиціями кукурузы, фуража, лошадей и повозокъ и, въ третьихъ, — безобразнымъ поведеніемъ новыхъ властей и преслѣдованіемъ крестьянъ за пользованіе частновладѣльческими участками, хотя большинство этихъ участковъ было передано въ пользованіе крестьянамъ учрежденнымъ при Временномъ Правительствѣ земельнымъ комитетомъ. Лѣсничіе и чины лѣсной стражи, получавшіе до революціи порядочные доходы за нелегальныя разрѣшенія, выдаваемыя ими крестьянамъ на пользованіе казенными участками, стали также угрожать поселянамъ и требовать возмѣщенія убытковъ за все время революціи. Естественно, что такія мѣропріятія быстро вызвали въ крестьянахъ опредѣленное отношеніе къ новой власти и къ «кадетскимъ порядкамъ».

Каждому дальновидному и безпристрастному наблюдателю должно было казаться непонятнымъ, какъ та власть, которая стремилась къ возстановленію «Великой, единой и недѣлимой Россіи» можетъ примѣнять подобныя мѣры и такую систему управленія къ тому населенію, которое могло служить ей единственной опорой въ задуманномъ грандіозномъ предпріятіи — возстановленія порядка и законности въ такой огромной странѣ, какъ Россія! Особенно страннымъ и непонятнымъ являлось отношеніе къ естественному противнику коммунистическаго строя, каковымъ было крестьянство. Но стоявшіе во главѣ власти военные совершенно не считались съ возможными послѣдствіями такой политики и упорно подрубали тотъ сукъ, на которомъ очень не прочно сидѣли.

Результатомъ всего этого явилось то, что черезъ мѣсяцъ, послѣ занятія добровольцами Сочинскаго округа, населеніе вспоминало съ сожалѣніемъ ушедшихъ большевиковъ, а черезъ полтора мѣсяца — крестьяне съ оружіемъ въ рукахъ возстали противъ новой власти.

— Большевиковъ, когда стали притѣснять насъ, выгнали! Богъ дастъ и «кадетъ» погонимъ, — говорили крестьяне.

Толчкомъ къ возстанію послужилъ приказъ о всеобщей мобилизаціи населенія до сорока-лѣтняго возраста.

Крестьяне заявили, что проливать свою кровь за такую власть — они не желаютъ, такъ какъ мобилизованныхъ солдатъ «кадеты» пошлютъ усмирять такихъ же крестьянъ или драться съ большевиками, которые оказываются ничуть не хуже добровольцевъ.

Въ то время голодъ и другія лишенія, наступившія черезъ два года, не вызывали еще той апатіи и молчаливой покорности, которая овладѣла теперь и крестьянствомъ, и городскимъ населеніемъ и которая позволяетъ большевикамъ безцеремонно обращаться съ русскимъ народомъ, мобилизовать его, гнать на заводы и на разныя повинности. Поэтому принятое во всѣхъ деревняхъ рѣшеніе было въ точности исполнено, и начатая крестьянами борьба была доведена до конца.

Впослѣдствіи крестьянинъ селенія Пластунки, Семеновъ, слѣдующими словами разсказывалъ объ отношеніи крестьянъ къ добровольцамъ и о причинахъ, побудившихъ ихъ не повиноваться приказу о мобилизаціи:

— Когда пришли добровольцы, стали мы узнавать, что они за люди: разбойники, или друзья наши? На видъ наши русскіе люди, идутъ за единую, недѣлимую Россію и говорятъ, что проводятъ народную власть. Ну мы и успокоились. Вдругъ слышимъ назначенъ къ намъ начальствомъ старый урядникъ. Что за притча, думаемъ, какая же это народная власть, коли снова взяточники и кровопійцы надъ нами командовать будутъ? Потомъ начались всякія реквизиціи, а опосля — мобилизацію объявили. Вотъ мы и порѣшили — не давать людей въ солдаты, потому что увидали, какая это власть. Тогда намъ объявили, что за неявку будутъ разстрѣливать и вся деревня будетъ отвѣчать круговой порукой. А мы все-таки отказались отъ мобилизаціи и рѣшили, коль придутъ «кадеты» въ деревню — биться съ ними, а на своемъ стоять.

Рѣшеніе не подчиняться приказу о мобилизаціи было принято на отдѣльныхъ сельскихъ сходахъ, но затѣмъ крестьяне рѣшили обсудить этотъ вопросъ на большомъ окружномъ сходѣ съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе окружного схода было проведено повсемѣстно. Поселковые сходы избрали делегатовъ на окружной сходъ, который и собрался въ назначенный начальникомъ округа первый день явки мобилизованныхъ.

Все мужское населеніе, подлежащихъ явкѣ возрастовъ, собралось въ лѣсахъ, ожидая рѣшенія окружного схода. Сходъ собрался также въ лѣсу подъ усиленной охраной вооруженныхъ крестьянъ. Обсудивъ создавшееся въ округѣ положеніе, сходъ единогласно вынесъ слѣдующее постановленіе:

«Крестьяне, не желая погибать на грузинскомъ и большевистскомъ фронтахъ, защищая интересы «кадетъ», постановили — освободиться отъ Деникинской власти, или же умереть здѣсь, у своихъ хатъ, защищая свою свободу».

Этимъ рѣшеніемъ было положено начало «зеленаго движенія», зародившагося въ Сочинскомъ округѣ, перекинувшагося вскорѣ въ Туапсинскій и Новороссійскій округа и распространившагося затѣмъ по всему юго-востоку Россіи.

Подлинное зеленое движеніе ничего общаго не имѣетъ съ бандитизмомъ, съ скрывающимися въ горахъ и лѣсахъ шайками грабителей и съ бѣло-зелеными партизанами. Подлинные зеленые — являлись и являются мѣстными крестьянами, возстававшими и противъ добровольческихъ, и противъ большевистскихъ властей, и всюду въ дальнѣйшемъ повѣствованіи, упоминая о «зеленыхъ», я буду говорить лишь о подлинныхъ зеленыхъ, то-есть о повстанцахъ-крестьянахъ.

Вѣсть о принятомъ на сходѣ рѣшеніи быстро облетѣла всѣ селенія Сочинскаго округа и ни одинъ крестьянинъ на мобилизацію не явился.

Мѣстные власти усмотрѣли въ такомъ ослушаніи крестьянъ признакъ бунта, донесли объ этомъ въ Екатеринодаръ и получили приказаніе главнаго командованія Добровольческой арміи — силой заставить крестьянъ подчиниться приказу о мобилизаціи.

Крестьяне предугадали возможныя послѣдствія своего рѣшенія и приготовились къ самозащитѣ. Для организаціи такой самозащиты на окружномъ сходѣ былъ избранъ «Народный штабъ», которому было поручено формированіе крестьянскихъ партизанскихъ отрядовъ для охраны селеній отъ неожиданныхъ нападеній добровольцевъ. Сформированные штабомъ отряды были довольно

многочисленны, но плохо вооружены: трехъ-линейныя винтовки насчитывались въ отрядахъ единицами, остальное огнестрѣльное оружіе состояло изъ небольшого числа четырехъ-линейныхъ берданокъ и дробовыхъ охотничьихъ ружей, а часть партизанъ была вооружена просто кольями и топорами.

Несмотря на такое плохое вооруженіе, крестьяне вышли побѣдителями изъ перваго столкновенія съ карательнымъ отрядомъ полковника Чайковскаго, высланнымъ властями для усмиренія крестьянъ ближайшихъ къ Сочи селеній Пластунки и Навагинки. Отрядъ Чайковскаго, не ожидавшій встрѣтить вооруженнаго сопротивленія, принужденъ былъ отступить отъ Пластунки, бросивъ пулеметъ и потерявъ 12 человѣкъ убитыми и 25 ранеными. Въ числѣ убитыхъ оказался и начальникъ отряда — полковникъ Чайковскій.

Съ этого столкновенія началась партизанская война «зеленыхъ» съ карательными отрядами Добрарміи.

«Зеленымъ» не всегда удавалось защитить свои села отъ вторженія карательныхъ отрядовъ. Видя, что имъ не подъ силу оборонять подступы къ деревнѣ, зеленые отходили въ ближайшій лѣсъ или въ горы, продолжая оттуда обстрѣливать противника. Добровольцы, ворвавшись въ деревню, принимались за экзекуцію остававшихся въ ней крестьянъ, не дѣлая никакой разницы между мужчинами и женщинами, между взрослыми и дѣтьми. Экзекуція состояла въ поркѣ шомполами, послѣ чего карательный отрядъ удалялся изъ деревни, реквизировавъ скотъ, запасы хлѣба и фуража. Если въ деревнѣ случайно оказывался мужчина призывного возраста — онъ, въ лучшемъ случаѣ, жестоко избивался шомполами и уводился отрядомъ въ городъ, а въ худшему случаѣ — тутъ же на мѣстѣ разстрѣливался въ назиданіе прочимъ.

Командовавшій добровольческими войсками въ Сочинскомъ округѣ, генералъ Бурневичъ издалъ приказъ, въ которомъ объявилъ, что въ случаѣ, если повстанцы не вернутся въ свои деревни, не сдадутъ оружія и не выдадутъ главарей — то всѣ они будутъ объявлены врагами родины, дома ихъ будутъ сожжены, а все имущество реквизировано.

Однако приказъ этотъ не имѣлъ никакихъ результатовъ, и начальники карательныхъ отрядовъ принялись въ точности исполнять указанныя генераломъ мѣропріятія, возбудивъ въ крестьянахъ еще большее озлобленіе.

Вскорѣ начальство убѣдилось, что никакія жестокости карательныхъ отрядовъ не могутъ обратить крестьянъ на путь послушанія. Тогда рѣшено было приступить къ мирнымъ переговорамъ черезъ посредство Армянскаго національнаго совѣта. Добровольцы предложили слѣдующія условія: полную амнистію всѣмъ участникамъ движенія, отмѣну мобилизаціи и созывъ крестьянскаго съѣзда для обсужденія дальнѣйшихъ взаимоотношеній между крестьянствомъ и властями. Народный штабъ принялъ эти условія, распустилъ отряды и прекратилъ вооруженную борьбу.

Но добровольцы не сдержали своихъ обѣщаній и вскорѣ, по приказанію начальника округа, чины государственной стражи стали вылавливать изъ деревень наиболѣе активныхъ руководителей только-что прекратившагося движенія. На этой почвѣ начались новыя волненія, перешедшія вскорѣ въ новое возстаніе.

Въ селеніи «Третья рота» стражники арестовали двухъ заподозрѣнныхъ ими участниковъ «зеленаго движенія». Поселяне отбили арестованныхъ и избили стражниковъ, вернувшихся въ Сочи и донесшихъ начальнику округа о «бунтѣ». Для подавленія бунта былъ немедленно высланъ карательный отрядъ полков-

ника Петрова, какъ снѣгъ на голову свалившійся на ничего не подозрѣвавшее селеніе.

То, что произошло тогда въ селеніи «Третья рота», по своей кошмарности и чудовищной жестокости, превосходитъ всѣ расправы, учиненныя до и послѣ того добровольцами и большевиками въ Сочинскомъ округѣ.

Полковникъ Петровъ оцѣпилъ селеніе, согналъ въ кучу все населеніе и объявилъ, что намѣренъ разстрѣлять поголовно всѣхъ мужчинъ. Затѣмъ онъ заявилъ, что согласенъ смягчить свой приговоръ, если крестьяне соберутъ ему контрибуцію въ пять тысячъ рублей и выставятъ угощеніе. Деньги были собраны и угощеніе — ведро самогонки и закуска были выставлены. Начался пиръ. Во время пира полковникъ обратился къ собраннымъ крестьянамъ съ грозной рѣчью, упрекая ихъ въ неповиновеніи властямъ предержащимъ.

— Я долженъ былъ всѣхъ васъ растрѣлять, но обѣщалъ смиловаться и отъ своего слова не отступлю. Поэтому я разстрѣляю только каждаго десятаго!

Крестьянъ построили въ одну шеренгу, поставивъ въ рядъ всѣхъ мужчинъ, начиная отъ 16-ти лѣтнихъ парней. Каждаго десятаго отводили въ сторону. Здѣсь-же находились женщины и дѣти, которыхъ прикладами отгоняли отъ намѣченныхъ жертвъ.

Осужденные держали себя гордо и никто изъ нихъ не просилъ пощады. Одинъ изъ нихъ — 16-ти лѣтній парнишка — перекрестился, подбѣжалъ къ стоявшему передъ нимъ съ винтовкой офицеру, ударилъ его по щекѣ и, прежде чѣмъ его успѣли схватить, бросился съ разбѣга въ пропасть, разбившись на смерть.

Разстрѣливать осужденныхъ вызвался изрядно подвыпившій офицеръ. Онъ всталъ въ десяти шагахъ передъ приговоренными и не спѣша, съ папиросской во рту, по очереди перестрѣлялъ 11 человѣкъ. Фамилія этого палача — прапорщикъ Бельгійскій...

По окончаніи казни полковникъ Петровъ продолжалъ тутъ-же, на трупахъ казненныхъ имъ безъ всякаго суда и слѣдствія крестьянъ, прерванную пирушку и только когда самогонка была вся выпита, отрядъ ушелъ изъ селенія.

Если-бы я самъ своими глазами не видѣлъ братской могилы казненныхъ, не слышалъ-бы этого разсказа отъ непосредственныхъ свидѣтелей и не читалъ-бы составленнаго протокола, подписаннаго сотней свидѣтелей и скрѣпленнаго мѣстнымъ священникомъ — я никогда-бы не повѣрилъ, что интеллигентный человѣкъ, офицеръ, способенъ на такую жестокость! Однако, описанный мною случай, къ сожалѣнію, имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности.

Полковникъ Петровъ впослѣдствіи жестоко поплатился за эти безсмысленныя казни: въ Февралѣ 1920 года онъ былъ взятъ въ плѣнъ Черноморскимъ крестьянскимъ ополченіемъ. Когда его вмѣстѣ съ другими плѣнными доставляли въ Сочи, то у селенія Дагомысъ (близъ Третьей роты) Петрова узнала женщина — вдова казненнаго имъ крестьянина. Тотчасъ вѣсть о томъ, что ведутъ Петрова — разлетѣлась по селенію. Бабы, вооруженныя палками, топорами и скалками (никого изъ мужчинъ въ Третьей ротѣ не было — всѣ они находились на фронтѣ) бросились на конвой, отбили полковника Петрова, притащили его на мѣсто казни и буквально разорвали на части.

Дѣйствія карательнаго отряда полковника Петрова и другого «карателя» полковника Карташева вызвали новое возстаніе «зеленыхъ». Борьба съ обѣихъ сторонъ становилась съ каждымъ днемъ все ожесточеннѣе.

Крестьянство рѣшило обратить вниманіе находившихся при штабѣ Добрар-

міи англійскихъ офицеровъ на создавшееся въ округѣ положеніе и на дѣйствія карательныхъ экспедицій. Вообще крестьяне возлагали большія надежды на бывшихъ союзниковъ, считая, что они возьмутъ ихъ подъ свою защиту и не позволятъ добровольцамъ притѣснять населеніе. На 2-й день праздника Пасхи делегація съ приговорами 21-го селенія явилась въ Гаграхъ къ англійскому полковнику Файну.

Полковникъ Файнъ выслушалъ делегацію, мелькомъ взглянулъ на приговоры и отвѣтилъ крестьянамъ, что онъ ничѣмъ имъ помочь не можетъ:

— Если-бы добровольцы васъ на моихъ глазахъ рѣзали, я и тогда-бы не имѣлъ права заступиться за васъ, ибо генералъ Деникинъ и его армія являются законной властью, признанной правительствомъ короля Англіи!

Приговоры съ подписями крестьянъ были переданы полковникомъ Файномъ генералу Бурневичу, распорядившемуся арестовать нѣкоторыхъ изъ подписавшихся подъ ними.

Послѣ этого случая крестьяне махнули рукой на союзниковъ и стали считать англичанъ такими-же своими врагами, какъ и добровольцевъ.

XIII

Гагры съ его курортомъ, паркомъ и благоустройствомъ были созданы принцемъ А. П. Ольденбургскимъ, желавшимъ, чтобы Гагры заняли равное мѣсто съ первоклассными Европейскими курортами. Устраивая Гагринскую климатическую станцію, принцъ Ольденбургскій добился включенія Гагринскаго участка въ составъ Черноморской губерніи (до этого Гагры находились въ Кутаисской губерніи). Поэтому грузины считали, что Гагры являются безспорной частью Грузинской республики.

Примирившись съ занятіемъ добровольцами Сочи, грузины никакъ не примирялись съ потерей Гагръ и неоднократно обращались къ англійскому командованію съ просьбой повліять на Деникина, дабы заставить его очистить территорію Гагринскаго участка. Но англичане, по своему обыкновенію, давали грузинамъ уклончивые отвѣты и отнюдь не старались оказывать какого-бы то ни было давленія на Деникина.

Тогда Грузинское правительство рѣшило силой завладѣть отнятой у нихъ добровольцами территоріей и начало концентрировать свои войска въ Сухумскомъ округѣ.

Генералъ Деникинъ, которому нужны были войска на большевистскомъ фронтѣ, принужденъ былъ постепенно сокращать свои силы на Черноморскомъ побережьѣ. Изъ оставшихся въ Сочинскомъ округѣ добровольческихъ частей многія были сняты съ грузинскаго фронта для подавленія непрекращавшихся крестьянскихъ возстаній. Поэтому въ Гаграхъ и по линіи рѣки Бзыби у добровольцевъ осталось всего нѣсколько ротъ очень слабаго состава. Командованіе Добровольческой арміи безпокоилось, что грузины, воспользовавшись слабостью Гагринскаго отряда, смогутъ внезапно ихъ атаковать и занять Гагры. Но англичане изъявили готовность придти на помощь добровольцамъ и заняли своимъ пикетомъ единственную переправу черезъ рѣку Бзыбь — мостъ на Сухумскомъ шоссе. Англичане считали, что грузины никогда не осмѣлятся атаковать англійскій отрядъ, ибо такой шагъ явился-бы началомъ войны между Англіей и Грузіей.

Грузины, конечно, никогда-бы не рѣшились на такой шагъ, но они нашли другой выходъ изъ создавшагося положенія, и опасенія добровольцевъ дѣйствительно оправдались.

Сосредоточивъ по линіи Бзыби восемь баталіоновъ, конный дивизіонъ и четыре батареи Народной Гвардіи, грузины соорудили нѣсколько паромовъ и, воспользовавшись безпечностью добровольцевъ, считавшихъ себя вполнѣ прикрытыми англійскимъ пикетомъ, переправились ночью на правый берегъ рѣки Бзыби. Добровольческій отрядъ былъ обойденъ съ фланговъ и поспѣшно очистилъ Гагры. Въ это-же время въ районѣ Адлера появился сильный отрядъ «зеленыхъ», почему добровольцы стали отступать прямо въ Сочи, а грузины, безъ всякаго сопротивленія со стороны непріятеля дошли до рѣки Мзымты (у Адлера).

Узнавъ про такую дерзость грузинъ, англичане ультимативно потребовали отъ Грузинскаго правительства прекратить дальнѣйшее наступленіе на Сочи и отойти на прежнюю позицію по линіи Бзыби. Однако, грузины заявили англичанамъ, что они очистятъ Адлеръ, но отойдутъ лишь до старой границы Кутаисской губ., то-есть до рѣки Мехадырь (въ 15 в. къ сѣверу отъ Гагръ) и ни въ коемъ случаѣ не согласятся на очищеніе Гагръ. Въ концѣ-концовъ, англичане согласились на условія грузинъ, а добровольцы обѣщали при первомъ удобномъ сдучаѣ вновь выбить грузинскія войска изъ Гагръ. Событія эти произошли въ концѣ Апрѣля 1919 года.

Въ это время борьба Сочинскихъ крестьянъ съ властями и карательными отрядами Добрарміи принимала все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ. Къ лѣту 1919 года добровольцы одержали крупные успѣхи надъ большевиками и територія, занятая ими, охватывала весь югъ и юго-востокъ Россіи. Съ приближеніемъ арміи къ Москвѣ оставшіеся въ ея тылу военные и гражданскіе чиновники становились все болѣе развязными и, поощряемые крайними реакціонными элементами, говорившими (слова генерала Кутепова), что возстановить Россію возможно лишь при помощи кнута и висѣлицы, всячески старались примѣнять эти способы возсозданія «Единой, Великой и Недѣлимой Россіи» на ввѣренной имъ правительствомъ Деникина территоріи. Способы эти испытало на себѣ и населеніе Сочинскаго округа.

Проводя такія суровыя мѣры, власти говорили, что они направлены противъ большевиковъ. Но на самомъ дѣлѣ — большевики, притаившіеся въ подпольѣ и дѣйствовавшіе по присылаемымъ имъ изъ Москвы директивамъ, страдали отъ нихъ гораздо меньше, чѣмъ ничего общаго не имѣвшее съ коммунистами населеніе. Коммунисты, подъ видомъ мелкихъ агентовъ контръ-развѣдки, государственной стражи и поставщиковъ интендантства, проникли во всѣ штабы и знали всѣ секреты Добрарміи, информируя своихъ Московскихъ товарищей о всемъ происходящемъ въ тылу и прифронтовой полосѣ. Въ этомъ я имѣлъ возможность убѣдиться лѣтомъ 1920 года, во время моего кратковременнаго пребыванія въ занятомъ большевиками Сочи, гдѣ одинъ изъ такихъ агентовъ смѣясь разсказывалъ мнѣ, какъ онъ служилъ въ Добровольческой контръ-развѣдкѣ, благодаря чему имѣлъ возможность подробно сообщать красной арміи о составѣ, численности и расположеніи Деникинскихъ войскъ. При этомъ большевики пользовались случаемъ для уничтоженія своихъ политическихъ противниковъ и очень часто добровольческія власти, сами того не подозрѣвая, арестовывали, предавали военно-полевому суду и вѣшали тѣхъ людей, смерть которыхъ была нужна коммунистамъ.

Усилившаяся съ приближеніемъ Добрарміи къ Москвѣ реакція способство-

вала увеличенію числа недовольныхъ и оппозиціонно настроенныхъ къ власти элементовъ, а въ крестьянскомъ населеніи Сочинскаго округа вызвала чуть-ли не поголовную тягу въ «зеленые».

Однако, вскорѣ крестьяне убѣдились въ невозможности вести успѣшную борьбу съ карательными отрядами добровольцевъ безъ соотвѣтствующей организаціи. А для организаціи крестьянъ всего округа необходимо было собрать делегатскій съѣздъ. Такой съѣздъ долженъ былъ избрать руководящій органъ, обсудить цѣли и способы борьбы и подчинить всѣ, дѣйствовавшіе до сего времени самостоятельно, «зеленые» отряды единому командованію.

Мѣстныя власти зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы не допустить какихъ-либо съѣздовъ или частныхъ совѣщаній крестьянъ. Начальникамъ участковъ, старшинамъ и стражникамъ было предписано присутствовать на каждомъ сходѣ, которые разрѣшалось собирать также лишь съ вѣдома и согласія начальства. Поэтому крестьяне неоднократно дѣлали попытки устраивать тайныя совѣщанія въ горахъ и лѣсахъ.

Послѣ первыхъ удавшихся попытокъ, избранный на одномъ изъ тайныхъ совѣщаній временный организаціонный комитетъ рѣшилъ созвать окружной делегатскій съѣздъ въ расположенномъ далеко отъ шоссе, въ горахъ, селеніи Воронцовка. Съѣздъ этотъ былъ назначенъ на 14-е Августа.

Во всѣхъ деревняхъ и селеніяхъ приступили къ избранію делегатовъ, но къ несчастью одинъ изъ такихъ делегатовъ, бывшій подъ подозрѣніемъ у начальника поста государственной стражи, былъ арестованъ и подъ угрозой разстрѣла выдалъ начальнику Сочинской контръ-развѣдки день и мѣсто назначеннаго съѣзда.

Начальникъ округа выслалъ въ Воронцовку сильный отрядъ, который на разсвѣтѣ 14-го Августа окружилъ со всѣхъ сторонъ селеніе и приступилъ къ повальному обыску. Часть прибывшихъ на съѣздъ делегатовъ успѣла скрыться, но другая часть съ двумя членами организаціоннаго комитета — была арестована, причемъ въ руки карательнаго отряда попали всѣ бумаги и переписка организаціоннаго комитета.

Добровольцы торжествовали, такъ какъ среди арестованныхъ оказался давно разыскиваемый ими предсѣдатель организаціоннаго крестьянскаго комитета эсэръ Ефимъ Борисовичъ Спивакъ. Онъ былъ тутъ-же на мѣстѣ, безъ всякаго суда, разстрѣлянъ по приказанію начальника отряда, а другіе арестованные — уведены въ Сочи.

Такъ какъ изъ трехъ членовъ организаціоннаго комитета одинъ былъ разстрѣлянъ, а другой — арестованъ, то спасшіеся отъ ареста делегаты, собравшись въ этотъ же день въ ближайшемъ отъ Воронцовки лѣсу, рѣшили избрать новый комитетъ, которому и поручили созвать вторично окружной делегатскій съѣздъ. Я былъ избранъ членомъ новаго комитета.

Два мѣсяца велась дѣятельная подготовка къ съѣзду. Организаціонный комитетъ хотѣлъ, чтобы на съѣздѣ присутствовали не только представители Сочинскаго, но также и двухъ другихъ — Туапсинскаго и Новороссійскаго округовъ Черноморской губерніи. Для этой цѣли пришлось посылать ходоковъ въ сосѣдніе округа, въ которыхъ «зеленое движеніе» происходило еще болѣе неорганизованно, чѣмъ въ Сочинскомъ.

Вскорѣ выяснилось, что среди руководителей «зеленаго движенія» ощущается сильный недостатокъ въ интеллигентныхъ силахъ. Мѣстные, сочувствовавшіе крестьянамъ, интеллигенты всѣ находились подъ наблюденіемъ доброволь-

ческой контръ-развѣдки, и сношенія съ ними могли провалить все дѣло. Поэтому комитетъ рѣшилъ пригласить для работы другихъ людей, которые были-бы неизвѣстны чинамъ мѣстной контръ-развѣдки. Съ этой цѣлью я началъ вести переговоры съ прибывшими въ Грузію, бѣжавшими отъ Колчака, членами Учредительнаго Собранія. Двое изъ нихъ — В. Н. Филипповскій (бывшій предсѣдатель Самарскаго правительства) и Ф. Д. Сорокинъ — согласились принять дѣятельное участіе въ работахъ организаціоннаго комитета и выѣхали въ Черноморье.

Ф. Д. Сорокинъ, бывшій матросъ императорской яхты «Штандартъ» и происходившій изъ крестьянъ Тамбовской губерніи, свободно проникъ подъ фамиліей Ковалева въ Сочинскій округъ, сталъ собирать тайныя сходки и провелъ выборы делегатовъ почти во всѣхъ селеніяхъ округа. Черезъ нѣкоторое время чины контръ-развѣдки узнали про Ковалева и власти отдали приказъ, въ случаѣ его поимки — разстрѣлять на мѣстѣ. Ковалеву-Сорокину пришлось уйти въ горы, откуда онъ, ежеминутно рискуя жизнью, спускался въ прибрежныя селенія и не пропускалъ ни одного схода, ни одного крестьянскаго совѣщанія.

Мѣстомъ съѣзда организаціонный комитетъ выбралъ «нейтральную зону», находившуюся между грузинскими и добровольческими позиціями, установленную по требованію англичанъ. Въ нейтральной зонѣ находилось четыре селенія, жители которыхъ признавали единственной властью организаціонный комитетъ и не подчинялись ни грузинамъ, ни добровольцамъ.

Делегатскій съѣздъ крестьянъ Черноморской губерніи собрался 18-го Ноября 1919 года. Съѣздъ этотъ собрался при неимовѣрно трудныхъ условіяхъ: добровольческая контръ-развѣдка тщательно наблюдала за всѣми дорогами, делегатамъ пришлось пробираться по трудно-проходимымъ, занесеннымъ снѣгомъ тропинкамъ, и многіе изъ нихъ пришли на съѣздъ съ отмороженными руками и ногами. Одинъ делегатъ Новороссійскаго и два делегата Сочинскаго округовъ были арестованы чинами контръ-развѣдки и подвергались жестокой поркѣ шомполами, такъ какъ отказывались выдать имена организаторовъ съѣзда и назвать деревню, въ которой онъ былъ назначенъ.

Такъ какъ для обсужденія создавшагося въ губерніи положенія и рѣшенія организаціонныхъ вопросовъ требовалась спокойная обстановка, то рѣшено было перенести съѣздъ изъ нейтральной зоны, которая часто подвергалась нашествію развѣдывательныхъ отрядовъ Добрарміи, въ Гагры.

Грузины, сочувственно относившіеся къ Черноморскому крестьянству, среди котораго былъ порядочный процентъ ихъ соплеменниковъ, изъ боязни передъ англичанами не могли допустить на занятой ими территоріи легальныхъ засѣданій съѣзда, почему засѣданія эти происходили по ночамъ на дачѣ, отведенной грузинскими властями для бѣженцевъ изъ Черноморья, которымъ они оказывали самое широкое гостепріимство. Делегаты явились въ Гагры также подъ видомъ бѣженцевъ.

Съѣздъ начался съ докладовъ съ мѣстъ, причемъ представители всѣхъ районовъ Новороссійскаго, Туапсинскаго и Сочинскаго округовъ единодушно констатировали крайне тяжелое положеніе, въ которомъ находится крестьянское населеніе губерніи подъ властью добровольцевъ. Разсказывая о самодурствѣ правительственныхъ чиновниковъ, объ обременительныхъ для деревни реквизиціяхъ и о жестокихъ репрессіяхъ, которымъ они подвергаются со стороны карательныхъ отрядовъ, делегаты утверждали, что, если при большевикахъ крестьянамъ приходилось туго, то при добровольцахъ тяжелѣе.

Къ этому времени Добровольческая армія начала терпѣть пораженія и большевики стали быстро приближаться къ Кавказу. Слухи объ этомъ проникли въ деревни, и крестьяне, радовавшіеся съ одной стороны пораженію ненавистныхъ «кадетъ», вмѣстѣ съ тѣмъ безпокоились за свою дальнѣйшую судьбу, ибо, испытавъ на себѣ прелести большевистскаго режима, знали, что коммунистическая власть столь-же непріемлема и враждебна крестьянамъ, какъ и владычество добровольческихъ генераловъ. Поэтому делегаты настаивали на скорѣйшемъ всеобщемъ организованномъ возстаніи противъ Добрарміи, чтобы успѣть до прихода большевиковъ твердо укрѣпиться на Черноморьѣ и установить свою собственную, крестьянскую власть.

— Большевики разобьютъ «кадетъ», говорили делегаты: и не такъ большевики одолѣютъ ихъ, какъ самъ народъ и крестьянство, которому житья нѣтъ отъ «кадюковъ». А за «кадетами» явятся большевики и снова начнутъ ѣздить на нашей шеѣ. Мы не хотимъ «коммуніи», а желаемъ сами быть у себя хозяевами. А для этого намъ нужно сначала выгнать добровольцевъ, а потомъ не допустить къ себѣ коммунію. Когда крестьяне въ другихъ губерніяхъ узнаютъ, что существуетъ въ одномъ мѣстѣ крестьянская власть, то захотятъ имѣть и у себя такую-же крестьянскую власть. Тутъ и придетъ конецъ большевикамъ: небось, красноармейцы-то тоже все крестьяне и противъ своихъ братьевъ-крестьянъ не пойдутъ, это не то, что съ «кадетами» воевать.

Послѣ такихъ рѣчей, отражавшихъ психологію и будущіе планы крестьянъ, была принята резолюція, въ которой крестьяне Черноморской губерніи заявляли, что большевистская диктатура является насиліемъ надъ волей народа и поэтому для нихъ непріемлема. Генеральская диктатура и политика руководящая дѣйствіями Добрарміи — одинаково непріемлема народу, который долженъ самъ стать на защиту своей свободы и одинаково бороться противъ той и другой диктатуры меньшинства надъ большинствомъ. Главную роль въ этомъ грядущемъ періодѣ революціи суждено сыграть крестьянству, ибо города экономически разорены и потеряли свое былое значеніе. Деревня-же фактически никѣмъ не покорена и не признаетъ ни большевистской, ни Деникинской власти. Крестьянство не раздавлено, не разорено и не хочетъ идти ни за черными, ни за коммунистическими знаменами. Поэтому крестьяне Черноморской губерніи, рѣшившись вступить въ организованную борьбу съ реакціей, обращаются ко всему русскому народу, какъ къ третьей силѣ, съ призывомъ сорганизоваться и выявить свою волю. Ближайшей цѣлью борьбы съѣздъ постановилъ считать образованіе Черноморской народной республики, а для проведенія этой борьбы — избралъ отвѣтственное передъ крестьянскимъ съѣздомъ правительство — Комитетъ Освобожденія Черноморья. Избранному Комитету Освобожденія съѣздъ поручилъ организовать планомѣрную борьбу съ Добрарміей, приступить къ переговорамъ съ Кубанской Радой на предметъ образованія Кубано-Черноморской народной республики и обратиться къ демократіямъ Европы и Америки съ протестомъ противъ помощи, оказываемой ихъ правительствами россійской реакціи.

Съѣздъ избралъ В. Н. Филипповскаго предсѣдателемъ Комитета Освобожденія, а меня — товарищемъ предсѣдателя и командующимъ крестьянскимъ ополченіемъ Черноморской губерніи, которое мнѣ и было поручено организовать изъ всѣхъ партизанскихъ «зеленыхъ» отрядовъ.

Я, ни минуты не задумываясь и безъ всякихъ колебаній, согласился встать во главѣ крестьянской арміи, такъ-какъ всецѣло раздѣлялъ точку зрѣнія крестьянъ, которыхъ считалъ единственной здоровой силой, могущей возсоздать Россію.

И я увѣренъ, что если-бы не колеблющаяся и двусмысленная политика нашихъ ближайшихъ сосѣдей — руководителей Кубанскаго казачества и не усиливавшія большевиковъ авантюры жаждавшихъ власти генераловъ, на Сѣверномъ Кавказѣ было-бы положено начало могущественной крестьянской республики.

Тотчасъ-же послѣ съѣзда я принялся за реорганизацію зеленыхъ отрядовъ и формированіе Черноморскаго крестьянскаго ополченія.

Въ основу организаціи ополченія былъ положенъ проэктъ народной милиціи и формированія территоріальныхъ комплектованій. Въ началѣ эта реформа была проведена только въ Сочинскомъ округѣ и дала блестящіе результаты.

Сочинскій округъ былъ разбитъ на девять районовъ (волостей). Въ каждомъ районѣ на делегатскомъ собраніи представителей входящихъ въ районъ селеній былъ избранъ районный штабъ крестьянскаго ополченія изъ трехъ пользовавшихся безусловнымъ авторитетомъ мѣстныхъ жителей, по преимуществу бывшихъ солдатъ. Функціи районныхъ штабовъ заключались въ учетѣ мужского населенія отъ 20 до 45 лѣтъ, въ учетѣ лошадей, повозокъ, имѣвшагося на рукахъ у крестьянъ оружія и патроновъ. Послѣ производства такого учета при каждомъ районномъ штабѣ были сформированы по двѣ роты — первой и второй очереди. Въ первоочередную роту были зачислены крестьяне болѣе молодыхъ возрастовъ, у которыхъ имѣлось на рукахъ огнестрѣльное оружіе, во второочередную роту — болѣе пожилые и безоружные. Всѣ районные штабы были подчинены Главному Штабу, членами котораго являлись по одному представителю отъ каждаго района. Главный Штабъ состоялъ изъ отдѣловъ: строевого (полевой оперативный штабъ), формированія, вѣдавшій комплектованіемъ и обученіемъ резервовъ, и снабженія (съ интендантскимъ и артиллерійскимъ подотдѣлами).

Пока производился указанный учетъ людей, перевозочныхъ средствъ и оружія, я принялся за вербовку команднаго состава, такъ какъ среди «зеленыхъ» имѣлось достаточно хорошихъ и опытныхъ партизановъ для замѣщенія должностей взводныхъ и даже ротныхъ командировъ, но не было баталіонныхъ командировъ, артиллеристовъ и техниковъ — телефонистовъ, телеграфистовъ и саперъ.

Къ нашему большому несчастью всѣ рекомендованные мнѣ Тифлисскими партійными организаціями офицеры, за исключеніемъ одного, оказались не только плохими специалистами, но и крайне непорядочными людьми, благодаря которымъ крестьянскому ополченію пришлось пережить впослѣдствіи немало невзгодъ.

На должность начальника штаба я назначилъ кадроваго офицера — подъесаула Терскаго казачьяго войска Томашевскаго, пріѣхавшаго въ Черноморье подъ фамиліей Сергѣева. На должности баталіонныхъ (дружинныхъ) командировъ: штабсъ-капитана Казанскаго (оказавшагося впослѣдствіи большевикомъ) и поручика Скобелева, служившаго младшимъ офицеромъ въ Особомъ баталіонѣ Грузинской Народной Гвардіи.Третьимъ командиромъ дружины я утвердилъ старѣйшаго изъ предводителей «зеленыхъ» — Сочинскаго грузина Дзидзигури, хотя и склоннаго немного къ бандитизму, но пользовавшемуся общимъ довѣріемъ крестьянъ. Моимъ помощникомъ и замѣстителемъ явился кадровый капитанъ, боевой Кавказскій офицеръ, крестьянинъ Сочинскаго округа Учадзе, избранный членомъ Комитета Освобожденія. Вторымъ моимъ помощникомъ былъ артиллерійскій подпрапорщикъ, также членъ Комитета Освобожденія и крестьянинъ Сочинскаго округа, очень способный и выдающійся партизанъ — Рощенко. Начальникомъ службы связи я назначилъ офицера Народной Гвардіи поручика

Михлина, оказавшагося очень храбрымъ, но абсолютно непригоднымъ для штабной должности. Впослѣдствіи къ этимъ офицерамъ присоединился также пріѣхавшій изъ Тифлиса артиллеристъ-капитанъ Фовицкій, выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ офицеръ. Капитанъ Фовицкій и оказался тѣмъ единственнымъ офицеромъ, который на своихъ плечахъ вынесъ всю тяжесть освобожденія территоріи Черноморской губерніи, такъ-какъ Учадзе и Рощенко вскорѣ должны были покинуть строй, отдавшись дѣлу организаціи мѣстнаго самоуправленія въ освобожденномъ отъ непріятеля Сочинскомъ округѣ.

Прежде чѣмъ вступить въ рѣшительный бой съ Добровольческой арміей, Комитетъ освобожденія попытался въ третій и послѣдній разъ обратить вниманіе находившихся на Кавказѣ иностранныхъ миссій на ненормальное положеніе въ Черноморской губерніи и на тѣ методы управленія, къ которымъ прибѣгали назначенныя Деникинымъ гражданскія и военныя власти.

Впервые крестьяне обратились къ союзникамъ въ лицѣ англійскаго полковника Файна въ Апрѣлѣ 1919 года. Затѣмъ въ іюнѣ того-же года выборные представители Сочинскаго округа обращались къ Великобританской военной миссіи въ Тифлисѣ. И, наконецъ, въ Декабрѣ Комитетъ Освобожденія обратился съ пространнымъ меморандумомъ къ Англійской, Французской и Американской миссіямъ, прося ихъ, во избѣжаніе могущаго произойти кровопролитія, предложить поддерживаемому союзниками генералу Деникину — очистить территорію Черноморья отъ рѣки Псоу до Новороссійска (исключительно) и передать власть на указанной территоріи избранному крестьянами Временному Правительству.

Въ этомъ меморандумѣ Комитетъ Освобожденія перечислялъ обстоятельства, вынудившія крестьянъ взяться за оружіе, указывалъ на то, что оружіе, выдаваемое союзниками Деникину для борьбы съ большевиками, обращается имъ противъ защищающихъ свои законныя права крестьянъ, и заявлялъ, что оставленіе безъ всякаго вниманія троекратнаго обращенія къ союзникамъ — будетъ сочтено Черноморскимъ крестьянствомъ за полную солидарность иностранцевъ съ политикой и методами управленія, примѣняемыми командованіемъ Добровольческой арміи.

Но союзники, считавшіе Черноморскихъ крестьянъ ничтожной величиной, не представляющей никакой опасности для Деникина, оставили и это обращеніе безъ вниманія, и только тогда, когда дружины крестьянскаго ополченія одержали полную побѣду надъ добровольческими полками, Верховный комиссаръ Великобританіи лично явился въ Сочи и предложилъ крестьянамъ помириться съ Деникинымъ, положивъ въ основаніе мирнаго договора — выставленныя Комитетомъ Освобожденія въ Декабрѣ условія.

Но тогда крестьяне отвѣтили англійскому генералу, что время для переговоровъ упущено и что теперь они не нуждаются больше ни въ посредничествѣ, ни въ заступничествѣ бывшихъ союзниковъ.

XIV

Въ первыхъ числахъ января 1920 года добровольческія власти объявили очередную мобилизацію въ Сочинскомъ округѣ, назначивъ послѣднимъ днемъ явки мобилизуемыхъ — 26-е (13-е) января.

Принятыя делегатскимъ съѣздомъ рѣшенія быстро дошли до самыхъ глухихъ деревушекъ, и крестьяне съ нетерпѣніемъ ожидали сигнала къ всеобщему

выступленію противъ «кадетской власти». Но Комитетъ Освобожденія и Главный Штабъ, сознавая, что это выступленіе должно явиться рѣшающимъ моментомъ въ затянувшейся борьбѣ крестьянъ съ олицетворявшей реакцію Добрарміей, оттягивали день выступленія, чтобы вполнѣ подготовиться къ рѣшительной схваткѣ.

Главнымъ препятствіемъ къ общему выступленію являлось отсутствіе достаточнаго количества огнестрѣльнаго оружія. Согласно произведеннаго районными штабами учета на 2000 бойцовъ въ крестьянскомъ ополченіи имѣлось всего около 300 трехлинейныхъ винтовокъ, 5 пулеметовъ, 300 берданокъ и 400 дробовыхъ охотничьихъ ружей. Между тѣмъ у добровольцевъ въ Сочинскомъ округѣ было сосредоточено около 2500 штыковъ, 8 орудій и болѣе 30 пулеметовъ.

Когда крестьянамъ сталъ извѣстенъ приказъ о новой мобилизаціи, они стали требовать немедленнаго выступленія, говоря, что въ противномъ случаѣ въ селенія вновь явятся карательные добровольческіе отряды и каждому селенію придется самостоятельно вступать въ бой съ этими отрядами.

На мои замѣчанія, что у насъ мало оружія и совсѣмъ нѣтъ артиллеріи, крестьяне отвѣчали съ увѣренностью, что разъ у добровольцевъ имѣются и пушки и пулеметы — то намъ не о чемъ безпокоиться, ибо послѣ перваго-же боя добрая часть этого оружія перейдетъ въ руки крестьянъ.

— Цѣлый годъ такъ воюемъ, говорили крестьяне: по началу почти съ голыми руками отъ кадетъ отбивались, а за лѣто, смотришь, и разбогатѣли — пять пулеметовъ и больше сотни винтовокъ отъ «кадетъ» добыли. А теперь, коль дружно ударимъ — и на бабъ оружія наберемъ!

Главному Штабу пришлось уступить и назначить общее выступленіе на 26-е января 1920 года.

На состоявшемся 20 января совѣщаніи съ командирами дружинъ и представителями районныхъ штабовъ былъ выработанъ слѣдующій планъ выступленія:

6 ротъ съ 5-ю пулеметами, сосредоточившись въ «нейтральной зонѣ», атакуютъ на разсвѣтѣ лѣвый флангъ добровольческой позиціи на рѣкѣ Псоу. Двѣ роты совершатъ горами глубокій обходъ этой позиціи и, одновременно съ фронтальной атакой, займутъ въ тылу у добровольцевъ мостъ черезъ рѣку Мзымту у селенія Молдовки. Въ ночь передъ атакой отряды Волковскаго и Хостинскаго районныхъ штабовъ перерѣжутъ телеграфные и телефонные провода между Туапсе и Сочи и между Сочи и Адлеромъ, завалятъ шоссе деревьями и, прервавъ всѣ сообщенія между штабами и войсковыми частями, произведутъ нападенія на тыловые гарнизоны, склады оружія и продовольствія.

За день до назначеннаго срока погода внезапно испортилась и выпавшій въ горахъ глубокій снѣгъ задержалъ продвиженіе обходной колонны. Начальникъ этой колонны — подпрапорщикъ Рощенко извѣстилъ меня о неожиданной задержкѣ и просилъ назначить днемъ генеральной атаки — 28-е января, ручаясь, что, несмотря ни на какія препятствія, онъ къ разсвѣту этого дня выйдетъ къ селенію Молдовка и захватитъ мостъ черезъ Мзымту.

Пришлось отложить выступленіе на два дня.

Между тѣмъ вѣсть объ этомъ выступленіи разнеслась по всѣмъ деревнямъ и горнымъ поселкамъ Сочинскаго округа и была встрѣчена крестьянами съ живѣйшей радостью. Все крестьянское населеніе отъ стариковъ до подростковъ, отъ мужчинъ до женщинъ, приготовилось такъ или иначе участвовать въ этомъ долгожданномъ выступленіи. Никто изъ нихъ не сомнѣвался въ успѣхѣ и, без-

условно, такая увѣренность во многомъ способствовала одержанной нами черезъ нѣсколько дней побѣдѣ.

Признаюсь — у меня были кое-какія сомнѣнія; я больше всего опасался нарушенія и безъ того слабой связи между разбросанными на большомъ другъ отъ друга разстояніи дружинами и отрядами. И, хотя неопытность и нерасторопность начальника связи Михлина дѣйствительно явилась причиной того, что въ одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ боя связь между штабомъ и дружинами оказалась прерванной, но точное исполненіе частями отданныхъ передъ атакой распоряженій и эта увѣренность ополченцевъ въ успѣхѣ — привели насъ все-таки къ полной побѣдѣ надъ добровольцами.

Весь планъ атаки былъ основанъ на глубокомъ обходѣ отрядомъ Рощенко лѣваго фланга добровольческой позиціи. Обходъ этотъ долженъ былъ быть совершенъ по непроходимымъ снѣговымъ вершинамъ Кавказскаго горнаго хребта, причемъ отряду Рощенко предстояло перевалить черезъ самую высокую въ этомъ районѣ гору Дзыхру. Флангъ добровольцевъ упирался въ эту гору, которая считалась добровольческимъ командованіемъ безусловно неприступной и непроходимой, особенно въ зимнее время. Но то, что было невозможнымъ для привыкшихъ къ полевой войнѣ на равнинахъ Россіи солдатъ Добровольческой арміи, являлось вполнѣ осуществимымъ для родившихся въ горахъ ополченцевъ — крестьянъ. Благодаря этому успѣшно выполненному, поистинѣ Суворовскому, переходу — составленный штабомъ планъ атаки удался во всѣхъ деталяхъ.

За нѣсколько дней до выступленія, ко мнѣ явились нѣсколько Сочинскихъ грузинъ, заявившихъ, что они не могутъ оставаться безучастными зрителями предстоящаго боя и просятъ разрѣшить сформировать особый грузинскій отрядъ, который и поступитъ въ полное мое распоряженіе. Не считая обходной колонны Рощенко, у меня было всего 420 штыковъ, поэтому каждый лишній человѣкъ, и главное — каждая лишняя винтовка, были мнѣ чрезвычайно дороги. Я съ радостью согласился — и черезъ день «армія» моя усилилась еще 70-ю великолѣпно вооруженными грузинами.

Какъ я уже говорилъ раньше, грузинскія войска, выбивъ добровольцевъ изъ Гагръ, принуждены были остановиться на прежней границѣ Кутаисской губерніи — рѣчкѣ Мехадырѣ, протекающей у селенія Пиленкова, въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ Гагръ. Селеніе Пиленково расположено на лѣвомъ берегу Мехадыря, на которомъ стояли передовые грузинскіе посты. Главная позиція грузинъ находилась въ одной верстѣ къ югу отъ Пиленкова, такъ-что селеніе лежало между позиціей и передовыми аванпостами. Добровольческая позиція находилась на правомъ берегу рѣки Псоу, въ пяти верстахъ къ сѣверу отъ Пиленкова, и пятиверстная нейтральная зона между рѣками Мехадыремъ и Псоу, не была занята ни грузинскими, ни добровольческими войсками. Эта нейтральная зона и была мною выбрана для концентраціи назначенныхъ для фронтальной атаки дружинъ.

Грузинское командованіе безусловно замѣтило наши приготовленія, но такъ какъ грузины сами находились въ состояніи войны съ добровольцами, то они рѣшили не обращать на насъ вниманія. Я думаю, что если-бы грузины не боялись англичанъ, зорко слѣдившихъ за Гагринскимъ фронтомъ и предупредившихъ грузинское командованіе, что новое наступленіе противъ Деникина будетъ ими разсматриваться, какъ враждебный противъ Англійскаго правительства шагъ, — они оказали-бы намъ самую широкую поддержку въ нашемъ выступленіи. Но

такъ какъ грузины были связаны англійскимъ предупрежденіемъ, то намъ приходилось дѣйствовать крайне осторожно и не обнаруживать своихъ плановъ.

Добровольческая позиція по правому берегу рѣки Псоу (отъ берега моря до подножія горы Дзыхры) тянулась примѣрно на 12 верстъ и была занята тремя баталіонами при 4-хъ орудіяхъ и 12 пулеметахъ. Правофланговый баталіонъ былъ расположенъ въ селеніи Веселомъ, средній — въ селеніи Шиловкѣ и лѣвофланговый — въ деревнѣ Михельрипшъ. Кромѣ этихъ находившихся на передовой линіи войскъ, въ Адлерѣ (8 верстъ отъ Веселаго) стояли два баталіона и батарея и въ селеніи Молодовка (у моста черезъ рѣку Мзымту) — одна рота. Въ тылу у добровольцевъ находились гарнизоны: Сочи — армянскій баталіонъ, комендантская рота и сотня казаковъ и Хосты — одна рота. Эти войсковыя части составляли 52-ю отдѣльную пѣхотную бригаду Добровольческой арміи.

Согласно отданному мною приказу, шесть ротъ 1-й, 2-й и 3-й дружинъ крестьянскаго ополченія, подъ общимъ начальствомъ Учадзе, должны были на разсвѣтѣ 28-го января переправиться вбродъ черезъ Псоу и атаковать лѣвофланговый баталіонъ добровольцевъ у Михельрипша. Одновременно съ этимъ грузинскій отрядъ въ 70 штыковъ при одномъ пулеметѣ долженъ былъ оттянуть на себя вниманіе правофланговаго баталіона, произведя демонстративное наступленіе на Веселое. Въ случаѣ, если-бы находившійся въ Веселомъ баталіонъ, узнавъ о занятіи отрядомъ Рощенко моста черезъ Мзымту, сталъ-бы отступать по прямой дорогѣ на Адлеръ, грузинскій отрядъ долженъ былъ занять Веселое и, соединившись здѣсь со 2-й дружиной, двинуться кратчайшимъ путемъ къ Молдовскому мосту, гдѣ соединиться съ Рощенко для того, чтобы отрѣзать дальнѣйшій путь отступленія Шиловскому и Михельрипшинскому баталіонамъ добровольцевъ.

Вначалѣ я предполагалъ находиться при главныхъ силахъ, но затѣмъ рѣшилъ, ввиду малочисленности грузинскаго отряда и крайне важной возложенной на него задачи — находиться при грузинахъ. Въ ночь на 28-е января грузинскій отрядъ незамѣтно пробрался въ поселокъ Ермоловскъ, откуда и долженъ былъ начать демострацію. Начальнику связи Михлину приказано было соединить меня полевымъ телефономъ съ Учадзе, дружины котораго ночью-же заняли селеніе Сулево (въ 7 верстахъ отъ Ермоловска).

Ночью въ штабъ, находившійся близъ Ермоловска, стали со всѣхъ сторонъ стекаться крестьяне ближайшихъ деревень. Ни у кого изъ нихъ оружія не было, такъ какъ всѣ вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ крестьяне находились въ рядахъ дружинъ. Но и оставшіеся безъ оружія хотѣли такъ или иначе участвовать въ наступленіи, почему и явились въ штабъ за распоряженіями.

Михлинъ, проводившій телефонъ между мною и Учадзе, заблудился въ лѣсу и я оказался безъ всякой связи съ главными силами. Тутъ-то мнѣ и пригодились безоружные крестьяне, съ помощью которыхъ, правда уже къ концу боя, удалось установить линію летучей почты. Часть крестьянъ явилась съ подводами, предоставивъ ихъ для нуждъ обоза. Одновременно съ мужчинами пришли и бабы, принесшія съ собой цѣлыя груды хлѣба, сала, пироговъ и яицъ — для угощенія ополченцевъ.

Всѣ они пришли точно на праздникъ, весело разговаривая и смѣясь между собой, несмотря на то, что у большинства изъ нихъ — мужья и сыновья находились въ дружинахъ и черезъ нѣсколько часовъ должны были вступить въ бой.

— Неужели вамъ не страшно самимъ и вы не боитесь за своихъ мужей, спросилъ я одну изъ нашихъ маркитантокъ.

— Мы ужъ привычныя, отвѣчала баба: сколько разъ за лѣто подъ пулями «кадетскими» побывали. А сейчасъ — все рѣшится сразу, какъ наши «кадетовъ» погонятъ. Вотъ, дастъ Богъ, и конецъ нашимъ страданьямъ придетъ... А ужъ коль послѣ этого «кадеты» вновь явятся — то и мы всѣ, бабы, въ отрядъ пойдемъ... Помремъ, а не пустимъ ихъ къ намъ!

И такой всеобщій подъемъ внушалъ твердую увѣренность въ успѣхѣ довольно рискованнаго предпріятія. Глядя на этихъ бабъ, я понималъ, почему крестьяне не сомнѣваются въ томъ, что мы одержимъ побѣду.

Наступалъ разсвѣтъ. Михлина съ телефономъ все еще не было, и я сталъ волноваться, такъ-какъ условился съ Учадзе получать отъ него каждыя 15 минутъ донесенія о ходѣ атаки на Михельрипшъ.

Грузинскій отрядъ подошелъ кустами къ Веселовскому мосту, на которомъ стоялъ сильный караулъ добровольцевъ съ двумя пулеметами. Нужно было начать демонстрацію.

Рѣзко прозвучалъ первый выстрѣлъ съ нашей стороны, за нимъ второй, третій и вскорѣ затрещала оживленная перестрѣлка. Въ Веселомъ началось движеніе. Солдаты выскакивали изъ избъ и, пристегивая на ходу аммуницію, строились въ ряды.

Со стороны стоявшаго на мосту добровольческаго караула раздалось нѣсколько выстрѣловъ, заговорилъ пулеметъ и вдругъ замолкъ. Мы также прекратили огонь и цѣпь стала, прикрываясь кустами, продвигаться по-ближе къ мосту.

Стало совсѣмъ свѣтло и... мы увидали надъ мостомъ бѣлый флагъ.

70 грузинъ, составлявшихъ мой небольшой отрядъ, разсыпались цѣпью на цѣлую версту. У моста оставалось всего 10 человѣкъ съ пулеметомъ. Находившійся при нихъ бывшій офицеръ Гурули вышелъ впередъ и предложилъ столпившимся на мосту солдатамъ перенести пулеметы на нашу сторону. Добровольцы тотчасъ-же исполнили это приказаніе. Тогда 10 человѣкъ вошли на мостъ и стали разоружать находившуюся тамъ роту, которая тотчасъ-же сложила оружіе. Мы были удивлены, но черезъ нѣсколько минутъ выяснилось, что сдача Веселовскаго гарнизона вызвана только-что полученнымъ сообщеніемъ о томъ, что большой отрядъ «зеленыхъ» внезапно атаковалъ Молдовку, захватилъ мирно спавшую тамъ роту и овладѣлъ переправами черезъ Мзымту. Добровольцы поняли, что они окружены и рѣшили сдаться; только нѣсколько человѣкъ съ баталіоннымъ и ротными командирами во главѣ, бросились бѣжать по прямой дорогѣ на Адлерскій паромъ, въ надеждѣ успѣть присоединиться къ Адлерскому гарнизону.

Собравъ свой отрядъ я вступилъ въ Веселое, гдѣ началась сдача оружія сдавшимся въ плѣнъ баталіономъ.

Однако, я сильно безпокоился за исходъ атаки Михельрипша. Посланные мною къ Учадзе верховые не возвращались. Я понялъ, что «зеленые», захватившіе Молдовскій мостъ, — это отрядъ Рощенко, но между мною и имъ находилась еще занятая баталіономъ добровольцевъ деревня Шиловка, гарнизонъ которой могъ ежеминутно придти, услыхавъ выстрѣлы, на помощь Весловскому баталіону.

И дѣйствительно, только-что мои люди приступили къ подсчету сданныхъ плѣнными винтовокъ, какъ на опушкѣ деревни затрещалъ пулеметъ. Плѣнные начали шептаться и я представлялъ себѣ, какъ они, убѣдившись въ нашей малочисленности, схватятъ валяющіеся на землѣ винтовки и — роли наши перемѣнятся...

Но вдругъ выстрѣлы стихли и на ближайшемъ пригоркѣ показался нашъ — красный съ зеленымъ крестомъ — флагъ крестьянскаго ополченія. Это была 2-я дружина Дзидзигури, который, выполняя диспозицію, послѣ атаки Михельрипша двинулся къ Веселому на поддержку грузинскому отряду. Огонь по Веселому былъ имъ открытъ для того, чтобы отвлечь на себя вниманіе добровольцевъ, которые, по его мнѣнію, должны были сильно тѣснить грузинскій отрядъ.

Отъ Дзидзигури я узналъ, что послѣ незначительнаго сопротивленія Михельрипшъ занятъ 1-й и 3-й дружинами, потерявшими всего одного ополченца убитымъ и трехъ ранеными. Въ дружинѣ Дзидзигури былъ одинъ легко и одинъ тяжело раненый. По словамъ Дзидзигури всѣ три находившіяся въ Михельрипшѣ добровольческія роты взяты въ плѣнъ. Что-же касается Шиловскаго гарнизона, то онъ въ паникѣ бѣжалъ къ Молдовскому мосту, преслѣдуемый дружинами Учадзе.

Черезъ нѣсколько минутъ плѣнные были сданы мною Веселовскому старостѣ, которому я передалъ для вооруженія крестьянъ часть захваченныхъ нами винтовокъ. Дружину Дзидзигури и грузинскій отрядъ я повелъ по кратчайшему пути на Адлеръ, въ которомъ находились резервы добровольцевъ и батареи.

За колонной двигались три нагруженныя винтовками повозки и не отстававшія ни на шагъ отъ насъ бабы-маркитантки.

Подойдя къ Адлеру, мы услыхали пушечные выстрѣлы, доносившіеся со стороны Хосты. Позднѣе выяснилось, что это стрѣляла отступившая изъ Адлера батарея, атакованная на дорогѣ нашей Хостинской ротой.

Подойдя къ берегу рѣки Мзымты, я разсыпалъ цѣпь, ожидая встрѣтить здѣсь сопротивленіе со стороны Адлерскаго гарнизона. Однако, посланная впередъ развѣдка выяснила, что весь Адлерскій гарнизонъ бѣжалъ и городъ никѣмъ не занятъ.

Мы вступили въ Адлеръ, откуда мнѣ наконецъ удалось установить связь съ присоединившимися къ отряду Рощенко дружинами Учадзе.

Къ вечеру всѣ наши силы сосредоточились въ районѣ Адлера, а авангардъ выдвинулся на нѣсколько верстъ впередъ по направленію къ Хостѣ, откуда все еще доносились рѣдкіе пушечные выстрѣлы.

Черезъ нѣсколько часовъ канонада стихла, а ночью въ штабъ прибылъ съ донесеніемъ ординарецъ Хостинскаго районнаго штаба, сообщившій о томъ, что Хостинская рота, подъ начальствомъ крестьянина Петра Блохнина, одновременно съ нашей фронтальной атакой напала на Хостинскій гарнизонъ, захватила его въ плѣнъ и овладѣла складомъ оружія и патроновъ. Вооруживъ взятыми трофеями второочередную Хостинскую роту, Блохнинъ двинулся па Адлеръ и по дорогѣ встрѣтился съ бѣжавшимъ изъ Адлера гарнизономъ, съ которымъ и вступилъ въ бой. Бой закончился поздно вечеромъ тѣмъ, что часть добровольцевъ пробилась въ Сочи, но въ рукахъ у Хостинцевъ осталась брошенная ими четырехъ-орудійная батарея. Хостинцы потеряли нѣсколько человѣкъ убитыми и въ томъ числѣ — члена организаціоннаго крестьянскаго комитета и предсѣдателя Хостинскаго районнаго штаба В. Т. Васильева.

Такимъ образомъ предчувствія крестьянъ вполнѣ оправдались: мы одержали блестящую побѣду, захвативъ около 600 плѣнныхъ, 4 пушки, 12 пулеметовъ и около 1000 винтовокъ. Оправдалось также и другое предсказаніе крестьянъ: побѣда дала намъ столько оружія, что послѣ вооруженія второочередныхъ ротъ можно было-бы вполнѣ надѣлить винтовками даже бабъ.

XV

1-го февраля крестьянское ополченіе подошло къ селенію Мацеста (въ 12 верстахъ къ югу отъ Сочи) и дружины мои заняли позицію по лѣвому берегу рѣки Гнилушки. На правомъ берегу этой рѣчки укрѣпились отступившіе изъ Адлера остатки 52-й отдѣльной пѣхотной бригады Добровольческой арміи, усиленные прибывшимъ изъ Сочи армянскимъ баталіономъ и сотней кубанскихъ казаковъ.

Хотя моя «армія» пополнилась двумя Хостинскими ротами и ротой плѣнныхъ добровольцевъ, которые въ Адлерѣ упросили штабъ вернуть имъ оружіе и позволить въ бою искупить ихъ невольные грѣхи передъ Черноморскимъ крестьянствомъ, однако на позиціи у меня находилось всего 600 бойцовъ. Самый лучшій отрядъ Рощенко послѣ взятія Адлера пришлось на три дня распустить по домамъ, такъ-какъ его ополченцы, совершившіе трудный обходъ лѣваго фланга добровольцевъ, совершенно выбились изъ силъ. Нѣкоторые изъ людей Рощенко сильно обморозились и ихъ пришлось помѣстить въ Адлерскій полевой лазаретъ. Несмотря на малочисленность моей «арміи» я не безпокоился о дальнѣйшей судьбѣ нашего похода на Сочи, такъ-какъ одержанная подъ Адлеромъ побѣда еще больше подняла духъ ополченцевъ, а кромѣ того я зналъ, что въ случаѣ надобности районные штабы, получившіе теперь достаточно оружія и патроновъ, немедленно пришлютъ мнѣ нѣсколько второочередныхъ ротъ пополненія.

Непріятель нѣсколько дней не проявлялъ никакой активности, и мы отдыхали, выставивъ сильное сторожевое охраненіе на позиціи и готовясь къ новому наступленію. Такая война съ двухъ и трехъ-дневными перерывами являлась одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашей крестьянской милиціи. Выдержавъ успѣшный бой, большая часть ополченцевъ всегда просилась на нѣсколько дней домой, отдыхала въ своихъ деревняхъ и, набравшись новыхъ силъ, возвращалась на позиціи. Не было ни одного случая, чтобы кто нибудь изъ ополченцевъ опаздывалъ изъ такого отпуска, за чѣмъ также строго слѣдили районные Штабы.

Во время этого перваго отдыха штабъ мой помѣщался въ городкѣ Хоста, одномъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ Черноморья, утопавшемъ въ зелени садовъ и парковъ. Большой красный флагъ съ зеленымъ крестомъ развѣвался надъ штабной дачей, около которой съ важнымъ видомъ похаживалъ солидный бородачъ въ постолахъ (лапти изъ козьей шкуры), домотканномъ зипунѣ и тщательно вычищенной, блестѣвшей на солнцѣ трехлинейной винтовкой. Въ двухъ другихъ сосѣднихъ дачахъ кипѣла лихорадочная работа нашего главнаго интендантства. Сюда все время подъѣзжали подводы окрестныхъ поселянъ, добровольно привозившихъ для нуждъ ополченія кукурузную муку, хлѣбъ, сало и другіе продукты. Главный штабъ раздавалъ представителямъ районныхъ штабовъ захваченные у добровольцевъ винтовки и патроны.

Хостинскіе обыватели, напуганные разсказами, умышленно распространявшимися добровольческими властями, готовились къ самымъ ужаснымъ переживаніямъ. Велико было ихъ изумленіе, когда вмѣсто ожидаемыхъ кровожадныхъ грабителей, они увидѣли въ Хостѣ вооруженныхъ мѣстныхъ поселянъ, которыхъ два раза въ недѣлю встрѣчали раньше на базарѣ . . .

На перекресткахъ улицъ и на афишныхъ столбахъ были расклеены воззванія Комитета Освобожденія, въ которыхъ населеніе извѣщалось о новой власти и приглашалось спокойно продолжать свои мирныя занятія. Комитетъ Освобо-

жденія находился пока въ Адлерѣ и организовывалъ администрацію и гражданское управленіе въ южной части занятаго нами Сочинскаго округа. Въ Хостѣ-же и ближайшей къ фронту полосѣ всю власть осуществлялъ Хостинскій районный штабъ, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ отличившійся во время занятія Хосты крестьянинъ селенія Кудепсты — Петръ Павловичъ Блохнинъ. Имя Блохнина было хорошо извѣстно въ округѣ, благодаря одержанной имъ лѣтомъ 1918 года побѣдѣ надъ Екатеринодарскими красноармейцами. Блохнинъ оказался не только отличнымъ партизаномъ, но также и очень хорошимъ администраторомъ. За двухдневное пребываніе въ Хостѣ я все время наблюдалъ какъ предсѣдатель районнаго штаба носился верхомъ и пѣшкомъ по городку и окрестнымъ селеніямъ, распоряжался починкой разрушенныхъ при отступленіи добровольцевъ мостовъ, возстановленіемъ телеграфной линіи, мирилъ поссорившихся другъ съ другомъ обывателей, распредѣлялъ между отдыхавшими въ Хостѣ резервами продукты. Я видѣлъ также, какимъ всеобщимъ уваженіемъ пользовался Блохнинъ среди крестьянъ и другихъ Хотинскихъ жителей, безпрекословно исполнявшихъ всѣ его приказанія. Здѣсь-же я могъ наблюдать и за дѣятельностью районнаго штаба, легко справлявшагося съ возложенной на него задачей учета бойцовъ, подводъ, оружія и продуктовъ.

Однако, необходимо было снова перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, такъ-какъ сформированные въ тылу у непріятеля районные штабы стали насъ торопить, донося о сосредоточеніи добровольческихъ подкрѣпленій въ Туапсе, которыя со дня на день должны были выступить на усиленіе Сочинскаго фронта. Поэтому 1-го февраля я отдалъ приказъ о переходѣ въ дальнѣйшее наступленіе.

Силы добровольцевъ, укрѣпившихся на правомъ берегу Гнилушки, состояли изъ четырехъ баталіоновъ, сотни казаковъ и одной четырехъ-орудійной горной батареи. Мы рѣшили овладѣть ихъ позиціей прибѣгнувъ опять къ глубокому обходу лѣваго фланга, который снова, какъ и на Псоу, упирался въ горы и поэтому считался вполнѣ обезпеченнымъ отъ обхода.

Въ обходъ были посланы двѣ Хостинскія роты съ 4-мя пулеметами, а оставшіеся на фронтѣ 450 ополченцевъ должны были произвести усиленную демонстрацію. Назначенныя въ обходъ роты выступили съ ранняго утра и, по моимъ расчетамъ, должны были обойти флангъ противника и выйти ему въ тылъ къ 2 часамъ дня. Къ этому-же времени должна была начаться фронтальная демонстрація.

Первый выстрѣлъ съ нашей стороны раздался ровно въ 2 часа дня и добровольцы тотчасъ-же открыли по нашему расположенію сильный артиллерійскій обстрѣлъ. Въ отвѣтъ затрещали наши пулеметы и оживленная перестрѣлка завязалась по всему фронту. Одинъ изъ непріятельскихъ снарядовъ угодилъ въ каменный заборъ дачи Зензинова, у котораго находился наспѣхъ вырытый окопчикъ для 2-хъ пулеметовъ. Снарядъ исковеркалъ одинъ пулеметъ и убилъ пять пулеметчиковъ. Ополченцы заволновались и стали требовать немедленнаго перехода въ атаку.

— Чего тутъ зря сидѣть и ждать пока «кадеты» насъ всѣхъ перебьютъ... Дозвольте перейти Гнилушку — мы ихъ однимъ духомъ выбьемъ и погонимъ до самыхъ Сочи...

Въ это время раздалась сильная перестрѣлка въ тылу противника: Хостинскія роты вышли въ тылъ добровольческой позиціи.

Съ громкимъ «ура», безъ всякой команды, ловко перепрыгивая съ камня на камень, спустились стоявшіе на фронтѣ ополченцы, по поясъ въ водѣ пере-

правились черезъ рѣчку и начали карабкаться на противуположный, занятый армянскимъ баталіономъ, берегъ. Вспыхнувшая съ новой силой ружейная перестрѣлка прекратилась черезъ двѣ-три минуты и сильно укрѣпленная позиція добровольцевъ была занята нами. Непріятель, бросивъ двѣ пушки и нѣсколько пулеметовъ, сталъ быстро отступать по Сочинскому шоссе.

Мои ополченцы, разгоряченные боемъ, досадовали, что «кадеты» успѣли увезти остальныя двѣ пушки, но черезъ часъ и эти пушки оказались въ нашихъ рукахъ.

Призошло это слѣдующимъ образомъ: увлекшіеся преслѣдованіемъ отступавшаго противника, три ополченца Хостинской роты, отдѣлившись отъ своихъ товарищей, залегли за высокой скалой надъ самымъ шоссе. Увидавъ показавшуюся изъ-за поворота отступавшую колонну добровольцевъ, они открыли по ней мѣткій ружейный огонь изъ трехъ винтовокъ. Колонна остановилась и выкинула бѣлый флагъ. Тогда одинъ изъ ополченцевъ спустился со скалы и вступилъ въ переговоры съ начальникомъ колонны. Ополченецъ согласился пропустить въ Сочи всю колонну, при условіи сдачи двухъ пушекъ. Добровольцы съ радостью согласились на такое условіе, передали ополченцу оба замка и, тѣснимые съ тылу продвигавшимися вслѣдъ за ними дружинами, бросились дальше по Сочинскому шоссе. Тогда два ополченца остались сторожить захваченныя ими орудія, а третій побѣжалъ къ намъ съ донесеніемъ.

Утромъ 2-го февраля мы подошли къ самому Сочи и остановились въ селеніи Нижне-Раздольномъ (въ 2-хъ верстахъ къ югу отъ города). Непріятель занималъ опушку знаменитаго Худяковскаго парка и возвышенную окраину Сочи, гдѣ предполагалъ обороняться до прибытія выступившихъ уже изъ Туапсе подкрѣпленій. Мы стали быстро окружать городъ и къ 8 часамъ вечера наши роты тѣснымъ кольцомъ окружили противника. Рота Волковскаго районнаго штаба къ этому времени вышла на Туапсинское шоссе и подходила къ Сочи съ сѣвера. Ополченцы просили разрѣшенія немедленно-же ворваться въ городъ, но штабъ, не желавшій подвергать мирное населеніе Сочи опасностямъ ночного боя въ самомъ городѣ, рѣшилъ отложить занятіе Сочи до утра.

Развѣдчики доносили намъ о царившей въ городѣ паникѣ и полной расстерянности добровольческаго командованія. Въ этой растерянности мы сами скоро убѣдились.

Штабъ мой занялъ дачу инженера Николаева, соединенную телефономъ съ гостиницей «Ривьера», въ которой помѣщался начальникъ обороны полковникъ Брунъ. Кто-то изъ нашихъ штабныхъ офицеровъ позвонилъ по телефону и вызвалъ Бруна.

— Господинъ полковникъ, «зеленые» сильно тѣснятъ насъ, пришлите намъ въ Худяковскій паркъ подкрѣпленіе . . .

— Откуда я вамъ достану подкрѣпленій, меня самого со всѣхъ сторонъ тѣснятъ, отвѣчалъ съ отчаяніемъ начальникъ обороны: всѣ потеряли головы, никто не исполняетъ приказаній и, если къ утру не прибудетъ изъ Туапсе отрядъ Жуковскаго — я брошу городъ.

— А гдѣ находится полковникъ Жуковскій?

— Почемъ я знаю, никакой связи у меня съ нимъ нѣтъ: вѣдь эти «зеленые черти» перерѣзали всѣ телефонные и телеграфные провода съ Туапсе . . .

Изъ этого разговора мы поняли, что никакого сопротивленія утромъ при занятіи города не встрѣтимъ. Такъ оно и случилось.

До самаго утра вокругъ города раздавались рѣдкіе ружейные выстрѣлы

противника, на которые мы не отвѣчали. Стало свѣтать, выстрѣлы стихли, на фронтѣ царила полнѣйшая тишина. Я отдалъ приказъ первой дружинѣ втягиваться въ городъ, выславъ впередъ сильные патрули. Надъ одной изъ крайнихъ дачъ взвился бѣлый флагъ. Патрули вошли въ городъ, не встрѣчая никакого сопротивленія. Вмѣстѣ съ командиромъ дружины я подошелъ къ дачѣ, гдѣ былъ выкинутъ бѣлый флагъ и увидѣлъ человѣкъ пятьдесятъ бородатыхъ кубанцевъ.

— Простите, товарищи, не знаемъ, какъ васъ величать, подошелъ къ намъ одинъ изъ нихъ: намъ дѣваться некуда, начальство еще ночью куда-то убѣжало, такъ ужъ вы насъ не обижайте! Сами понимаете — заставляли насъ противъ васъ воевать...

Къ казакамъ подошли ополченцы и, смѣясь, стали ихъ успокаивать:

— Ахъ вы, куркули, чего пужаетесь — звѣри мы, что-ли?

Отобравъ у сдавшихся въ плѣнъ винтовки и приказавъ имъ явиться къ дому окружного начальника, гдѣ предполагалось помѣстить комендантское управленіе, мы двинулись дальше, прошли Худяковскій паркъ и по каменной лѣстницѣ поднялись на Московскую улицу.

Съ волненіемъ вступалъ я въ городъ, съ которымъ у меня были связаны самыя хорошія воспоминанія и который годъ тому назадъ мнѣ пришлось покинуть, благодаря тѣмъ самымъ добровольцамъ, въ паникѣ отступавшимъ теперь передъ командуемой мною крестьянской арміей...

Солнце только-что поднялось изъ-за горъ и привѣтливо освѣщало чистенькія дачи и лакированные листья магнолій и пальмъ. Но улица была пустынной, ставни дачъ были плотно прикрыты, и перепуганные обыватели не показывались изъ своихъ домовъ.

Вдругъ раздались звуки бравурнаго марша и намъ на-встрѣчу показалась небольшая группа стройно марширующихъ, одѣтыхъ въ англійскія шинели, солдатъ. Это былъ оркестръ Сальянскаго полка 52-й бригады, оставленный бѣжавшимъ изъ города штабомъ и рѣшившій съ музыкой перейти на сторону «зеленыхъ».

Патрули мои уже прошли весь городъ и донесли о томъ, что до самой «Ривьеры» никакого непріятеля не встрѣтили. Я поставилъ оркестръ передъ дружиной и подъ звуки марша повелъ своихъ ополченцевъ на базарную площадь.

Огласившая пустынныя улицы города музыка успокоила обывателей. Ставни начали открываться и въ окнахъ появились головы любопытныхъ. На базарѣ собралась порядочная толпа, изъ которой раздавались удивленные и радостные возгласы:

— Никакъ Микита изъ Раздольнаго... А вонъ Климчукъ изъ Измайловки... Да это все наши ребята, гдѣ-же большевики — то?

Въ толпѣ находилось много моихъ старыхъ знакомыхъ, привѣтствовавшихъ меня, и вскорѣ вѣсть, что Сочи занято «своими» быстро облетѣла весь городъ. Обыватели успокоились, открылись лавки и магазины, и городъ принялъ свой обычный видъ.

Продвинувъ авангардъ до селенія Мамайки (въ 6 верстахъ къ сѣв. отъ Сочи), я вернулся въ городъ и расположился со своимъ штабомъ въ гостиницѣ «Ривьера», въ которой всего лишь нѣсколько часовъ тому назадъ помѣщался штабъ добровольцевъ. Здѣсь я узналъ, что, получивъ донесеніе о занятіи Дагомыса (въ 10 верстахъ отъ Сочи по Туапсинскому шоссе) отрядомъ «зеленыхъ», начальникъ обороны полковникъ Брунъ отдалъ въ часъ ночи приказъ спѣшно очистить городъ и двинулся съ остатками 52-й бригады по линіи Черноморской

жел. дороги, опасаясь отступать по занятому «зелеными» шоссе. Весь обозъ и автомобили добровольцевъ остались въ Сочи.

Не успѣлъ я войти въ отведенный мнѣ номеръ, какъ былъ атакованъ десяткомъ плачущихъ дамъ. Это оказались жены отступившихъ съ Бруномъ офицеровъ, которыя не успѣли даже попрощаться со своими мужьями и были перепуганы распущенными кѣмъ-то слухами о происшедшемъ подъ Мамайкой кровопролитномъ боѣ, во время котораго были якобы перебиты всѣ отступившіе изъ Сочи добровольцы. Съ трудомъ удалось мнѣ успокоить взволнованныхъ дамъ и увѣрить ихъ, что никакого боя подъ Мамайкой не было.

— Какъ вамъ не стыдно, сказала мнѣ одна изъ этихъ дамъ: не могли предупредить, что никакихъ большевиковъ у васъ нѣтъ! Если-бы мы знали, что съ вами идутъ крестьяне — мы никуда нашихъ мужей изъ Сочи не пустили бы... А теперь, вотъ ищи ихъ...

Къ вечеру въ Сочи переѣхалъ изъ Адлера Комитетъ Освобожденія, и наши «министеры» (какъ потомъ прозвали членовъ комитета крестьяне) принялись за организацію гражданской власти въ столицѣ Черноморской крестьянской республики. Я былъ занятъ другими вопросами, чисто военными, и не вмѣшивался въ эту дѣятельность Комитета Освобожденія.

Въ первый-же день послѣ занятія Сочи пришлось начать борьбу съ многочисленными плѣнными солдатами Добрарміи, которые разбрелись по окрестностямъ и принялись за грабежи. Воспитанные на постоянно примѣнявшихся добровольческими властями реквизиціяхъ, плѣнные эти врывались въ дома и дачи и, подъ видомъ обысковъ, забирали цѣнныя вещи. Я отдалъ приказъ, запрещающій всякіе обыски, и предупредилъ, что пойманные мародеры будутъ на мѣстѣ разстрѣливаться. Благодаря ополченцамъ Хостинской роты, оставленнымъ мною въ Сочи, грабежи эти удалось прекратить, и всѣ плѣнные добровольцы были сведены въ команды, переданныя въ распоряженіе Сочинскаго коменданта.

XVI

4-го февраля рано утромъ я былъ разбуженъ дежурнымъ вѣстовымъ, сообщившимъ мнѣ, что къ Сочи приближается англійскій миноносецъ. Такъ какъ мы знали, что англичане поддерживаютъ Деникина, то приготовились къ враждебнымъ дѣйствіямъ со стороны англійскаго военнаго суда. Я приказалъ Хостинской ротѣ занять пристань «Русскаго общества», близъ которой стали на позицію два орудія.

Но миноносецъ спокойно подошелъ къ городу, бросилъ якорь и спустилъ шлюпку. Я находился на пристани и разглядѣлъ въ бинокль, какъ въ шлюпку сошли нѣсколько человѣкъ, послѣ чего она понеслась къ пристани. Когда шлюпка подошла къ пристани изъ нея вышли два офицера и десять вооруженныхъ матросовъ.

— Понимаетъ-ли кто нибудь изъ васъ по-англійски или по-французски, спросилъ поднявшійся на пристань майоръ.

Я подошелъ къ нему и отвѣтилъ, что говорю по-французски.

— По приказанію верховнаго комиссара Великобританіи, заявилъ англичанинъ, я долженъ выяснить, кѣмъ занятъ городъ Сочи?

— Сочи занято Черноморскимъ крестьянскимъ ополченіемъ, находящимся въ состояніи войны съ арміей генерала Деникина.

Майоръ обратился къ прибывшимъ съ нимъ матросамъ, скомандовалъ имъ и хотѣлъ пройти въ городъ.

— Простите, господинъ майоръ, обратился я къ нему: ваши люди никуда дальше пристани не будутъ пропущены!

— Мнѣ нужно переговорить съ занявшими Сочи властями, а безъ моего конвоя я не могу пройти къ нимъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ придется разговаривать здѣсь, на пристани!

— Почему-же вы не хотите пропустить мой конвой въ городъ, возмутился майоръ.

— По тѣмъ-же самымъ причинамъ, по которымъ вы не позволили-бы и мнѣ явиться на вашъ миноносецъ съ вооруженными людьми.

Англичанинъ подумалъ немного, перекинулся нѣсколькими словами съ сопровождавшимъ его офицеромъ и снова обратился ко мнѣ:

— Хорошо, я оставлю здѣсь мой конвой и пойду съ вами въ городъ, но знайте, что я — представитель Верховнаго комиссара и, если надо мною будетъ учинено какое-либо насиліе, то суда королевскаго флота не оставятъ камня на камнѣ отъ занятаго вами города!

— Вы имѣете дѣло не съ дикарями, а съ русскими крестьянами, вашими бывшими союзниками, и вы здѣсь не подвергаетесь никакой опасности, отвѣтилъ я майору.

Послѣ этой предварительной бесѣды мы прошли съ англійскими офицерами въ «Ривьеру», гдѣ между ними, предсѣдателемъ Комитета Освобожденія Филиповскимъ и мною состоялся слѣдующій разговоръ:

— Скажите, спросилъ англійскій майоръ, давно-ли русскіе оставили Сочи?

— Сочи находится по-прежнему въ русскихъ рукахъ, изъ города ушли лишь части Добровольческой арміи, изгнанныя отсюда русскими Сочинскими крестьянами.

— Какое участіе приняли въ борьбѣ крестьянъ съ добровольцами грузинскія войска?

— Грузины никакого участія въ этой борьбѣ не принимали.

— Какова ваша политическая программа и какъ относитесь вы къ присоединенію Черноморья къ Россіи?

— Мы всегда стояли на той точкѣ зрѣнія, что Черноморье составляетъ нераздѣльную часть Россіи. Если мы сейчасъ объявили нашу временную самостоятельность, то это вызвано тѣмъ, что мы не желаемъ признавать ни Всероссійской диктатуры генерала Деникина, ни такой-же диктатуры большевиковъ.

— Откуда крестьяне достали столько оружія, чтобы рѣшиться на открытіе военныхъ дѣйствій противъ добровольцевъ?

— Вначалѣ у насъ имѣлось всего 300 винтовокъ и немного патроновъ, но послѣ перваго столкновенія съ добровольцами, мы захватили столько оружія, что имѣли возможность вооружить все крестьянское населеніе округа.

— Извѣстно-ли вамъ, что добровольцы получили оружіе и снаряженіе отъ англичанъ?

— Мы это знаемъ и очень вамъ благодарны за прекрасное обмундированіе, патроны и оружіе, которыми вы черезъ добровольцевъ снабдили насъ.

Англичанинъ покраснѣлъ, промолчалъ нѣсколько минутъ и снова заговорилъ:

— Если вы въ состояніи создать въ Сочинскомъ округѣ твердую власть и поддержать полное спокойствіе, мы готовы признать совершившійся политическій

переворотъ, но требуемъ отъ новой власти гарантій въ томъ, что жизни и имуществу военноплѣнныхъ и иностранцевъ не будетъ угрожать никакой опасности.

— Мы не слѣдуемъ примѣру генерала Деникина и не разстрѣливаемъ плѣнныхъ. Что-же касается имущества иностранныхъ подданныхъ — то до тѣхъ поръ, пока власть будетъ находиться въ рукахъ избраннаго крестьянствомъ правительства, оно также не подвергается никакой опасности. Однако мы не можемъ дать никакихъ гарантій въ неприкосновенности имущества иностранцевъ, въ случаѣ новаго наступленія на Сочи добровольческой арміи.

— Я не думаю, чтобы генералъ Деникинъ предпринялъ новое наступленіе на Сочи и убѣдительно прошу васъ дать мнѣ завѣреніе въ неприкосновенности жизни и имущества плѣнныхъ и иностранцевъ. Въ противномъ случаѣ — мы будемъ вынуждены вмѣшаться въ ваши дѣла съ оружіемъ въ рукахъ.

— Мы еще разъ подтверждаемъ только-что сдѣланное нами заявленіе!

Послѣ этого разговора англичане попросили разрѣшенія пройти въ городъ и посмотрѣть, что въ немъ происходитъ.

Я распорядился подать захваченный у добровольцевъ автомобиль, и гости наши имѣли возможность лично убѣдиться въ полнѣйшемъ спокойствіи и нормальной жизни занятаго «зелеными» города.

Англичане вѣжливо распрощались съ нами, сѣли въ шлюпку и вернулись на свой миноносецъ, который тотчасъ-же поднялъ якорь и ушелъ въ море.

Черезъ нѣсколько дней послѣ занятія Сочи, мнѣ пришлось передать командованіе фронтомъ одному изъ моихъ помощниковъ — служившему ранѣе въ Грузинской Народной Гвардіи подполковнику Г., и принять дѣятельное участіе въ работѣ Комитета Освобожденія, налаживавшаго организацію гражданскаго управленія и экономической жизни освобожденной отъ добровольцевъ территоріи.

Предсѣдатель комитета и большинство его членовъ, между которыми были распредѣлены «министерскіе портфели», являлись пришлыми и незнакомыми съ жизнью Черноморья людьми. Только бывшій предсѣдатель Сочинской городской думы Теръ-Григорьянъ и я были хорошо знакомы съ мѣстными обычаями и довольно сложными взаимоотношеніями между многочисленными національностями, населявшими округъ. Особенно усложнились отношенія русскихъ крестьянъ къ армянскимъ поселянамъ, которые, руководимые армянской партіей «Дашнакцакановъ», поддерживали добровольцевъ и нарушали постановленія остального крестьянскаго населенія. Послѣ пораженія добровольцевъ армяне круто измѣнили свой политическій курсъ и попытались возстановить прежнія дружественныя отношенія съ русскими крестьянами. Но послѣдніе не желали мириться съ бывшими союзниками «кадетъ» и относились къ нимъ съ нескрываемой враждой. Поговаривали о готовящемся погромѣ армянъ. А между тѣмъ, война съ добровольцами была еще далеко не законченной и намъ ни въ коемъ случаѣ нельзя было допустить какихъ-либо безпорядковъ въ тылу фронта. Кромѣ того я, какъ предсѣдатель Главнаго Штаба крестьянскаго ополченія, исполнялъ, громко говоря, обязанности «военнаго министра», или-же, по-просту, обязанности окружного воинскаго начальника. Отсутствіе дѣятельныхъ помощниковъ и даже простыхъ писарей заставляло меня съ утра до вечера заниматься въ канцеляріи штаба, инструктировать пріѣзжавшихъ за разъясненіями представителей районныхъ штабовъ и лично вмѣшиваться и вникать во всякія мелочи.

Наладивъ кое-какъ канцелярскую работу и дѣятельность интендантскаго отдѣла, я на нѣсколько дней выѣхалъ изъ Сочи для объѣзда районныхъ штабовъ. Во всѣхъ деревняхъ, въ которыя я пріѣзжалъ, собирались сходы, обсуждавшіе

политическое положеніе, создавшееся съ пораженіемъ добровольцевъ и успѣшнымъ продвиженіемъ на Кубань красной арміи.

Крестьяне инстинктивно чувствовали, что въ случаѣ занятія большевиками Кубанской области, Черноморью не миновать новыхъ испытаній.

— Прежде всего намъ нужно совсѣмъ выгнать «кадетъ» съ Черноморья, говорили они, а потомъ договориться съ казаками. Если Рада возьметъ въ свои руки власть на Кубани — всѣ казаки стѣной встанутъ на защиту своихъ станицъ. А коль мы объединимся съ Кубанью, — то большевики ничего съ нами не смогутъ подѣлать.

На каждомъ сходѣ принимались резолюціи — продолжать борьбу съ Деникинцами и одновременно съ этой борьбой приступить къ переговорамъ съ Кубанской Радой, на предметъ образованія Кубано-Черноморской крестьянско-казачьей республики.

Къ сожалѣнію попытки такого соглашенія съ Радой остались безрезультатными. Съ одной стороны Кубанскіе политики не рѣшались открыто выступить противъ правительства Деникина и, какъ всегда, колебались въ своихъ оріентаціяхъ.

— Еще неизвѣстно, чья возьметъ, говорили представители Кубанскаго казачества: вотъ англичане заявляютъ, что будутъ помогать только Деникину. Можетъ-быть съ помощью англичанъ Деникину удастся снова разбить большевиковъ . . .

Съ другой стороны наши Черноморскіе «министры» были увѣрены, что, занявъ Кубань, красная армія не двинется дальше въ предѣлы Черноморья и что большевики никогда не рѣшатся вступить въ борьбу съ крестьянской властью. Поэтому они не были склонны къ какимъ-то переговорамъ съ колеблющимися Кубанскими политиками. Только ввиду моихъ настойчивыхъ требованій, подкрѣпленныхъ многочисленными резолюціями крестьянскихъ сходовъ, Комитетъ Освобожденія обратился, наконецъ, 9-го февраля по радіо къ Кубанской Радѣ, предлагая ей установить добрососѣдскія отношенія. Какъ оказалось впослѣдствіи, эта радіограмма была перехвачена Штабомъ Добрарміи и не была передана по назначенію.

На обратномъ пути въ Сочи я узналъ о томъ, что послѣ ликвидаціи добровольческаго фронта на рѣкѣ Псоу, грузинскія военныя власти стали разсматривать прежнюю «нейтральную зону», какъ часть грузинской территоріи. Между тѣмъ Грузинское правительство неоднократно заявляло, что считаетъ рѣку Мехадырь границей между Грузіей и Сочинскимъ округомъ, а нейтральная зона лежала къ сѣверу отъ этой границы и безспорно отходила къ Сочинскому округу. Но военныя грузинскія власти почему-то рѣшили продвинуть свою границу до рѣки Псоу и, занявъ нейтральную зону постами, требовали отъ крестьянъ пяти селеній, находившихся въ этой зонѣ, подчиненія всѣмъ распоряженіямъ грузинскаго коменданта. Крестьяне заявляли, что ничьихъ распоряженій, кромѣ избраннаго ими Комитета Освобожденія, они исполнять не будутъ и не желаютъ. На этой почвѣ стали возникать конфликты, которые необходимо было немедленно-же ликвидировать.

Узнавъ объ этомъ я рѣшилъ съѣздить въ Гагры и переговорить съ командовавшимъ грузинскими войсками генераломъ Артмеладзе, а также, если-бы это оказалось недостаточнымъ —то снестись по прямому проводу съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Грузинской республики Е. П. Гегечкори.

Принявъ такое рѣшеніе я въ тотъ-же день вечеромъ пріѣхалъ въ Гагры, гдѣ засталъ грузинскаго министра внутреннихъ дѣлъ Н. В. Рамишвилли, случайно заѣхавшаго сюда изъ Сухума.

Какъ я и предполагалъ пограничный конфликтъ былъ быстро улаженъ. Грузинское правительство отнюдь не хотѣло расширять своей территоріи за счетъ Сочинскаго округа, и генералъ Артмеладзе тотчасъ-же распорядился очистить нейтральную зону, занятую самочинно командиромъ одного изъ Грузинскихъ баталіоновъ.

Во время разговора Н. В. Рамишвилли сообщилъ мнѣ, что въ Гаграхъ находится Верховный англійскій комиссаръ генералъ Кизъ, только-что прибывшій на миноносцѣ изъ Сочи.

— Генералъ Кизъ хотѣлъ переговорить съ предсѣдателемъ Комитета Освобожденія, но Филипповскій почему-то не пожелалъ разговаривать съ нимъ и поручилъ это какому-то Чайкину.

В. А. Чайкинъ, бывшій комиссаръ Временнаго Правительства въ Туркестанѣ и бывшій членъ Центр. Комитета партіи Соц. Рев. былъ вызванъ изъ Тифлиса Филипповскимъ, который хотѣлъ предложить ему занять постъ представителя Черноморья при правительствѣ Грузинской республики, только-что признавшемъ Комитетъ Освобожденія. Чайкинъ былъ ярымъ англофобомъ, и я понялъ, что разговоръ его съ генераломъ Кизомъ вѣроятно закончился какимъ-нибудь скандаломъ.

Я спросилъ объ этомъ Рамишвилли, но онъ не зналъ подробностей разговора Чайкина съ Кизомъ.

— Я знаю только то, что Кизъ остался очень недоволенъ своей поѣздкой въ Сочи!

Распрощавшись съ Н. В. Рамишвилли я сталъ собираться тотчасъ-же въ обратный путь, но въ вестибюлѣ меня задержалъ начальникъ штаба генерала Артмеладзе, попросившій зайти на минутку къ генералу.

Войдя въ комнату Артмеладзе я засталъ въ ней двухъ пожилыхъ англійскихъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ оказался Верховнымъ комиссаромъ Великобританіи на югѣ Россіи генераломъ Кизомъ.

— Я узналъ отъ генерала Артмеладзе о вашемъ пріѣздѣ въ Гагры, обратился ко мнѣ Кизъ, и хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы переговорить съ вами о томъ дѣлѣ, по которому такъ неудачно ѣздилъ въ Сочи.

Изъ дальнѣйшихъ словъ англійскаго генерала я узналъ, что цѣлью его поѣздки въ Сочи являлась попытка склонить Комитетъ Освобожденія къ началу мирныхъ переговоровъ съ Деникинымъ.

— Вы вѣдь понимаете, что пораженіе Деникина явится торжествомъ большевиковъ. Неужели вамъ желательно, чтобы большевики заняли ваше Черноморье?

— Занятіе большевиками Черноморья намъ совсѣмъ не улыбается, отвѣтилъ я Кизу, и поэтому-то мы и торопимся очистить нашу территорію отъ добровольцевъ, чтобы не дать красной арміи возможности, на плечахъ разгромленныхъ остатковъ Деникинскихъ полковъ, вступить въ Черноморье.

— Но армія Деникина совершенно не разгромлена и съ нашей помощью будетъ еще долгое время успѣшно сдерживать натискъ красныхъ. Генералу Деникину важно лишь, чтобы его не тревожили съ тылу. Онъ согласится передать Комитету Освобожденія управленіе Сочинскимъ округомъ, если вы прекратите ваше дальнѣйшее наступленіе на Туапсе.

Я заявилъ генералу, что послѣ всѣхъ безобразій и насилій надъ крестьянами, произведенныхъ Деникинскими властями въ Черноморской губерніи, никакихъ разговоровъ о мирѣ между нами и Деникинымъ быть не можетъ:

— Кромѣ того, сказалъ я, Комитетъ Освобожденія является правительствомъ не только одного Сочинскаго округа, но всей губерніи и избранъ делегатами крестьянскаго населенія всѣхъ трехъ округовъ губерніи. Крестьянскій съѣздъ постановилъ очистить отъ добровольцевъ всю территорію Черноморья до Михайловскаго перевала (въ 40 верстахъ къ югу отъ Новороссійска) и мы постараемся выполнить это постановленіе. Пусть генералъ Деникинъ оттянетъ всѣ свои войска въ Новороссійскъ и мы не будемъ ихъ дальше преслѣдовать, но при непремѣнномъ условіи, что англичане дадутъ намъ гарантію въ томъ, что ни при какихъ обстоятельствахъ добровольцы не предпримутъ попытокъ новаго захвата указанной территоріи.

— На добровольное оставленіе Туапсинскаго порта Деникинъ никогда не согласится, отвѣтилъ немного подумавъ Кизъ. Но предположимъ, что вамъ удастся дойти до Михайловскаго перевала, а большевикамъ окончательно разгромить армію Деникина. Какъ вы тогда сможете удержать въ своихъ рукахъ Черноморье?

— Тогда у насъ будетъ обширная территорія, все населеніе которой твердо рѣшило бороться со всякими попытками насильственнаго подчиненія края какой-бы то ни было чуждой ему власти, а естественныя трудно-доступныя границы Черноморья позволятъ намъ съ незначительными силами обороняться отъ наступленія враговъ. Большевики не рѣшатся на такую борьбу, ибо у нихъ въ тылу останется Кубань, гдѣ къ тому времени неизбѣжно вспыхнутъ анти-большевистскія возстанія казаковъ. Мы надѣемся, что Рада пойметъ всю важность и необходимость союза съ нами и Кубано-Черноморская крестьянско-казачья республика, которая образуется послѣ такого соглашенія, положитъ предѣлъ дальнѣйшему продвиженію большевиковъ.

— Я усматриваю изъ вашихъ словъ, что вы согласны на мирные переговоры съ Кубанской Радой, спросилъ Кизъ.

— Хотя мы никогда не объявляли войны Кубани и боремся исключительно съ Добровольческой арміей, но благодаря тому, что въ подчиненіи Деникина находятся казаки, мы къ нашему глубочайшему сожалѣнію нѣсколько разъ имѣли столкновеніе съ кубанскими частями. Наши крестьяне хотятъ находиться въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ съ кубанцами, а поэтому Комитетъ Освобожденія предложилъ Радѣ начать такіе переговоры.

— Въ такомъ случаѣ, не согласитесь-ли вы отправиться вмѣстѣ со мной въ Екатеринодаръ для немедленнаго заключенія соглашенія съ Радой?

— Я согласенъ, но съ условіемъ предварительно заѣхать въ Сочи для того, чтобы получить полномочія на веденіе переговоровъ отъ Комитета Освобожденія.

— Хорошо, сказалъ Кизъ: мы сейчасъ-же отправимся на моемъ миноносцѣ въ Сочи, вы получите соотвѣтствующія полномочія, послѣ чего я доставлю васъ на томъ-же миноносцѣ въ Новороссійскъ, откуда мы съ вами проѣдемъ въ Екатеринодаръ. Вы можете быть вполнѣ спокойны въ томъ, что не подвергнетесь никакой опасности, такъ-какъ будете находиться подъ покровительствомъ Его Величества короля Англіи.

Черезъ полъ-часа я находился на борту англійскаго миноносца и сидѣлъ въ каютъ-компаніи, потягивая маленькими глотками сода-виски и разговаривая съ англійскими офицерами.

COLONEL VORONOVICH has been given a safe conduct under the protection of the British Acting High Commissioner for South Russia during his stay in Novorossisk and during his return journey to Sochi.

[signature]

Brigadier General
Acting High Commissioner
for South Russia

Удостовѣреніе

Симъ удостовѣряется, что Полковникъ Вороновичъ находится подъ покровительствомъ Верховнаго уполномоченнаго Британскаго Правительства на Югѣ Россіи во время пребыванія въ Новороссійскѣ и по пути слѣдованія въ Сочи.

[signature]

Генералъ
Заместитель Верховнаго уполномоченнаго
Британскаго правительства на Югѣ Россіи

26 Января 1920 г.
г. Новороссійскъ.

ВРЕМЕННЫЙ РАЗМЕННЫЙ ЗНАКЪ

ЧЕРНОМОРСКАГО КРЕСТЬЯНСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ

Д В А Д Ц А Т Ь П Я Т Ь Р У Б Л Е Й .

/ 25 рублей./

Согласно постановленія Главнаго Полевого Штаба Черноморскаго Крестьянскаго Ополченія имѣетъ хожденіе наравнѣ съ Донскими, Добровольческими и Грузинскими денежными знаками до I-го Апрѣля 1920 года. /постановленіе Гл.Полев.Штаба 28/I 20 г./

Послѣ I Апрѣля 1920 года имѣетъ быть обмѣненъ Сочинскимъ окружнымъ казначействомъ.

Черноморское Крестьянское Ополченіе
Полевой Штабъ

Председатель Гл.Штаба Н. Воронов

За Секретаря Игнатов

№ 227.

— Я недоумѣваю, обратился ко мнѣ генералъ Кизъ, какъ вы, интеллигентный человѣкъ и старый кадровый офицеръ, могли измѣнить Россіи и очутиться въ станѣ враговъ генерала Деникина?

— Господинъ генералъ, отвѣтилъ я Кизу: я — вашъ гость и мнѣ кажется, что это обстоятельство вполнѣ гарантируетъ меня отъ оскорбленій...

— Простите, спохватился генералъ, я не имѣлъ намѣренія васъ обидѣть и тѣмъ болѣе оскорбить...

— Если вы считаете, что генералъ Деникинъ олицетворяетъ собой Россію, продолжалъ я, то тогда мы являемся дѣйствительно врагами Россіи. Но дѣло въ томъ, что я и мои друзья никакъ не можемъ признать за Деникинымъ права представлять Россію: его никто на это не уполномачивалъ, и онъ распоряжался судьбами милліоновъ русскаго народа, опираясь на вооруженную силу. Какъ онъ распоряжался этими милліонами людей — вы можете узнать, поговоривъ съ нашими крестьянами. Признанное вами и всей Европой Временное Россійское Правительство объявило Деникина измѣнникомъ, ибо онъ вмѣстѣ съ другими генералами посягнулъ на это правительство, которому передъ этимъ присягалъ. Вставъ во главѣ Добровольческой арміи, генералъ Деникинъ и назначенные имъ чиновники воскресили самыя мрачныя времена русской исторіи. Наше крестьянство, составляющее часть русскаго народа, возстало противъ самозваннаго диктатора, и я счастливъ, что въ этотъ моментъ нахожусь въ лагерѣ противниковъ Деникина! Пораженіе Деникина отнюдь не доказываетъ силы большевиковъ, а свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что народныя массы не хотятъ признавать его диктатуры.

— Но генералъ Деникинъ возглавляетъ собой всѣхъ русскихъ антибольшевиковъ...

— Самыми ярыми анти-большевиками являются крестьяне, съ которыми Деникинъ и его правительство находятся повсюду въ состояніи вражды. Деникина признаютъ и за нимъ идутъ лишь привыкшее къ субординаціи и мало разбирающееся въ политическихъ вопросахъ офицерство, небольшая кучка прогрессивной интеллигенціи и крайніе реакціонеры, мечтающіе при помощи Добрарміи возстановить утерянныя ими послѣ революціи привиллегіи. Сотни-же милліоновъ русскаго народа ненавидятъ и самого Деникина, и назначенныхъ имъ чиновниковъ и никогда не пойдутъ съ Деникинымъ боротся противъ большевиковъ.

— Я хорошо знаю русскій народъ, самоувѣренно заявилъ англійскій генералъ, а поэтому останусь при своемъ мнѣніи: всѣ истинно-русскіе люди стоятъ на сторонѣ генерала Деникина, этого великаго русскаго патріота и безукоризненно-честнаго человѣка. Конечно, многіе изъ назначенныхъ имъ чиновниковъ поступали неправильно, но онъ въ этомъ не виноватъ. Я вижу, что и вы честный патріотъ, но ваши сужденія глубоко неправильны. Вамъ надо подчиниться Деникину и постараться примирить съ нимъ вашихъ крестьянъ. А тогда генералъ Деникинъ произведетъ разслѣдованіе неправильныхъ поступковъ назначенныхъ имъ чиновниковъ, и я обѣщаю вамъ, что они подвергнутся суровому наказанію.

Я не счелъ нужнымъ спорить съ такимъ знатокомъ русскаго народа, какимъ являлся генералъ Кизъ. Разговоръ самъ по себѣ прекратился и, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, генералъ удалился въ свою каюту.

Рано утромъ миноносецъ подошелъ къ Сочи. Но разыгравшійся на морѣ штормъ не далъ возможности спустить шлюпки и съѣхать на берегъ.

— Вамъ придется ѣхать въ Екатеринодаръ безъ полномочій Комитета Освобожденія, сказалъ мнѣ Кизъ, появляясь въ каютъ-кампаніи.

— Я поѣду, но вы понимаете, что безъ соотвѣтствующихъ полномочій никакихъ договоровъ заключать не буду.

— Во всякомъ случаѣ вы сможете переговорить кое съ кѣмъ, и я возлагаю большія надежды на эти, хотя-бы и неоффиціальные переговоры.

Къ вечеру, выдержавъ жестокій штормъ, мы подошли къ Новороссійску и миноносецъ ошвартовался у цементныхъ заводовъ, гдѣ находилась англійская база.

Верховный комиссаръ Великобританіи занималъ маленькій двухъ-этажный домъ директора цементнаго завода. Въ трехъ комнатахъ перваго этажа помѣщались канцелярія, спальная генерала и столовая, часть которой была отведена подъ рабочій кабинетъ. Въ комнатахъ второго этажа помѣщались его секретари и адъютанты.

Генералъ извинился, что не можетъ предоставить мнѣ отдѣльной комнаты, и предложилъ временно расположиться въ его кабинетѣ.

Въ семь часовъ вечера состоялся парадный обѣдъ, къ которому были приглашены нѣсколько англійскихъ офицеровъ, явившихся въ парадной формѣ. Секретари Киза спустились въ смокингахъ и я въ своей потертой кожаной курткѣ выдѣлялся среди остальныхъ приглашенныхъ.

По окончаніи обѣда генералъ сказалъ мнѣ, что завтра утромъ онъ отправится къ помощнику Деникина — Новороссійскому генералъ-губернатору Лукомскому, послѣ чего мы съ вечернимъ поѣздомъ выѣдемъ въ Екатеринодаръ.

На слѣдующій день утромъ Кизъ дѣйствительно поѣхалъ къ Лукомскому, но вернулся весьма разстроеннымъ и обозленнымъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, окружающіе генерала Деникина люди абсолютно не способны разбираться въ политическихъ вопросахъ, съ раздраженіемъ проговорилъ онъ, входя въ свой кабинетъ. Я одинъ поѣду въ Екатеринодаръ и постараюсь привезти съ собой кого-нибудь изъ членовъ Рады, а вы подождете меня здѣсь.

Передъ своимъ отъѣздомъ генералъ Кизъ вручилъ мнѣ удостовѣреніе, въ которомъ значилось, что полковникъ Вороновичъ находится подъ покровительствомъ Верховнаго комиссара Великобританіи на югѣ Россіи.

Я сначала не понялъ поведенія Киза и только послѣ его отъѣзда узналъ отъ секретаря, что генералъ Лукомскій потребовалъ моей немедленной выдачи для преданія военно-полевому суду. На заявленіе Киза, что я пріѣхалъ для переговоровъ съ Радой, Лукомскій отвѣтилъ, что главное командованіе не допуститъ никакихъ переговоровъ предводителя мятежниковъ съ непользующимся довѣріемъ правительства Кубанскимъ парламентомъ. Ввиду этого Кизъ рѣшилъ самъ переговорить съ Деникинымъ, а для того, чтобы не допустить моего ареста Лукомскимъ, выдалъ удостовѣреніе, благодаря которому всякое покушеніе на мою личность было-бы разсмотрѣно, какъ оскорбленіе Верховнаго комиссара и представителя короля Англіи.

Послѣ отъѣзда Киза, я въ сопровожденіи двухъ англійскихъ офицеровъ, назначенныхъ моими тѣлохранителями, отправился въ городъ, въ которомъ могъ увидѣть охватившую добровольцевъ панику. Всѣ Ростовскія и часть Екатеринодарскихъ учрежденій были уже эвакуированы въ Новороссійскъ и разговоры многочисленныхъ чиновниковъ, губернаторовъ, оставшихся безъ губерній, и штабныхъ офицеровъ вертѣлись все вокругъ одной и той-же темы: гдѣ купить

иностранной валюты и какъ достать билетъ на какой нибудь отходящій за-границу пароходъ?

Здѣсь-же я встрѣтился съ нѣкоторыми изъ моихъ прежнихъ сослуживцевъ по гвардейскому корпусу. Они знали, что я являюсь «зеленымъ главковерхомъ», а слѣдовательно ихъ непріятелемъ. Тѣмъ не менѣе мы встрѣтились довольно дружелюбно и разговорились по-пріятельски.

— Вотъ, если ты попадешься къ намъ въ плѣнъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, то ужъ не взыщи: сразу повѣсимъ!

— А я васъ вѣшать не стану, отвѣтилъ я со смѣхомъ, но и вы также не взыщите: придется вамъ немного потрудиться на ремонтѣ шоссе и взорванныхъ вашими отрядами мостовъ!

— Меня не испугаешь этимъ, улыбнулся мой собесѣдникъ, къ твоимъ «зеленымъ» я не попадусь: вотъ видишь — билетъ до Константинополя! Дѣло наше я считаю окончательно проиграннымъ и конечно не стану дожидаться здѣсь прихода большевиковъ.

На слѣдующій день вернулся изъ Екатеринодара генералъ Кизъ. Онъ былъ смущенъ и совершенно разстроенъ.

— Деникинъ не разрѣшаетъ вамъ вести переговоровъ съ Радой. Онъ также требуетъ вашего безусловнаго подчиненія главному командованію Добровольческой арміи и только, когда ваши «зеленые» сложатъ оружіе, возможно будетъ добиться назначенія разслѣдованія о произведенныхъ въ Сочинскомъ округѣ незаконныхъ дѣйствіяхъ военныхъ и гражданскихъ властей. Я вамъ совѣтую подчиниться приказу генерала Деникина, тѣмъ болѣе, что за время вашего отсутствія положеніе въ Черноморьѣ измѣнилось.

Съ этими словами генералъ передалъ мнѣ послѣднее оффиціальное сообщеніе Штаба Главнокомандующаго, въ которомъ говорилось, что Туапсинскій отрядъ Добровольческой арміи нанесъ полное пораженіе «зеленымъ бандамъ» на рѣкѣ Лоо (въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ Сочи). Зеленые въ паникѣ отступаютъ, а побѣдоносные отряды добровольцевъ приближаются къ Сочи.

Меня нѣсколько смутило это извѣстіе, которое оказалось впослѣдствіи сплошнымъ вымысломъ: никакого боя у Лоо не было, а Туапсинскій отрядъ Добрарміи находился въ это время въ Головинкѣ (въ 70 верстахъ отъ Сочи).

Но я не показалъ Кизу своего смущенія, поблагодарилъ его за совѣтъ и попросилъ распорядиться немедленно доставить меня обратно въ Сочи.

— Никакихъ приказовъ генерала Деникина мы, конечно, исполнять не намѣрены: оружія мы не сложимъ до тѣхъ поръ, пока не очистимъ все Черноморье отъ войскъ Деникина, съ которымъ ни въ какіе переговоры не хотѣли вступать. Что-же касается Кубанской Рады, то мы постараемся вступить съ ней въ переговоры, несмотря на запрещеніе Деникина, заявилъ я Верховному комиссару.

— Какъ хотите, сказалъ Кизъ: знайте, что я хотѣлъ вамъ добра и очень опечаленъ, что мнѣ не удалось склонить Деникина помириться съ Черноморскимъ крестьянствомъ.

— Еще разъ заявляю вамъ, господинъ генералъ, что мириться съ Деникинымъ мы совершенно не намѣрены. Наша цѣль — освободить Черноморье отъ ига добровольцевъ, а генералъ Деникинъ упорно старается подчинить насъ своей власти. Поэтому споръ нашъ будетъ разрѣшенъ оружіемъ, которое не мы первые обнажили.

Генералъ очень любезно распрощался со мной и выразилъ увѣренность, что, несмотря на непримиримое настроеніе обѣихъ враждующихъ сторонъ, Черноморскіе крестьяне со временемъ сдѣлаются болѣе сговорчивыми.

На слѣдующее утро тотъ-же самый миноносецъ доставилъ меня обратно въ Сочи.

Когда мы подошли къ городу я съ радостью увидѣлъ развѣвающійся на маякѣ флагъ крестьянскаго ополченія. Сочи попрежнему находилось въ нашихъ рукахъ.

XVII

Вернувшись въ Сочи, я прежде всего отправился въ Штабъ узнать о положеніи дѣлъ на фронтѣ. Оказалось, что крестьянское ополченіе попрежнему одерживаетъ успѣхи, и за время моего отсутствія фронтъ нашъ продвинулся почти до границы Туапсинскаго округа.

Въ штабѣ я узналъ о томъ, что Комитетъ Освобожденія, получивъ изъ Гагръ мою телеграмму о поѣздкѣ въ Новороссійскъ, постановилъ отчислить меня отъ главнаго командованія крестьянскимъ ополченіемъ и отъ завѣдыванія военнымъ отдѣломъ Комитета.

Я тотчасъ-же пошелъ къ предсѣдателю комитета Филипповскому и спросилъ его, чѣмъ вызвано такое постановленіе?

Филипповскій былъ очень смущенъ и объяснилъ мнѣ, что комитетъ былъ вынужденъ принять такое рѣшеніе по требованію крестьянъ, до которыхъ дошли слухи о томъ, что я поѣхалъ въ Новороссійскъ для заключенія мирнаго договора съ Деникинымъ.

Зная, какъ ко мнѣ относятся наши Сочинскіе крестьяне, я не повѣрилъ такому объясненію и между мною и Филипповскимъ произошелъ крупный разговоръ.

— Я не понимаю, какъ могъ Комитетъ Освобожденія вынести рѣшеніе, не выслушавъ моихъ объясненій?

— Но мы не знали — вернетесь-ли вы обратно изъ Новороссійска!

— Значитъ вы предполагали, что я измѣнилъ крестьянству и перешелъ на службу къ Деникину?

— Нѣтъ, намъ и въ голову не могла придти такая мысль, но мы боялись, что англичане заманятъ васъ въ ловушку и выдадутъ Деникину.

Филипповскій началъ путаться въ своихъ объясненіяхъ.

— Такъ какъ комитетъ отстранилъ меня отъ завѣдыванія военнымъ отдѣломъ, то я больше никакого участія въ его работѣ принимать не буду, заявилъ я ему. Я требую, чтобы Комитетъ Освобожденія опубликовалъ свое постановленіе и разослалъ-бы его по всѣмъ селеніямъ Сочинскаго округа. Никакихъ объясненій я комитету не представлю, а дамъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ крестьянскому съѣзду! Пусть меня судятъ тѣ крестьяне, которые довѣрили мнѣ командованіе своимъ ополченіемъ!

Мое заявленіе встревожило Филипповскаго.

— Я не понимаю, почему вы волнуетесь? Комитетъ ни минуты не сомнѣвался въ вашей преданности крестьянскому дѣлу и теперь, когда вы вернулись цѣлымъ и невредимымъ, вы объясните намъ цѣль вашей поѣздки и мы тотчасъ аннулируемъ наше постановленіе . . .

Но я категорически отказался отъ всякихъ объясненій съ комитетомъ.

Быть можетъ, я былъ неправъ, но меня крайне возмутило то обстоятельство, что вопросъ о моей преданности Черноморскому крестьянству разбирался тѣми людьми, которые были мною-же приглашены на работу въ Черноморье и были избраны въ Комитетъ Освобожденія только благодаря моей рекомендаціи.

Вернувшись къ себѣ въ номеръ я засталъ въ немъ представителей Хостинскаго и Волковскаго районныхъ штабовъ, поджидавшихъ меня.

— Намъ сказали въ Главномъ Штабѣ, будто вы подали въ отставку?

Я объяснилъ имъ, что произошло.

— Ну, такъ вотъ что, Н. В., заявили мнѣ крестьяне: никто изъ поселянъ не обращался къ комитету съ требованіемъ отстранить васъ отъ командованія ополченіемъ. Если-же о постановленіи комитета узнаютъ въ деревняхъ — то получится большой скандалъ. Мы вамъ всѣ вполнѣ довѣряемъ и никакого разговора о вашей поѣздкѣ среди крестьянъ не было. Тутъ что-то неладно! Мы сейчасъ пойдемъ къ Филипповскому и разузнаемъ въ чемъ дѣло.

Не знаю, что говорили крестьяне предсѣдателю комитета, но только черезъ полчаса Филипповскій прибѣжалъ ко мнѣ и сталъ убѣждать меня не выходить изъ состава комитета.

— Если вы уйдете — крестьяне потребуютъ переизбранія комитета, а вы сами понимаете, что это въ данное время абсолютно невозможно сдѣлать! Комитетъ только-что аннулировалъ свое постановленіе о вашемъ отчисленіи отъ завѣдыванія военнымъ отдѣломъ, и я, отъ имени всего комитета, прошу васъ взять ваше заявленіе обратно.

Я сознавалъ, что начатое нами дѣло не можетъ страдать отъ уязвленнаго самолюбія и личныхъ обидъ кого-либо изъ его участниковъ. Поэтому я согласился остаться въ комитетѣ, но не удержался отъ того, чтобы не высказать Филипповскому моего крайняго удивленія странному поведенію комитета.

— Сначала вы рѣшили отстранить меня отъ завѣдыванія военными дѣлами, не потребовавъ отъ меня никакихъ объясненій, а теперь возстанавливаете меня въ правахъ, снова не дождавшись этихъ объясненій. Я не хотѣлъ давать вамъ отчета о моей поѣздкѣ, но теперь, чтобы вывести комитетъ изъ не совсѣмъ пріятнаго положенія людей, выносящихъ необдуманныя рѣшенія, я требую созыва экстреннаго засѣданія, на которомъ сдѣлаю подробный докладъ.

Филипповскій остался очень доволенъ моимъ отвѣтомъ и тотчасъ-же собралъ комитетъ, который, выслушавъ мой докладъ, единогласно одобрилъ мои дѣйствія и сдѣланныя мною заявленія Верховному англійскому комиссару.

Казалось, что вызванный постановленіемъ Комитета Освобожденія инцидентъ исчерпанъ, но вечеромъ выяснилось, что это не совсѣмъ такъ. Какъ я уже говорилъ раньше, моимъ начальникомъ штаба былъ казачій офицеръ Томашевскій (Сергѣевъ), называвшій себя эсъ-эромъ, а на самомъ дѣлѣ сочувствовавшій коммунистамъ и состоявшій въ связи съ Закавказскимъ комитетомъ Рос. Коммун. партіи. Двое изъ командировъ дружинъ Скобелевъ и Казанскій и помощникъ начальника штаба — Шевцовъ — были также скрытыми коммунистами и руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ секретными инструкціями большевистскаго комитета. Большевики-же относились весьма недоброжелательно къ проведенной мною въ жизнь идеѣ организаціи крестьянскаго ополченія, такъ-какъ знали, что крестьянство относится отрицательно къ политикѣ и тактикѣ компартіи. Какъ оказалось впослѣдствіи, Сергѣеву-Томашевскому была дана инструкція всѣми мѣрами дискредитировать меня въ глазахъ находившихся на фронтѣ частей

ополченія. Постановленіе Комитета Освобожденія дало ему возможность тотчасъ же телеграфировать о моей «измѣнѣ» на фронтъ и исполнить возложенную на него большевиками задачу.

На фронтѣ находились два баталіона, сформированныхъ изъ плѣнныхъ солдатъ Сальянскаго и Шемахинскаго полковъ 52-й бригады Добрарміи. Эти солдаты были въ 1918 году красноармейцами Сорокинской арміи и, послѣ разгрома Сѣверо-Кавказскихъ большевиковъ — взяты въ плѣнъ добровольцами. Среди нихъ оказалось нѣсколько партійныхъ коммунистовъ, ловко скрывшихъ отъ командного состава Добрарміи свою партійную принадлежность и все время имѣвшихъ большое вліяніе на бывшихъ красноармейцевъ. Пораженіе добровольцевъ подъ Харьковомъ и Ростовомъ еще болѣе усилили престижъ и вліяніе большевиковъ, которые начали исподволь возстанавливать зачисленныхъ въ ряды ополченія плѣнныхъ добровольцевъ противъ крестьянства.

Извѣстіе о моей «измѣнѣ» было съ восторгомъ встрѣчено этими двумя баталіонами плѣнныхъ добровольцевъ, но крестьянскія роты отнеслись къ нему съ недовѣріемъ и немедленно командировали въ Сочи своихъ представителей для личныхъ переговоровъ со мною. Делегаты эти прибыли поздно вечеромъ и, переговоривши со мною, тотчасъ-же по телефону сообщили фронту о происшедшемъ недоразумѣніи. Большевики къ этому времени успѣли уже вынести резолюцію, въ которой выражали мнѣ недовѣріе и требовали немедленнаго отчисленія меня отъ главнаго командованія. Однако, убѣдившись въ настроеніи крестьянскихъ ротъ, заявившихъ, что они признаютъ только меня и будутъ сражаться только подъ моимъ начальствомъ, коммунисты рѣшили припрятать свою резолюцію до болѣе подходящаго момента. Но все-таки необдуманное и слишкомъ поспѣшное постановленіе Комитета Освобожденія сыграло, несомнѣнно, въ руку большевикамъ и положило начало тому расколу на фронтѣ, который черезъ нѣкоторое время вылился въ форму отдѣленія сформированныхъ изъ плѣнныхъ добровольцевъ баталіоновъ отъ крестьянскаго ополченія.

Въ этотъ-же вечеръ я получилъ телефонограмму отъ Хостинскаго районнаго штаба, настоятельно просившаго меня пріѣхать на слѣдующій день въ Хосту, гдѣ былъ назначенъ большой районный (волостной) крестьянскій сходъ.

Пріѣхавъ въ Хосту, я былъ восторженно встрѣченъ собравшимися крестьянами, избравшими меня предсѣдателемъ схода. Здѣсь, на сходѣ, я узналъ отъ крестьянъ, что они сильно обезпокоены медлительностью Комитета Освобожденія и его нерѣшительностью, выражавшихся въ томъ, что до сихъ поръ на территоріи, освобожденной отъ добровольческихъ властей, не было установлено гражданскихъ органовъ управленія.

И въ самомъ дѣлѣ, Комитетъ Освобожденія, занявшійся вопросами «высшей политики», не обратилъ достаточнаго вниманія на внутреннюю политику и организацію деревни. Единственными органами, развившими въ округѣ свою дѣятельность, являлись районные штабы крестьянскаго ополченія, къ которымъ крестьяне обращались со всевозможными просьбами и съ вопросами, ничего общаго не имѣвшими съ основной дѣятельностью штабовъ. Предсѣдатели районныхъ штабовъ неоднократно обращались ко мнѣ съ просьбами освободить ихъ отъ гражданскихъ и судебныхъ функцій, и я, въ свою очередь, обращалъ на такую ненормальность вниманіе Комитета.

Еще до занятія Сочи, Комитетъ Освобожденія рѣшилъ созвать въ концѣ февраля очередной крестьянскій съѣздъ для разрѣшенія вопросовъ о дальнѣйшемъ веденіи войны съ Добрарміей, о гражданскомъ самоуправленіи, финансахъ

и возстановленіи экономической жизни Черноморья. Но созывъ этого съѣзда все почему-то откладывался и главной причиной проволочки являлось отсутствіе въ составѣ Комитета достаточнаго числа работниковъ. Повторилась столь обычная за время революціи картина: любителей говорить и кричать было болѣе, чѣмъ достаточно, а исполнять черную работу и приводить въ исполненіе принятыя рѣшенія — было некому...

Изъ девяти членовъ комитета три человѣка были заняты чуть-ли не по 24 часа въ сутки, а остальные шесть ничего не дѣлали.

На Хостинскомъ сходѣ былъ снова поднятъ вопросъ о созывѣ съѣзда и мнѣ, какъ представителю Комитета Освобожденія, было поручено передать резолюцію схода и выработанный на сходѣ порядокъ съѣзда предсѣдателю комитета Филипповскому. Одновременно было рѣшено разослать по всѣмъ районамъ (волостямъ) копіи принятой въ Хостѣ резолюціи.

Я воспользовался поѣздкой въ Хосту для того, чтобы объѣздить сосѣднія селенія и ознакомиться съ настроеніями крестьянства, такъ-какъ зналъ, что никто изъ членовъ Комитета Освобожденія до сихъ поръ не удосужился совершить такую поѣздку по деревнямъ, а у крестьянъ накопилось много вопросовъ, на которые они ждали отвѣтовъ отъ избранныхъ ими руководителей. Эта поѣздка убѣдила меня въ необходимости оторвать президіумъ Комитета Освобожденія отъ кабинетной работы и настоять на скорѣйшемъ проведеніи въ жизнь назрѣвшихъ реформъ.

Вернувшись черезъ день въ Сочи, я доложилъ комитету о своихъ впечатлѣніяхъ и въ длинномъ разговорѣ съ двумя наиболѣе активными членами комитета — В. Н. Филипповскимъ и Ф. Д. Сорокинымъ, обратилъ ихъ вниманіе на отсутствіе достаточной работы въ деревнѣ.

— Наша единственная и могучая опора — крестьянство, которое намъ вполнѣ довѣряетъ, говорилъ я комитету: мы должны удѣлить крестьянству всю свою энергію и поддерживать съ нимъ постоянную и прочную связь. Мы должны знать, чего хотятъ и къ чему стремятся крестьяне и обязаны постоянно держать ихъ въ курсѣ нашихъ рѣшеній по всѣмъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики. А комитетъ, переѣхавъ въ Сочи, занялся преимущественно городскими дѣлами . . .

Филипповскій и Сорокинъ вполнѣ соглашались со мною, но указывали на то, что занявъ Сочи, комитетъ получилъ тяжелое наслѣдство: полное отсутствіе средствъ и продовольствія и многочисленное городское населеніе, обращавшееся къ комитету со всякаго рода требованіями.

Въ концѣ-концовъ было рѣшено созвать чрезвычайный окружной съѣздъ, а до тѣхъ поръ немедленно произвести рядъ временныхъ реформъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, принявъ къ свѣдѣнію рекомендованныя сельскими сходами временныя мѣропріятія.

Однимъ изъ такихъ мѣропріятій являлось обложеніе всего некрестьянскаго населенія единовременнымъ денежнымъ налогомъ. Крестьяне говорили, что они несутъ на себѣ всѣ тяготы войны, добровольно снабжая ополченіе продовольствіемъ, подводами и лошадьми. Кромѣ того крестьяне-плантаторы рѣшили пожертвовать Комитету Освобожденія часть имѣвшагося у нихъ прошлогодняго запаса табаку, который явился-бы валютнымъ товаромъ и фондомъ для товарообмѣна съ сосѣдней Грузіей и Кубанью. Городское-же населеніе никакихъ налоговъ не вносило и фактически не принимало участія въ борьбѣ крестьянъ съ добровольцами, въ лучшемъ случаѣ выражая лишь свое сочувствіе избранному

крестьянами правительству. Поэтому крестьяне считали справедливымъ обложить горожанъ Сочи, Адлера и Хосты единовременнымъ денежнымъ налогомъ, который по ихъ подсчету далъ-бы вполнѣ достаточную сумму для необходимыхъ расходовъ по организаціи городского самоуправленія, и снабженію городского населенія продовольствіемъ.

Мы стали дѣятельно готовиться къ подготовкѣ съѣзда и мнѣ пришлось снова раздѣлить свое вниманіе между фронтомъ и тыломъ. На фронтѣ готовились къ продолженію временно прерванныхъ военныхъ операцій, а въ тылу происходила огромная работа по формированію второочередныхъ частей, артиллерійскихъ батарей, инженерной команды, а также по организаціи правильнаго снабженія фронта и возстановленію полуразрушенныхъ шоссе и линіи Черноморской желѣзной дороги.

Между тѣмъ выступившій изъ Туапсе отрядъ Добрарміи, въ составѣ офицерскаго баталіона полковника Галкина и 10-го своднаго полка, соединившись съ отступившими изъ Сочи остатками 52-й бригады и армянскимъ баталіономъ полковника Чимишкіанца, укрѣпился на рѣкѣ Шахэ (у селенія Головинки). Командовавшій всѣми добровольческими войсками (2000 штыковъ и 8 орудій) полковникъ Жуковскій прислалъ къ намъ парламентеровъ съ предложеніемъ — покориться приказу Новороссійскаго генералъ-губернатора Лукомскаго и немедленно сдать оружіе. Парламентеры доставили намъ нѣсколько экземпляровъ воззванія генерала Лукомскаго, въ которомъ крестьянамъ обѣщалось полное прощеніе, если они выдадутъ оружіе и главарей возстанія. Генералъ Лукомскій обѣщалъ также отъ имени Деникина — освободить Черноморскихъ крестьянъ отъ всякихъ мобилизацій и реквизицій.

Мы не хотѣли скрывать прокламацій Лукомскаго отъ крестьянъ и немедленно разослали ихъ по всѣмъ деревнямъ. Но результатами этихъ прокламацій явилось то, что отпущенные штабомъ на недѣльный отдыхъ въ свои деревни ополченцы, стали въ этотъ-же вечеръ возвращаться на фронтъ и заявили о своемъ настойчивомъ рѣшеніи продолжать войну съ «кадетами» до полнаго освобожденія Черноморья отъ власти Деникина и его губернатора Лукомскаго.

— Довольно мы вѣрили «кадюкамъ», говорили крестьяне. Сколько разъ они освобождали насъ отъ мобилизацій и реквизицій, когда имъ туго приходилось. Вотъ и теперь — выгнали мы ихъ изъ Сочи, такъ они чего угодно готовы наобѣщать, а какъ только насъ обезоружатъ — снова примутся за старое . . .

Мы заявили парламентерамъ, что отказываемся подчиниться приказу Лукомскаго и въ свою очередь предложили Жуковскому, во избѣжаніе кровопролитія, безъ боя отойти къ Новороссійску, очиствъ весь Туапсинскій и южную часть Новороссійскаго округовъ.

Парламентеры вернулись обратно, предупредивъ насъ, что на слѣдующій день, 13-го февраля, полковникъ Жуковскій перейдетъ въ наступленіе и заставитъ насъ силой оружія подчиниться приказу генерала Лукомскаго.

Однако, несмотря на то, что числомъ штыковъ и орудій добровольцы значительно превосходили насъ, мы нисколько не безпокоились и были увѣрены, что 13-е февраля будетъ днемъ нашей новой побѣды.

Произведенная охотниками развѣдка расположенія силъ противника выяснила всю слабость добровольческой позиціи. Позиція эта тянулась по правому низменному берегу рѣки Шахэ и находилась подъ губительнымъ обстрѣломъ со стороны нашей, находившейся на возвышенномъ лѣвомъ берегу рѣки, позиціи. Окопы, вырытые добровольцами, совершенно не предохраняли ихъ отъ нашего ружей-

наго и пулеметнаго огня. Флангъ позиціи отряда Жуковскаго снова упирался въ подножіе высокой горы и, несмотря на опытъ боевъ подъ Адлеромъ и Мацестой, снова считался добровольческимъ командованіемъ вполнѣ обезпеченнымъ отъ обхода. Для того, чтобы вполнѣ застраховаться отъ обхода, Жуковскій приказалъ свалить на своемъ крайнемъ флангѣ нѣсколько десятковъ деревьевъ и опутать эти деревья колючей проволокой. Устроенная такимъ образомъ засѣка тянулась всего на сто саженъ въ длину и, конечно, не представляла собой надежнаго прикрытія совершенно обнаженнаго фланга.

Въ ночь на 13-е февраля мы выслали два сильныхъ отряда (по три роты каждый) въ обходъ фланга и тыла противника. Первый отрядъ долженъ былъ совершить ближній обходъ, подняться на ту гору, въ которую упирался лѣвый флангъ позиціи Жуковскаго, а второй — выйти въ тылъ между Головинкой и Лазаревкой, откуда и предпринять наступленіе по Черноморскому шоссе. Оставшіяся на фронтѣ двѣ дружины общей численностью въ 500 штыковъ должны были сдерживать наступленіе добровольцевъ, а затѣмъ, когда совершится обходъ, перейти въ фронтальную аттаку.

Въ 11 часовъ утра добровольцы открыли военныя дѣйствія, начавъ артиллерійскій обстрѣлъ нашей позиціи. Черезъ полъ-часа съ моря подошла подводная лодка, открывшая огонь изъ 75 милиметроваго орудія по нашему тылу. Но миніатюрная пущенка подводной лодки не причиняла намъ никакихъ потерь и поврежденій.

Мы ограничивались рѣдкимъ ружейнымъ огнемъ и ждали условленнаго сигнала со стороны обходныхъ колоннъ. Наконецъ, около часу дня въ тылу у добровольцевъ затрещали пулеметы. Въ отрядѣ Жуковскаго поднялась паника, которую еще больше увеличилъ сильный и мѣткій огонь, открытый нами съ фронта. Черезъ нѣсколько минутъ, понеся большія потери, добровольцы были вынуждены очистить неудачно выбранную ими позицію на берегу Шахэ. Ополченцы, по поясъ въ холодной водѣ, быстро переправились на правый берегъ рѣки и стали тѣснить отступающихъ. Въ это время на шоссе показался вышедшій имъ въ тылъ крестьянскій отрядъ и — участь боя была рѣшена.

Офицерскій баталіонъ и часть 10-го своднаго полка, бросивъ двѣ батареи и обозъ, успѣли пробиться къ линіи желѣзной дороги, пластунская сотня есаула Базарова выкинула бѣлый флагъ и сдалась въ плѣнъ, а армянскій баталіонъ Чимишкіанца, припертый къ горамъ, былъ совершенно разгромленъ. Крестьяне особенно ненавидѣли этотъ баталіонъ, постоянно принимавшій участіе во всѣхъ карательныхъ экспедиціяхъ, и не давали пощады армянамъ. Во время этого послѣдняго эпизода Головинскаго боя разыгралась слѣдующая отвратительная сцена: солдаты армянскаго баталіона, зная, какъ ихъ ненавидятъ крестьяне, рѣшили заслужить себѣ прощеніе путемъ избіенія своихъ офицеровъ... Армяне-пулеметчики, увидѣвъ, что бой проигранъ, повернули свои пулеметы и начали обстрѣливать пытавшихся пробить себѣ путь отступленія офицеровъ. Командиръ баталіона — полковникъ Чимишкіанъ былъ буквально перерѣзанъ пулеметомъ на двѣ части... Однако это предательство еще болѣе возмутило крестьянъ, и ротнымъ командирамъ съ большимъ трудомъ удалось остановить поголовное избіеніе взятыхъ въ плѣнъ армянъ.

Преслѣдованіе отступавшихъ въ паникѣ добровольцевъ продолжалось до поздней ночи, число плѣнныхъ и трофеевъ все увеличивалось. Когда мы заняли Лазаревку (въ 90 верстахъ къ сѣв. отъ Сочи) выяснилось, что дорога на

Туапсе совершенно открыта, такъ-какъ отрядъ Жуковскаго не могъ остановиться на заранѣе подготовленной у Лазаревки позиціи и отступилъ до самого Туапсе.

Въ этотъ день крестьянское ополченіе захватило 8 орудій, 30 пулеметовъ и около 300 плѣнныхъ, потерявъ всего 11 человѣкъ убитыми и ранеными. Но мы радовались больше всего тому, что въ наши руки попалъ обозъ и три вагона бѣлой муки, которая для насъ была дороже всякихъ пушекъ и пулеметовъ...

XVIII

Вскорѣ послѣ Головинскаго боя началась предвыборная кампанія и подготовка къ чрезвычайному окружному съѣзду. По всѣмъ селеніямъ собирались сходы, выбиравшіе делегатовъ и выносившіе резолюціи съ наказами избраннымъ на съѣздъ делегатамъ. Всѣ эти наказы требовали скорѣйшей организаціи крестьянскаго самоуправленія, продолженія борьбы за освобожденіе Черноморья и дальнѣйшаго усиленія крестьянскаго ополченія, которое «должно защищать нашу крестьянскую власть отъ всякой пришлой силы, какъ справа, такъ и слѣва».

Съѣздъ былъ назначенъ на 20-е февраля, но такъ-какъ къ этому дню организаціонный комитетъ не могъ вырѣшить нѣкоторыхъ связанныхъ съ открытіемъ съѣзда вопросовъ, его пришлось отложить на одинъ день. Кромѣ крестьянскихъ делегатовъ, комитетъ рѣшилъ предоставить нѣсколько мѣстъ Сочинскимъ и Адлерскимъ рабочимъ и профессіональнымъ союзамъ, а фронтовики требовали допущенія на съѣздъ и ихъ представителей. Требованіе это исходило не отъ крестьянскихъ ротъ, а отъ плѣнныхъ добровольцевъ, голосами которыхъ намѣревались воспользоваться большевики, не получившіе ни одного депутатскаго мандата ни отъ крестьянъ, ни отъ рабочихъ.

Хотя Главный Штабъ и былъ противъ участія на съѣздѣ представителей отъ плѣнныхъ солдатъ Добрарміи, не имѣвшихъ никакой связи съ мѣстнымъ населеніемъ, но комитетъ согласился съ ихъ требованіемъ и предоставилъ по одному мандату каждой ротѣ.

Такъ какъ крестьяне-ополченцы принимали участіе въ избраніяхъ делегатовъ въ своихъ деревняхъ, то всѣ делегаты отъ фронта оказались бывшими красноармейцами Сальянскаго и Шемахинскаго полковъ, находившимися подъ вліяніемъ большевиковъ. Делегатами отъ фронта были избраны также Томашевскій-Сергѣевъ и Казанскій, которые на съѣздѣ дирижировали «фракціей фронтовиковъ», согласно полученныхъ ими указаній отъ большевистскаго комитета.

Незадолго до съѣзда, въ Сочи образовался Черноморскій комитетъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи (меньшевиковъ). Комитетъ этотъ въ сущности являлся самозваннымъ, такъ какъ былъ избранъ небольшой группой Сочинскихъ рабочихъ и никакой связи съ меньшевиками Туапсинскаго и Новороссійскаго округовъ не имѣлъ.

Предсѣдателемъ комитета былъ довольно неустойчивый въ своихъ политическихъ выступленіяхъ бывшій членъ 2-й Госуд. Думы Измайловъ. Въ 1918 году, явившись въ Сочи изъ Новгородской губерніи, онъ яростно выступалъ противъ большевиковъ и всѣми своими силами содѣйствовалъ занятію Сочи грузинами, которые назначили его за проявленное усердіе предсѣдателемъ окружного земельнаго комитета. Послѣ занятія Сочи добровольцами, Измайловъ

бѣжалъ въ Грузію, откуда и явился въ Сочи непримиримымъ грузинофобомъ и большимъ сторонникомъ большевиковъ. Членами меньшевистскаго комитета были: нѣкій Королевъ, оказавшійся впослѣдствіи коммунистомъ, и именовавшій себя «инженеромъ» Я. Г. Цвангеръ.

Цвангеръ пріѣхалъ въ Сочи въ 1917 году, выступалъ на всѣхъ митингахъ и собраніяхъ какъ соціалъ-демократъ — интернаціоналистъ, редактировалъ газету Сочинскаго совѣта рабочихъ и солд. депутатовъ, а въ концѣ-концовъ — оказался представителемъ гетмана Петлюры...

Таковъ былъ персональный составъ Черноморскаго комитета меньшевиковъ, пытавшагося подчинить своему вліянію крестьянъ и рабочихъ Сочинскаго округа. Во время предвыборной кампаніи комитетъ этотъ выставлялъ на различныхъ волостныхъ сходахъ кандидатуры своихъ членовъ для избранія ихъ делегатами на съѣздъ. Но крестьяне относились къ нимъ съ недовѣріемъ, и никто изъ членовъ меньшевистскаго комитета не былъ избранъ на волостныхъ сходахъ. Послѣ пораженія въ деревняхъ, Измайловъ и Королевъ были избраны городскими рабочими и получили мандаты, благодаря которымъ имѣли возможность принять участіе на съѣздѣ.

Какъ только крестьянскіе делегаты начали съѣзжаться въ Сочи, ихъ начали усиленно обхаживать съ одной стороны коммунисты, а съ другой стороны — члены меньшевистскаго комитета. Крестьяне рѣшили не поддаваться вліянію никакихъ партійныхъ организацій и составить собственную крестьянскую фракцію. Наканунѣ открытія съѣзда крестьяне собрались въ помѣщеніи театра гостиницы «Ривьера» и приступили къ обсужденію вопросовъ, поставленныхъ въ порядокъ дня. Они пригласили меня принять участіе въ ихъ собраніи и, когда я къ нимъ явился, избрали меня предсѣдателемъ крестьянской фракціи окружного съѣзда.

Какъ предсѣдатель крестьянской фракціи, въ составъ которой входили три четверти делегатовъ, я былъ почти единогласно избранъ предсѣдателемъ чрезвычайнаго съѣзда. Хотя такое избраніе и свидѣтельствовало о томъ довѣріи, которымъ я пользовался среди крестьянскаго населенія, оно очень меня не устраивало, такъ какъ совершенно устраняло отъ управленія фронтомъ, гдѣ съ часу на часъ усиливалось вліяніе большевиковъ.

Линія нашего фронта подходила къ этому времени къ самому Туапсе, и мы готовились занять этотъ городъ, въ которомъ были сосредоточены богатые продовольственные запасы, склады оружія и обмундированія, только-что доставленные англичанами. Подойдя къ Туапсе крестьянское ополченіе установило связь съ партизанскими «зелеными» отрядами Туапсинскаго и Новороссійскаго округовъ, отрѣзавшими Туапсе отъ Новороссійска и готовившимися напасть на Туапсинскій гарнизонъ съ тыла.

Участь Туапсе особенно безпокоила англійское командованіе, которое обѣщало добровольцамъ принять активное участіе въ оборонѣ города и порта. Мнѣ кажется, что англичане безпокоились главнымъ образомъ за судьбу свезенныхъ ими въ Туапсе предметовъ снаряженія и обмундированія, которые они въ данный моментъ не могли вывезти обратно. Англичане попробовали воздѣйствовать на насъ угрозами и 22-го февраля прислали на фронтъ парламентеровъ, заявившихъ, что правительство Великобританіи поддерживаетъ генерала Деникина и поэтому отнесется крайне отрицательно къ дальнѣйшему наступленію войскъ Комитета Освобожденія на Туапсе.

Командовавшій фронтомъ полковникъ Г. отвѣтилъ англичанамъ, что онъ исполняетъ директивы Комитета Освобожденія, приказавшаго ему занять Туапсе, а посему проситъ со всякими требованіями и переговорами обращаться непосредственно къ Комитету Освобожденія.

Рано утромъ 24-го февраля къ Сочи подошелъ снова англійскій миноносецъ № 78, на которомъ я совершилъ свое путешествіе въ Новороссійскъ. На миноносцѣ прибылъ для переговоровъ съ Комитетомъ Освобожденія помощникъ Верховнаго комиссара Великобританіи генералъ Коттонъ.

Я только-что готовился открыть засѣданіе съѣзда, какъ мнѣ доложили о пріѣздѣ англичанъ и о просьбѣ Филипповскаго немедленно явиться на экстренное засѣданіе Комитета Освобожденія.

Пришлось объявить перерывъ, и я отправился въ комнату Филипповскаго, гдѣ засталъ генерала Коттона, съ которымъ уже былъ знакомъ, встрѣтившись съ нимъ впервые на обѣдѣ у генерала Киза въ Новороссійскѣ. Съ генераломъ Коттономъ пріѣхалъ въ качествѣ переводчика мой товарищъ по Пажескому корпусу — капитанъ конной артиллеріи Чириковъ.

Генералъ Коттонъ заявилъ намъ, что цѣлью его визита является прекращеніе дальнѣйшей войны между крестьянами и правительствомъ Деникина.

— Мы можемъ заставить генерала Деникина вступить въ непосредственные переговоры съ крестьянскимъ правительствомъ Черноморья, сказалъ Коттонъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Деникинъ пойдетъ на уступки и признаетъ самостоятельность Сочинскаго округа. Мы готовы оказать вамъ всяческое содѣйствіе и гарантировать вашу самостоятельность, но при непремѣнномъ условіи прекращенія дальнѣйшаго наступленія на Туапсе.

— Къ сожалѣнію, мы должны отклонить ваше любезное вмѣшательство, отвѣтилъ ему Филипповскій. Черноморское крестьянство неоднократно обращалось въ прошломъ году къ англійскому командованію, надѣясь на то, что чувства гуманности и справедливости заставятъ представителей Великобританіи обратить вниманіе на тяжелое положеніе крестьянскаго населенія Черноморской губерніи. Но тогда — вы не удостоили насъ даже своимъ отвѣтомъ, теперь-же споръ крестьянъ съ Добрарміей разрѣшается при помощи оружія. Этотъ споръ — является дѣломъ русскаго народа, и мы не желаемъ вмѣшательства иностранцевъ во внутреннія русскія дѣла.

— Но командованіе Добровольческой арміи относится вполнѣ благожелательно къ нашему вмѣшательству, возразилъ Коттонъ.

— Можетъ быть, но мы стоимъ на опредѣленной точкѣ зрѣнія, что васъ совершенно не касаются взаимоотношенія различныхъ русскихъ политическихъ группировокъ. Вѣдь мы не вмѣшиваемся въ ваши внутреннія дѣла, почему-же вы хотите оказывать свое вліяніе на наши русскіе споры?

— Правительство Великобританіи хочетъ видѣть въ Россіи миръ и спокойствіе. Мы поддерживали Деникина въ его борьбѣ съ большевиками, но не хотимъ допустить междоусобицы между крестьянами и Добровольческой арміей. Этимъ объясняется наше желаніе примирить васъ съ Деникинымъ.

— Въ настоящій моментъ въ Сочи засѣдаетъ окружной съѣздъ. Комитетъ Освобожденія не выноситъ самостоятельныхъ рѣшеній, а выполняетъ волю крестьянскаго населенія. Предложите съѣзду заключить миръ съ генераломъ Деникинымъ и, если съѣздъ постановитъ такое рѣшеніе, мы обязаны будемъ привести его въ исполненіе.

Генералъ Коттонъ пожелалъ лично обратиться къ представителямъ Сочинскаго крестьянства и попросилъ разрѣшенія посѣтить засѣданіе съѣзда.

Я открылъ прерванное засѣданіе, на которое вскорѣ явились генералъ Коттонъ, его переводчикъ капитанъ Чириковъ и предсѣдатель Комитета Освобожденія Филипповскій.

Но англійскому генералу не скоро удалось выступить передъ крестьянами, которые наперерывъ старались разсказать представителю культурной Европейской націи о всѣхъ страданіяхъ и обидахъ, причиненныхъ имъ властями и карательными экспедиціями Добрарміи. Одинъ за другимъ поднимались на трибуну представители различныхъ районовъ и селеній и жуткими красками описывали «подвиги» назначенныхъ генераломъ Деникинымъ гражданскихъ и военныхъ начальниковъ.

— Въ прошломъ году, на второй день Свѣтлаго Праздника, мы обратились къ вашему полковнику Файну, заявилъ Коттону одинъ изъ депутатовъ. Но вы тогда не захотѣли помочь намъ. Чего-же вы хотите отъ насъ сейчасъ, когда мы, съ Божьей помощью, избавились отъ гнета насильниковъ?

— Мы не побоялись вашихъ пулеметовъ и пушекъ, которыми вы снабжали Деникина для борьбы съ безоружными крестьянами, обратился къ Коттону другой депутатъ, такъ неужели вы думаете, что теперь мы, завладѣвъ этими вашими пушками и пулеметами, побоимся вашихъ угрозъ? Знайте, что мы до тѣхъ поръ не прекратимъ борьбу, пока не установимъ свою крестьянскую власть на всемъ Черноморьѣ . . . И никакіе иностранцы не смогутъ помѣшать намъ . . .

Генералъ Коттонъ, которому переводчикъ дословно переводилъ каждое заявленіе депутатовъ съѣзда, былъ видимо смущенъ. Привыкнувъ на территоріи Добрарміи къ выраженіямъ почтительной благодарности, онъ впервые столкнулся и ознакомился съ пастроеніями того русскаго народа, отъ имени котораго съ нимъ до сего времени разговаривали генералы и бывшіе губернаторы до-революціоннаго режима. Враждебное отношеніе русскихъ къ всемогущимъ бывшимъ союзникамъ было для него полной неожиданностью. До сихъ поръ англичане думали, что, поддерживая Деникина, Колчака и другихъ «правителей», они оказываютъ благодѣяніе русскому народу, и представители добровольческаго командованія поддерживали въ нихъ эту увѣренность.

Коттонъ попросилъ слова и обратился къ съѣзду съ предложеніемъ послать съ нимъ въ Новороссійскъ делегатовъ для переговоровъ съ Верховнымъ комиссаромъ Великобританіи на предметъ заключенія перемирія съ Добрарміей.

— Англичане желаютъ добра Россіи, заявилъ генералъ. Англія всегда и всюду боролась за свободу и справедливость. Мы помогали Деникину оружіемъ и обмундированіемъ, такъ-какъ онъ боролся противъ большевизма, который является самымъ большимъ врагомъ свободы. Выберите делегатовъ, и я ихъ доставлю въ Новороссійскъ, гдѣ они смогутъ договориться о прекращеніи борьбы съ добровольцами. Я не сомнѣваюсь, что ваши разсказы о произведенныхъ добровольцами звѣрствахъ — соотвѣтствуютъ истинѣ, но эти звѣрства не могутъ служить препятствіемъ для заключенія мира. Англичане ручаются за то, что всѣ виновники этихъ звѣрствъ будутъ наказаны, а англичане всегда держатъ свое слово . . .

Крестьяне молча и съ недовѣріемъ выслушали генерала и, когда онъ усѣлся на мѣсто, на трибуну поднялся Филипповскій, предложившій представителю Верховнаго комиссара Великобританіи отвѣтить на три вопроса:

— Россія страдаетъ отъ голода, холода и отсутствія предметовъ первой необходимости. Англія запрещаетъ другимъ странамъ возобновлять торговлю съ Россіей и обрекаетъ русскій народъ на новыя лишенія. До какихъ поръ будетъ поддерживаться такая политика Великобританіи? Англичане снабжаютъ реакціонныя правительства и самозванныхъ правителей оружіемъ и снаряженіемъ, чѣмъ поддерживаютъ гражданскую междоусобицу. Когда прекратится это вмѣшательство англичанъ во внутреннія дѣла Россіи?

— Англія обѣщала свою поддержку анти-большевистскому правительству Деникина и всѣми мѣрами помогаетъ ему въ борьбѣ съ большевиками, отвѣтилъ генералъ Коттонъ.

— Проводя политику блокады, будетъ-ли Англія препятствовать установленію морского транспорта между Сочи и Грузіей и будетъ-ли допускать въ Сочи суда съ продовольствіемъ и мануфактурой, снова задалъ вопросъ Филипповскій.

— Этотъ вопросъ еще не разрѣшенъ Англійскимъ командованіемъ...

Хоръ негодующихъ восклицаній прервалъ отвѣтъ генерала.

— Вы пріѣхали уговаривать насъ помириться съ Деникинымъ, а сами хотите насъ уморить голодомъ, кричали съ мѣстъ депутаты.

Съ трудомъ удалось мнѣ успокоить взволновавшихся членовъ съѣзда, послѣ чего я заявилъ генералу Коттону, что съѣздъ обсудитъ его предложеніе и дастъ на слѣдующій день отвѣтъ представителю Верховнаго комиссара.

— Хорошо, согласился Коттонъ: я вышлю завтра въ 6 часовъ вечера парламентера на 12-ю версту жел. дорожной линіи отъ Туапсе. Въ этомъ пунктѣ онъ будетъ дожидаться вашего отвѣта.

Мнѣ только-что передали телефонограмму съ фронта о начавшейся аттакѣ Туапсе и о томъ, что одинъ изъ нашихъ отрядовъ уже овладѣлъ вокзаломъ и предмѣстьями города. Поэтому я отвѣтилъ генералу, что назначенный имъ пунктъ встрѣчи парламентеровъ придется оставить и избрать другой — къ сѣверу отъ Туапсе.

— Неужели вы надѣетесь занять завтра Туапсе, улыбнулся Коттонъ: имѣйте ввиду, что суда королевскаго флота примутъ участіе въ оборонѣ этого порта.

— Боюсь, что англійская эскадра запоздаетъ и не сможетъ оказать поддержки Туапсинскому гарнизону.

— Прежде, чѣмъ начать аттаку Туапсе, вспомните, что англійское командованіе отнесется крайне отрицательно къ такому шагу съ вашей стороны.

— Къ сожалѣнію, ваше предупрежденіе также запоздало, господинъ генералъ, такъ-какъ атака Туапсе уже началась и наши отряды въ настоящій моментъ вступаютъ въ городъ...

Съ этими словами мы распрощались съ англичанами, которые поспѣшили вернуться на свой миноносецъ. Черезъ 10 минутъ миноносецъ поднялъ якорь и отошелъ по направленію къ Туапсе, куда прибылъ въ 6 часовъ вечера и былъ встрѣченъ въ порту назначеннымъ мною новымъ комендантомъ, только-что приступившимъ къ подсчету захваченныхъ ополченіемъ трофеевъ.

Послѣ отъѣзда англичанъ съѣздъ приступилъ къ обсужденію резолюціи по текущему моменту. Резолюція эта обсуждалась уже наканунѣ крестьянской фракціей, была ею единогласно принята и теперь я огласилъ ее на пленарномъ засѣданіи съѣзда. Такъ-какъ крестьяне составляли подавляющее большинство съѣзда, не могло быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что она будетъ принята пленумомъ съѣзда. Но къ моему глубочайшему изумленію вышло иначе:

выработанная крестьянами, на основаніи данныхъ имъ съ мѣстъ наказовъ, резолюція была отклонена съѣздомъ, который принялъ другую, предложенную Филипповскимъ и находившуюся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ настроеніями крестьянства.

Произошло это слѣдующимъ образомъ. Въ деклараціи крестьянской фракціи, положенной въ основу резолюціи по текущему моменту говорилось объ одинаково отрицательномъ отношеніи крестьянъ, какъ къ генеральской, такъ и къ большевистской диктатурамъ. Крестьяне заявляли, что они будутъ стремиться къ установленію въ освобожденномъ отъ добровольцевъ краѣ началъ истиннаго народоправства и будутъ бороться противъ всякихъ попытокъ новаго насильственнаго захвата своей родной территоріи: «всякая посторонняя сила сможетъ перейти границы округа только по трупамъ всего Сочинскаго крестьянства».

Затѣмъ въ резолюціи указывалось на стремленіе крестьянъ положить конецъ безсмысленной братоубійственной гражданской войнѣ и на ихъ желаніе вступить въ свободный союзъ съ остальными областями и народами Россіи. «Но мы не хотимъ такого объединенія, говорилось въ резолюціи, подъ властью насильниковъ и можемъ вступить въ переговоры о такомъ союзѣ лишь съ свободно избранными представителями сосѣднихъ областей».

Когда я огласилъ эту резолюцію и предложилъ голосовать ее, поднялся со своего мѣста лидеръ «фракціи фронтовиковъ» Томашевскій и заявилъ, что резолюція эта совершенно непріемлема фронтовикамъ. Такое-же заявленіе отъ имени рабочей группы сдѣлалъ предсѣдатель меньшевистскаго комитета Измайловъ. Начались пренія, во время которыхъ выяснилось, что непріемлемыми для фронтовиковъ и рабочихъ являются тѣ выраженія, въ которыхъ говорится о «всякой посторонней силѣ» и о существующей въ остальной Россіи «власти насильниковъ». Большевики, конечно, понимали что эти выраженія относятся къ нимъ и поэтому энергично противъ нихъ протестовали. Я не придавалъ никакого значенія заявленію Томашевскаго, такъ какъ зналъ, что фракція фронтовиковъ представляетъ не фронтъ, а всего лишь два баталіона плѣнныхъ добровольцевъ, которые были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ дирижировавшихъ ими большевиковъ. Но меня поразило заявленіе Измайлова, котораго я до сихъ поръ считалъ идейнымъ меньшевикомъ и противникомъ политики коммунистовъ.

Крестьяне отнеслись совершенно равнодушно къ заявленію фронтовиковъ и рабочихъ и предложили имъ воздержаться при принятіи резолюціи. Томашевскій, пошептавшись со своими товарищами, согласился съ такимъ предложеніемъ и заявилъ, что фронтовики не будутъ принимать участія въ голосованіи. Такимъ образомъ предложенная крестьянами резолюція была-бы принята подавляющимъ большинствомъ съѣзда, но вмѣшательство Филипповскаго и Измайлова помѣшали этому. Филипповскій, который какъ и нѣкоторые другіе члены Комитета Освобожденія, былъ увѣренъ въ эволюціи большевиковъ, считалъ невозможнымъ обострять отношеній крестьянъ съ коммунистами. Поэтому онъ предложилъ избрать согласительную комиссію — по три представителя отъ крестьянской, рабочей и фронтовой фракцій, для составленія новой резолюціи, въ которой должны быть выкинуты всѣ направленные противъ большевиковъ выраженія. Измайловъ горячо поддержалъ предложеніе Филипповскаго, которое и было принято незначительнымъ большинствомъ съѣзда. Большая часть крестьянъ демонстративно не приняла участія въ голосованіи этого предложенія, которое явно нарушало наказы волостныхъ и сельскихъ сходовъ.

Я отказался отъ участія въ согласительной комиссіи и ушелъ въ штабъ переговорить по прямому проводу съ командующимъ фронтомъ, отъ котораго хотѣлъ узнать подробности начавшейся атаки Туапсе.

Командующій фронтомъ передалъ мнѣ донесеніе о взятіи Туапсе и захватѣ колоссальныхъ трофеевъ, въ томъ числѣ 35 милліоновъ рублей, только-что полученныхъ Туапсинскимъ казначействомъ изъ Новороссійска.

Когда я вернулся въ залъ засѣданія, согласительная комиссія уже составила новую резолюцію, въ основу которой была положена декларація крестьянской фракціи, но изъ которой были тщательно выкинуты всѣ «обидныя» для большевиковъ выраженія. Часть крестьянъ не поняла новой резолюціи, а остальные снова не приняли участія въ голосованіи. Такимъ образомъ резолюція эта была принята всѣми голосами рабочихъ и фронтовиковъ и незначительной частью крестьянскихъ делегатовъ.

Послѣ принятія резолюціи я объявилъ съѣзду о новой одержанной крестьянскимъ ополченіемъ побѣдѣ, встрѣченной восторженными «ура» членовъ съѣзда и присутствовавшей на засѣданіи публики.

Слѣдующія засѣданія съѣзда проходили довольно вяло. Крестьяне поняли, что принятая по текущему моменту резолюція не соотвѣтствуетъ ихъ настроеніямъ и торопились разъѣхаться по домамъ. Фронтовики также просили скорѣе закончить съѣздъ, чтобы поспѣть въ Туапсе, гдѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, большевики готовились произвести «государственный переворотъ».

Послѣ переизбранія Комитета Освобожденія, которое кончилось полнымъ проваломъ выставленныхъ рабочей и фронтовой фракціями кандидатовъ и побѣдой крестьянъ, забаллотировавшихъ даже лидеровъ рабочихъ и фронтовиковъ — Измайлова и Томашевскаго, съѣздъ былъ закрытъ.

Изъ Туапсе стали поступать тревожныя вѣсти и я собирался выѣхать на фронтъ, приближавшійся уже къ Геленджику.

Меня тревожило не столько положеніе фронта, которое я считалъ вполнѣ прочнымъ, сколько начавшіяся въ Туапсе безобразія, производимыя перешедшимъ при взятіи города на нашу сторону Черноморскимъ пѣхотнымъ полкомъ Добрарміи. Полкъ этотъ, заранѣе распропагандированный большевиками, которые еще въ Новороссійскѣ при его формированіи основали въ немъ солидную комъ-ячейку, арестовалъ своихъ офицеровъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ разстрѣлялъ, послѣ чего началъ грабить доставшіеся намъ въ Туапсе богатые склады обмундированія. Командующій фронтомъ доносилъ мнѣ, что онъ не въ состояніи обуздать разошедшихся Черноморцевъ, а комендантъ Туапсе — коммунистъ Шевцовъ и самовольно выѣхавшій въ Туапсе Томашевскій, преслѣдуя извѣстную цѣль, не только не принимали мѣръ къ обузданію вышедшихъ изъ повиновенія солдатъ, но наоборотъ всячески имъ потакали.

Я спѣшно выслалъ въ Туапсе три крестьянскихъ роты подъ начальствомъ моего помощника, члена Комитета Освобожденія Учадзе, которому предложилъ немедленно разоружить Черноморцевъ. Прибывшіе въ Туапсе крестьяне быстро навели тамъ порядокъ, спасли отъ разграбленія казначейство и вывезли изъ Туапсинской тюрьмы многочисленныхъ плѣнныхъ офицеровъ Добрарміи, которые подвергались тамъ ежеминутной опасности быть разстрѣлянными своими бывшими подчиненными — солдатами Черноморскаго полка.

27-го февраля я собирался выѣхать въ Туапсе, но вторичный визитъ англійскаго генерала Коттона, явившагося за отвѣтомъ на сдѣланное имъ предложеніе о мирныхъ переговорахъ съ Деникинымъ, помѣшалъ этому.

Обсудивъ предложеніе англичанъ, съѣздъ рѣшилъ ни въ какіе переговоры съ командованіемъ Добарміи не вступать и поручилъ Комитету Освобожденія передать объ этомъ представителю Верховнаго комиссара Великобританіи.

Отвѣтъ Комитета Освобожденія былъ изложенъ въ особой нотѣ, состоявшей изъ 4-хъ пунктовъ. Въ первомъ пунктѣ комитетъ заявлялъ, что крестьяне отказываются отъ переговоровъ съ генераломъ Деникинымъ. Во второмъ — говорилось о твердомъ рѣшеніи крестьянскаго населенія освободить изъ подъ власти Добарміи всю территорію Черноморской губерніи. Третій пунктъ подтверждалъ радіограмму Комитета Освобожденія Кубанской Радѣ отъ 9-го февраля, предлагавшую установить добрососѣдскія отношенія съ Кубанью. Въ четвертомъ пунктѣ Комитетъ указывалъ на противорѣчія между заявленіемъ генерала Коттона о продолженіи вооруженнаго вмѣшательства англичанъ въ русскія дѣла и словами англійскаго премьера Ллойдъ-Джорджа о прекращеніи военной помощи Деникину и Колчаку.

На этотъ разъ генералъ Коттонъ держалъ себя гораздо скромнѣе, чѣмъ во время перваго своего визита. Выслушавъ отвѣтъ Комитета Освобожденія, онъ не настаивалъ больше на мирныхъ переговорахъ съ Деникинымъ, но просилъ прекратить дальнѣйшее наступленіе нашихъ войскъ на Новороссійскъ. Онъ просилъ также разрѣшить англичанамъ вывезти изъ Сочи плѣнныхъ офицеровъ Добарміи и тѣхъ гражданъ, которые пожелаютъ покинуть Черноморье.

Хотя мы по нѣкоторымъ соображеніямъ и не стремились занимать Новороссійска, но говорить объ этомъ англійскому генералу не хотѣли. Поэтому Филипповскій отвѣтилъ Коттону, что такъ какъ Новороссійскъ находится на территоріи Черноморской губерніи, то наступленіе крестьянскаго ополченія не будетъ пріостановлено до тѣхъ поръ, пока врагъ не будетъ изгнанъ изъ предѣловъ губерніи.

— Такъ какъ въ Новороссійскѣ находятся склады англійскаго имущества, то движеніе ваше на этотъ городъ будетъ нами разсмотрѣно, какъ враждебное выступленіе противъ Англіи, заявилъ Коттонъ.

— Вы можете вывезти ваше имущество изъ Новороссійска, но во всякомъ случаѣ это не остановитъ насъ отъ занятія нашего города, отвѣтили мы ему.

— Повторяю, что въ случаѣ вашего наступленія на Новороссійскъ — англійскія войска не останутся нейтральными, сказалъ волнуясь генералъ.

— Мы оффиціально заявляемъ вамъ, что не имѣемъ никакого желанія сражаться съ англичанами, но, если вы первые выступите противъ насъ, то вся отвѣтственность ляжетъ на васъ. Мы доведемъ до свѣдѣнія англійскаго народа черезъ Палату Общинъ о вашемъ предупрежденіи и о нарушеніи вами нейтралитета. Что-же касается Новороссійска, то это русскій городъ и иностранцамъ нечего безпокоиться о томъ, будетъ-ли онъ занятъ Черноморскими крестьянами, или останется въ рукахъ Деникина. Ваше имущество насъ нисколько не интересуетъ, и мы можемъ гарантировать вамъ его неприкосновенность, въ случаѣ занятія нашими отрядами Новороссійска. Если-же вы упорно хотите вмѣшаться въ нашу борьбу съ Добарміей, то это ваше дѣло, за которое вы будете отвѣчать передъ вашимъ народомъ. Мы еще разъ повторяемъ вамъ, что ваши угрозы не повліяютъ на принятое нами рѣшеніе — довести до конца дѣло освобожденія Черноморской губерніи.

Коттонъ обѣщалъ передать наше заявленіе и ноту Верховному комиссару — генералу Кизу и, очень недовольный результатами своего визита, раскланялся съ нами.

XIX

Между тѣмъ въ Туапсе назрѣвали крупныя событія. Комитетъ Освобожденія, опиравшійся исключительно на крестьянъ Сочинскаго округа, не торопился переѣзжать въ Туапсе, являвшійся центральнымъ пунктомъ губерніи, и пытался изъ Сочи управлять всѣмъ Туапсинскимъ и южной частью Новороссійскаго округовъ, очищенныхъ къ началу марта отъ властей и отрядовъ Добрарміи. Крестьяне этихъ двухъ округовъ не принимали участія въ послѣднемъ съѣздѣ и новый составъ комитета былъ имъ незнакомъ. Главный Штабъ ополченія успѣлъ организовать только два районныхъ штаба въ Туапсинскомъ округѣ и также имѣлъ мало вліянія на крестьянство сѣверной части губерніи. Первые дни послѣ съѣзда я былъ занятъ организацией волостныхъ крестьянскихъ управъ въ Сочинскомъ округѣ, почему также не могъ во время поспѣть въ Туапсе.

Всѣмъ этимъ воспользовались большевики, которые хотѣли объявить Черноморье совѣтской республикой и, опираясь на солдатъ Сальянскаго, Шемахинскаго и Черноморскаго полковъ Добрарміи, въ достаточной степени распропагандированныхъ ком-ячейками и спеціально командированными Закавказскимъ областнымъ комитетомъ коммунистической партіи агитаторами, свергнуть избранное крестьянами правительство.

Черезъ нѣсколько дней послѣ занятія Туапсе въ штабъ фронта явились представители наступавшей на Кубань 9-й совѣтской арміи — Соркинъ и Цимбалистъ. По ихъ указанію Томашевскій и Шевцовъ вооружили всѣхъ военно-плѣнныхъ добровольцевъ и сформировали изъ нихъ шесть баталіоновъ. Затѣмъ былъ въ экстренномъ порядкѣ созванъ «фронтовой съѣздъ», который провозгласилъ крестьянское ополченіе — Черноморской красной арміей, отказался признавать Комитетъ Освобожденія и Главный Штабъ и избралъ «реввоенсовѣтъ».

Какъ только извѣстіе о рѣшеніяхъ фронтового съѣзда дошло до находившихся на фронтѣ крестьянскихъ отрядовъ Сочинскаго округа, всѣ они тотчасъ снялись съ фронта и, отказавшись подчиняться новому «реввоенсовѣту», вернулись въ Сочи. На фронтѣ, такимъ образомъ, остались только баталіоны бывшихъ добровольцевъ.

Туапсинскіе крестьяне, узнавъ о происшедшемъ въ Туапсе переворотѣ, также забезпокоились, прислали ходоковъ въ Сочи и заявили Главному Штабу, что они не хотятъ признавать власти реввоенсовѣта и будутъ впредь подчиняться только приказамъ Главнаго Штаба крестьянскаго ополченія и Комитету Освобожденія.

Большевики не ожидали такого противодѣйствія со стороны крестьянъ и въ свою очередь забезпокоились, стараясь найти выходъ изъ создавшагося положенія. Туапсинскій реввоенсовѣтъ обратился къ Комитету Освобожденія и предложилъ намъ договоръ для разграниченія функцій реввоенсовѣта и комитета. Онъ предлагалъ передать комитету управленіе всѣмъ Туапсинскимъ округомъ, при условіи передачи ему всѣхъ захваченныхъ въ Туапсе трофеевъ и половины суммъ Туапсинскаго казначейства, во время перевезенныхъ Учадзе въ Сочи.

Въ общемъ положеніе не было катастрофическимъ и Комитетъ Освобожденія, опираясь на все крестьянское населеніе, могъ-бы съ честью изъ него выйти. Но къ сожалѣнію недальновидность Филипповскаго, который былъ ослѣпленъ фантастической мечтой о возможности договориться съ большевиками, испортила все дѣло.

Я предложилъ Филипповскому немедленно выѣхать со мной въ Туапсе и, выяснивъ тамъ обстановку, такъ или иначе положить конецъ создавшемуся двоевластію.

Филипповскій опасался, что реввоенсовѣтъ насъ арестуетъ, но я успокоилъ его, заявивъ, что въ случаѣ нашего ареста, крестьяне силой освободятъ насъ и живо расправятся съ реввоенсовѣтомъ и его шестью деморализованными грабежами баталіонами.

Мы выѣхали на двухъ моторныхъ катерахъ, сопровождаемые представителями Хостинскаго и Волковскаго районныхъ штабовъ, которые не хотѣли отпускать меня безъ конвоя въ Туапсе.

Реввоенсовѣтъ устроилъ намъ торжественную встрѣчу, демонстративно подчеркивая, что онъ не стремится къ захвату власти въ Туапсинскомъ округѣ, а желаетъ исключительно управлять фронтомъ. Назначенный «командармомъ» — бывшій командиръ одной изъ дружинъ крестьянскаго ополченія Казанскій — сдѣлалъ мнѣ подробный докладъ о положеніи на фронтѣ и заявилъ, что, несмотря на рѣшеніе фронтового съѣзда, онъ и всѣ бывшіе подъ моимъ начальствомъ фронтовики готовы съ радостью исполнять по-прежнему мои приказы и распоряженія.

Вскорѣ въ помѣщеніи штаба арміи состоялось совѣщаніе, на которомъ приняли участіе члены реввоенсовѣта (Соркинъ, Цимбалистъ и Казанскій), Филипповскій, Сорокинъ, я и находившійся въ Туапсе членъ Комитета Освобожденія И. И. Рябовъ (бывшій членъ Самарскаго правительства и членъ Учредительнаго Собранія).

Мнѣ прежде всего хотѣлось выяснить планы большевиковъ и ихъ ближайшія намѣренія.

— Нашей задачей является облегчить наступленіе 9-й совѣтской арміи на Екатеринодаръ, заявилъ предсѣдатель реввоенсовѣта Соркинъ. Поэтому мы на дняхъ двинемся на Бѣлорѣченскую, захватимъ Майкопскій и часть Лабинскаго отдѣловъ и, обезпечивъ себѣ прочную тыловую базу, пойдемъ на соединеніе съ частями 9-й арміи. Что-же касается Геленджикскаго фронта, то, усиливъ его нѣсколькими ротами, мы двинемъ его на Новороссійскъ, чтобы отрѣзать путь отступленія добровольцамъ и захватить желѣзную дорогу изъ Новороссійска въ Екатеринодаръ.

Для меня было совершенно ясно, что планъ Соркина обреченъ на вѣрную неудачу, но возражать я ему не сталъ, такъ какъ считалъ, что чѣмъ скорѣе армія реввоенсовѣта покинетъ нашу территорію, тѣмъ мы скорѣе возстановимъ свою власть.

Я уже говорилъ, что будучи увѣрены въ неминуемомъ разгромѣ добровольцевъ, мы хотѣли прочно укрѣпиться на естественныхъ и неприступныхъ рубежахъ Черноморья, каковыми являлись — главный Кавказскій хребетъ на востокѣ и Михайловскій перевалъ на сѣверѣ. Укрѣпившись на этихъ рубежахъ, организовавъ свою крестьянскую армію и объединивъ населеніе Сочинскаго, Туапсинскаго и южной части Новороссійскаго округовъ, Комитетъ Освобожденія могъ-бы сохранить эту территорію отъ захвата ея большевиками и заявить совѣтскому правительству о полной автономіи и самостоятельности Черноморья. Ввиду неприступности естественныхъ границъ Черноморья и такого ненадежнаго тыла, какимъ являлась Кубань, большевики безусловно отказались-бы на первое время отъ мысли завоевать Черноморье силой оружія, а черезъ полгода или годъ мы-бы настолько укрѣпились, что распространили свое вліяніе на Кубанскихъ казаковъ

и крестьянъ Ставропольской губерніи и, можетъ быть, достигли-бы нашего завѣтнаго стремленія — образованія Сѣверо-Кавказской крестьянско-казачьей республики.

Поэтому я готовъ былъ пойти на какія угодно уступки реввоенсовѣту, лишь бы онъ скорѣе убрался изъ Туапсе и очистилъ территорію до Михайловскаго перевала.

Началась торговля. Реввоенсовѣтъ требовалъ отъ насъ все захваченное крестьянскимъ ополченіемъ оружіе, обмундированіе и часть перевезенныхъ въ Сочи милліоновъ. Я не возражалъ противъ денегъ, но не соглашался на передачу всего оружія.

— Если васъ разобьютъ добровольцы, то мы останемся безоружными и Черноморье можетъ быть вновь захвачено Деникинымъ, отвѣтилъ я Соркину.

— Не безпокойтесь: если даже мы и потерпимъ пораженіе, то черезъ нѣсколько дней 9-я и 10-я совѣтскія арміи захватятъ всю Кубань, двинутся на Черноморье и освободятъ васъ отъ добровольцевъ.

Онъ разсуждалъ правильно, но мы какъ разъ и опасались вторженія большевиковъ, на плечахъ разбитой Деникинской арміи, въ предѣлы Черноморья.

Поэтому я сталъ категорически настаивать на немедленной передачѣ Комитету Освобожденія всей власти въ Туапсинскомъ округѣ, возвращеніи Главному Штабу крестьянскаго ополченія 2-хъ тяжелыхъ и 4-хъ горныхъ пушекъ и 12-ти пулеметовъ. Безъ этого оружія мы не могли-бы сформировать три новыя дружины, необходимыя намъ для обороны Черноморья и отъ большевиковъ, и отъ добровольцевъ.

Въ компенсацію за это я предлагалъ реввоенсовѣту 20 милліоновъ изъ захваченныхъ нами денегъ Туапсинскаго казначейства.

Реввоенсовѣтъ сталъ колебаться и навѣрное согласился-бы на мои условія, но тутъ вмѣшался Филипповскій, который сталъ уговаривать меня не требовать такого большого количества оружія.

— Товарищъ Соркинъ правъ, сказалъ онъ: зачѣмъ намъ пушки и пулеметы, когда не за горами день окончательнаго разгрома добровольцевъ . . .

Филипповскаго поддержали Рябовъ и Соркинъ, которые также какъ и онъ вѣрили въ то, что большевики оставятъ насъ спокойно управлять Черноморьемъ . . . Если-бы они въ этотъ моментъ могли предугадать то, что произошло черезъ полтора мѣсяца въ Сочи, когда эти наивные люди были арестованы «товарищами-большевиками», они навѣрно не стали-бы мнѣ мѣшать и также настаивали-бы на возвращеніи Главному Штабу пушекъ и пулеметовъ.

Въ концѣ-концовъ, Филипповскій не только отказался отъ возвращенія оружія, но согласился даже на временное оставленіе власти въ Туапсинскомъ округѣ въ рукахъ реввоенсовѣта и обязался, отъ имени Комитета Освобожденія, не препятствовать агитаціи коммунистовъ въ селеніяхъ Сочинскаго округа.

За все это реввоенсовѣтъ милостиво разрѣшилъ намъ володѣть и княжить Сочинскимъ округомъ до тѣхъ поръ, пока товарищи-коммунисты не расправятся окончательно съ Деникинымъ и не приберутъ насъ подъ свою высокую руку . . .

Мы позорно очистили поле битвы, хотя могли-бы выйти побѣдителями и добиться очень многаго отъ реввоенсовѣта, который чувствовалъ, что вся его сила заключается только въ одномъ нахальствѣ . . . .

Несмотря на такую неудачу, я все-таки выторговалъ у Казанскаго и Соркина одно тяжелое орудіе и двѣ горныхъ пушки, которыя тотчасъ-же пере-

отправилъ въ Сочи. Кромѣ того Казанскій обѣщалъ прислать мнѣ тайкомъ отъ Реввоенсовѣта четыре пулемета и пятьдесятъ трехъ-линейныхъ винтовокъ.

На слѣдующее утро я отправился съ Казанскимъ осматривать захваченную при взятіи Туапсе тяжелую тракторную батарею и находившійся въ новомъ порту пароходъ «Тайфунъ».

Только-что мы вышли изъ гостиницы «Европа», въ которой помѣщался штабъ арміи, какъ къ Казанскому прибѣжалъ матросъ изъ портового дежурства и доложилъ о приближеніи къ Туапсе какого-то военнаго судна. Мы вернулись въ гостиницу, вышли на балконъ и увидали въ бинокль медленно двигавшійся съ юга миноносецъ.

— Это опять наши друзья англичане, сказалъ Казанскій, и мы спокойно спустились внизъ, сѣли въ извозчичью пролетку и поѣхали въ портъ.

Осматривая находившійся въ ремонтѣ пароходъ «Тайфунъ» я замѣтилъ, что неизвѣстный миноносецъ, не поднимая флага, медленно приближался къ порту. Простымъ глазомъ можно было разглядѣть собравшихся на мостикѣ офицеровъ и суетившуюся около орудій прислугу. Никому и въ голову не приходила мысль, что это добровольческій миноносецъ, который готовился обстрѣлять Туапсе.

— Да вѣдь это «Пылкій», сказалъ, пристально вглядѣвшійся въ судно, стоявшій на молу матросъ изъ портового дежурства.

— Какой тамъ «Пылкій», возразилъ ему Казанскій: развѣ добровольцы не знаютъ, что у насъ въ Туапсе шесть дальнобойныхъ орудій, отъ которыхъ ихъ миноносцу не поздоровится.

— Орудія-то у насъ есть, да пока вы подымете тревогу и соберете къ нимъ прислугу — миноносецъ успѣетъ насъ здорово раскатать...

Въ это время съ кормы миноносца блеснулъ огонь и первый снарядъ со свистомъ пронесся черезъ наши головы и разорвался на базарѣ.

Вслѣдъ за первымъ раздался второй выстрѣлъ и миноносецъ, оказавшійся на самомъ дѣлѣ «Пылкимъ», сталъ осыпать территорію новаго порта, вокзалъ Армавирской дороги и базаръ мѣтко направляемыми снарядами.

Поднялась тревога, прислуга бросилась къ тракторнымъ орудіямъ и черезъ пять минутъ Туапсинскія пушки стали отвѣчать добровольческому миноносцу.

«Пылкій» не сталъ дожидаться, пока Туапсинскіе артиллеристы пристрѣляются по немъ и, выпустивъ двадцать пять снарядовъ, быстро повернулся и, развивъ максимальную скорость, скрылся за мысомъ.

Я пошелъ на базаръ поглядѣть на результаты бомбардировки. Они были незначительны: одинъ снарядъ сорвалъ вывѣску съ городской библіотеки, второй — попалъ въ будку старьевщика, разметавъ весь товаръ обезумѣвшаго со страха торговца, третій разворотилъ нѣсколько лотковъ въ обжорномъ ряду, а четвертый убилъ на-повалъ неизвѣстную женщину. Черезъ нѣсколько минутъ убитая женщина была опознана и оказалась женой взятаго въ плѣнъ офицера-добровольца, который только-что былъ освобожденъ изъ тюрьмы и собирался выѣхать въ Сочи.

Несчастный мужъ, только-что вырвавшійся изъ тюрьмы и пережившій долгую разлуку съ любимой женщиной, рыдалъ надъ трупомъ жены, бился головой о камни окровавленной мостовой и осыпалъ проклятіями скрывшійся за горизонтомъ миноносецъ.

— Мерзавцы, истерически кричалъ онъ: когда насъ били подъ Сочи и подъ Головинкой — тогда вы не могли оказать намъ поддержки, а теперь, какъ блуд-

ливыя кошки, подкрадываетесь къ городу и обстрѣливаете ни въ чемъ неповинное мирное населеніе... А вы тоже, горе-артиллеристы, набросился онъ на столпившихся вокругъ солдатъ тракторной батареи: съ такого близкаго разстоянія и не могли продырявить это паршивое суденышко, сволочи ....

Артиллеристы, которые при другихъ обстоятельствахъ немедленно расправились бы съ плѣннымъ «кадетомъ», осмѣлившимся обругать ихъ, конфузливо улыбались и старались оправдаться передъ собравшейся толпой.

Съ тяжелымъ чувствомъ безсилія помочь горю овдовѣвшаго при такихъ трагическихъ обстоятельствахъ офицеру, я протискался сквозь толпу причитавшихъ торговокъ и вернулся въ гостиницу, гдѣ меня съ нетерпѣніемъ ожидали Филипповскій и Сорокинъ.

— Ну его къ чорту, этотъ проклятый городъ, выругался Филипповскій, выслушавъ мой разсказъ о единственной жертвѣ бомбардировки. Намъ здѣсь дѣлать больше нечего, поѣдемъ домой...

Съ грустными думами возвращался я въ Сочи, сознавая, что всѣ наши планы разбиты и что часы существованія нашей крестьянской республики сочтены.

— Что вы такъ пріуныли, Николай Владиміровичъ, обратился ко мнѣ предсѣдатель Хостинскаго штаба Блохнинъ.

Я подѣлился съ нимъ моими мрачными думами и невеселыми перспективами предстоящей намъ безславной кончины.

— Не кручиньтесь, Н. В., все будетъ хорошо, подождите немного — мы у себя въ Сочинскомъ округѣ такъ укрѣпимся, что никакая «шатія» ничего съ нами не сдѣлаетъ. Вмѣсто Михайловскаго перевала станемъ на «Чухукѣ» (рѣчка на границѣ Туапсинскаго и Сочинскаго округовъ), укрѣпимъ на ней позицію — пусть-ка кто нибудь тогда къ намъ сунется. Все крестьянство, какъ одинъ человѣкъ, будетъ защищать свою «зеленую власть». Только-бы поскорѣе реввоенсовѣтъ вашъ изъ Туапсе убрался, а ужъ потомъ — дудки: пускай попробуютъ большевики покорить насъ.

Я крѣпко пожалъ руку этому честному и преданному нашему дѣлу человѣку и мы стали съ нимъ оживленно обсуждать планъ переформированія нашихъ дружинъ и укрѣпленія границъ Сочинскаго округа.

— Хоть и маленькая будетъ у насъ республика, а всѣ будутъ намъ завидовать, сказалъ мнѣ на прощаніе Блохнинъ, когда мы высаживались на пристани «Ривьеры».

Мнѣ очень хотѣлось вѣрить этому, но какое-то смутное предчувствіе надвигающагося несчастія томило меня. И несчастіе это явилось гораздо скорѣе, чѣмъ мы могли предполагать...

XX

Случилось какъ-разъ то, чего мы больше всего боялись: часть преслѣдуемой большевиками Добровольческой арміи отступила изъ Кубани на Черноморское побережье и привела вслѣдъ за собой большевиковъ... А мы оказались совершенно неподготовленными къ этому нашествію и, благодаря Туапсинскому перевороту и неудачному соглашенію Комитета Освобожденія съ реввоенсовѣтомъ, почти безоружными.

Туапсинскій реввоенсовѣтъ ничего не сообщалъ о ходѣ военныхъ операцій, и мы питались лишь случайно доходившими до насъ слухами. 20-го Марта вече-

ромъ меня вызвалъ къ прямому проводу предсѣдатель реввоенсовѣта Соркинъ и сообщилъ что по нѣкоторымъ соображеніямъ арміи реввоенсовѣта придется очистить Туапсе и отойти на сѣверъ, по направленію къ Геленджику. Подробности Соркинъ обѣщалъ передать въ шифрованной телеграммѣ.

Мы стали съ нетерпѣніемъ ожидать этой телеграммы, предчувствуя, что эвакуація Туапсе является «началомъ конца».

Вскорѣ мы узнали изъ телеграммы Соркина, что реввоенсовѣтъ нѣсколько дней тому назадъ приступилъ къ выполненію «геніальнаго» плана Соркина и Цимбалиста. Шесть баталіоновъ, составлявшихъ «Черноморскую красную армію», перешли границу Кубани и церемоніальнымъ маршемъ двинулись въ Майкопскій отдѣлъ. Кубанскіе казаки, которые не хотѣли сражаться со своими сосѣдями — Черноморскими крестьянами, — не оказывали имъ вначалѣ никакого сопротивленія. Но затѣмъ, увидѣвъ, что это не крестьянскія дружины, а невѣдомо откуда взявшіеся красноармейцы, казаки взялись за оружіе и выступили противъ Туапсинской арміи.

Побѣдоносное шествіе баталіоновъ Соркина и Цимбалиста было пріостановлено у станицы Ходыженской. Выдержавъ нѣсколько стычекъ съ мѣстными казаками, Туапсинская армія неожиданно для себя столкнулась съ отступавшей изъ Екатеринодара Кубанской арміей генерала Шкуро. Въ телеграммѣ Соркина сила этой арміи опредѣлялась въ 25—30 тысячъ казаковъ. Туапсинцы потерпѣли жестокое пораженіе, въ безпорядкѣ отступили къ станицѣ Индюкъ (на границѣ Туапсинскаго округа и Кубани) и оказались не въ состояніи удержать почти неприступную позицію подъ Индюкомъ. Ввиду полнаго разстройства «Черноморской красной арміи», реввоенсовѣтъ рѣшилъ эвакуировать Туапсе и отступить по направленію на Геленджикъ, откуда Соркинъ разсчитывалъ снова выйти на Кубань и соединиться съ 9-й совѣтской арміей.

Такимъ образомъ мы стояли передъ опасностью новаго захвата Сочинскаго округа добровольцами. Что изъ себя представляетъ армія Шкуро — мы не знали и считали ее частью Добрарміи. Только черезъ нѣкоторое время мы узнали о томъ, что предводительствуемая генераломъ Шкуро армія состоитъ изъ Донскихъ, Кубанскихъ и Терскихъ частей, отказавшихся признавать Деникина и считавшихъ себя войсками Верховнаго круга Дона, Кубани и Терека.

Наши милые сосѣди — кубанцы до самаго послѣдняго момента никакъ не могли выбрать опредѣленной политики, лавируя между признаніемъ верховной власти Деникина и крайней самостійностью. Руководители кубанскаго казачества — члены Рады и краевого правительства — то агитировали среди кубанскихъ фронтовыхъ частей противъ Добровольческой арміи и единаго командованія, то напуганные угрозами англичанъ, призывали своихъ казаковъ къ подчиненію Деникину. Очень немногіе изъ нихъ требовали перемѣнить политику колебаній на демократическую оріентацію и настаивали на немедленномъ созданіи союзной Сѣверно-Кавказской республики, для чего необходимо было войти въ переговоры съ Ставропольскимъ и Черноморскимъ крестьянствомъ, горцами и Терскими казаками.

Несмотря на то, что мы неоднократно предлагали Кубанской Радѣ заключить такой «договоръ дружбы», къ которому такъ стремились и наши Черноморскіе крестьяне и рядовые станичники, кубанскіе политическіе дѣятели не рѣшались вступать въ какіе-бы то ни было переговоры съ такимъ незначительнымъ и слабымъ союзникомъ, какимъ являлось, по ихъ мнѣнію, Черноморское крестьянство.

Но кубанскіе политики всегда отличались тѣмъ, что признавали только грубую физическую силу, передъ которой трепетали и молча ей покорялись.

Такая оріентація на «сильнѣйшихъ» особенно рѣзко проявилась во время 1918—20 г.г. Безропотно покоряясь Деникину, когда онъ одерживалъ побѣды надъ большевиками или когда за его спиной выросталъ англійскій генералъ, угрожавшій въ случаѣ неповиновенія «правителю» лишить Кубанскую армію оружія и англійскаго обмундированія, кубанскіе политики тотчасъ-же порывали всякіе договоры и соглашенія съ главнокомандующимъ Добрарміи, когда убѣждались въ побѣдахъ большевиковъ.

Предсѣдатель Кубанской Рады И. П. Тимошенко, неоднократно ѣздившій на поклонъ въ ставку Деникина и всячески старавшійся примирить Раду съ главнокомандующимъ, послѣ казни Калабухова, за три дня до оставленія добровольцами Екатеринодара настоялъ на полномъ разрывѣ съ Деникинымъ.

И если эти политики не заключили тогда соглашенія съ побѣдившими добровольцевъ большевиками, то это объясняется только тѣмъ, что они не были увѣрены въ окончательной побѣдѣ совѣтскаго правительства. Но я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что если большевикамъ удастся справиться съ непрекращающимися до сихъ поръ казачьими и крестьянскими возстаніями и прочно укрѣпиться на Сѣверномъ Кавказѣ, то эти-же самые кубанскіе политическіе дѣятели поспѣшатъ признать диктатуру коммунистической партіи и постараются своимъ примѣрнымъ поведеніемъ заслужить всемилостивѣйшее прощеніе Московскаго Совнаркома.

Рядовое Кубанское казачество рѣзко отличалось отъ своихъ руководителей, было гораздо болѣе свободолюбиво и дѣйствовало болѣе прямолинейно. Станичники сосѣднихъ съ Черноморьемъ Майкопскаго и Баталпашинскаго отдѣловъ не мѣняли еженедѣльно своихъ оріентацій и всегда честно исполняли заключенные ими съ сосѣдями договоры.

Порвавъ съ Деникинымъ, Верховный кругъ Дона, Кубани и Терека, руководимый предсѣдателемъ Кубанской Рады Тимошенко и состоявшій главнымъ образомъ изъ членовъ Рады, рѣшилъ отвести свои отдѣлившіяся отъ Добрарміи казачьи части на Черноморское побережье и отсюда начать вновь завоеваніе Сѣвернаго Кавказа.

Такой проэктъ являлся очень легкомысленной авантюрой и, конечно, былъ заранѣе обреченъ на полный провалъ. Населеніе Черноморья никогда не имѣло достаточнаго количества хлѣба, который получало изъ сосѣдней Кубани. Поэтому оно ни въ коемъ случаѣ не могло прокормить огромную массу казаковъ и бѣженцевъ, бросившихъ всѣ свои запасы продовольствія и стремившихся найти временный пріютъ и отдыхъ на голодающемъ побережьѣ. Но эти обстоятельства, хорошо извѣстныя Тимошенко и другимъ кубанскимъ политикамъ, отнюдь не останавливали ихъ. Имъ нужна была временная передышка для того, чтобы разобраться въ обстановкѣ и выбрать новую политическую оріентацію. Они также не сочли нужнымъ предупредить Черноморскихъ крестьянъ о своемъ рѣшеніи и полагали, что занявъ Черноморье, они поставятъ насъ передъ свершившимся фактомъ и только тогда вступятъ въ переговоры съ крестьянскимъ правительствомъ

Поэтому мы и полагали, что наступающая на Туапсе армія Шкуро является частью разгромленной большевиками Добрарміи и рѣшили оборонять свою территорію отъ непрошенныхъ гостей.

Еще задолго до оставленія реввоенсовѣтомъ Туапсе, черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія неудачнаго соглашенія между Комитетомъ Освобожденія и реввоенсовѣтомъ, въ Сочи состоялось совѣщаніе районныхъ штабовъ крестьянскаго ополченія, на которомъ обсуждался вопросъ объ укрѣпленіи границъ Сочинскаго округа.

Восточная граница Сочинскаго округа была надежно прикрыта главнымъ Кавказскимъ хребтомъ. Два болѣе доступныхъ перевала — Бѣлорѣченскій и Краснополянскій — могли быть легко обороняемы нѣсколькими десятками стрѣлковъ съ 1—2 пулеметами. Гораздо сложнѣе обстоялъ вопросъ объ оборонѣ сѣверной границы. Хотя горы и подходили близко къ берегу моря и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно вдоль горныхъ рѣчекъ, имѣлись очень хорошія оборонительныя позиціи, но для занятія ихъ и обезпеченія отъ глубокихъ обходовъ необходимо было имѣть значительное число штыковъ и, главнымъ образомъ, артиллерію. А вся наша артиллерія состояла всего изъ 2-хъ горныхъ и 1-й тяжелой пушекъ.

По настоянію Блохнина мы все-таки рѣшили заблаговременно укрѣпить позицію на сѣверной границѣ Сочинскаго округа, по берегу рѣчки Чухуктъ. Эта позиція являлась наиболѣе удобной для обороны, такъ-какъ фланги ея были почти обезпечены отъ обхода, а по фронту она занимала не болѣе 2-хъ верстъ и могла быть прочно занята всего нѣсколькими ротами.

Такъ-какъ среди сотрудниковъ Главнаго Штаба не было ни инженеровъ, ни даже саперныхъ офицеровъ, насъ очень озабачивалъ вопросъ — кому поручить общее руководство работами по укрѣпленію этой позиціи.

Въ это время въ Сочи пріѣхалъ изъ Тифлиса бывшій командиръ инженерной роты Грузинской народной гвардіи поручикъ Богдасаровъ, снабженный солидными рекомендаціями общественныхъ и политическихъ дѣятелей Закавказья.

Я тотчасъ-же назначилъ Богдасарова начальникомъ саперной команды и строителемъ Чухуктской позиціи. Онъ немедленно выѣхалъ на мѣсто, получивъ въ свое распоряженіе второочередную роту Волковскаго районнаго штаба.

Такимъ образомъ мы приготовились къ оборонѣ еще за недѣлю до наступленія арміи Шкуро.

Получивъ извѣстіе о занятіи добровольцами Туапсе, Главный Штабъ объявилъ всеобщую мобилизацію крестьянскаго ополченія. Благодаря системѣ районныхъ штабовъ и общей солидарности крестьянства, мобилизація прошла очень успѣшно: въ первый-же день въ штабы явилось около 1500 ополченцевъ, но за недостаткомъ оружія, которое было въ свое время передано почти цѣликомъ Туапсинскому фронту, пришлось распустить по домамъ болѣе 600 явившихся.

Въ моемъ распоряженіи находилось всего три офицера: Учадзе, котораго я назначилъ начальникомъ обороны Бѣлорѣченскаго перевала, Богдасаровъ, руководившій укрѣпленіемъ позиціи на Чухуктѣ, и только-что явившійся изъ Дагестана полковникъ Перепелица.

Этотъ «полковникъ», оказавшійся впослѣдствіи прапорщикомъ военнаго производства, прибылъ также, какъ и Богдасаровъ, съ очень солидными рекомендаціями.

Я еще не успѣлъ ознакомиться съ «выдающимися» боевыми качествами Перепелицы, почему и имѣлъ неосторожность назначить его начальникомъ передового отряда, состоявшаго изъ 3-хъ ротъ, одной горной пушки и 4-хъ пулеметовъ. Отрядъ этотъ на слѣдующій-же день послѣ приказа о мобилизаціи высту-

пилъ на Чухуктъ, гдѣ долженъ былъ занять позицію и прикрывать формированіе остальныхъ частей ополченія.

Черезъ нѣсколько дней, объѣхавъ районные штабы и осмотрѣвъ сформированныя роты ополченія, я выѣхалъ на Чухуктскую позицію, куда приказалъ выступить еще тремъ ротамъ.

Пріѣхавъ на позицію и осмотрѣвъ произведенную Богдасаровымъ работу, я пришелъ въ ужасъ: за шесть дней усиленной работы позиція оказалась совершенно не укрѣпленной. Кое-гдѣ были вырыты небольшіе окопчики для стрѣльбы съ колѣна, у подножія горы были забиты десятка два кольевъ. Трассировка окоповъ была произведена самымъ небрежнымъ образомъ. Пришлось начать все дѣло за-ново.

Начальникъ передового отряда Перепелица оказался совершенно неграмотнымъ въ военномъ дѣлѣ человѣкомъ и, прибывъ на позицію на два дня раньше меня, не удосужился даже выслать въ сторону Туапсе развѣдки. Поэтому мы ничего не знали о силахъ и мѣстонахожденіи противника.

Прежде всего я выслалъ развѣдку, которой приказалъ занять Лазаревку и установить связь съ противникомъ. Затѣмъ мы принялись за рытье новыхъ окоповъ и ходовъ сообщенія и маскировку позиціи. Вскорѣ прибыли подъ общимъ начальствомъ предсѣдателя Хостинскаго штаба Блохнина еще три роты, такъ что всего на позиціи и въ ближайшемъ резервѣ у меня оказалось около 500 штыковъ, 1 орудіе и 6 пулеметовъ. Съ этими силами можно было сдерживать натискъ во много разъ сильнѣйшаго противника.

Къ вечеру 26-го марта я получилъ донесеніе отъ развѣдчиковъ, что Лазаревка никѣмъ не занята и передовыя части противника находятся еще подъ самымъ Туапсе.

Я приказалъ Перепелицѣ выступить съ ротой въ Лазаревку и продолжать оттуда развѣдку, для чего предоставилъ въ его распоряженіе паровозъ, на которомъ можно было по линіи Черноморской желѣзной дороги легко добраться до самаго Туапсе.

Вскорѣ развѣдчики донесли, что колонна противника, которую они опредѣлили въ 10,000 конныхъ и пѣшихъ людей съ двумя батареями, выступила изъ Туапсе и приближается къ Лазаревкѣ. Обстрѣленная съ горъ нашими развѣдчиками, колонна эта остановилась и, ввиду наступленія темноты, не рѣшилась занять Лазаревки. Ночью были получены новыя донесенія, изъ которыхъ мы узнали, что въ окрестностяхъ Туапсе сосредоточилось до 30,000 войскъ и столько-же безоружныхъ бѣженцевъ съ многочисленными обозами. Одинъ изъ нашихъ развѣдчиковъ побывалъ въ самомъ Туапсе и разсказалъ о томъ, что видѣлъ въ городѣ.

— Два года былъ я на фронтѣ, а такого войска еще никогда не видѣлъ, разсказывалъ развѣдчикъ: тутъ и калмыки, и хохлы, и кацапы, кто съ винтовкой, а у кого только одинъ кинжалъ. Обозовъ видимо-невидимо, гораздо больше, чѣмъ войскъ. Въ обозахъ ѣдутъ бабы, дѣтишки, ведутъ за собой верблюдовъ, быковъ, коровъ, овецъ. Продовольствія нѣтъ никакого, дѣти ревутъ съ голоду, а жители Туапсинскіе тоже плачутъ, такъ какъ казаки все у нихъ поотбирали... Что это за войско, куда оно наступаетъ, кто его сзади гонитъ — ничего понять нельзя! Одни говорятъ что они добровольцы и командуетъ ими генералъ Шифнеръ-Маркевичъ, другіе сказываютъ, что это Кубанская армія генерала Шкуры. Тѣ, которые себя добровольцами считаютъ, говорятъ, что будутъ въ Туапсе

грузиться на пароходы и поѣдутъ въ Крымъ, а Шкуринцы говорятъ что пойдутъ походнымъ порядкомъ черезъ Сочи въ Грузію.

27-го марта послѣ 12 часовъ дня отрядъ Шифнеръ-Маркевича занялъ Лазаревку. Прибѣжавшіе изъ Лазаревки крестьяне разсказывали, что селеніе занято 5000 казаковъ, за которыми слѣдомъ явились обозы и около 10,000 бѣженцевъ — стариковъ, женщинъ и дѣтей.

— За какихъ-нибудь полъ-часа все подъ-чистую у насъ въ Лазаревкѣ прибрали, всю муку, кукурузу и птицу . . . Прямо, какъ саранча, опустошили селеніе . . .

Отправившійся на развѣдку Блохнинъ подтвердилъ вскорѣ разсказы крестьянъ. По его словамъ наступающая на насъ орда двигается отъ селенія къ селенію, опустошая все на своемъ пути. Въ авангардѣ идутъ пять баталіоновъ и нѣсколько конныхъ сотенъ. Наступаютъ смѣло, не обращая никакого вниманія на огонь нашихъ развѣдчиковъ, такъ-какъ останавливаться имъ не позволяютъ напирающіе съ тыла обозы.

Вечеромъ 27-го марта я собралъ представителей районныхъ штабовъ, находившихся при своихъ ротахъ, и мы стали обсуждать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

— Все равно намъ не удастся остановить эту саранчу, говорили крестьяне. Начнемъ по нимъ стрѣлять — перебьемъ сотни двѣ-три, а сзади будутъ напирать тысячи новыхъ. Да и бить-то ихъ жалко, того и гляди, что стариковъ и бабъ съ дѣтишками перестрѣляемъ . . .

— И пускать ихъ къ себѣ не охота, говорили другіе: разорятъ насъ они совсѣмъ! Смотри — что съ Лазаревкой за день сдѣлали? Такъ и въ нашихъ селеніяхъ будетъ.

Въ концѣ-концовъ мы рѣшили поступить слѣдующимъ образомъ.

Постараться задержать казаковъ на одинъ-два дня подъ Чухуктомъ дабы дать время жителямъ расположенныхъ близъ шоссе селеній вывезти свое имущество въ горы. Сообщить въ Сочи, чтобы Комитетъ Освобожденія эвакуировалъ всѣ цѣнности, продовольственные и другіе склады въ расположенное въ горахъ селеніе Анбгу, затѣмъ снять фронтъ, очистить приморское шоссе и отойти въ горы, дабы не допустить войска Шкуро до горныхъ селеній. Мы разсчитывали, что казаки не задержатся долго на побережьѣ и или интернируются въ Грузіи, или-же дождутся пароходовъ и отправятся въ Крымъ.

Объ этомъ рѣшеніи я передалъ по телефону въ Сочи и во всѣ районные штабы, которымъ было предписано въ эту-же ночь выслать возможно большее количество подводъ для эвакуаціи Сочинскихъ складовъ и имущества Комитета Освобожденія. Коменданту Сочи я приказалъ также немедленно выслать всѣ моторные суда, катера и фелюги на станцію Лоо, гдѣ находилось вывезенное изъ Туапсе полевое интендантство. Имущество интендантства должно было быть перевезено въ Адлеръ и оттуда переправлено на подводахъ и вьюкахъ въ горы.

Рано утромъ 27-го марта къ нашей позиціи подошелъ непріятельскій блиндированный поѣздъ начавшій изъ двухъ орудій обстрѣливать окопы. Удачный выстрѣлъ нашей горной пушки, попавшій въ тендеръ паровоза, обратилъ поѣздъ въ поспѣшное отступленіе. Я приказалъ Богдасарову и его подрывникамъ взорвать желѣзнодорожный мостъ находившійся въ трехъ верстахъ отъ нашей позиціи, чтобы прекратить эти непріятныя для насъ прогулки блиндированнаго поѣзда.

Богдасаровъ вернулся часа черезъ два и доложилъ мнѣ, что мое приказанiе исполнено: мостъ взорванъ и на его возстановленiе потребуется не менѣе 7-ми дней.

Не прошло и полу-часа, послѣ возвращенiя нашего генералъ-инспектора по инженерной части, какъ блиндированный поѣздъ снова подошелъ къ самой позицiи и принялся въ упоръ разстрѣливать изъ пушекъ и пулеметовъ окопы нашего лѣваго фланга. Съ трудомъ удалось намъ снова прогнать надоѣдливаго визитера.

Богдасаровъ сознался, что онъ приказанiя не исполнилъ и удовлетворился тѣмъ, что облилъ деревянныя части моста керосиномъ и поджегъ ихъ. Понятно, что мостъ уцѣлѣлъ и броневикъ могъ свободно по немъ проходить.

Въ 3 часа дня я выслалъ на развѣдку имѣвшiйся въ моемъ распоряженiи моторный катеръ «Лихой», который вскорѣ вернулся обратно и донесъ, что сильная непрiятельская колонна выступила изъ Лазаревки и двигается на насъ.

Блохнинъ съ двумя взводами своей Хостинской роты занялъ крайнiй правый флангъ нашего расположенiя и донесъ мнѣ о томъ, что полусотня казаковъ пробирается по горной тропѣ, стараясь выйти въ тылъ нашей позицiи. Чтобы парализовать этотъ обходъ, я могъ выслать на встрѣчу казакамъ находившуюся у меня въ резервѣ въ «Зубовой щели» (въ 3-хъ верстахъ отъ Чухуктской позицiи) Адлерскую роту. Въ это время начался сильный артиллерiйскiй огонь со стороны противника. Наша горная пушченка изрѣдка отвѣчала. Непрiятельскiе снаряды перелетали черезъ нашу позицiю и рвались далеко въ тылу надъ шоссе. Я послалъ Богдасарова на автомобилѣ въ Зубову щель передать приказанiе Адлерской ротѣ парализовать обходъ нашего праваго фланга.

Минутъ черезъ десять Богдасаровъ примчался обратно и, сильно волнуясь, доложилъ мнѣ, что проѣхать по шоссе невозможно, такъ-какъ оно сильно обстрѣливается непрiятельской артиллерiей.

Я рѣшилъ съѣздить самъ въ Зубову щель, передавъ Перепелицѣ командованiе находившимися на позицiи ротами.

Проѣхать по шоссе оказалось вполнѣ возможнымъ, такъ какъ непрiятельскiе снаряды рвались очень высоко и правѣе шоссе. Черезъ 10 минутъ я уже былъ въ Зубовой щели и выслалъ резервную роту по горной тропинкѣ на встрѣчу небольшой кучкѣ пытавшхся насъ обойти казаковъ.

Сдѣлавъ это, я сѣлъ въ автомобиль и поѣхалъ обратно на позицiю. На первомъ-же поворотѣ шоссе я увидѣлъ скачущаго карьеромъ на артиллерiйской лошади Богдасарова. Онъ что-то прокричалъ мнѣ и не останавливаясь промчался дальше. Я рѣшилъ, что Перепелица послалъ его въ резервъ за патронами и спокойно продолжалъ свой путь. Но, проѣхавъ съ полъ-версты, я встрѣтилъ довольно поспѣшно отступающую съ позицiи роту, которая занимала лѣвофланговые окопы.

— Въ чемъ дѣло, куда вы идете, спросилъ я ротнаго командира.

— Начальникъ передового отряда Перепелица приказалъ намъ бросить позицiю и отступать въ Лоо!

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что черезъ пять минутъ послѣ моего отъѣзда къ позицiи снова подошелъ блиндированный поѣздъ, открывшiй сильный артиллерiйскiй и пулеметный огонь по лѣвофланговой ротѣ. Нѣсколько непрiятельскихъ снарядовъ разорвались надъ нашей пушкой, ранивъ одного изъ артиллеристовъ. Тогда Перепелица отдалъ приказанiе отступать, бросился къ

стоявшему у берега близъ артиллерійской позиціи катеру «Лихому» и уѣхалъ на немъ въ Лоо.

— А гдѣ-же Блохнинъ, спросилъ я снова ротнаго командира.

— Петръ Павловичъ остался со своей ротой на позиціи, но я послалъ къ нему ополченца и сообщилъ о приказаніи отступать въ Лоо. Другія роты уже снялись съ позиціи и идутъ слѣдомъ за мною.

Я былъ возмущенъ поведеніемъ «полковника» Перепелицы, но спасти положеніе было уже невозможно: позиція была почти безъ боя оставлена и теперь уже навѣрно занята противникомъ.

Я дождался подхода остальныхъ ротъ и, назначивъ за старшаго одного изъ ротныхъ командировъ — бывшаго фельдфебеля Кавказскаго стрѣлковаго полка — приказалъ ему отвести роты къ рѣкѣ Шахе, находившейся въ 7 верстахъ къ югу отъ Зубовой щелки.

Оставивъ при себѣ полуроту я пошелъ съ ней на встрѣчу къ Блохнину. Почти у самой брошенной нами позиціи я встрѣтилъ Хостинскую роту, отступавшую въ полномъ порядкѣ и прикрытую тыловыми дозорами.

— Покорно благодарю васъ за назначенныхъ вами начальниковъ, обратился ко мнѣ возмущенный Блохнинъ. Лучше-бы вы оставили за себя Митьку телефониста, чѣмъ такую рвань . . .

Съ трудомъ успокоилъ я лихого партизана, который считалъ наше отступленіе величайшимъ скандаломъ.

— Все равно, Петръ Павловичъ, вѣдь мы-же рѣшили снять сегодня ночью, или завтра утромъ фронтъ. Ну сняли его на нѣсколько часовъ раньше, вотъ и все!

— Одно дѣло самимъ снять фронтъ, а другое дѣло — бѣжать съ фронта . . . Вы мнѣ только дайте эту «Перепелицу», ужъ я ей повыщиплю перья!

Поздно вечеромъ мы добрались до селенія Головинки, гдѣ и рѣшили заночевать.

Изъ Головинки я соединился по телефону съ Сочи, вызвалъ къ аппарату Филипповскаго и передалъ ему, что буду задерживать наступленіе казаковъ не болѣе, чѣмъ два-три дня.

— Когда-же они смогутъ занять Сочи, спросилъ Филипповскій.

— Отъ Чухукта до Сочи около 80 верстъ, поэтому казаки смогутъ подойти къ Сочи не ранѣе, какъ черезъ пять — шесть дней. Надѣюсь, что вы успѣете за это время спокойно вывезти изъ города все имущество комитета и склады.

— Конечно, успѣемъ, но можетъ-быть намъ и не придется продолжать эвакуаціи.

— Почему такъ, удивился я.

— Дѣло въ томъ, что въ Гагры пріѣхалъ предсѣдатель Кубанскаго правительства Иванисъ, который телеграфировалъ мнѣ и предложилъ заключить перемиріе съ арміей Шкуро, который подчиняется не Деникину, а Кубанскому правительству. Считаете ли вы возможнымъ вступить съ нимъ въ переговоры?

— Отчего-же не сговориться съ казаками, отвѣтилъ я Филипповскому. Мы все равно не имѣемъ никакой возможности сдержать ихъ пятидесяти-тысячную лавину, а возможно, что путемъ переговоровъ мы избавимъ Сочинскій округъ отъ нашествія незванныхъ гостей.

Утромъ 29-го марта мы снова устроили совѣщаніе съ представителями районныхъ штабовъ.

На этомъ совѣщаніи выяснилось, что ополченцы изъ селеній прибрежной полосы очень безпокоятся за судьбу своего имущества и просятъ отпустить ихъ по домамъ, чтобы успѣть до прихода казаковъ вывезти свое добро въ горы.

Мы рѣшили оставить при штабѣ полуроту, а всѣхъ остальныхъ отпустить по домамъ, съ условіемъ черезъ три дня вновь собраться въ Сочи.

— Зачѣмъ вамъ эта полурота, спросилъ меня Блохнинъ. Казаки все равно раньше, какъ черезъ четыре дня не подойдутъ къ Сочи. Отпустите и ихъ по домамъ, а на позицію вызовите изъ Сочи комендантскую роту. Она тамъ лишь даромъ хлѣбъ ѣстъ. А для «арьергарда» я останусь самъ и дамъ вамъ еще пять-шесть молодцовъ.

Я согласился съ Блохнинымъ, и мы остались на берегу рѣки Шахэ самъ-шесть.

Для того, чтобы еще на лишній день задержать движеніе казаковъ, мы рѣшили сжечь оба деревянныхъ моста черезъ довольно широкую рѣку Шахэ. Молодцы Блохнина притащили сухихъ сучьевъ, достали у машиниста стоявшаго на разъѣздѣ «Головинка» дежурнаго паровоза банку мазута, и вскорѣ желѣзнодорожный и шоссейный мосты запылали, подожженные съ нѣсколькихъ концовъ.

Пока ополченцы подъ руководствомъ Блохнина жгли мосты, я съ пулеметомъ Люиса занялъ сторожевой постъ, чтобы предупредить мой «арьергардъ» въ случаѣ появленія казачьяго разъѣзда.

Я думаю, что во всей военной исторіи еще не было такого случая, чтобы командующій арміей стоялъ часовымъ на передовомъ посту, лично прикрывая свою армію. Впрочемъ — я вспомнилъ: маршалъ Ней представлялъ собой однажды «арьергардъ великой арміи».

XXI

Изъ Головинки я по телефону приказалъ Сочинскому коменданту выслать находившіяся въ Сочи комендантскую роту и учебно-пулеметную команду въ Дагомысъ (въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ Сочи), гдѣ и выставить сторожевое охраненіе для прикрытія эвакуаціи города.

Когда оба моста черезъ Шахэ основательно подгорѣли и средніе пролеты рухнули въ воду, я отдалъ приказъ «арьергарду» отступать на станцію Лоо. Отступленіе это совершилось съ большимъ комфортомъ: мы усѣлись на паровозъ и черезъ полъ-часа прибыли въ Лоо.

Здѣсь меня долженъ былъ поджидать автомобиль, на которомъ я собирался тотчасъ же выѣхать въ Сочи для участія въ назначенномъ вечеромъ экстренномъ засѣданіи Комитета Освобожденія.

Къ моему удивленію никакого автомобиля въ Лоо не было. Станція имѣла покинутый видъ и мы не нашли здѣсь ни начальника станціи, ни коменданта, ни телеграфиста. Большая часть вагоновъ съ интендантскимъ грузомъ были уже разгружены, но караула при остальныхъ вагонахъ также не оказалось.

Оставивъ въ Лоо трехъ человѣкъ изъ «арьергарда», мы двинулись пѣшимъ порядкомъ по желѣзнодорожной линіи въ Сочи. Воспользоваться паровозомъ мы не могли, такъ-какъ происшедшіе въ трехъ мѣстахъ обвалы разрушили совершенно путь между Сочи и Лоо. Намъ предстояло совершить 25-ти верстную прогулку пѣшкомъ.

Я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ Дагомыслѣ встрѣчу комендантскую роту и возьму у командира верховую лошадь.

Дойдя до Дагомыса мы стали тщетно разыскивать сторожевое охраненіе и никакъ его не могли найти:

— Ишь-ты, какъ здорово «примѣнились къ мѣстности», разсмѣялся Блохнинъ: ни часовыхъ, ни заставъ не видно...

Дѣлать было нечего и пришлось пройти еще 15 верстъ пѣшкомъ.

Въ 8 часовъ вечера мы усталые и голодные добрели наконецъ до «Ривьеры».

Швейцаръ съ удивленіемъ взглянулъ на меня и сообщилъ, что весь Комитетъ Освобожденія, Главный Штабъ и команда связи въ 2 часа дня спѣшно покинули Сочи и уѣхали въ Адлеръ.

— Неужели-же въ городѣ никого не осталось, спросилъ я швейцара.

— Кажется въ «Грандъ отелѣ» находится еще комендантъ съ ординарцами.

Мы поплелись въ «Грандъ-отель», находившійся въ противуположномъ концѣ города.

Здѣсь мы узнали, что комендантъ также уѣхалъ изъ Сочи.

Не понимая, чѣмъ вызвано такое поспѣшное бѣгство властей изъ города, и совершенно изнемогая отъ усталости, мы отправились съ Блохнинымъ въ сосѣдній духанъ, чтобы хотя немного перекусить.

Хозяинъ духана былъ несказанно удивленъ и обрадованъ увидѣвъ насъ.

— Такъ вы, стало-быть, живы и не въ плѣну, воскликнулъ онъ, бросившись къ намъ съ распростертыми объятіями.

— Чего это вы насъ хоронить вздумали, пошутилъ я, присаживаясь къ столику. Какъ видите — пока еще живы, но, если вы насъ сію-же минуту не накормите, то мы на самомъ дѣлѣ умремъ отъ голода!

Хозяинъ моментально притащилъ холодной баранины, «чурекъ» и бутылку вина и, пока мы съ Блохнинымъ насыщались, сталъ намъ разсказывать о томъ, какъ произошло бѣгство комитета, коменданта и прочихъ властей:

— Часовъ въ двѣнадцать, передъ самымъ обѣдомъ, въ Сочи примчались изъ Лоо два вашихъ офицера. Они заявили предсѣдателю комитета, что добровольцы разбили васъ подъ Головинкой и весь вашъ отрядъ частью перебитъ, частью взятъ въ плѣнъ. По ихъ словамъ вы и Петръ Павловичъ были не то убиты, не то ранены и попались въ руки къ «кадетамъ». Они также сказали, что добровольцы уже заняли Дагомысъ и черезъ два часа будутъ въ Сочи. Тутъ поднялась такая суматоха, что вы и представить себѣ не можете. Члены комитета разобрали автомобили и черезъ какой-нибудь часъ никого изъ властей въ Сочи уже не было. Комендантъ хотѣлъ-было остаться и вывезти кое-какое имущество изъ складовъ, но его напугали тѣмъ, что казачьи разъѣзды въѣзжаютъ въ городъ и онъ также все бросилъ и поскакалъ въ Хосту. Я слыхалъ, что онъ сейчасъ находится въ Мацестѣ.

Мы догадались, что тревога была поднята удравшими съ фронта Перепелицей и Богдасаровымъ.

— Если вы ихъ не разстрѣляете, сказалъ мнѣ разсвирѣпѣвшій Блохнинъ, то я васъ перестану уважать!

Пришлось потребовать вторую бутылку кахетинскаго, чтобы успокоить разошедшагося предсѣдателя Хостинскаго штаба.

Когда мы слегка подкрѣпились, хозяинъ духана отвелъ меня въ сторону и сообщилъ по секрету, что оставшіеся въ городѣ плѣнные офицеры Добарміи

организовали самооборону, разобрали брошенныя въ комендантскомъ управленіи винтовки и являются сейчасъ хозяевами Сочи.

— Вы все-таки остерегайтесь, предупредилъ онъ меня: хотя они на васъ лично и не сердятся, но все-таки могутъ васъ арестовать и выдать «кадетамъ».

Я разсказалъ Блохнину о предупрежденіи хозяина.

— Пусть только попробуютъ, проворчалъ онъ: я сейчасъ соберу своихъ ребятъ, которые еще находятся въ городѣ, и завтра утромъ приведу въ Сочи двѣ роты Хостинцевъ. Со своими ребятами я здѣсь въ полъ-часа наведу порядокъ.

Распрощавшись съ хозяиномъ, отказавшимся на отрѣзъ получить съ насъ деньги за ужинъ, мы вышли на улицу и отправились на телеграфъ, чтобы соединиться съ Адлеромъ и установить связь съ черезъ-чуръ поспѣшно эвакуировавшимся комитетомъ.

Но на телеграфѣ намъ сообщили, что, отступивъ изъ Сочи, комендантская рота перерѣзала всѣ телефонные и телеграфные провода между Сочи и Хостой.

Выходя изъ помѣщенія телеграфа, мы столкнулись съ вооруженнымъ винтовкой офицеромъ, у котораго лѣвый рукавъ шинели былъ перевязанъ бѣлымъ платкомъ. Офицеръ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и попросилъ остановиться. Блохнинъ сталъ вытаскивать свой револьверъ, полагая, что офицеръ хочетъ меня арестовать.

— Господинъ полковникъ, — сказалъ офицеръ, приближаясь ко мнѣ: — я прошу васъ не показываться такъ открыто въ городѣ, иначе васъ могутъ арестовать. Мы вамъ многимъ обязаны, но за всѣхъ ручаться нельзя. Лучше всего поскорѣе уходите изъ Сочи.

— Я вамъ очень благодаренъ за такое предупрежденіе, отвѣтилъ я ему, но также хочу васъ кое о чемъ предупредить: дѣло въ томъ, что слухи о нашемъ разгромѣ совершенно не вѣрны. Мы оставили позицію подъ Чухуктомъ, но отрядъ мой цѣлъ и черезъ нѣсколько минутъ двѣ крестьянскихъ дружины войдутъ въ городъ. Всѣ ваши товарищи были освобождены Главнымъ Штабомъ подъ честное слово, обѣщавъ не принимать больше участія въ войнѣ крестьянъ съ добровольцами. Захвативъ въ комендантскомъ управленіи оставленныя тамъ въ суматохѣ винтовки и сформировавъ офицерскій отрядъ — вы тѣмъ самымъ нарушаете данное вами честное слово. Если объ этомъ узнаютъ мои ополченцы, я врядъ-ли смогу остановить ихъ возмущеніе и тогда — вы сами понимаете — никакимъ честнымъ словамъ плѣнныхъ крестьяне вѣрить не будутъ. Имѣйте ввиду, что генералъ Шкуро сможетъ занять Сочи не ранѣе, какъ черезъ пять дней.

Офицеръ былъ сильно смущенъ моими словами.

— Я вамъ совѣтую, — продолжалъ я, — передать всѣмъ вашимъ товарищамъ мое предупрежденіе и попросить ихъ отъ моего имени сейчасъ-же вернуть на мѣсто винтовки и разойтись по домамъ. Даю вамъ слово, что никто изъ васъ послѣ этого не пострадаетъ.

— Вы правы, господинъ полковникъ, и я сейчасъ-же передамъ нашъ разговоръ другимъ офицерамъ.

Съ этими словами онъ раскланялся съ нами и быстро зашагалъ по направленію къ Московской улицѣ.

Посовѣтовавшись съ Блохнинымъ, я рѣшилъ собрать прибывшихъ изъ Головинки одиночнымъ порядкомъ ополченцевъ и выслать нѣсколько патрулей

по улицамъ Сочи, чтобы показать обывателямъ и плѣннымъ добровольческимъ офицерамъ, что мы пока еще не разгромлены и продолжаемъ существовать.

Блохнинъ вскорѣ разыскалъ на базарѣ и привелъ ко мнѣ 30 человѣкъ своей роты. Мы раздѣлили ихъ на два патруля, начальство надъ которыми приняли я и Блохнинъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло и только передъ «Ривьерой» и на базарной площади свѣтились одинокіе фонари. Я повелъ свой патруль черезъ базаръ на Хлудовскую сторону, Блохнинъ сталъ обходить южную часть города.

Сочинскіе обыватели съ удивленіемъ встрѣчали насъ, вступали въ разговоры и разспрашивали, чѣмъ вызванъ поспѣшный отъѣздъ изъ города Комитета Освобожденія?

Обойдя всю Хлудовскую сторону, мой патруль вернулся въ центральную часть города, гдѣ мы должны были встрѣтиться съ Блохнинымъ.

Когда мы проходили по Дагомысской улицѣ, отъ одного изъ домовъ отдѣлилась маленькая фигурка умиленно улыбавшагося человѣка.

— Позвольте въ вашемъ лицѣ привѣтствовать доблестную Добровольческую армію, проговорилъ человѣчекъ подойдя ко мнѣ.

Мы пріостановились.

— Что вамъ угодно, спросилъ я этого ревностнаго почитателя Добрарміи.

— Я знаю адресъ всѣхъ мѣстныхъ большевиковъ и другихъ вашихъ враговъ заявилъ человѣчекъ, доставая изъ кармана заранѣе приготовленный имъ списокъ. Многіе изъ нихъ, къ сожалѣнію, уже успѣли удрать, но нѣкоторые остались, и я съ удовольствіемъ провожу васъ и укажу ихъ квартиры.

— А вы знаете, кто мы, — спросилъ я, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Вы — славные солдаты Добровольческой Арміи, которые пришли освободить всѣхъ честныхъ гражданъ Россійской Имперіи отъ опостылѣвшихъ намъ зеленыхъ хамовъ, — захлебываясь отъ восторга, торжественно проговорилъ незнакомецъ.

— Къ сожалѣнію, вы ошибаетесь, мы — ополченцы Хостинской роты Черноморскаго крестьянскаго ополченія . . .

Человѣчекъ въ ужасѣ присѣлъ на мостовую.

Я досталъ свой карманный электрическій фонарикъ и ознакомился съ переданнымъ мнѣ спискомъ. Въ немъ было помѣщено до 30 фамилій и первымъ въ спискѣ значился я. Въ особомъ примѣчаніи было написано: «хотя онъ и не большевикъ, и не крайній соціалистъ, но все-таки является сугубо-вредной личностью и главнымъ зачинщикомъ крестьянскаго бунта».

Ополченцы подошли ко мнѣ и начали также читать списокъ «Сочинскихъ большевиковъ».

— Что-же мы будемъ дѣлать съ этимъ паршивцемъ, — спросили меня ополченцы.

— Да что съ нимъ дѣлать — развѣ вы не видите, что онъ совсѣмъ отъ страха помираетъ, — отвѣтилъ я, указывая на съежившагося на мостовой человѣчка.

Мы пошли дальше. Человѣчекъ приподнялся, посмотрѣлъ намъ вслѣдъ, вскочилъ и стрѣлой понесся въ противуположный конецъ улицы. Позднѣе я узналъ, что онъ былъ однимъ изъ служащихъ отдѣла снабженія Главнаго Штаба.

Обойдя почти весь городъ и показавшись жителямъ, которые считали насъ

погибшими, мы сошлись на базарной площади съ Блохнинымъ и стали обсуждать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Такъ какъ Кубанское правительство, судя по сообщенію Филипповскаго, предлагало намъ вступить съ нимъ въ мирные переговоры, я полагалъ необходимымъ, какъ можно скорѣе возстановить фронтъ, дабы не допустить казаковъ занять нашу столицу — Сочи.

Блохнинъ считалъ, что черезъ два дня можно будетъ вновь собрать распущенныхъ по домамъ ополченцевъ. До тѣхъ поръ необходимо было занять подступы къ Сочи комендантской ротой, насчитывавшей въ своихъ рядахъ до 200 человѣкъ.

Я рѣшилъ немедленно пойти пѣшкомъ въ Мацесту, найти комендантскую роту и вернуть ее въ Сочи.

Въ первомъ часу ночи я вышелъ изъ Сочи и, пройдя 12 верстъ, былъ остановленъ часовымъ комендантской роты. Съ трудомъ убѣдивъ часового, что я живъ и здоровъ и являюсь именно тѣмъ лицомъ, которымъ себя называю, мнѣ удалось заставить его проводить меня на заставу, гдѣ находился Сочинскій комендантъ Родзевичъ.

Родзевичъ былъ назначенъ мною комендантомъ по просьбѣ Филипповскаго, который усиленно выдвигалъ его на одну изъ командныхъ должностей. Онъ былъ очень порядочнымъ человѣкомъ, но совершенно не годился замѣщать какую бы-то ни было самостоятельную и отвѣтственную должность. Послѣ моего отъѣзда на Чухуктскую позицію, Родзевичъ совершенно растерялся, суетился и способствовалъ распространенію паники. Распустивъ свою роту и трехъ адъютантовъ, которые были имъ назначены изъ плѣнныхъ солдатъ Сальянскаго полка, Родзевичъ допустилъ самочинный разстрѣлъ трехъ плѣнныхъ казачьихъ офицеровъ. Я узналъ объ этомъ возмутительномъ случаѣ изъ записки, полученной мною наканунѣ боя подъ Чухуктомъ отъ одного изъ членовъ Главнаго Штаба.

Произведеннымъ Главнымъ Штабомъ дознаніемъ выяснилось, что разстрѣлъ этихъ плѣнныхъ былъ организованъ адъютантами Родзевича, которые хотѣли завладѣть золотымъ портсигаромъ, часами и деньгами плѣнныхъ. Такъ-какъ плѣнные не пожелали добровольно отдать свои цѣнности, два комендантскихъ адъютанта предъявили крестьянскому караулу фальшивый ордеръ на переводъ плѣнныхъ въ тюрьму и по дорогѣ разстрѣляли ихъ при помощи конвоя отъ комендантской роты, также состоявшей изъ бывшихъ солдатъ Сальянскаго полка. Расправившись такимъ образомъ съ несговорчивыми плѣнными и ограбивъ ихъ, адъютанты донесли Родзевичу, что плѣнные разстрѣляны при попыткѣ бѣжать. Конвойные, съ которыми адъютанты не подѣлились награбленнымъ, донесли Главному Штабу о происшедшемъ, и оба адъютанта, которыхъ я приказалъ немедленно предать полевому суду, скрылись и только черезъ нѣсколько дней были арестованы Хостинскимъ районнымъ штабомъ и въ свою очередъ разстрѣляны по приказанію Блохнина.

Родзевичъ былъ чрезвычайно удивленъ, увидѣвъ меня, и объяснилъ происшедшую въ Сочи панику вздорными слухами, распространенными прибѣжавшими съ фронта Перепелицей и Богдасаровымъ.

Я приказалъ Родзевичу немедленно выступить съ комендантской ротой въ Сочи и выставить сторожевое охраненіе по рѣкѣ Мамайкѣ (въ 8 вер. къ сѣверу отъ города). Самъ-же, воспользовавшись имѣвшимся въ распоряженіи Родзевича автомобилемъ, я выѣхалъ въ Адлеръ, гдѣ находился Главный Штабъ и Комитетъ Освобожденія.

Въ Адлерѣ я узналъ что предсѣдатель комитета Филипповскій выѣхалъ въ Гагры для переговоровъ съ предсѣдателемъ Кубанскаго правительства Иванисомъ.

На слѣдующій день рано утромъ Филипповскій вернулся въ Адлеръ въ сопровожденіи товарища предсѣдателя Верховнаго Круга Дона, Кубани и Терека — Мамонова и ознакомилъ насъ съ проектомъ заключеннаго имъ соглашенія съ Кубанскимъ правительствомъ.

Проектъ соглашенія состоялъ изъ шести пунктовъ, въ которыхъ Кубанское краевое правительство обязывалось не вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Черноморья, признавало всѣ избранные крестьянами органы самоуправленія и обязывалось не расквартировывать по городамъ и селеніямъ частей арміи Шкуро безъ вѣдома и согласія представителей крестьянской власти.

Соглашеніе это должно было-быть въ трехдневный срокъ представлено на утвержденіе экстреннаго собранія представителей районныхъ штабовъ и волостныхъ крестьянскихъ комитетовъ и вступало въ силу только послѣ такой ратификаціи. Впредь до созыва чрезвычайнаго съѣзда и до утвержденія соглашенія, между крестьянскимъ ополченіемъ и арміей Шкуро заключалось трехъ-дневное перемиріе, причемъ части Шкуро не имѣли права во время перемирія продвигаться впередъ и должны были оставаться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застанетъ увѣдомленіе о заключенномъ перемиріи.

Пріѣхавшій съ Филипповскимъ товарищъ предсѣдателя Верховнаго Круга Мамоновъ былъ очень смущенъ начавшейся войной между казаками и крестьянами.

— Мы порвали съ Деникинымъ и хотѣли завязать добрососѣдскія отношенія съ Черноморскимъ крестьянствомъ, — заявилъ онъ намъ. — Къ сожалѣнію командный составъ нашей арміи черезчуръ поспѣшилъ съ наступленіемъ на Сочи, почему мы и опоздали вступить въ переговоры съ Комитетомъ Освобожденія.

— Какую цѣль преслѣдуете вы своимъ нашествіемъ въ Сочинскій округъ, спросилъ я Мамонова.

— Мы хотимъ отдохнуть здѣсь, привести въ порядокъ нашу разстроенную армію и затѣмъ предпринять, базируясь на Черноморское побережье, новое наступленіе на Донъ и Кубань.

— Знаете-ли вы катастрофическое продовольственное положеніе Сочинскаго округа? Вѣдь у нашихъ крестьянъ едва хватаетъ кукурузы для собственнаго пропитанія, и они не смогутъ удѣлить вашей арміи ни одного пуда хлѣба!

— Да, мы приняли это во вниманіе и на дняхъ изъ Крыма намъ будутъ доставлены значительные продовольственные запасы, такъ что мы сможемъ немедленно возвратить крестьянамъ тотъ хлѣбъ, который наши войска были принуждены реквизировать въ деревняхъ.

— Но вѣдь Крымъ во власти Деникина, и врядъ-ли главнокомандующій Добрарміи согласится довольствовать тѣ войска, которые отказались ему повиноваться, — усумнился я въ заявленіи Мамонова.

— Деникинъ, конечно, никогда на это не согласился-бы, но англичане заставили его отпустить для насъ хлѣбъ и другіе продукты.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ Мамоновымъ выяснилось, что руководители казачества и командный составъ казачьей арміи другъ-другу не довѣряютъ. Особенныя подозрѣнія возбуждалъ у членовъ Круга генералъ Шкуро, котораго они подозрѣвали въ непосредственныхъ сношеніяхъ со ставкой Деникина.

Какъ выяснилось впослѣдствіи, подозрѣнія Мамонова были вполнѣ основательны: Шкуро дѣйствительно сносился съ Деникинымъ и, въ откровенной бесѣдѣ съ посторонними, относился весьма иронически къ казачьимъ «демократамъ».

Было рѣшено, что Филипповскій и Мамоновъ выѣдутъ немедленно въ Штабъ Шкуро для увѣдомленія его о состоявшемся соглашеніи между Комитетомъ Освобожденія и Кубанскимъ правительствомъ и для оффиціальнаго заключенія перемирія. Я долженъ былъ вернуться въ Сочи и заняться подготовкой чрезвычайнаго крестьянскаго съѣзда.

Вечеромъ того-же дня я вернулся въ Сочи и занялся водвореніемъ на мѣста учрежденій Комитета Освобожденія и отдѣловъ Главнаго Штаба. Филипповскій и Мамоновъ выѣхали на автомобилѣ подъ бѣлымъ парламентерскимъ флагомъ въ Головинку, гдѣ по нашимъ свѣдѣніямъ находился штабъ Шкуро. Эвакуація невывезеннаго изъ Сочи имущества была пріостановлена.

На слѣдующій день въ 2 часа дня Филипповскій и Мамоновъ вернулись изъ штаба Шкуро и сообщили мнѣ, что перемиріе заключено.

Я тотчасъ-же отправилъ въ отрядъ Волковскаго районнаго штаба приказаніе прекратить военныя дѣйствія противъ казаковъ. Предвидя, что мое приказаніе дойдетъ до Волковскаго штаба не ранѣе вечера, я послалъ одного изъ членовъ Главнаго штаба къ начальнику передовой дивизіи Шкуро — генералу Агоеву — съ предупрежденіемъ о томъ, что сообщеніе о перемиріи дойдетъ до отдѣльно дѣйствующихъ отрядовъ ополченія лишь къ вечеру и съ просьбой принять мѣры для предотвращенія столкновеній съ этими отрядами крестьянскаго ополченія.

Генералъ Агоевъ принялъ моего посланнаго очень любезно и завѣрилъ его въ томъ, что онъ не допуститъ до наступленія темноты никакихъ столкновеній съ Волковскимъ отрядомъ.

Узнавъ о заключенномъ перемиріи, взволновавшіеся-было Сочинскіе обыватели совершенно успокоились и жизнь города вступила въ нормальное русло.

Филипповскій, Мамоновъ и я отправились обѣдать въ одинъ изъ ресторановъ и мирно дѣлились впечатлѣніями о пережитыхъ за послѣдніе дни событіяхъ.

Во время обѣда ко мнѣ прибѣжалъ вѣстовой изъ Главнаго Штаба и сообщилъ, что дивизія генерала Агоева продолжаетъ быстро продвигаться впередъ и передовыя части дивизіи дошли уже до Дагомыса. Онъ сказалъ мнѣ также, что начальникъ штаба Агоева желаетъ переговорить по желѣзно-дорожному телефону съ кѣмъ-нибудь изъ чиновъ штаба крестьянскаго ополченія.

— Такъ-то вы исполняете условія перемирія, сказалъ я Мамонову, который слышалъ донесеніе ординарца.

Мамоновъ пожалъ плечами.

— Вы не повѣрите, какъ трудно имѣть дѣло съ нашими генералами, сказалъ онъ. Они не желаютъ считаться съ политической обстановкой и все время дѣйствуютъ самостоятельно, проявляя черезъ чуръ большую личную инициативу. Я сейчасъ-же отправлюсь вмѣстѣ съ вами къ телефону и узнаю въ чемъ дѣло.

Мы отправились на вокзалъ и соединились по телефону съ разъѣздомъ «Дагомысъ».

Къ телефону подошелъ начальникъ штаба дивизіи генерала Агоева.

— Я — командующій крестьянскимъ ополченіемъ, что вамъ угодно, спросилъ я его.

— Дѣло въ томъ, что намъ отсюда изъ Дагомыса видно, что надъ Сочинскимъ маякомъ развѣвается красный флагъ. Генералъ приказалъ передать вамъ

его категорическое требованіе — немедленно спустить красный и поднять надъ маякомъ трехцвѣтный флагъ Добровольческой арміи.

— Надъ Сочи развѣвается флагъ крестьянскаго ополченія — зеленый крестъ на красномъ полѣ. Флагъ этотъ не будетъ спущенъ до тѣхъ поръ, пока Сочи не будетъ съ бою занято вашими войсками, отвѣтилъ я. Передайте вашему генералу, что его требованіе является нарушеніемъ только-что заключеннаго перемирія.

— Если наше требованіе не будетъ вами исполнено, мы сейчасъ-же начнемъ артиллерійскій обстрѣлъ Сочи, заявилъ начальникъ штаба.

Къ телефону подошелъ Мамоновъ и попросилъ передать ему трубку.

— У телефона товарищъ предсѣдателя Верховнаго Круга Мамоновъ. Передайте генералу Агоеву, что я требую безусловнаго подчиненія приказаніямъ президіума Круга и Кубанскаго краевого правительства. Между Комитетомъ Освобожденія Черноморья и Кубанскимъ правительствомъ состоялось соглашеніе, по которому всякія военныя дѣйствія между крестьянами и казаками прекращаются. Я только-что вернулся изъ штаба генерала Шкуро и подписалъ условія перемирія. Ваше требованіе нарушаетъ это перемиріе, и я настаиваю, чтобы вы взяли его обратно!

Я не знаю, что отвѣтилъ на это начальникъ штаба Агоева, но видѣлъ по выраженію лица Мамонова, что его слова мало дѣйствуютъ на штабныхъ офицеровъ.

— Вотъ извольте имѣть дѣло съ такими господами, обратился ко мнѣ Мамоновъ, повѣсивъ трубку. Они совершенно не желаютъ считаться съ нами и чувствуютъ себя побѣдителями, имѣющими право диктовать свои условія побѣжденнымъ!

Флагъ крестьянскаго ополченія не былъ спущенъ, и генералъ Агоевъ не привелъ въ исполненіе своей угрозы.

Вечеромъ я выѣхалъ въ Хосту, гдѣ должно было состояться совѣщаніе представителей районныхъ штабовъ.

Не успѣлъ я пріѣхать въ Хосту, какъ мнѣ сообщили изъ Сочи телефонограммой о томъ, что генералъ Шкуро нарушилъ перемиріе и отдалъ своимъ войскамъ приказъ занять Сочи.

Сочинскій комендантъ Родзевичъ доносилъ мнѣ, что въ 6 часовъ вечера генералъ Шкуро увѣдомилъ сторожевое охраненіе о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Онъ придрался къ тому, что въ 4 часа дня Волковскій отрядъ, который еще не успѣлъ получить увѣдомленія о перемиріи, обстрѣлялъ казачій разъѣздъ а поэтому обвинялъ крестьянское ополченіе въ несоблюденіи условій перемирія.

Комендантская рота не была въ состояніи остановить наступленіе десятитысячнаго казачьяго отряда и принуждена была отойти и очистить Сочи, которое въ 8 часовъ вечера было занято войсками Шкуро.

Черезъ нѣсколько часовъ я получилъ копію перехваченной нашими телефонистами телефонограммы генерала Шкуро, въ которой онъ сообщалъ Агоеву о томъ, что наступающіе со стороны Бѣлорѣченской полки красной арміи заставили его очистить Туапсе. Поэтому онъ приказывалъ начальнику передовой дивизіи немедленно начать наступленіе на Сочи, такъ-какъ отступившія изъ Туапсе тыловыя части и обозы безудержно стремятся на югъ. Этимъ вполнѣ объяснялись придирка Шкуро къ инциденту съ Волковскимъ отрядомъ и его желаніе занять Сочи.

XXII

Нарушеніе генераломъ Шкуро перемирія сдѣлало невозможнымъ созывъ крестьянскаго съѣзда. Собравшіеся въ Хостѣ представители районныхъ штабовъ крестьянскаго ополченія констатировали фактъ нарушенія казаками перемирія и постановили не входить болѣе съ Шкуро и другими добровольческими генералами, стоявшими во главѣ Кубанской арміи, ни въ какія соглашенія и возобновить съ ними партизанскую войну.

Такъ-какъ предыдущій опытъ показалъ невозможность сдержать продвиженіе тридцати-тысячной казачьей арміи, подпираемой сзади еще большимъ числомъ невооруженныхъ бѣженцевъ, полевой штабъ рѣшилъ отвести всѣ крестьянскіе отряды въ горы и, не препятствуя продвиженію казаковъ по Черноморскому шоссе, не допускать ихъ въ горныя селенія.

Ввиду такого рѣшенія, принятаго въ ночь на 2-ое Апрѣля, на слѣдующій день началась спѣшная эвакуація изъ Хосты и Адлера имущества Комитета Освобожденія и складовъ Главнаго Штаба въ горныя селенія Ахштырь, Красную Поляну и Аибгу. Къ сожалѣнію наиболѣе цѣнное имущество — свезенный плантаторами въ Сочи табакъ, подъ обезпеченіе котораго Комитетомъ Освобожденія были выпущены размѣнные боны 25-ти, 100 и 250-ти рублеваго достоинства, почти цѣликомъ остался въ Сочи, такъ-какъ погрузка его на суда была пріостановлена комитетомъ послѣ заключенія соглашенія съ Кубанскимъ правительствомъ. Послѣ занятія Сочи, Шкуро объявилъ этотъ валютный товаръ военной добычей и, съ согласія Кубанскаго правительства, продалъ его за гроши слетѣвшимся со всѣхъ сторонъ спекулянтамъ, что вызвало полное обезцѣненіе боновъ Комитета Освобожденія и разореніе держателей этихъ боновъ, жителей Сочинскаго округа и, главнымъ образомъ, крестьянъ.

Вслѣдъ за казеннымъ имуществомъ потянулись въ горы арбы и повозки крестьянъ прибрежныхъ селеній, торопившихся спасти свое добро отъ разграбленія голодными казаками арміи Шкуро.

3-го апрѣля вся прибрежная полоса Сочинскаго округа до рѣки Мзымты была очищена крестьянскимъ ополченіемъ, всѣ отряды котораго были отведены въ горы. Большая часть населенія этой полосы также покинула свои насиженныя мѣста и пріютилась въ горныхъ селеніяхъ. Казаки начали хозяйничать въ брошенной нами части округа.

Изъ Туапсе въ Сочи переѣхала Рада во главѣ съ ея предсѣдателемъ И. П. Тимошенко, члены Кубанскаго правительства и атаманъ генералъ Букретовъ.

Кубанское правительство выпустило обращеніе къ населенію Черноморья, въ которомъ заявляло, что оно заняло Черноморье исключительно въ силу сложившейся военной обстановки и никакихъ завоевательныхъ цѣлей не преслѣдуетъ. Поэтому предсѣдатель правительства Иванисъ гарантировалъ населенію оккупированнаго Сочинскаго округа неприкосновенность жизни, чести и имущества, обѣщая бороться со всякими злоупотребленіями.

Черезъ нѣсколько дней населеніе округа убѣдилось въ томъ, какъ Кубанское правительство выполняетъ свои торжественныя обѣщанія и насколько серьезны гарантіи Иваниса.

Семидесяти-тысячная масса войскъ, бѣженцевъ и обозовъ буквально наводнила узкую прибрежную полосу. Въ городѣ Сочи съ трудомъ размѣстились многочисленные штабы и гражданскія управленія Кубанскаго правительства. Воинскія части, бѣженцы и обозы расположились въ предмѣстьяхъ и окрестныхъ

селеніяхъ. Вся эта масса людей, лошадей, верблюдовъ и другихъ животныхъ явилась на побережье безъ хлѣба, продовольствія и фуража и была вынуждена кормиться за счетъ скудныхъ запасовъ мѣстнаго населенія. Не соблюдая никакихъ правилъ о реквизиціяхъ, командиры частей и отдѣльные казаки цѣлыми днями шарили по деревнямъ, забирая у оставшихся на мѣстахъ крестьянъ послѣдніе остатки кукурузы, пшеницы и домашнюю птицу. Строевыя и обозныя лошади, приведенный бѣженцами скотъ и верблюды выпускались на подножный кормъ въ сады, огороды и на поля, засѣянныя озимой пшеницей. Черезъ недѣлю всѣ запасы крестьянъ были съѣдены, будущій урожай былъ уничтоженъ и всѣ фруктовыя деревья, составлявшіе главное богатство прибрежныхъ крестьянъ, обглоданы и обломаны.

Въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ населеніе сопротивлялось своему разоренію, производились самыя гнусныя насилія: осмѣливавшіеся протестовать крестьяне и крестьянки или пристрѣливались мародерами, или подвергались, по приказанію командного состава, поркѣ шомполами. А Кубанское правительство и предсѣдатель Рады Тимошенко заявляли въ это-же время въ приказахъ и прокламаціяхъ, расклеивавшихся по улицамъ Сочи, что они борятся съ злоупотребленіями и защищаютъ жизнь, честь и имущество населенія Сочинскаго округа.

Но вскорѣ и политическимъ Кубанскимъ дѣятелямъ оказалось невозможнымъ умалчивать далѣе о происходившихъ въ округѣ грабежахъ и насиліяхъ. Тогда въ оффиціозѣ Тимошенко и Иваниса — въ «Вѣстникѣ Кубанскаго правительства» отъ 7/20 апрѣля появилась статья Кубанскаго министра внутреннихъ дѣлъ Бѣлашева, въ которой говорилось, что отдѣльными воинскими чинами производятся по деревнямъ насилія, пятнающія честь казачества и встрѣчающія самое рѣзкое осужденіе со стороны правительства. Что-же касается до обостренія голода, вызваннаго нашествіемъ Кубанской арміи, то Бѣлашевъ рекомендовалъ населенію примириться съ этимъ явленіемъ, не обвинять казаковъ и не роптать на реквизиціи остатковъ продовольствія, необходимыхъ для арміи, которая является защитницей этого населенія отъ наступающихъ большевиковъ.

Часть городского населенія, которое не такъ терпѣло отъ грабежей, какъ сельское, и которое больше всего опасалось пришествія большевиковъ, повѣрило завѣреніямъ кубанскихъ министровъ и съ надеждой взирало на Кубанскую армію Шкуро. Но крестьяне, которые были до послѣдней нитки обобраны своей «защитницей» и которые видѣли, что все вниманіе этой «защитницы» обращено не на свободно продвигающихся вслѣдъ за ней большевиковъ, а на горныя селенія, гдѣ еще можно было кое-чѣмъ поживиться, отнеслось съ недовѣріемъ къ этимъ пышнымъ завѣреніямъ, которымъ не вѣрили даже министры и политическіе дѣятели, подписавшіеся подъ ними.

Что-же происходило въ это время на фронтѣ арміи Шкуро? Пока главнокомандующіе со своими многочисленными штабами отдыхали въ «Ривьерѣ», проводя весело время въ кутежахъ и попойкахъ, противъ которыхъ было вынуждено ополчиться даже само Кубанское правительство (въ статьѣ отъ 8/21 апрѣля своего оффиціальнаго «Вѣстника») и пока большая часть арміи занималась мародерствомъ по окрестнымъ селеніямъ, три батальона 34-й совѣтской дивизіи безудержно гнали все дальше и дальше на югъ 30,000-ную армію Шкуринцевъ. Впрочемъ, большевики не торопились нанести этой арміи окончательный ударъ, ибо никакъ не могли предположить, что казаки настолько деморализованы и небоеспособны. Они рѣшили нѣсколько подготовиться къ этому удару, для

чего имъ было необходимо реорганизовать и пополнить ряды занявшей Туапсе 34-й дивизіи, насчитывавшей всего 3000 штыковъ. И вотъ, на виду у непріятеля, большевики начали пополнять свои войска, оттянувъ ихъ въ Туапсе и оставивъ на границѣ Сочинскаго округа для наблюденія за казаками слабый авангардъ въ три баталіона съ одной батареей. Черезъ 10 дней большевики влили въ ряды 34-й дивизіи красноармейцевъ 50-й дивизіи и, доведя численность этой сводной дивизіи до 9000 штыковъ, рѣшили покончить съ арміей Шкуро.

Тимошенко, Иванисъ и другіе Кубанскіе политическіе дѣятели успѣли за это время выбрать новую оріентацію на «демократическую Грузію» и, понявъ, что никакого серьезнаго сопротивленія большевикамъ деморализованная армія Шкуро оказать не сможетъ, рѣшили заблаговременно покинуть Черноморье и отправиться въ Тифлисъ для переговоровъ съ Грузинскимъ правительствомъ на предметъ заключенія Кубано-Грузинскаго союза.

Въ Тифлисѣ они надѣялись убѣдить грузинъ прежде всего въ томъ, что армія ихъ вполнѣ боеспособна, нуждается лишь въ кратковременномъ отдыхѣ и затѣмъ легко сможетъ завоевать покинутую территорію Кубани. Затѣмъ они думали склонить Грузинское правительство къ согласію на снабженіе Кубанской арміи продовольствіемъ изъ интендантскихъ запасовъ грузинскихъ войскъ, обѣщая, послѣ очищенія Кубани отъ большевиковъ, наводнить Грузію Кубанскимъ хлѣбомъ.

Перекрасившись въ «демократическій цвѣтъ», Кубанскіе политики начали свои переговоры съ грузинами заявленіями о своей демократичности. Съ этой цѣлью Тимошенко далъ нѣсколько интервью Тифлисскимъ журналистамъ, разсказывая о томъ, что на временно-оккупированной территоріи Сочинскаго округа Кубанское правительство разумными и демократическими распоряженіями установило полный порядокъ и снискало къ себѣ общую любовь и благодарность всего населенія. Онъ отрицалъ начавшійся въ Сочинскомъ округѣ голодъ, увѣрялъ, что базары переполнены продуктами и войсковыя части Кубанской арміи не прибѣгаютъ къ насильственнымъ реквизиціямъ, такъ какъ само населеніе охотно доставляетъ имъ всѣ необходимые продукты.

Безсовѣстная ложь Тимошенко принудила меня выступить съ открытымъ къ нему письмомъ, опубликованнымъ во всѣхъ Тифлисскихъ и Сухумскихъ газетахъ. Въ этомъ письмѣ я, ссылаясь на статьи «Вѣстника Кубанскаго правительства» и на обще-извѣстные всему Сочинскому населенію факты, опровергалъ сдѣланныя Тимошенко заявленія и обличалъ руководителей казачества въ затѣянной ими безумной авантюрѣ, благодаря которой рядовые казаки обрекались на гибель отъ голода и эпидемій, а населеніе Сочинскаго округа на полное разореніе.

Тимошенко обѣщалъ журналистамъ отвѣтить на мое письмо, какъ только онъ получитъ объясненія отъ находящихся въ Сочи членовъ правительства, но, такъ какъ отрицать приведенные мною факты было невозможно, то никакого отвѣта я до сихъ поръ отъ него не дождался.

Быть можетъ Кубанскимъ политикамъ и удалось-бы склонить грузинъ на заключеніе спасительнаго для кубанцевъ союза, но выступленіе генерала Шкуро открыло глаза Грузинскому правительству на «демократизмъ» руководителей казачества. Послѣ одной веселой попойки, происходившей въ переполненномъ публикой общемъ залѣ ресторана «Ривьера», генералъ Шкуро обратился съ зажигательной рѣчью къ своимъ офицерамъ, въ которой заявлялъ о томъ, что онъ для расширенія своей базы принужденъ будетъ перейти границу Грузіи и

занять богатый продовольствіемъ Сухумскій округъ. Въ залѣ присутствовало нѣсколько грузинъ, которые немедленно передали слова Шкуро черезъ Гагры въ Тифлисъ, послѣ чего Грузинское правительство отказалось отъ всякихъ переговоровъ съ кубанцами, заявивъ, что оно не можетъ подвергать молодую Грузинскую республику риску войны съ Россійскимъ совѣтскимъ правительствомъ.

Пока политическіе дѣятели Кубани вели переговоры съ грузинами, положеніе арміи Шкуро ухудшалось съ каждымъ днемъ. Всѣ мѣстные запасы были давно съѣдены, и войска начали голодать. Люди стали питаться кониной, падалью и корой, вспыхнулъ голодный тифъ и холера. Продовольствіе изъ Крыма, о которомъ говорили Мамоновъ и другіе вожди казачества, доставлено не было. Штабъ Деникина черезъ англичанъ увѣдомилъ Шкуро, что арміи его будетъ доставлено продовольствіе и патроны только въ томъ случаѣ, если она безоговорочно признаетъ власть главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи.

Генералъ Шкуро въ сущности никогда и не порывалъ съ Деникинымъ и, убѣдившись въ полной деморализаціи своихъ войскъ, вступилъ при посредствѣ англичанъ въ переговоры съ главнымъ командованіемъ о перевозкѣ казаковъ въ Крымъ.

Англичане, поддерживавшіе Деникина, а поэтому относившіеся крайне отрицательно къ Кубанскому правительству, обрадовались возможности лишить это правительство вооруженной силы и заявили Иванису, что въ случаѣ согласія его на перевозку казачьей арміи въ Крымъ, англійская эскадра предоставитъ кубанцамъ перевозочныя средства и огнемъ своихъ дредноутовъ прикроетъ отступленіе и погрузку на суда арміи Шкуро.

Во время этихъ переговоровъ, высшій командный составъ Кубанской арміи, понявшій, что оставленіе Сочи является вопросомъ всего нѣсколькихъ дней, рѣшилъ воспользоваться случаемъ для ликвидаціи оставленныхъ Комитетомъ Освобожденія табаковъ. Съ этой цѣлью генералъ Шкуро вступилъ въ соглашеніе съ Батумскими спекулянтами и уполномочилъ одного изъ своихъ подчиненныхъ, генерала Остроухова, продать принадлежавшіе Черноморскому крестьянству табаки. Къ Сочи подошло нѣсколько пароходовъ и, къ глубокому разочарованію обывателей, узнавшихъ о приходѣ судовъ и полагавшихъ, что суда эти доставили, наконецъ, давно обѣщанное продовольствіе, приступили къ спѣшной погрузкѣ и вывозкѣ изъ Сочи того валютнаго товара, на который такъ разсчитывало населеніе, надѣясь обмѣнять его на хлѣбъ.

Когда табаки были вывезены въ Батумъ, Комитетъ Освобожденія обратился къ англійскимъ властямъ (Батумъ былъ въ то время оккупированъ англичанами) съ просьбой наложить арестъ на похищенное казаками у крестьянъ имущество, но Батумскій военный губернаторъ оффиціальнымъ документомъ за № 3343 отказалъ въ этомъ ходатайствѣ и разрѣшилъ спекулянтамъ вывезти эти табаки черезъ Константинополь въ Европейскіе порты. Тамъ табаки эти были выгодно проданы, вырученные отъ продажи «фунты» обогатили хищниковъ, а Черноморское крестьянство, вступившее въ періодъ новой борьбы за свои права съ Московскими «комиссародержцами» оказалось безъ всякихъ средствъ, столь необходимыхъ для этой борьбы. Дѣйствія англійскаго Батумскаго губернатора оказались послѣднимъ «благодѣяніемъ», оказаннымъ бывшими союзниками русскому крестьянству Черноморья . . .

Кубанское правительство, пытавшееся вновь завязать сношенія съ Комитетомъ Освобожденія и неоднократно торжественно завѣрявшее, что оно будетъ бороться со всякими злоупотребленіями и гарантируетъ неприкосновенность иму-

щества и достоянія Сочинскаго населенія, санкціонировало этотъ грабежъ и, оправдываясь впослѣдствіи передъ представителями крестьянства, увѣряло, что табаки были проданы въ обмѣнъ на продовольствіе для арміи и населенія. Быть можетъ, если бы вырученныя отъ продажи табаковъ деньги дѣйствительно пошли на покупку хлѣба, крестьяне отнеслись-бы болѣе снисходительно къ этому грабежу, но на самомъ дѣлѣ заявленіе Кубанскаго правительства явилось такой-же ложью, какъ и всѣ его предыдущія обѣщанія и завѣренія: ни одного пуда хлѣба, въ обмѣнъ на вывезенный табакъ, въ Сочи доставлено не было.

Во время описываемыхъ событій я находился въ горахъ, куда перебрался Комитетъ Освобожденія и Главный Штабъ крестьянскаго ополченія.

Сплошного фронта противъ арміи Шкуро мы держать не могли и ограничивались тѣмъ, что заняли отдѣльными заставами дороги и тропинки, ведущія къ горнымъ селеніямъ. Въ наиболѣе угрожаемыхъ мѣстахъ штабъ сосредоточилъ отряды по 50 — 60 ополченцевъ съ пулеметами, которымъ была дана задача до послѣдней возможности оборонять подступы къ горнымъ селеніямъ. Остальные ополченцы находились въ своихъ деревняхъ, составляя резервъ, готовый въ любой моментъ придти на помощь тому или другому отдѣльному отряду.

Несмотря на удрученное состояніе духа и на тревогу о дальнѣйшихъ судьбахъ нашей «крестьянской республики», эти двѣ недѣли, проведенныя мною въ горахъ, среди чарующей природы и сердечно относившихся къ намъ крестьянъ, навсегда остались въ моей памяти, какъ одно изъ лучшихъ воспоминаній о Черноморьѣ.

Мнѣ приходилось все время переѣзжать изъ одного селенія въ другое, участвовать на крестьянскихъ сходахъ, давать объясненія и совѣты поселянамъ и за этотъ періодъ у меня установились съ ними такія хорошія отношенія, которымъ завидовали другіе члены комитета, гораздо болѣе меня связанные съ крестьянствомъ и прожившіе въ округѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Пріѣхавъ въ какое-либо селеніе, я былъ обязанъ поочередно посѣтить каждую избу и отвѣдать хозяйской хлѣба-соли. Отказъ отъ приглашенія зайти «въ гости», и еще болѣе — отъ угощенія, былъ равносиленъ самому глубокому оскорбленію.

И мои мрачныя мысли разгонялись этими простыми и сердечными людьми, увѣрявшими меня, что несмотря ни на какія временныя невзгоды и испытанія, правда все-таки восторжествуетъ и никакая сила не будетъ въ состояніи вырвать изъ рукъ крестьянства ту власть, которая перешла къ нимъ послѣ долгой и упорной борьбы.

— Ни «кадеты», ни большевики ничего съ нами не смогутъ сдѣлать, упрямо твердили жители горныхъ селеній. Пусть пока-что властвуютъ на берегу моря, а мы будемъ у себя въ горахъ отсиживаться. Пройдетъ годъ — другой, наступятъ другія времена, соберемся съ силами — и однимъ духомъ очистимъ свое Черноморье отъ всякой «шатіи». Теперь насъ ужъ никто не обманетъ...

Въ концѣ апрѣля казаки стали усиленно пробиваться къ горнымъ селеніямъ.

Главный штабъ рѣшилъ оказать имъ самое упорное сопротивленіе, дабы спасти населеніе горныхъ селеній отъ участи совершенно разоренныхъ и ограбленныхъ деревень прибрежной полосы. Первыя-же столкновенія съ казаками кончились для насъ успѣшно: казачьи отряды принуждены были отступить, оставивъ нѣсколько плѣнныхъ, видъ которыхъ внушалъ крестьянамъ живѣйшее состраданіе. Штабъ постановилъ всѣхъ плѣнныхъ отпускать обратно, взявъ съ

нихъ обѣщаніе не участвовать больше въ набѣгахъ на горныя селенія. Мы стали готовиться къ болѣе серьезнымъ боямъ, такъ какъ изъ донесеній развѣдчиковъ знали объ отданномъ генераломъ Шкуро приказаніи занять рядъ селеній горной полосы.

Однако начавшееся наступленіе красныхъ избавило насъ отъ новыхъ столкновеній съ казаками.

30-го апрѣля, пополненная новыми контингентами, 34-я совѣтская дивизія перешла въ наступленіе и стала тѣснить Шкуринцевъ, въ паникѣ отступавшихъ передъ во много разъ слабѣйшимъ врагомъ. Кубанское правительство согласилось на перевозку своей арміи въ Крымъ, и англійская эскадра, подошедшая къ Сочи, стала прикрывать отступленіе арміи Шкуро. До насъ ясно доносились звуки ожесточенной канонады. Англичане, думая сдержать натискъ большевиковъ, принялись обстрѣливать изъ своихъ дреднаутовъ прибрежныя селенія и результатомъ ихъ активнаго вмѣшательства въ войну между казаками и большевиками оказалось разрушеніе нѣсколькихъ селеній Сочинскаго округа. Красные не понесли никакихъ потерь отъ огня англійскихъ кораблей, но крестьяне пострадали очень сильно: многіе изъ нихъ потеряли свое послѣднее имущество, разрушенное артиллерійскимъ огнемъ самоотверженныхъ и непрошенныхъ «благодѣтелей русскаго народа».

Армія Шкуро быстро очистила Сочи и устремилась къ грузинской границѣ. Командный составъ и передовыя части погрузились между Адлеромъ и Гаграми на подошедшія изъ Крыма суда, но большая часть арміи сдалась большевикамъ. Кубанскіе политическіе дѣятели благополучно успѣли эвакуироваться, бросивъ на произволъ судьбы обманутыхъ ими рядовыхъ казаковъ и бѣженцевъ.

Такъ закончилась вся эта авантюра Кубанскаго правительства, завершившаяся полнымъ разореніемъ Сочинскихъ крестьянъ и безболѣзненнымъ занятіемъ Черноморья большевиками.

Филипповскій и другіе члены Комитета Освобожденія рѣшили тотчасъ-же переѣхать въ Сочи, будучи увѣрены въ томъ, что большевики, покончивъ съ арміей Шкуро, передадутъ комитету бразды правленія и выведутъ свои войска изъ предѣловъ Черноморья.

Я противился такому рѣшенію и настаивалъ на немедленномъ созывѣ въ горахъ крестьянскаго съѣзда для обсужденія создавшагося положенія и подготовленія къ новому періоду борьбы. Я доказывалъ Филипповскому, что большевики никогда не признаютъ Комитета Освобожденія правительствомъ Черноморья и не потерпятъ никакой другой власти, кромѣ диктатуры коммунистической партіи. Но комитетъ мнѣ не повѣрилъ и довѣрчиво откликнулся на призывъ большевистскаго Ревкома, приглашавшаго насъ вернуться въ Сочи.

Въ серединѣ мая Комитетъ Освобожденія спустился съ горъ и торжественно возвратился въ Сочи, любезно встрѣченный военными властями красной арміи и мѣстнымъ революціоннымъ комитетомъ, ставшимъ полнымъ хозяиномъ Сочинскаго округа.

Я отказался вернуться въ Сочи и уѣхалъ въ Гагры, гдѣ предполагалъ отдохнуть нѣкоторое время, послѣ чего собирался снова перебраться въ горы. Но отдыхъ мой оказался весьма непродолжительнымъ. Черезъ нѣсколько дней въ Гагры пріѣхалъ членъ Комитета Освобожденія Ф. Д. Сорокинъ и попросилъ меня немедленно выѣхать въ Сочи, такъ-какъ мое присутствіе является необходимымъ для повѣрки отчетности Главнаго Штаба.

— Ну какъ-же, Федоръ Даниловичъ, скоро-ли большевики уйдутъ изъ Сочи и передадутъ намъ бразды правленія, спросилъ я Сорокина.

— Вы были правы, вздохнулъ Сорокинъ: большевики никогда не согласятся безъ борьбы передать намъ управленіе Черноморьемъ и вѣроятно на дняхъ ликвидируютъ Комитетъ Освобожденія.

— Почему-же вы хотите вновь вернуться въ Сочи и тащите меня съ собой, задалъ я ему вопросъ.

— Если мы съ вами не вернемся въ Сочи, большевики увѣрятъ населеніе въ томъ, что мы побоялись ревизіи суммъ комитета и обвинятъ насъ въ присвоеніи казенныхъ денегъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что ревизія была назначена Сочинскимъ революціоннымъ комитетомъ и являлась первымъ шагомъ къ ликвидаціи Комитета Освобожденія.

Я заявилъ Сорокину, что готовъ въ любой моментъ отчитаться передъ крестьянскимъ съѣздомъ, но не имѣю ни малѣйшаго желанія отчитываться передъ большевистскимъ ревкомомъ, а поэтому въ Сочи съ нимъ не поѣду.

— Дѣлайте, какъ хотите, отвѣтилъ мнѣ Сорокинъ, но я все-таки просилъ-бы васъ хоть на нѣсколько дней показаться въ Сочи. Комитету необходимо рѣшить нѣкоторые очень важные вопросы, а кромѣ того, увѣряю васъ, что большевики сумѣютъ использовать ваше нежеланіе пріѣхать въ Сочи и обвинятъ васъ въ трусости и похищеніи казенныхъ денегъ.

Эти аргументы заставили меня согласиться и на слѣдующій день мы выѣхали на извозчичьемъ фаэтонѣ въ Сочи.

На правомъ берегу пограничной рѣчки Мехадыря, тамъ, гдѣ мѣсяцъ тому назадъ стоялъ нашъ «зеленый» постъ, находилась теперь красноармейская застава. Впервые послѣ 1918 года я увидѣлъ красноармейцевъ и былъ пораженъ ихъ дисциплинированностью и военной выправкой, такъ рѣзко отличавшей ихъ отъ прежнихъ разнузданныхъ, необученныхъ и наводившихъ страхъ даже на самихъ комиссаровъ, солдатъ красной гвардіи.

Черезъ нѣкоторое время по пріѣздѣ въ Сочи я имѣлъ возможность еще болѣе убѣдиться въ коренной реорганизаціи красной арміи, которая нисколько не отличалась, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была даже лучше организована, чѣмъ прежняя до-революціонная русская армія. Три года гражданской войны были умѣло использованы большевиками, сумѣвшими за это время создать многочисленную и хорошо-обученную армію изъ одураченныхъ ими крестьянъ и рабочихъ.

Послѣ эвакуаціи Сочи, мнѣ еще не пришлось быть въ прибрежной полосѣ, и я только по разсказамъ слыхалъ, во что превратились послѣ нашествія казаковъ богатыя прежде селенія этой полосы. То, что я увидѣлъ по дорогѣ изъ Адлера въ Сочи, превзошло всѣ мои ожиданія: мы ѣхали по совершенно разгромленной и опустошенной, какъ послѣ пожара или другого стихійнаго бѣдствія, мѣстности. Деревни были покинуты жителями, ушедшими въ горы и пока еще не возвратившимися обратно. Большинство избъ стояло безъ крышъ, которыя пошли на кормъ лошадямъ и верблюдамъ. Всѣ изгороди были сломаны, поля и огороды вытоптаны, фруктовыя деревья обглоданы. На каждомъ шагу валялись трупы павшихъ животныхъ, и воздухъ былъ настолько зараженъ запахомъ этихъ разлагавшихся труповъ, что приходилось всю дорогу зажимать носъ, чтобы не задохнуться отъ ужасной вони.

Около Хосты мы наткнулись на огромый штабель сложенныхъ въ безпорядкѣ

винтовокъ, шашекъ, пулеметовъ и пушекъ, охраняемый тремя красноармейцами. На этомъ мѣстѣ произошла сдача большевикамъ казачьей дивизіи генерала Морозова, единственнаго изъ казачьихъ генераловъ, не пожелавшаго бросить своихъ подчиненныхъ и рѣшившагося вмѣстѣ съ ними раздѣлить большевистскій плѣнъ.

Вечеромъ мы пріѣхали въ Сочи, также сильно пострадавшее отъ казачьей оккупаціи. Комитетъ Освобожденія помѣщался въ гостиницѣ «Грандъ-Огель», любезно отведенной комитету начальникомъ 34-й совѣтской дивизіи. Впослѣдствіи эта любезность вполнѣ объяснилась тѣмъ, что большевики отвели сосѣднюю съ «Грандъ-Отелемъ» дачу своему «особому отдѣлу» (дивизіонной чрезвычайкѣ), которому было приказано тщательно слѣдить за каждымъ шагомъ членовъ Комитета Освобожденія.

Большинство членовъ комитета чувствовали себя плѣнниками большевиковъ и сожалѣли, что не послушались меня и вернулись въ Сочи. Только Филипповскій былъ по прежнему спокоенъ и надѣялся на возможность столковаться съ большевиками.

— Если большевики ликвидируютъ Комитетъ Освобожденія, то они взамѣнъ него соберутъ совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ, мы будемъ избраны крестьянами въ исполкомъ и попрежнему будемъ стоять у власти, говорилъ онъ. Произойдетъ лишь перемѣна вывѣски и все останется по-прежнему!

На слѣдующее утро ко мнѣ явился адъютантъ штаба 34-й дивизіи и попросилъ немедленно пожаловать къ начальнику дивизіи Егорову, поселившемуся также въ одной изъ ближайшихъ къ «Грандъ-Отелю» дачъ.

Меня встрѣтилъ красноармеецъ, исполнявшій обязанности денщика «начдива», одѣтый въ опрятную гимнастерку, длинные кавалерійскіе рейтузы и въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ; онъ проводилъ меня въ кабинетъ Егорова и попросилъ подождать нѣсколько минутъ.

«Начдивъ» разговаривалъ въ сосѣдней комнатѣ съ однимъ изъ своихъ «комбриговъ» (бригадныхъ командировъ) и совсѣмъ по старорежимному распекалъ своего подчиненнаго.

Закончивъ разносъ комбрига, Егоровъ вошелъ въ кабинетъ, щелкнулъ шпорами и любезно пригласилъ меня сѣсть въ кресло, послѣ чего сразу перешелъ къ дѣлу и объяснилъ, почему онъ прислалъ за мной своего адъютанта.

— Дѣло въ томъ, началъ Егоровъ, что реввоенсовѣтъ Кавказскаго фронта предполагаетъ назначить васъ на одну изъ командныхъ должностей. Поэтому командующій 9-й арміей товарищъ Василенко предложилъ мнѣ предупредить васъ для того, чтобы вы были готовы немедленно по полученіи телеграммы изъ Екатеринодара выѣхать изъ Сочи.

— Я очень благодаренъ реввоенсовѣту за оказываемое мнѣ довѣріе, отвѣтилъ я начдиву, но долженъ вамъ заявить, что не имѣю ни малѣйшаго желанія продолжать военную карьеру и не собираюсь покидать Сочинскаго округа.

Егоровъ усмѣхнулся.

— Вы очевидно не знаете, что совѣтское правительство мобилизуетъ всѣхъ «военспецовъ». О вашемъ согласіи или несогласіи никто не спрашиваетъ. Вы получите черезъ нѣсколько дней предписаніе и должны будете немедленно выѣхать къ мѣсту служенія. Что-же касается вашего желанія оставаться въ Сочи, то вы должны знать, что никто изъ членовъ Комитета Освобожденія не будетъ оставленъ въ предѣлахъ Черноморской губерніи. Я совѣтую вамъ какъ можно скорѣе закончить здѣсь ваши дѣла и приготовиться къ отъѣзду.

На этомъ заключилась оффиціальная часть разговора, послѣ чего Егоровъ повелъ меня въ столовую, гдѣ познакомилъ со своей женой, пытавшейся разыгрывать роль «матери-командирши» добраго стараго времени.

Выпивъ стаканъ чаю и посидѣвъ съ полъ-часа у гостепріимнаго начдива, я поспѣшилъ откланяться и вернулся въ «Грандъ-Отель», едва не опоздавъ къ засѣданію Комитета Освобожденія.

Разсказавъ членамъ комитета о моемъ разговорѣ съ Егоровымъ, я заявилъ, что Комитетъ Освобожденія долженъ немедленно покинуть Сочи, отправиться въ горы и созвать чрезвычайный крестьянскій съѣздъ для того, чтобы дать отчетъ крестьянамъ о всей дѣятельности комитета. Послѣ этого комитетъ можетъ сложить съ себя полномочія и члены комитета могутъ вернуться, если пожелаютъ, обратно въ Сочи, но уже какъ частные люди.

Мое предложеніе было отвергнуто, послѣ чего мнѣ оставалось только передать комитету имѣвшіеся у меня оправдательные документы по денежной отчетности военнаго отдѣла и заявить, что я считаю себя отнынѣ вполнѣ свободнымъ и буду дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Сорокинъ спросилъ меня, что я намѣренъ дѣлать и, узнавъ о томъ, что я собираюсь завтра-же уѣхать въ Гагры, сообщилъ мнѣ по секрету, что онъ поѣдетъ со мной.

Я былъ несказанно удивленъ, когда на слѣдующій день Сорокинъ съ печальнымъ видомъ сообщилъ мнѣ, что онъ ходилъ въ «особый отдѣлъ» за пропускомъ и чекисты отказали ему въ разрѣшеніи выѣхать въ Гагры.

— Зачѣмъ вамъ понадобился пропускъ, спросилъ я съ раздраженіемъ Сорокина. Неужели вы не понимаете, что разъ большевики рѣшили выслать насъ изъ Черноморья, то они никого изъ насъ не выпустятъ въ Грузію, откуда мы всегда сможемъ проникнуть обратно въ Сочинскій округъ. И зачѣмъ вамъ, исходившему пѣшкомъ всѣ горы Черноморья, пропускъ для проѣзда по шоссе?

— А развѣ вы уѣдете изъ Сочи безъ пропуска?

— Будьте увѣрены, что обойдусь великолѣпно безъ него и сегодня-же вечеромъ буду въ Гаграхъ.

Простившись съ Сорокинымъ я отправился на базаръ, подрядилъ извозчика и черезъ нѣсколько часовъ пріѣхалъ въ Адлеръ, откуда пошелъ пѣшкомъ въ эстонское селеніе Сальме.

Эстонцы угостили меня обѣдомъ, дали верховую лошадь и проводника, благодаря которому, я, миновавъ стоявшіе по Мехадырю большевистскіе аванпосты, благополучно перебрался черезъ границу и поздно вечеромъ пріѣхалъ въ Гагры.

Черезъ день крестьяне увѣдомили меня объ арестѣ Комитета Освобожденія, произведенномъ пріѣхавшими изъ Ростова чекистами.

XXIII

Разоренные войсками Шкуро, крестьяне встрѣтили красную армію и большевиковъ, какъ избавителей, и отнеслись съ большимъ довѣріемъ къ обѣщанію Сочинскаго ревкома собрать въ самомъ непродолжительномъ времени окружной совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ. Только нѣкоторые изъ нихъ совершенно не вѣрили въ обѣщанія большевиковъ и предсказывали Черноморскому крестьянству новыя бѣдствія и испытанія.

Арестъ Комитета Освобожденія явился первымъ враждебнымъ выпадомъ большевиковъ противъ крестьянства, которое, переживъ нашествіе казаковъ, готово было совершенно примириться съ совѣтской властью.

Вслѣдъ за арестомъ Комитета Освобожденія, агенты «особаго отдѣла» и Ростовской Чеки нагрянули въ села и арестовали членовъ районныхъ штабовъ крестьянскаго ополченія и большую часть членовъ крестьянской фракціи окружного съѣзда. Въ числѣ арестованныхъ оказались Блохнинъ, Рощенко и шесть другихъ, наиболѣе видныхъ руководителей крестьянскаго ополченія.

Только-что успокоившіеся крестьяне, повѣрившіе обѣщаніямъ представителей «рабоче-крестьянскаго» правительства, снова заволновались и пытались объяснить произведенные аресты какимъ-нибудь недоразумѣніемъ.

Но большевики поступали съ полнымъ «разумѣніемъ», стараясь какъ можно скорѣе обезсилить Черноморское крестьянство, которое представлялось имъ весьма серьезнымъ врагомъ. Большевики отлично знали, какъ относится крестьянство къ диктатурѣ коммунистической партіи и какъ оно мечтаетъ о союзѣ съ кубанцами (съ рядовымъ казачествомъ, а не съ потерявшими всякій авторитетъ кубанскими политиками) для созданія мощной крестьянско-казачьей республики. Организованное Черноморское крестьянство и сохранившее оружіе крестьянское ополченіе могло явиться тѣмъ ядромъ, вокругъ котораго будутъ собираться всѣ недовольные совѣтской властью элементы Кубани и Черноморья. Поэтому большевики рѣшили прежде всего вырвать изъ рядовъ крестьянъ наиболѣе популярныхъ руководителей, разсчитывая обезглавить такимъ образомъ будущую активную оппозицію.

Однако большевики ошиблись въ своихъ расчетахъ, и произведенные ими аресты дали толчокъ новому подъему настроенія Сочинскихъ крестьянъ.

Уцѣлѣвшіе отъ разгрома районные штабы снова эвакуировались въ горы и отдали приказъ своимъ ополченцамъ снести въ горы и укрыть тамъ все оставшееся въ ополченіи оружіе и патроны. Приказаніе это было немедленно исполнено, и, когда большевики стали производить въ деревняхъ повальные обыски, они не могли найти ни одного пулемета, ни одной винтовки и ни одного патрона.

Вслѣдъ за этимъ большевики объявили въ Сочинскомъ округѣ мобилизацію 10-ти возрастовъ, разсчитывая такимъ распоряженіемъ вырвать изъ рядовъ крестьянскаго ополченія большую половину бойцовъ. Но крестьяне, какъ и во времена владычества Добрарміи, отказались подчиниться приказу о мобилизаціи, и всѣ подлежавшіе призыву ушли снова въ горы.

Начался новый періодъ «зеленаго движенія», которое большевики рѣшили подавить самыми суровыми мѣрами. Прежде всего «особый отдѣлъ» арестовалъ оставшихся въ деревняхъ женъ, дѣтей и родителей, ушедшихъ въ горы «зеленыхъ».

Нѣсколько сотъ такихъ заложниковъ были отправлены въ Екатеринодаръ и далѣе на сѣверъ, въ центральную Россію, причемъ имъ было запрещено взять съ собой что либо изъ имущества, конфискованнаго для нуждъ красной арміи. Вѣсть объ этихъ арестахъ тотчасъ-же разнеслась по всѣмъ прибрежнымъ селеніямъ и началось новое повальное бѣгство въ горы. Чтобы остановить такое переселеніе жителей прибрежныхъ деревень, большевики арестовали по нѣскольку крестьянъ изъ каждаго селенія, объявили ихъ заложниками и заявили, что въ случаѣ самовольнаго ухода остальныхъ крестьянъ въ горы — арестованные заложники будутъ немедленно разстрѣляны.

Однако всѣ эти мѣропріятія нисколько не устрашили крестьянъ, рѣшившихъ начать организованную борьбу за свое освобожденіе отъ власти чуждыхъ населенію и назначенныхъ изъ Екатеринодара комиссаровъ.

Съ этой цѣлью въ горахъ собрался нелегальный съѣздъ делегатовъ отъ всѣхъ деревень Сочинскаго округа, который переизбралъ Главный Штабъ крестьянскаго ополченія и поручилъ ему руководить борьбой крестьянъ съ коммунистами.

Сознавая, что немедленное вооруженное выступленіе окончится полнымъ разгромомъ Черноморскаго крестьянства, съѣздъ поручилъ Главному Штабу вступить въ переговоры съ кубанскимъ казачествомъ на предметъ подготовки общаго выступленія противъ большевиковъ въ Сѣверо-Кавказскомъ масштабѣ. Впредь до такого выступленія крестьяне благоразумно рѣшили воздержаться отъ всякихъ легкомысленныхъ авантюръ и неорганизованныхъ вспышекъ.

Я былъ снова избранъ предсѣдателемъ Главнаго Штаба, который на этотъ разъ состоялъ всего изъ пяти членовъ, исключительно крестьянъ Сочинскаго округа.

Чтобы не возбуждать излишняго подозрѣнія большевиковъ, я избралъ своей постоянной резиденціей Гагры, откуда по ночамъ уѣзжалъ въ ближайшія къ Грузинской границѣ селенія Сочинскаго округа, гдѣ и встрѣчался съ представителями районныхъ штабовъ. Находившіеся въ Awe Гаграхъ большевистскіе шпіоны видѣли меня фланирующимъ по парку и доносили «особому отдѣлу» о томъ, что я никакого участія въ «зеленомъ движеніи» не принимаю.

А въ это время мы дѣятельно подготовлялись къ новой рѣшительной борьбѣ и прежде всего старались завязать сношенія съ нашими ближайшими сосѣдями — казаками Майкопскаго и Баталпашинскаго отдѣловъ, съ которыми намъ было легко сноситься черезъ незанятые большевиками горные перевалы. Несмотря на то, что нашествіе казаковъ совершенно разорило Сочинскихъ крестьянъ, они отнюдь не питали враждебныхъ чувствъ къ кубанскому казачеству, обвиняя въ своемъ разореніи не рядовыхъ казаковъ-станичниковъ, а ихъ бывшихъ руководителей — генераловъ Добровольческой арміи и членовъ Кубанскаго краевого правительства. Казаки въ свою очередь сильно пострадали отъ безумной Черноморской авантюры и проклинали своихъ вождей, вовлекшихъ ихъ въ эту авантюру, а затѣмъ бросившихъ на произволъ судьбы повѣрившихъ имъ людей и благополучно эвакуировавшихся за-границу. Поэтому намъ быстро удалось завязать дружественныя отношенія съ сосѣдними станицами, черезъ которыя мы надѣялись впослѣдствіи распространить свое вліяніе на большую часть Кубанской области.

Къ сожалѣнію вмѣшательство командированныхъ на Черноморье агентовъ Крымскаго «правителя» и новыя генеральскія авантюры заставили насъ на время пріостановить начатую работу и отразились самымъ печальнымъ образомъ на затѣянномъ нами дѣлѣ освобожденія Кубани и Черноморья отъ власти коммунистовъ.

Первой ласточкой, прилетѣвшей изъ Крыма, явился генералъ Муравьевъ, обѣщавшій новому главнокомандующему — генералу Врангелю — поднять возстаніе Черноморскихъ крестьянъ, которое облегчило-бы производство дессантной операціи Крымской арміи на Кубани.

Въ это время произошло стихійное возстаніе поселянъ-старообрядцевъ селенія «Имеретинской бухты» (близъ Адлера), вызванное тѣмъ, что комиссаръ города

Адлера запечаталъ ихъ молельню. Вооружившись берданками, охотничьими ружьями и кольями, старовѣры внезапно напали на Адлеръ, немногочисленный гарнизонъ котораго побросалъ оружiе и бѣжалъ въ Сочи. Всѣ Адлерскiе комиссары не успѣли бѣжать и были захвачены въ плѣнъ возставшими. Сочинскiе большевики предложили повстанцамъ заключить миръ, обѣщая имъ полную амнистiю, при условiи немедленнаго освобожденiя взятыхъ въ плѣнъ комиссаровъ. Такъ какъ Главный Штабъ отказался поддержать самочинное выступленiе Имеретинскихъ старовѣровъ и предложилъ имъ, во избѣжанiе репрессiй со стороны большевиковъ, немедленно уйти въ горы, старовѣры согласились на условiя, предложенныя большевиками, и освободили Адлерскихъ комиссаровъ. Большевики-же по своему обыкновенiю не сдержали даннаго обѣщанiя и разстрѣляли трехъ зачинщиковъ Имеретинскаго выступленiя.

Этимъ возстанiемъ рѣшилъ воспользоваться только-что прибывшiй изъ Крыма генералъ Муравьевъ. Совершенно не учитывая настроенiй Черноморскаго крестьянства, онъ проникъ въ нейтральную зону (между совѣтскими и грузинскими войсками) и сталъ проповѣдывать всеобщее выступленiе крестьянъ противъ большевиковъ подъ флагомъ Врангеля.

Крестьяне, относившiеся съ одинаковой ненавистью и къ большевикамъ, и къ «кадетамъ», отказались поддержать Муравьева и заявили ему, что они выступятъ только по приказанiю своего Главнаго Штаба. Но Муравьева не смутила такая неудача, и онъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно. Разсчитывая, по примѣру Имеретинскихъ старообрядцевъ, съ небольшимъ отрядомъ напасть на Адлеръ и легко справиться съ Адлерскимъ гарнизономъ, онъ надѣялся, что послѣ первой-же удачи крестьяне примкнутъ къ начавшемуся выступленiю и ему удастся занять Сочи, послѣ чего Черноморское побережье будетъ занято дессантомъ Крымской армiи.

Муравьевъ собралъ около 30 головорѣзовъ изъ армянской молодежи и крестьянъ селенiя «Веселаго» и атаковалъ одну изъ красноармейскихъ заставъ на берегу Псоу. Красноармейцы отступили, но высланный изъ Адлера баталiонъ быстро ликвидировалъ отрядъ Муравьева, разбѣжавшiйся послѣ первыхъ-же выстрѣловъ со стороны подошедшаго къ большевикамъ подкрѣпленiя.

Результатомъ Муравьевской авантюры явилась кровавая расправа большевиковъ съ крестьянами тѣхъ деревень, въ которыхъ побывалъ самонадѣянный генералъ. Жители этихъ деревень были обвинены въ сношенiяхъ съ Врангелемъ и, такъ какъ чекисты при всемъ своемъ желанiи не могли найти главарей и руководителей нападенiя на красноармейскую заставу, то они выбрали наугадъ 9 крестьянъ, которыхъ тутъ-же и разстрѣляли.

Самъ-же вдохновитель этой авантюры-генералъ Муравьевъ ушелъ въ горы и, появившись въ одномъ изъ горныхъ селенiй, началъ вести среди крестьянъ пропаганду новаго вооруженнаго выступленiя. Но результаты такой пропаганды оказались для генерала весьма печальными: мѣстный районный штабъ крестьянскаго ополченiя арестовалъ Муравьева, отобралъ находившуюся при немъ крупную сумму денегъ и, взявъ съ него обѣщанiе не появляться впредь на территорiи Черноморья, препроводилъ его подъ конвоемъ къ грузинской границѣ.

Какъ выяснилось впослѣдствiи, генералъ Муравьевъ находился въ самой тѣсной связи съ нѣкоторыми изъ членовъ эвакуировавшагося въ Тифлисъ Кубанскаго правительства, возлагавшихъ большiя надежды на авантюру Муравьева.

Когда выяснился полный провалъ этой авантюры, командированный въ Гагры для поддержанiя связи съ Муравьевымъ адъютантъ Кубанскаго министра внутрен-

нихъ дѣлъ Бѣлашева, полковникъ Смѣновъ, обратился ко мнѣ съ просьбой пріѣхать въ Тифлисъ для переговоровъ съ организовавшимся тамъ «Кубанскимъ повстанческимъ комитетомъ».

Разсмотрѣвъ предложеніе Смѣнова, Главный Штабъ постановилъ командировать меня и секретаря штаба Верховскаго въ Тифлисъ для того, чтобы выяснить, изъ кого состоитъ Кубанскій повстанческій комитетъ и кого онъ представляетъ.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, мы отправились въ ресторанъ «Надъ Курой», гдѣ въ отдѣльномъ кабинетѣ должно было состояться первое наше свиданіе съ членами повстанческаго комитета. Здѣсь насъ встрѣтилъ «министръ» Бѣлашевъ, отрекомендовавшійся уполномоченнымъ комитета. Бѣлашевъ заявилъ намъ, что члены Рады и другіе политическіе дѣятели Кубани чрезвычайно удручены происшедшимъ «недоразумѣніемъ» между кубанцами и черноморскимъ крестьянствомъ, которые являются естественными союзниками. Всю вину за происшедшее въ Сочинскомъ округѣ Бѣлашевъ сваливалъ на генерала Шкуро и его штабъ, не желавшихъ исполнять директивъ Кубанскаго правительства. На заданный нами вопросъ, признаетъ ли себя Кубанское правительство отвѣтственнымъ въ ограбленіи Черноморскаго крестьянства и готово ли оно хотя бы частично возмѣстить намъ убытки, причиненные продажей принадлежавшихъ Комитету Освобожденія табаковъ, Бѣлашевъ отвѣтилъ утвердительно, торжественно заявивъ, что Кубанское правительство считаетъ своимъ священнымъ долгомъ при первой возможности возмѣстить Черноморскому крестьянству всѣ причиненные арміей Шкуро убытки.

Дальнѣйшіе переговоры были назначены на квартирѣ Бѣлашева, гдѣ должны были собраться остальные члены повстанческаго комитета.

По вполнѣ понятнымъ причинамъ мы считали, что засѣданія комитета происходятъ въ обстановкѣ полной конспираціи. Велико поэтому было наше удивленіе, когда подходя къ квартирѣ Бѣлашева, помѣщавшейся въ бель-этажѣ небольшого домика на одной изъ улицъ «Веры», мы черезъ открытыя окна услыхали громкіе разговоры и споры собравшихся кубанцевъ. Большевики, содержавшіе въ Тифлисѣ большое количество шпіоновъ, могли не только обнаружить мѣсто, гдѣ происходило это «конспиративное собраніе», но также узнать всѣхъ его участниковъ и стенографически записать всѣ ихъ разговоры.

Мы застали у Бѣлашева почти всѣхъ эвакуировавшихся въ Тифлисъ членовъ Кубанской Рады и правительства. Нисколько не стѣсняясь постороннихъ людей, эти политическіе дѣятели ожесточенно нападали другъ на друга, сводили между собой личные счеты, а нѣкоторые изъ нихъ обвиняли членовъ правительства въ растратѣ войсковыхъ суммъ.

Убѣдившись въ томъ, что настоящее собраніе совершенно не способно заниматься дѣловыми вопросами, мы заявили кубанцамъ, что отказываемся отъ переговоровъ съ «повстанческимъ комитетомъ» до тѣхъ поръ, пока члены этого комитета не столкуются между собой и не приступятъ къ обсужденію тѣхъ вопросовъ, которые въ настоящій моментъ являются болѣе важными, чѣмъ споры о допущенныхъ ранѣе ошибкахъ.

Черезъ нѣсколько дней мы узнали о томъ, что у кубанцевъ образовалось цѣлыхъ два «повстанческихъ комитета», одинъ изъ которыхъ возглавлялся И. П. Тимошенко, а другой — только-что пріѣхавшимъ изъ Константинополя Ф. К. Воропиновымъ.

Воропиновъ въ ноябрѣ 1919 года, послѣ казни Калабухова, былъ арестованъ Деникинымъ и въ числѣ другихъ наиболѣе «опасныхъ» членовъ Рады — высланъ въ Константинополь, гдѣ и находился подъ надзоромъ англiйской полицiи. Познакомившись съ этимъ до крайности слабохарактернымъ и нерѣшительнымъ политическимъ дѣятелемъ, я недоумѣвалъ, чѣмъ была вызвана его высылка изъ Екатеринодара, такъ какъ, по моему, онъ былъ абсолютно не способенъ не только къ активной, но даже и къ пассивной оппозицiи какой-бы то ни было власти.

Насъ интересовалъ также вопросъ о томъ, насколько популярны среди оставшихся на Кубани казаковъ имена этихъ засѣдавшихъ въ Тифлисѣ членовъ повстанческихъ комитетовъ. Съ этой цѣлью мы написали Главному Штабу, прося его немедленно послать въ станицы Майкопскаго отдѣла развѣдчиковъ, поручивъ имъ разспросить станичниковъ. Черезъ нѣкоторое время Главный Штабъ увѣдомилъ насъ о томъ, что казаки относятся крайне недовѣрчиво къ большинству изъ пребывающихъ въ Тифлисѣ членовъ Рады, которыхъ они считаютъ предателями и шкурниками.

Послѣ этого мы рѣшили прекратить всякiе разговоры съ Тифлисскими «повстанцами» и вернуться на Черноморье.

Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ Майкопскомъ, Баталпашинскомъ и Лабинскомъ отдѣлахъ вспыхнули въ это время серьезныя возстанiя казаковъ, которыя могли окончиться всеобщимъ возстанiемъ населенiя Сѣвернаго Кавказа противъ совѣтской власти.

Тимошенко заявилъ мнѣ, что онъ также поѣдетъ на Черноморье съ цѣлью пробраться въ Баталпашинскiй отдѣлъ, въ которомъ возставшiе подъ начальствомъ генерала Фостикова казаки одерживаютъ головокружительные успѣхи надъ красноармейскими частями.

— Не далекъ тотъ часъ, говорилъ Тимошенко, когда Фостиковъ освободитъ всю Кубань. Поэтому мнѣ, какъ предсѣдателю Рады, слѣдуетъ находиться при Фостиковѣ, дабы немедленно по занятiи Екатеринодара созвать Краевую Раду и возстановить власть Кубанскаго Правительства.

Члены обоихъ «повстанческихъ» комитетовъ ходили съ гордо поднятыми головами, какъ будто успѣхи Фостикова были вызваны исключительно дѣятельностью Тифлисскихъ «повстанцевъ».

До самыхъ Гагръ Тимошенко разсказывалъ мнѣ объ успѣхахъ Фостикова и расхваливалъ этого генерала, который, по его словамъ, былъ убѣжденнымъ демократомъ и являлся противникомъ генеральской диктатуры Врангеля.

Въ Гаграхъ меня встрѣтилъ одинъ изъ членовъ Главнаго Штаба, сообщившiй мнѣ, что разбитые большевиками подъ Невиномысской отряды генерала Фостикова отступаютъ въ горы и пытаются выйти на Черноморское побережье.

Это извѣстiе чрезвычайно встревожило меня, такъ какъ предвѣщало новую гибельную для Черноморья авантюру.

Я сказалъ Тимошенко о полученномъ мною извѣстiи, но онъ ему не повѣрилъ.

—Я только что разговаривалъ съ прибывшимъ въ Гагры офицеромъ изъ штаба Фостикова, который сообщилъ мнѣ о новыхъ побѣдахъ, одержанныхъ нашими станичниками, сказалъ онъ мнѣ.

На слѣдующiй день рано утромъ я выѣхалъ въ одно изъ селенiй нейтральной зоны и получилъ подробное донесенiе о пораженiи Фостикова. Одержавъ

нѣсколько побѣдъ надъ большевиками и занявши почти весь Баталпашинскій и часть Лабинскаго отдѣловъ, Фостиковъ совершилъ нѣсколько крупныхъ политическихъ и военныхъ ошибокъ, результатомъ которыхъ явилось полное пораженіе его 15-ти тысячной арміи, потерявшей всю артиллерію, большую часть пулеметовъ и обозы. Разгромленная совѣтскими войсками армія Фостикова отступила въ горы и, преслѣдуемая по пятамъ большевиками, перевалила черезъ Краснополянскій перевалъ и спустилась въ Сочинскій округъ.

Я сообщилъ объ этомъ Тимошенко, прося его немедленно пріѣхать въ нейтральную зону.

Между тѣмъ передовыя части Фостикова стали уже подходить къ Адлеру, вступивъ въ бой съ расположенными въ районѣ этого города красноармейскими полками. Также, какъ и при нашествіи арміи Шкуро, вслѣдъ за авангардомъ тянулся огромный обозъ бѣженцевъ, снова явившихся къ намъ на Черноморье со всѣмъ своимъ скарбомъ, но безъ продовольствія и фуража.

Я попросилъ примчавшагося изъ Гагръ Тимошенко тотчасъ-же отправиться въ штабъ Фостикова и уговорить его или немедленно интернироваться въ Грузіи, или-же вернуться обратно въ Баталпашинскій отдѣлъ, гдѣ онъ имѣлъ гораздо больше шансовъ выдержать натискъ большевиковъ, чѣмъ въ совершенно раззоренномъ Сочинскомъ округѣ, въ которомъ его армія обречена на вѣрную гибель.

Тимошенко въ сопровожденіи двухъ проводниковъ поѣхалъ въ деревню, въ которой, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, находился штабъ Фостикова.

Къ вечеру онъ вернулся обратно усталый, но чрезвычайно довольный своей поѣздкой.

— Мнѣ не удалось повидаться съ генераломъ Фостиковымъ, но я говорилъ съ его начальникомъ штаба, который разсказалъ мнѣ блестящій планъ, задуманный Фостиковымъ. Дѣло въ томъ, что занятіе Сочинскаго округа является одной изъ деталей этого плана. У Фостикова нѣтъ ни артиллеріи, ни патроновъ, безъ которыхъ, какъ вы сами понимаете, воевать невозможно. Поэтому онъ рѣшилъ занять Адлеръ и нѣсколько другихъ прибрежныхъ пунктовъ, гдѣ будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока не получитъ изъ Крыма достаточнаго количества патроновъ и нѣсколько орудій, за которыми сегодня-же отправится кто нибудь изъ его штабныхъ офицеровъ. Получивши пушки и патроны, Фостиковъ немедленно-же уйдетъ черезъ горы на Кубань, разгромитъ занявшую вновь Баталпашинскій отдѣлъ красную армію и черезъ какой-нибудь мѣсяцъ дойдетъ до Екатеринодара.

— Весь этотъ планъ является сплошнымъ абсурдомъ, отвѣтилъ я Тимошенко. Для того, чтобы попасть въ Крымъ, офицеру Фостикова надо прежде всего добраться до Батума. При удачѣ — онъ доѣдетъ до Батума черезъ три дня, откуда еще четыре дня пути до Севастополя. Пока онъ доберется до штаба Врангеля и вернется изъ Крыма, пройдетъ не менѣе 10—12 дней. Безъ патроновъ и безъ продовольствія Фостиковъ никогда не продержится столько времени на побережьѣ и или будетъ окончательно разгромленъ большевиками, которые успѣютъ подтянуть изъ Сочи и Туапсе значительныя силы, или армія его, обезсилѣвъ отъ голода, сама сдастся большевикамъ. Эта новая авантюра окончится также печально и для нашихъ крестьянъ, и для вашихъ казаковъ, какъ задуманная вами весенняя авантюра!

— Увѣряю васъ, что планъ Фостикова будетъ блестяще выполненъ. Изъ Батума его офицеръ снесется по радіо съ Севастополемъ, откуда будутъ немедленно высланы суда съ продовольствіемъ, пушками и патронами, которыя

подойдутъ къ Адлеру не позднѣе, чѣмъ черезъ пять-шесть дней. Но намъ необходимо сейчасъ сговориться съ вашими крестьянами, чтобы получить отъ нихъ хоть немного продовольствія и патроновъ.

— Врядъ-ли наши крестьяне согласятся на такую комбинацію. Вѣдь большевики узнаютъ объ оказанной ими помощи Фостикову и жестоко расправятся за это съ населеніемъ. Ваши казаки такъ или иначе уйдутъ съ побережья, а крестьянамъ придется отдуваться за нихъ своими боками.

— Если крестьяне согласятся поддержать насъ, мы оставимъ на побережьѣ сильный отрядъ и будемъ защищать васъ отъ большевиковъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, не защищайте насъ, мы уже видѣли весной, какую защиту представляютъ собой деморализованные пораженіями и голодомъ казаки!

— Но войска Фостикова совершенно не деморализованы и, когда придетъ помощь изъ Крыма, они съ новыми силами начнутъ бить большевиковъ.

— Почему вы полагаете, что Врангель тотчасъ-же согласится прислать вамъ артиллерію и патроны?

— Да вѣдь движеніе Фостикова облегчитъ его дессантную операцію на Тамани!

— Я не понимаю все-таки, какъ это вы надѣетесь на помощь Врангеля, съ которымъ ваше правительство порвало всякія отношенія? Врангель согласится помочь вамъ только въ томъ случаѣ, если вы признаете его власть!

— Видите-ли, замялся Тимошенко, наше правительство дѣйствительно не признаетъ Врангеля, но нашъ атаманъ принужденъ былъ заключить съ нимъ соглашеніе, такъ какъ въ Крыму находится большая часть Кубанской арміи. Конечно это соглашеніе насъ ни къ чему не обязываетъ и, какъ только мы будемъ въ Екатеринодарѣ, мы тотчасъ-же окончательно порвемъ съ Врангелемъ, но въ данное время, благодаря этому соглашенію, мы получимъ отъ Врангеля и пушки и патроны и продовольствіе!

Изъ этого разговора я понялъ, что кубанцы снова успѣли перемѣнить оріентацію и ведутъ двойную игру, выжидая, чѣмъ окончится дессантная операція Врангеля на Таманскомъ полуостровѣ.

На слѣдующій день армія Фостикова заняла Адлеръ, причемъ ей удалось захватить нѣсколько тысячъ патроновъ. Эти патроны давали Фостикову возможность продержаться еще день — два и то лишь въ томъ случаѣ, если большевики не перейдутъ сами въ наступленіе.

Въ этотъ-же день въ селеніи Веселомъ состоялось совѣщаніе представителей ближайшихъ районныхъ штабовъ.

Я передалъ имъ просьбу Тимошенко о поддержкѣ Фостикова, но, какъ я и предполагалъ, крестьяне отнеслись къ ней отрицательно.

— Мы видѣли казаковъ Фостикова, сказалъ одинъ изъ нихъ, они драться съ большевиками не будутъ. Мы не можемъ связываться съ ними! Пусть лучше возвращаются обратно къ себѣ на Кубань. И имъ тамъ будетъ лучше, и намъ покойнѣе . . .

Другіе участники совѣщанія опасались, что Фостиковъ является назначенымъ Врангелемъ губернаторомъ Черноморья.

— Если онъ получитъ изъ Крыма пушки и патроны, то сначала выгонитъ съ Черноморья большевиковъ, а потомъ примется за насъ. Намъ все едино, кто будетъ насъ жать — большевики, или «кадеты». Кто изъ нихъ лучше, а кто хуже — самъ чортъ не разберетъ. Такъ чего-же намъ путаться въ это дѣло?

Въ концѣ концовъ, было рѣшено не принимать никакого участія въ этой новой авантюрѣ, которая, по нашему мнѣнію, была заранѣе обречена на полную неудачу.

Такъ оно и случилось. Продержавшись нѣсколько дней на побережьѣ и дойдя до Хосты, казаки оказались не въ состояніи выдержать натиска подошедшихъ изъ Туапсе частей красной арміи и были вскорѣ приперты къ Грузинской границѣ. Въ этотъ моментъ къ Веселому подошелъ изъ Крыма пароходъ, на которомъ, вмѣсто пушекъ и патроновъ, пріѣхалъ генералъ Шатиловъ, присланный Врангелемъ для ознакомленія съ создавшейся на побережьѣ обстановкой. Пріѣздъ Шатилова нисколько не поддержалъ казаковъ, которые перешли границу Грузіи и были обезоружены грузинами. Еще черезъ нѣсколько дней подошедшія къ Гаграмъ военныя суда Врангеля инсценировали обстрѣлъ грузинскихъ войскъ, погрузили интернировавшихся въ Гаграхъ казаковъ Фостикова и перевезли ихъ въ Крымъ.

Этимъ окончилась новая авантюра кубанцевъ, за которую снова пришлось расплачиваться крестьянамъ Сочинскаго округа: большевики, обозленные тѣмъ, что Фостикову удалось сравнительно благополучно ускользнуть изъ ихъ рукъ, выместили свою неудачу на населеніи деревень Адлерскаго района. На деревни были наложена контрибуція, а нѣсколько заподозрѣнныхъ въ сочувствіи казакамъ крестьянъ были разстрѣляны по приговору «особаго отдѣла».

Заключеніе

Вскорѣ послѣ ликвидаціи Фостиковской авантюры и послѣ неудачи Таманской операціи Врангеля, большевики энергично принялись за укрѣпленіе своего могущества на Сѣверномъ Кавказѣ.

Съ этой цѣлью они прежде всего усилили терроръ по отношенію ко всякимъ «контръ-революціонерамъ» и обратили свое особенное вниманіе на «зеленыхъ».

Хотя наши крестьяне не принимали никакого участія въ Фостиковской авантюрѣ и не только не сочувствовали, но относились съ опредѣленной враждебностью къ Врангелю, большевики тѣмъ не менѣе рѣшили воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для сведенія счетовъ съ непокорными «зелеными».

Нѣсколько человѣкъ сочинскихъ крестьянъ были арестованы по обвиненію въ сочувствіи Врангелю и отправлены въ Екатеринодарскую и Майкопскую тюрьмы. Содержавшіеся съ іюня мѣсяца въ Екатеринодарской Чека крестьяне, въ томъ числѣ Рощенко и Блохнинъ, которымъ черноморское крестьянство было обязано своимъ освобожденіемъ отъ карательныхъ отрядовъ Добровольческой арміи, были разстрѣляны, при чемъ имена ихъ фигурировали въ спискѣ «враговъ крестьянъ и рабочихъ».

Наступила осень. Большая часть крестьянъ изъ прибрежныхъ селеній, въ которыхъ особенно свирѣпствовали агенты особыхъ отдѣловъ, армейской и другихъ чрезвычаекъ, покинули свои дома и окончательно переселились въ горы. Здѣсь они чувствовали себя въ большей безопасности, такъ какъ большевики избѣгали появляться въ горахъ, гдѣ имъ за каждымъ кустомъ и за каждымъ камнемъ чудились «зеленые».

Вскорѣ въ горахъ выпалъ снѣгъ, совершенно отрѣзавшій черноморскихъ зеленыхъ отъ всего остального міра.

Въ виду наступившаго затишья, состоявшійся въ октябрѣ делегатскій крестьянскій съѣздъ командировалъ меня и двухъ другихъ представителей черноморскаго крестьянства заграницу, снабдивъ насъ соотвѣтствующими полномочіями и давъ намъ нѣсколько серьезныхъ порученій.

Происшедшее, вскорѣ послѣ моего отъѣзда, нападеніе большевиковъ на Грузію и занятіе ими грузинскихъ портовъ лишили меня возможности вернуться обратно на Черноморье.

Съ тѣхъ поръ, странствуя по Европѣ, я оказался оторваннымъ отъ тѣхъ людей, съ которыми впродолженіе трехъ лѣтъ дѣлилъ горе и радости.

Оглядываясь теперь, черезъ два года, на то далекое и милое, оставшееся тамъ, на берегахъ Чернаго моря и въ изумрудныхъ горахъ Сочинскаго округа, я съ глубокимъ волненіемъ вспоминаю все то, что мнѣ пришлось пережить въ этомъ чудномъ краю, среди честныхъ, мужественныхъ, простыхъ и дорогихъ моему сердцу поселянъ Черноморья.

Тамъ, гдѣ крестьяне впервые осуществили свои завѣтныя мечты — добились своего собственнаго крестьянскаго самоуправленія, временно отнятаго у нихъ нынѣшними властителями Россіи, идея такого крестьянскаго самоуправленія пустила черезчуръ глубокіе корни, и никакія гоненія и насилія не вырвутъ этихъ корней изъ сознанія черноморскаго крестьянства.

Быть можетъ крестьянская власть, и особенно руководители этой власти, совершили за время своего недолговременнаго управленія Черноморьемъ не мало ошибокъ. Но отвѣтственность за эти ошибки падаетъ не на тѣхъ крестьянъ, которые довѣрили намъ бразды правленія, а на насъ, которые не смогли или не сумѣли въ точности выполнить данныя намъ указанія, а вѣрнѣе — не сумѣли разгадать истинныхъ чаяній и стремленій нашихъ довѣрителей.

Поѣздка изъ Добровольческой арміи въ «Красную Москву»

Май — іюль 1918 года

Генерала Б. Казановича

I

Послѣ возвращенія съ Кубани на Донъ въ апрѣлѣ 1918 г., передъ руководителями добровольческаго движенія — генералами Алексѣевымъ и Деникинымъ всталъ вопросъ о средствахъ для поддержанія дальнѣйшаго существованія арміи.

Остатки корниловской арміи, выведенные Деникинымъ съ Кубани, оправлялись въ станицѣ Мечетинской и быстро пополнялись притокомъ добровольцевъ; съ Румынскаго фронта подошелъ отрядъ Дроздовскаго и, подъ названіемъ 3-ей бригады, былъ включенъ въ составъ арміи; Донъ поднялся противъ большевиковъ и сбросилъ Совѣтскую власть — все это открывало передъ арміей новые горизонты.

Занятіе Украйны и Ростова нѣмцами и соглашеніе, заключенное съ ними донскимъ атаманомъ Красновымъ, тоже были въ числѣ благопріятныхъ обстоятельствъ. Хотя руководители Добровольческой арміи и рѣшили оставаться вѣрными союзникамъ и, при первой возможности, собравшись съ силами, даже выступить противъ нѣмцевъ, но, на первыхъ порахъ, нѣмецкая оккупація прикрывала насъ отъ большевиковъ съ запада и обезпечивала выигрышъ времени, столь нужный для пополненія и организаціи арміи, тѣмъ болѣе, что нѣмцы не только не проявляли враждебныхъ намѣреній, но даже пытались привлечь Добровольческую армію на свою сторону.

Однимъ словомъ, будущее рисовалось въ благопріятномъ свѣтѣ, но деньги были на исходѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, въ началѣ мая 1918 г., меня вызвали къ ген. Деникину. Я въ то время только-что принялъ отъ ген. Богаевскаго, избраннаго предсѣдателемъ Донского правительства, 2-ую бригаду Добровольческой арміи (Корниловскій и Партизанскій полки) и думалъ, что меня вызываютъ по дѣламъ, касающимся бригады. Каково-же было мое удивленіе, когда, генералы Деникинъ и Романовскій, вкратцѣ ознакомивъ меня съ обстановкой, задали мнѣ вопросъ: не соглашусь-ли я проѣхать въ Москву для изысканія средствъ для дальнѣйшаго существованія арміи?

Я отвѣтилъ, что предпочелъ бы заниматься своимъ прямымъ дѣломъ, то-есть драться съ большевиками, но, конечно, не отказываюсь отъ всякаго порученія,

разъ оно необходимо для арміи. При этомъ я просилъ имѣть въ виду, что я не знаю за собой никакихъ дипломатическихъ, а тѣмъ болѣе финансовыхъ способностей, такъ какъ никогда такими дѣлами не занимался, и что, можетъ быть, у нихъ найдется лицо болѣе подходящее. Меня стали убѣждать, доказывая, что послать рѣшительно некого, и я долженъ былъ согласиться, замѣтивъ, такъ какъ порученіе было довольно неопредѣленное, что оно напоминаетъ мнѣ порученія, даваемыя сказочными царями: «поѣзжай — не знаю къ кому, и привези — не знаю что», и простился со словами: «ужъ не надоѣлъ-ли я вамъ и вы хотите просто отправить меня на висѣлицу?»

Генералъ Алексѣвъ, къ которому я вслѣдъ за тѣмъ отправился, ознакомилъ меня съ финансовымъ положеніемъ арміи. Передъ выступленіемъ изъ Ростова, благодаря комбинаціямъ, на подробностяхъ которыхъ я останавливаться не буду, ген. Алексѣеву удалось получить 9 милліоновъ изъ суммъ, хранившихся въ Ростовскомъ отдѣленіи государственнаго банка и составлявшихъ часть доходовъ Донской области за 1917 г., долженствовавшихъ поступить въ обще-государственную казну *.

На эти средства, главнымъ образомъ, и существовала до сихъ поръ Добровольческая армія: частныя пожертвованія составляли совершенно ничтожную сумму, а отъ союзниковъ, до выступленія изъ Ростова, удалось получить только ½ милліона. Несмотря на крайнюю бережливость первыхъ руководителей добровольческаго движенія, ясно, что этихъ средствъ не могло хватить на долго.

Ген. Алексѣевъ считалъ, что съ трудомъ можно будетъ протянуть до іюля.

Въ заключеніе ген. Алексѣевъ сказалъ мнѣ, что опредѣляетъ мнѣ жалованье на время командировки въ 1000 р. въ мѣсяцъ и выдаетъ авансомъ на поѣздку и связанные съ нею расходы 7000 р. (въ томъ числѣ и жалованье). Вмѣстѣ со мной онъ командируетъ г. Л., который, благодаря своимъ связямъ и знакомствамъ въ Москвѣ, можетъ быть очень полезенъ при выполненіи даннаго мнѣ порученія.

Въ общемъ это порученіе сводилось къ слѣдующему: 1) ознакомить представителей московскихъ торгово-промышленныхъ круговъ съ положеніемъ Добровольческой арміи, указать на общность интересовъ, постараться заинтересовать ихъ въ нашемъ дѣлѣ и склонить къ финансированію арміи, причемъ ежемѣсячную ея потребность ген. Алексѣевъ исчислялъ въ 4.500.000 р. ** 2) Выяснить: какія въ Москвѣ имѣются военныя организаціи? И, если окажется что нибудь серьезное, войти съ ними въ связь для согласованія ихъ дѣйствій съ нашими. Относительно тѣхъ организацій, которыя согласились бы подчиниться генераламъ Алексѣеву и Деникину, мнѣ давалось полномочіе стать во главѣ ихъ и дѣйствовать сообразно обстановкѣ. 3) Завязать сношенія съ общественными и политическими организаціями и дѣятелями (нѣкоторые были указаны мнѣ поименно), возбудить ихъ сочувствіе и сочувствіе представляемыхъ ими круговъ къ нашему

---

* Всего такихъ денегъ было 36 мил., но тогдашнее Донское правительство потребовало въ свою пользу половину этой суммы, а изъ остальной половины ген. Алексѣеву удалось получить до выступленіа только 9 мил. Были свѣдѣнія, что, во время занятія Ростова большевиками, остальныя деньги были скрыты и что есть надежда на полученіе ихъ, но это было гадательно.

По выполненіи своего порученія, я этимъ вопросомъ больше не интересовался и мнѣ неизвѣстно, удалось-ли ген. Алексѣеву получить еще что нибудь изъ этихъ денегъ!

** Предполагалось, что продовольствіе будетъ получаться отъ Донского и, впослѣдствіи, отъ Кубанскаго правительства, а вооруженіе и боевые припасы съ Украйны и въ видѣ военной добычи, отъ большевиковъ.

дѣлу и заручиться ихъ поддержкой. 4) Въ случаѣ встрѣчи съ представителями славянскихъ государствъ, мнѣ поручалось завязать съ ними переговоры на основѣ «историческихъ задачъ Россіи и неприкосновенности ея границъ».

Что касается нѣмцевъ, то мнѣ категорически запрещались всякія сношенія съ ними. «Помните-же», сказалъ мнѣ Деникинъ, перефразируя А. Толстого:

Живетъ наша русская Русь!
Нѣмецкой намъ даромъ не надо!

Я былъ снабженъ открытыми письмами: отъ ген. Алексѣева ко всѣмъ общественнымъ и политическимъ дѣятелямъ и представителямъ торгово-промышленныхъ круговъ и отъ ген. Деникина къ представителямъ военныхъ организацій, имѣющихъ цѣлью борьбу съ большевиками. Въ этихъ письмахъ излагалось данное мнѣ порученіе и приводились основныя положенія извѣстной деклараціи Добровольческой арміи*.

II

Я немедленно изъ станицы Мечетинской отправился въ Новочеркасскъ и сталъ готовиться къ поѣздкѣ.

Здѣсь не могу не вспомнить своей встрѣчи и мимолетнаго знакомства съ П. Н. Милюковымъ.

Когда, какъ-то вечеромъ, я сидѣлъ въ номерѣ ген. Трухачева, туда неожиданно вошелъ пріѣхавшій изъ Ростова П. Н. Завязался разговоръ, во время котораго П. Н. сталъ доказывать, что Добровольческая армія сыграла свою роль и теперь самое лучшее, что она можетъ сдѣлать — это: «свернуть свое знамя и разойтись, оставивъ для исторіи красивую страницу», или же, въ качествѣ отдѣльнаго корпуса, подчиниться донскому атаману. Милюковъ доказывалъ, что не было еще примѣра, чтобы какая либо армія вела свою собственную политику. Теперь, говорилъ онъ, зарождается новая государственность на Украйнѣ и на Дону подъ покровительствомъ нѣмцевъ. Эти зачатки государственности, среди общаго хаоса, слѣдуетъ привѣтствовать, не мѣшать ихъ развитію и возложить всѣ надежды на нѣмцевъ, безъ поддержки которыхъ немыслимо что либо сдѣлать въ Россіи.

---

* Декларація Добровольческой арміи

1) Добровольческая армія борется за спасеніе Россіи путемъ: а) созданія сильной, дисциплинированной и патріотической арміи, б) безпощадной борьбы съ большевиками, в) установленія въ странѣ единства и правового порядка.

2) Стремясь къ совмѣстной работѣ со всѣми русскими людьми, государственно мыслящими, Добровольческая армія не можетъ принять партійной окраски.

3) Вопросъ о формахъ государственнаго строя является послѣдующимъ этапомъ и станетъ отраженіемъ воли русскаго народа послѣ освобожденія его отъ рабской неволи и стихійнаго помѣшательства.

4) Никакихъ сношеній ни съ нѣмцами ни съ большевиками. Единственныя пріемлемыя положенія: уходъ изъ предѣловъ Россіи первыхъ и разоруженіе и сдача вторыхъ.

5) Желательно привлеченіе вооруженныхъ силъ славянъ на основѣ ихъ историческихъ чаяній, не нарушающихъ единства и цѣлости Русскаго государства, и на началахъ, указанныхъ въ 1914 г. русскимъ Верховнымъ Главнокомандующимъ.

Командующій Добровольческой арміи ген.-лейт. Деникинъ.

Я, конечно, горячо возражалъ; въ пылу спора П. Н. задалъ мнѣ вопросъ: «укажите мнѣ какую нибудь самостоятельную стратегическую задачу, которую могла бы выполнить Добровольческая армія?» — «Если донской атаманъ, при поддержкѣ нѣмцевъ, будетъ вести измѣнническую политику, то Добровольческая армія можетъ занять Новочеркасскъ и ссадить его съ атаманства — вотъ Вамъ и самостоятельная стратегическая задача!» Оба мы разсмѣялись и на этомъ споръ окончился.

Чтобы понять эту мою выходку, надо принять во вниманіе ту явносепаратистскую политику, которую велъ въ то время атаманъ Красновъ. Насъ добровольцевъ особенно возмущало введеніе особаго донского флага (въ то время какъ мы сражались подъ нашимъ старымъ національнымъ флагомъ) и безтактное объясненіе этого флага въ приказѣ Краснова: на Дону искони жили три народности: казаки, калмыки и русскіе. Національные цвѣта: казаковъ — синій, калмыковъ — желтый и русскихъ — красный(?!). Такимъ образомъ, красное знамя интернаціонала признавалось русскимъ національнымъ флагомъ, а это было уже все равно, что дразнить быка «красной тряпкой», какъ мы и называли большевистское знамя.

Какъ я уже сказалъ, все это происходило въ началѣ мая, затѣмъ начались переговоры между ген. Деникинымъ и атаманомъ Красновымъ, произошло ихъ свиданье, окончившееся соглашеніемъ между Добровольческой арміей и Донскимъ войскомъ — все это задержало мою командировку, и я могъ выѣхать только въ 20-хъ числахъ мая.

Я былъ снабженъ фальшивымъ паспортомъ, выданнымъ на имя отставного коллежскаго совѣтника съ вымышленной фамиліей, и предписаніемъ донского правительства на имя члена сельско-хозяйственнаго общества отправиться въ гор. Ярославъ для закупки огородныхъ сѣмянъ. Фамиліи въ паспортѣ и въ предписаніи были разныя.

Кромѣ упомянутыхъ выше открытыхъ писемъ ген. Алексѣева и Деникина, я имѣлъ и краткое удостовѣреніе личности отъ Добровольческой арміи для предъявленія лицамъ, со стороны которыхъ можно было ожидать сочувствія нашему дѣлу, но которыхъ не слѣдовало посвящать въ цѣль и подробности моей командировки.

Я избралъ маршрутъ: Екатеринославъ—Кіевъ—Могилевъ—Орша—Москва. Такимъ образомъ я надѣялся легче замести слѣды, если бы за мной была слѣжка, предъявляя, смотря по обстоятельствамъ, разные документы. Кромѣ того, я хотѣлъ повидаться съ семьей, которую оставилъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Могилевѣ и о которой не имѣлъ никакихъ свѣдѣній.

Путешествіе до Могилева прошло безъ задержекъ; нѣмецкимъ комендантамъ я предъявлялъ предписаніе донского правительства, украинскимъ (по большей части кадровымъ офицерамъ) — удостовѣреніе Добровольческой арміи и всегда получалъ нужное мнѣ содѣйствіе; помню, какъ комендантъ одной изъ станцій, молодой морской офицеръ, даже запрыгалъ отъ удовольствія, увидѣвъ подпись ген. Деникина, и заявилъ, что судьба посылаетъ ему случай, хоть чѣмъ нибудь, быть полезнымъ Добровольческой арміи.

Въ Могилевѣ мнѣ удалось обмѣнять свой паспортъ на свидѣтельство мѣстной городской стражи. Я не особено довѣрялъ этому паспорту, неискусно поддѣланному тѣмъ болѣе, что самый фактъ выдачи его въ Новочеркасскѣ могъ возбудить въ Москвѣ подозрѣнія.

Могилевъ, занятый передъ тѣмъ польскими войсками, незадолго до моего пріѣзда былъ оккупированъ нѣмцами, но передача состоялась еще не вполнѣ: на станціи и въ городѣ были и нѣмецкіе, и польскіе коменданты. Пользуясь этимъ двоевластіемъ, я безъ особыхъ затрудненій получилъ разрѣшеніе на проѣздъ въ Москву. Разрѣшеніе давалось нѣмецкимъ комендантомъ по удостовѣреніи личности польскимъ комендантомъ.

Здѣсь-же я имѣлъ свиданіе со старшимъ изъ командировъ польскихъ частей, полковникомъ русской службы, фамилію котораго не помню. Прочитавъ письмо ген. Деникина, онъ хватался за голову, выражалъ крайнее сожалѣніе, что, при подходѣ нѣмцевъ, они не знали о существованіи Добровольческой арміи: они не сдали бы оружія, а пробились бы на соединеніе съ нами. Онъ обѣщалъ донести командующему польской арміей сообщенныя мною свѣдѣнія для того, чтобы завязать переговоры между Добровольческой и польской арміями. Такіе переговоры впослѣдствіи велись, но я не знаю были-ли они послѣдствіемъ этого свиданія.

Изъ Могилева въ Москву рѣшилась ѣхать со мной моя дочь съ тѣмъ, чтобы доставить ген. Алексѣеву мое донесеніе въ случаѣ, если бы мнѣ пришлось задержаться на болѣе продолжительное время, или сообщить о моей участи, если бы я былъ арестованъ.

Состоя въ Могилевѣ предсѣдательницей союза офицерскихъ семей, она имѣла постоянныя сношенія съ мѣстной администраціей и, благодаря своимъ знакомствамъ, оказала мнѣ не мало содѣйствія при полученіи нужныхъ мнѣ документовъ и разрѣшеній. Въ Москву она ѣхала подъ своей настоящей фамиліей и мы разыгрывали роль знакомыхъ попутчиковъ. Въ Могилевѣ я, на время, разстался съ г. Л., который здѣсь задержался и пріѣхалъ въ Москву на нѣсколько дней позже меня.

Черезъ Оршу, пограничную станцію между зоной нѣмецкой оккупаціи и совѣтской республикой, мы съ дочерью проѣхали безъ задержки, но здѣсь оказалось, что билетовъ до Москвы не продаютъ безъ разрѣшенія совдепа, а можно купить билеты только до Можайска. Опасаясь осложненій въ совдепѣ, я рѣшилъ ѣхать наудачу и пробраться въ Москву безъ разрѣшенія или добиваться этого разрѣшенія гдѣ либо подальше отъ Могилева, гдѣ въ совдепѣ, случайно, могъ оказаться человѣкъ, знающій меня. Дѣло устроилось проще, чѣмъ я ожидалъ: кондукторъ за 40 р. керенскими согласился провезти насъ нѣсколько станцій за Можайскомъ безъ билетовъ и купить намъ билеты отъ той станціи, гдѣ начиналось пригородное Московское движеніе. На переѣздѣ отъ Орши до Москвы меня поразилъ сравнительный порядокъ, господствовавшій на жел. дорогахъ. Не было ничего подобнаго тому, какъ мы всѣ привыкли со времени революціи: не только нельзя было и думать проѣхать безъ билета, но даже пытавшихся съ билетомъ 3-го класса проѣхать во 2-мъ немедленно водворяли на мѣсто. Правда я самъ проѣхалъ незаконнымъ образомъ, но вѣдь и въ нормальное время кондуктора возили «зайцевъ» за взятки — важно то, что власть кондукторовъ была возстановлена. Даже вагоны были приведены въ относительный порядокъ; только станціи были по прежнему загажены и переполнены. Повидимому, заставило подтянуться близкое сосѣдство нѣмцевъ и присутствіе ихъ миссіи въ Москвѣ.

III

Въ Москвѣ мнѣ сразу повезло: мнѣ любезно предложилъ пріютъ мой старый знакомый. Въ его квартирѣ жилъ, кромѣ меня, одинъ изъ правилегированныхъ иностранцевъ и поэтому на дверяхъ висѣло объявленіе, что квартира освобождена отъ реквизиціи и обысковъ — уже это одно, конечно, представляло для меня огромное удобство. Дочь устроилась у другихъ знакомыхъ на другомъ концѣ города.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію исполненія даннаго мнѣ порученія, скажу нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ Москвы того времени и о жизни въ ней. Пріѣхалъ я 28-го мая (ст. стиля). Москва была грязнѣе и неряшливѣе прежняго, но не дошла еще до того ужаснаго состоянія, о которомъ пишутъ теперь. На улицахъ было меньше оживленія и публика имѣла болѣе сѣрый «демократическій» видъ. Слѣды уличныхъ боевъ были особенно замѣтны у Никитскихъ воротъ и на Поварской. На Тверской, Кузнецкомъ Мосту и другихъ торговыхъ улицахъ много зеркальныхъ оконъ было разбито, исчезли роскошныя выставки магазиновъ, но многс магазиновъ было открыто и купить можно было почти все за цѣны, казавшіяся въ то время высокими, но совершенно ничтожныя по сравненію не только съ цѣнами нынѣшней Сов. Россіи, но и съ цѣнами, бывшими въ Крыму. Голода не было. Правда, хлѣбъ по карточкамъ выдавался очень сквернаго качества, а иногда его замѣняли крупой, овощными или даже фруктовыми консервами, но всѣ какъ-то ухитрялись добывать хлѣбъ или муку отъ мѣшечниковъ. Были открыты даже нѣкоторые старые рестораны: Прага, Тѣстовъ, гдѣ можно было получить всѣ старо-режимныя блюда по цѣнамъ отъ 25 до 40 р. При этомъ произошла характерная переоцѣнка цѣнностей: самыми дорогими блюдами были: бифштексъ, отбивныя котлеты и т. п. — гастрономическія тонкости въ родѣ «котлетъ марешаль изъ рябчиковъ съ трюфелями» стоили значительно дешевле. Театры процвѣтали, но цѣны были настолько высокія, что я, при всемъ желаніи ознакомиться съ новымъ искусствомъ, ни разу не рѣшился заглянуть въ нихъ. Деньги ходили керенскія, царскія мелкихъ купюръ (крупныхъ бумажекъ въ обращеніи не было и онѣ стоили уже значительно дороже номинальной цѣны), и билеты займа свободы (съ обрѣзанными купонами) по номинальной цѣнѣ.

Большевики перевели часы на 3 часа впередъ, при этомъ трамвайное движеніе и торговля прекращались въ 8 ч. вечера, то-есть фактически въ 5 ч., благодаря этому городъ въ — 6 ч. вечера замиралъ и принималъ какой-то странный, зловѣщій видъ. Правда это продолжалось не долго: спохватились и продолжили движеніе трамваевъ до 11 часовъ вечера (то-есть до 8 ч.). Отъ времени до времени устраивались облавы на вывозящихъ изъ Москвы мануфактуру и продовольствіе: извѣстный районъ города оцѣплялся красноармейцами, которые останавливали всѣхъ идущихъ и ѣдущихъ съ поклажей; все, казавшееся имъ предназначеннымъ къ вывозу, отбиралось и складывалось тутъ же на тротуарѣ. Разъ меня такимъ образомъ остановилъ латышъ: я несъ нѣсколько листовъ писчей бумаги, свернутыхъ въ трубку; повидимому, ему не нужно было бумаги, и онъ пропустилъ меня безпрепятственно, но я пережилъ нѣсколько непріятныхъ секундъ, не зная въ чемъ дѣло и думая, что меня хотятъ арестовать. Кромѣ этого раза, меня на улицѣ не останавливали и документовъ моихъ не спрашивали; я предъявилъ ихъ только домовому комитету, который и прописалъ меня, гдѣ слѣдовало. Отъ этихъ комитетовъ многое тогда за-

висѣло и, если въ домѣ былъ комитетъ приличнаго состава, то жить было можно. Сохранились во многихъ домахъ и дворники, и швейцары, но ихъ приходилось опасаться: они, по большей части, были на службѣ у че-ка и занимались доносами. Организація че-ка, видимо, не была еще закончена, развѣдка была далека отъ совершенства; хотя и происходили частые аресты и разстрѣлы, но они были или слѣдствіемъ какихъ-либо явныхъ выступленій, или производились по случайнымъ доносамъ. Какъ я уже сказалъ, меня ни разу не останавливали, но два раза меня подвергали серьезной опасности знакомые. Разъ меня издали сталъ громко звать: «Ваше Превосходительство! Ваше Превосходительство!» — командиръ артиллерійскаго дивизіона, служившій во время войны подъ моимъ начальствомъ. Я прошелъ мимо, дѣлая видъ, что эти крики не ко мнѣ относятся. Въ другой разъ меня на Арбатѣ неожиданно взялъ подъ руку знакомый офицеръ генеральнаго штаба и сталъ громко выражать свое удовольствіе, что видитъ меня цѣлымъ и невредимымъ, такъ какъ считалъ меня разстрѣляннымъ, а за тѣмъ сталъ жаловаться на свою судьбу: «я служу по передвиженію войскъ, но теперь насъ начинаютъ хватать и отправлять, хочешь, не хочешь, въ штабы на внутренній фронтъ. Какъ Вы думаете поступить?» Очевидно онъ считалъ и меня состоящимъ на службѣ у большевиковъ. Я поспѣшилъ отдѣлаться отъ него подъ какимъ-то предлогомъ.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда у меня сильно разболѣлась рана въ плечѣ, полученная еще въ мартѣ въ бою подъ Екатеринодаромъ и съ тѣхъ поръ не закрывавшаяся. Мой знакомый познакомилъ меня съ извѣстнымъ хирургомъ, работавшимъ въ одной изъ лучшихъ московскихъ лѣчебницъ. Тотъ произвелъ рентгеновскій снимокъ и опредѣлилъ, что въ ранѣ имѣются осколки раздробленной кости, но оперировать подъ хлороформомъ не рѣшился, такъ какъ это могло обратить на себя вниманіе комитета, составленнаго изъ низшихъ служащихъ, наблюдавшаго за врачами и сильно стѣснявшаго ихъ дѣйствія. Я ходилъ въ лѣчебницу на амбуляторные пріемы, мнѣ вынимали осколки, которые можно было достать безъ глубокихъ нарѣзовъ, и нѣсколько подлѣчили рану — окончательную операцію пришлось сдѣлать уже въ Екатеринодарѣ, по взятіи нами этого города.

Въ то время въ Москвѣ существовала еще относительная свобода печати: выходили еще «буржуазныя» газеты и даже разрѣшались не слишкомъ рѣзкія выходки противъ совѣтской власти: такъ, напримѣръ, Теффи въ юмористическомъ видѣ изображала засѣданія московскаго Совдепа. Изъ газетъ я, между прочимъ, узналъ о бывшихъ въ мое отсутствіе бояхъ Добровольческой арміи и о смерти своего боевого товарища Маркова.

За время моего пребыванія въ Москвѣ (я прожилъ въ ней ровно мѣсяцъ) произошло два крупныхъ событія: «возстаніе» эс-эровъ и убійство графа Мирбаха.

Возстаніе эс-эровъ произошло совершенно неожиданно и продолжалось всего нѣсколько часовъ. Мы рядовые обыватели долго не могли понять, въ чемъ дѣло: видѣли нѣсколько разрывовъ шрапнелей въ направленіи театральной площади, слышали недолгую пулеметную стрѣльбу и знали, что трамвайное движеніе, а также проходъ и проѣздъ къ театральной площади закрыты. Уже къ вечеру мы узнали, что эс-эры сдались въ Большомъ театрѣ, гдѣ они было устроили митингъ, и арестованы. Помню, что среди арестованныхъ называли Марію Спиридонову.

Объ убійствѣ графа Мирбаха передавали противорѣчивыя подробности, ожидали особыхъ репрессій со стороны большевиковъ, ожидали и вмѣшательства нѣмцевъ, но, въ концѣ концовъ, ничего особеннаго не произошло. Только германское посольство стало осторожнѣе выдавать разрѣшенія на проѣздъ въ оккупированныя области — это мнѣ пришлось испытать на себѣ передъ отъѣздомъ изъ Москвы.

IV

Изъ политическихъ организацій мнѣ прежде всего удалось установить связь съ такъ-называемымъ «Правымъ центромъ» — организаціей съ опредѣленнымъ монархическимъ направленіемъ. Я бывалъ на ея засѣданіяхъ иногда одинъ, иногда вмѣстѣ съ Л. Происходили они подъ предсѣдательствомъ В І. Гурко при участіи: князя Г. Н. Трубецкаго, П. Б. Струве, покойнаго Степанова и другихъ, именъ которыхъ не упоминаю, не будучи увѣренъ, что имъ не грозитъ опасность со стороны совѣтскаго правительства. Покойный А. В. Кривошеинъ на засѣданіяхъ не бывалъ, но, бывая у него, я убѣдился, хоть онъ и увѣрялъ, что стоитъ въ сторонѣ отъ политики, что онъ находился въ самой тѣсной связи съ «Правымъ центромъ», что ему было извѣстно все происходившее на засѣданіяхъ и чуть ли ни онъ игралъ руководящую роль.

Ознакомившись съ письмами генераловъ Алексѣева и Деникина и выслушавъ мой докладъ о Добровольческой арміи, организація вынесла постановленіе: привѣтствовать армію и ея вождей. Когда я поднялъ вопросъ о субсидированіи арміи: «мы даемъ нѣчто вполнѣ реальное — 8000 храбрыхъ и рѣшительныхъ людей подъ начальствомъ такихъ генераловъ, какъ Алексѣевъ и Деникинъ, то-есть готовый кадръ для большой арміи, что можете Вы предложить съ своей стороны?» В. І. Гурко даже обидѣлся и заявилъ, что денегъ у нихъ нѣтъ, но что они могутъ обезпечить арміи сочувствіе вліятельныхъ общественныхъ круговъ, что не менѣе важно. Имѣя въ Москвѣ дѣло съ политическими дѣятелями разныхъ направленій, мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ ссылкой на «широкіе» или «вліятельные» общественные круги и даже на «широкія народныя массы», которые, якобы, поддерживаютъ ту или другую организацію, но для меня обыкновенно оставалось загадкой, гдѣ эта поддерживающая сила и изъ кого она состоитъ? Хотя говорилось всегда въ такомъ тонѣ, точно эта сила у говорящаго въ карманѣ. Вскорѣ обнаружились и принципіальныя разногласія. Монархическое направленіе «праваго центра» не могло, конечно, служить препятствіемъ къ соглашенію съ Добровольческой арміей: въ данныхъ мнѣ письмахъ-инструкціяхъ ясно указывалось, что руководители Добровольческой арміи не предрѣшаютъ будущаго государственнаго устройства Россіи, предоставляя рѣшеніе этого вопроса свободно высказанной волѣ народа (по освобожденіи отъ большевиковъ) и что они готовы работать совмѣстно со всѣми честными людьми, ставящими себѣ цѣлью освобожденіе Россіи отъ шайки захватчиковъ власти. Однако выяснилось, что, ставя себѣ цѣлью возстановленіе монархіи, «Правый центръ» возлагаетъ всѣ свои надежды на нѣмцевъ, а это, какъ сказано выше, шло совершенно въ разрѣзъ съ программой Добровольческой арміи.

Въ то время міровая война была еще въ полномъ разгарѣ, предсказать съ увѣренностью побѣду той или другой стороны нельзя было и обсуждался про-

ектъ о созданіи новаго анти-германскаго восточнаго фронта, разрушеннаго Брестъ-Литовскимъ миромъ. Такой фронтъ естественно былъ бы направленъ и противъ большевиковъ, подписавшихъ Брестъ-Литовскій договоръ. Носились слухи, что Японія соглашается перебросить нѣсколько корпусовъ на среднюю Волгу, гдѣ они послужатъ ядромъ для русскихъ формированій. По поводу этого проекта и начались мои разногласія съ «Правымъ центромъ». В. І. Гурко доказывалъ, что Россія больше не можетъ воевать, что она слишкомъ устала и истощена, что союзники преслѣдуютъ свои узко-эгоистическія цѣли и что намъ не слѣдуетъ ихъ поддерживать, что гораздо болѣе близкимъ и надежнымъ союзникомъ была бы монархическая Германія. Конечно содѣйствіе Германіи обойдется Россіи не даромъ, но что же дѣлать? Вѣдь, послѣ смутнаго времени, Михаилу Ѳедоровичу пришлось начать свое царствованіе съ большихъ уступокъ Польшѣ и Швеціи, но этими уступками были куплены внѣшнее спокойствіе и возможность заняться устроеніемъ государства. Насъ не должна смущать измѣна союзникамъ, такъ какъ въ политикѣ надо руководствоваться исключительно эгоистическими соображеніями. Въ 1809 году Россія воевала въ союзѣ съ Наполеономъ противъ недавняго союзника — Австріи, а, при новой перемѣнѣ обстановки, вернулась къ старымъ союзамъ: это было совершенно законно, такъ какъ отвѣчало нашимъ интересамъ. Наконецъ, возстановленіе восточнаго фронта противъ Германіи является неосуществимой фантазіей. Генералъ Циховичъ составилъ обстоятельную записку, въ которой съ цифрами въ рукахъ доказываетъ полную невозможность переброски японскихъ войскъ на Волгу. На ближайшемъ засѣданіи онъ доложитъ свои выводы, чтобы окончательно убѣдить меня.

Я возражалъ, что созданіе новаго фронта противъ Германіи было бы спасеніемъ Россіи: междуусобица утратила бы характеръ классовой борьбы и перешла бы на чисто политическую почву: Россія раздѣлилась бы на два лагеря — за и противъ нѣмцевъ и, можетъ быть, проснулось бы наконецъ національное чувство. Послѣ побѣдоноснаго окончанія войны, Россія получитъ равныя съ союзниками права на использованіе плодовъ побѣды. Къ сожалѣнію мы, повидимому, оказались бы въ разныхъ лагеряхъ, но что же дѣлать? И въ смутное время были бояре московскіе, которые творили измѣну и присылали пословъ королевичу Владиславу и даже самому Сигизмунду, — но національнымъ силамъ пришлось вести съ ними такую же борьбу, какъ съ самими поляками. Свои окончательныя возраженія я отложилъ до обѣщаннаго большого засѣданія.

На это засѣданіе изъ новыхъ лицъ, кромѣ генерала Циховича, пришелъ адмиралъ Нѣмецъ (не знаю, правильно ли я пишу его фамилію). Оба они обставили свое появленіе большой таинственностью. Засѣданіе началось съ рѣчи князя Г. Н. Трубецкого. Онъ говорилъ о значеніи договоровъ въ международной политикѣ. Въ общемъ его рѣчь напоминала приведенныя выше разсужденія В. І. Гурко: намъ нѣтъ основанія слѣпо держаться договоровъ, заключенныхъ Россіей съ союзниками. Въ политикѣ нѣтъ мѣста чувствамъ: наши интересы подсказываютъ намъ сближеніе съ Германіей, и мы безъ всякихъ угрызеній совѣсти можемъ перемѣнить фронтъ тѣмъ болѣе, что союзникамъ довѣрять нельзя: они тоже пожертвовали бы нами, если бы этого требовали ихъ выгоды. Возражая князю Трубецкому, я сказалъ, что совершенно раздѣляю его взглядъ на политику: въ ней нѣтъ мѣста чувствамъ и слѣдуетъ руководствоваться исключительно государственными интересами. Я не понимаю одного: намъ совѣтуютъ не довѣрять союзникамъ, а приглашаютъ ввѣрить

свою судьбу державѣ, которой принадлежитъ классическое изрѣченіе о «клочкѣ бумаги», — гдѣ гарантія надежности подобнаго союзника? Я знаю, что руководители Добровольческой арміи убѣжденные противники союза съ Германіей; уже по одному этому я не могу, въ этомъ направленіи, заключать никакихъ соглашеній отъ имени арміи, но и мои личныя убѣжденія говорятъ противъ этого союза и не изъ чувства ненависти къ врагу, съ которымъ сражался три года, а только имѣя въ виду интересы Россіи. Если бы мнѣ доказывали, что для Россіи было бы выгоднѣе вступить въ міровую войну, имѣя Германію союзникомъ, а не врагомъ, я понялъ бы эти разсужденія (хотя это вопросъ спорный), но тогда было бы другое дѣло: тогда Россія могла говорить съ Германіей какъ равный съ равнымъ и заключить договоръ на принципѣ: «do ut des». Теперь обстановка измѣнилась: ослабленная, раздираемая междуусобицей Россія можетъ занять по отношенію къ Германіи только служебную роль. Даже если міровая война окончится безъ нашего участія, намъ не выгодно имѣть такого сильнаго сосѣда, какимъ является побѣдоносная Германія. Конечно, за всякую услугу надо платить, но расплата съ нынѣшними союзниками не представляетъ опасности для Россіи: ни Англія, ни Франція не могутъ колонизовать Россію и прочно подчинить ее своему вліянію. Онѣ удовольствовались бы какими-нибудь концессіями, выгодными торговыми договорами и, въ крайнемъ случаѣ, Россіи пришлось бы сдѣлать уступки въ сферахъ вліянія на востокѣ. Все это полъ-бѣды. Другое дѣло Германія: лишенная своихъ колоній *, она весь избытокъ своего населенія двинетъ въ Россію, наши свободныя земли достанутся не нуждающимся въ нихъ крестьянамъ, а нѣмцамъ колонистамъ . . . Отъ такого союзника не скоро отдѣлаешься: онъ будетъ опаснѣе всякаго врага. По всѣмъ этомъ соображеніямъ мы, насколько позволяютъ наши слабыя силы, должны способствовать разгрому Германіи. Возстановленіе восточнаго фронта и съ этой точки зрѣнія было бы спасеніемъ Россіи, не говоря уже о борьбѣ съ большевиками — нынѣшнимъ союзникомъ нѣмцевъ. Я знаю, что мнѣ хотятъ доказать невозможность созданія этого фронта. Какъ человѣкъ пріѣзжій, я не имѣю подъ рукой необходимыхъ матеріаловъ, а потому не могу, конечно, возражать на научно-обоснованную записку генерала Циховича, о которой мнѣ говорили, но приведу нѣсколько общихъ соображеній въ защиту своего положенія. Какъ участникъ японской войны, я твердо помню, что на перевозку корпуса, со всѣми приданными ему частями и обозами, изъ Европейской Россіи въ Манчжурію требовалось ровно мѣсяцъ. Въ то время Сибирская дорога имѣла одну колею и была еще не вполнѣ закончена — въ частности не было движенія по Кругобайкальскому участку, что вызывало перегрузку на Байкалѣ и замедляло движеніе. Теперь дорога имѣетъ на всемъ протяженіи двойную колею и это должно было бы увеличить ея провозоспособность, по крайней мѣрѣ, вдвое, но зато революціей произведено много разрушеній и дорогу, по мѣрѣ продвиженія японцевъ, придется приводить въ порядокъ. Поэтому, не вдаваясь въ детали, можно безъ большой ошибки принять прежнюю норму: на перевозку корпуса — мѣсяцъ (въ особенности, принимая во вниманіе, что нѣтъ надобности перевозить такихъ большихъ обозовъ, какими мы снабжали свои войска).

---

* Хотя исходъ войны еще не былъ рѣшенъ, но превосходство Англіи на морѣ уже опредѣлилось, и было ясно, что, даже въ случаѣ побѣды, Германія не вернетъ утраченныхъ колоній, а получитъ компенсаціи за счетъ Франціи и другихъ союзниковъ.

Начните перевозку сегодня, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на Волгѣ будетъ внушительная армія. Нѣмцы, занятые борьбой на западѣ, не будутъ въ состояніи протянуть свою, безъ того длинную, операціонную линію до Волги, и предупредить сосредоточеніе этой арміи, къ которой съ юга примкнутъ Добровольческая армія и казаки, отрѣзая нѣмцевъ отъ богатыхъ хлѣбомъ губерній. Возобновится борьба и съ ней воскреснетъ надежда на возрожденіе Россіи... «Пока Государь Императоръ изъ Москвы не повелитъ вамъ прекратить эту борьбу!» прервалъ меня В. I. Гурко. «Какой Императоръ? Если это будетъ ставленникъ нѣмцевъ*, то, можетъ быть, мы его и не послушаемся!»

Генералъ Циховичъ не сталъ приводить своихъ научныхъ доказательствъ невозможности созданія фронта на Волгѣ. И онъ, и адмиралъ Нѣмцевъ ограничились заявленіемъ, что возобновленіе войны съ нѣмцами было бы несчастьемъ для Россіи.

V

Описанное засѣданіе вызвало расколъ въ «Правомъ центрѣ»: отъ него отдѣлились кадеты и вообще умѣренные элементы и начала складыватьсся новая группа, принявшая, если не ошибаюсь, впослѣдствіи названіе «Національнаго центра». Здѣсь наиболѣе дѣятельную роль игралъ Федоровъ. Изъ бывавшихъ на засѣданіяхъ «Праваго центра», я встрѣчалъ: П. Б. Струве, Степанова и другихъ. Эта группа имѣла связь съ Б. Савинковымъ, но на засѣданіяхъ онъ не бывалъ, обставляя свое пребываніе въ Москвѣ крайней конспиративностью. Засѣданія происходили въ одной изъ лабораторій подъ видомъ собраній ученаго общества.

Федоровъ предложилъ мнѣ вступить въ число членовъ новаго политическаго образованія, но я уклонился, заявивъ, что, исполняя спеціальное порученіе, не могу связывать себя никакими партійными обязательствами, а прошу разрѣшенія бывать на засѣданіяхъ въ качествѣ посла Добровольческой арміи. На засѣданіяхъ разрабатывался и обсуждался проектъ будущаго устройства Россіи, начиная отъ центральной власти (признавалась необходимость диктатуры), до организаціи управленія въ губерніяхъ и уѣздахъ. Помню, что какъ-то возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли объявить отмѣненными всѣ распоряженія, отданныя послѣ революціи? Я указалъ на неудачный опытъ атамана Краснова, отдавшаго такой приказъ у себя на Дону, но уже черезъ нѣсколько дней вынужденнаго объявить въ новомъ приказѣ, что его не такъ поняли, что «завоеванія революціи» остаются въ силѣ, что распоряженія, подлежащія отмѣнѣ, будутъ впредь указываться особо и замѣняться новыми. Лучше не ставить себя въ такое положеніе, а замѣнять все, не соотвѣтствующее новому положенію вещей, постепенно. Это мнѣніе было принято.

Велись переговоры и съ представителями соціалистическихъ партій. Тѣ, какъ будто, шли на соглашеніе, но были противъ единоличной диктатуры и требовали созданія правительства изъ нѣсколькихъ лицъ, причемъ соглашались признать генерала Алексѣева однимъ изъ правителей съ тѣмъ, чтобы отъ со-

* Надо замѣтить, что о личности своего кандидата дѣятели «праваго центра» умалчивали, а, по нѣкоторымъ намекамъ, можно было предположить, что они не прочь видѣть на Россійскомъ престолѣ кого либо изъ германскихъ принцевъ.

ціалистовъ его соправителемъ былъ Авксентьевъ или Чайковскій, а третьимъ — какое либо лицо по выбору «буржуазныхъ» партій.

Генералъ Алексѣевъ поручилъ мнѣ повидать Савинкова, хотя и предупреждалъ, что отъ него не много узнаешь, а что наоборотъ онъ будетъ стараться вывѣдать, какъ можно больше; въ виду этого я постарался добиться свиданія съ нимъ. Долго это не удалось; мнѣ говорили, что Савинкову приходится очень тщательно скрывать свое пребываніе въ Москвѣ, такъ какъ большевики на него охотятся. Наконецъ, свиданіе состоялось въ квартирѣ одной еврейской семьи. Онъ разспрашивалъ меня о Добровольческой арміи, а самъ, въ довольно туманныхъ выраженіяхъ, говорилъ о подготовляемомъ имъ возстаніи въ рядѣ пунктовъ, охватывающихъ Москву съ сѣверо-востока, востока и юго-востока; говорилъ, что все, въ сущности, уже готово, что успѣхъ обезпеченъ и, послѣ успѣха на мѣстахъ, предполагается предпринять концентрическое наступленіе на Москву.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого «національный центръ» пожелалъ узнать мое мнѣніе о готовящемся выступленіи Савинкова и стоитъ ли поддерживать это предпріятіе? Я отвѣтилъ, что затрудняюсь высказать свое мнѣніе: все дѣло не въ планѣ, а въ силахъ, которыми онъ располагаетъ, а объ нихъ-то мнѣ ничего и неизвѣстно. Мнѣ обѣщали, что начальникъ штаба Савинкова ознакомитъ меня со всѣми подробностями, но и тотъ говорилъ столь же неопредѣленно, а черезъ нѣсколько дней Савинковъ исчезъ изъ Москвы и произошло, окончившееся неудачей, возстаніе въ Ярославѣ.

Около этого времени я познакомился съ генераломъ Болдыревымъ. Онъ показался мнѣ дѣльнымъ человѣкомъ, и я убѣждалъ его признать главенство генераловъ Алексѣева и Деникина и работать вмѣстѣ для общаго дѣла. Генералъ Болдыревъ отвѣтилъ, что не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ связанъ съ партіей (меньшевиками). Я говорилъ о переговорахъ, которые ведутся между «національнымъ центромъ» и соціалистическими партіями, о возможности объединенія всѣхъ усилій, а то Добровольческая армія дѣйствуетъ сама по себѣ, они сами по себѣ и, наконецъ, Савинковъ ведетъ какую-то еще свою особую политику. На это онъ заявилъ, что соціалисты согласны дѣйствовать сообща, съ кѣмъ угодно, только не съ Савинковымъ, имени котораго не могутъ равнодушно слышать. Отъ него я узналъ о движеніи, подготовляемомъ на Средней Волгѣ. Изъ его словъ можно было заключить, что тамъ собраны уже значительныя силы.

Послѣ нѣсколькихъ свиданій генералъ Болдыревъ спросилъ меня: не согласился ли бы я отправиться на Волгу и принять тамъ командованіе? Я отвѣтилъ, что, по исполненіи въ Москвѣ порученія, даннаго мнѣ генералами Алексѣевымъ и Деникинымъ, и пославъ имъ донесеніе, я могу принять командованіе отрядомъ съ тѣмъ, чтобы двинуться по направленію къ Царицыну и установить связь между силами, дѣйствующими на Волгѣ и Добровольческой арміей, что, какъ я думаю, не будетъ противорѣчить видамъ моихъ начальниковъ. Черезъ нѣсколько дней онъ опять задалъ мнѣ вопросъ, согласенъ ли я ѣхать на Волгу? Я отвѣтилъ, что согласенъ ѣхать для выполненія той задачи, о которой говорилъ въ прошлый разъ.

«Видите ли», сказалъ онъ, «у насъ войскъ настоящихъ еще нѣтъ, а намѣчены начальники и штабы, которые должны принять на себя руководство, когда начнется возстаніе, но тамъ происходитъ какая-то ерунда и намъ нуженъ человѣкъ, который объединилъ бы все это. Согласны ли Вы принять

на себя эту роль?» Услыхавъ мой отказъ, онъ задалъ мнѣ неожиданный вопросъ — сколько я получаю въ мѣсяцъ? — 1000 рублей — «мы можемъ дать гораздо больше, хотите 2000 рублей?» Я отвѣтилъ, что дѣло не въ вознагражденіи, а просто я считаю предпріятіе не серьезнымъ, какъ начатое не съ того конца: желающіе разыгрывать роль начальниковъ и занимать штабныя должности всегда найдутся — гораздо труднѣе найти бойцовъ. При томъ, какъ онъ считаетъ себя связаннымъ съ партіей, такъ и я считаю себя неразрывно связаннымъ съ Добровольческой арміей. Я соглашался ѣхать на Волгу для выполненія опредѣленной задачи, направленной на пользу этой арміи. Порвать же съ ней и поступить на службу партіи, которая неизвѣстно еще, какое положеніе займетъ относительно добровольцевъ, я не считаю себя вправѣ. Вскорѣ генералъ Болдыревъ покинулъ Москву и на востокѣ образовалось «демократическое» правительство, дѣйствовавшее тамъ до появленія адмирала Колчака.

VI

Попутно съ описанными переговорами съ политическими группами, я былъ занятъ и изысканіемъ средствъ для дальнѣйшаго существованія арміи, что собственно составляло главную цѣль моей командировки.

У московскихъ капиталистовъ я наталкивался на одинъ отвѣтъ: «у насъ самихъ нѣтъ денегъ. Всѣ банки, въ которыхъ лежали наши капиталы, націонализированы, и мы получаемъ только опредѣленныя суммы на прожитье». «Вотъ я продалъ два автомобиля и нѣсколько картинъ», говорилъ одинъ изъ нихъ, «на это и живу, а денегъ изъ банка взять не могу».

За то въ Москвѣ оказались французское и англійское консульство и французская военная миссія. Мнѣ не было поручено вести переговоры съ союзниками: намъ было извѣстно объ отъѣздѣ миссій въ Вологду и предполагалось, что въ Москвѣ не осталось ихъ представителей. Однако, зная убѣжденія генераловъ Алексѣева и Деникина, я счелъ себя въ правѣ начать эти переговоры, разъ къ тому представлялась возможность, тѣмъ болѣе, что надежды на полученіе денегъ изъ русскаго источника было мало.

Англійскій консулъ меня не принялъ, заявивъ, что, по условію, заключенному, будто бы, между союзниками, всѣ силы, дѣйствующія противъ большевиковъ въ Россіи, находятся въ вѣдѣніи Франціи. Со мной говорилъ только офицеръ, состоявшій при консульствѣ, записавшій всѣ сообщенныя мной свѣдѣнія о Добровольческой арміи.

Французскій консулъ принялъ меня очень любезно и у насъ съ нимъ начались переговоры. Я показалъ ему письма генераловъ Алексѣева и Деникина и объяснилъ, что въ нихъ не говорится о переговорахъ съ представителями союзниковъ, потому что командованіе Добровольческой арміи не знало о присутствіи таковыхъ въ Москвѣ, но изъ самаго текста этихъ писемъ, гдѣ говорится о непримиримой позиціи въ отношеніи нѣмцевъ, видно, что такіе переговоры вполнѣ соотвѣтствуютъ желаніямъ этого командованія. Консулъ обѣщалъ донести обо всемъ послу въ Вологду и испросить у него нужные кредиты, такъ какъ онъ не имѣетъ права самостоятельно распоряжаться столь крупными суммами, какія требуются для содержанія Добровольческой арміи.

Это навело меня на мысль, что союзники охотнѣе дадутъ деньги подъ поручительствомъ группы русскихъ капиталистовъ. Вѣдь представители московскихъ торгово-промышленныхъ круговъ прямо мнѣ не отказывали, а только ссылались на невозможность извлечь деньги изъ банковъ — вотъ, думалъ я, французы и могутъ помочь имъ реализировать свои капиталы.

Надо войти и въ положеніе иностранцевъ: съ какой стати имъ давать деньги на русское дѣло, разъ русскіе люди не желаютъ жертвовать на него свои капиталы? Со своимъ проектомъ я обратился къ одному изъ денежныхъ людей, больше другихъ выражавшему сочувствіе Добровольческой арміи. Онъ сначала заявилъ, что французы никогда не согласятся на такую комбинацію. «Я поговорю съ консуломъ и, если онъ дастъ согласіе, то не возьметесь ли Вы собрать подписи капиталистовъ, на сочувствіе которыхъ можно разсчитывать?» — «Если консулъ согласится, то я, пожалуй, возьмусь за это дѣло; только онъ никогда не согласится».

Консулъ отнесся очень сочувственно къ моему проекту и выразилъ полную готовность содѣйствовать его осуществленію. Когда я сообщилъ объ этомъ моему капиталисту, онъ уклонился отъ составленія упомянутой группы, а вмѣсто того (пс его словамъ) отправился къ консулу и долго убѣждалъ его, что союзники должны поддержать Добровольческую армію.

Мнѣ говорили, что большимъ вліяніемъ въ торгово-промышленныхъ кругахъ пользуется А. В. Кривошеинъ, поэтому я и съ нимъ пробовалъ вести переговоры о субсидированіи арміи. Въ началѣ онъ рѣшительно заявилъ, что, безъ поддержки нѣмцевъ, считаетъ всякое предпріятіе, направленное противъ большевиковъ, обреченнымъ на неудачу. Послѣ нѣсколькихъ разговоровъ его германофильство, какъ будто, нѣсколько поколебалось, онъ обѣщалъ подумать, но, въ концѣ концовъ, я услышалъ отъ него стереотипный отвѣтъ: «у капиталистовъ совершенно нѣтъ денегъ, которыми они могли бы располагать, банки національзированы и т. д. Вамъ лично мы могли бы дать извѣстную сумму. Это было бы совершенно справедливо —вѣдь не для собственнаго же удовольствія Вы ѣздите?»

Когда я отказался отъ этого страннаго предложенія (цѣль котораго для меня такъ и осталась загадкой), заявивъ, что генералъ Алексѣевъ отпустилъ мнѣ вполнѣ достаточную сумму для покрытія моихъ дорожныхъ расходовъ, А. В. очень сконфузился и пригласилъ меня на завтракъ. Завтракъ былъ отличный — я никакъ не ожидалъ, чтобы въ Москвѣ, въ то время, можно было такъ завтракать . . .

VII

Познакомился я и съ военными организаціями, существовавшими въ то время въ Москвѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ получали деньги отъ нѣмцевъ, другія работали подъ руководствомъ Савинкова, который снабжалъ ихъ и деньгами (повидимому, получаемыми отъ французской военной миссіи). Всѣ эти организаціи производили впечатлѣніе чего-то не серьезнаго: велись списки, распредѣлялись роли на случай будущаго возстанія, но не замѣтно было особаго желанія перейти отъ словъ къ дѣлу. Особенно была развита страсть къ спискамъ: одна такая организація была ликвидирована большевиками, потому что, при случайномъ арестѣ одного изъ ея членовъ, нашли списокъ всѣхъ ея членовъ съ

подробными адресами и даже №№ телефоновъ! Что это было — глупость или провокація?.. Подобныя организаціи существовали во многихъ городахъ, но мнѣ не извѣстно ни одного случая, чтобы какая нибудь изъ нихъ оказала существенную помощь Добровольческой арміи даже при подходѣ послѣдней къ району дѣйствія организаціи: всѣ эти заговорщики являлись, обыкновенно, на другой день по занятіи города къ генералу, командовавшему добровольцами, и говорили о своихъ подвигахъ, которыхъ никто не видѣлъ.

Здѣсь мнѣ пришлось впервые столкнуться съ однимъ изъ специфическихъ продуктовъ революціи — спеціалистами по организаціямъ, смотрѣвшими на это дѣло какъ на ремесло, дававшее хорошій заработокъ. Не мало было ловкихъ молодыхъ людей, которые ухитрялись одновременно состоять въ организаціяхъ, преслѣдовавшихъ діаметрально противоположныя цѣли, и получать деньги и отъ нѣмцевъ, и отъ французовъ, а, такъ какъ многіе изъ нихъ въ то же время состояли на службѣ у большевиковъ, то, очевидно, они застраховали свою драгоцѣнную особу отъ всѣхъ возможныхъ случайностей. Говорить о какихъ либо убѣжденіяхъ здѣсь, очевидно, не приходится. Типъ этотъ съ теченіемъ времени получилъ очень широкое распространеніе, и приходится только удивляться, что всегда находились и до сихъ поръ находятся люди достаточно довѣрчивые, чтобы попасться на удочку. Наиболѣе зловредная часть такихъ субъектовъ комплектовала попеременно то че-ка, то нашу контръ-развѣдку,* губя дѣло Добровольческой арміи.

Дѣйствительно хорошіе, серьезные офицеры, разобравъ въ какую компанію они попали, тяготились ею и высказывали желаніе ѣхать въ Добровольческую армію. Помню группу въ 15 человѣкъ, которую я снабдилъ деньгами на проѣздъ. Они пробрались въ Новочеркасскъ и даже сдали въ штабъ арміи остатки той скромной суммы, которую я имъ выдалъ. Старшаго изъ нихъ (къ сожалѣнію, я забылъ фамилію этого доблестнаго офицера) я встрѣтилъ, впервые послѣ свиданія въ Москвѣ, уже въ Севастополѣ на костыляхъ, безъ ноги; самъ я былъ въ лучшемъ положеніи, такъ какъ только прихрамывалъ послѣ недавняго извлеченія изъ ноги оболочки пули. Три года тому назадъ въ Москвѣ у насъ были другія мечты.

VIII

Черезъ двѣ недѣли послѣ пріѣзда въ Москву, я обо всемъ, что мнѣ удалось выяснить, отправилъ съ дочерью донесеніе ген. Алексѣеву. Она благополучно проѣхала старымъ путемъ черезъ Оршу и добралась до Новочеркасска. Къ этому времени мнѣ стало совершенно ясно, что добыть денегъ изъ русскаго источника не удастся, и я возложилъ всѣ свои надежды на переговоры съ представителями Франціи.

Во французской военной миссіи, выслушавъ меня, мнѣ задали вопросъ: почему я всегда на первое мѣсто выдвигаю ген. Алексѣева? Развѣ не лучше, чтобы во главѣ всего дѣла стоялъ человѣкъ болѣе молодой и энергичный, какъ, напримѣръ, ген. Деникинъ?

* Или составляли шайки разбойниковъ въ родѣ пресловутаго «ордена офицеровъ монархистовъ».

Я отвѣтилъ, что, фактически, всѣми военными операціями и руководитъ ген. Деникинъ, но имя ген. Алексѣева, помимо его огромный популярности, удобно въ томъ отношеніи, что не найдется ни одного русскаго генерала, который могъ бы серьезно оспаривать его авторитетъ и старшинство; тогда какъ считаться старшинствомъ съ ген. Деникинымъ — охотниковъ найдется очень много. Затѣмъ мнѣ сказали, что ген. Алексѣеву слѣдовало бы переѣхать на Волгу и оттуда руководить всѣмъ дѣломъ. Очевидно, что здѣсь сказывалось вліяніе Савинкова, а можетъ быть, и Болдырева. Я возразилъ, что, съ теченіемъ времени, когда дѣло разовьется, генералу, можетъ быть, и придется переѣхать, но теперь, какъ это сдѣлать? Бросить дѣло, успѣшно начатое на югѣ, и ѣхать въ полную неизвѣстность?

Или перевести на Волгу Добровольческую армію? Но мы знаемъ уже по опыту, что казачьи области представляютъ изъ себя прекрасную базу для военныхъ операцій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличный источникъ комплектованія арміи воинственными, обученными людьми — найдемъ-ли все это на Волгѣ? Наконецъ на югѣ имѣются огромные запасы продовольствія, которые важно не дать въ руки нѣмцевъ. Съ этими доводами, какъ будто, согласились и признали, что Добровольческая армія и ея руководители находятся именно тамъ, гдѣ имъ и слѣдуетъ быть.

При дальнѣйшихъ переговорахъ съ консуломъ я наткнулся на совершенно неожиданное препятствіе. Федоровъ и К°, узнавъ о моихъ переговорахъ, заявили мнѣ, что я не имѣю права вести самостоятельно эти переговоры, что они сами стараются получить средства отъ французовъ и что Добровольческая армія можетъ получить деньги только черезъ посредство ихъ организаціи. Я возразилъ, что не считаю ни себя, ни Добровольческую армію рѣшительно ничѣмъ не связанными съ ихъ организаціей, напомнилъ, что съ самого начала отказался вступить въ нее, а бывалъ на засѣданіяхъ только въ качествѣ представителя Добровольческой арміи. Я донесъ объ всемъ, что мнѣ стало извѣстно, ген. Алексѣеву, думаю, что онъ не откажется отъ совмѣстной работы, но, во всякомъ случаѣ, не согласится стать къ нимъ въ подчиненное положеніе. Въ виду этого я оставляю за собой полную свободу вести переговоры со всѣми, съ кѣмъ найду нужнымъ, не отдавая въ нихъ никому отчета

Опасаясь, чтобы эти господа не испортили мнѣ дѣла у консула, я немедленно отправился къ нему, разсказалъ этотъ разговоръ и постарался объяснить ему, что Франціи гораздо выгоднѣе давать средства непосредственно Добровольческой арміи, чѣмъ черезъ посредство какой либо политической организаціи, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ, несомнѣнно, часть денегъ пойдетъ не на армію, а на неизвѣстныя партійныя нужды. Консулъ вполнѣ согласился со мной и обѣщалъ вести переговоры непосредственно съ Добровольческой арміей черезъ меня или моего преемника въ Москвѣ, если бы я уѣхалъ до полученія отвѣта изъ посольства. До полученія этого отвѣта онъ предложилъ мнѣ взять теперь-же извѣстную сумму въ предѣлахъ тѣхъ средствъ, какими онъ можетъ распоряжаться самостоятельно, то-есть отъ 500 т. до 1 мил. рублей. Мнѣ нужны были деньги для отправки офицеровъ въ Добровольческую армію, а потому я принялъ это предложеніе и условился съ консуломъ, что онъ откроетъ мнѣ кредитъ въ 500 т., которыя я и буду брать по мѣрѣ надобности. Консулъ предлагалъ мнѣ разомъ всю сумму, но я отъ этого отказался, не желая рисковать потерей денегъ, въ случаѣ ареста или обыска, и взялъ только 50.000 р., изъ которыхъ и выдалъ сейчасъ-же 8 тысячъ 15-ти офицерамъ, о которыхъ упоминалъ выше.

IX

Такимъ образомъ переговоры съ французами были начаты, отвѣта отъ посла изъ Вологды нельзя было ожидать въ ближайшіе дни, а, по полученіи этого отвѣта, переговоры могли продолжаться и безъ моего личнаго участія, а потому я рѣшилъ не затягивать больше своего пребыванія въ Москвѣ и вернуться въ армію, тѣмъ болѣе, что много вопросовъ требовало моего личнаго доклада генераламъ Алексѣеву и Деникину, а меня лично, послѣ всего видѣннаго въ Москвѣ, тянуло поскорѣе покончить съ непривычнымъ мнѣ «дипломатическимъ» порученіемъ и заняться своимъ прямымъ дѣломъ — борьбой съ оружіемъ въ рукахъ. Послѣ моего отъѣзда, желательно было оставить въ Москвѣ постоянное представительство Добровольческой арміи, которое посылало бы періодическія донесенія, а также вербовало бы офицеровъ для арміи и снабжало ихъ деньгами на проѣздъ. Мой выборъ остановился на покойномъ генералѣ А. В. Хростицкомъ *, котораго я зналъ за человѣка, хотя и нѣсколько легкомысленнаго, но порядочнаго и не запятнавшаго себя службой у большевиковъ. По своей предпріимчивой, авантюристической натурѣ, онъ казался мнѣ подходящимъ для роли, которая ему предстояла въ Москвѣ.

Другимъ представителемъ согласился быть другой мой знакомый, котораго я называть не буду — горячій патріотъ и человѣкъ высокой честности, который могъ оказать арміи большія услуги своими обширными знакомствами и связями въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ московскаго общества. Его содѣйствіе въ значительной степени облегчило мнѣ выполненіе моего порученія. Я представилъ консулу своихъ замѣстителей и мы условились, что, въ случаѣ надобности въ деньгахъ, они, по израсходованіи оставляемыхъ мною имъ 42 т. р., будутъ обращаться къ консулу черезъ одного французскаго подданнаго, который могъ бывать въ консульствѣ, не возбуждая никакихъ подозрѣній. Въ случаѣ полученія благопріятнаго отвѣта изъ посольства, я совѣтовалъ консулу прислать для окончательныхъ переговоровъ своего представителя прямо въ армію.

Такой представитель дѣйствительно пріѣхалъ вмѣстѣ съ Л., который изъ Москвы проѣхалъ въ Петроградъ и позже меня вернулся въ армію.

Наладивъ такимъ образомъ будущее представительство Добровольческой арміи въ Москвѣ, я сталъ хлопотать о выѣздѣ. Отъ большевиковъ, на основаніи удостовѣренія домового комитета, я, безъ всякихъ затрудненій, получилъ разрѣшеніе на выѣздъ. Въ то время такія разрѣшенія выдавались легко: былъ затрудненъ только въѣздъ въ Москву. За то въ германскомъ посольствѣ я потерпѣлъ неудачу; здѣсь послѣ убійства графа Мирбаха стали очень осторожны. Я имѣлъ разрѣшеніе на обратный проѣздъ въ Могилевъ, выданное въ этомъ городѣ, но оно было дѣйствительно только на двѣ недѣли и уже просрочено. На мою бѣду польскій комендантъ въ Могилевѣ на моемъ удостовѣреніи, изъ любезности, приписалъ, что я ѣду по служебной надобности. Я этой прописки даже не замѣтилъ, но въ посольствѣ она показалась подозрительной и мнѣ рѣшительно отказали въ выдачѣ разрѣшенія на въѣздъ въ оккупированныя области. Безъ такого разрѣшенія нечего было и думать ѣхать прежнимъ путемъ черезъ Оршу, такъ какъ нѣмецкій контроль на этой станціи былъ очень строгій.

* Къ сожалѣнію этотъ выборъ оказался неудачнымъ и мнѣ, впослѣдствіи, пришлось выслушать упреки по этому поводу отъ генераловъ Алексѣева и Деникина — они не получили ни одного толковаго донесенія отъ ген. Хростицкаго.

X

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ легче всего былъ проѣздъ черезъ Брянскъ-Гомель, и я рѣшилъ ѣхать по этому направленію безъ нѣмецкаго разрѣшенія, запасшись письмомъ къ желѣзно-дорожному служащему одной изъ близкихъ къ границѣ станцій, который, какъ мнѣ говорили, провозилъ на дрезинѣ черезъ 20-ти верстную пограничную полосу, по которой поѣзда не ходили.

Хотя я отправился на вокзалъ заблаговременно, но засталъ уже огромный хвостъ, при чемъ №№ по порядку записывались каждому ожидающему въ очереди химическимъ карандашемъ на кисти руки.

Изъ разговоровъ выяснилось, что съ моимъ номеромъ нѣтъ никакой надежды получить билетъ, такъ какъ многіе ждутъ очереди уже нѣсколько дней. На мое счастье нашелся носильщикъ, который за скромное вознагражденіе добылъ мнѣ билетъ (если память мнѣ не измѣняетъ, онъ взялъ съ меня всего 10 р.). Переѣздъ по жел. дор. совершился безъ приключеній. Желѣзнодорожникъ, къ которому у меня было письмо, заявилъ, что онъ дѣйствительно прежде провозилъ на дрезинѣ, но этотъ способъ пришлось оставить, такъ какъ красноармейцы его заподозрѣли и сломали ему нѣсколько дрезинъ. За то онъ помогъ мнѣ нанять крестьянскую телѣгу.

Встрѣча съ красноармейцами была неизбѣжна, но, по ту сторону границы, въ этой мѣстности стояли и нѣмцы, и украинскіе гайдамаки. Послѣднихъ мой возница очень боялся (по его словамъ, это были настоящіе разбойники — гораздо хуже красноармейцевъ) и выбиралъ какія-то кружныя дороги, чтобы, вмѣсто нѣмецкаго поста, не угодить на украинскій. Впослѣдствіи, въ Гомелѣ я видѣлъ пассажира, побывавшаго въ рукахъ гайдамаковъ и не только начисто ограбленнаго, но и избитаго ими, и мысленно поблагодарилъ своего проводника за предусмотрительность. На красноармейскомъ посту мало интересовались моими документами за то перерыли всѣ мои вещи и тщательно обыскали телѣгу — очевидно искали цѣнной контрабанды. Въ общемъ все обошлось благополучно, такъ какъ изъ моего скромнаго багажа одному изъ красноармейцевъ понравилась только гребенка: онъ долго въ нерѣшительности вертѣлъ ее въ рукахъ, потомъ молча сунулъ въ карманъ.

Начальникъ нѣмецкаго поста со всѣхъ сторонъ осмотрѣлъ мой русскій пропускъ и спросилъ: есть-ли у меня нѣмецкій? Я отвѣтилъ, что нѣтъ. Хотя я и говорю по нѣмецки, но по опыту знаю, что, въ такихъ случаяхъ, чѣмъ меньше разговаривать, тѣмъ лучше. Поэтому мы нѣкоторое время молча смотрѣли другъ на друга, наконецъ, онъ махнулъ рукой, и я поѣхалъ дальше. Дальнѣйшій мой путь лежалъ черезъ: Бахмачъ — Ворожбу — Харьковъ — Раздѣльную — Ростовъ — Новочеркасскъ. Прошелъ онъ безъ всякихъ приключеній. Въ Харьковѣ я зашелъ къ графу Келлеру, котораго я всегда глубоко уважалъ и какъ воина, и какъ человѣка. Онъ сказалъ мнѣ, что почти не выходитъ на улицу, такъ какъ не переноситъ вида нѣмецкихъ касокъ. Я убѣждалъ его ѣхать къ намъ, соблазняя тѣмъ обширнымъ полемъ дѣятельности, которое открывается для такого кавалериста, какъ онъ *, но этотъ убѣжденный монархистъ (одинъ изъ немногихъ, извѣстныхъ мнѣ, у которыхъ слово никогда не расходилось съ

---

* Въ Добр. арміи, при наличіи многочисленной отличной конницы, до пріѣзда, осенью 1918 г., генерала барона Врангеля не было выдающихся кавалерійскихъ начальниковъ.

дѣломъ) заявилъ, что наша программа слишкомъ неопредѣленна: не извѣстно, кто мы — монархисты или республиканцы? Между тѣмъ народъ ждетъ Царя и пойдетъ за тѣмъ, кто обѣщаетъ вернуть его. «Но о какомъ Царѣ Вы говорите?» — «У насъ только одинъ законный Царь, которому мы присягали. Его отреченіе было вынужденнымъ!» — «Да живъ-ли онъ?» — «Все равно, живъ его наслѣдникъ, а если и онъ погибъ, то порядокъ престолонаслѣдія опредѣленъ закономъ. Всегда можетъ быть только одинъ законный Царь». Я просилъ его, по крайней мѣрѣ, не отговаривать офицеровъ кавалеристовъ, среди которыхъ онъ пользовался большимъ авторитетомъ, отъ поступленія въ Добровольческую армію.

«Нѣтъ буду отговаривать: пусть подождутъ, когда настанетъ время провозгласить Царя, тогда мы всѣ выступимъ».

Извѣстно, чѣмъ окончилась впослѣдствіи попытка графа Келлера поднять монархическое знамя. Какое разочарованіе долженъ былъ онъ испытать передъ смертью!

Въ Новочеркасскъ я прибылъ 2-го іюля (стараго стиля). Сдѣлавъ докладъ генералу Алексѣеву, я вмѣстѣ съ нимъ на автомобилѣ выѣхалъ въ Тихорѣцкую, гдѣ въ то время находился ген. Деникинъ со штабомъ арміи.

«Вотъ видите», встрѣтилъ меня Деникинъ, «я не только не хотѣлъ, чтобы Васъ повѣсили, а ждалъ вашего возвращенія и даже сохранилъ для Васъ вакантной дивизію, да еще какую дивизію! Первую!»

Такъ окончилось мое «дипломатическое» порученіе. Излагая пережитое, я старался избѣгать критики дѣятелей того времени (которая теперь легка), приводя, по возможности, ихъ подлинныя слова и изображая факты въ томъ видѣ, какъ они рисовались мнѣ тогда, чтобы дать понятіе о мысляхъ и чувствахъ добровольца 18-го года.

Оцѣнку и выводы предоставляю читателю.

Мурска-Собота 23 апрѣля 1922 года.

Побѣжденные

Очерки

Георгія Вилліамъ

I

Моя Родина

Мы подходили къ Новороссійску. Громоздились невысокія, лѣсистыя горы; море было спокойное, а изъ воды, неподалеку отъ мола, торчали мачты потопленнаго командами Черноморскаго флота. Влѣво, подъ горою, бѣлѣли дачи Геленджика.

Подъ самымъ городомъ сиротливо торчали высокія трубы и громоздились большія зданія двухъ цементныхъ заводовъ, конечно, «справляющихъ революцію», то-есть бездѣйствующихъ. Городскія зданія красиво расположились по правую сторону бухты; чернѣли дебаркадеры пристаней, элеваторъ. Кое какія постройки скучились около заводовъ, подошли къ бѣлому кружеву прибоя; а на вершинѣ самой высокой горы, какъ голубь на колокольнѣ, бѣлѣлъ крохотный домикъ, вокругъ котораго ползали по горѣ неясныя черныя точки. Какъ я узналъ потомъ, домикъ этотъ былъ правительственной обсерваторіей для метеорологическихъ наблюденій. Подвижныя точки по горѣ — было стадо проживавшаго наверху астронома, котораго почему-то называли «гастрономомъ».

Когда нашъ пароходъ наконецъ бросилъ якорь и остановился на рейдѣ противъ англійскаго крейсера-стаціонера, ко мнѣ подошелъ съ раскрытымъ отъ удивленія ртомъ маленькій, похожій на макаку человѣкъ въ коротенькой курточкѣ пароходнаго «боя» и съ нѣкоторымъ недовѣріемъ въ голосѣ спросилъ:

— That is your country? *

Человѣкъ этотъ въ теченіе трехнедѣльнаго плаванія отъ Лондона до Новороссійска прислуживалъ мнѣ въ каютѣ и за столомъ, и еще наканунѣ выразилъ увѣренность, что я дамъ ему на чай за услуги не менѣе англійскаго фунта.

«Потому что, — ломаннымъ англійскимъ языкомъ разъяснилъ онъ свою претензію, — у меня на родинѣ вотъ такіе маленькіе дѣти, — онъ показалъ на четверть аршина отъ палубы, — а Вы, сэръ, человѣкъ богатый, потому что Вы ѣдете въ первомъ классѣ и у Васъ большой багажъ».

Однако, едва-ли не при первомъ взглядѣ на берегъ, противъ котораго мы остановились на рейдѣ, увѣренность въ томъ, что онъ получитъ отъ меня фунтъ,

* Это ваша родина?

видимо сильно поколебалась. Человѣкъ-обезьяна, выдававшій себя за португальца, метисъ съ Суматры, смѣрилъ меня высокомѣрнымъ, но все еще недовѣрчивымъ взглядомъ и переспросилъ:

— Это Ваша родина?

Дѣлать было нечего: приходилось сознаться, что мы дѣйствительно прибыли наконецъ въ мое богоспасаемое «интернаціональное» отечество, въ территорію, занятую Добровольческой арміей.

А картина на берегу открывалась неприглядная.

Стоялъ чудесный солнечный сентябрьскій день и горный пейзажъ вокругъ залива былъ восхитителенъ. Но въ этой пекрасной рамѣ изъ голубого неба и темнозеленыхъ горъ тянулись вдоль берега неопрятные казенные выбѣленные сараи, у которыхъ стояли на часахъ оборванные, обросшіе солдаты въ папахахъ, солдаты, скорѣе похожіе на опереточныхъ бандитовъ, чѣмъ на солдатъ. Уныло тянулись на рельсахъ вдоль сараевъ ряды разбитыхъ, загаженныхъ вагоновъ. Рѣзко посвистывали жалкіе инвалиды-паровозы, покрытые копотью и ржавчиной. Дальше, поднимая облака бѣлой цементной пыли, медленно ползли грузовые автомобили. Между путями бродили тощіе поросята, куры; бездомные псы рылись и грызлись въ кучахъ мусора; нѣсколько оборванцевъ безучастно глазѣли на пароходъ. Съ крикомъ носились чайки и дрались изъ-за плавающихъ у берега арбузныхъ корокъ и отбросовъ съ кораблей.

Изъ дверей товарнаго вагона вышла и неловко спрыгнула на землю молодая миловидная женщина, одѣтая по-городскому, и тотчасъ же вступила въ мимическую бесѣду съ нашими кочегарами, облѣпившими бортъ съ кормы. Женщина показывала что-то руками и кричала; кочегары-индусы отвѣчали ей и ржали отъ удовольствія, сверкая своими жемчужными зубами.

Нѣсколько грязныхъ, закопченныхъ катеровъ тотчасъ-же подошли и причалили къ пароходу; а одинъ началъ плавать вокругъ, и сидящіе въ немъ два черномазыхъ господина жадно искали чего-то глазами на палубѣ и что-то кричали матросамъ. Матросы дождались, когда они подъѣхали вплотную и, при громкомъ хохотѣ, окатили ихъ водой. Катеръ съ отчаянной бранью быстро отошелъ и снова началъ, пофыркивая сквернымъ двигателемъ, словно откашливаясь, плавать вокругъ.

Быстро покончилъ съ провѣркой документовъ англійскій военный контроль и на пароходъ поднялся по трапу безусый подпоручикъ въ низкой кубанской папахѣ, съ трехцвѣтной нашивкой на рукавѣ. За нимъ лѣниво, волоча винтовку, взобрался оборванный солдатъ.

Насъ, русскихъ пассажировъ, было на пароходѣ всего четверо; пароходъ былъ военный и привезъ въ Новороссійскъ грузъ снарядовъ и взрывчатыхъ веществъ.

Офицеръ съ нашивкой подошелъ, приложилъ руку къ папахѣ, отрекомендовался комендантскимъ адъютантомъ и сейчасъ же спросилъ, не желаетъ-ли кто нибудь изъ насъ обмѣнять иностранную валюту на русскія, донскія деньги.

Видимо нѣсколько конфузясь, онъ добавилъ:

— Знаете, это мой долгъ — чтобы Васъ не обманули... спекулянты... — Вотъ они!.. Уже пронюхали, что есть пассажиры... А Вы думаете они станутъ даромъ жечь бензинъ? Нѣтъ, они очень даже знаютъ, зачѣмъ пожаловали...

Вынувъ бумажникъ, адъютантъ сообщилъ, что у него случайно есть при себѣ нѣсколько тысячъ и предложилъ обмѣнять ихъ — изъ любезности. Мы

согласились, потому что русскихъ денегъ у насъ дѣйствительно не было; однако, послѣ оказалось, что предупредительный поручикъ жестоко надулъ насъ.

За это онъ посвятилъ насъ въ мѣстныя злобы дня.

— Видите, — показалъ онъ на своего солдата съ винтовкой, сурово посматривавшаго на насъ, — этого молодца я вожу съ собой повсюду, потому что нѣтъ сладу со спекулянтами. Знаютъ, подлецы, что я встрѣчаю всѣ заграничные пароходы, и липнутъ: возьмите, да возьмите съ собой, поручикъ! Разъ я взялъ одного грека съ собой на пароходъ, — увѣрилъ, что мать его съ сестрой изъ Константинополя пріѣхали, — такъ что-же Вы думаете? Ни матери, ни сестры не оказалось, а онъ за два съ чѣмъ-то часа двѣсти тысячъ рублей заработалъ, весь пароходъ ограбилъ, да еще мнѣ, каналья, осмѣлился двадцать тысячъ за содѣйствіе предложить!.. Да это еще ничего: они вышки особыя на крышахъ у себя понадѣлали да въ бинокль и слѣдятъ — не покажется ли отъ Геленджика пароходъ. Разбойники!

Потомъ поручикъ разсказалъ, что теперь въ Новороссійскѣ, слава Богу, спокойно: стрѣльбы на улицахъ почти совсѣмъ не бываетъ и совершенно притихли «зеленые».

Видя недоумѣніе на нашихъ лицахъ, онъ спохватился и объяснилъ:

— Зеленые — это просто бандиты. — Поручикъ бѣгло посмотрѣлъ на солдата; тотъ потупился и едва замѣтная усмѣшка скользнула по сжатымъ губамъ. — Знаете, дезиртируютъ въ горы и грабятъ. Ну, особая вражда и къ офицерству. Конечно, и мы ихъ не милуемъ... Но теперь притихли; а прежде бывало на базарѣ господъ офицеровъ обезоруживали...

Солдатъ ухмыльнулся; поручикъ сверкнулъ глазами, но промолчалъ; потомъ откозырялъ на прощанье и уѣхалъ, и пообѣщавъ прислать за нами катеръ, посовѣтовалъ больше сотни не платить.

— А то они готовы шкуру снять съ пріѣзжаго, особенно, какъ увидятъ, что интеллигентъ... Хуже зеленыхъ, могу сказать... Словомъ, народецъ!

Черезъ часъ пріѣхалъ обѣщанный катерокъ. На кормѣ сидѣлъ весь вымазанный углемъ мальчикъ въ сѣрой бараньей шапкѣ-бадейкѣ. Босой и гибкой, какъ у обезяны, ногой, совершенно черной отъ присохшей къ ней грязи, онъ ловко правилъ рулемъ и, сверкая бѣлыми зубами, съ аппетитомъ ѣлъ арбузъ съ хлѣбомъ. Когда катеръ, описавъ полукругъ, причалилъ къ трапу, я спросилъ мальчика:

— Сколько стоитъ этотъ арбузъ?

Мальчишка вскинулъ на меня изъ подъ своей бадейки смѣлыми, сѣрыми глазами и отвѣтилъ нехотя:

— Пятьдесятъ рублей.

Я полюбопытствовалъ:

— Сколько же ты получаешь жалованья, если можешь ѣсть такіе дорогіе арбузы?

Мальчикъ, продолжая откусывать сочные, кровяно-красные куски, отвѣтилъ:

— Полтораста въ день.

— Рублей?

— А что?

Мальчикъ продолжалъ ѣсть свое дорогое кушанье съ невозмутимымъ спокойствіемъ, повидимому, находя совершенно нормальнымъ, что арбузъ стоитъ пятьдесятъ рублей, что ему платятъ полтораста въ день и что при этомъ онъ

выглядитъ совершенно голодранцемъ. Во взглядѣ его сѣрыхъ глазъ я уловилъ что-то очень близкое къ тому, что замѣтилъ въ усмѣшкѣ солдата, когда поручикъ говорилъ о зеленыхъ: не то насмѣшку, не то затаенную угрозу.

На берегу, куда насъ доставилъ катеръ, — увы не за сотню, какъ намъ обѣщалъ адъютантъ! — нашъ багажъ былъ съ величайшей тщательностью осмотрѣнъ таможенными, заставившими насъ вдобавокъ прождать до самаго вечера. И вотъ я — опять на родинѣ!

Ѣдкая цементная пыль, чахлые желтые цвѣты, дичь и мерзость. Подъ дебаркадерами великолѣпно оборудованнаго порта кучи мусора; толпы слоняющихся оборванцевъ въ бѣлыхъ холщевыхъ рубашкахъ и штанахъ, въ фуражкахъ цвѣта хаки.

— Красные-плѣнные, — мотнувъ головой на унылыя фигуры, сказалъ намъ рулевой; сдвинулъ бадейку на затылокъ, — и катеръ запыхтѣлъ и запрыгалъ по короткимъ зеленоватымъ волнамъ порта среди арбузныхъ корокъ и всякой дряни, плавающей въ водѣ.

Скоро около нашихъ чемодановъ, сваленныхъ кучей, собралась толпа; началась торговля насчетъ платы носильщикамъ. Цѣны заламывали невѣроятныя; а со стороны посматривалъ на насъ казакъ съ винтовкой за плечами и съ ногайкой въ рукахъ. Плечи у казака были широкія, лицо рябое, взглядъ разбойничій; а въ легкой усмѣшкѣ опять почувствовалось что-то неуловимое, похожее на то, что было въ сѣрыхъ глазахъ мальчишки съ дорогимъ арбузомъ и солдата съ винтовкой, когда онъ смотрѣлъ на своего поручика.

Сдѣлалось тошно; потянуло назадъ на пароходъ, къ хорошо одѣтымъ людямъ съ добрыми лицами и привѣтливыми глазами. Возврата не было. . .

— Это Ваше родина? — вдругъ припомнилъ я испуганную рожицу пароходнаго боя и, грѣшный человѣкъ, на этотъ разъ не обидѣлся на него и даже пожалѣлъ, что вмѣсто ожидавшагося имъ фунта, положилъ въ его черную лапку съ бѣлой ладонью всего два шиллинга.

Родина встрѣчала меня во всемъ смрадѣ своего оголтѣнія, нищеты и униженія.

А надъ портомъ кричали чайки и, быстро мѣняя цвѣта, постепенно темнѣли горы. Надъ домикомъ «гастронома» робко вспыхнула первая звѣзда.

II

Бурачки

Не розами встрѣтила насъ родина; но первую ночь мы провели все-таки подъ кровомъ. Повѣривъ на слово комендантскому адъютанту, что въ Новороссійскѣ «почти совсѣмъ не стрѣляютъ», мы долго бродили въ темнотѣ по цементной пыли дурно замощенныхъ улицъ. Ночь была черная, южная; небо цвѣта глубокой лазури, все въ сіяющихъ золотыхъ звѣздахъ. Жутко было въ потемкахъ среди низенькихъ домишекъ съ закрытыми ставнями; какія-то тѣни жались вдоль стѣнъ; что-то хищное затаилось, казалось, въ тишинѣ и мракѣ. Изрѣдка вырывался снопъ яркаго свѣта изъ раскрытой двери греческаго ресторанчика, вырывался съ волной музыки, съ обрывками пѣсенъ и пьяныхъ криковъ. Городъ

веселился въ темнотѣ и тайнѣ. Долго ходили мы по неосвѣщеннымъ улицамъ, къ нашему счастью не зная, чѣмъ мы рисковали въ этомъ городѣ, въ которомъ «почти не бываетъ стрѣльбы» по ночамъ.

Переночевали мы съ женой въ душной, вонючей, полной клопами комнатѣ у столѣтняго еврея, николаевскаго солдата. Впустивъ насъ за невѣроятную цѣну, — по рекомендаціи какого-то случайно натолкнувшагося на насъ почтальона, — въ свою квартиру, еврей наглухо заперъ двери и окна и даже забаррикадировалъ ихъ изнутри мебелью. Похоже было, что онъ опасался нападенія разбойниковъ и готовился выдержать осаду.

На нашъ вопросъ о причинахъ такой осторожности старикъ отвѣтилъ коротко:

— Рѣжутъ.

Онъ принесъ огарокъ въ мѣдномъ шандалѣ, присѣлъ къ столу, пригладилъ свою пожелтѣвшую по краямъ отъ старости бороду и сказалъ:

— И что такое сдѣлалось съ людьми? Вчера рядомъ семью зарѣзали. Только ребенка грудного оставили. Богъ на нашу Россію сердится...

Старикъ кряхтя и кашляя вышелъ и заперся. Огарокъ догорѣлъ. Мы долго сидѣли въ потемкахъ; скреблись мыши, жалили клопы; душно было. Но усталость взяла свое.

Проснулись — солнце. Бьютъ сквозь щели въ ставняхъ яркіе лучи. Слава Богу, отдохнули и, ободранные дряхлымъ хозяиномъ выше всякой мѣры, мы вышли искать квартиру.

Не знаю, что съ нами было бы, если бы мы случайно не встрѣтили мальчика въ бараньей шапкѣ, перевозившаго насъ въ городъ на катерѣ; того самаго, который получалъ полтораста въ день и рулемъ правилъ не руками, какъ всѣ, а ногой. Въ городѣ мышиной норы не было, все было занято.

Звали мальчугана Павликомъ и онъ посовѣтовалъ намъ сходить къ его мамѣ.

— Може пуститъ... Добровольцы всѣ комнаты реквизировали... Ступайте на нефтекачку, спросите, гдѣ живетъ Бурачекъ. Бурачекъ мой папаша.

Долго шли мы по улицамъ, мимо площадей, обнесенныхъ колючей проволокой, заставленныхъ сломанными лафетами, зарядными ящиками, автомобилями, орудіями. Прошли мимо вокзала, перелѣзли черезъ віадукъ, подъ которымъ сновали паровозы и наконецъ подошли къ двухъэтажному кирпичному дому съ вывѣской «контора нефтекачки». У воротъ мы увидѣли красиваго кудряваго парня лѣтъ восемнадцати. Онъ оказался братомъ Павлика и предложилъ обождать маму, ушедшую на базаръ.

— Можетъ и пуститъ, — какъ и Павликъ, неопредѣленно пообѣщалъ онъ.

Мама, высокая статная хохлушка, въ очипкѣ, въ засаленной до лоска свиткѣ, въ высокихъ, залѣпленныхъ бѣлой цементною грязью мужскихъ сапогахъ, скоро явилась. Она сказала, что комнаты у нея нѣтъ, что Павликъ болтунъ и лодырь и, что она ужо задастъ ему за то, что морочитъ головы людямъ.

— Добро, что квартира казенная, — сказала она сердито, — а то наболтаетъ, а комендантъ реквизируетъ — и придется самимъ зиму въ сараѣ жить...

Мы пошли къ віадуку; но хохлушка вернула насъ. Она сказала:

— Мнѣ Васъ жалко; Вы вѣдь тоже люди. Сдамъ Вамъ кухню, если отецъ согласится. Кухня у насъ бѣлая, чистая, что-то особенное.

А старшій сынъ добавилъ, глядя на насъ своими большими ласковыми глазами:

— Что-то отдѣльное, — что вѣроятно выражало высшую степень совершенства.

Пришелъ отецъ, симпатичный бородатый машинистъ съ нефтекачки, въ синей блузѣ, въ картузѣ, весь пропитанный нефтью. Поздоровавшись съ нами за руку, какъ со старыми знакомыми, онъ сказалъ женѣ:

— Какъ можно не пустить: вѣдь они люди и не на улицѣ же имъ жить! Можетъ прежде богатые господа были...

И уже примелькавшійся мнѣ едва уловимый огонекъ недружелюбной ироніи блеснулъ въ глазахъ добродушнаго бородача, когда онъ говорилъ послѣднюю фразу.

Осмотрѣвъ кухоньку, дѣйствительно сіявшую чистотой, я спросилъ, сколько они хотятъ за нее въ мѣсяцъ?

И папа, и мама, и кудрявый молодецъ съ ласковыми глазами замахали на меня руками, словно въ испугѣ.

— Да что Вы! Да какъ можно, — заговорили они хоромъ. — Какъ можно, чтобы за деньги? Живите себѣ даромъ, сколько пожелаете! Развѣ мы не понимаемъ?..

Насильно уговорили ихъ взять плату. И тогда они начали торговаться; но въ концѣ концовъ согласились сдать все-таки не дорого. Мы поблагодарили, живо перевезли вещи и устроились. Вечеромъ къ намъ явилась вся семья Бурачковъ, «чтобы намъ не показалось скучно на новомъ мѣстѣ». Сѣли, гдѣ кому пришлось, — комнатка была крохотная, — начались разспросы, разговоры. Бурачекъ-отецъ принялся политично хвалить добровольцевъ.

— Молодцы, — говорилъ онъ, неувѣренно поглядывая на жену. — Видите въ окно вонъ эту горку? — Я взглянулъ: за окномъ опять горѣла яркая звѣзда надъ домикомъ астронома. — Вотъ изъ-за этой горки они и пришли. И много-же ихъ было! Большевики, — онъ сказалъ было «наши», но поправился, быстро посмотрѣвъ на хохлушку, — большевики уходили по Сухумскому шоссе, а они вдогонку, бахъ, бахъ! Словно лѣшій въ горахъ охаетъ...

Бурачекъ помолчалъ; потомъ опять сталъ разсказывать.

— Прогнали красныхъ — и сколько же ихъ тогда положили, страсть господня! — и стали свои порядки наводить. Освобожденіе началось. Сначала матросовъ постращали. Тѣ съ дуру-то остались: «наше дѣло, говорятъ на водѣ, мы и съ кадетами жить станемъ»... Ну, все какъ слѣдуетъ, по хорошему: выгнали ихъ за молъ, заставили канаву для себя выкопать, а потомъ-подведутъ къ краю и изъ револьверовъ по одиночкѣ. А потомъ сейчасъ въ канаву. Такъ, вѣрите-ли, какъ раки они въ той канавѣ шевелились, пока не засыпали. Да и потомъ на томъ мѣстѣ вся земля шевелилась: потому не добивали, чтобы другихъ неповадно было.

— И все въ спину, — со вздохомъ присовокупила хохлушка. — Они стоятъ, а офицеръ одинъ, молодой совсѣмъ хлопчикъ, сейчасъ изъ револьвера щелкъ! — онъ и летитъ въ яму... Тысячи полторы перебили....

Старшій сынъ улыбнулся и ласково посмотрѣлъ на меня.

— Разрывными пулями тоже били... Думъ-думъ... Если въ затылокъ ударитъ, полчерепа своротитъ. Одному своротятъ, а другіе глядятъ, ждутъ. Что-то отдѣльное!

— Добро управились, — снова заговорилъ Бурачекъ. — Только пошелъ послѣ этого такой смрадъ, что хоть изъ города уходи. Извѣстно, жара, засыпали неглубоко. Пришлось всѣмъ жителямъ прошеніе подавать, чтобы позволили выкопать и въ другое мѣсто переложить. А комендантъ: «а мнѣ что, говоритъ, хоть студень изъ нихъ варите». Стали ихъ тогда изъ земли подымать да на кладбище . . .

— Гы, гы, гы! — вдругъ захохоталъ младшій, Павликъ.

— Ты чего это? — строго замѣтила мать.

— А какъ же, мама, чудно мнѣ очень: лежитъ это онъ на кладбищѣ и думаетъ: а гдѣ же у меня полчерепа, напримѣръ? . . Гы, гы.

Бурачекъ цыкнулъ на сына и продолжалъ.

— Освободили и порядки навели. Жить совсѣмъ хорошо стало. Одного не возьму въ толкъ: отчего бы это? Конечно, мы люди необразованные, интеллигентскихъ дѣлъ не понимаемъ, а только ни къ чему теперь приступу нѣтъ. На базаръ пойдешь и то тебя либо по мордѣ, либо нагайкой. Купить ничего не купишь, потому дорого, а паспортъ показывай. Ты, можетъ зеленый, говорятъ; а нѣтъ паспорта, сейчасъ тебя въ комендантское да по тому мѣсту, откуда ноги растутъ. Намедни сына моего младшаго, Павлика этого самого, около воротъ сгребли: подавай паспортъ! Ужъ какой у мальчугана паспортъ . . . Отвели на станцію да такъ шомполами обработали, ажъ вся спина словно чугунная стала . . .

Павликъ согласился:

— Добро отчистили . . .

— Ну, да положимъ, — скромно добавилъ онъ, — послѣ того и добровольцу тому, кадету, тоже хорошо досталось. Бить который меня велѣлъ. Встрѣтили его ребята въ потемкахъ, да камнями. Солдатъ съ нимъ былъ, убѣжалъ. А самого его поутру въ канавкѣ около «кукушки» нашли — вмѣсто головы, говядина, а въ ротъ д . . .ма напихали! . .

Павликъ умолкъ, потомъ запѣлъ вполголоса. И тутъ я впервые услышалъ пѣсенку, единственную, сочиненную за нашу революцію, настоящую народную пѣсенку:

«Красное яблочко наливается,
Красная армія впередъ продвигается» . . .

Павликъ пѣлъ и какъ-то очень ужъ откровенно посматривалъ на насъ съ женой своими смѣлыми, сѣрыми глазами. Всѣ молчали.

«Красное яблочко, куда катишься,
Въ Новороссійскъ попадешь, не воротишься».

— Павликъ! — строго окрикнула его мать. Тотъ только глазами на нее засверкалъ и продолжалъ дальше, уже полнымъ голосомъ:

«Прапорщикъ, прапорщикъ, зачѣмъ ты женишься,
Когда придутъ большевики, куда ты дѣнешься?»

Бурачекъ съ улыбкой посмотрѣлъ на насъ:

— Вы ужъ простите: дитя, не понимаетъ!

— Нехорошо, Павелъ, — остановилъ онъ сына. — Можетъ кто въ окно услыхать. Добровольцы намъ свободу дали, а ты чего распѣлся! . .

Потомъ опять обратился ко мнѣ:

— Вы вотъ люди интеллигентные, за границей жили, учились. Объясните мнѣ, пожалуйста, не пойму я: хлопчикъ мой старшій, вонъ онъ сидитъ, — въ

политехникумѣ въ Екатеринодарѣ учился. Какъ пришли добровольцы, я его послалъ туда съ матерью, чтобы опять значитъ зачислили; а директоръ ихній новый и говоритъ: идите, говоритъ, къ большевикамъ, пускай они для Васъ свои политехникумы открываютъ, красные... Какіе это красные политехникумы бываютъ?

Горячо вступилась хохлушка; даже щеки у нея зардѣлись и глаза вспыхнули:

— Да еще что кажетъ: сыну твоему восемнадцать по бумагамъ исполнилось. Его въ армію надо, а не учить... Черезъ мѣсяцъ, кажетъ, мобилизація; гляди, чтобы къ зеленымъ не ушелъ, а то съ тебя шкуру спустятъ!.. Такъ, вмѣсто политехникума, на табачной фабрикѣ въ конторѣ служитъ; хлопчикъ способный, лучше всѣхъ учился...

— Ладно, мать, — остановилъ ее Бурачекъ. — Раскудахталась... Людямъ покой надо дать... Пріятно почивать на новомъ мѣстѣ.

Бурачки одинъ за другимъ протянули намъ руки.

Ночью меня разбудила безпорядочная пальба. Стрѣляли со всѣхъ сторонъ, по одиночкѣ, пачками. Гдѣ-то далеко ухнулъ орудійный выстрѣлъ и тысячекратнымъ эхомъ раскатился въ горахъ. Стрѣльба не прекращалась до разсвѣта. Когда я вышелъ утромъ, чтобы идти въ городъ, около нашихъ воротъ, раскинувшись, лежалъ мертвый кубанскій казакъ и смотрѣлъ неживыми глазами въ небо. Мимо торопливо шли чумазые рабочіе въ депо, офицеры съ винтовками за плечами; жандармы со станціи. На мертваго не обращали рѣшительно никакого вниманія: словно, дохлая собака валяется. Я спросилъ у Бурачка о причинахъ пальбы ночью.

— А это у насъ каждую ночь, — сказалъ онъ. — Зеленыхъ пугаютъ... Намедни бакъ съ бензиномъ продырявили, насилу справили... А что казакъ этотъ, — онъ тронулъ трупъ сапогомъ, — такъ это — стражникъ. Безпокойный былъ человѣкъ.

Собиравшійся на свою фабрику сынъ добавилъ:

— Это что: вотъ третьяго дня одного въ отхожемъ мѣстѣ нашли, такъ это работа! Все: руки, ноги — цѣло; а головы нигдѣ отыскать не могутъ! Что же Вы думаете? Голову въ бочку упрятали. На другой день весь обозъ собрали и нашли; въ самую гущу упрятали...

Павликъ, тоже вышедшій послушать умныхъ разговоровъ, такъ и покатился.

Вечеромъ я пошелъ на вокзалъ за хлѣбомъ, въ буфетъ. У прилавка стояли два казака въ черкескахъ, въ низкихъ кубанскихъ папахахъ. Вокзалъ былъ отъ нашей новой квартиры не болѣе, какъ въ сотнѣ шаговъ. Помятуя ночную пальбу, я захватилъ съ собой толстую трость со стальнымъ наконечникомъ. Казаки посмотрѣли на меня съ живымъ любопытствомъ.

— Пулеметная палочка, — сказалъ одинъ.

Другой согласился.

— Дѣйствительно. Только что же съ этого? Ну, ударитъ, разъ, два... А потомъ?

Домой возвращаться было жутко. Мертвеца все еще не убрали отъ воротъ, только оттащили къ сторонкѣ, чтобы не мѣшалъ ходить. Когда я разсказалъ о встрѣчѣ съ казаками у буфета на вокзалѣ, Бурачекъ отецъ сказалъ успокоительно:

— Васъ они ничего. Вотъ, если бы офицеръ!.. Зеленые это...

При этомъ Бурачекъ сообщилъ мнѣ интересную исторію.

— Кругомъ теперь зеленые. За дровами ѣдутъ и то пулеметы и батарею берутъ. Въ горы ходить всѣ боятся. А за переваломъ, гдѣ гастрономовъ домъ, сады старые, черкесскіе. Аулы разорили еще при дѣдахъ нашихъ, а сады остались. Орѣховъ тамъ, кизиля, грушъ вотъ этакихъ, яблоковъ, ужасъ сколько! Брать ихъ некому. Мнѣ гастрономъ сказывалъ — онъ не боится и къ нему зеленые чай пить ходятъ. Такъ онъ видѣлъ: ежи, понимаете, собираютъ фрукты, на зиму должно быть. Складываютъ ихъ этакими стопочками и сухимъ листомъ прикрываютъ. А на базарѣ одна такая груша пятьдесятъ рублей стоитъ!

Онъ съ грустью добавилъ:

— Умственные эти ежи!.. Оно, положимъ, что и мы бы фрукту собрали — не хуже ихъ. Только никакъ невозможно. И гастронома только недавно изъ тюрьмы выпустили, а ты — пойди, и сейчасъ пикетъ увидитъ и — бахъ! Ему что! Скажетъ, съ зелеными нюхается!.. А зеленые — тутъ около станціи въ вагонахъ живутъ... И со стражей вмѣстѣ вино пьютъ... Только фрукту собирать, этого невозможно.

Ночью пальба возобновилась. Бурачки спали у себя въ сараѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. А я цѣлую ночь думалъ: кто такіе эти люди Бурачки? Одиночное явленіе, или?.. Или и все населеніе «въ районѣ вооруженныхъ силъ Юга Россіи», вотъ этакое?

III

«Кукушка»

Противъ казеннаго дома, гдѣ была бѣлая кухонька Бурачковъ, находился віадукъ, перекинутый черезъ линію Владикавказской желѣзной дороги. Цѣлый день по віадуку катился потокъ людей, а ночью около него останавливалась на отдыхъ «кукушка». У лѣстницы віадука была маленькая крытая платформа, станція «кукушки». По ночамъ здѣсь ночевали бездомные; иногда находили утромъ мертвыхъ. По другую сторону былъ вокзалъ, мѣсто гиблое, гдѣ вповалку валялись на полу и недѣлями сидѣли вокругъ столовъ въ буфетѣ перваго класса въ ожиданіи отправленія проѣзжіе. Многіе, не дождавшись, заболѣвали тифомъ и съ кресла валились подъ столъ, гдѣ и умирали. Кругомъ вокзала всюду, гдѣ только возможно было приткнуться, сидѣли на вещахъ казаки, барыни съ дѣтьми, раненые, оборванцы. По ночамъ здѣсь царилъ ужасъ и хорошо себя чувствовали только карманники. При отправленіи и отходѣ поѣздовъ была давка, истерики, щедро сыпались зуботычины и удары нагайками, бывала и стрѣльба. Публика лѣзла на крыши, на тормазные стаканы, ее били, оттаскивали, но она лѣзла снова, когда поѣздъ уже былъ на ходу. Безконечныя очереди за билетами стояли и лежали около кассы.

«Кукушкой» назывался поѣздъ изъ четырехъ разбитыхъ, до нельзя загаженныхъ классныхъ вагоновъ, поддерживающій сообщеніе съ городомъ.

«Кукушка» ходила безъ расписанія. Иногда она заканчивала свои рейсы въ 4 часа дня, иногда въ 10 часовъ вечера. Зависѣло это отъ одной вокзальной дамы; если дама попадала домой рано, публикѣ предоставлялось или

ночевать въ городѣ, или идти домой пѣшкомъ черезъ осушенное дно залива въ темнотѣ, что было опасно, потому что тамъ убивали. Но если дама застревала въ гостяхъ, «кукушка» поджидала ее и приходила къ віадуку ночью. По ночамъ въ «кукушку» приходили ночевать зеленые, вокзальные воришки и, главное, въ вагоны впускали дѣвицъ съ гостями.

Съ 6 часовъ вечера на вокзалѣ и около него появлялась полиція и начинались повальные обыски и провѣрка документовъ. Задерживали желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ, пришедшихъ въ буфетъ купить хлѣба, и такъ какъ они приходили обычно безъ паспортовъ, ихъ жестоко били шомполами и нагайками, а иногда и прикладами; потомъ съ нихъ брали выкупъ и отпускали; а если не было денегъ, то отправляли въ контръ-развѣдку, откуда многіе не возвращались вовсе.

На огромныхъ пустыряхъ, на осушенномъ днѣ залива, отдѣлявшемъ вокзалъ и прилегавшую къ нему слободу отъ города, ютились бродячіе персидскіе цыгане, называвшіе себя «сербіянами», народъ, заросшій грязью и безнадежно изворовавшійся и облѣнившійся. Милостыню они просили такъ назойливо, что ихъ боялась даже оголтѣлая желѣзнодорожная стража. Около самаго въѣзда въ городъ были раскинуты шатры. Тамъ жили цыгане, кузнецы, конокрады и ворожеи. Вокругъ табора бродили тощіе, съ выдавшимися впередъ ребрами бездомные псы и тутъ же находилась свалка нечистотъ.

На пустырѣ вокзальные воры собирались для дѣлежа добычи, поэтому тамъ почти всегда валялись опорожненные баулы, чемоданы, дорожныя корзины. Подѣливъ добычу, жулики разбредались по пустымъ вагонамъ и пьянствовали; отдыхали со своими подругами въ кучахъ мусора на солнышкѣ; а иногда во время дѣлежа происходили шумныя драки, пускались въ ходъ ножи. На пустырь валили палыхъ животныхъ.

Но по ночамъ на пустырѣ было тихо. Изрѣдка мелькала боязливая тѣнь запоздалаго пѣшехода. Раздавались, всегда безплодные, призывы на помощь, выстрѣлы; иногда кто-то жалко стоналъ до разсвѣта.

Однажды я рискнулъ перейти ночью черезъ это проклятое мѣсто, днемъ бѣлое отъ раскаленнаго солнцемъ цемента. Пройдя до половины, я увидѣлъ около обсаженной чахлыми акаціями дороги трупъ, вѣроятно, только-что убитаго человѣка. Около него стояли мужчина и женщина; мужчина обчищалъ палочкой грязь съ штиблетъ на еще подрагивающихъ ногахъ. Вокругъ головы расплывалась черная лужа. Остро пахло свѣжей кровью — точно на бойнѣ. Они мелькомъ взглянули на меня и женщина сказала:

— Снимемъ штиблеты; онъ все равно не живой.

Я спросилъ:

— А отчего онъ неживой?

Мужчина пристально посмотрѣлъ на меня и нехотя процѣдилъ:

— Идите, куда идете.

А женщина добавила злымъ голосомъ:

— Не то и Вамъ тоже будетъ!

Вѣроятно такія сцены разыгрывались здѣсь часто. Понятно поэтому, какую важность имѣла для обывателей привокзальнаго района «кукушка».

Живя у Бурачковъ, я быстро пріобрѣлъ нѣкоторую популярность. Однажды на нашъ домъ напали ночью вооруженные люди. Они покушались ограбить находившуюся въ одной изъ квартиръ контору нефтекачки. Случайно проснувшійся сосѣдъ-офицеръ открылъ стрѣльбу; грабители бѣжали; даже раз-

стрѣлянный въ упоръ прямо въ лицо изъ браунинга и свалившійся какъ мѣшокъ со второго этажа разбойникъ успѣлъ уползти и скрыться до разсвѣта. Во время нападенія вызывали по телефону стражу съ вокзала; никто не явился. Я написалъ о случившемся замѣтку въ газету и — на другой день, когда я ѣхалъ въ городъ въ «кукушкѣ», мнѣ почтительно поклонился контролеръ. Вызвавъ меня на площадку, онъ таинственно прошепталъ мнѣ на ухо, боязливо оглядываясь кругомъ:

— Обязательно пропечатайте эту самую даму! Помилуйте, столько народу мучаетъ... Вчера въ двѣнадцатомъ часу ночи пріѣхали!..

Даму я пропечаталъ; конечно, безъ результата; если не считать, что вызывали, для внушенія, по этому поводу редактора. «Кукушка» продолжала ходить по прежнему; но мнѣ это доставило извѣстность, настолько громкую, что со мной выразилъ желаніе познакомиться самъ комендантъ станціи, которому тоже понадобилось кого-то пропечатать.

Комендантъ, бывшій полковникъ гвардіи, пригласилъ меня вечеркомъ попить чайку; и въ располагающей обстановкѣ около шумящаго, давно мною невиданнаго, самовара сообщилъ мнѣ дѣйствительно любопытный «матеріалъ» о желѣзнодорожномъ житьѣ-бытьѣ. Черныя дѣла творились на станціи «Новороссійскъ» при генералѣ Деникинѣ!..

Все сообщенное мнѣ я, по желанію полковника, записалъ въ свой блокнотъ, а когда кончилъ, попросилъ его подписаться. Какъ сейчасъ помню эту оригинальную сцену.

Въ большой, уютно обставленной комнатѣ, за накрытымъ камчатной скатертью столомъ сидѣла семья коменданта. Жена, блѣдная петербургская дама съ подвязанной щекой, разливала чай. Блестящій никкелированный самоваръ выбрасывалъ клубы пара. Ярко горѣло электричество въ красивой арматурѣ. На стѣнахъ ковры, оружіе кавказской чеканки. Усердно дуя на блюдечки, пили чай съ молокомъ два толстощекихъ кадета. Серебряная сухарница съ булочками, чайникъ подъ вышитой салфеточкой...

Полковникъ съ рыжими, закрученными à la Вильгельмъ усами долго таращилъ на меня глаза, покраснѣлъ и глухо спросилъ:

— Это зачѣмъ же, подпись то-есть?

Я объяснилъ ему, что безъ его подписи свѣдѣнія будутъ голословныя и ихъ не напечатаютъ.

— Можетъ возникнуть судебное дѣло и меня привлекутъ за клевету — безъ Вашей подписи!..

Комендантъ совершенно спокойно и увѣренно произнесъ:

— Этого я не сдѣлаю.

— Видите, — продолжалъ онъ. — Я больше не служу; ѣду въ Р., въ офицерскую школу. Вы знаете, офицерское жалованіе мизерное, на него жить невозможно. Мнѣ самому приходилось оказывать услуги. Я долженъ подписаться противъ себя самого.

По его же собственному разсказу «услуги» состояли въ томъ, что въ вагонахъ, вмѣсто снарядовъ, одежды и продовольствія для добровольческаго фронта, везли товары, принадлежащіе спекулянтамъ. Фронтъ въ то самое время замерзалъ и голодалъ гдѣ-то за Орломъ, не получая изъ глубокаго тыла ничего, кромѣ лубочныхъ картинокъ «Освага» съ изображеніемъ Московскаго Кремля и какихъ-то витязей. На фронтѣ не хватало даже снарядовъ. А комендантъ со своими сотрудниками везли мануфактуры, парфюмерію, шелковые чулки

и перчатки, прицѣпивъ къ такому поѣзду одинъ какой-нибудь вагонъ съ военнымъ грузомъ или просто поставивъ въ одинъ изъ вагоновъ ящикъ съ шрапнелью, благодаря чему поѣздъ пропускали безпрепятственно, какъ военный. Самъ полковникъ и другіе, ему подобные, въ это время дрожали отъ страха при мысли о побѣдѣ большевиковъ; кричали по ночамъ спросонья; но — красть и губить тѣмъ самымъ свою послѣднюю надежду, фронтъ, продолжали...

Я высказалъ это коменданту. Онъ согласился, что выходитъ какъ будто бы нѣсколько чудно. Но интересъ его къ моей особѣ исчезъ. Онъ разочарованно протянулъ:

— А я думалъ, что Вы этого негодяя Н. пропечатаете...

Дама съ подвязанной щекой сказала съ воодушевленіемъ:

— Это такой негодяй, такой!.. Выдали англійское обмундированіе, онъ себѣ три комплекта взялъ, а Ивану Федоровичу, мужу, два, да плохихъ, оставилъ!..

Я допилъ чай и ушелъ. Комендантъ проводилъ меня до двери и, топорща свои усы пріятной улыбочкой, все повторялъ:

— А быть можетъ Вы того?.. Безъ подписи? Главное, матерьялецъ для Васъ самый интересный!

И долгое время спустя, онъ, встрѣчаясь со мною въ той же пресловутой «кукушкѣ», пріятно топорщилъ усы и съ видомъ заговорщика спрашивалъ:

— Не надумали еще? А надо бы его, курицына сына!.. Да и другихъ за компанію. Вѣдь вѣшать за это мало, какъ честный офицеръ говорю!

По прежнему работала «кукушка»: днемъ она возила въ городъ и изъ города всякую служилую мелкоту, а ночью въ вагонахъ «рѣзвились». И все также приставалъ старикъ контролеръ: дама, регулировавшая рейсированіе «кукушки», выводила его изъ себя.

«Кукушка» по нѣсколько разъ въ день сходила съ рельсовъ; ее вытаскивалъ пріѣзжавшій дежурный паровозъ и ставилъ на путь истинный. Ходила она черепашьимъ шагомъ, такъ что отъ аварій никто не страдалъ. Пассажиры ругались и шли пѣшкомъ: въ компаніи было сравнительно безопасно, да и не далеко, потому что она сходила съ рельсовъ постоянно въ одномъ и томъ же вмѣстѣ, недалеко отъ віадука.

Вечеромъ контролеръ, ревнитель гласности, просившій обязательно еще разъ разоблачить даму, становился у двери единственнаго отпертаго вагона — остальные онъ предусмотрительно запиралъ, — и взымалъ плату съ вокзальныхъ дѣвицъ, приводившихъ своихъ гостей. Приходили воры съ соблазнительными пакетами, съ бутылками въ карманахъ. Навѣдывалась озябшая стража.

Ночью, когда въ кромѣшной тьмѣ гремѣла кругомъ безтолковая перестрѣлка, темныя окна загаженныхъ вагоновъ озарялись зловѣщимъ свѣтомъ. Контролеръ уходилъ домой. Въ «кукушкѣ» пили, дрались, горланили пѣсни, шла игра въ карты.

Комендантъ посматривалъ на «кукушку» изъ окна; она останавливалась какъ разъ противъ дома, а квартира его была во второмъ этажѣ. Онъ зналъ, что ему полагалось знать. Конечно, «кукушка» — мерзость, какъ и все другое, и ее слѣдовало бы «пропечатать»; но — жалованіе комендантское мизерное, а совмѣстить гласность съ соучастіемъ — все не удавалось!

IV

Тифъ

Въ Новороссійскѣ было одно мѣсто, которое называлось «Привозъ» — площадь въ концѣ города, у подножія горъ, куда изъ окрестныхъ станицъ привозились всякіе деревенскіе продукты.

Глубокой осенью, когда я впервые побывалъ на этой площади, «Привозъ» представлялъ собою море жирной и глубокой черноземной грязи, въ которой тонули по ступицы колесъ высокія арбы кубанскихъ казаковъ, запряженныя рослыми, длиннорогими волами. На арбахъ, не въ примѣръ прошлымъ изобильнымъ временамъ, были по большей части только арбузы да кабаки — большія зеленыя тыквы съ яркожелтымъ мясомъ внутри, да еще мѣшки съ ядовитымъ чинаровымъ сѣменемъ, которое сходило за орѣхи, хотя отъ него рвало кровью. Казаки въ рваныхъ бешметахъ и папахахъ, сидѣвшія на возахъ статныя, голубоглазыя казачки въ высокихъ мужскихъ сапогахъ, съ нескрываемой насмѣшливой враждебностью, поглядывали на истощенныхъ городскихъ барынь, тонувшихъ въ грязи въ своихъ модныхъ ботинкахъ, въ ажурныхъ шелковыхъ чулкахъ, съ захлестанными цементной грязью подолами короткихъ модныхъ юбокъ, съ изящными, но увы, пустыми корзиночками въ рукахъ. Барыни безплодно искали сметаны, яицъ, сала, и чуть не вступали въ драку изъ-за каждой тощей курицы. Долго разглаживали казаки получаемыя донскія кредитки съ аляповато изображеннымъ на нихъ Ермакомъ или атаманомъ Платовымъ, и со вздохомъ прятали за голенище. Вокругъ «Привоза» синѣли и зеленѣли уходящія вдоль горы.

Поодаль отъ возовъ были ряды, въ которыхъ торговали всякой утварью. Были тутъ самовары со вдавленными боками, облупившаяся эмалированная посуда, яркія ленты, старое платье, банки съ леденцами, кровати и т. п. дрянь, свидѣтельствовавшая о томъ, что всякое производство въ районѣ добровольческой арміи прекратилось. Казаковъ привлекала мануфактура, и они толкались около ятокъ, гдѣ навалена была пестрыми стопами всякая гниль и заваль, привозившаяся черезъ Батумъ изъ Италіи, Франціи и Англіи — за баснословно высокія цѣны! Около мануфактуры вертѣлись юркіе, лукавые греки, поблескивая черными, жгучими глазами. Лица у казаковъ были злыя.

У кабаковъ и харчевенъ что-то ѣли, валялся въ грязи мертвопьяный; дрались двѣ толстыя торговки, охваченныя плотнымъ кольцомъ довольныхъ зрителей. Стражникъ съ разбойничьей рожей отъ скуки похлопывалъ себя нагайкой по голенищу.

Дома вокругъ Привоза, какіе-то грязновато-сѣрые, съ облупившейся штукатуркой, съ ржавыми крышами, были заклеены плакатами «Освага». Плакаты были большіе, яркіе, напоминавшіе старинный лубокъ. На нихъ изображался Троцкій съ рожками, въ красномъ фракѣ, окруженный сонмищемъ красныхъ чертей; длинный красный змѣй съ зубастой пастью, подползающій къ дорожному верстовому столбу съ надписью на немъ: «Китай», и т. п. чепухой, расклеивавшейся въ цѣляхъ антибольшевистской пропаганды.

Побродивъ по Привозу, я пошелъ домой.

Пробираясь по грязи сторонкой, около домовъ, гдѣ было меньше риска увязнуть по колѣно, я вдругъ отшатнулся и отскочилъ: на меня пахнула

такая струя трупнаго смрада, что закружилась голова и едва не вырвало. Я поднялъ голову. Передо мной тянулось длинное двухэтажное зданіе, темное, съ пятнами сырости на штукатуркѣ. Всѣ до послѣдняго окна въ немъ были выбиты. Смрадъ выносился изъ зіяющихъ дыръ. Я заглянулъ внутрь и увидѣлъ огромную залу, сплошь заставленную кроватями.

Я подумалъ:

— «Вѣроятно, казармы».

Но тутъ же сообразилъ, что если-бъ это были казармы, то въ нихъ сидѣли бы и ходили люди, такъ какъ было еще совсѣмъ свѣтло: а въ этой залѣ были люди, но всѣ они смирно лежали на кроватяхъ, прикрытые одѣялами. Вдругъ одно изъ одѣялъ приподнялось. Костлявая, желтая рука высунулась наружу; открылся желтый лобъ съ прилипшими къ нему прядками черныхъ волосъ. Рука поискала что-то вокругъ, ничего не нашла и опять спряталась, натянувъ на голову одѣяло.

Я отошелъ подальше отъ дома, чтобы лучше можно было заглянуть внутрь; заглянулъ и содрогнулся. На кроватяхъ, на полу, между и подъ кроватями, на голыхъ доскахъ, на грязныхъ соломенникахъ, безъ подушекъ, безъ бѣлья, лежали или тихо копошились въ жару сотни больныхъ. Черезъ открытую дверь виднѣлась другая зала и въ ней было то же самое. Тогда я понялъ: это были тифозные.

Это были жертвы маленькихъ, отвратительныхъ насѣкомыхъ, бѣльевыхъ вшей, называвшихся «тифозными танками», разносившими смертельный ядъ пятнистаго тифа въ рядахъ добровольцевъ и всѣхъ, соприкасавшихся съ ними. Это были жертвы того страшнаго бича, которымъ Провидѣніе карало за жестокое презрѣніе къ человѣку. То былъ нашъ русскій «императоръ смертей», какъ въ древности называли чуму, не щадившій никого: ни генераловъ, ни банкировъ, ни барынь въ обезьяньихъ мѣхахъ и кружевахъ, ни оторванную отъ домовъ народную массу, завербованную въ ряды добровольцевъ. Нигдѣ и никогда эта ужасная болѣзнь не получала такого развитія, какъ на югѣ Россіи при Деникинѣ! Это былъ апофеозъ заброшенности, безпомощности; послѣднее выраженіе отчаянія.

Что дѣлалось въ этомъ страшномъ мѣстѣ, когда во мракѣ ночей въ разбитыя окна врывалась ледяная Новороссійская «бора», нордъ-остъ, срывая одѣяла съ мечущихся въ жару больныхъ, погибавшихъ здѣсь безъ ухода, безъ всякой помощи?!

Немного поодаль къ зданію была прибита небольшая бѣлая вывѣска съ черной каймой вокругъ надписи «Лазаретъ № 4». Подъ вывѣской находились ворота. Во дворѣ были свалены простые гробы. Около воротъ стояла беременная сестра милосердія съ миловиднымъ, покрытымъ веснушками лицомъ подъ бѣлоснѣжной косынкой. Она была въ модной коротенькой юбочкѣ, изъ-подъ которой уродливо вылѣзалъ ея животъ; ноги были въ кокетливыхъ туфелькахъ на высокихъ каблучкахъ. Она недовольнымъ голосомъ выговаривала что-то безусому офицеру съ пустымъ рукавомъ, на которомъ была вышита на черномъ фонѣ мертвая голова со скрещенными костями, указывавшемъ, что онъ служилъ въ «батальонѣ смерти» имени генерала Корнилова.

Со второго этажа, изъ окна надъ воротами, выглядывала другая сестра милосердія, хорошенькая, съ розовыми щеками и выбивающимися изъ-подъ бѣлой косынки кудряшками. Въ рукахъ у нея была обтрепанная книга; но

она не читала, прислушиваясь съ любопытствомъ къ тому, что говорилось внизу. Поодаль отъ беременной сестры милосердія стояло человѣкъ пять толстомордыхъ лазаретныхъ солдатъ, называемыхъ «бульонщиками»; лѣниво перегоьариваясь, они лузгали тыквенныя сѣмечки, далеко отплевывая шелуху. А передъ ними, по щиколотку въ грязи, стояла со смиреннымъ, морщинистымъ лицомъ старая казачка въ высокихъ сапогахъ. Беременная сестра нѣсколько разъ нетерпѣливо взглядывала на нее и пожимала плечами; наконецъ, она не выдержала и, сдѣлавъ плачущее лицо, сказала злымъ хныкающимъ голосомъ:

— Чего ты торчишь? Сказали тебѣ: убирайся! Почемъ я знаю, гдѣ твой Корнюшка — можетъ быть, давно закопали!.. Володя! — простонала она, поднимая глаза на офицера.

Безрукій «корниловецъ» сдѣлалъ свирѣпое лицо и сдѣлалъ движеніе къ казачкѣ. Старушка шарахнулась прочь, споткнулась на что-то позади себя и упала въ грязь. Сестра во второмъ этажѣ улыбнулась; санитары громко захохотали; офицеръ-корниловецъ засмѣялся. Беременная сестра поблѣднѣла отъ злости. Она съ ненавистью устремила взглядъ въ лицо «Володи» и простонала:

— Да ну же, да помоги же ей!..

Офицеръ сдѣлался серьезенъ и шагнулъ къ старухѣ; но та успѣла подняться и въ страшномъ испугѣ бросилась отъ него прочь, старая, маленькая, грязная; боязливо и гнѣвно оглядываясь назадъ.

Пошелъ и я. Сумерки спускались надъ городомъ. Горы по ту сторону залива темнѣли, быстро мѣняя цвѣта. Сначала онѣ были розовыя, потомъ фіолетовыя, подъ конецъ стали темно-коричневыя. Вдоль пристаней и на корабляхъ, стоявшихъ на рейдѣ, зажглись огоньки. Бѣлый огонь вспыхнулъ на маякѣ на концѣ мола. Море глухо плескалось въ каменную набережную, выбрасывая на берегъ арбузныя корки, щепки.

«Откуда однако тамъ такой трупный запахъ?» — задалъ я самому себѣ вопросъ, вскарабкиваясь на «кукушку», чтобы ѣхать домой.

Отвѣтъ на мое недоумѣніе я получилъ недѣли черезъ двѣ отъ одного священника въ Екатеринодарѣ, куда я поѣхалъ по дѣламъ.

Я познакомился съ нимъ въ ресторанѣ. Священникъ этотъ сидѣлъ въ мѣховомъ лисьемъ подрясникѣ, багровый, съ неопрятной сѣдой бородой, жадно ѣлъ котлеты съ бѣлымъ соусомъ и горячо говорилъ своему собесѣднику, молодому, элегантному генералу съ Владиміромъ на шеѣ, какъ разъ по поводу интересовавшаго меня «Лазарета № 4». Какъ разъ въ это время въ Екатеринодаръ эвакуировались правительственныя учрежденія, и онъ пріѣхалъ изъ Новороссійска за деньгами. Жуя и выплевывая куски котлеты, онъ говорилъ:

— На глупости даютъ!.. А тутъ посмотрѣли бы сами: какъ пришлось принимать отъ города эту, прости, Господи, помойку, такъ меня, извините за выраженіе, вырвало.

Онъ прожевалъ громадный кусокъ, махнулъ рукой и продолжалъ съ негодованіемъ:

— Ни одного гроба, а покойники, понимаете, не только въ сортирахъ, подъ лѣстницами, даже на чердакѣ были. Подымутъ одѣяло на кровати, а тамъ вмѣсто больного разложившійся трупъ... Тьфу!

— И какъ только живые больные не задохнулись? Еще, воистину Слава Богу, что ни одного стекла въ окнахъ не было, смрадъ-то относило...

Генералъ слушалъ и холодно и вѣжливо улыбался. Вокругъ шумѣла безшабашная толпа.

По дорогѣ изъ города домой, къ Бурачкамъ, мнѣ приходилось проходить мимо обширнаго лагеря бѣженцевъ, грековъ и армянъ. Въ солнечную погоду я видѣлъ, какъ статныя, черноглазыя женщины въ лохмотьяхъ что-то готовили на кострахъ, сидя на корточкахъ, кормили дѣтей, пряли волнистую шерсть. Лагерь, кромѣ двухъ-трехъ старыхъ солдатскихъ палатокъ, состоялъ изъ низкихъ, въ аршинъ, навѣсовъ, устроенныхъ изъ стараго листового желѣза. Подъ эти навѣсы залѣзали, какъ въ звѣриныя норы. Когда бушевалъ нордъ-остъ, листы желѣза срывало и съ грохотомъ носило по пустырю. Жалкую рухлядь тоже носило и она часто попадала въ черную грязь широкихъ канавъ около дороги. Костры гасилъ дождь и снѣгъ. Тогда по ночамъ по пустырю бродили странныя привидѣнія. Съ развѣвающимися по вѣтру косами, съ синими лицами и съ выбивающими дробь зубами, женщины ловили свои промокшія насквозь ветошки, снова сталкивали листы желѣза для шатровъ, а неумолкающая буря со злобнымъ хохотомъ снова разбрасывала ихъ. Плакали дѣти. Сжавшись въ комокъ, лежали въ лужахъ подъ дождемъ и вѣтромъ жалкія фигуры.

Въ этомъ станѣ погибающихъ свирѣпствовалъ тифъ. Но умершихъ отсюда убирали. Лагерь находился подлѣ самой дороги изъ города на Стандартъ, къ пристанямъ. Мимо проносились, поднимая тучи ѣдкой цементной пыли, автомобили съ развѣвающимися трехцвѣтными флажками.

Смрадъ разлагающихся мертвецовъ могъ бы достигнуть обонянія важныхъ генераловъ, изящныхъ, пахнущихъ духами дамъ, поэтому по утрамъ въ это мѣсто скорби пріѣзжали дрогали; подбирали покойниковъ и увозили ихъ въ общую яму, куда ихъ закапывали безъ гробовъ, «безъ церковнаго пѣнія, безъ ладана»... Вмѣстѣ съ тифозными валили всякіе другіе трупы, всегда обнаруживавшіеся съ наступленіемъ дня на улицахъ.

Много больныхъ было въ общежитіяхъ для бѣженцевъ; на вокзалѣ, въ пустыхъ вагонахъ; на баржахъ, на пароходахъ; на бульварныхъ скамейкахъ; просто на улицахъ. У насъ въ редакціи заболѣлъ курьеръ. Не только положить, его было некуда даже посадить. Онъ бродилъ весь красный, въ полубреду; падалъ, поднимался и снова бродилъ. Пущены были въ ходъ всѣ связи и знакомства, хлопоталъ самъ военный губернаторъ, но мѣста для больного не было ни въ одной больницѣ, даже на полу, нигдѣ. Цѣлую недѣлю просили, приказывали, угрожали; наконецъ его приняли въ какой-то лазаретъ, гдѣ онъ, лежа на каменномъ полу безъ подстилки, въ тотъ же день и умеръ. Да что тамъ курьеръ: въ это же время въ вагонѣ генерала Врангеля, бывшаго тогда не у дѣлъ, заболѣлъ и умеръ его другъ, русскій генералъ — безъ всякой помощи.

Передъ отъѣздомъ въ Турцію моя жена пошла въ баню. Вернувшись, она разсказала:

— Въ банѣ, на полу, гдѣ моются женщины, въ лужѣ грязной воды лежитъ, — какъ говорили мнѣ баньщицы, вотъ уже третьи сутки, — тифозная больная. Она пріѣхала въ Новороссійскъ съ поѣздомъ, заболѣла; ей посовѣтовали сходить въ баню; она пошла, да тамъ и осталась. Въ больницу ее не берутъ, а когда обратились въ полицію, въ участкѣ сказали: «помретъ, уберемъ!»...

Когда я садился на пароходъ, я видѣлъ на сосѣдней пристани эшелонъ добровольцевъ, возвратившихся изъ Грузіи. Въ полномъ походномъ снаряженіи солдаты отдыхали, лежа на землѣ. Офицеръ скомандовалъ встать. Солдаты поднялись и выстроились; но половина ихъ осталась лежать: это были тифозные.

V

«Освагъ»

Съ этимъ страннымъ названіемъ я познакомился на главной улицѣ Новороссійска, на Серебряковской. Прочиталъ на вывѣскѣ.

«Черноморскій Освагъ?»

Задумался:

«Это что такое за штука?»

Однако разъясненіе скоро нашлось.

Какъ-то встрѣтилъ знакомаго москвича. Общественный дѣятель, даже большевикъ въ прошломъ, — но только идейный, — онъ такъ напугался отъ практическаго примѣненія своей теоріи, что сбѣжалъ отъ старыхъ единомышленниковъ, и не только отъ коммунизма, отъ всякаго соціализма открещивался: обжегшись на молокѣ, дулъ, такъ-сказать, на воду.

Мнѣ хотѣлось прочитать въ Новороссійскѣ нѣсколько лекцій. Я спросилъ у знакомаго, какъ организовать ихъ. Онъ отвѣтилъ:

— Дѣло самое пустое. Я служу въ союзѣ кооперативовъ. Союзъ организовываетъ лекціи — если темы подходящія, — и платитъ по сто рублей отъ штуки. Это мало; къ тому же начальство старается совать ему палки въ колеса. Между тѣмъ «Освагу» разрѣшенія даютъ безпрепятственно и платитъ онъ лекторамъ не сто, а пятьсотъ рублей.

Я обрадовался.

— Стало быть, Вы можете объяснить мнѣ, что такое «Освагъ»?

Знакомый разсмѣялся.

— Мѣсто злачное, — сказалъ. — Какъ Вы однако за границей отъ насъ отстали: даже понятія объ «Освагѣ» не имѣете . . .

— Впрочемъ, для устройства лекцій учрежденіе весьма подходящее: разрѣшеніе достанетъ, помѣщеніе сниметъ, афиши расклеитъ и гонораръ выдастъ безъ задержки. И даже независимо отъ того, придутъ или не придутъ слушатели.

Далѣе онъ разъяснилъ, что «Освагъ» — это освѣдомительное бюро отдѣла пропаганды при «Особомъ Совѣщаніи».

— Словомъ, — закончилъ знакомый, — Вы такъ все равно ничего не поймете, пока не поживете у насъ по-дольше. Видѣли навѣрное всякія страшныя картинки на стѣнахъ съ поучительными сентенціями о «великой, единой и недѣлимой» и портреты генераловъ съ ихъ изреченіями? Ну, вотъ это и есть «Освагъ».

Онъ не ошибся: я дѣйствительно ничего не понялъ. А стѣны домовъ и окна магазиновъ въ Новороссійскѣ, правда, были сплошь оклеены дешевыми литографіями, на подобіе извѣстныхъ лубковъ, какъ-то «Смерть пьяницы», «Водка есть кровь сатаны» и т. д.

На этихъ картинкахъ фигурировалъ Московскій Кремль, освѣщенный зарею, русскій витязь на борзомъ конѣ; Троцкій въ образѣ чорта; ярко рыжій англичанинъ, тащилъ за собой связку крохотныхъ корабликовъ и везъ на веревочкѣ игрушечныя пушечки. На этомъ была надпись:

«Мои друзья, русскіе. Я, англичанинъ, дамъ Вамъ все нужное для побѣды».

Картинки препотѣшныя; конечно, мнѣ и въ голову не приходило, что посредствомъ ихъ да еще небольшихъ черносотенныхъ прокламацій, серьезно предполагали бороться, — хотя и за казенный счетъ! — съ многоголовной гидрой большевизма. Въ заключеніе я рѣшилъ, что ни Троцкій съ рожками, ни рыжій англичанинъ, ни даже генералы въ лавровыхъ вѣнкахъ, нисколько не помѣшаютъ мнѣ обратиться въ «Освагъ» для устройства лекцій. Поэтому въ одно восхитительное осеннее утро, когда горы и море улыбались золотому солнышку и даже страшная «пятая пристань», залитая кровью русскихъ офицеровъ, смотрѣла ласково, я пошелъ въ «Освагъ».

Меня приняли, выслушали и проводили къ начальнику. Это былъ худощавый брюнетъ съ задумчивымъ лицомъ и черными глазами, бѣдно одѣтый въ штатское платье. За его столомъ тогда сидѣлъ священникъ съ подозрительно отечнымъ, желтымъ ликомъ; около стоялъ господинъ благообразной наружности, съ рыжей бородой вѣеромъ, въ общемъ удивительно похожій на великодушнаго бандита, на манеръ Робъ-Роя или Ринальдо.

Мое предложеніе было принято. Я прочиталъ нѣсколько лекцій; все еще однако не выяснивъ себѣ толкомъ: что такое «Освагъ»? Знакомый оказался правъ.

Но вотъ, послѣ третьей, кажется, лекціи, начальникъ отдѣла агитаціи вызвалъ меня къ себѣ и предложилъ мнѣ постоянную службу въ «Освагѣ» въ качествѣ завѣдывающаго литературнымъ бюро и издательствомъ «Освага».

— Сначала присмотритесь, — предложилъ онъ, — потомъ, если понравится, мы Васъ зачислимъ въ штатъ приказомъ.

А рыжій бандитъ шепнулъ мнѣ въ ухо:

— Сахаръ, муку, дрова, будете получать изъ склада... Комнату можете реквизировать... Спиртъ изъ Абрау-Дюрсо получаемъ!..

Я началъ ходить въ «Освагъ» на занятія. Въ чемъ состояли мои обязанности, я до сихъ поръ хорошенько не знаю. Предупреждали меня, чтобы я не внималъ лукавымъ рѣчамъ типографщиковъ, желающихъ освобождать отъ мобилизаціи своихъ печатниковъ черезъ «Освагъ»; прочиталъ скучнѣйшую агитаціонную брошюру профессора Н., которую по совѣсти посовѣтовалъ бросить въ печь. Но недоумѣніе наконецъ разрѣшилось: однажды ко мнѣ подошелъ господинъ съ рыжей бородой, похожій на великодушнаго бандита, фамильярно взялъ меня подъ руку и откровенно предложилъ:

— Не желаете ли Вы одновременно служить «по информаціи»?

Это означало:

— Не желаете ли сдѣлаться шпіономъ?

Бандитъ скромно прибавилъ:

— За это Вы будете получать еще тысячу дополнительно...

Я пошелъ къ начальнику отдѣла и заявилъ, что нашелъ службу въ «Освагѣ» для себя неподходящей и поэтому ухожу.

Начальникъ былъ недоволенъ. Про него говорили, что онъ — идейный и даже партійный человѣкъ. Къ какой партіи онъ принадлежалъ, я не знаю. Мой отказъ видимо волновалъ его и онъ съ горячей укоризной замѣтилъ мнѣ:

— Вы, господа, все желаете выполнять аристократическую часть работы. На кого же свалить черную, грубую, подчасъ непріятную работу? А вѣдь она также нужна... Словомъ, совѣтую Вамъ еще повременить съ окончательнымъ рѣшеніемъ.

Я пересталъ бывать въ «Освагѣ».

Еще до этого, на одной изъ моихъ лекцій, со мной познакомился одинъ весьма любопытный типъ. Типъ этотъ сдѣлалъ мнѣ признаніе:

— Что Вамъ за охота ссориться съ «Освагомъ?» Не нравится, не ходите; но зачѣмъ же заявлять объ отказѣ. Деньги Вамъ все равно платить будутъ, а потомъ, какъ знать? Можетъ быть и приглянется. У насъ ребята добрые, а заведеніе питательное...

Послѣ лекціи мой новый знакомый поздравилъ меня съ успѣхомъ и пригласилъ въ нѣкоторое укромное мѣстечко подъ рестораномъ «Слонъ», гдѣ хлысты торговали малороссійской колбасой и «самогонкой». Послѣ третьей рюмки господинъ этотъ немного охмелѣлъ, перешелъ на «ты» и разсказалъ, что онъ состоитъ начальникомъ отдѣла устной пропаганды «Освага».

— Какъ же Вы пропагандируете? — поинтересовался я.

Онъ разсказалъ:

— Видишь, у меня ѣсть цѣлый штатъ прохвостовъ, то бишь, агитаторовъ, обучавшихся въ особой школѣ... Образованные мерзавцы!.. Они ѣздятъ по моимъ инструкціямъ — для провокаціи. Чтобы тебѣ сталъ сразу понятенъ характеръ дѣятельности, выслушай.

— Иду я, или одинъ изъ моихъ негодяевъ, — напримѣръ, по Серебряковкѣ и вижу: солдатъ безъ ноги, безъ головы, безъ руки тамъ, однимъ словомъ, пьяный, пристаетъ къ публикѣ: «подайте жертвѣ германскаго плѣна!» Я къ нему: «Желаешь получать сто на день?»... — Ну, конечно, желаетъ... Такъ вотъ что, братское сердце: вмѣсто того, чтобы безъ толку голосить «жертва германскаго плѣна», голоси: «жертва большевистской чрезвычайки». Понятно?! Говори про чрезвычайку, ври, что въ голову прилѣзетъ и — получай сто цѣлковыхъ — на пропой души».

Тутъ я припомнилъ, что мнѣ это уже приходилось слышать въ Новороссійскѣ. Пьяные, оборванные, наглые люди въ солдатскихъ фуражкахъ и въ шинеляхъ, благоухая «самогонкой», что-то такое разсказывали объ ужасахъ, пережитыхъ ими въ чрезвычайкахъ, нерѣдко, откровенно дополняя свои разсказы:

— По сто цѣлковыхъ платитъ за эту самую канитель Василь Иванычъ. — Подайте жертвѣ!

Характеръ дѣятельности «Освага» постепенно выяснялся. Окончательно выяснился онъ нѣсколько позже.

Я работалъ въ Новороссійскѣ въ газетѣ и начиналъ уже понемногу забывать объ «Освагѣ». Однажды вечеромъ въ редакцію зашелъ начальникъ «устной агитаціи» и положилъ ко мнѣ на столъ туго набитый портфель. Весело и значительно поглядѣвъ на меня, онъ спросилъ:

— Угадай, что въ портфелѣ?

Не дожидаясь отвѣта, онъ добавилъ:

— Денежки, батенька, денежки!

И расхохотался.

Я ничего не понималъ. Мой новый другъ продолжалъ:

— А знаешь, сколько?

Я только плечами пожалъ, недоумѣвая.

— Шестьдесятъ тысячъ . . . Но — главное не въ этомъ. Главное, угадай, для кого эти деньги?

И на эту загадку я не отвѣтилъ. Тогда онъ торжественно вытащилъ пачку совсѣмъ новенькихъ, только-что изъ типографіи, еще пахнущихъ краской, тысячныхъ «колокольчиковъ» и сказалъ:

— Этакій непонятливый. Для тебя эти деньги; получай, и пойдемъ въ Капернаумъ вспрыскивать получку! . .

Уединившись за грязной ситцевой занавѣской въ подвалѣ у гостепріимныхъ хлыстовъ, онъ шлепнулъ портфель на столъ и сказалъ довѣрчиво:

— Я знаю, что ты не дуракъ. Ты и безъ меня понимаешь, что такихъ денегъ даромъ не даютъ.

Я согласился.

— Поэтому, — продолжалъ онъ, — вотъ тебѣ кромѣ денегъ еще проѣздной билетъ до Батума и обратно. Въ Батумѣ, или тамъ въ Сухумѣ, сейчасъ находится К—й, — мы имѣемъ свѣдѣнія: къ товарищу Чхеидзе въ гости пожаловалъ! . .

— Вѣдь ты его не любишь? — заглядывая мнѣ пристально въ глаза, вдругъ спросилъ онъ:

— Допустимъ, — согласился я.

— Ну. видишь, тѣмъ лучше, стало быть, — обрадовался онъ. — Ты являешься въ Батумъ, въ Сухумъ, словомъ, туда, гдѣ онъ, и . . . онъ сдѣлалъ жестъ, какъ будто давилъ ногтемъ насѣкомое, все время не спуская съ меня пристальнаго взгляда.

Онъ хлопнулъ меня по плечу, весело расхохотался и подмигнулъ мнѣ:

— Знаю, знаю, батенька, что ты любишь хорошенькихъ, и такую тебѣ бабенцію въ спутницы подыскалъ — всѣ пальчики оближешь! Пьетъ, какъ драгунъ, и — ни въ одномъ глазу!

Я не зналъ, что дѣлать: хотѣлось ударить по этой подлой, смѣющейся рожѣ, хотѣлось плакать; и подленькій страхъ змѣей заползалъ въ душу: вѣдь подобныхъ предложеній не дѣлаютъ зря; или соглашайся, или — пуля откуда-нибудь изъ-за угла и — свидѣтеля рискованной затѣи нѣтъ. А въ Новороссійскѣ дѣло съ этимъ обстояло просто: убивали столько, что полиція даже не интересовалась, кто убитый: закопаютъ, и все.

Устный пропагандистъ однако сейчасъ же отгадалъ мои колебанія. Онъ расхохотался еще искреннѣе, еще благодушнѣе:

— А еще писатель, — забубнилъ онъ, — публицистъ! Психологъ! Даже позеленѣлъ весь! А вѣдь нѣтъ того, чтобы понять, что это просто шутка. Ну, станетъ кто-нибудь о такихъ вещахъ въ кабакахъ въ серьезъ разговаривать?

Въ этотъ вечеръ я долго не могъ заснуть у себя въ редакціи. Горѣло электричество; сотни огромныхъ крысъ смѣло носились по полу, карабкались по стѣнамъ, дрались. Вокругъ, въ лавровыхъ вѣнкахъ висѣли портреты Корнилова, Алексѣева, Дроздова. Черная мгла смотрѣла въ окно. А я думалъ объ «Освагѣ». Теперь онъ былъ для меня совершенно ясенъ.

Я думалъ о томъ, что въ этомъ учрежденіи работаютъ русскіе профессора, писатели съ большими именами, работаетъ несчастная русская молодежь и, — признаюсь, — слезы градомъ катились у меня изъ глазъ.

— Вотъ Вамъ и Троцкій въ красной визиткѣ, витязь со сверкающимъ мечемъ, залитый зарею Московскій Кремль!..

На слѣдующій день газета вернулась изъ цензуры съ большими пробѣлами: видно было, что не въ мѣру поусердствовалъ красный карандашъ цензора. На другой день — то же самое. Потомъ пришла бумага изъ «особаго отдѣла». Оффиціальное предупрежденіе съ напоминаніемъ объ отвѣтственности... Я всмотрѣлся въ подпись — и прочиталъ красиво, отчетливо выведенную фамилію «устной пропаганды».

А потомъ явился и онъ самолично. Шумный, веселый, похлопывающій всѣхъ по плечу, по животу:

— Видалъ — миндалъ! — загрохоталъ онъ, подходя ко мнѣ. — Я вѣдь по этой части могу, по цензорской!..

Онъ подмигнулъ и провелъ пальцемъ у себя вокругъ шеи:

— А кто говоритъ много, и по этой могу! Ловко?!..

VI

Черная орда

Главная улица въ Новороссійскѣ — Серебряковская. Приблизительно посрединѣ этой лучшей, но тѣмъ не менѣе достаточно нескладной и неприглядной улицы находилась бойкая кофейная, называвшаяся «кафэ Махно». Здѣсь помѣщалась штабъ-квартира спекулянтовъ, такъ-называемой «черной орды».

Орда была дѣйствительно черная: по духу и по колориту. Сильные брюнеты: Константинопольскіе греки, налетѣвшіе на охваченный гражданской войной югъ, какъ воронье на падаль, армяне, евреи — преобладали; хотя, конечно, не было недостатка и въ представителяхъ славянской расы...

Въ кафэ Махно устанавливались цѣны на валюту, на товары, цѣнности, и оно до такой степени замѣняло биржу, что съ нимъ считались банки; а въ мѣстныхъ газетахъ, въ справочномъ отдѣлѣ, котировки печатались подъ общимъ заголовкомъ «кафэ». Такъ же, какъ въ былыя времена печаталось: «фондовая биржа».

Въ обширной, грязноватой залѣ, съ большою печью посрединѣ, съ нѣсколькими чахлыми пальмами въ качествѣ единственной декораціи, стояло множество убогихъ столиковъ, неприкрытыхъ, заваленныхъ крошками, залитыхъ кофе. Освѣщалась кофейная плохо. Электричество часто не горѣло, и тогда, при свѣтѣ стеариновыхъ огарковъ, воткнутыхъ въ бутылки, она получала зловѣщій видъ пещеры съ пирующими разбойниками. Алчные, безпокойные, сверкающіе взгляды, рѣзкія тѣлодвиженія южанъ, лохмотья и шикарные костюмы, все это еще больше увеличивало иллюзію. Въ воздухѣ всегда колыхалась синяя пелена табачнаго дыма и кухоннаго чада, и всегда, особенно въ ненастье, была такая толпа и давка, около столовъ стояли такія очереди, дожидавшіяся, когда будетъ проглоченъ послѣдній кусокъ, что бывать у Махно безъ дѣла бывало непріятно.

Столики обслуживались шикарными кельнершами, нерѣдко блиставшими драгоцѣнностями, доставшимися имъ, Богъ знаетъ откуда, и какой цѣной. Работая у Махно безъ жалованья, кажется, платя даже за обѣдъ и чай, барышни эти зарабатывали баснословныя деньги. Герои тыла, съ утра до ночи, воевавшіе за столиками, — и, къ слову сказать, наносившіе добровольцамъ гораздо большій уронъ, чѣмъ большевики, — были щедры. Городъ сидѣлъ на діэтѣ; у многихъ простой хлѣбъ и кусочекъ сала считались роскошью; съ апломбомъ заказывая себѣ стоящую бѣшеныхъ денегъ порцію сосисокъ съ капустой, орда «держала фасонъ» и, желая блеснуть широтою натуры, выбрасывала «барышнямъ» на чай крупныя донскія кредитки. Могильныя гіены, стервятники разныхъ величинъ, чувствовали себя здѣсь, у Махно, баловнями счастья и демонстрировали это безъ стѣсненія.

«Юрко и Паника», нарицательное имя спекулянтовъ, опредѣляли курсъ русской и иностранной валюты, скупали золото и драгоцѣнности, скупали гуртомъ весь сахаръ, весь наличный хлѣбъ, мануфактуру, купчія на дома и имѣнья, акціи желѣзныхъ дорогъ и акціонерныхъ компаній. Тутъ можно было пріобрѣсти разрѣшеніе на ввозъ и вывозъ, плацъ-карту до Ростова, билетъ на каюту на пароходѣ, отдѣльный вагонъ и цѣлый поѣздъ, спеціально предназначенный для военнаго груза на фронтъ. Здѣсь торговали медикаментами и партіями снаряженія, въ безплодномъ ожиданіи котораго добровольцы вымерзали подъ Орломъ и Харьковомъ цѣлыми дивизіями.

Въ теплую, погожую погоду «черная орда» высыпала изъ кафэ на Серебряковскую. Почти напротивъ, въ большомъ, мрачномъ четырехъэтажномъ зданіи, находилось комендантское управленіе. На тротуарѣ противъ управленія, днемъ, собиралась другая толпа: загорѣлые, дурно одѣтые, до зубовъ вооруженные офицеры, пріѣзжавшіе по дѣламъ и на побывку съ фронта. Эти обездоленные, истощенные походной и боевой жизнью, измученные тоской по голоднымъ женамъ и дѣтямъ люди съ нескрываемой, острой ненавистью поглядывали на другую сторону улицы, гдѣ, словно угорѣлые, метались хищныя, сытыя фигуры. Слышалось иногда брошенное вскользь замѣчаніе:

— Эхъ, поставить бы съ обѣихъ сторонъ Серебряковской по батареѣ, да картечью!..

Или:

— Въ шашки бы ихъ, мародеровъ!..

Изъ этого, само собой, не надо дѣлать вывода, что среди «черной орды» не было людей съ офицерскими и генеральскими погонами, съ металлическими вѣнками на георгіевской лентѣ за знаменитый «ледяной» походъ; людей съ золотымъ оружіемъ и на костыляхъ. Спекулировали въ Новороссійскѣ всѣ: телефонныя барышни и инженеры, дамы-благотворительницы и портовые рабочіе, гимназисты и полицейскіе, священники и «торгующія тѣломъ». Спекулировали старики и дѣти, инвалиды на костыляхъ и семипудовые толстосумы, послѣдній нищій и первый богачъ.

Спекулировали даже представители высшей гражданской и военной администраціи. Однажды къ намъ въ редакцію зашелъ секретарь одного высшаго добровольческаго сановника, почтенный генералъ съ Владиміромъ на шеѣ.

— У меня пикантнѣйшая новость, — сказалъ онъ, присаживаясь къ столу. — Только пожалуйста не для печати!.. Сегодня, по порученію генерала, составилъ проектъ приказа о выселеніи изъ предѣловъ города всѣхъ лицъ, не

состоящихъ на государственной, ни на общественной службѣ, пріѣхавшихъ послѣ такого-то числа. Его Высокопревосходительство внесъ въ проектъ существенную поправку — прямо можно сказать, создалъ новый объектъ для спекуляціи!..

Генералъ вздохнулъ и безнадежно поникъ красивой, сѣдѣющей головой.

— Мой проектъ имѣлъ въ виду исключительно спекулянтовъ: вѣдь дышать отъ нихъ нечѣмъ! И что же Вы думаете? Генералъ разрѣшилъ жительство прислугамъ лицъ, состоящихъ на службѣ. Посудите сами, какая теперь пойдетъ купля-продажа всякихъ поварскихъ, лакейскихъ и прочихъ должностей?!.. И безъ того вакханалія полнѣйшая!

Генералъ былъ правъ, — все, что ни дѣлалось противъ спекуляціи, роковымъ образомъ обращалось въ ея пользу. Я не знаю, спекулировали ли мѣстами на кладбищѣ; но билетами въ номерныя бани — спекулировали, и весьма прибыльно.

Днемъ по городу бродили толпы иностранныхъ матросовъ и солдатъ. Они вымѣнивали фунты и франки, скупая текинскіе и персидскіе ковры, разстилаемые армянами въ продажу прямо на мостовой. Они продавали башмаки, бѣлье, консервированное молоко и фуфайки, ткани и галеты, съ жадностью скупая золотыя вещицы съ рукъ и въ магазинахъ. Офицеры, получавшіе хлѣбъ отъ интендантства, посылали въ очередь около булочныхъ своихъ денщиковъ, сами, съ револьверами въ рукахъ, требовали, чтобы имъ продавали хлѣбъ безъ очереди, захватывали его весь, гуртомъ, — и продавали его черезъ тѣхъ же торговцевъ втридорога.

Спекулировали ордерами на реквизицію домовъ и квартиръ; спекулировали комнатами. Мальчишки-газетчики, — среди которыхъ было не мало дѣтей интеллигентныхъ родителей — зарабатывали на спекуляціи газетами сотни рублей въ день, и деньги эти тутъ же пропивали и проигрывали въ карты и орлянку.

Когда одолѣваемыя все болѣе наглѣвшими къ концу трагедіи добровольчества, зелеными, власти издали приказъ о закрытіи всѣхъ кофеенъ, ресторановъ и харчевенъ послѣ семи часовъ вечера, тотчасъ же начали спекулировать на этомъ приказѣ.

Я помню жуткую картину. Въ маленькой, очень грязной и всегда полной народу кофейной, называвшейся «кооперативной», дремали за столиками бездомные люди. Особенно врѣзалась мнѣ въ память молодая чета. Они потеряли другъ друга на фронтѣ: онъ безусый «фендрикъ», она — юная сестра милосердія. Они случайно встрѣтились въ «кооперативной» кофейной, оба, уже считавшіе другъ друга потерянными навсегда. Возгласъ, горячіе поцѣлуи — что за дѣло, что тутъ были посторонніе! Съ сіяющими глазами, пожимая руки, они сѣли за столъ, незамѣтно съѣли обѣдъ, какое-то гнусное сладкое и — незамѣтно заснули отъ утомленія, сидя рядомъ на поломанныхъ стульяхъ.

Часы пробили половину седьмого. Скромныя, усталыя служанки кафэ съ состраданіемъ смотрѣли на нихъ. Но — приказъ былъ ясенъ и за неисполненіе его грозила тяжкая кара. «Молодыхъ», какъ ихъ успѣли окрестить, растолкали. Они смотрѣли другъ на друга нѣжными, печальными глазами. Идти имъ было некуда.

И, я помню, къ нимъ подошелъ отвратительный жирный человѣкъ-паукъ. Въ засаленномъ котелкѣ, въ рваномъ пальто, онъ заставилъ ихъ пересчитать всѣ имѣвшіяся у нихъ деньги — у обоихъ нашлось что-то тысячи полторы, —

и всѣ до послѣдняго рубля отнялъ у нихъ за какую-то конуру, въ которой, по его заявленію, было скверно:

— Такъ, на манеръ амбарчика... Ну, животныя, то-есть крысы, конечно есть... Дуетъ; ну, да вѣдь Вы молодые, согрѣетесь... У Васъ ничего не осталось больше, сестрица? Жаль; задаромъ почитай отдаю!..

Оба они хорошо знали, что ночевать на улицѣ въ городѣ, гдѣ каждую ночь зеленые охотились за добровольцами, а добровольцы за зелеными, было нельзя. Да и погода была неподходящая: ледяной нордъ-остъ съ дождемъ и хлопьями снѣга. А офицерскія общежитія были такъ переполнены, что спавшіе въ нихъ на полу люди буквально поворачивались «по командѣ». Одному перевернуться на другой бокъ было нельзя.

Нечего удивляться, что на «черную орду» смотрѣли съ горячей ненавистью. Со мной случилась такая вещь.

Какъ-то вечеромъ я кончилъ работу и отправился ночевать къ знакомому. Жилъ я тогда въ редакціи съ полуидіотомъ сторожемъ и легіономъ крысъ. Иногда становилось невтерпежъ и тянуло къ людямъ, въ человѣческую обстановку. Знакомый мой снималъ комнату у воинскаго начальника. У него онъ выпросилъ разрѣшеніе иногда ночевать и мнѣ.

Для меня такіе ночлеги были настоящимъ праздникомъ. Сначала чай — изъ самовара! — чай, за которымъ присутствовала дѣтвора, который разливала милая женщина — гдѣ-то она теперь? А потомъ денщикъ «дядя Петра», плѣнный «красный», угрюмый и добродушный, стлалъ постель на чистомъ сѣнникѣ, казавшуюся мнѣ послѣ жесткаго редакторскаго стола, на которомъ я работалъ днемъ, а ночью, съ позволенія сказать, спалъ, настоящимъ раемъ. Итакъ, я пошелъ ночевать къ знакомому.

Погода стояла отвратительная. Добрался до домика воинскаго начальника на Соборной площади; смотрю, окна привѣтливо свѣтятся, горитъ на крыльцѣ электрическій фонарикъ. Я уже ухватился за ручку звонка и успѣлъ перевернуть ее, какъ вдругъ услыхалъ позади себя громкое откашливанье. Я оглянулся. Темно, только за оградой палисадника, шагахъ въ четырехъ отъ меня, бѣлѣютъ два лица, фуражки съ кокардами видно. Лица были простыя, молодыя, спокойныя. Я снова было взялся за звонокъ; но тутъ со стороны палисадника раздался неувѣренный голосъ:

— Вы!.. Вы — спекулянтъ?!

Послышался металлическій звукъ, какой бываетъ, когда приводятъ въ боевую готовность браунингъ.

Я невольно задрожалъ и оглянулся. Прямо на меня были наведены два револьвера. Одинъ изъ офицеровъ спросилъ громко и отчетливо:

— Говорите правду: Вы спекулянтъ?

Я — маленькій и толстый. На мнѣ было хорошее англійское пальто и шляпа, купленная въ Лондонѣ. Проклятая шляпа!

Положеніе было безвыходное. Я стоялъ безоружный на ярко освѣщенной электрическимъ фонарикомъ площадкѣ крыльца; спрашивающіе были въ темнотѣ. Мелькнула безобразная мысль о смерти, такъ, за здорово живешь. Языкъ отказывался произнести хоть какой-нибудь звукъ. Пролетѣла тяжелая секунда.

Вдругъ широкая полоса свѣта упала на меня, на темный палисадникъ изъ раскрывшейся двери. Жена воинскаго начальника въ пуховомъ платкѣ со спокойнымъ и привѣтливымъ лицомъ показалась въ половинкѣ открытой

двери. Мигомъ она поняла все и, загораживая меня своимъ тѣломъ, спокойно проговорила:

— Что это Вы, господа? Здѣсь квартира воинскаго начальника!.. Вы должны знать...

— Проходите, — ободряюще улыбнулась она мнѣ, — успокойтесь!..

Дверь захлопнулась. Позади я услышалъ виноватые голоса:

— Мы пошутили!.. Ничего!..

Мнѣ было не до шутокъ. Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ; сердце готово было разорваться отъ испуга и негодованія. Помню, я долго плакалъ потомъ, сидя въ теплой, свѣтлой, уютной гостиной.

Когда вернулся воинскій начальникъ, жена разсказала ему все. Бравый полковникъ посмотрѣлъ на меня съ усмѣшкой. Онъ сказалъ:

— Напугали Васъ, мои ребята? Пройдетъ! А съ другой стороны — что же дѣлать: вѣдь живьемъ ѣдятъ, проклятые!..

Я едва не сдѣлался, какъ узналъ тогда же, жертвой охоты на спекулянтовъ, послѣднимъ средствомъ, выдвинутымъ отчаявшимися людьми противъ «черной орды».

VII

Красные и зеленые

Однажды, уже глубокой осенью, я вернулся домой и засталъ въ бѣлой кухонькѣ у Бурачковъ перемѣну. На большомъ, расписанномъ цвѣтами сундукѣ, замѣнявшемъ намъ письменный и обѣденный столъ, лежалъ накрытый овчиннымъ тулупомъ Павликъ и скрипѣлъ зубами. Возлѣ него, подгорюнившись по-бабьему, стояла мать. Глаза у нея были красны отъ слезъ; но она видимо крѣпилась. У двери стоялъ старшій сынъ, только-что вернувшійся съ табачной фабрики. На этотъ разъ онъ не предложилъ мнѣ какого-то «совершенно отдѣльнаго» табаку, что продѣлывалось неизмѣнно каждый вечеръ, и смотрѣлъ исподлобья, волкомъ.

Я спросилъ:

— Что это съ Павломъ?

Мать сверкнула на меня глазами и промолчала. Потомъ рванулась къ дико застонавшему мальчику, схватила его на руки, какъ грудного, перевернула спиной вверхъ и подняла рубашку. Спина несчастнаго Павлика вздулась какъ подушка; она была вся изсиня багровая, изсѣченная такъ, что клочьями висѣло кровавое мясо. Положила сына обратно на дерюжку, постланную на ея приданомъ сундукѣ, хранившемъ фамильныя богатства, и снова подгорюнилась.

Пришелъ отецъ; не поздоровался. Я попробовалъ разрядить сгустившуюся атмосферу и кивнулъ на Павлика:

— Кто это его такъ?

Павликъ скрипнулъ зубами; но не выдержалъ и опять застоналъ:

— Ой, мамо моя, больно!

Бурачекъ, насупившись и сопя носомъ, опустилъ глаза и сурово выговорилъ:

— Увольняйтесь отсюда.

Легко сказать: увольняйтесь! Но куда? Снова пустилъ въ ходъ дипломатію. Напомнилъ даже, «что вѣдь и мы тоже люди».

Куда тамъ: упорно глядя въ полъ и сопя, Бурачекъ повторилъ:

— Извѣстно, люди!.. А только — увольняйтесь. Самимъ дѣваться некуда. И — то въ сараѣ спали изъ-за Васъ въ такой холодъ...

Искать квартиру въ городѣ было безполезно. Реквизировать не хотѣлось; да и нечего было реквизировать. Поэтому мы на другой день уѣхали въ Крымъ.

Пароходъ, на которомъ мы плыли по бурному Черному морю, былъ старый и такъ заросъ ракушками, что сдѣлался похожъ на загаженную половинку яичной скорлупы. Волны кидали его какъ мячикъ; къ тому же носъ его былъ перегруженъ и винтъ на кормѣ все время со свистомъ вращался въ воздухѣ. Пассажиры валялись отъ морской болѣзни вповалку, и только я да еще одинъ высокій драгунскій ротмистръ уцѣлѣли и прогуливались по палубѣ. Въ каюту нельзя было войти: вонь и подъ ногами противная слизь, выброшенная больными желудками укачанныхъ. Ротмистръ отъ нечего дѣлать стрѣлялъ изъ винтовки — кувыркающихся вокругъ кувыркающагося парохода дельфиновъ, и при каждомъ попавшемъ выстрѣлѣ говорилъ:

— Что, братъ, коряво?!..

Когда ему надоѣло безцѣльное истребленіе безобидныхъ морскихъ животныхъ, которымъ бывало такъ радовались всѣ пріѣзжавшіе на Южный берегъ отдохнуть, онъ отнесъ винтовку въ каюту, и мы стали разговаривать.

Мнѣ этотъ ротмистръ почему-то сразу приглянулся. Высокій, статный, загорѣлый, съ бѣлымъ сабельнымъ шрамомъ поперекъ лба и съ серьгою въ ухѣ, онъ былъ по-солдатски простосердеченъ и грубоватъ, любилъ специфическія кавалерійскія словечки и отличался какимъ-то суровымъ рыцарствомъ манеръ и характера. Рубака должно быть былъ отчаянный. Почему-то напоминалъ онъ мнѣ Николая Ростова изъ «Войны и мира».

Въ побѣду Деникина онъ не вѣрилъ. На добровольцевъ, особенно на кавалеристовъ, смотрѣлъ съ презрѣніемъ профессіонала на диллетантовъ.

— Помилуйте, кавалеристъ долженъ быть на четырехъ конскихъ ногахъ, какъ на своихъ двоихъ, а этотъ — и сидитъ-то, словно собака на заборѣ!..

Я немного коварно спросилъ его про Буденнаго. Онъ задумчиво протянулъ:

— Д-да... Конникъ хорошій!.. Нашей выучки...

Потомъ живо взглянулъ на меня и сказалъ:

— Впрочемъ, и Буденный никуда не годится... А ужъ эти «пролетаріи на коняхъ» настоящая мразь!.. Я ихъ всегда разстрѣливаю, этихъ конниковъ... Настоящаго кавалериста не разстрѣлялъ бы, будь онъ семь разъ красный!..

Видя, что меня слегка передернуло отъ его словъ, онъ снисходительно усмѣхнулся.

— Нашему брату «нервовъ» не полагается. Гражданская война: сегодня ты, а завтра я. И самъ пощады не попрошу, когда попадусь. А попадусь навѣрное — не сегодня, завтра.

Онъ помолчалъ немного; потомъ заговорилъ снова:

— Повѣрите, до чего дошелъ: вотъ Вы для меня безразличны. А подойди къ Вамъ сейчасъ кто-нибудь, наведи револьверъ, я и не подумаю вступаться. Развѣ отодвинусь, чтобы мозгомъ не забрызгало.

Красныхъ, взятыхъ въ плѣнъ, онъ, по его словамъ, приказывалъ «долго и нудно» бить, а потомъ «пускалъ въ расходъ».

— Офицеровъ красныхъ, тѣхъ всегда самъ...

Онъ оживился и съ засвѣтившимся взоромъ продолжалъ:

— Поставишь его, Іуду, послѣ допроса къ стѣнкѣ. Винтовку на изготовку, и начинаешь — медленно наводить... Сначала въ глаза прицѣлишься; потомъ тихонько ведешь дуло внизъ, къ животу, и — бахъ! Видишь, какъ онъ передъ дуломъ извивается, пузо втягиваетъ; какъ бересту на огнѣ его, голубчика поводитъ, злость возьметъ: два раза по немъ дуломъ проведешь, дашь помучиться, и тогда уже кончишь. Да не сразу, а такъ, чтобы помучился досыта.

— Бывало и такъ: увидитъ винтовку, и сейчасъ глаза закроетъ. Ну, такому крикнешь: «господинъ офицеръ, стыдно съ закрытыми глазами умирать». И представьте себѣ: дѣйствовало! — обязательно посмотритъ...

— Подраненныхъ не позволялъ добивать: пускай почувствуетъ...

Вообще отношеніе къ взятымъ въ плѣнъ красноармейцамъ со стороны добровольцевъ было ужасное. Распоряженія генерала Деникина на этотъ счетъ открыто нарушались и самого его за это называли «бабой». Жестокости иногда допускались такія, что самые заядлые фронтовики говорили о нихъ съ краской стыда.

Помню, одинъ офицеръ изъ отряда Шкуро, изъ такъ-называемой «волчьей сотни», отличавшійся чудовищной свирѣпостью, сообщая мнѣ подробности побѣды надъ бандами Махно, захватившими, кажется, Маріуполь, даже поперхнулся, когда назвалъ цыфру разстрѣлянныхъ, безоружныхъ уже противниковъ:

— Четыре тысячи!..

Онъ попробовалъ смягчить жестокость сообщенія:

— Ну, да вѣдь они тоже не рѣпу сѣютъ, когда попадешься къ нимъ... Но все-таки...

И добавилъ вполголоса, чтобы не замѣтили его колебаній:

— О четырехъ тысячахъ не пишите... Еще, Богъ знаетъ, что про насъ говорить станутъ... И безъ того, собакъ вѣшаютъ за все!..

Не такъ относились къ зеленымъ.

Къ намъ иногда заходилъ членъ военно-полевого суда, офицеръ-петербуржецъ. Совершенно лысый, не безъ фатовства слегка припадающій на правую ножку, съ барскимъ басомъ и изысканными манерами. Руки у него были выхоленныя, какъ у женщины; лицо землистое, съ мутными, словно плавающими въ какой-то жидкости, мертвыми глазами и мертвой, застывшей улыбкой. Этотъ даже съ извѣстной гордостью повѣствовалъ о своихъ подвигахъ; когда выносили у него въ судѣ смертный приговоръ, потиралъ отъ удовольствія свои холенныя руки. Разъ, когда приговорили къ петлѣ женщину, онъ прибѣжалъ ко мнѣ, пьяный отъ радости.

— Наслѣдство получили?

— Какое тамъ!.. Первую, Вы понимаете, первую сегодня!.. Ночью вѣшать въ тюрьмѣ будутъ...

Помню его разсказъ объ интеллигентѣ-зеленомъ. Среди нихъ попадались доктора, учителя, инженеры...

— Застукали его на словѣ «товарищъ». Это онъ, милашка, мнѣ говоритъ, когда пришли къ нему съ обыскомъ. «Товарищъ», — говоритъ, — «Вамъ

что тутъ надо?» Добились, что онъ — организаторъ ихнихъ шаекъ. Самый опасный типъ. Правда, чтобы получить сознаніе, пришлось его слегка поджарить на вольномъ духу, какъ выражался когда-то мой поваръ. Сначала молчалъ: только скулы ворочаются; ну, потомъ, само собой сознался, когда пятки у него подрумянились на мангалѣ... Удивительный аппаратъ этотъ самый мангалъ!.. Распорядились съ нимъ послѣ этого по историческому образцу, по системѣ англійскихъ кавалеровъ. Посреди станицы врыли столбъ; привязали его повыше; обвили вокругъ черепа веревку, сквозь веревку просунули колъ и — кругообразное вращеніе! Долго пришлось крутить. Сначала онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлаютъ; но скоро догадался и вырваться попробовалъ. Не тутъ-то было. А толпа, — я приказалъ всю станицу согнать для назиданія, — смотритъ, и не понимаетъ, то же самое. Однако, и эти раскусили, и было — въ бѣга. Ихъ въ ногайки; — остановили. Подъ конецъ солдаты отказались крутить; господа офицеры взялись. И вдругъ слышимъ: крыкъ! — — черепная коробка хряснула — и кончено; сразу вся веревка покраснѣла, и повисъ онъ, какъ тряпка. Зрѣлище поучительное. И что же? Въ благодарность за даровой спектакль, подходитъ ко мнѣ дѣвица, совершенно простая, ножищи въ грязи, и — харкъ мнѣ въ физіономію! Ну, я ее, рабу Божію, шашкой! Рядомъ съ товарищемъ положили: женихъ и невѣста, ха, ха, ха!

У воинскаго начальника, о которомъ я говорилъ въ предыдущемъ очеркѣ, былъ денщикъ «дядя Петра», какъ его всѣ называли. Большой, тяжелый, пожилой мужикъ съ самымъ обыкновеннымъ мужицкимъ лицомъ. Хмурый, жесткіе солдатскіе усы, носъ картофелиной, глаза дѣтскіе. Въ первый разъ, какъ я его увидѣлъ, онъ сидѣлъ у воротъ на скамейкѣ. Лицо задумчивое, печальное, а на колѣняхъ хорошенькій мальчишечка въ матроскѣ. Оказалось, сынъ полковника, больной.

— Только дядя Петра и умѣетъ его успокоить, — сказала мнѣ мать ребенка. — Ему бы въ сарафанѣ ходить: такъ дѣти къ нему льнутъ, что я даже ревновать начинаю... А вѣдь, представьте, красный, въ плѣну!..

Про себя дядя Петра говорилъ:

— Все время въ неволѣ — съ самой войны. Сначала у нѣмцевъ три года въ шахтахъ работалъ и лошадью былъ — пахали они на насъ... Домой пустили, опять мобилизовали, до деревни не дошелъ, и опять въ плѣнъ. Ну, признаться, наши разстрѣлять перво на перво хотѣли, да баринъ мой заступился, къ себѣ взялъ. Ничего, житье хорошее, только-бы домой вотъ!.. Вѣдь мы зубцовскіе сами; жена у меня, двѣ коровы остались, ребята, поди, большіе стали: шесть лѣтъ не видѣлись!..

Дядя Петра пригорюнился; потомъ сказалъ:

— Барыня наша, — она добрая, — краснымъ меня дразнитъ. А мнѣ — что красный, что голубой, все единственно: люди мы подневольные, господамъ подверженные; вѣдь и большевики, они нашего брата не очень-то милуютъ, только что товарищами называютъ...

— И когда только вся эта канитель кончится? Али, когда перемремъ всѣ? Неужто и правда, что свѣта конецъ насталъ?..

Въ Новороссійскѣ было много красныхъ, плѣнныхъ. Былъ, если не ошибаюсь, категорическій приказъ, чтобы ихъ не убивали. Въ рваномъ холщевомъ бѣльѣ, смирные, скучающіе, они слонялись по базару, спали на пристаняхъ. Вообще вели себя, какъ оторванные отъ всего привычнаго мужики. Многіе

изъ нихъ не выдерживали голодовки, — кормили ихъ отвратительно, — и вынужденной праздности, и уходили въ горы, «въ зеленые».

Къ зеленымъ населеніе и сѣрая солдатская масса добровольческой арміи, и даже стражники, относились двойственно: и побаивались, и сочувствовали. Про нихъ говорили:

— Насъ они не тронутъ... Оружіе дѣйствительно отберутъ... У буржуя одежду, которая лишняя, тоже возьмутъ... А такъ — народъ даже очень обходительный...

Когда на расположенное неподалеку отъ города царское имѣніе Абрау-Дюрсо, славившееся своимъ шампанскимъ, напали незадолго до ликвидаціи добровольчества зеленые, гарнизонъ отдалъ имъ свои винтовки и пулеметы и далъ ограбить контору. Отстрѣливался одинъ офицеръ, начальникъ команды. Зеленыхъ нападающихъ было тридцать; солдатъ шестьдесятъ, и сидѣли они въ хорошо укрѣпленной конторѣ имѣнія...

Однажды въ Новороссійскѣ произошелъ скандалъ: осрамилась государственная стража. Переодѣтый агентъ контръ-развѣдки арестовалъ на базарѣ «зеленаго». Вынулъ изъ кармана револьверъ и приказалъ ему идти впереди себя. Зеленый повиновался; потомъ внезапно обернулся и уложилъ агента на повалъ: револьверъ былъ у него вѣроятно въ рукавѣ шинели. Зеленый, какъ и обыкновенно, былъ одѣтъ въ англійскую шинель и фуражку, какъ и добровольцы. Поднялась суматоха; затрещали выстрѣлы; многихъ ранили, — вѣдь толпа! — а зеленый исчезъ. Говорили, что стража не особенно стремилась задержать его: умирать никому не охота: ни зеленому, ни стражнику.

Узнало объ этомъ начальство и устроило генеральную порку. Всѣхъ стражниковъ съ базара собрали въ комендантское и приказали имъ перепороть другъ друга шомполами. Своеобразная это была картина. Стражники, усатые, нерѣдко пожилые люди, спускали штаны, ложились, получали свои двадцать пять шомполовъ, и принимались на совѣсть драть своихъ палачей. Когда кончилась порка, имъ объявили:

— Завтра опять получите такую же порцію, если не доставите зеленаго! Вы понимаете, что полицейскій мундиръ замарали, вахлаки!

Вахлаки почесались и вышли. Двадцать пять шомполовъ — не шутка; да и мундиръ опять... Словомъ, они были задѣты за живое.

На другой день зеленый былъ приведенъ, связанный и основательно избитый. Какой это былъ зеленый и былъ ли онъ вообще зеленый, это составляло тайну возстанавляющихъ свою честь стражниковъ. Начальству, конечно, было тоже все равно. Стражѣ сказали, что они молодцы, а зеленаго въ тотъ же день судили и въ ту же ночь повели разстрѣливать.

На судѣ зеленый держался удивительно хладнокровно; былъ вѣжливъ съ судьями и за смертный приговоръ поблагодарилъ — по традиціи всѣхъ смертниковъ. Члены суда рѣшили, что онъ «идейный» большевикъ и были довольны, что осудили можетъ быть и не соотвѣтствующаго, но все-же безусловно опаснаго преступника.

На казнь его повели, связаннаго, десять человѣкъ. Утромъ они вернулись съ «косы» — мѣсто, гдѣ разстрѣливали, на берегу залива, — и отрапортовали, что зеленый, пользуясь темнотой — бѣжалъ. Снова были пущены въ дѣло шомпола; на этотъ разъ безрезультатно. Стража стояла на своемъ: зги не было видно, напрасно только заряды потратили, стрѣляя въ убѣгавшаго. Дѣло было предано забвенію.

Стража помалкивала. Честь полицейскаго мундира была возстановлена: зеленаго они привели.. А что убѣжалъ онъ, такъ что-жъ удивительнаго? Можетъ быть и былъ онъ вовсе не зеленый!.. Да и что такое зеленый? Нынче зеленый, а завтра — надѣлъ англійскую шинель и ходитъ по базару, охраняя общественную безопастность отъ зеленыхъ по порученію начальства!

VIII

Контръ-развѣдка

Контръ-развѣдка въ добровольческой арміи была многообразна и многогранна. Она имѣла много различныхъ наименованій; развѣтвлялась на множество учрежденій; но имѣла нѣкоторое единство въ одномъ: большевики умѣло и удачно использовали ее, какъ вѣрное прибѣжище для своихъ шпіоновъ и агитаторовъ.

Шпіонажъ и контръ-развѣдка на войнѣ считаются необходимыми органами армій. Въ раіонѣ генерала Деникина контръ-развѣдка представляла собой, — выражаясь словами Бурачка-старшаго, — «что-то отдѣльное», что-то ни съ чѣмъ не сообразное, дикое безчестное, пьяное, безпутное. Главное командованіе, а вмѣстѣ съ нимъ и «Особое Совѣщаніе», то-есть Правительство, съ своей стороны, казалось, дѣлали, что могли, чтобы окончательно разнуздать, распустить эту кромѣшную банду провокаторовъ и профессіональныхъ убійцъ. Вотъ нѣсколько иллюстрацій, характеризующихъ дѣятельность контръ-развѣдки «дѣда Антона», какъ звали Деникина въ средѣ его подчиненныхъ.

Послѣ занятія одного города въ Крыму большевики разстрѣляли военнаго врача. Вскорѣ имъ пришлось очистить городъ въ свою очередь. Вдова разстрѣляннаго пошла и указала добровольческой контръ-развѣдкѣ убійцъ своего мужа. Ихъ арестовали и «пустили въ расходъ».

Городъ переходилъ изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ. Когда счастье снова улыбнулось краснымъ, отмстившая за смерть мужа вдова собиралась эвакуироваться; но запоздала на пароходъ и вмѣстѣ съ двумя дочерьми, дѣвушками — подростками, попала въ руки авангарду большевиковъ. Вдову узнали и немедленно разстрѣляли на мѣстѣ, а барышенъ посадили въ тюрьму и тамъ — «націонализировали».

Вскорѣ послѣ этого опять пришли добровольцы. Произошла обычная расправа съ несчастными обывателями. Обезчещенныхъ дѣвушекъ выпустили изъ тюрьмы, обласкали, вознаградили, какъ могли. Несчастныя твердо рѣшили отмстить за мать и за себя. Однажды онѣ опознали на улицѣ одного изъ комиссаровъ, совершившихъ надъ ними гнусное насиліе, и подняли крикъ. Комиссаръ былъ арестованъ, избитъ и отправленъ въ контръ-развѣдку. Черезъ день барышни снова встрѣтили его на улицѣ; онъ нагло улыбнулся и галантно раскланялся со своими жертвами. Контръ-развѣдка его выпустила; а начальство, къ которому обращались барышни, только руками развело: это учрежденіе имъ не подвѣдомственно, и, во всякомъ случаѣ, вѣроятно онѣ ошиблись! Посовѣтовали забыть приключеніе въ тюрьмѣ и съ контръ-развѣдкой не ссориться...

Въ Новороссійскѣ контръ-развѣдкою называлось нѣсколько учрежденій; между прочимъ и уголовный розыскъ. Была другая контръ-развѣдка, выдававшая пропуска отъѣзжающимъ, и другой уголовный розыскъ, вѣдавшій всякія воров-

скія дѣла. Гдѣ кончалось одно и начиналось другое учрежденіе, сказать не берусь: тутъ все переплелось и перемѣшалось.

Главная и должно быть подлинная контръ-развѣдка помѣщалась на краю города, около такъ называемой «станички», за которой начинались горы и владѣнія зеленыхъ. Дворъ этого заведенія, охраняемый часовыми, былъ почему-то всегда полонъ унылыми фигурами красныхъ. Неподалеку находилась и тюрьма.

Говорили, что по ночамъ здѣсь слышались стоны и вопли; вообще было извѣстно, что то, что творилось въ застѣнкахъ контръ-развѣдки Новороссійска, напоминало самыя мрачныя времена средневѣковья.

Попасть въ это страшное мѣсто, а оттуда въ могилу, было какъ нельзя болѣе легко. Стоило только какому нибудь агенту обнаружить у счастливаго обывателя раіона добровольческой арміи достаточную по его, агента, понятію, сумму денегъ, и онъ могъ учредить за нимъ охоту по всѣмъ правиламъ контръ-развѣдывательнаго искусства. Могъ просто пристрѣлить его въ укромномъ мѣстечкѣ, сунуть въ карманъ компрометирующій документъ, грубѣйшую фальсификацію, и дѣло было сдѣлано. Грабитель-агентъ, согласно законамъ, на сей предметъ изданнымъ, получалъ что-то около 80% изъ суммы, найденной при арестованномъ или убитомъ «комиссарѣ». Населеніе было терроризовано и готово добровольно заплатить что угодно, лишь-бы избавиться отъ привязавшагося «гороховаго пальто», не доводя дѣла до полицейскаго участка.

Выходило примѣрно такъ: вся обывательская масса въ ея цѣломъ была «взята подъ сомнѣніе» въ смыслѣ ея политической благонадежности; съ другой стороны существовало стоявшее, — на подобіе жены Цезаря! — выше подозрѣній фронтовое офицерство; за нимъ шли: контръ-развѣдка, уголовный розыскъ, наконецъ государственная стража, дѣйствовавшіе подъ охраной высшихъ властей въ полномъ единеніи съ шайкой спекулянтовъ, грабителей и убійцъ. Все это сонмище, въ концѣ концовъ погубившее добровольческую армію, было въ равной мѣрѣ опасно для населенія «глубокаго тыла» — по отношенію къ нему, сонмищу, абсолютно лишенному элементарныхъ правъ человѣка и гражданина.

Всѣ, носившіе англійскія шинели и подобіе погонъ, ходили въ Новороссійскѣ вооруженными до зубовъ; пускали въ ходъ ногайки, револьверы и винтовки по всякому поводу и, какъ будто, никакой отвѣтственности за это не подлежали. Ибо все остальное подозрѣвалось въ несочувствіи, въ измѣнѣ добровольческому дѣлу, въ злостной спекуляціи, большевистской и соціалистической агитаціи, или хотя бы въ «распространеніи ложныхъ слуховъ» и принадлежности къ «жидамъ».

Даже служившіе въ «пресс-бюро» и разъѣзжавшіе въ такъ называвшихся «агіо-поѣздахъ» русскіе писатели, иногда довольно извѣстные, и тѣ ходили съ револьверами у пояса. Я встрѣтилъ извѣстнаго поэта у входа въ кафэ Махно, во время происходившей тамъ записи эвакуировавшихся англичанами офицерскихъ семействъ, съ револьверомъ у пояса, сортировавшимъ публику . . .

Сверхъ всего этого въ Новороссійскѣ существовали тайные союзы офицеровъ, имѣвшіе цѣлью охрану жизни и достоинства офицерства. Эти союзы иногда проводили въ жизни постановленія чисто террористическія, и передъ ними трепетали всѣ, не исключая и самого ген. Деникина. Расправа съ Пом. Главнокомандующаго генераломъ Романовскимъ въ зданіи русскаго Посольства въ Константинополѣ послѣ эвакуаціи Новороссійска служитъ достаточной иллюстраціей для того, чтобы понять, что это было за учрежденіе.

Эта добровольческая «мафія» вынесла, напримѣръ, постановленіе — не доводить до тюрьмы осужденныхъ военными судами на смерть.

Государственная стража усмотрѣла въ этомъ постановленіи «разрѣшеніе на все» и начала дѣйствовать. Тѣмъ болѣе, что состояла она преимущественно изъ профессіональныхъ убійцъ, ингушей, лезгинъ, осетинъ.

Въ газету, гдѣ я работалъ, ежедневно попадали коротенькія замѣтки, получавшіяся хроникеромъ въ полиціи, объ убійствахъ арестованныхъ при препровожденіи въ мѣста заключенія. Помѣщались эти замѣтки всегда подъ одинаковымъ заголовкомъ: «неудавшійся побѣгъ». Первоначально замѣтки эти редактировались полицейскими протоколистами такъ: «при препровожденіи въ тюрьму покушался бѣжать, за что былъ убитъ». Впослѣдствіи такая редакція показалась конфузной начальству и была измѣнена слѣдующимъ образомъ: «покушался бѣжать и, послѣ троекратнаго оклика, былъ убитъ конвоемъ». Видимость закономѣрности была соблюдена, что требовалось: людей не убивали зря, а только послѣ троекратнаго предупрежденія, если таковое не помогало...

Отдѣлъ «неудавшихся побѣговъ» удерживался въ газетѣ долго и закончился трагическимъ каламбуромъ военнаго губернатора.

Однажды мнѣ принесли примѣрно такое сообщеніе. Въ одинъ изъ участковъ государственной стражи, ночью, явился неизвѣстный, назвавшійся — большевикомъ-коммунистомъ. У этого двойного злоумышленника былъ при обыскѣ найденъ паспортъ и удостовѣреніе датскаго консула «съ явно подчищенной датой выдачи», какъ значилось въ протоколѣ. Неизвѣстнаго повели въ контръ-развѣдку и по дорогѣ убили, — вѣроятно послѣ троекратнаго оклика.

На другой день по напечатаніи этого сообщенія, я получилъ «оффиціальное опроверженіе» г. военнаго губернатора. Содержаніе этого любопытнаго документа было таково:

«Въ такомъ-то номерѣ Вашей газеты появилось несоотвѣтствующее истинѣ сообщеніе. Неизвѣстный, назвавшійся большевикомъ-коммунистомъ, въ дѣйствительности былъ конторщикомъ датской фирмы, большевикомъ же себя назвалъ, потому-что, страдая возвратнымъ тифомъ и находясь въ бреду, незамѣченный вышелъ на улицу и попалъ въ участокъ».

Оффиціальное опроверженіе имѣло въ виду реабилитацію бредящаго тифознаго больного, убитаго стражей вѣроятно только для того, «чтобы не возиться» съ нимъ, и совершенно никакъ не реагировало на самый фактъ убійства нуждавшагося въ помощи, больного, неповиннаго ни въ чемъ человѣка властями.

Опроверженіе вѣроятно показалось черезъ-чуръ остроумнымъ даже самому его автору, губернатору, потому что послѣ этого полиція перестала сообщать объ «неудавшихся побѣгахъ».

Я прожилъ въ Новороссійскѣ не долго. Однако при мнѣ, за какіе нибудь три мѣсяца нѣсколько разъ смѣняли комендантовъ въ городѣ и начальниковъ государственной стражи и обязательно съ преданіемъ суду: за лихоимство, за бездѣйствіе власти и другія преступленія по службѣ. Замѣнявшее ихъ новое начальство кончало тѣмъ же — такова должно быть была его «планида».

Поступившій при мнѣ послѣдній начальникъ стражи первымъ долгомъ пріѣхалъ въ редакцію знакомиться. Этимъ онъ вѣроятно желалъ демонстрировать свое уваженіе къ гласности. Наружность новаго начальника однако немного подгуляла: круглое, румяное лицо съ небольшими, лихо подкрученными усами, масляные, воровато шмыгающіе глаза; общее выраженіе снисходительное и

самодовольное. Типичнѣйшiй куроцапъ! Чтобы не оставалось сомнѣнiй на этотъ счетъ, онъ въ первую очередь сообщилъ, что «служилъ своему государю въ полицiи семнадцать лѣтъ, можно сказать всю нашу школу прошелъ»! Мнѣ онъ объявилъ, что намѣренъ безпощадно бороться съ преступностью, со взяточничествомъ и прочими смертными грѣхами добрыхъ полицейскихъ служакъ.

Прощаясь съ нимъ, я на всякiй случай, какъ говорится, назвалъ ему свою фамилiю. Онъ, сiяя улыбкой, протестующе поднялъ руку:

— Фамилiя не при чемъ: я Васъ узнаю теперь съ перваго взгляда. Если чѣмъ смогу быть полезенъ — милости просимъ въ Управленiе.

При этомъ онъ такъ выкатилъ на меня свои маслянистые глазки, что я едва удержался отъ улыбки.

Въ чемъ выражалась его борьба съ преступностью, я не знаю. По прежнему съ наступленiемъ темноты пощелкивали выстрѣлы на улицахъ; спекулянты и воры по прежнему грабили и воровали въ свое удовольствiе; по прежнему можно было за взятку получить отпущенiе вольныхъ и невольныхъ грѣховъ и откупиться отъ всякихъ полицейскихъ каверзъ. Но, какъ бы то ни было, — намѣренiе новаго начальника было несомнѣнно не лишено искренности.

Я собирался уѣзжать въ Крымъ, когда на Серебряковской, противъ редакцiи, былъ среди бѣлаго дня, не то-что ограбленъ, а просто вывезенъ на подводахъ цѣлый складъ мануфактуры. По дорогѣ на пристань я встрѣтилъ катящаго на извозчикѣ начальника стражи. Онъ узналъ меня и сдѣлалъ ручкой; но потомъ раздумалъ, соскочилъ съ пролетки и подбѣжалъ ко мнѣ. Поздоровавшись, онъ спросилъ:

— Были?

То-есть на мѣстѣ ограбленiя.

Я отвѣтилъ, что былъ.

— Удивительные мерзавцы! — возмутился онъ. — Просто руки опускаются. Понимаете, бросаютъ магазинъ, надѣясь на какiе-то тамъ замки, а потомъ — полицiя виновата!

Логика новаго начальника была несокрушима: плохо не клади, вора въ грѣхъ не вводи! Воистину, не легко ему было бороться съ преступностью при такой путаницѣ понятiй . . .

Передъ самымъ отъѣздомъ ко мнѣ явился высокiй, благообразный господинъ въ отличномъ пальто. Онъ отрекомендовался начальникомъ контръ-развѣдки и сказалъ, что пришелъ по оффицiальному дѣлу.

Приходилось разговаривать. Я спросилъ:

— Что Вамъ угодно?

Онъ порылся въ портфелѣ и отвѣтилъ:

— Вопросъ конфиденцiальный . . . Какого направленiя была газета «Свободная рѣчь»?

Я разинулъ ротъ отъ изумленiя: «Свободная рѣчь» была оффицiозомъ «Особаго Совѣщанiя». А пока я сидѣлъ съ разинутымъ ртомъ начальникъ контръ-развѣдки изслѣдовалъ содержанiе моего стола и, не найдя ничего интереснаго, поднялся, вѣжливо откланялся и вышелъ вонъ.

Мнѣ передавали, что съ такимъ же визитомъ онъ являлся передъ отъѣздомъ къ моему замѣстителю по газетѣ. Замѣтивъ на немъ мѣховое пальто, онъ любезно осклабился:

— Вамъ вѣроятно извѣстно, что мѣха вывозить нельзя?

Но шубу все-таки не тронулъ; вѣроятно изъ уваженiя къ гласности.

IX

У Большой воды

Трагедія добровольчества подходила къ своей естественной развязкѣ. Кругомъ арміи, обезсиленной и не имѣвшей резервовъ, сосредоточивались со всѣхъ сторонъ враги. Глухо волновалась и уходила съ фронта Кубань. Вражда къ добровольцамъ еще болѣе обострилась послѣ поспѣшной казни одного изъ наиболѣе популярныхъ членовъ Краевой Рады. Со стороны Грузіи доходили раскаты пламенной ненависти къ русскимъ. Ни съ чѣмъ уѣхала изъ ставки польская военная миссія, предлагавшая создать общій противо-большевистскій фронтъ. Было сравнено съ землей Гуляй-Поле, родина Махно, и крестьянскія банды послѣдняго жестоко мстили за своего «батька». Число зеленыхъ, сорганизованныхъ въ цѣлыя арміи, имѣвшія уже артиллерію, доходило только около Новороссійска до тридцати тысячъ. Петлюра организовалъ своихъ украинцевъ противъ добровольческой арміи; въ это же самое время вспыхивали распри въ сердцѣ послѣдней; начиналась борьба за распылявшуюся власть.

Но главное было все-таки — несочувствіе населенія. Что могли сдѣлать краснорѣчивые манифесты Деникина, когда въ Валуйкахъ плясалъ среди улицы съ бутылкою въ рукахъ пьяный ген. Шкуро, приказывая хватать женщинъ, какъ во времена половецкихъ набѣговъ? Что могли подѣлать жалкія картинки «Освага», когда по тихимъ станицамъ Кубани развозили «для агитаціи» въ стеклянныхъ гробахъ замученныхъ казаковъ; когда потерявшіе голову генералы замораживали въ степи цѣлыя арміи, когда Екатеринославъ былъ отданъ ген. Корвинъ-Круковскимъ на потокъ и разграбленіе, когда никто не могъ быть увѣренъ, что его не ограбятъ, не убьютъ безъ всякихъ основаній?!

Положеніе тщательно скрывали отъ населенія. Вѣшали за распространеніе «ложныхъ слуховъ». Но уже катилась отъ Курска, Харькова, Полтавы, неудержимая волна бѣженцевъ; уже сдали Кіевъ; возстаніе монархистовъ было въ Крыму; уже поѣздъ Деникина пришелъ изъ Таганрога въ Екатеринодаръ; эвакуировались учрежденія «Особаго Совѣщанія» и уѣзжали въ Новороссійскъ иностранныя миссіи. Начиналась паника и связанная съ нею жестокая, кровавая безтолочь. Величественное зданіе созданной патріотомъ Корниловымъ добровольческой арміи рушилось, падало и грозило похоронить подъ своими обломками правыхъ и виноватыхъ.

Эвакуація Таганрога захватила меня въ Екатеринодарѣ. Паника и безтолочь начинались и тамъ. Квартирьеры правительственныхъ учрежденій захватили главную улицу города, Красную. Выбрасывали цѣлые магазины. Въ это самое время начальникъ гарнизона издалъ приказъ, воспрещающій реквизиціи. Да и сами учрежденія не знали, куда они ѣдутъ, гдѣ останутся. Уже начинало дѣйствовать двоевластіе послѣ вынужденнаго примиренія съ Кубанскимъ Правительствомъ. Да, собственно говоря, не двоевластіе, а безвластіе, военный терроръ и бюрократическая анархія. Обыватели замерли въ страхѣ, горя ненавистью къ добровольцамъ. Тѣ видѣли это и, съ отчаяніемъ сжимая въ рукахъ оружіе, трепетали. Царили взаимное озлобленіе, вражда, предательство. Сказывались результаты произвола и хищничества. Желѣзнодорожныя власти продавали поѣзда правительственнымъ учрежденіямъ. Машинисты везли только за деньги и спиртъ, или съ приставленными къ ихъ вискамъ револьверами. Не-

скончаемыя вереницы пѣшеходовъ и экипажей, автомобилей и всадниковъ тянулись по невылазной грязи дорогъ — къ большой водѣ, къ Новороссійску.

На ст. Екатеринодаръ я встрѣтилъ дежурнаго генерала ставки Деникина. Онъ только что вышелъ изъ вагона, въ которомъ пріѣхалъ штабъ — съ дамами, съ дѣтьми, съ собаченками. Я спросилъ, куда онъ ѣдетъ? Дежурный генералъ отвѣтилъ:

— Я самъ не знаю.

Для меня стало ясно, что все кончено.

Когда я вернулся, въ Новороссійскѣ свирѣпствовалъ генералъ Корвинъ-Круковскій; надѣленный неограниченными полномочіями генераломъ Деникинымъ, безпросыпно пьяный, сквернословящій, онъ былъ страшенъ. Отходившія къ Новороссійску части задерживались перепуганнымъ офицерствомъ около станицы Крымской и жили грабежомъ. Слава Богу, что у Корвинъ-Круковскаго былъ трезвый адъютантъ, гуманный и умный человѣкъ, и, что непроспавшагося диктатора скоро догадались убрать.

Что-то невообразимое творилось «у большой воды». Улицы Новороссійска были переполнены офицерами съ винтовками, съ револьверами, съ ручными гранатами. Растерянность и испугъ ихъ однако были таковы, что не будь въ городѣ горсти англійскихъ войскъ и англійскаго броненосца за моломъ, какой-нибудь десятокъ головорѣзовъ захватилъ бы власть безъ сопротивленія. И это, несмотря на то, что по ночамъ ходили по улицамъ караульныя офицерскія роты съ пѣснями...

Никто не зналъ, гдѣ находился фронтъ. Слухи ходили самые невѣроятные. Ждали высадки 50.000 сербскихъ войскъ и жаловались на французовъ, которые ихъ будто бы не пускаютъ. Ждали, что городъ возьмутъ зеленые. Офицеры рѣшили въ случаѣ катастрофы силой оружія захватить пароходы, стоявшіе въ порту, и перебить всѣхъ штатскихъ, которые захотятъ спасаться съ ними вмѣстѣ. На улицу было опасно выходить: былъ изданъ приказъ о мобилизаціи для рытья окоповъ всѣхъ мужчинъ до 54 лѣтъ, и полиція использовала его по-своему. Людей хватали и заставляли откупаться. Нашего сотрудника начальникъ стражи, — тотъ самый, который захватилъ въ самой канцеляріи военнаго губернатора и его спасъ только правитель канцеляріи, — схватилъ за руку и втащилъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ тотъ и отсидѣлся.

На Стандартѣ, въ рабочей слободкѣ, около заводовъ, уже не стѣсняясь, дѣйствовали большевистскіе агитаторы. Собиравшіеся кучками оборванцы, плѣнные красные, посматривали на проходящихъ весьма недвусмысленно. Работаешь въ редакціи вечеромъ, случайно подымешь голову, а въ окно тебѣ показываютъ кулакъ или револьверъ.

Въ Новороссійскъ, къ «большой водѣ», начинался слетъ ученыхъ, писателей, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей — этихъ пасынковъ добровольческой арміи — подъ градъ сыпавшихся на нихъ нареканій, среди невыносимыхъ условій, буквально голодая, дѣлая свое дѣло, покидая оставляемые города послѣдними, часто бросаемые на произволъ судьбы, даже предаваемые.

Въ редакціи небольшой провинціальной газеты, гдѣ я работалъ, появились знаменитые писатели, редакторы толстыхъ журналовъ, люди съ міровой извѣстностью. Наскоро былъ созданъ союзъ литераторовъ и ученыхъ, касса взаимопомощи, бюро для регистраціи. Союзъ началъ, черезъ извѣстнаго англійскаго журналиста, г. Г. Вилліамсъ, хлопоты передъ британскими властями о спасеніи русской интеллигенціи, которую, конечно, бросили бы иначе на гибель.

«Освагъ», оскандалившійся и формально уже упраздненный, продолжалъ заявлять о своемъ существованіи обычной буффонадой. Такъ была расклеена афиша:

«Вниманію отъѣзжающихъ заграницу. Спѣшите записываться въ очередь къ позорному столбу въ день торжества Россіи».

На иностранныхъ пароходахъ сидѣли въ ожиданіи отплытія спекулянты и прочіе шакалы; рѣкой лилось шампанское.

Однажды въ редакцію ворвался господинъ высокаго роста, въ дворянской фуражкѣ, съ сѣдыми лакейскими баками. Отворивъ двери, онъ спросилъ:

— Это какая газета? Суворинская?

Ему отвѣтили:

— Нѣтъ.

Онъ крикнулъ:

— Я такъ и зналъ, что жидовская!

И хлопнулъ дверью. Это былъ В. М. Пуришкевичъ. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ отъ тифа.

Работать было почти невозможно. Настроеніе у прибывающихъ журналистовъ и писателей было нервное: всѣ они желали писать, садились къ столу, но ничего не выходило. Всѣ сбились съ толку, потеряли способность думать о чемъ-либо, кромѣ спасенія.

Однажды вечеромъ въ редакцію вошелъ высокій, немного сутуловатый человѣкъ въ барашковомъ пальто, съ коротко остриженной головой, съ небольшой бородой клинушкомъ, и окинулъ всѣхъ смѣлымъ, слегка насмѣшливымъ взглядомъ умныхъ глазъ изъ-подъ золотыхъ очковъ. Это былъ В. Л. Бурцевъ.

Его узнали; засуетились; усадили къ столу. Вл. Львовичъ, только-что сошедшій съ парохода, сѣлъ и, улыбнувшись довольно грустно, сказалъ:

— Услышалъ, что тутъ дѣлается, и прилетѣлъ... Гдѣ теперь Деникинъ?

На другой день онъ уѣхалъ въ ставку.

Не знаю, почему, но пріѣздъ въ Новороссійскъ, въ этотъ станъ погибающаго добровольчества, В. Л. Бурцева подѣйствовалъ необыкновенно ободряюще. Вспыхнула вѣра въ себя, надежда затеплилась въ сердцахъ. Бурцевъ пріѣхалъ, будетъ въ Ставкѣ, значитъ, еще не все кончено.

Говорили:

— Славный, смѣлый старикъ! Вѣроятно онъ тамъ узналъ что-нибудь такое въ Парижѣ... Развѣ онъ поѣхалъ бы сюда, если бы была опасность! Да, были бы мы теперь въ Парижѣ, калачемъ сюда не заманили бы!.. Навѣрное что-нибудь есть... Вѣдь не дуракъ же онъ на самомъ дѣлѣ?!

По ночамъ наша редакція превращалась въ ночлежку. Ночевали на столахъ, подъ столами, — всюду, куда было можно лечь, — писатели, дамы, даже бездомные солдаты и офицеры. Однажды выпросился переночевать начальникъ какого-то танковаго дивизіона съ нѣсколькими солдатами и инструкторами. Свою семью и танки онъ оставилъ въ ст. Крымской. Инженеръ по образованію, онъ мечталъ устроиться кочегаромъ на иностранный пароходъ и бѣжать. Настроеніе этого офицера было удивительное. Онъ разсказалъ:

— Ѣду сегодня въ вагонѣ. Рядомъ со мной усѣлся жидъ. Отвратительная жирная морда. На рукѣ перстень съ громаднымъ брилліантомъ. Его счастье, что скандала не хотѣлось; а я уже ощупалъ было револьверъ въ карманѣ... Вѣдь я все потерялъ, а у меня вальцевая мельница была около Полтавы...

Развѣ я не вправѣ вознаградить себя, ну... хоть за счетъ брилліанта этой акулы?

Узнавъ, что я въ этотъ день купилъ нѣсколько англійскихъ фунтовъ, — къ намъ постоянно заходили иностранные офицеры мѣнять валюту, — онъ насторожился, даже приподнялся съ постели, и спросилъ:

— У Васъ есть валюта?!

И только увидѣвъ мою жалкую «валюту», состоявшую изъ трехъ фунтовъ и пятнадцати франковъ, сказалъ:

— А я думалъ!..

И успокоился, не сказавъ, чтó онъ «думалъ».

Чтобы охарактеризовать нѣсколько общее настроеніе, я приведу еще небольшой случай.

Зашелъ къ намъ молоденькій, очень возбужденный офицеръ. Онъ разсказалъ:

— Ростовъ обратно взяли. Никакихъ большевиковъ не было!.. Все враки и жидовская провокація. Взбунтовались только мѣстные рабочіе. Мы ихъ успокоили. Я самъ вѣшалъ: по новому способу. Возьмешь двоихъ, накинешь петли и черезъ перекладинку: такъ они другъ друга и удавятъ!..

Былъ онъ очень истощенъ, весь въ грязи и походилъ на сумасшедшаго. Этотъ побѣдитель шелъ отъ усмиреннаго имъ Ростова пѣшкомъ и двое сутокъ стоялъ у какого-то моста, дожидаясь, когда можно будетъ пройти: по мосту тянулась кавалерія, везли орудія, обозы. Пѣшеходовъ сталкивали въ воду — чтобы не путались подъ ногами.

— Едва не умеръ съ голоду. Какой-то солдатъ ѣлъ огурецъ съ хлѣбомъ, пожалѣлъ: отдалъ половину огурца!..

Но — въ обратное взятіе Ростова все-таки повѣрили...

Ужасную ночь мы провели наканунѣ нашего, стараго стиля, новаго года. Голубые огни прожекторовъ съ кораблей пронизывали густой туманъ, нависшій надъ городомъ. Надъ нами встрѣчала новый годъ государственная стража, бѣжавшая изъ г. Изюма. Пьяные голоса горланили «Боже, царя храни». Потомъ началась пальба.

Пальба была по всему городу. Сначала стрѣляли пьяные — для встрѣчи Новаго Года. Дежурная офицерская рота приняла стрѣльбу за нападеніе зеленыхъ, вышла и открыла по пьянымъ огонь пачками. Пьяные отвѣчали. На утро я видѣлъ, что всѣ стѣны на Серебряковской были испещрены пулями.

Въ редакціи на этотъ разъ мы ночевали одни, я и товарищъ мой, Г., съ нашими женами. Подъ Новый Годъ у насъ не было хлѣба. Въ тѣсной каморкѣ куда-то ушедшаго идіота-сторожа, мы сидѣли на кипахъ бумаги, на покрытой паразитами постели сторожа. Изъ-за стрѣльбы было погашено электричество. Возились и дрались въ темной редакціи крысы. Жутко было. Прошлое вспомнилось; иныя, радостныя, шумныя встрѣчи Новаго Года. Никому не хотѣлось говорить.

И вдругъ я слышу въ потемкахъ негромкій, слегка простуженный голосъ Г.

— А знаешь, Гриша, — это онъ меня такъ называлъ, хотя я вовсе не Гриша. — Знаешь, Гриша, что мнѣ вотъ сейчасъ пришло въ голову?

Я отозвался:

— Говори.

— Пришло въ голову, что если бы мы, газетчики, не трусили, если бы мы писали всю правду, не боясь ни тюрьмы, ни пытокъ, то не пропало бы такъ, ни за что все это дѣло!..

Милый, наивный товарищъ! Какъ теперь слышу этотъ хриплый голосъ, эти простыя, святыя слова самоосужденія гонимаго, безсильнаго, безправнаго работника печати... Что могла бы сдѣлать, кому могла бы помочь наша съ тобою «правда»?

Тогда, я помню, сказалъ что-то неопредѣленное и промолчалъ. И до разсвѣта просидѣли мы, всѣ четверо, молча.

Другіе этого не говорили. Другіе были готовы, обвинять все и вся, за исключеніемъ себя однихъ. Они проклинали Россію, проклинали большевиковъ, проклинали неповинный, залитый собственной кровью народъ, проклинали иностранцевъ. Полные злобы и отчаянія, полные недовѣрія ко всѣмъ, полные вражды, они строили самые невѣроятные планы спасенія, эти проповѣдники, учители жизни, спасовавшіе въ свой черный часъ. Я знаю, что многіе изъ нихъ потомъ опомнились и мужественно оставались на своихъ постахъ до послѣдней минуты. Но благороднаго порыва простого, маленькаго газетнаго работника они не повторили. И, если-бъ могли повторить — не погибло бы начатое Лавромъ Корниловымъ дѣло!

На другой день делегаты нашего союза ѣздили къ польскому консулу вести переговоры объ эвакуаціи на зафрахтованномъ имъ для подданныхъ Рѣчи Посполитой пароходѣ. По дорогѣ у нихъ убили на козлахъ извозчика. Они вернулись ни съ чѣмъ. Приходилось думать каждому за себя.

Тогда я пошелъ въ открывшееся рядомъ съ редакціей, въ опустѣвшемъ «кафэ Махно», англійское эвакуаціонное бюро для семействъ офицеровъ и записался. Ждать было нечего.

На утро насъ разбудила орудійная пальба. Говорили, что большевики прошли ст. Тонельную, послѣдній оплотъ Новороссійска, гдѣ тогда рыли окопы. Это была обычная ложь. Къ вечеру выяснилось, что заняли зеленые Геленджикъ и, что съ моря ихъ обстрѣливаетъ французскій миноносецъ.

Ночью я уложилъ свои пожитки, а чуть свѣтъ, отправился въ городъ за извозчикомъ.

Дрогаль, молодой малый, былъ очевидно въ курсѣ дѣла:

— На «Ганноверъ»? Какъ не знать! Давай полторы тысячи!..

Однимъ ночлежникомъ въ редакціи стало меньше.

X

На «Ганноверѣ»

Глухо доносилась орудійная пальба изъ-за мола. Горы стали сѣрыя, траурныя, и къ вершинамъ ихъ плотно прилегали клочья облаковъ — вѣрный признакъ нордъ-оста. Точно нахмурились горы и сурово смотрѣли на лизавшія ихъ каменныя подножья волны. Чайки кричали и кувыркались, прыгало стадо дельфиновъ; крѣпчалъ вѣтеръ и на «Ганноверѣ» гордо трепался національный англійскій флагъ. Красная труба высоко вздымалась надъ стальнымъ кузовомъ громаднаго парохода.

Рослые, чисто-выбритые, прекрасно одѣтые англійскіе «томи» съ примкнутыми къ коротенькимъ винтовкамъ штыками стояли у пристани, пропуская по очереди прибывающія «офицерскія семьи» на «Ганноверъ». Ни толкотни, ни давки; все дѣйствовало какъ хорошо налаженная машина, подавляя своимъ спокойствіемъ и размѣренностью. Чувствовалось, что начинается что-то новое, непривычное.

Безконечные ряды подводъ, фаэтоновъ, автомобилей вытянулись вдоль берега. Здѣсь шла озлобленная руготня; визжала какая-то дама; ругались матерно наводящіе порядокъ полицейскіе.

Оборванные, вымокшіе рабочіе выгружали багажъ въ стоявшіе на путяхъ пристани вагоны. Вагоны подкатывали къ пароходу; и легко и быстро поднимались сундуки и чемоданы въ объемистыхъ веревочныхъ сѣткахъ, которыя безшумно опускались въ глубокіе трюмы «Ганновера».

У трапа стояли наши контръ-развѣдчики, провѣряя документы; за ними англійскій контроль зорко вглядывался въ лица проходящихъ. Ирландецъ въ беретѣ и съ ружьемъ пропускалъ пассажировъ наверхъ, гдѣ ихъ встрѣчалъ часовой, молча откидывая винтовку и снова загораживая ею проходъ къ трапу.

На скользкой, мокрой отъ дождя палубѣ насъ встрѣтилъ краснощекій матросъ, подхватилъ багажъ и повелъ мимо безчисленныхъ дверей и оконъ классныхъ помѣщеній, мимо паровыхъ лебедокъ, якорныхъ цѣпей и вентиляторовъ.

Проходя мимо знакомаго полковника съ запрятаннымъ въ штаны протезомъ вмѣсто ноги, я услышалъ сердитый шопотъ:

— Уже послана жалоба Деникину на этихъ подлецовъ! Понимаете, простой солдатъ-часовой толкнулъ въ грудь генерала. Комендантъ написалъ рапортъ, хотѣлъ отвезти въ городъ и, представьте, самого не пустили... Коменданта!

Я остановился; спросилъ:

— Какого коменданта Вы говорите?

Полковникъ удивился:

— Разумѣете, русскаго — коменданта парохода!

По крутой, скользкой лѣстницѣ спустились вслѣдъ за матросомъ внизъ. Удивительное зрѣлище представлялъ этотъ трюмъ парохода «Ганноверъ».

Это было громадное помѣщеніе съ желѣзными стѣнами, съ желѣзнымъ потолкомъ и желѣзными двухэтажными нарами, между которыми шли узкіе проходы. Свѣтъ слабо проникалъ сквозь тусклыя стекла иллюминаторовъ: горѣло нѣсколько электрическихъ лампочекъ. Среди сваленныхъ въ безпорядкѣ дорожныхъ корзинъ, картонокъ, сундуковъ, узловъ, копошились дамы въ каракулевыхъ сакахъ; какія-то старушки съ собаченками; генералы, статскіе, военные на костыляхъ, мамки съ ревущими ребятами. Все это металось, перегруживалось, плакало, грозилось кому-то жаловаться.

Этотъ трюмъ «Ганновера», въ которомъ мнѣ предстояло плыть съ «офицерскими семьями» на Принцевы Острова, сразу напомнилъ мнѣ знаменитый ночлежный домъ имени Ляпина въ Москвѣ, который недаромъ называли «броненосцемъ». Тѣ же желѣзныя нары, тотъ же яростный галдежъ, та же оголтѣлость толпы. Только тамъ лотошили московскіе золоторотцы, а здѣсь «интеллигенція». Когда мы пришли, всѣ койки были уже заняты положенными на нихъ вещами. Хоть уходи назадъ; но провожавшій насъ «джонни», какъ называютъ англійскихъ моряковъ, очевидно зналъ, что надо дѣлать. Онъ пре-

спокойно опустилъ нашу корзину на модную шляпу, занимавшую пустую койку и сказалъ, посмотрѣвши на номеръ нашего билета:

— That is your place! *

Онъ ушелъ; я взобрался на свое мѣсто на второмъ этажѣ и началъ наблюдать за происходившимъ.

Каждый, спускавшійся въ трюмъ, сначала растерянно оглядывался, потомъ какъ сумасшедшій бросался на первую попавшуюся койку, валился на нее животомъ, на другую бросалъ картонку, на третью узелъ, и вопилъ при этомъ, точно его рѣзали:

— Сюда, сюда, Ниночка! Жора, сюда, Маруся! Федоръ Адамовичъ, да занимай же скорѣе мѣсто напротивъ, чего ты воронъ считаешь!..

На одну койку сажали плачущаго ребенка; на другую привязали цѣпочкой собаченку съ испуганной мордочкой и дыбомъ стоящей шерстью.

Всюду ругались люди.

— Къ чертовой матери собакъ! Дѣтей положить некуда!

— Ступай самъ къ чертовой матери, большевикъ! — съ достоинствомъ отвѣчала на это владѣлица собаки, попыхивая папиросой.

— Мадамъ, я корпусный командиръ!..

— Я сама полковница!..

Больше всѣхъ надрывался и кричалъ уже взявшійся откуда-то «комендантъ трюма», какой-то худой, усатый господинъ съ полковницкими погонами; онъ бѣгалъ отъ койки къ койкѣ, утиралъ краснымъ платкомъ градомъ катившійся со лба потъ, клялся, что все «перетрется и устроится, когда отойдемъ»; дамы хватились за него, какъ за послѣднее спасеніе, что-то кричали, онъ вырывался, блѣдный, возбужденный, и бросался дальше. Сбрасывалъ чемоданы, съ мольбой складывалъ на груди руки; какая-то собаченка уже успѣла укусить его за руку, какая-то нянька кричала плачущимъ голосомъ:

— Барыня, барыня, смотрите, что дѣлаетъ! Родимыя, Неличку за ногу ухватилъ! Ахъ ты, каторжникъ!

— Вы не имѣете права! У меня мужъ...

Плакали дѣти, жалобно и безпомощно, какъ плачутъ дѣти.

На всю суматоху и безтолочь, безъ улыбки, съ серьезными бритыми лицами, смотрѣло нѣсколько чопорныхъ англійскихъ офицеровъ въ короткихъ, съ золотымъ галуномъ, тужуркахъ. Одинъ изъ нихъ остановилъ проходившаго мимо сбитаго съ толку «томми» и вмѣстѣ съ нимъ рѣшительно двинулся въ самую гущу орущихъ барынь, лающихъ собакъ, кого-то распекающихъ генераловъ, плачущихъ дѣтей — и въ какіе-нибудь четверть часа водворилъ порядокъ. Всѣ получили мѣста, причемъ множество коекъ оказалось свободными.

— Всегда у насъ такъ, — снявъ фражку и тяжело отдуваясь, ворчалъ комендантъ. — Народъ, а еще — «интеллигенція»! Хуже готтентотовъ!..

Начали устраиваться. Дамы помоложе тотчасъ же достали кокетливые пеньюары, чепчики съ лентами; на сѣрыхъ солдатскихъ одѣялахъ коекъ появились текинскіе ковры; между мѣстами заколыхались простыни, ситцевыя занавѣски. Скоро многія пассажирки улеглись съ сигаретками въ зубахъ въ живописныхъ позахъ на голубомъ и розовомъ атласѣ, обшитомъ прошивками и кружевомъ. Матери и няньки забѣгали съ горшочками, выплескивая ихъ содержимое въ иллюминаторы. Капризный голосокъ затянулъ:

* Это ваше мѣсто!

— Мама, чаю хочу, чаю!..

Въ трюмѣ было ужасно холодно: во время стоянки въ трубы не пускали паръ. Первыя замѣтили это дамы въ пеньюарахъ. Послышались негодующіе возгласы:

— Чортъ знаетъ, что! Мы не позволимъ! Вѣдь это хлѣвъ, а не пароходъ! Должны были предупредить. Мы бы не поѣхали. Да гдѣ же комендантъ?

Комендантъ опять заметался. На его счастье въ трюмъ спустился какой-то пожилой англичанинъ съ трубкой въ зубахъ. Комендантъ схватилъ его за руку, подтащилъ къ батареѣ отопленія и, показывая въ воздухъ руками, кричалъ ему въ ухо:

— Паръ, паръ! Вы понимаете — паръ!

Англичанинъ смотрѣлъ на него благосклонно и попыхивалъ трубкой. Потомъ похлопалъ его по плечу и сказалъ:

— Карошо? Добро!

И, кивнувъ ему головой, ушелъ, попыхивая трубкой.

Комендантъ безсмысленно улыбался, глядя ему вслѣдъ. Вдругъ какой-то старенькій генералъ съ Владиміромъ на шеѣ поднялся съ корзины, на которой онъ до тѣхъ поръ сидѣлъ, смиренно кушая бутербродъ; поднялся и крикнулъ:

— Господа! Да какой же онъ комендантъ, когда онъ по-англійски не понимаетъ?!

Однако усатый полковникъ запротестовалъ и съ достоинствомъ «доложилъ его превосходительству», что его назначилъ русскій комендантъ парохода. Раздались голоса:

— А коменданта парохода кто назначилъ? Имъ бы только хапать!..

— Здѣсь не на берегу, здѣсь мы сами коменданты!.. Мы протестуемъ!..

Наконецъ появился комендантъ парохода, маленькій, присадистый, краснолицый генералъ. Хриповатымъ, жирнымъ, словно бульдожьимъ баскомъ, онъ обратился къ шумѣвшимъ пассажирамъ:

— Прошу успокоиться... Паръ пустятъ, когда тронется пароходъ... Полковникъ, я прошу сообщать о тѣхъ, кто позволяетъ себѣ безпорядки!..

Генералъ очевидно умѣлъ разговаривать съ взволнованными людьми. Весь трюмъ моментально умолкъ. Полковникъ сдѣлалъ подъ козырекъ и сказалъ:

— Слушаю, Ваше Превосходительство!

И съ торжествомъ посмотрѣлъ на притихшихъ пассажировъ:

— Что взяли?

Генералъ съ достоинствомъ удалился. Впослѣдствіи оказалось, что комендантомъ парохода онъ самъ себя назначилъ; и за это всю дорогу ѣхалъ въ каютѣ второго класса, а не въ трюмѣ, пользуясь всѣми прерогативами законной власти.

Отъ холода заткнули иллюминаторы подушками, пеленками, тряпками. Отъ этого не сдѣлалось теплѣе, но стало темно. Давалъ себя чувствовать голодъ. Вскорѣ однако комендантъ трюма объявилъ:

— Прошу обратить вниманіе: въ шесть часовъ дадутъ чай и бутерброды. Горячій обѣдъ завтра!

Когда совсѣмъ стемнѣло, нѣсколько молоденькихъ «томми» принесли большой, дымящій паромъ, котелъ съ приготовленнымъ по-англійски, прямо съ молокомъ и сахаромъ, чаемъ и нѣсколько лотковъ съ бутербродами. Увидѣвъ, что

принесли ужинъ, пассажиры бросились всѣ разомъ, съ такой дикой жадностью, что «томми» попятились назадъ.

Началась сцена, на которую было стыдно и больно смотрѣть. Около бутербродовъ поднялась свалка. Ихъ вырывали другъ у друга, обливались чаемъ, пробовали и съ отвращеніемъ выплескивали обратно въ котелъ. Кричали:

— Что это за бурду принесли? Почему не предупредили, что будутъ кормить, какъ свиней?!..

Но кружки продолжали вырывать другъ у друга; запихивали бутерброды въ ротъ, совали въ карманы, и съ полными ртами кричали:

— Женя, да чего же ты стоишь столбомъ! Бери на троихъ!.. Куда Вы безъ очереди лѣзете, мадамъ? Вы думаете, я не вижу, что Вы въ третій разъ?!..

Потомъ изъ корзинокъ, бауловъ, мѣшковъ стали появляться огромные хлѣбы, домашнее печенье, малороссійская колбаса, жареныя индѣйки. Молчаніе воцарилось во всемъ трюмѣ. «Томми» жалостливо поглядывали на голодныхъ людей, предлагали принести еще чаю. Давали шоколадъ дѣтямъ.

Начали укладываться; и опять брань, жалобы, угрозы донести начальству, что тюфяки жесткіе, что нечѣмъ дышать, что ѣдутъ какіе-то мужики, что такъ невозможно. Наконецъ угомонились и заснули.

Ночью въ трюмъ спустились англійскіе доктора и дежурный вахтенный офицеръ. Они открыли всѣ иллюминаторы — въ трюмѣ стоялъ такой «духъ», что тошнило! Я видѣлъ, какъ, проходя по узкимъ коридорамъ между койками, они съ недоумѣніемъ смотрѣли на валявшіеся на полу бутерброды, куски сыру, консервовъ. Послѣ пришли «томми» съ вѣниками и совками и выбросили все это въ море.

Я не могъ заснуть; поднялся и вышелъ на палубу. Нордъ-остъ уже разыгрывался. Палуба была засыпана снѣгомъ; въ воздухѣ, подъ черной водой трепалась подъ яростными порывами вѣтра бѣлая пелена падающихъ хлопьевъ. Быстро неслись обрывки тучъ по черному, беззвѣздному небу; голубой лучъ прожектора ложился попеременно на тучи и на волны, хлеставшія уже довольно сильно стальные борты «Ганновера». Со стороны Геленджика бухали тяжелыя орудія: словно вздыхалъ въ горахъ какой-то великанъ, тяжело сотрясая ночной воздухъ. Новороссійска не было видно. Одиночные огоньки мелькали кое-гдѣ сквозь снѣжную пелену. Все было мертво. Но чудилась во всемъ этомъ жуткая жизнь. Что-то насторожилось и пряталось въ потемкахъ, большое, хищное, злое. И вдругъ острая жалость къ этому темному городу, къ безпредѣльнымъ просторамъ, разстилавшимся за нимъ, охватила сердце нестерпимою болью. Хотѣлось охватить руками эти околдованные чарами смерти просторы съ потерявшимися въ нихъ спящими деревушками, городами, съ милліонами истерзанныхъ людей!.. А свирѣпый нордъ-остъ свистѣлъ въ снастяхъ, гналъ по небу обрывки тучъ и кружилъ по мокрой палубѣ снѣгъ.

Внизу, разметавшись, спали женщины, дѣти, инвалиды, старые, важные даже во снѣ, генералы. Слышалось сонное бормотаніе, храпъ. Паръ пустили, и въ трюмѣ стало тепло. Кто-то уже успѣлъ закрыть всѣ иллюминаторы.

Мнѣ съ моей верхней койки было видно все это становище безпокойно спящихъ людей. Изгнанники, что ихъ ждетъ тамъ, гдѣ за бѣлѣющимъ моломъ бѣшенно скачутъ волны, гдѣ мракъ закрываетъ просторы, таящіе мрачное будущее?..

Вечеромъ на другой день къ «Ганноверу», суетливо сопя, подошелъ небольшой черный буксиръ и потащилъ оторвавшагося отъ стѣнки дебаркадера гиганта за молъ, въ открытое море.

Смеркалось; мимо проплыли «справляющіе революцію» темные заводы. Метель выла въ горахъ, а тучи все еще плотно прижимались къ вершинамъ, скрывая отъ глазъ домикъ «гастронома». Вотъ и часовой въ лохматой папахѣ на концѣ мола. Прошелъ весь залитый огнями сѣрый дредноутъ съ бѣлымъ адмиральскимъ флагомъ. И уже свободно катились вдаль широкія волны, не встрѣчая преградъ. «Ганноверъ», слегка покачиваясь и высоко разбрасывая холодную соленую воду, шелъ полнымъ ходомъ. Борта облѣпили машущіе неизвѣстно кому бѣлыми платками эмигранты. Многіе плакали навзрыдъ. Надвигалась съ востока черная мгла.

Красный Судъ

Впечатлѣнія защитника въ революціонныхъ трибуналахъ

Сергѣя Кобякова

«Горе вамъ, убійцы народовъ . . .»

I

Реформа судебныхъ установленій

Захвативши власть, большевики немедленно приступили къ «реформамъ». Началась ломка всѣхъ старыхъ порядковъ и плохихъ, и хорошихъ, и замѣна всего стараго — новымъ, соотвѣтствующимъ новому строю. Радикальной ломкѣ подверглись и старыя судебныя установленія. Вышелъ декретъ, которымъ уничтожались всѣ старые суды, начиная отъ Сената и кончая судами мировыми. Были созданы новые суды. Большевики любятъ подражать Великой Французской Революціи и поэтому новые суды были названы трибуналами. Былъ созданъ Верховный Революціонный Трибуналъ, единственное судилище на всю совѣтскую Россію, которое должно было разбирать дѣла о государственной измѣнѣ, спекуляціи и саботажѣ, разъ эти дѣла имѣли государственное значеніе. Приговоры этого суда не могли быть обжалованы ни въ апелляціонномъ, ни въ кассаціонномъ порядкѣ. Приговоръ никѣмъ не утверждался и долженъ былъ приводиться въ исполненіе въ теченіе 24 часовъ. Первоначально составъ Верховнаго Трибунала былъ семичленный, — предсѣдатель и шесть постоянныхъ членовъ, назначаемыхъ центральной властью. Но, спустя короткое время, семичленный составъ былъ замѣненъ трехчленнымъ, причемъ въ качествѣ судей назначались члены Ц. И. К. Основаніемъ для такого измѣненія была, повидимому, недостаточная суровость приговоровъ. И, дѣйствительно, послѣ этой «реформы» смертная казнь стала почти единственнымъ приговоромъ, выносимымъ Верховнымъ Трибуналомъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ былъ созданъ революціонный трибуналъ, который вѣдалъ дѣла всей губерніи.

Компетенція его не была достаточно установлена и ему подсудны были дѣла о спекуляціи и саботажѣ, не имѣющія государственнаго значенія и, кромѣ того, и другія разнообразныя дѣла, которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ хотѣли изъять отъ народныхъ судей и предать въ революціонный трибуналъ. Здѣсь большевики пошли дальше царскихъ суровыхъ законовъ. Въ дореволюціонное время власть въ лицѣ командующаго войсками въ мѣстностяхъ, объявленныхъ

на положенiи усиленной охраны, могла передавать обще-уголовныя дѣла въ исключительные суды, и въ законѣ былъ точный перечень подобныхъ преступленiй: убiйство, разбой, грабежъ, поджогъ, потопленiе и изнасилованiе. Я не говорю о дѣлахъ политическихъ, которыя весьма часто передавались въ военные суда. Большевики расширили это уродливое явленiе, и въ исключительные суда передавались всѣ литературныя дѣла, дѣла о растратѣ частныхъ денегъ, мелкiя мошенничества и т. п. Составъ революцiонныхъ трибуналовъ былъ сначала тоже семичленный, но вскорѣ по тѣмъ же основанiямъ былъ замѣненъ трехчленнымъ. Въ Москвѣ, кромѣ губернскаго трибунала, былъ созданъ еще городской революцiонный трибуналъ, который судилъ за преступленiя, совершенныя въ Москвѣ. На приговоры революцiонныхъ трибуналовъ можно было приносить кассацiонныя жалобы и протесты. Но декреты разрѣшали жаловаться и по существу, если жалобщикъ находилъ приговоръ несправедливымъ.

Уничтоживъ Сенатъ, большевики создали свою кассацiонную инстанцiю — Кассацiонный Трибуналъ, единственный на всю Совѣтскую Россiю, который долженъ былъ слѣдить за чистотою процесса и устанавливать единообразiе судебныхъ формъ производства. Этотъ институтъ былъ поистинѣ интернацiональнымъ. Предсѣдателемъ былъ латышъ Карклинъ, который въ то же время состоялъ предсѣдателемъ Верховнаго Трибунала, членами — нѣмецъ и еврей. Кажется, это были всѣ совѣтскiе сенаторы. Среди членовъ Кассацiоннаго Трибунала былъ Могилевскiй, единственный юристъ, который совмѣщалъ эту должность съ должностью . . . помощника обвинителя при Верховномъ Трибуналѣ. И встрѣчались такiе нелѣпости. По дѣлу слѣдователей, обвинявшихся въ полученiи взятки, Могилевскiй былъ однимъ изъ обвинителей. Когда Крыленко обжаловалъ приговоръ къ Кассацiонный Трибуналъ, то въ Трибуналѣ засѣдалъ тотъ же Могилевскiй. Протестъ противъ такого невозможнаго совмѣщенiя былъ отвергнутъ, какъ буржуазный предразсудокъ.

Кассацiонный Трибуналъ присвоилъ себѣ функцiи и апелляцiоннаго суда. Не разбирая дѣла по существу, онъ то уменьшалъ, то увеличивалъ наказанiе, назначаемое Революцiоннымъ Трибуналовъ. Обвиняемые въ засѣданiе Кассацiоннаго Трибунала не вызывались.

Московскiй Революцiонный Трибуналъ приговорилъ слѣдователей, обвинявшихся въ полученiи взятки, къ тюремному заключенiю на шесть мѣсяцевъ. Какъ извѣстно, большевики отмѣнили законы, регулирующiе наказанiе за каждое преступленiе и единственнымъ мѣриломъ наказанiя была «революцiонная совѣсть» судей. Крыленко. обвинявшiй по этому дѣлу, негодовалъ. Онъ подалъ кассацiонный протестъ, и во время нахожденiя дѣла въ производствѣ Кассацiоннаго Трибунала провелъ декретъ, въ силу котораго наказанiе за принятiе взятки должно было быть не менѣе пяти лѣтъ общественныхъ работъ. На засѣданiи Кассацiоннаго Трибунала Крыленко требовалъ увеличенiя наказанiя до пяти лѣтъ, въ виду существованiя декрета, хотя этотъ декретъ и появился послѣ суда надъ слѣдователями и послѣ подачи протеста. Кассацiонный Трибуналъ пошелъ дальше и увеличилъ наказанiе обвиняемымъ до десяти лѣтъ общественныхъ работъ.

Помню дѣло священника З., слушавшееся въ Кассацiонномъ Трибуналѣ по жалобѣ защиты. Священникъ З. судился въ Витебскомъ Революцiонномъ Трибуналѣ. Онъ обвинялся въ контръ-революцiи. Вина его заключалась въ томъ, что во время антибольшевистскихъ волненiй въ городѣ Городкѣ, онъ отказался идти успокаивать разъяренную толпу горожанъ, когда на смерть перепуган-

ные коммунисты прибѣжали къ нему за помощью. Трибуналъ приговорилъ его къ разстрѣлу. Когда открылось засѣданіе Витебскаго Трибунала, вмѣсто семи судей, которые должны были быть въ составѣ Трибунала, налицо оказалось только шесть. Трибуналъ этимъ не смутился и открылъ засѣданіе. Во время чтенія обвинительнаго акта ушли еще два члена Трибунала, а во время объясненія обвиняемыхъ налицо было только три члена. На слѣдующій день засѣданіе открылось въ присутствіи пяти членовъ, а потомъ и это количество растаяло и были моменты, когда во время судебнаго засѣданія за судейскимъ столомъ сидѣлъ одинъ предсѣдатель. Все это защита занесла въ протоколъ. До засѣданія я пошелъ поговорить по этому дѣлу съ Крыленко. Онъ признавалъ, что судьи поступили неправильно, но считалъ, что это не могло отразиться на правильности приговора, такъ какъ судьи «навѣрное разсказывали другъ другу то, что происходило въ ихъ отсутствіи». Мнѣ стоило большихъ трудовъ убѣдить этого неудачливаго генералъ-прокурора высказатся за отмѣну приговора.

Въ Москвѣ большевики пытались создать народный окружный судъ на подобіе старыхъ окружныхъ судовъ. Трудно сказать, какія дѣла должны были поступать въ этотъ судъ. Повидимому, объ этомъ не знали и лица, стоявшія во главѣ совѣтской юстиціи. Въ дѣйствительности туда поступали и дѣла о спекуляціи и объ убійствѣ и кражахъ. Составъ суда состоялъ изъ предсѣдателя и двѣнадцати засѣдателей — членовъ коммунистической партіи. Сидѣли эти господа вмѣстѣ за однимъ судейскимъ столомъ и вмѣстѣ совѣщались. Большевики очень гордились этимъ нововведеніемъ. Когда мы говорили представителямъ совѣтской юстиціи, что это громадный шагъ назадъ по сравненію съ судомъ присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ у засѣдателей отнята самостоятельность обсужденія дѣла, то большевики обычно отвѣчали: «Наши товарищи коммунисты судятъ на основаніи революціонной совѣсти и никакой предсѣдатель, даже если онъ буржуй, не сможетъ сбить ихъ съ толка». Засѣдателями въ окружномъ судѣ бывали и женщины, часто очень почтенныя старушки, которыхъ, повидимому, голодъ загналъ въ коммунистическую партію. Послѣ нѣсколькихъ трогательныхъ фразъ, произнесенныхъ защитникомъ, эти старушки начинали плакать и поэтому приговоры въ окружномъ судѣ выносились крайне мягкіе, иногда доходившіе до абсурда. Однажды въ окружномъ судѣ судился красноармеецъ, незадолго вернувшійся изъ плѣна. Милиціонеръ на Сухаревой башнѣ обидѣлъ его товарища. Послѣдній прибѣжалъ въ Спасскія казармы и разсказалъ объ обидѣ. Обвиняемый выскочилъ на улицу съ ружьемъ, разыскалъ обидчика и выстрѣломъ въ упоръ убилъ его наповалъ. Когда обвиняемый на судѣ сталъ разсказывать о своихъ боевыхъ ранахъ, о томъ, какъ онъ страдалъ въ нѣмецкомъ плѣну, засѣдатели плакали. Приговоръ былъ таковъ: красноармейца признать виновнымъ въ убійствѣ милиціонера и вынести ему «общественное порицаніе».

Въ другой разъ во время судебнаго слѣдствія обнаружилось, что все дѣло спровоцировано агентами Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи. Судъ постановилъ обвиняемаго оправдать, а агента чрезвычайки предать суду, причемъ послѣдній былъ немедленно арестованъ. Такое веденіе дѣлъ не могло, конечно, нравиться заправиламъ, и народный окружный судъ былъ очень скоро ликвидированъ.

Всѣ остальныя уголовныя дѣла, которыя не попадали ни въ Верховный, ни въ Революціонный трибуналы, разбирались въ народныхъ мировыхъ судахъ.

Составъ этихъ судовъ былъ трехчленный, предсѣдатель и два судьи — члены коммунистической партіи.

«Великая реформа» коснулась и предварительнаго слѣдствія и положенія защиты.

Вначалѣ своего царствованія большевики ввели въ революціонныхъ трибуналахъ публичныя преданія суду. На засѣданіе были допущены не только оффиціальные представители сторонъ, но каждый изъ публики могъ взять на себя роль защитника, или обвинителя, и сообразно своимъ взглядамъ или доказывать необходимость прекратить дѣло, или требовать преданія суду. То же самое сначала допускалось во время судебнаго слѣдствія. Но скоро публичность преданія суду была отмѣнена, а затѣмъ состоялось распоряженіе о недопущеніи въ эти засѣданія и защитниковъ. Такимъ образомъ, большевики вернулись къ старому порядку, исказивъ его. Присяжная адвокатура была уничтожена. Вмѣсто сословія присяжныхъ повѣренныхъ была создана коллегія правозаступниковъ *. Коллегія была автономна и имѣла свой выборный совѣтъ изъ 12 членовъ. Совѣтъ принималъ желающихъ въ члены коллегіи, причемъ не долженъ былъ мотивировать отказъ въ пріемѣ. Такъ какъ, согласно декрета, для поступленія въ члены коллегіи не требовалось никакого образованія, тѣмъ болѣе юридическаго, совѣтъ стали осаждать прошеніями о пріемѣ люди, не имѣющіе никакого отношенія къ адвокатурѣ, бывшіе приказчики, торговцы, прекратившіе торговлю, и такъ-называемые «аблакаты» изъ-подъ Иверской **. Совѣтъ всѣмъ имъ, конечно, въ просьбѣ отказывалъ и за свое шестимѣсячное существованіе не принялъ ни одного не-юриста. На этой почвѣ у совѣта возникъ цѣлый рядъ конфликтовъ съ Юридическимъ отдѣломъ, который у большевиковъ по отношенію къ адвокатурѣ игралъ роль судебной палаты. Часто Юридическій отдѣлъ запрашивалъ совѣтъ правозаступниковъ, на какомъ основаніи такое-то лицо, членъ коммунистической партіи, не принятъ въ коллегію. Совѣтъ неизмѣнно отвѣчалъ, что онъ не обязанъ мотивировать своего отказа. «Этакъ вы и Максима Горькаго не примете», сказалъ однажды предсѣдатель Юридическаго отдѣла Чегодаевъ, нынѣ на радость многимъ ушедшій въ заоблачныя выси.

Права членовъ коллегіи почти не отличались отъ правъ членовъ присяжной адвокатуры. Членъ коллегіи назначался совѣтомъ на казенныя защиты, могъ вести любыя дѣла, могъ давать совѣты на дому и могъ вступать въ соглашенія съ своими подзащитными, но такого порядка большевики долго не могли терпѣть. Перваго марта 1919 года коллегія правозаступниковъ была упразднена, а на ея мѣсто создалась новая коллегія, которой большевики присвоили нелѣпое названіе «Коллегія правозащитниковъ, обвинителей и представителей сторонъ». Декретъ опредѣлилъ число членовъ этой коллегіи въ 200 человѣкъ, но пожелало вступить въ нее только 60 лицъ. (Въ упраздненной коллегіи правозаступниковъ въ Москвѣ было больше 800 членовъ.) Члены новой коллегіи получали отъ Правительства жалованье и обязаны были по назначенію обвинять и защищать. Они не имѣли права вести самостоятельно никакихъ дѣлъ, имъ строжайше было запрещено принимать кліентовъ на дому подъ страхомъ привлеченія къ суду за шантажъ (?).

* Все, что я говорю о коллегіи правозаступниковъ и коллегіи обвинителей, относится къ Москвѣ и центральнымъ губерніямъ.

** Такъ назывались въ Москвѣ бывшіе люди, которые стояли у часовни Иверской Божьей Матери и за бутылку водки писали прошенія темному люду.

Обвиненіе было сорганизовано при Ц. И. К. и носило весьма длинное названіе: «Коллегія обвинителей при Верховномъ Революціонномъ Трибуналѣ при Ц. И. К.». Во главѣ коллегіи обвинителей стоялъ бывшій главковерхъ Крыленко, который дѣйствительно и былъ вдохновителемъ и руководителемъ совѣтской юстиціи, такъ какъ народный комиссаръ юстиціи, робкій и безвольный Курскій мало вмѣшивался въ дѣла своего вѣдомства.

При Верховномъ Революціонномъ Трибуналѣ была слѣдственная комиссія, возглавляемая супругой г. Крыленко, госпожей Размировичъ, женщиной жестокой и ограниченной. На самомъ дѣлѣ всѣми слѣдственными дѣйствіями руководилъ Крыленко, который и выступалъ по этимъ же процессамъ въ качествѣ обвинителя.

При революцонныхъ трибуналахъ были свои слѣдственныя комиссіи, состоявшія изъ безчисленнаго множества слѣдователей. Большинство ихъ были желторотые юноши и барышни съ пышными прическами, важно ходившія на высокихъ каблукахъ. Безграмотны они были до абсурда. Поэтому въ каждомъ слѣдственномъ производствѣ встрѣчались вопіющіе недочеты, которые на судѣ трагически отражались на судьбѣ обвиняемыхъ. Кромѣ того, большинство слѣдователей брали взятки.

Такова была большевистская реформа стараго суда, которая дала такіе кровавые результаты. Я думаю, что въ настоящее время дѣло совѣтскаго правосудія еще ухудшилось, ибо въ маѣ 1921 года вышелъ декретъ которымъ предписывалось трибуналамъ не объявлять подсудимымъ, въ чемъ ихъ обвиняютъ.

Этимъ декретомъ большевики выдали себѣ достойный аттестатъ...

II

Возстановленіе смертной казни. — Дѣло адмирала Щастнаго. — Дѣло 15 провокаторовъ

Зданіе Судебныхъ Установленій въ Москвѣ мало пострадало отъ возстанія, но зато большевики постарались изгадить его внутри, и за нѣсколько дней ихъ господства помѣщеніе суда приняло совсѣмъ большевистскій видъ. Въ комнатѣ, гдѣ хранились вещественныя доказательства, подчасъ очень цѣнныя, все было вверхъ дномъ. Всѣ цѣнности были похищены. Въ уголовныхъ отдѣленіяхъ лежали на полу груды порванныхъ дѣлъ. Казалось, что какіе-то люди искали «свои дѣла», чтобы ихъ уничтожить. Нѣкоторыя залы засѣданій были превращены въ уборныя.

Въ комнатѣ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ были разбиты и разорваны портреты всѣхъ предсѣдателей Совѣта, а портретъ С. А. Муромцева работы великаго художника Сѣрова былъ прострѣленъ около сердца. Позднѣе этотъ портретъ, который по справедливости могъ считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній Сѣрова, былъ украденъ. Словомъ, все было изгажено и испорчено.

Но большевики не могли удержаться отъ фарисейскаго жеста. Въ «Митрофановскомъ» залѣ, въ которомъ долженъ былъ засѣдать Верховный Трибуналъ, было мѣсто для обвиняемыхъ, обнесенное рѣшеткой. Большевики немедленно сняли рѣшетку. «Развѣ можно допустить, чтобы свободный гражданинъ соціалистической республики сидѣлъ за рѣшеткой». Вмѣсто рѣшетки поставили ла-

тышей, которые съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ царскіе конвойные, охраняли обвиняемыхъ. И большинство «свободныхъ гражданъ» изъ этого мѣста шли на смерть... Это можно въ «соціалистической республикѣ»...

* * *

Первое дѣло, которое слушалось въ Верховномъ Трибуналѣ, было дѣло адмирала Щастнаго. Онъ обвинялся въ государственной измѣнѣ. Надо сказать, что у большевиковъ судятъ не по закону, а по «революціонной совѣсти». Всѣ статьи закона матеріальнаго и процессуальнаго права уничтожены. Поэтому опредѣленіемъ преступленія судьи не стѣсняются. Почти всѣ преступленія подводятся ими подъ «государственную измѣну», или подъ «спекуляцію».

«Государственная измѣна» Щастнаго заключалась въ томъ, что онъ не исполнилъ приказа комиссара по военнымъ и морскимъ дѣламъ Троцкаго и тѣмъ спасъ Балтійскій флотъ.

Защищалъ Щастнаго В. А. Ждановъ, бывшій защитникъ Каляева. Второго защитника А. С. Тагера Верховный Трибуналъ не допустилъ. Я помню, лѣтъ десять назадъ нѣкоторые суды стали отказывать обвиняемому въ допущеніи второго защитника, основываясь на произвольномъ толкованіи статей Устава Уголовнаго Судопроизводства. Какъ возмущалось этимъ общественное мнѣніе! Какъ протестовали всѣ, въ томъ числѣ и большевики, видя въ этомъ стѣсненіе правъ защиты! А теперь. Возвысилъ ли кто протестующій голосъ? — Нѣтъ! Спасибо, что допустили хотя одного защитника.

Недѣли за двѣ до слушанія дѣла Щастнаго, очередной съѣздъ совѣтовъ отмѣнилъ смертную казнь по суду. Но черезъ нѣсколько дней Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ издалъ декретъ, которымъ разрѣшалъ судьямъ революціонныхъ трибуналовъ не стѣсняться въ выборѣ мѣры наказанія. Сопоставляя этотъ декретъ съ положеніемъ объ отмѣнѣ смертной казни по суду, нужно было признать, что трибуналы могли налагать любое наказаніе, вплоть до безсрочныхъ общественныхъ работъ, за любое преступленіе.

Когда защитникъ Ждановъ, котораго, повидимому, волновалъ декретъ народныхъ комиссаровъ, упомянулъ въ защитительной рѣчи о смертной казни, онъ былъ немедленно остановленъ предсѣдателемъ Карклинымъ. Казалось, при такомъ положеніи можно было быть спокойнымъ за жизнь Щастнаго.

Недолго совѣщался Трибуналъ. Наконецъ, онъ вышелъ, и предсѣдатель Карклинъ, латышъ, на ломанномъ русскомъ языкѣ сталъ читать приговоръ: «бывшаго адмирала Щастнаго признать виновнымъ въ государственной измѣнѣ...» тутъ Карклинъ остановился, сдѣлалъ минутную паузу и закричалъ во весь голосъ: «разстрѣлять въ 24 часа».

И вспомнилось недоброе старое время, вспоминались военные суды и палачъ — судья Милковъ. Тѣ же пріемы, тѣ же ухватки. У Милкова было обыкновеніе во время чтенія приговора дѣлать паузу передъ фразой, которая должна была разрѣшить вопросъ жизни или смерти обвиняемаго. Бывало, ждешь этой минуты, и сердце готово лопнуть отъ волненія. А о н ъ молчитъ и въ упоръ смотритъ на обвиняемаго и только розовое пятно на его лбу (мы звали это пятно «печатью дьявола») дѣлается багровымъ. Промедлитъ минуту, доведетъ обвиняемаго до обморочнаго состоянія, и спокойно скажетъ: «призналъ виновнымъ и приговорилъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни черезъ повѣшеніе»... Какая радость охватила насъ, когда послѣ февральской

революціи правительство уничтожило смертную казнь. Чувствовали, что можемъ спокойно умереть. Восторжествовало то, за что мы боролись всю жизнь. И какъ насмѣялась надъ нами дѣйствительность...

Всѣ присутствующіе застыли отъ изумленія: «Какъ, смертная казнь? Вѣдь она отмѣнена съѣздомъ совѣтовъ, вѣдь предсѣдатель не позволилъ защитнику въ рѣчи говорить о ней...» Бросились къ Крыленко, который обвинялъ Щастнаго. — «Чего вы волнуетесь, — сказалъ этотъ оберъ-фарисей, — Щастный не приговоренъ къ смерти. Если бы его приговорили, то предсѣдатель прочелъ бы: «Щастнаго приговорить къ смерти», а предсѣдатель огласилъ: «Щастнаго разстрѣлять», — а это не одно и то же».

Редактору Московскихъ «Извѣстій», Стеклову, повидимому, понравилось это геніальное толкованіе, и на слѣдующій день это заявленіе было напечатано въ оффиціальной газетѣ.

Среди членовъ Трибунала, осудившихъ Щастнаго на смерть, былъ рабочій Галкинъ. Этотъ человѣкъ когда-то, при царѣ, былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смерти, и отъ смерти его спасла энергія его защитника В. А. Жданова, теперешняго защитника Щастнаго. Мы узнали «тайну совѣщательной комнаты». Больше всѣхъ настаивалъ на смерти этотъ Галкинъ; онъ произносилъ въ совѣщательной комнатѣ рѣчи, онъ всячески склонялъ колеблющихся и добился своего. Такъ отплатилъ этотъ негодяй за свою спасенную жизнь.

Черезъ 24 часа Щастный былъ разстрѣлянъ. Онъ умеръ весьма мужественно.

* * *

Первый вынесенный Трибуналомъ приговоръ взволновалъ насъ всѣхъ. Мы понимали, что достаточно вынести первый приговоръ, какъ въ дальнѣйшихъ не будетъ недостатка. Мы уже видѣли, во что вылились въ чрезвычайкахъ звѣрскіе инстинкты большевиковъ.

Будущее не замедлило оправдать наши опасенія. Спустя нѣкоторое время послѣ убійства Щастнаго въ Верховномъ Трибуналѣ разсматривалось дѣло о 15 «провокаторахъ». Всѣ они, будучи членами соціалистическихъ партій, были при царѣ агентами охранныхъ отдѣленій. При Временномъ Правительствѣ «провокаторовъ» судилъ Совѣстный Судъ. Часть была освобождена изъ тюрьмы, а пятнадцать человѣкъ рѣшено было оставить въ тюрьмѣ до созыва Учредительнаго Собранія, которое и должно было бы рѣшить, какъ съ ними поступить.

Защитники были по назначенію профессіональнаго союза адвокатовъ. Верховный трибуналъ приговорилъ восемь человѣкъ къ смерти, а остальныхъ къ общественнымъ работамъ. Жены и дѣти осужденныхъ бросились на квартиру предсѣдателя Центральнаго Исполнительнаго Комитета Свердлова и стали умолять его о пощадѣ.

Свердловъ принялъ ихъ весьма сурово.

«Я — глава Россійской Соціалистической Республики, — сказалъ онъ. Мнѣ только стоитъ поднять трубку телефона, и всѣ они будутъ живы. Но я этого не сдѣлаю». Но онъ лгалъ. Въ то время, когда Свердловъ издѣвался надъ чувствами матерей и женъ, провокаторовъ уже не было въ живыхъ. Ихъ разстрѣляли немедленно послѣ суда.

Теперь не оставалось никакого сомнѣнія, что смертная казнь будетъ самымъ популярнымъ наказаніемъ у большевиковъ.

III

Дѣло представителя англійской миссіи Локкарта

Обвиненіе противъ Локкарта, какъ оно вылилось въ обвинительномъ актѣ, заключалось въ слѣдующемъ: Въ серединѣ 1918 года англійскій лейтенантъ Райли, состоявшій при англійской дипломатической миссіи, сталъ убѣждать командира латышскаго полка Берзина, совершить переворотъ и при помощи своего полка свергнуть большевиковъ. На подкупъ солдатъ Райли предлагалъ Берзину милліонъ рублей. Берзинъ попросилъ нѣсколько дней на размышленіе и сообщилъ объ этихъ переговорахъ замѣстителю предсѣдателя В. Ч. К. Петерсу. Послѣдній порекомендовалъ Берзину согласиться на предложеніе Райли, взять деньги и о всѣхъ переговорахъ сообщать чрезвычайкѣ. Такъ Берзинъ и поступилъ; прикинулся противникомъ совѣтской власти, взялъ въ разное время у Райли милліонъ и о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ держалъ въ курсѣ чрезвычайку. Когда у Райли выудили милліонъ, рѣшили его арестовать, но опоздали: Райли скрылся. Тогда рѣшили арестовать Локкарта, такъ какъ у чрезвычайки были «несомнѣнныя данныя», что заговоромъ руководитъ самъ Локкартъ. На арестъ Локкарта англійское правительство отвѣтило арестомъ Литвинова, который въ это время находился въ Лондонѣ. Послѣ недолгихъ переговоровъ Локкартъ былъ «обмѣненъ» на Литвинова и благополучно уѣхалъ въ Англію со всѣми служащими миссіи.

Локкартъ уѣхалъ, но большевикамъ надо было доказать всему міру, что «презрѣнная Антанта» строитъ козни большевистскому правительству. Рѣшили предать суду Локкарта и Райли по обвиненію въ государственной измѣнѣ, а для того, чтобы произвести впечатлѣніе на общество, рѣшили создать процессъ-монстръ, присоединивъ къ Локкарту и Райли цѣлый рядъ лицъ различныхъ національностей. «Создавать» процессы большевики мастера. Не даромъ и въ чрезвычайкахъ, и въ слѣдственныхъ комиссіяхъ у нихъ работаютъ бывшіе жандармы, недаромъ многіе изъ большевистскихъ вождей, какъ напримѣръ, Троцкій, Петерсъ и др. при царѣ имѣли «дружескія связи» съ охранными отдѣленіями. Старый опытъ пригодился и тутъ, и въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ былъ созданъ грандіозный процессъ о «государственной измѣнѣ».

Здѣсь былъ и гражданинъ С. А. Соединенныхъ Штатовъ Каломатьяно, и французская гражданка Морансъ, и англійскій подданный Хойтъ, и три чеха, и цѣлый рядъ русскихъ гражданъ, начиная отъ двухъ почтенныхъ генераловъ, и кончая восемнадцатилѣтней артисткой Студіи Художественнаго Театра. Во главѣ обвиненія стоялъ Каломатьяно, которому инкриминировалось то, что онъ, будучи торговымъ агентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, собиралъ военныя свѣдѣнія и передавалъ ихъ англійской миссіи. Остальные обвинялись или какъ служащіе Каломатьяно по собиранію свѣдѣній, или какъ знакомые Локкарта и Райли. Дѣло слушалось въ декабрѣ 1918 года. Предварительное слѣдствіе, которое вела г-жа Елена Размировичъ, не дало уличающихъ данныхъ. Слѣдствіемъ было установлено, что Каломатьяно черезъ своихъ агентовъ собиралъ торговыя свѣдѣнія. Среди этихъ свѣдѣній попадались свѣдѣнія и не-торговаго характера, но имѣющія тѣсную связь съ торговлей и необходимыя для полнаго освѣщенія торговой и промышленной жизни Совѣтской Россіи. Будущее покажетъ, была ли доля правды въ обвиненіяхъ боль-

шевиковъ; на меня же весь этотъ процессъ произвелъ впечатлѣніе явно спровоцированнаго. Я ни на минуту не сомнѣвался, что Райли не велъ переговоровъ съ Берзинымъ о государственномъ переворотѣ, и былъ увѣренъ, что милліонъ, который Берзинъ передалъ Петерсу, полученъ былъ Берзинымъ не отъ Райли. Не подлежало сомнѣнію, что Каломатьяно не имѣлъ никакой связи съ Локкартомъ и Райли. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство на судѣ и не пытались доказать. Засѣданіе Верховнаго Трибунала происходило въ зданіи Судебныхъ Установленій въ Кремлѣ, въ Митрофаньевскомъ залѣ. Было холодно и неуютно. Всюду заплевано, всюду грязь и какія-то рваныя бумажки, словомъ, обычная картина всѣхъ помѣщеній, гдѣ работаютъ большевики. Зато залъ блисталъ «отборной» публикой. Въ креслахъ, на которыхъ ранѣе сидѣли присяжные засѣдатели, расположились «коммунистическіе генералы». Господинъ Іоффе, одѣтый, какъ истинный дипломатъ, въ великолѣпной шубѣ съ сѣдымъ бобромъ, въ лакированныхъ ботинкахъ и въ голубыхъ перчаткахъ; молодой «дипломатъ» Караханъ, тоже одѣтый съ иголочки, газетный диктаторъ Стекловъ, Петерсъ и другіе изъ коммунистической знати, всѣ тепло и прекрасно одѣтые. Какой контрастъ производили они съ обвиняемыми и защитниками! Вѣдь была уже вторая зима коммунистическаго рая, и часть одежды была уже пущена въ обмѣнъ на продукты.

Предсѣдательствовалъ латышъ Карклинъ, кромѣ него въ составѣ трибунала было шесть человѣкъ, и среди нихъ Галкинъ, — комбинація, не предвѣщавшая ничего хорошаго. Послѣ прочтенія обвинительнаго акта оказалось, что обвиняемая Морансъ ни слова не понимаетъ по-русски, а потому не можетъ сказать, признаетъ ли она себя виновной, или нѣтъ, такъ какъ не знаетъ, въ чемъ ее обвиняютъ. Защита стала энергично требовать, чтобы обвинительный актъ былъ переведенъ на французскій языкъ и вновь врученъ Морансъ. Трибуналу волей-неволей пришлось согласиться съ этимъ, и онъ отложилъ дѣло на 7 дней, поручивъ «товарищу» Анжеликѣ Балабановой перевести обвинительный актъ.

Черезъ семь дней дѣло было заслушано. Составъ суда былъ тотъ же. Обвиненіе вызвало двухъ свидѣтелей: Петерса и Берзина. Ни одинъ изъ свидѣтелей со стороны защиты не былъ допущенъ, такъ какъ не въ обычаѣ большевиковъ предоставлять обвиняемымъ всѣ средства защиты. Петерсъ и Берзинъ подтвердили все изложенное въ обвинительномъ актѣ относительно Локкарта и Райли. Когда Трибуналъ предложилъ обвиняемымъ дать объясненія, то каждый изъ нихъ во главѣ съ Каломатьяно пространно разсказывалъ о своей дѣятельности.

Среди обвиняемыхъ былъ старый генералъ, лѣтъ за 10 до революціи вышедшій въ отставку. Во время одного изъ повальныхъ обысковъ, которые часто устраивали большевики, у него нашли письмо, полученное имъ отъ одного кавалерійскаго офицера. Въ этомъ письмѣ была фраза: «мы съ вами одной школы». Этой фразы было достаточно, чтобы арестовать старика, продержать пять мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и обвинять въ государственной измѣнѣ, присоединивъ его дѣло къ дѣлу Локкарта. На судебномъ слѣдствіи старый генералъ объяснилъ г-жѣ Размировичъ, что эта фраза означаетъ: «мы съ вами кончили одно и то же кавалерійское училище». — «Почему же въ письмѣ написано не «училище», а «школа»? — спрашивала Размировичъ. «Если бы дѣло шло о кавалерійскомъ училищѣ, то было бы написано «училище». — Нѣтъ, подъ школой здѣсь надо разумѣть какую-то бѣлогвардейскую организацію». —

Напрасно генералъ клялся, что всякій кавалеристъ, кончившій училище, всегда называетъ училище «школой», что это — традиція, освященная чуть ли не столѣтіемъ, напрасно просилъ вызвать для разъясненія этого вопроса знающихъ людей, — Размировичъ съ благословенія своего мужа, Крыленко, признала, что этой фразой старикъ вполнѣ уличается въ участіи въ заговорѣ. На судѣ генералъ повторилъ свои объясненія. Трибуналъ заинтересовался: очень ужъ не походилъ старикъ на конспиратора. Почувствовавъ, что дѣло не обойдется безъ эксперта. Крыленко предложилъ Трибуналу допросить свѣдующее лицо, которое въ настоящее время находится случайно въ залѣ. Трибуналъ согласился. И вотъ, на середину зала выходитъ дама, прекрасно одѣтая, башмаки до ушей, мѣховая шапка, мѣховая накидка, — однимъ словомъ, модная картинка, и съ апломбомъ заявляетъ, что кавалеристы, окончившіе училище, никогда не зовутъ свое училище «школой». Крыленко торжествуетъ и дѣлаетъ Трибуналу выразительные знаки. Тогда начинаетъ спрашивать защита:

«Откуда вамъ извѣстно то, о чемъ вы съ такой увѣренностью говорите?»

— Я это знаю.

«Вы кончили курсъ въ кавалерійскомъ училищѣ?»

— Нѣтъ.

«Скажите, а ваша фамилія Размировичъ?»

— Да.

«И вы вели слѣдствіе по этому дѣлу?»

— Да.

«А обвинитель Крыленко вашъ мужъ?»

— Да.

Эффектъ получился полный.

Хотя большинству членовъ Трибунала было извѣстно, что передъ ними стоитъ Размировичъ, но, повидимому, Трибуналу, показалось неудобнымъ допустить публично такое вопіющее беззаконіе, и предсѣдатель Карклинъ ломаннымъ русскимъ языкомъ заявилъ, что хотя Верховный Трибуналъ и не сомнѣвается въ правдивости словъ «товарища»Размировичъ, но онъ желаетъ еще выслушать мнѣніе спеціалиста и приглашаетъ въ качествѣ эксперта «бывшаго генерала Брусилова», за которымъ приказано было послать автомобиль. Явился Брусиловъ и на вопросъ предсѣдателя подтвердилъ все, что съ момента ареста говорилъ старый генералъ.

Наступилъ день судебныхъ преній. Крыленко неистовствовалъ. Онъ требовалъ для всѣхъ обвиняемыхъ смерти. Чувствуя, что обвиненіе поставлено крайне шатко, онъ выдвинулъ ужасное положеніе, которое въ дальнѣйшихъ процессахъ должно было опредѣлить отношеніе трибуналовъ къ обвиняемымъ.

«Не важно», — сказалъ этотъ новоявленный Фукье-Тенвилль, — «совершили ли обвиняемые то, въ чемъ ихъ обвиняютъ; важно то, что они никогда не перейдутъ той грани, которая отдѣляетъ ихъ отъ насъ. И поэтому они должны быть уничтожены».

Среди обвиняемыхъ былъ нѣкто Солюсъ. Роль его въ процессѣ была настолько ничтожна, что Крыленко пропустилъ его, перечисляя лицъ, подлежащихъ уничтоженію (а уничтоженію подлежали всѣ обвиняемые). Но секретарь Трибунала, молодой человѣкъ, усыпанный прыщами, желая выслужиться передъ генералъ-прокуроромъ, громко сказалъ: «Товарищъ Крыленко, вы пропустили Солюса». Крыленко задумался и произнесъ три слова, которыя должны были рѣшить участь обвиняемаго: «Солюсъ . . . его тоже».

Рѣчи защитниковъ длились два дня, и хотя чувствовалось, что обвиненіе совершенно разбито, все же волненіе наше было весьма велико, когда Трибуналъ ушелъ совѣщаться. Мы знали по дѣлу Щастнаго, что представляетъ изъ себя этотъ «судъ», мы помнили положеніе, которое установилъ въ обвинительной рѣчи Крыленко. Мы долго не выходили изъ зала. Стояли группами и обсуждали возможный исходъ. Къ одной изъ группъ подошелъ Петерсъ и сказалъ: «Къ чему эти волненія, и ваши, и обвинителя, все это лишнее. Не такъ надо поступать». На нашъ недоумѣнный вопросъ, что же нужно, по его мнѣнію, дѣлать, онъ отвѣтилъ: «Что дѣлать? Привезти сюда пулеметъ. Вотъ и все. А результатъ будетъ одинъ и тотъ же». Итакъ, и представитель совѣтской юстиціи, и представитель всероссійской чрезвычайки въ разныхъ выраженіяхъ выразили одну и ту же кровавую мысль: «Суда не надо». Если ты не коммунистъ, то съ тебя достаточно и одной пулеметной расправы. Черезъ два мѣсяца послѣ слушанія дѣла Локкарта предсѣдатель Всероссійской Чрезвычайки Петерсъ и былъ назначенъ предсѣдателемъ Московскаго Революціоннаго Трибунала, съ оставленіемъ въ должности всероссійскаго палача. Такъ произошло трогательное сліяніе юстиціи съ охранкой.

Вопреки обыкновенію, Трибуналъ совѣщался довольно долго. И вотъ, среди напряженнаго вниманія присутствовавшихъ въ залѣ защитниковъ и родственниковъ, допущенныхъ въ залъ засѣданія въ небольшомъ количествѣ, ломая русскія слова сталъ читать Карклинъ приговоръ. Англійскіе граждане Локкартъ и Райли были признаны виновными въ государственной измѣнѣ и приговорены къ разстрѣлу, въ случаѣ возвращенія въ Россію и въ случаѣ . . . если въ Англіи будетъ соціалистическая республика. Гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Каломатьяно и бывшій полковникъ Фриде, какъ признанные виновными въ томъ же преступленіи, тоже приговаривались къ разстрѣлу. Генералъ-майоръ Загряжскій, Голицынъ, Потемкинъ, сестра Фриде и цѣлый рядъ другихъ лицъ приговаривались къ пяти годамъ общественныхъ работъ, три чеха — къ заключенію въ концентраціонный лагерь до окончанія въ Россіи гражданской войны. Англичанинъ Хойтъ, г-жа Морансъ, артистка Оттенъ и старый отставной генералъ были оправданы.

Не успѣлъ Карклинъ прочесть приговоръ, какъ изъ глубины зала, гдѣ сидѣли родственники обвиняемыхъ, раздался старческій женскій голосъ: «Петя, Петя, иди сюда скорѣй». Это въ припадкѣ безконечнаго счастья звала къ себѣ стараго генерала его старуха жена.

Приговоръ былъ сравнительно мягокъ, если вспомнить, что Крыленко требовалъ «уничтоженія» всѣхъ обвиняемыхъ. Смертный приговоръ надъ отсутствующими Райли и Локкартомъ поражалъ своей глупостью, и могъ вызвать только презрительную улыбку; за Каломатьяно мы не боялись: мы знали, что господа большевики храбры только на словахъ. Мы знали, что эти господа умѣютъ безпощадно расправляться только съ тѣми, у которыхъ нѣтъ сильныхъ заступниковъ. И мы были увѣрены, что они не посмѣютъ разстрѣлять гражданина Соединенныхъ Штатовъ. Недаромъ защитникъ Каломатьяно Н. К. Муравьевъ открыто говорилъ объ этомъ на судѣ. И мы оказались правы. Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ процесса Каломатьяно былъ живъ. Я увѣренъ, что онъ живъ и до сихъ поръ. Не то случилось съ Фриде: онъ былъ русскій гражданинъ, за него некому было заступиться, и онъ погибъ. Бывшему военному судьѣ Загряжскому Трибуналъ далъ пять лѣтъ общественныхъ работъ. Этотъ приговоръ весьма обрадовалъ защиту. Крыленко съ особой энергіей настаивалъ на

«уничтоженіи» Загряжскаго, бывшаго генерала, бывшаго царскаго судьи и бывшаго помѣщика. Крыленко утверждалъ, что Загряжскій вмѣстѣ съ Фриде былъ «правой рукой Каломатьяно». Кромѣ того, приговоръ надъ Загряжскимъ предопредѣлялъ приговоръ надъ всѣми рядовыми агентами.

Во время предварительнаго слѣдствія все вниманіе Размировичъ было направлено не на разслѣдованіе того, въ чемъ обвинялся Загряжскій. Это ее мало интересовало. Весь вопросъ сводился къ тому — приговорилъ ли Загряжскій кого нибудь къ смерти въ бытность свою при царѣ военнымъ судьей. И я увѣренъ, найдись хоть одна смертная казнь у Загряжскаго, — ему бы не сдобровать. Ибо эти братья евангельскихъ фарисеевъ, которыхъ съ такой страстью проклиналъ Христосъ, не простили бы ему крови, въ которой они сами погрязли свыше головы. Но Загряжскій отличался необыкновенной мягкостью и справедливостью и за всю свою судейскую карьеру не обагрилъ своихъ рукъ кровью. Мы очень боялись за судьбу Загряжскаго. Послѣ рѣчей защиты сестра его жены, вдова знаменитаго московскаго окулиста М., поѣхала въ Петербургъ заручиться содѣйствіемъ Максима Горькаго въ случаѣ неблагопріятнаго исхода процесса. Горькій занималъ особнякъ въ центрѣ города. Въ десять часовъ утра М. сидѣла у него въ пріемной. Много роскошныхъ обстановокъ по словамъ М. приходилось ей видѣть на своемъ вѣку, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и за границей. Но роскошь особняка Горькаго превосходила всякую фантазію. Пролетарскій писатель принялъ М. въ два часа дня. Нужно сказать, что г-жѣ М. подъ семьдесятъ лѣтъ. Слабо извинившись за столь долгое ожиданіе, и узнавъ, что М. пріѣхала просить за своего зятя въ случаѣ, если онъ будетъ приговоренъ къ смерти, Горькій показалъ г-жѣ М. утреннія петербургскія газеты, въ которыхъ былъ напечатанъ приговоръ. Миссія М. была кончена, и она уѣхала домой. Въ февралѣ Горькій пріѣхалъ въ Москву. Воспользовавшись его пребываніемъ въ городѣ, я отправился къ нему вмѣстѣ съ г-жей М. Я думалъ использовать его вліяніе для того, чтобы примѣнить къ Загряжскому или амнистію, или досрочное освобожденіе. Я разсказалъ Горькому о дѣлѣ Локкарта, о роли въ этомъ дѣлѣ Загряжскаго, указалъ на всѣ неправильности, допущенныя во время процесса. Мой разсказъ, повидимому, произвелъ на Горькаго впечатлѣніе, и онъ просилъ сейчасъ же набросать его на бумагу. Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ и спросилъ: «Скажите, Яшка Свердловъ можетъ въ этомъ что нибудь помочь». — «Яшка Свердловъ, — отвѣчалъ я, — президентъ Россійской Республики. Одна его подпись освободитъ Загряжскаго изъ тюрьмы». — «Ну, такъ я велю ему сегодня же ликвидировать это дѣло», — сказалъ Горькій. Прощаясь, я спросилъ Горькаго, почему большевики проявляютъ такую безумную и никому не нужную жестокость. Горькій подумалъ и отвѣтилъ: «Эта сволочь жестокостью хочетъ доказать свою лойальность». Такими словами Горькій охарактеризовалъ своихъ единомышленниковъ. Не знаю, забылъ ли Горькій приказать Яшкѣ Свердлову, или Яшка не захотѣлъ исполнить его приказанія, — но Загряжскій изъ тюрьмы выпущенъ не былъ.

Молоденькая артистка Оттенъ сильно волновалась. Поэтому она и во время рѣчей, и во время чтенія приговора находилась въ комнатѣ для обвиняемыхъ. Когда защитники пришли сказать ей, что она оправдана, она долго не хотѣла этому вѣрить, предполагая, что защитники только успокаиваютъ ее и что она приговорена къ смерти.

Крыленко негодовалъ. Вмѣсто двухъ десятковъ смертей, — всего только двѣ, и при томъ одна проблематичная. И онъ постарался «уничтожить» хотя

бы одного обвиняемаго. Никакія просьбы, никакія хлопоты спасти жизнь Фриде не помогли. Чувствовалась кровавая рука «генералъ-прокурора». Мнѣ разсказывали, что изъ Кремля Фриде повезли на автомобилѣ разстрѣливать въ Петровскій паркъ. Послѣ разстрѣла его тѣло должно было быть привезено обратно въ городъ. Пожалѣли ли палачи бензинъ, или не захотѣли зря тратить времени, но Фриде былъ умерщвленъ револьверными рукоятками на Кремлевскомъ мосту.

IV

Дѣло «Союза — Торговли и Промышленности».

Черезъ нѣсколько дней послѣ дѣла Локкарта, Верховный Трибуналъ слушалъ дѣло «Союза Торговли и Промышленности».

Было въ Москвѣ общество, учрежденное, повидимому, при Временномъ Правительствѣ. По уставу оно ставило себѣ весьма широкія задачи въ области торговли и промышленности, но въ дѣйствительности ни большихъ, ни малыхъ дѣлъ у него не было, и оно висѣло на ниточкѣ. Предсѣдателемъ Правленія былъ небезызвѣстный въ Москвѣ П. И. Крашенинниковъ, издатель нѣсколькихъ газетъ, въ томъ числѣ «Газеты Копейки».

Однажды, когда служащіе конторы слонялись безъ дѣла изъ угла въ уголъ, въ контору явился молодой человѣкъ и отрекомендовался представителемъ «Финляндской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики». (Въ то время Финляндія находилась подъ властью коммунистовъ.) «Фамилія моя Александровъ», — сказалъ онъ, — «я представитель Финляндской республики, которая поручила мнѣ закупить въ Россіи для нуждъ Республики предметы первой необходимости; вотъ моя довѣренность, а вотъ разрѣшеніе на эти покупки Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Русской Республики. У васъ есть связи, и я хочу закупить товары черезъ ваше общество». И тутъ же Александровъ показалъ бухгалтеру общества двѣ бумаги. Одна была довѣренность, выданная Финляндскимъ Правительствомъ, а другая — разрѣшеніе на покупку товаровъ. Вторая бумага была подписана нѣсколькими народными коммиссарами, въ томъ числѣ Ленинымъ, Луначарскимъ, Чичеринымъ и др. Сейчасъ же были вызваны по телефону директора и начались переговоры. Александровъ предложилъ слѣдующее. Онъ даетъ обществу полъ-милліона рублей авансомъ, а общество отыскиваетъ и покупаетъ для Финляндской Республики необходимые ей предметы, которые еще не реквизированы. При этомъ Александровъ просилъ, чтобы всѣ переговоры съ владѣльцами товаровъ велись въ его присутствіи. Представители умирающаго отъ бездѣйствія общества «съ радостью» согласились на эту сдѣлку. Александровъ сейчасъ же выдалъ авансъ въ размѣрѣ пятисотъ тысячъ рублей, но потребовалъ, чтобы въ полученіи этихъ денегъ расписались какъ всѣ члены правленія, такъ и всѣ отвѣтственные служащіе. Желаніе Александрова, конечно, было исполнено. И вотъ начались поиски нереквизированныхъ товаровъ.

Александровъ интересовался всѣмъ. Желѣзный ломъ — Финляндіи необходимъ ломъ, мыло — давай сюда мыло, веревки — и веревки пригодятся въ соціалистической республикѣ. Много было закуплено разнообразныхъ товаровъ, причемъ каждому продавцу показывалось разрѣшеніе Совѣта Народныхъ Комиссаровъ. Черезъ нѣкоторое время Александровъ предложилъ выдать правленію общества еще полъ-милліона рублей и обѣщалъ привезти деньги въ контору

общества въ понедѣльникъ въ часъ дня, при чемъ опять потребовалъ, чтобы въ полученіи денегъ расписались всѣ. Въ половинѣ перваго въ конторѣ раздался телефонный звонокъ. Спрашивалъ Александровъ: «Ну что, всѣ собрались въ конторѣ»? — «Всѣ». — «Такъ я сейчасъ пріѣду съ деньгами». Въ часъ пріѣхалъ въ контору съ деньгами Александровъ, а черезъ десять минутъ явились въ контору члены Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи и арестовали все правленіе и всѣхъ служащихъ общества. Арестовали также и Александрова. Охранники захватили всѣ бумаги, въ томъ числѣ довѣренность и разрѣшеніе Совѣта Народныхъ Комиссаровъ. Черезъ нѣсколько часовъ Александровъ былъ освобожденъ, а всѣ остальные арестованные, начиная отъ Предсѣдателя правленія и кончая самымъ мелкимъ служащимъ, были преданы суду Верховнаго Трибунала по обвиненію въ спекуляціи. Къ нимъ присоединили всѣхъ владѣльцевъ и всѣхъ завѣдующихъ товарными складами. Такимъ образомъ, создался новый грандіозный процессъ, который наряду съ процессомъ Локкарта долженъ былъ показать міру, что въ совѣтской республикѣ кишатъ контръ-революціонеры и спекулянты, и отучить россійскаго обывателя заниматься тѣмъ и другимъ.

Защита была допущена къ изученію дѣла за три дня до его слушанія. Въ одномъ изъ безчисленныхъ томовъ производства мы нашли бумажку, озаглавленную: В. Ч. К. «Отдѣлъ Хранилищъ». Текстъ этого интереснаго документа былъ таковъ: «Предлагаю товарищу X немедленно вернуть въ Отдѣлъ Хранилищъ В. Ч. К. одинъ милліонъ рублей, выданный товарищу Александрову-Слуцкеру по дѣлу Союза Торговли и Промышленности».

Стало совершенно ясно, что дѣло Союза спровоцировано чрезвычайкой, стало ясно, что Александровъ, который оказался Слуцкеромъ, былъ не представителемъ Финляндской Соціалистической Республики, а представителемъ Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи. Мы сняли копію съ этого документа, и вѣрность ея засвидѣтельствовали всѣ присутствовавшіе защитники.

Черезъ три дня началось дѣло. Предсѣдательствовалъ тотъ же Карклинъ, обвинялъ помощникъ Крыленко, Могилевскій, бывшій помощникъ присяжнаго повѣреннаго, — существо крайне бездарное и ограниченное. Скамью подсудимыхъ занимали люди разнообразныхъ профессій. Издатель Крашенинниковъ, изобрѣтатель Богатыревъ, владѣлецъ многочисленныхъ фабрикъ и заводовъ Крейнесъ, нѣсколько инженеровъ и цѣлый рядъ мелкихъ служащихъ. Для «полноты картины» были привлечены всѣ служащіе Союза.

Просматривая производство въ день суда, мы увидѣли, что исчезъ документъ Отдѣла Хранилищъ В. Ч. К. Оказалось, что г. Крыленко изъялъ изъ дѣла цѣлый рядъ документовъ, которые такъ или иначе могли компрометировать чрезвычайку. Это было сдѣлано, по его словамъ для того, чтобы не «затемнять» дѣла излишнимъ балластомъ. При открытіи судебнаго засѣданія защита протестовала противъ подобныхъ воровскихъ пріемовъ прокуратуры. Трибуналъ сдѣлалъ постановленіе о розыскѣ этого документа, и онъ, кажется, былъ найденъ въ концѣ судебнаго слѣдствія. Особаго интереса для насъ въ тотъ моментъ онъ не представлялъ, такъ какъ Могилевскій, припертый къ стѣнѣ, долженъ былъ публично признать, что созданіе этого дѣла принадлежитъ Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи.

Не нужно упоминать о томъ, что Александрова-Слуцкера не было ни на скамьѣ подсудимыхъ, ни въ числѣ свидѣтелей. Помня завѣты царскихъ жандармовъ, большевики съ большой бережностью относятся къ предателямъ и про-

вокаторамъ. Слуцкеръ исчезъ съ московскаго горизонта и, повидимому, занимается своей полезной дѣятельностью гдѣ нибудь вдали отъ Москвы.

Исчезновеніе Слуцкера насъ мало безпокоило (мы къ этому привыкли при царѣ), но что разволновало и возмутило насъ — это исчезновеніе двухъ документовъ — довѣренности Слуцкера и разрѣшенія, подписаннаго членами Совнаркома. Чрезвычайка оказалась дальновиднѣе Крыленко и, найдя эти документы въ конторѣ Союза, немедленно ихъ уничтожила.

Всѣмъ присутствовавшимъ на судѣ, въ томъ числѣ, конечно, и членамъ Трибунала, было ясно, что никто изъ обвиняемыхъ не совершилъ не только предступнаго, но и предосудительнаго поступка, такъ какъ все было совершено съ разрѣшенія Совнаркома; тѣмъ не менѣе, Могилевскій требовалъ для всѣхъ суроваго наказанія. Предвидя, что защита въ своихъ рѣчахъ будетъ говорить о провокаціи, Могилевскій призналъ, что дѣло было спровоцировано чрезвычайкой и тутъ же пропѣлъ провокаціи хвалебный гимнъ.

«Я признаю», сказалъ онъ, «что совѣтская власть прибѣгаетъ къ провокаціи, но она должна это дѣлать для спасенія своего существованія. Благодаря провокаціи мы раскрыли заговоръ Локкарта». Итакъ, наше предположеніе, что дѣло Локкарта было спровоцировано чрезвычайкой, получило оффиціальное подтвержденіе.

Послѣ рѣчи Могилевскаго Карклинъ торжественно объявилъ, что одно лицо, находящееся въ публикѣ, желаетъ выступить въ качествѣ обвинителя. Каково же было наше изумленіе, когда «лицомъ изъ публики» оказался тотъ же Крыленко. Опять полилась кровавая рѣчь, опять замелькало слово «уничтожить». Повидимому, Крыленко остался недоволенъ «слишкомъ мягкой» рѣчью Могилевскаго. Вмѣсто «суроваго наказанія» онъ требовалъ уничтоженія обвиняемыхъ. Только по отношенію къ изобрѣтателю Богатыреву онъ допускалъ нѣкоторое снисхожденіе. Процитировавъ фразу, произнесенную на процессѣ химика Лавуазье извѣстнымъ палачомъ Великой французской революціи — Дюма: «Намъ ученыхъ не надо» (Крыленко приписалъ ее своему прародителю, гнуснѣйшему палачу Фукье-Тенвиллю), онъ выразилъ полную солидарность съ этимъ положеніемъ, но все же, призналъ возможнымъ сохранить изобрѣтателю жизнь. Нападая на членовъ Правленія Союза, Крыленко доказывалъ, что члены правленія, а главнымъ образомъ предсѣдатель Крашенинниковъ, хотѣли при помощи этой сдѣлки набить свои карманы золотомъ. Это была наглая ложь. Въ дѣлѣ былъ документъ, почему то не уничтоженный во время Крыленко, изъ котораго было видно, что Крашенинниковъ согласился быть членомъ правленія Союза при условіи, если онъ не будетъ получать жалованья и не будетъ участвовать ни въ прибыляхъ, ни въ убыткахъ общества. Но что для Крыленки значатъ какія нибудь доказательства?

Защита съ большой рѣзкостью напала на пріемы чрезвычайки, сравнивая ихъ съ пріемами царской охранки. Надо отдать справедливость Трибуналу. Предсѣдатель ни разу не остановилъ защитниковъ. Но въ дѣйствіяхъ Трибунала выразилось полное пренебреженіе къ интересамъ обвиняемыхъ. Послѣднимъ говорилъ присяжный повѣренный Я. Б. Якуловъ, старый боецъ, защищавшій одного изъ инженеровъ, завѣдывавшаго какимъ то казеннымъ складомъ желѣза. Защитительный матеріалъ былъ огромный, потому что обвинительный актъ наговорилъ на инженера всякихъ небылицъ; Якулову пришлось начать рѣчь поздно вечеромъ. Проговоривъ часъ, онъ попросилъ пятиминутнаго перерыва, чтобы передохнуть. Предсѣдатель Карклинъ отказалъ. Якуловъ сталъ настойчиво тре-

бовать перерыва, указывая на то, что онъ такъ усталъ, что не въ состояніи дальше продолжать рѣчь. Карклинъ вновь отказалъ и заявилъ, что если Якуловъ не въ состояніи продолжать рѣчь вслѣдствіе усталости, то пусть онъ ее кончитъ. Карклинъ можетъ сдѣлать перерывъ засѣданія, но послѣ перерыва не позволитъ защитнику говорить. Это было неслыханное издѣвательство и надъ защитникомъ и надъ обвиняемыми. Но это были только цвѣточки. Ягодки оказались впереди.

Поздно ночью трибуналъ вынесъ приговоръ. Члены Правленія Союза получали по пяти лѣтъ общественныхъ работъ, капиталисты и завѣдующіе складами по десяти лѣтъ, служащіе Союза были приговорены къ общественнымъ работамъ на меньшіе сроки. Но дѣло не обошлось безъ крови. Инженеръ, котораго защищалъ Якуловъ, былъ приговоренъ къ разстрѣлу. На слѣдующій день онъ былъ убитъ.

Такъ кончилось это возмутительное дѣло, которое циничностью и наглостью пріемовъ опередило все то скверное, что такъ часто встрѣчалось въ царскихъ судахъ. Было ясно, что никакихъ доказательствъ вины для большевистскихъ судей не требуется, что каждый обвиняемый, въ чемъ бы онъ ни обвинялся, есть политическій врагъ, и, какъ таковой, подлежитъ уничтоженію, или, по крайней мѣрѣ, долгой изоляціи. Это положеніе весьма ярко выразилось въ процессѣ французской миссіи.

V

Дѣло Французской Миссіи.

Члены французской миссіи обвинялись въ «государственной измѣнѣ». Но когда дѣло дошло до преданія ихъ суду, то раздался властный голосъ Клемансо, требовавшій возвращенія всѣхъ членовъ миссіи во Францію. Большевики по своему обыкновенію струсили и отпустили миссію на родину. Но такъ какъ опять было необходимо доказать всему міру, что не только Англія, но и Франція чинитъ всякія козни совѣтскому правительству и препятствуетъ насажденію коммунистическаго рая въ Россіи, то суду Верховнаго Трибунала было предано семь русскихъ гражданъ, которыхъ обвиняли въ содѣйствіи государственному перевороту. Вина этихъ мирныхъ россійскихъ обывателей заключалась въ томъ, что они были знакомы съ нѣкоторыми членами миссіи, иногда встрѣчались съ ними, иногда разговаривали.

Предсѣдательствовалъ садистъ Галкинъ. Мягко улыбаясь, этотъ негодяй обратился къ обвиняемымъ съ предложеніемъ откровенно сказать всю правду, при чемъ заявилъ, что это «значительно облегчитъ ихъ участь». Обвиняемые одинъ за другимъ стали давать объясненія, которыя сводились къ признанію знакомства съ членами французской миссіи. Галкинъ слушалъ и самодовольно улыбался. Послѣ объясненія обвиняемыхъ, Трибуналъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: «Въ виду того, что дѣло совершенно выяснено объясненіями обвиняемыхъ, Трибуналъ отказывается отъ выслушиванія рѣчей обвинителя и защитниковъ и удаляется для постановленія приговора». Присутствовавшіе въ залѣ засѣданія родственники и защитники обвиняемыхъ вздохнули свободно. Люди, имѣвшіе разумъ и сердце, понимали, что если Трибуналъ не допустилъ судебныхъ преній, отказался выслушать слова защиты, то онъ самъ явится

вѣрнымъ и надежнымъ защитниковъ обвиняемыхъ. Припоминали слова Галкина, сказанныя обвиняемымъ, и всѣ спокойно ждали выхода судей. Они не заставили себя ждать долго. Минутъ черезъ десять вышелъ Галкинъ и своимъ отвратительнымъ гнусавымъ голосомъ крикнулъ: «Всѣхъ обвиняемыхъ признать виновными въ государственной измѣнѣ и разстрѣлять въ 24 часа . . .»

Много мнѣ пришлось на своемъ вѣку выслушать смертныхъ приговоровъ. И я видѣлъ людей, которые встрѣчали приговоръ спокойно, не мѣняясь въ лицѣ. То были сильные духомъ революціонеры, которые отдавали свою жизнь за благо народа. Въ долгія безсонныя ночи, проводимыя ими до суда, въ тюрьмѣ, они подготовляли себя къ смерти и умирали на эшафотѣ героями. Но я видѣлъ и иныхъ людей; я видѣлъ людей, которые, услышавъ въ приговорѣ слово «смерть», впадали въ полное оцѣпенѣніе. Они дѣлались мертвенно блѣдными, а у нѣкоторыхъ парализовались мускулы лица. Чаще это бывало, когда приговоръ поражалъ своей неожиданностью. Я встрѣчалъ садистовъ-судей, которымъ доставляло наслажденіе вселять обвиняемымъ во время суда надежду на благопріятный исходъ процесса. Сколько деликатности, сколько предупредительности высказывалъ такой судья. Иногда среди допроса обвиняемаго назоветъ его, какъ бы случайно, «голубчикомъ». Обвиняемый расцвѣтаетъ: ужъ если голубчикъ, значитъ, «хорошо кончится дѣло». А черезъ часъ — смертный приговоръ. А судья-садистъ смотритъ и наслаждается произведеннымъ эффектомъ . . .

Такъ дѣлалось въ Россіи при царѣ, такъ дѣлается въ Россіи при коммунистахъ.

Всѣ обвиненные были разстрѣляны въ ту же ночь . . .

VI

Дѣло Генеральнаго Морского Штаба

Во время одного изъ повальныхъ обысковъ, которые большевики чуть не ежедневно производили по всей Россіи, у мичмана Иванова былъ найденъ запечатанный конвертъ, адресованный въ Швецію. По вскрытіи конверта въ немъ оказалось зашифрованное письмо, которое не безъ труда было расшифровано. Въ этомъ письмѣ неизвѣстное лицо писало о работѣ, которую оно производитъ по отправкѣ волонтеровъ на Сѣверный антибольшевистскій фронтъ. Мичманъ Ивановъ на допросѣ показалъ, что это письмо для отправки онъ получилъ отъ финскаго гражданина, лейтенанта въ отставкѣ Оккерлунда. Оккерлундъ же показалъ, что этотъ конвертъ съ письмомъ его просилъ отправить заграницу лейтенантъ Васильевъ. При разслѣдованіи выяснилось, что лейтенантъ Васильевъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Хотя слѣдственная власть этому не повѣрила и весьма тщательно разыскивала Васильева, но изъ этихъ розысковъ ничего не вышло, и арестованы были только Оккерлундъ и Ивановъ. Одновременно съ арестомъ этихъ лицъ чрезвычайка произвела обыскъ въ Генеральномъ Морскомъ Штабѣ и нашла цѣлый рядъ бумагъ, которыя, по мнѣнію слѣдователя, сильно компрометировали Штабъ и доказывали его причастность къ контръ-революціи. Всѣ служащіе Штаба, какъ большіе, такъ и малые, были арестованы, дѣло Оккерлунда и Иванова было присоединено къ дѣлу Штаба, хотя между этими дѣлами не было никакой связи, и такимъ образомъ вновь былъ созданъ громкій «процессъ Генеральнаго Морского Штаба», который и разбирался въ Верховномъ Трибуналѣ.

Среди служащихъ Штаба былъ нѣкто Абрамовичъ, занимавшій должность начальника морской контръ-развѣдки. Въ описываемое время Генеральный Морской Штабъ и морская контръ-развѣдка находились въ Москвѣ. На обязанности Абрамовича было собирать при помощи агентовъ всевозможныя свѣдѣнія о политической жизни Совѣтской Республики, дѣлать изъ нихъ сводки и представлять эти сводки комиссару Генеральнаго Штаба, какому то матросу Балтійскаго флота. Абрамовичъ инстинктивно ненавидѣлъ большевиковъ и особенно свое начальство, Народнаго Комиссара по морскимъ дѣламъ Троцкаго. И вотъ однажды Абрамовичъ получилъ отъ своихъ агентовъ слѣдующее сообщеніе. На одномъ изъ фронтовъ какой то красноармейскій полкъ отказался идти въ наступленіе. Пріѣхалъ Троцкій и сталъ «уговаривать». Красноармейцы заявили, что, если ихъ поведетъ Троцкій, они пойдутъ въ атаку. Троцкій согласился, и атака была назначена на 6 часовъ слѣдующаго утра. Когда пришло утро, то оказалось, что Троцкаго и слѣдъ простылъ. Такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней мѣстопребываніе этого храбреца было неизвѣстно, то агенты контръразвѣдки и донесли объ этомъ своему начальнику, Абрамовичу. Послѣдній составилъ докладъ и представилъ его комиссару Главнаго Морского Штаба. Комиссаръ докладъ одобрилъ, написалъ на немъ «Принять къ свѣдѣнію», и тѣмъ бы дѣло все и кончилось. Но этотъ докладъ попалъ въ руки чрезвычайки и возгорѣлось дѣло «о государственной измѣнѣ». Изъ сотни докладовъ, которые Абрамовичъ представилъ по начальству, и въ которыхъ были свѣдѣнія, принесшія въ свое время коммунистамъ пользу, слѣдователемъ былъ взятъ только одинъ злополучный докладъ, и на немъ было построено обвиненіе.

При открытіи судебнаго засѣданія Предсѣдатель Галкинъ предложилъ защитникамъ объявить Трибуналу, какой гонораръ ими полученъ отъ обвиняемыхъ. Вопросъ былъ наглый, но пришлось дать отвѣтъ, потому что конфликтъ съ защитой неминуемо бы ухудшилъ положеніе обвиняемыхъ. Среди защитниковъ былъ П. П. Лидовъ. Когда дѣло дошло до него, онъ заявилъ, что никакого гонорара онъ не взялъ, потому что его подзащитный человѣкъ неимущій, но что ему обѣщано возмѣщеніе расходовъ и оплата труда, если обвиняемый впослѣдствіи будетъ имѣть заработокъ. Галкинъ выразилъ сомнѣніе въ правдивости словъ защитника. Тогда Лидовъ, выведенный изъ терпѣнія поведеніемъ этого негодяя, крикнулъ: «А сколько вы заплатили вашему защитнику, когда васъ судили при царѣ со смертной казнью?» Галкинъ замолчалъ. Онъ зналъ, что его въ свое время защищали безплатно.

Уже въ началѣ процесса чувствовалось, что Оккерлундъ и Абрамовичъ — обреченные. За Оккерлунда я не особенно боялся. За нѣсколько дней до слушанья дѣла его жена показала мнѣ бумагу, подписанную народнымъ комиссаромъ иностранныхъ дѣлъ Чичеринымъ. Это было соглашеніе съ Финскимъ правительствомъ. Послѣднее, въ случаѣ присужденія Оккерлунда къ смерти, соглашалось обмѣнять его на четырехъ русскихъ коммунистовъ, сидящихъ въ финскихъ тюрьмахъ. Кромѣ того, финны обязывались продать Россійской коммунистической республикѣ семь тысячъ пудовъ газетной бумаги. Я зналъ, что Стеклову очень нужна газетная бумага для своихъ длиннѣйшихъ и бездарнѣйшихъ статей, и былъ спокоенъ. Но положеніе Абрамовича было безнадежно. Онъ былъ уже русскій гражданинъ, имѣлъ когда-то чинъ статскаго совѣтника, — а это уже одно обезпечивало гибель. На судѣ Крыленко сталъ утверждать, что свѣдѣнія, собираемыя контръ-развѣдкой, Абрамовичъ передавалъ Антантѣ. И хотя являлся вопросъ, для чего же тогда Абрамовичъ

всѣ свои доклады, въ томъ числѣ и фигурировавшій на судѣ, передавалъ своему комиссару-коммунисту, — все же около Абрамовича образовалась очень тяжелая атмосфера.

Наши опасенія сбылись. Оккерлундъ и Абрамовичъ были приговорены къ разстрѣлу, остальные обвиняемые — къ общественнымъ работамъ и къ заключенію въ концентраціонный лагерь. Комиссару-коммунисту, который выступалъ только въ качествѣ свидѣтеля, Трибуналъ постановилъ сдѣлать строгій выговоръ.

Послѣ прочтенія приговора оказалось, что Трибуналъ позабылъ о мичманѣ Ивановѣ. Крыленко немедленно указалъ на это упущеніе. Тогда Галкинъ заявилъ, что они дѣйствительно забыли обсудить дѣло Иванова, и Трибуналъ вновь удалился на совѣщаніе. Лица родственниковъ Иванова озарились надеждой. Трибуналъ забылъ обсудить его дѣло, значитъ, онъ не можетъ являться центральной фигурой и, значитъ, онъ не можетъ подлежать высшей карѣ. Но защита волновалась, помня выходку негодяя Галкина на процессѣ французской миссіи. Прошло нѣсколько секундъ, въ залѣ вновь появился Галкинъ и прочелъ: «Иванова признать виновнымъ въ государственной измѣнѣ и разстрѣлять». Всѣ трое, — Абрамовичъ, Оккерлундъ и Ивановъ были разстрѣляны на слѣдующій день. Никакія просьбы, никакія мольбы родственниковъ, по обыкновенію, не помогли. Но какимъ образомъ могли разстрѣлять финскаго гражданина Оккерлунда? Вѣдь, относительно него было оффиціальное соглашеніе объ обмѣнѣ его на четырехъ русскихъ коммунистовъ и на 7.000 пудовъ газетной бумаги! Приговоръ приводилъ въ исполненіе господинъ Крыленко, а онъ, повидимому, считалъ, что для славы «соціалистической республики» важнѣе казнить одного контръ-революціонера, чѣмъ получить четырехъ русскихъ коммунистовъ.

Мнѣ передавали, что въ отвѣтъ на убійство Оккерлунда Финляндская власть разстрѣляла четырехъ россійскихъ коммунистовъ.

За что погибъ Абрамовичъ? Кромѣ указаннаго выше документа въ его дѣлѣ не было ни одной черты, которая бы могла его компрометтировать, да и этотъ документъ онъ передалъ своему ближайшему начальнику, комиссару-коммунисту. Абрамовичъ погибъ за то, что осмѣлился оскорбить Троцкаго, усумнившись въ его личной храбрости. Въ прежнее время за оскорбленіе царствующаго императора полагалось наказаніе отъ ареста до каторжныхъ работъ. Обыкновенно судъ назначалъ заключеніе въ крѣпости. Мнѣ извѣстны весьма немногіе случаи, когда царскіе палачи изъ желанія выслужиться назначали за оскорбленіе величества каторжныя работы. А оскорбленіе комиссаровъ, нынѣ царствующихъ въ Россіи должно влечь за собою смерть. Щастный осмѣлился оскорбить Троцкаго, усумнившись въ его «адмиральскихъ способностяхъ», и Щастный погибъ. Та же участь постигла и Абрамовича.

VII

Московскій Революціонный Трибуналъ

Такъ обставлялись дѣла въ Верховномъ Трибуналѣ. — Провокація, предательство, глумленіе надъ обвиняемыми, постоянная кровь.

Хотя Московскій Революціонный Трибуналъ и принялъ съ самаго начала

кабацкій тонъ, все же, въ первое время онъ не выносилъ кровавыхъ приговоровъ; но, заразившись примѣромъ своего старшаго кроваваго брата, скоро ввелъ у себя красный терроръ въ систему. Нужно сказать, что Московскому Революціонному Трибуналу сразу не повезло. Первый его предсѣдатель Моисеенко оказался профессіональнымъ мошенникомъ, лишеннымъ при царѣ правъ по суду. Второй предсѣдатель Берманъ, человѣкъ злобный и весьма ограниченный, превратилъ Трибуналъ въ кабакъ. Онъ первый установилъ обычай, сидѣть во время судебныхъ засѣданій въ шапкахъ; и судьи, и публика курили, грызли сѣмячки. Скандалы и съ защитниками, и съ публикой происходили у него ежедневно. Во время суда надъ извѣстнымъ эс-эромъ Миноромъ, у котораго было три защитника, Берманъ удалилъ изъ залы засѣданія двоихъ. Но третій защитникъ, рабочій, членъ районнаго комитета, отказался уйти добровольно. Тогда Берманъ приказалъ красноармейцамъ удалить рабочаго силой. Тотъ уцѣпился за столъ, а красноармейцы стали тянуть защитника за ноги и за руки. Въ залѣ суда во время засѣданія произошла форменная драка. Берманъ, перегнувшись черезъ судейскій столъ, подбадривалъ красноармейцевъ крикомъ и гиканьемъ. Послѣдніе, конечно, побѣдили, и защитникъ-рабочій былъ выведенъ изъ зала. О. С. Миноръ тоже изъ протеста покинулъ залъ засѣданія, затѣмъ ушелъ обвинитель, бывшій юристъ, человѣкъ, еще не успѣвшій освоиться съ порядками новыхъ судовъ «революціонной совѣсти», а вслѣдъ за обвинителемъ ушла и вся публика. Берманъ остался одинъ со своими судьями-ассистентами, но это не помѣшало ему окончить дѣло и вынести поистинѣ соломоновскій приговоръ. Миноръ былъ редакторомъ газеты «Трудъ», издаваемой московскимъ комитетомъ Партіи С. Р. Газета «Трудъ» печаталась въ частной типографіи Мамонтова, — тогда еще нѣкоторыя типографіи не были реквизированы. И вотъ Берманъ, признавъ редактора Минора виновнымъ въ томъ, что онъ помѣстилъ въ газетѣ «Трудъ» свѣдѣнія, дискредитирующія совѣтскую власть, оштрафовалъ Московскій комитетъ паріи С. Р. на пять тысячъ рублей; въ случаѣ же невнесенія Комитетомъ этихъ денегъ въ опредѣленный срокъ, постановилъ . . . конфисковать типографію Мамонтова.

Свою жестокость и глупость Берманъ весьма ярко выявилъ на процессѣ вольноопредѣляющагося X. Этотъ молодой человѣкъ 18 лѣтъ обвинялся въ томъ, что, находясь въ госпиталѣ, гдѣ онъ лѣчился отъ цѣлаго ряда раненій и контузій, отказался спороть свои солдатскіе погоны. На судѣ этотъ юноша объяснилъ, что онъ добровольно присягалъ Временному Правительству и въ снятіи погонъ видитъ нарушеніе этой присяги. Берманъ призналъ его виновнымъ въ контръ-революціи и приговорилъ къ . . . восемнадцати годамъ общественныхъ работъ — по году работъ за годъ жизни.

Когда Берманъ уѣхалъ заграницу (говорили, что онъ увезъ съ собой порядочную сумму «хорошихъ» денегъ), предсѣдателемъ Московскаго Трибунала былъ назначенъ его помощникъ, Дьяконовъ. Впервые стали появляться смертные приговоры, хотя только заочные. Но это былъ уже плохой симптомъ. Кабацкій тонъ Трибунала, внесенный Берманомъ, измѣнился весьма мало. Однажды на судѣ подъ предсѣдательствомъ Дьяконова разыгрался такой случай. Судили трехъ совѣтскихъ слѣдователей Московскаго Революціоннаго Трибунала за полученіе взятки. Слѣдствіе по этому дѣлу велъ слѣдователь Трибунала, коммунистъ Цирцивадзе. Г-жа К., давшая взятку, утверждала, что она дала ее одному ходатаю по дѣламъ, который и передалъ взятку слѣдователямъ-обвиняемымъ. Но другой свидѣтель утверждалъ, что эта взятка была раздѣлена не

между слѣдователями-обвиняемыми *, а между другими слѣдователями Трибунала, среди которыхъ находился и Цирцивадзе. Когда на первомъ судебномъ засѣданіи Трибуналъ постановилъ обратить дѣло къ дослѣдованію для установленія какихъ-то фактовъ, то одинъ изъ защитниковъ попросилъ Трибуналъ не поручать дослѣдованія Цирцивадзе, такъ какъ въ дѣлѣ имѣются свѣдѣнія, что онъ былъ однимъ изъ участниковъ полученія взятки. Не успѣлъ защитникъ кончить своего слова, какъ въ публикѣ раздался истерическій крикъ: «Я не позволю защитнику меня оскорблять». Это кричалъ Цирцивадзе, произнося угрозы по адресу защитника. Дьяконовъ сейчасъ же вынесъ рѣшеніе: «Въ виду того, что товарищъ Цирцивадзе извѣстенъ Трибуналу, какъ честный коммунистъ, поручить ему дослѣдованіе этого дѣла».

Дѣятельность Дьяконова, повидимому, не удовлетворяла ни Крыленко, ни чрезвычайку, и онъ былъ отставленъ. Его мѣсто занялъ палачъ Петерсъ. Тогда наступила новая эра въ жизни Московскаго Трибунала. Кровь полилась рѣкой.

VIII

Дѣло о покупкѣ англійской валюты

Временное Правительство издало распоряженіе, ограничивающее право свободной покупки иностранной валюты. Эти операціи должны были производиться черезъ кредитную канцелярію. Подобное распоряженіе ставило иногда въ затрудненіе провинціальныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Приходилось издалека ѣздить въ Петербургъ и тратить время на хлопоты. Нашлись люди, которые стали брать на себя подобныя порученія. Среди этихъ людей особенно энергично работалъ нѣкій Вейнбергъ. Ему однажды удалось очень быстро выхлопотать разрѣшеніе на покупку небольшой суммы валюты. Это создало ему репутацію энергичнаго человѣка, и за его содѣйствіемъ стали обращаться многочисленные фабриканты и заводчики. Въ короткое время Вейнбергъ собралъ отъ своихъ довѣрителей болѣе восьми милліоновъ рублей. Каждому изъ нихъ онъ выдалъ расписку въ пріемѣ денегъ для покупки валюты, подписанную директоромъ канцеляріи. Но такъ какъ валюта долго не получалась, то нѣкоторые изъ его довѣрителей, обезпокоенные этимъ обстоятельствомъ, сами поѣхали въ Петербургъ, и въ Кредитной Канцеляріи узнали, что Вейнбергъ никакихъ денегъ на покупку валюты въ Кредитную Канцелярію не передавалъ, и что всѣ расписки, выданныя имъ довѣрителямъ, были подложны. Возникло дѣло. Судебный слѣдователь привлекъ Вейнберга къ отвѣтственности по обвиненію въ мошенничествахъ и въ подлогахъ, а всѣхъ потерпѣвшихъ, въ числѣ пятнадцати человѣкъ, допустилъ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ. Во время слѣдствія произошелъ большевистскій переворотъ. Слѣдователь скрылся, и дѣло пропало. Черезъ годъ, во время одного изъ обысковъ, это дѣло было случайно найдено и передано въ слѣдственную комиссію при Московскомъ Революціонномъ Трибуналѣ. Слѣдователь прежде всего привлекъ въ качествѣ обвиняемыхъ пятнадцать потерпѣвшихъ. Имъ было предъявлено обвиненіе въ спекуляціи. И, несмотря на то, что это привлеченіе было сплошнымъ абсурдомъ, комиссія согла-

* Эти слѣдователи не были коммунистами.

силась съ мнѣніемъ слѣдователя, и суду Революціоннаго Трибунала были преданы Вейнбергъ и пятнадцать потерпѣвшихъ.

Составъ Трибунала состоялъ изъ помощника Петерса, какого-то безцвѣтнаго идіота и двухъ членовъ Ц. К. Вопросы, которые предлагали обвиняемымъ эти невѣжественные люди, вызывали улыбку. Защита допущена не была. Дѣло слушалось черезъ нѣсколько дней послѣ изданія декрета объ уничтоженіи свободной защиты и введеніи кадра защитниковъ-чиновниковъ. Приглашенныхъ ранѣе защитниковъ Трибуналъ не допустилъ, а назначить для защиты чиновниковъ не нашелъ нужнымъ. Вейнбергъ не призналъ себя виновнымъ и разсказалъ какую-то фантастическую исторію о томъ, что арестованные восемь миллюновъ составляютъ только часть его колоссальнаго состоянія, которое равняется сорока тремъ милліонамъ. Вейнбергъ производилъ впечатлѣніе психически больного человѣка. Во время объясненія обвиняемыхъ, которые въ яркихъ чертахъ разсказывали объ его мошенническихъ продѣлкахъ, онъ громко смѣялся. На второй день процесса Вейнбергъ сдѣлалъ неожиданное заявленіе: «Все, что я говорилъ вчера, — сказалъ онъ, — была ложь». — «Ну что-жъ, это ваше дѣло», — спокойно отвѣтилъ предсѣдатель, — «насъ это не касается». Когда обвинитель, бывшій помощникъ военнаго прокурора, не потерявшій еще чувства законности, началъ въ своей рѣчи доказывать, что въ дѣяніяхъ потерпѣвшихъ отъ мошенничества нѣтъ состава преступленія, идіотъ, сидѣвшій на мѣстѣ предсѣдателя, прервалъ его слѣдующими словами: «Гражданинъ обвинитель. Вамъ не предоставлено права защищать, да и вообще эти обвиняемые лишены права защиты».

Вейнбергъ произнесъ въ свою защиту безсвязную рѣчь, которая еще больше подтвердила, что судъ имѣлъ дѣло съ психически больнымъ человѣкомъ. «Я знаю, что я буду разстрѣлянъ», — сказалъ онъ, — «но я умру спокойно, такъ какъ я умираю за идею». Трибуналъ вынесъ мудрый и справедливый приговоръ: — Вейнберга разстрѣлять, а всѣхъ остальныхъ обвиняемыхъ признать виновными въ спекуляціи и конфисковать все ихъ имущество. Вейнбергъ подалъ кассаціонную жалобу и до разсмотрѣнія ея окончательно сошелъ сума. Онъ сталъ проявлять признаки буйнаго помѣщательства. Тюремный врачъ констатировалъ его болѣзнь. Но это не спасло его отъ смерти. Кассаціонный Трибуналъ оставилъ его жалобу безъ послѣдствій, и онъ былъ разстрѣлянъ.

Наступила вакханалія смерти. Петерсъ перенесъ въ Московскій Трибуналъ пріемы чрезвычайки. Ежедневно стали приговаривать къ смерти по нѣскольку человѣкъ. Разстрѣливали рѣшительно за всякое преступленіе. Нѣкій Б. былъ приговоренъ къ смерти за растрату денегъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ. Одна женщина была приговорена къ разстрѣлу за продажу продовольственной карточки. По счастью она оказалась беременной, и большевики, повидимому, изъ подражанія палачамъ Французской Революціи, замѣнили ей смерть безсрочными общественными работами. Викштейнъ, ходатай по дѣламъ, былъ разстрѣлянъ за то, что по мнѣнію слѣдователя, предполагалъ дать ему взятку. Трибуналъ конкурировалъ съ чрезвычайкой. Петерсъ торжествовалъ.

IX

Провинціальные Трибуналы — Дѣло Владимірскаго Управленія

Не лучше обстояли дѣла въ провинціальныхъ трибуналахъ. Мѣстныя власти были помельче властей столичныхъ и свое убожество старались прикрыть маратизмомъ. Мнѣ пришлось однажды выступить въ качествѣ защитника во Владимірскомъ Революціонномъ Трибуналѣ. Обвинялось Губернское Акцизное Управленіе (на коммунистическомъ языкѣ оно носило какое-то нелѣпое названіе). Всѣхъ обвиняемыхъ было 86 человѣкъ, начиная съ управляющаго и кончая сторожемъ. Обвиненіе было предъявлено весьма серьезное — расхищеніе народнаго достоянія. Расхищеніе состояло въ томъ, что передъ праздникомъ Рождества всѣ служащіе получили по бутылкѣ спирта, причемъ стоимость этого спирта была вычтена у каждаго изъ жалованья. Все это было сдѣлано совершенно открыто, съ согласія комиссара финансовъ. Тѣмъ не менѣе, въ двадцатыхъ числахъ февраля было наряжено слѣдствіе, которое продолжалось два дня. Результатомъ этого слѣдствія и было преданіе суду всего бывшаго акцизнаго управленія. Слѣдствіе велъ комиссаръ по гражданскимъ дѣламъ, портной Васильевъ, который и являлся на судѣ главнымъ свидѣтелемъ. Предсѣдательствовалъ коммунистъ Туркинъ, развязный молодой человѣкъ. При царѣ онъ былъ ходатаемъ по дѣламъ и два раза сидѣлъ въ тюрьмѣ за растрату кліентскихъ денегъ. Обвинителей собралось цѣлыхъ четыре. Я не припомню раньше ни одного случая, когда бы былъ такой избытокъ обвинителей. Одинъ изъ нихъ былъ студентъ, профессіональный алкоголикъ, другой — бывшій присяжный повѣренный, третій — человѣкъ неопредѣленной профессіи. Фигура четвертаго обвинителя была весьма колоритна. Это былъ коммунистъ Заводской, бывшій до революціи лакеемъ въ домѣ терпимости. При коммунистахъ онъ занималъ крупную должность предсѣдателя съѣзда народныхъ судей.

Всѣ обвиняемые признали фактъ полученія спирта, но заявили, что они это сдѣлали съ разрѣшенія комиссара финансовъ. Но послѣдняго не удалось допросить, такъ какъ за нѣсколько дней до начала слѣдствія онъ получилъ командировку и уѣхалъ на фронтъ. Свидѣтель, гражданскій комиссаръ Васильевъ, — онъ же и слѣдователь, — произнесъ громовую обвинительную рѣчь, въ которой доказывалъ, что люди, пьющіе водку, совершаютъ великое преступленіе, такъ какъ растрачиваютъ народное богатство. Для того, чтобы сильнѣе доказать, что на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ растратчики народныхъ благъ, Васильевъ вынулъ изъ кармана и положилъ на судейскій столъ цѣлый рядъ порнографическихъ карточекъ, которыя, по его словамъ, онъ нашелъ при обыскѣ у управляющаго акцизными сборами. Показаніе Васильева происходило во второй день процесса. Я замѣтилъ, что на прокурорскихъ скамьяхъ нѣтъ одного изъ обвинителей, — студента. Во время перерыва я поинтересовался узнать, почему студентъ-обвинитель отсутствуетъ въ столь важный моментъ, во время свидѣтельскаго показанія самого губернатора. Предсѣдатель Туркинъ сказалъ мнѣ «по секрету», что наканунѣ вечеромъ студентъ напился до потери сознанія. А еще я узналъ вотъ что. За нѣсколько дней до начала слѣдствія по настоящему дѣлу коммунистическая знать провожала комиссара финансовъ. Нужно было достать спирту. Потребовать у акцизнаго управленія сочли неудобнымъ,

такъ какъ предполагалось возбудить противъ него слѣдствіе. Тогда придумали слѣдующее: слѣдственная комиссія при Владимірскомъ Революціонномъ Трибуналѣ выписала изъ Управленія два ведра спирта для медицинскихъ надобностей. Все было распито при проводахъ. Въ распитіи принималъ, между прочимъ, участіе весь составъ Революціоннаго Трибунала, всѣ четверо обвинителей, и самъ губернаторъ Васильевъ. Далѣе, обвиняемые мнѣ разсказали, что совѣтскіе комиссары всѣхъ ранговъ и высотъ ежедневно требовали отъ нихъ спирта, и это требованіе приходилось удовлетворять во избѣжаніе серьезныхъ непріятностей. Одинъ изъ обвиняемыхъ мнѣ показалъ письмо слѣдующаго содержанія: «Товарищъ N. N. Пожалуйста, пришлите немедленно четверть спирта съ подателемъ сего письма. Не бойтесь, это студентъ, свой человѣкъ. Онъ не выдастъ. Деньги за спиртъ отдамъ при встрѣчѣ. Комиссаръ Финансовъ X.».

Мнѣ очень хотѣлось представить это письмо Трибуналу, но обвиняемые просили меня не дѣлать этого: «привлекутъ комиссара, обратятъ дѣло къ дослѣдованію, а когда вы уѣдете, насъ Васильевъ разстрѣляетъ. Онъ и такъ при допросѣ грозилъ намъ револьверомъ». Пришлось согласиться съ этимъ доводомъ и спрятать письмо.

Несмотря на то, что всѣ обвинители сами были первыми «растратчиками народнаго богатства», они наперерывъ одинъ за другимъ требовали казни всѣхъ обвиняемыхъ. Студентъ алкоголикъ говорилъ о той громадной пользѣ, которую принесетъ спиртъ въ нашей будущей промышленной жизни, и требовалъ смерти тѣхъ, которые уничтожаютъ его ради собственнаго наслажденія. Но всѣхъ превзошелъ лакей изъ дома терпимости. Во время рѣчи онъ почувствовалъ себя Маратомъ и потребовалъ, чтобы всѣхъ обвиняемыхъ зарыли въ землю, и притомъ «такъ глубоко, чтобы до насъ не доходилъ смрадъ ихъ разлагающихся тѣлъ». Въ концѣ рѣчи онъ назвалъ меня «политическимъ авантюристомъ». Я заставилъ его замолчать, и когда мнѣ было предоставлено слово, я разсказалъ Трибуналу и находящейся въ залѣ публикѣ свою жизнь, которая протекла между защитами въ судебныхъ палатахъ и защитами въ военныхъ судахъ. Потомъ, обратившись къ Заводскому, я сказалъ: «А теперь вы разскажите, чѣмъ вы занимались до революціи. Я увѣренъ, что у васъ не хватитъ смѣлости сдѣлать это». Мои слова вызвали улыбку даже среди коммунистовъ, ибо всѣ знали, какую почтенную должность занималъ этотъ членъ коммунистической партіи при царѣ. Мой вопросъ, конечно, остался безъ отвѣта.

Приговоръ Трибунала былъ достаточно мягкій, если только можно говорить о мягкости приговора, когда судятъ ни въ чемъ не повинныхъ людей. Восемь крупныхъ чиновниковъ были приговорены къ общественнымъ работамъ отъ 6 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ, часть обвиняемыхъ была приговорена къ условному тюремному заключенію, остальные получили общественное порицаніе.

Съ тяжелымъ чувствомъ уѣхалъ я изъ Владиміра. Три дня я провелъ въ атмосферѣ лжи и предательства.

Поистинѣ, несчастная страна, которой управляютъ такіе люди.

X

Разстрѣлы подсудимыхъ до суда—Дѣло братьевъ Лютославскихъ. — Дѣло бывшихъ царскихъ министровъ. — Дѣло протоіерея Восторгова

Всякіе способы уничтоженія людей были примѣнены коммунистами. Сотнями отправляла на тотъ свѣтъ чрезвычайка. Верховный и городскіе трибуналы не отставали отъ нея. Но этого было мало. Большевики придумали еще одинъ способъ уничтоженія своихъ противниковъ, и я утверждаю, что никогда и ни одно правительство въ мірѣ не прибѣгало къ такому гнусному и омерзительному способу. (Я говорю о разстрѣлахъ обвиняемыхъ за нѣсколько дней до слушанія ихъ дѣла въ Революціонныхъ Трибуналахъ.) Правда, исторія знаетъ Сентябрьскія убійства во время Великой Французской Революціи, когда толпа парижскихъ санкюлотовъ ворвалась въ тюрьмы, выводила заключенныхъ на улицу, и тутъ же ихъ разстрѣливала. Но здѣсь дѣйствовало не правительство, а толпа. Да и эта необузданная толпа все же устраивала тутъ же на улицѣ примитивный судъ, и извѣстны случаи, когда этотъ импровизированный трибуналъ оправдывалъ заключенныхъ, и тогда ихъ съ торжествомъ отпускали домой. Большевики захотѣли имѣть свои сентябрьскіе дни и вотъ пятаго сентября 1918 года въ Москвѣ было публично разстрѣляно безъ суда свыше восьмидесяти человѣкъ, изъ коихъ большинство было предано суду революціонныхъ трибуналовъ.

* * *

Послѣ паденія Варшавы, въ Москву переселились братья Лютославскіе, Марьянъ и Іосифъ. Оба они принадлежали къ Партіи Народовой Демократіи. Старшій, Марьянъ, талантливый инженеръ, былъ товарищемъ предсѣдателя центральнаго комитета партіи. Политикой въ Москвѣ Лютославскіе не занимались, но поддерживали тѣсную связь со своими товарищами по партіи, очутившимися тоже въ Москвѣ, благодаря эвакуаціи. Съ самаго начала большевистскаго режима Лютославскихъ стала травить вдохновляемая Радекомъ польская коммунистическая газета, издававшаяся въ Москвѣ. Не проходило дня, чтобы газета не обзывала ихъ буржуями и контръ-революціонерами.

Однажды, въ маѣ 1918 года, на квартиру Марьяна Лютославскаго пришелъ неизвѣстный ему человѣкъ, и заявилъ, что у него есть весьма цѣнный документъ, именно — тайное соглашеніе совѣтской власти съ главнымъ германскимъ командованіемъ. Въ силу этого соглашенія Польша предавалась Германіи на растерзаніе. Лютославскій уже раньше слышалъ о существованіи подобнаго документа и, хотя признавалъ его апокрифическимъ, но все же согласился купить его. Неизвѣстный не оставилъ документъ, а предложилъ Лютославскому за сто рублей списать его текстъ, составленный на очень плохомъ французскомъ языкѣ. Подъ нимъ были подписи, какъ главнаго германскаго командованія, такъ и видныхъ коммунистическихъ дѣятелей: Ленина, Радека, Чичерина, Крыленко и другихъ. Лютославскій списалъ текстъ и отдалъ документъ обратно неизвѣстному. На слѣдующій день въ квартиру Лютославскаго явились агенты чрезвычайки, произвели тщательный обыскъ, захватили всѣ бумаги, въ томъ числѣ и копію документа. Маріанъ былъ немедленно арестованъ. Вмѣстѣ съ

нимъ арестовали и его брата Іосифа, который случайно во время обыска находился въ квартирѣ Марьяна. Возникло дѣло, веденіе котораго поручили все той же Еленѣ Размировичъ.

Марьяну Лютославскому было предъявлено обвиненіе въ томъ, что онъ, съ цѣлью дискредитировать совѣтскую власть, сочинилъ текстъ договора, по которому Польша, съ согласія Совѣтскаго Правительства, предавалась на растерзаніе Германіи, для того, чтобы разослать этотъ договоръ въ посольства враждебныхъ Совѣтскому Правительству государствъ. Такое же обвиненіе было предъявлено Іосифу Лютославскому, но, кромѣ того, на основаніи бумагъ, найденныхъ при обыскѣ, его обвиняли еще въ организаціи польскихъ легіоновъ для борьбы съ совѣтской властью. Оба обвиненія по отношенію къ Марьяну и къ Іосифу были настолько нелѣпы, что при нормальномъ положеніи ихъ ничего не стоило разбить. Но коммунисты ведутъ слѣдствіе не на основаніи общечеловѣческихъ принциповъ, а на основаніи «коммунистической совѣсти». Для нихъ въ дѣлѣ Лютославскихъ было важно одно: и тотъ, и другой состояли членами партіи Народовой Демократіи, и потому ихъ нужно было «уничтожить». Размировичъ вела слѣдствіе съ небывалой наглостью. Она не допускала никакихъ доказательствъ невинности. Лютославскіе говорили по-французски, какъ парижане. Марьянъ неоднократно произносилъ въ Парижѣ рѣчи на политическихъ собраніяхъ. Документъ, инкриминируемый братьямъ Лютославскимъ, былъ написанъ на очень плохомъ французскомъ языкѣ. Было очевидно, что его писалъ человѣкъ, мало знающій этотъ языкъ. Среди бумагъ, захваченныхъ у Марьяна Лютославскаго, было обширное письмо на французскомъ языкѣ, написанное Марьяномъ и адресованное Римскому Папѣ. Я, какъ защитникъ Лютославскихъ, просилъ Размировичъ пригласить по ея выбору эксперта француза, заставить его поговорить съ Лютославскимъ, показать ему письмо къ Римскому Папѣ, и предложить вопросъ, можетъ ли человѣкъ, идеально говорящій по-французски, сочинить документъ, полный самыхъ неправильныхъ оборотовъ, полный самыхъ варварскихъ выраженій. На мое прошеніе послѣдовала краткая резолюція: «Въ просьбѣ защитнику отказать, потому что она не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу».

Я узналъ, что этотъ апокрифическій документъ былъ напечатанъ мѣсяца за два, за три до ареста Лютославскихъ, въ «Gazette de Lausanne» и въ «Lokalanzeiger». Я просилъ г-жу Размировичъ запросить редакцію той или другой газеты, откуда они получили такой документъ. Я рисковалъ, такъ какъ въ случаѣ отвѣта «изъ Россіи» судьба Лютославскихъ была бы опредѣлена. Но я зналъ, что этотъ документъ былъ сфабрикованъ внѣ Россіи. Вторичную просьбу постигла судьба первой. Г-жа Размировичъ мнѣ отказала, ссылаясь, что и это не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу. Найти другіе способы доказать отрицательный фактъ я не могъ, и въ моей душѣ теплилась слабая надежда, что въ Верховномъ Трибуналѣ мнѣ удастся добиться приглашенія эксперта, хотя я и понималъ, что дѣло не въ экспертѣ, а въ томъ, что Лютославскіе — политическіе враги, и что они никогда не воспримутъ Радековскихъ идей.

Не лучше обстояло дѣло и Іосифа. Онъ, дѣйствительно, пытался формировать польскіе легіоны, но дѣлалъ это съ разрѣшенія г-на Троцкаго. Казалось, что прежде всего надо спросить объ этомъ Троцкаго. Я подалъ г-жѣ Размировичъ мотивированное прошеніе. Послѣдовало благосклонное разрѣшеніе: Троцкій будетъ допрошенъ. Въ то время большевики еще либеральничали.

Защита допускалась на предварительномъ слѣдствіи, могла присутствовать при допросѣ свидѣтелей и задавать имъ вопросы. Я былъ увѣренъ, что при допросѣ Троцкаго мнѣ удастся доказать ложность второго обвиненія. Но увѣренность моя была преждевременна. Оказалось, что Троцкаго допрашивали не такъ, какъ простыхъ смертныхъ, которыхъ вызываютъ въ камеру слѣдователя. Такую персону, какъ Троцкій, г-жа Размировичъ не посмѣла безпокоить. Она даже не дерзнула поѣхать къ нему на квартиру для допроса. Она просто послала Троцкому вопросъ, написанный на четвертушкѣ бумаги: «Давали ли Вы разрѣшеніе гражданину Іосифу Лютославскому на формированіе польскихъ легіоновъ?» Его величество Троцкій на той же бумажкѣ между строчекъ вопроса изволилъ собственноручно начертать: «Нѣтъ, а впрочемъ не помню». Не нужно было быть юристомъ, чтобы понять, что отвѣтъ Троцкаго не вносилъ ничего для раскрытія истины. А между тѣмъ, если бы его допросилъ слѣдователь, и ему было бы указано, при какихъ обстоятельствахъ имъ была дана Іосифу Лютославскому аудіенція, Троцкій могъ бы припомнить, что онъ дѣйствительно далъ разрѣшеніе Іосифу на формированіе польскихъ легіоновъ.

Та же Размировичъ за нѣсколько дней до «допроса» Троцкаго отказала мнѣ въ допросѣ «совѣтскаго генерала» Бончъ-Бруевича, мотивировавъ свой отказъ тѣмъ, что въ совѣтской Россіи генераловъ нѣтъ. Оказывается, генералы есть, и къ нимъ очень почтительны господа вродѣ Размировичъ. На мое требованіе, чтобы Троцкаго допросили такъ, какъ допрашиваютъ всѣхъ гражданъ Совѣтской Республики, Размировичъ отвѣтила, что защитникъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ способы допроса свидѣтелей. Слѣдователь допрашиваетъ свидѣтелей такъ, какъ онъ находитъ нужнымъ.

«Слѣдствіе» велось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ дѣлѣ было много бумагъ, написанныхъ по-французски. Я потребовалъ перевода всѣхъ бумагъ на русскій языкъ, и это отняло довольно много времени. Лютославскіе сидѣли въ Бутырской тюрьмѣ. Я часто вызывалъ ихъ въ Слѣдственную Комиссію, которая помѣщалась на Спиридоновкѣ, въ Георгіевскомъ переулкѣ. Оффиціально я мотивировалъ эти вызовы необходимостью просматривать документы въ присутствіи обвиняемыхъ. Ихъ сопровождали два солдата тюремной стражи. Иногда солдаты за извѣстное вознагражденіе разрѣшали Лютославскимъ зайти къ себѣ домой и пообѣдать въ кругу семьи. И вотъ, тогда возникла мысль подкупить стражу и бѣжать, въ то время, когда изъ слѣдственной комиссіи ихъ будутъ отводить обратно въ тюрьму. Долго мы обсуждали этотъ планъ, но въ концѣ концовъ его пришлось оставить, такъ какъ и у Марьяна, и у Іосифа въ Москвѣ жили семьи, состоящія изъ жены и дѣтей. Мы были увѣрены, что негодяй Радекъ выместитъ на женахъ и дѣтяхъ исчезновеніе Лютославскихъ, а рисковать жизнью, или даже свободой своихъ семей Лютославскіе, конечно, не хотѣли.

Слѣдствіе было закончено. Приближался день суда. Лютославскимъ были уже вручены обвинительные акты и въ серединѣ августа ихъ изъ Бутырской тюрьмы перевели въ Кремль, какъ обыкновенно большевики дѣлаютъ по всѣмъ крупнымъ процессамъ, разбирающимся въ Верховномъ Трибуналѣ. Верховный Трибуналъ только-что открылся и дѣло Лютославскихъ должно было слушаться однимъ изъ первыхъ. Лютославскихъ поселили въ зданіи Судебныхъ Установленій, въ помѣщеніи бывшихъ курьеровъ въ подвальномъ этажѣ. Вмѣстѣ съ ними помѣстили переведенныхъ тоже изъ Бутырской тюрьмы бывшаго ми-

нистра юстиціи Щегловитова, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Хвостова и бывшаго директора департамента полиціи Бѣлецкаго, которые были преданы суду Верховнаго Трибунала за свою дѣятельность при царѣ. Во время моихъ посѣщеній Лютославскихъ я познакомился съ Щегловитовымъ и Бѣлецкимъ. Хвостовъ каждый разъ при моемъ появленіи въ общей комнатѣ сейчасъ же уходилъ въ клѣтушокъ, служившій спальней, заваливался спать, причемъ немилосердно храпѣлъ. Щегловитовъ являлъ весьма жалкій видъ. Отъ бывшаго диктатора ничего не осталось. Заискивающимъ тономъ онъ просилъ меня разрѣшить ему и Бѣлецкому остаться въ общей комнатѣ во время моихъ переговоровъ съ Лютославскими. Я, конечно, согласился. Послѣ дѣловыхъ разговоровъ начиналась общая бесѣда. Дѣло Щегловитова должно было слушаться въ Верховномъ Трибуналѣ первымъ. Вторымъ предполагалось назначить дѣло Хвостова, третьимъ — дѣло Лютославскихъ. И Щегловитовъ, и Бѣлецкій не скрывали отъ себя ожидавшаго ихъ печальнаго исхода процесса. Но Бѣлецкій все время твердилъ: «А большевики меня все-таки не разстрѣляютъ. У меня есть ціанистый калій, и я приму его послѣ вынесенія мнѣ смертнаго приговора». Эта мысль, повидимому, сильно поддерживала его духъ.

Во время нахожденія Лютославскихъ въ Кремлѣ произошло покушеніе на Ленина, начались кровавыя репрессіи. Я сталъ волноваться за судьбу Лютославскихъ, зная по опыту, что для большевистскихъ гнусностей нѣтъ предѣловъ. 2-го сентября я пошелъ къ польскому посланнику при Совѣтской Республикѣ А. Р. Ледницкому и высказалъ ему свои опасенія. Я боялся, какъ бы Лютославскихъ не разстрѣляли во время краснаго террора. Ледницкій успокаивалъ меня и показалъ оффиціальное заявленіе народнаго комиссара иностранныхъ дѣлъ, обращенное къ представителю Польской Республики, въ которомъ Чичеринъ писалъ, что польскіе граждане не будутъ разстрѣливаться совѣтскими властями безъ суда. Эта бумага успокоила меня весьма слабо. Я зналъ, что стóитъ большевистское слово, и помнилъ дѣло лейтенанта Оккерлунда.

5-го сентября у меня на квартирѣ происходило совѣщаніе по дѣлу Лютославскихъ съ представителями польскаго общества. Одинъ изъ участниковъ совѣщанія принесъ вечернюю газету, изъ которой мы узнали, что сегодня днемъ въ Петровскомъ паркѣ, въ присутствіи публики, были разстрѣляны свыше восьмидесяти «буржуевъ и контръ-революціонеровъ». Среди разстрѣлянныхъ были бывшіе царскіе министры Щегловитовъ, Хвостовъ, Маклаковъ, Протопоповъ, бывшій Директоръ Департамента полиціи Бѣлецкій, протоіерей Восторговъ, польскіе граждане князья Любомірскіе и др. Присутствовавшіе у меня поляки заявили, что въ Москвѣ князей Любомирскихъ нѣтъ. У меня заныло сердце. Я почувствовалъ, что мы имѣемъ дѣло съ репортерской ошибкой, и что подъ фамиліей Любомірскихъ скрываются Лютославскіе. Поздно вечеромъ того же дня я получилъ записку отъ жены Іосифа Лютославскаго, которая съ тревогой извѣщала меня, что сегодня утромъ Марьянъ и Іосифъ были увезены куда-то изъ Кремля, и что она не можетъ найти ихъ слѣдовъ. Я провелъ тревожную ночь и утромъ отправился къ Крыленко.

Крыленко занималъ прекрасный особнякъ князя Гагарина въ Георгіевскомъ переулкѣ, какъ разъ противъ Слѣдственной Комиссіи, въ которой главенствовала его супруга, г-жа Размировичъ. Особнякъ былъ обставленъ съ большимъ вкусомъ, но это былъ вкусъ прежняго владѣльца. Когда я раньше приходилъ по дѣламъ къ Крыленко, онъ принималъ меня въ первой комнатѣ, гдѣ работали машинистки. На этотъ разъ онъ провелъ меня въ дальнюю гостиную.

Это не предвѣщало ничего хорошаго. Я спросилъ Крыленко: «Гдѣ Лютославскіе?» — «Они вчера разстрѣляны», совершенно спокойно отвѣтилъ Крыленко. Мои нервы не выдержали. Я сталъ повышеннымъ тономъ говорить ему, что это предательство, что Лютославскіе были подъ его охраной, и что онъ не смѣлъ отдать ихъ подъ разстрѣлъ. Я напомнилъ ему о бумагѣ Чичерина, видѣнной мной у Ледницкаго. Крыленко молча слушалъ, а затѣмъ удивленнымъ тономъ спросилъ: «Скажите, почему васъ это волнуетъ?» Въ этихъ словахъ выразилось все міросозерцаніе этого предателя-палача. Дѣйствительно, стоитъ ли волноваться? Что это — мои близкіе друзья, или родственники? Развѣ это коммунисты, смерть которыхъ долженъ оплакивать каждый обитатель совѣтскаго рая? Нѣтъ, это буржуи и реакціонеры, члены партіи Народовой Демократіи... Я больше не могъ выносить этого наглаго цинизма, и быстро вышелъ изъ комнаты. Я долго бродилъ по Москвѣ, потрясенный этимъ убійствомъ. Я зашелъ къ другу Лютославскихъ, варшавскому присяжному повѣренному Мрозовскому, разумные совѣты котораго я очень цѣнилъ, но не засталъ его. Наконецъ, я вернулся домой. Дома мнѣ сказали, что въ мое отсутствіе ко мнѣ заходилъ справиться о своемъ отцѣ сынъ Марьяна Лютославскаго, студентъ первокурсникъ. Не заставъ меня, онъ отправился къ Крыленко, причемъ просилъ мнѣ передать, что послѣ Крыленко опять зайдетъ ко мнѣ.

Много я видѣлъ въ своей жизни слезъ, много я перечувствовалъ чужихъ страданій. Я помню, при царѣ пришла ко мнѣ немолодая женщина, сына которой я защищалъ. Его приговорили къ смерти. Приговоръ былъ утвержденъ, всѣ просьбы о помилованіи были оставлены безъ послѣдствій, и онъ долженъ былъ умереть въ ближайшую ночь. Она вошла въ кабинетъ и сѣла около стола. Она ничего не спросила меня. По моему лицу она поняла, что уже нѣтъ никакой надежды. Она молчала... и только ея слезы капали на письменный столъ. Молча она ушла, а на моемъ столѣ осталось маленькое озеро материнскихъ слезъ... Но я не зналъ, хватитъ ли у меня силы сказать этому юношѣ, который принесетъ съ собой слабый лучъ надежды, ужасную вѣсть о гибели его отца и дяди. Я былъ увѣренъ, что Крыленко его не приметъ.

Юноша пришелъ. Въ его глазахъ, дѣйствительно, теплился лучъ надежды. Я обнялъ его и сообщилъ ему о гибели его близкихъ... Вотъ что разсказалъ онъ мнѣ потомъ. Отъ меня онъ отправился къ Крыленко. Онъ долго добивался пропуска и наконецъ былъ впущенъ въ первую комнату. Крыленко не было. Ему пошли доложить. Крыленко пріотворилъ дверь, высунулъ голову и спросилъ: «Что надо?». — «Гдѣ мой отецъ и дядя?» спросилъ молодой Лютославскій. «Изъ газетъ узнаете», крикнулъ Крыленко и захлопнулъ дверь...

Какъ мнѣ передавали, разстрѣлъ Лютославскихъ, бывшихъ министровъ и другихъ несчастныхъ русскихъ гражданъ произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Утромъ 5 сентября къ помѣщенію, гдѣ содержались Лютославскіе, подъѣхалъ автомобиль и чекисты объявили заключеннымъ, что Чрезвычайная Комиссія требуетъ арестованныхъ на Лубянку для передопроса. Лютославскіе, Щегловитовъ, Хвостовъ и Бѣлецкій были посажены въ автомобиль и увезены. Ничего не подозрѣвавшій Бѣлецкій не захватилъ съ собой яда. На Лубянку изъ всѣхъ мѣстъ заключенія было привезено много народа. Тамъ имъ было объявлено, что всѣ они сегодня будутъ разстрѣляны. Это извѣстіе, благодаря своей неожиданности, произвело потрясающее впечатлѣніе. Раздались слезы, послышались истерическіе крики. Всѣхъ обреченныхъ на смерть было

болѣе 80 человѣкъ. Среди нихъ былъ протоіерей Восторговъ, обвинявшійся въ спекуляціи. Много грѣховъ было на душѣ у Восторгова. Всю жизнь занимался онъ доносами, травлей людей и національностей и велъ жизнь, не подобающую проповѣднику идей Христа, но дѣло, по которому его обвиняли большевики, не заключало въ себѣ ничего преступнаго, и по обыкновенію было спровоцировано чрезвычайкой. И этотъ человѣкъ передъ смертью проявилъ рѣдкое величіе духа. Онъ предложилъ всѣмъ желающимъ исповѣдаться у него. И много людей потянулось къ нему за исповѣдью. Въ одну кучу смѣшались всесильные министры, спекулянты, офицеры и просто мирные обыватели, захваченные большевиками. И у этого человѣка, который самъ долженъ былъ умереть черезъ нѣсколько часовъ, для каждаго нашлось слово утѣшенія. А вотъ другой служитель Христа, Макарій Гнѣвушевъ, тоже предназначенный къ разстрѣлу, предложилъ чрезвычайкѣ раскрыть всѣ тайны высшаго русскаго духовенства, при условіи, если ему будетъ сохранена жизнь. Чрезвычайка согласилась. И полилась на страницахъ оффиціальной газеты грязь, разоблачавшая нравы нашего духовенства. Такъ разно поступили эти два человѣка, одинаково позорно проведшіе свою жизнь.

Разстрѣляли всѣхъ въ Петровскомъ паркѣ. Казнь была совершена публично. Чекисты выкрикивали имена казнимыхъ. Указывая на Щегловитова, они кричали: «Вотъ бывшій царскій министръ, который всю жизнь проливалъ кровь рабочихъ и крестьянъ» . . . За нѣсколько минутъ до разстрѣла, Бѣлецкій бросился бѣжать, но приклады китайцевъ вогнали его въ смертный кругъ. Послѣ разстрѣла всѣ казненные были ограблены. Большевистская власть въ видѣ поощренія разрѣшаетъ палачамъ обирать трупы казненныхъ.

На Марьянѣ Лютославскомъ было надѣто старое фамильное кольцо-печатка. Всѣ старанія получить его, или что нибудь изъ вещей, бывшихъ на Лютославскихъ въ моментъ смерти, не увѣнчались успѣхомъ. Все было расхищено.

Документы

Ставка 25—26 Октября 1917 г.

Печатаемые матеріалы являются частью документовъ, захваченныхъ Добровольческой Арміей при занятіи ею Кіева осенью 1919 г. Относительно того, какъ они попали въ Кіевъ, можно высказаться только предположительно; вѣроятно, они относятся къ тѣмъ документамъ, которые Духонинъ за нѣсколько дней до захвата Ставки большевиками отправилъ въ болѣе надежное мѣсто (объ одной такой попыткѣ, правда неудачной, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ генералъ Лукомскій, см. Архивъ, т. V стр. 131).

Документы представляютъ изъ себя двѣ прошнурованныя вмѣстѣ, напечатанныя на пишущей машинкѣ тетради бѣлой, а частью сѣрой писчей бумаги большого формата. Въ первой изъ этихъ тетрадей 26 страницъ, во второй — 21 страница. Большинство листовъ имѣютъ рельефный оттискъ фабричнаго клейма, представляющаго двуглавый орелъ, справа и слѣва отъ него цифра 6, а подъ нимъ слова: «князя Паскевича». Въ правомъ верхнемъ углу первой страницы первой тетради надпись на пишущей машинкѣ «секретно», а рядомъ съ нею отъ руки надпись: «по приказанію Нач. Штаба хранить въ особо секретномъ ящикѣ. Шткап. Месснеръ, 6/19 Апр. 1920 г. Пикулицы». На оборотной сторонѣ послѣдней страницы второй тетради надпись отъ руки: «итого въ семъ дѣлѣ пронумеровано (отъ 1 до 26 и отъ 1 до 21) 47 (сорокъ семь) листовъ». «Помощникъ Начальника Оперативнаго отдѣленія Штаба Отдѣльной Русской Добровольческой Арміи Штабсъ-Капитанъ Львовъ, 7/20 Апрѣля 1920 года Пикулицы». Подъ этой надписью круглая печать, въ центрѣ которой двуглавый орелъ, а по окружности надпись: Добровольческая Армія Штабъ. Этой же печатью проштемпелеваны всѣ страницы обѣихъ тетрадей.

Настоящія тетради содержатъ копіи телеграфныхъ лентъ. Повидимому, по приказанію Духонина въ Ставкѣ была заготовлена сводка изъ наиболѣе важныхъ телеграммъ, которыми въ дни большевистскаго переворота обмѣнивалась Ставка съ фронтами и съ Петроградомъ. Сводка эта явно была составлена крайне спѣшно и неаккуратно. Этимъ объясняется, какъ отсутствіе номеровъ и датъ въ отдѣльныхъ телеграммахъ, такъ и то, что приводимый въ сводкѣ матеріалъ находится въ безпорядкѣ и имѣетъ много пропусковъ. Восполнить пропуски, къ сожалѣнію, не было возможности, но весь матеріалъ приведенъ по возможности въ хронологическій порядокъ, на основаніи преимущественно внутреннихъ указаній, которыя можно было извлечь изъ каждой телеграммы.

Много цѣнныхъ свѣдѣній любезно сообщены бывшимъ Комиссаромъ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго Владиміромъ Бенедиктовичемъ Станкевичемъ.

Телеграммы печатаются ниже за нумерами. Въ тетрадяхъ онѣ помѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Первая тетрадь: II, XVIII, XVII, XIX, XX, X, XIII, XIV, III, XXI, XXII, XI, XXVI, IV, VII, VI, V, VIII, XVI, XXIX, XXIV, XL, XV, XLI, XLII, XII, XLIII, I, XXXIV.

Вторая тетрадь: XXXV, XXVII, XXVIII, XXXVII, XXXIX, IX, XXIII, XXV, XXXVIII, XLIV, XLV, XXXIII, XXX, XXXI, XXXII, XXXVI.

Не включены въ общую хронологическую послѣдовательность печатаемые въ концѣ 4 отрывка, относительно которыхъ трудно сказать, къ какому контексту они относятся, а также разговоръ, печатаемый подъ XLI. Этотъ разговоръ, повидимому, происходилъ, за нѣсколько дней до или послѣ 25-го октября; однако, безусловно убѣдительныхъ данныхъ для его датировки нѣтъ и поэтому онъ приводится съ особымъ примѣчаніемъ въ концѣ вмѣстѣ съ совсѣмъ безформенными отрывками.

Воспроизведенъ текстъ точно по тетрадямъ. Исправлены лишь совершенно явныя, не возбуждающія никакихъ сомнѣній, описки. Во всѣхъ случаяхъ, когда возникало самое малѣйшее сомнѣніе, исправленія приведены въ квадратныхъ скобкахъ, причемъ для экономіи мѣста квадратныя скобки были вставлены непосредственно за той буквой или рядомъ буквъ, которыя надо исправить. Въ такихъ же квадратныхъ скобкахъ приводятся и предполагаемые пропуски и, наконецъ, въ эти же квадратныя скобки вставлены и составленные редакціей заголовки отдѣльныхъ телеграммъ и разговоровъ. Исправленія ограничены до минимума, особенно въ отношеніи знаковъ препинанія, которые вставлены только тогда, когда ихъ отсутствіе явно затрудняетъ чтеніе. Также не исправлены обычные для телеграфнаго стиля пропуски предлоговъ (какъ напр. Псковѣ вмѣсто въ Псковѣ и т. д.).

Слова, которыя вѣроятно являются ошибками или вставками переписчика, и которыя затрудняютъ пониманіе, вставлены въ остроугольныя (< >) скобки. Круглыя скобки (( )) — скобки оригинала.

Громадное большинство телеграммъ и разговоровъ приведены въ оригиналѣ безъ всякихъ абзацовъ сплошной строчкой. Для облегченія чтенія выдѣлено красной строкой начало разговора (или отвѣта) каждаго изъ говорившихъ, причемъ фразы, начинающіяся съ красной строки и въ оригиналѣ, отмѣчены, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эта красная строка совпадаетъ съ красной строкой печатнаго текста, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда она не совпадаетъ, — тире (—).

Документы доставлены «Архиву» Е. Месснеромъ.

[I. РАЗГОВОРЪ А. Ф. КЕРЕНСКАГО СЪ Н. Н. ДУХОНИНЫМЪ въ ночь съ 21-го на 22-ое Октября 1917 г. *]

— У аппарата Наштаверхъ **.

Здравствуйте, Николай Николаевичъ.

Здравія желаю, Александръ Федоровичъ. Что прикажете.

Жалѣю, что непредвидѣнныя обстоятельства задержали мой пріѣздъ, въ общемъ хочу освѣдомить Васъ, чтобы не было какихъ либо недоразумѣній. Мой пріѣздъ въ общемъ задержанъ отнюдь ни[е] опи[а]са[е]ніемъ какихъ либо волненій, возстаній и тому подобное, съ этимъ и безъ меня бы управились, такъ какъ все организовано. Я задержался необходимостью спѣшномъ поряд[кѣ] реорганизоватъ высшее управленіе Военномъ Министерствѣ, такъ какъ генералъ Верховскій сегодня уѣзжаетъ въ отпускъ и фактически на свой постъ не вернется, вызванъ этотъ отъѣздъ его болѣзненнымъ утомленіемъ на почвѣ котораго има[ъ] было сдѣлано послѣднее время нѣсколько трудно объяснимыхъ и весьма по собственному его позднѣйшему приказа [признанію] не тактичныхъ выступленій. Въ особенности положеніе сдѣлалось невозможнымъ послѣ заявленій его, сдѣланныхъ секретномъ засѣданіи международной комиссіи совѣта Республики по вопросу о боеспособности арміи и возможности продолженія войны и по вопросу о реорганизаціи власти [для] борьбы съ анархіей, съ указаніемъ на необходимости усиленія личнаго начала. Выступленія эти вызвали огромныя недоразумѣнія и даже переполохъ, такъ какъ были совершенно неожиданныя даже для присутствовавшихъ засѣданіи членовъ Временнаго Правительства. Положеніе для Верховскаго создалось безвыходное. Мнѣ пришлось взять на себя скорѣйшую ликвидацію возможно безболѣзненную этого эпизода, такъ какъ всѣ эти заявленія могли быть подхвачены крайними элементами съ обѣихъ сторонъ, что Бурцевъ уже и попытался сдѣлать, конечно, извративъ факты и, что съ другой стороны пытаются сдѣлать большевики. Временно за отъѣздомъ въ [от]пускъ Военмина *** съ освобожденіемъ его отъ всѣхъ обязанностей, управляющимъ Военнымъ Министерствомъ назначается генералъ Маниковскій, а общее руководство и [въ] особенности политической части передается Министру Предсѣдателю, такимъ образомъ курсъ Военнаго Министерства остается вп[ол]нѣ

* Дата опредѣляется приводимымъ въ текстѣ оффиціальнымъ германскимъ военнымъ сообщеніемъ.

** Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, Николай Николаевичъ Духонинъ.

*** Военный министръ.

демократическимъ и объ этомъ нужно освѣдомить Комиссархевера[верха]* для того, чтобы онъ могъ своевременно оповѣстить фронтъ и пресѣчь возможныя попытки использованія ухода Военмина съ противогосударственными цѣлями. Это главное. Втрое. Необходимо самый краткій срокъ выбрать и направить Петербургъ распоряженіе начальника управленія милиціей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ князя Эристова человѣкъ полтораста офицеровъ, находящихся настоящее время въ резервѣ и не у дѣлъ [для] спѣшной подготовки и посылки ихъ распоряженіе губернскихъ комиссаровъ для содѣйствія организаціи милиціи и вообще для содѣйствія въ управленіи и борьбѣ съ анархіей, конечно нужно вызвать желающихъ, но не бывшихъ жандармскихъ и полицейскихъ офицеровъ и затѣмъ отобрать лучшихъ. Сдѣлать это нужно въ кратчайшій срокъ. На рядъ телеграммъ я не отвѣчалъ, предполагая пріѣхать раньше субботы. Главное, что всѣхъ во Временномъ Правительствѣ интересуетъ и волнуетъ это размѣръ и темпъ возможнаго сокращенія арміи и ея преобразованія, такъ какъ Министерство Финансовъ и Продовольствія насѣдаетъ на насъ очень рѣшительно. Извѣстенъ ли Вамъ приказъ Военмина о надзорѣ фронтовыхъ дивизій надъ запасными полками. Я думалъ бы, что его нужно скорѣе провести въ жизнь. Имѣется ли что либо у Васъ съ фронта и въ особенности съ итальянскаго.

Приказъ Военмина извѣстенъ и сообщенъ для немедленнаго проведенія въ жизнь. Сегодня мнѣ привезена новая кажется уже третья по счету редакція положенія о войсковыхъ комитетахъ отъ Военнаго Министра. Послѣ новаго ея пересмотра политическихъ[омъ] отдѣлѣ и [съ] представителями изъ демократическаго совѣщанія она непріемлема для арміи, какъ несогласованная со стремленіями повысить боеспособность арміи и поднять авторитетъ начальниковъ и въ этомъ отношеніи она значительно уступаетъ предыдущей редакціи. Не приняты во вниманіе мнѣнія представителей строя и основныя положенія нашей программы, соблюдены интересы только комитетовъ и въ скрытомъ видѣ проведена полностью аттестація начальниковъ комитетами. Комисарверхомъ разослано циркулярно комиссарамъ фронта, сообщенное мнѣ въ копіи, предложеніе о составленіи по соглашенію съ Главнокомандующими аттестаціонныхъ списковъ для выдвиженія [на] отвѣтственныя командныя должности совмѣстно съ комитетами, причемъ приложена инструкція о порядкѣ назначенія должностныхъ лицъ до начальниковъ дивизіи включительно, причемъ установлены извѣстные служебные стажи для разныхъ должностей. По свѣдѣніямъ германцевъ, <что> на Итальянскомъ фронтѣ взято плѣнныхъ 200 000 и до 1800 орудій**. По донесеніямъ нашихъ агентовъ положеніе нѣсколько упрочилось, вторая и третья арміи отошли за рѣку Таглименто, взорвавъ всѣ мосты, начала отходъ и 4-я армія, которая стояла на границѣ Тріента, но безъ давленія по приказамъ. — Французы и англичане послали на помощь свои войска, въ общемъ до 7-ми дивизій. Есть свѣдѣнія, что эти войска уже подходятъ къ итальянцамъ. Что же касается сокращенія армій, то [въ] этомъ отношеніи дѣлается рѣшительно все возможное, ускорить темпъ сокращенія совершенно невозможно безъ существеннаго ущерба боеспособности армій, а главное въ виду предвыборной кампаніи. Всѣ запасные и третьеочередные полки, подлежащіе расформированію возбуж-

* Комиссаръ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго, Владиміръ Бенедиктовичъ Станкевичъ.

** По оффиціальному германскому сообщенію, опубликованному въ вечернихъ газетахъ отъ субботы 3 XI (21/X) 1917 г., на итальянскомъ фронтѣ захвачено въ плѣнъ 220 000 солдатъ и 1800 орудій.

дають ходатайство о началѣ таковаго по окончаніи выборовъ и на этой почвѣ волнуются. При такихъ условіяхъ форсировать расформированіе [нужно] крайне осторожно на всѣхъ фронтахъ работають комиссіи по сокращенію. Представителями отъ Воен. Министерства и Ц. К. работы эти встрѣчають извѣстныя затрудненія въ общественныхъ организаціяхъ и въ реформѣ объединенія, съ мѣстъ указывають на слишкомъ штаты пухлые объединяющихъ органовъ и я въ этомъ отношеніи урѣзываю [съ] Пономштаверхомъ *. Продолжають поступать съ фронта донесенія о непрекращающемся безобразіи и погромахъ запасныхъ полковъ, которые немедленно расформировываются. Привлеченіе[мъ] виновныхъ суду. На желѣзныхъ дорогахъ продолжаются анархическія выступленія солдатскихъ группъ. Подтвердилъ всюду о необходимости рѣшительныхъ мѣръ, не останавливаясь передъ примѣненіемъ оружія, было бы желательнымъ въ подтвержденіи этомъ вашемъ приказѣ или телеграммѣ ибо необходимо остановить эти угрожающія явленія на желѣзнодорожныхъ узлахъ и базисныхъ складахъ, сотни и тысячи солдатъ на довольствіи, но на работы по нагрузкѣ выходятъ десятки, а кое гдѣ и никто не выходитъ, вслѣдствіи этого задерживается доставка на фронтъ разнаго рода грузовъ. Вязьмѣ напримѣръ задержанъ транспортъ теплой одежды на фронтъ, Москвѣ интендантскіе и авіаціонные грузы. Указалъ принять рѣшительныя мѣры какъ въ отношеніи нерадивыхъ солдатъ, такъ и начальствующихъ лицъ, допускающихъ попустительства.

— Я очень прошу спроектировать соотвѣтствующій приказъ отъ моего имени и его издать, хорошо было бы, чтобы въ этомъ приказѣ было фактически установлено все о чемъ сейчасъ Вы говорили, кстати не помните ли Вы, Николай Николаевичъ, изданъ ли мой приказъ, который я Вамъ показывалъ Петербургѣ по поводу разгромовъ военныхъ судовъ на фронтѣ, что касается положенія объ армейскихъ организаціяхъ я имъ весьма не удовлетворенъ и все что мнѣ удастся исправить я сдѣлаю хотя обстановка для этого создалась неблагопріятная въ виду эпизода мной Вамъ разсказаннаго. Вы сообщили мнѣ о телеграммѣ Комиссарверха о порядкѣ назначенія начальниковъ мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно [аго] и не сказали разосланъ ли онъ послѣ предварительныхъ переговоровъ съ вами или вы ознакомились только изъ копіи послѣ разсылки и каково Ваше мнѣніе объ этой телеграммѣ.

— Приказъ о разгромѣ судовъ опубликованъ былъ тогда же, что касается сно[отно]шенія комиссара, то о своемъ предположеніи разослать онъ мнѣ предварительно не говорилъ и я узналъ лишь изъ препровожденной мнѣ копіи его начальника канцеляріи, бумага эта говоритъ о томъ, что приказъ по военному вѣдомству нр. 437 о назначеніи на командныя должности достойныхъ лицъ не считаясь съ чинами остается мертвой буквой и для своего осуществленія нуждается въ планомѣрной и систематической работѣ руководящихъ силъ; на сѣверномъ фронтѣ по соглашенію съ Главкосѣвомъ ** была составлена инструкція объ аттестаціи на командныя должности, которая имѣла цѣлью дать въ руки высшаго командованія подробныя свѣдѣнія объ офицерскомъ составѣ и послужить основой для выдвиженія способныхъ лицъ на высшія должности. Инструкція была препровождена Главкосѣвомъ Командармо[а]м ***, а Комиссарсѣвом ****

* Помощникъ Начальника штаба верховнаго главнокомандующаго по гражданской части, Василій Васильевичъ Вырубовъ.

** Главнокомандующій Сѣвернымъ Фронтомъ, ген. Черемисовъ.

*** Командующимъ арміями.

**** Комиссаръ Сѣвернаго Фронта, Владиміръ Савельевичъ Войтинскій.

передана армейскимъ комиссарамъ и президіумамъ армейскихъ комитетовъ назначенныхъ двухнедѣльный срокъ для составленія аттестаціонныхъ списковъ на всѣ должности. Препровождая копію этой инструкціи Комиссарсѣвъ проситъ Комиссаров фронта переговорить съ Главнокомандующими и президіумом фронтового комитета о возможности проведенія въ жизнь аналогичныхъ инструкцій на другихъ фронтахъ.

— Вотъ [все] таки я не вижу вашего къ этому отношенія и позвольте тогда понять это какъ мнѣ кажется болѣе правильно. Я вчера самъ заѣзжалъ въ Министерство Продовольствія и тамъ мнѣ показывали свѣдѣнія, которыя я просилъ телеграфировать и вамъ и изъ которыхъ видно, что къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ подвезено достаточное количество хлѣба и они говорили, что сейчасъ главное затрудненіе въ нагрузкѣ и подвозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ. Это серьезный коррективъ къ тому, что тогда говорилъ генералъ Егорьевъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы дали отвѣтъ по поводу записки Начальника Петроградскаго округа объ организаціи работъ ближайшихъ подступовъ Петербургу и не слѣдуетъ ли дѣйствительно эти работы организовать. Сейчасъ Петербургскомъ гарнизонѣ идетъ усиленная попытка большевистскаго военно-революціоннаго комитета совершенно оторвать полкъ[и] отъ командованія. Сегодня они разослали явочныхъ комиссаровъ, а центральнымъ[й] комитетомъ[тъ] <совѣтъ[а]> срсд * объявилъ ихъ незаконными и такъ далѣе, думаю, что мы съ этимъ легко справимся[;] если у васъ больше ничего нѣтъ[,] то я самое главное сказалъ и тогда до свиданія, тѣмъ болѣе, что вы отличаетесь сегодня крайней молчаливостью и сдержанностью вашихъ сужденій, невредное для меня ночное время будетъ размышленіе по этому поводу. Надѣюсь все таки, что вы въ бодромъ настроеніи и крѣпко жму руку.

— Относительно инструкцій объ аттестаціи комитетами начальствующихъ лицъ мнѣнія опредѣленнаго, ибо таковая аттестація не допускается, что и высказано въ нашей программѣ, тѣмъ болѣе, что инструкція указываетъ, что аттестаціи даются періодически и касаются участія аттестуемаго лица въ бояхъ[,] военныхъ его знаній[,] способностямъ[ей] и интересу[а], который онъ проявляетъ къ военному дѣлу[;] я считаю, что это не дѣло комитета, кромѣ того Комиссарверх будучи Комиссарсѣвом не рискнулъ разослать эту инструкцію безъ вѣдома Главкосѣва, который свою очередь разослалъ таковую Командармам. ** Если разрѣшите сказать мое откровенное мнѣніе, то я признаюсь такое отношеніе Комиссарверха недопустимо и хотѣлъ бы, чтобы онъ въ этомъ сознался самъ мнѣ лично.

— Я совершенно съ вами согласенъ и прошу васъ отъ моего имени разъяснить Комиссарверху, что впредь подобныя одностороннія безъ предварительнаго ознакомленія выступленія невозможны и что только мое долгое знаніе Комиссарверха даетъ мнѣ полную увѣренность, что эта случайная нетактичность не повторится. Просто вы прочтите ему это мѣсто нашего разговора, когда будете освѣдомлять его объ обстоятельствахъ отъѣзда Военмина, что онъ тутъ же пойметъ свою ошибку, противномъ случаѣ сообщите мнѣ и я приму соотвѣтствующія мѣры<,>[.]

ч[Ч]то касается указаній Полковник[ов]а, то я пришлю ему директиву хотя теперь онъ находится непосредственномъ подчиненіи Главкосѣва и слѣдовало

* Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.
** Командующимъ арміями.

бы препроводить записку Главкосѣву съ необходимыми поясненіями. Сегодня я послалъ телеграмму Величко отправиться непосредственно изъ Петрограда на Сайминскія позиціи осмотрѣть ихъ и кромѣ того ознакомиться съ инженерной подготовкой подступать[овъ] Петрограду со стороны Финляндіи. Съ нимъ поѣдутъ инженеры военные. Разрѣшите прислать съ нарочнымъ инструкцію Комиссарверха для просмотра ее по существу, ибо она не отвѣчаетъ основнымъ положеніямъ программы. Комиссарверх былъ Быховѣ, осматривалъ охрану, по его мнѣнію, необходимо замѣт[н]ить коменданта и усилить георгіевцевъ одной ротой чему препятствій никакихъ нѣтъ, но охраной вѣдаетъ Шабловскій *[;] можно ли измѣнить охрану безъ его предварительнаго согласія[;] по существу она усиливается, нѣкоторые арестованные офицеры подали въ Сенатъ жалобы о невыдачѣ вопреки мнѣнія Шабловскаго <о невыдачѣ> содержанія.

— Стражу усилить можно[,] завтра я поставлю его объ этомъ въ извѣстность, что касается содержанія, то мнѣ кажется пока намъ не будетъ ясно, <что выдачи его> [не] выдавать, я думаю, необходимо просто это имъ разъяснить, если Вы находите, что сейчасъ по настроенію выдать можно, то я ничего противъ не имѣю, во всякомъ случаѣ въ Сенатъ мы дадимъ достаточно для всякаго разумнаго человѣка понятныя разъясненія. Инструкцію пришле[и]те[;] Станкевичу послать дополнительную телеграмму о томъ, что въ случаѣ необходимости распространенія этого опыта на всѣ фронты, что будетъ зависѣть отъ рѣшенія верховнаго командованія будетъ выработана другая инструкція въ Ставкѣ. Еще разъ до свиданія.

— Честь имѣю кланяться. Здѣсь Василій Васильевичъ Вырубовъ. Не имѣете ли что либо передать.

Привѣтъ, поскромнѣе со штатами и поскорѣе съ объединеніемъ и сокращеніемъ организацій. До свиданія.

Слушаю все это передамъ. Позвольте пожелать Вамъ всего лучшего. Мы всѣ просимъ принять нашъ привѣтъ, настроеніе у насъ какъ всегда бодрое. Будемъ поджидать Васъ на этой недѣлѣ въ субботу. До свиданія.

[II. ТЕЛЕГРАММА ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА КОМИССАРА СТАВКИ НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО]

— 24 Октября 1917 года

— Наштаверху.

— Министръ Предсѣдатель проситъ Васъ сегодня не выѣзжать изъ Ставки впредь до новаго извѣщенія нр. 142. Станкевичъ.

— Если Наштаверх выѣхалъ прошу телеграмму направить вслѣдъ и передать копію Генкварверху **. Станкевичъ.

— Выѣхалъ онъ или нѣтъ. Успѣете ли доставить эту записку. Намъ нужно доложить.

* Главный военный прокуроръ.
** Генералъ-Квартирмейстеръ Ставки, ген. Дитерихсъ.

[III. ТЕЛЕГРАММА ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА ПЕТРОГРАДСКАГО ОКРУГА отправленная въ 12 ч. 15 м. въ ночь съ 24-го на 25-ое октября]

— Главковерх, копiя Главкосѣв.

— Доношу, что положенiе Петроградѣ угрожающее. Уличныхъ выступленiй безпорядковъ нѣтъ, но идетъ планомѣрный захватъ учрежденiй, вокзаловъ, аресты. Никакiе приказы не выполняются. Юнкера сдаютъ караулы безъ сопротивленiя, казаки несмотря на рядъ приказанiй до сихъ поръ изъ своихъ казармъ не выступали. Сознавая всю отвѣтственность передъ страною доношу, что Временкое Правительство подвергается опасности потерять власть, причемъ нѣтъ никакихъ гарантiй, что не будетъ попытки къ захвату Временнаго Правительства. НС. 538/ С Оч. 15 м. 25 Октября 1917 г. Гла[в]новокр Петроградскiй Полковникъ Полковниковъ.

[IV, V, VI. РАЗГОВОРЪ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ГЕН. ЛЕВИЦКАГО* СЪ НАЧАЛЬНИКОМЪ ШТАБА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО, въ 2 ч. 20 м.** въ ночь съ 24-го на 25 октября]

— Кто. Кто у аппарата.
У аппарата Наштаверх.
Какъ Ваше имя и отчество.
А кто спрашиваетъ.
Генералъ Левицкiй желая провѣрить с кѣм говоритъ.
Николай Николаевич.
Каким полком Вы командовали.
165 Луцким полком.
Здравствуйте Николай Николаевич. Очень прошу телеграмму, которую передам немедленно передать Главкосѣву, вызвав к аппарату генерала Барановскаго, с указанiем что Главковерх категорически требует, чтобы указанiе в этой телеграммѣ было немедленно выполнено. Передаю телеграмму.

— [V] Главкосѣв. Копiя Комкор 42***, копiя Начдив 5 Кавказской****. — Приказываю съ полученiемъ сего всѣ полки пятой Кавказской казачьей дивизiи со своей артиллерiей, 23 Донскому Казачьему полку и всѣмъ остальнымъ казачьимъ частямъ, находящимся въ Финляндiи подъ общей командой Начальника пятой Кавказской Казачьей дивизiи направить по желѣзной дорогѣ Петроградъ Николаевскiй вокзалъ распоряженiе Главнаго Начальника Петроградскаго Округа Полковника Полковникова. О времени выступленiя частей донести мнѣ шифрованной телеграммой. Случаѣ невозможности перевозки по желѣзной дорогѣ части направить поэшелонно походнымъ порядкомъ, нр. 11687. Главковерх А. Керенскiй. Комиссаръ при Главковерхѣ Соказвойскъ***** сотникъ Поночевный. — [VI] Только Главкосѣв, <копiя Комкор>. — Приказываю съ полученiемъ сего всѣ полки первой Донской казачьей дивизiи со своей артиллерiей, находящiеся на сѣвфронтѣ подъ общей командой Начальника первой Донской казачьей дивизiи направить по желѣзной дорогѣ Петроградъ Николаевскiй вокзалъ рас-

* Генералъ для порученiй при Керенскомъ.
** Время отправленiя приводится въ № VII.
*** Командиръ 42-го Корпуса.
**** Начальникъ 5-ой Кавказской дивизiи.
***** Союзъ казачьихъ войскъ.

поряженіе Главнаго Начальника Петроградскаго Округа полковника Полковникова[;] о времени выступленія частей донести мнѣ шифрованной телеграммой. Случаѣ невозможности перевозки по желѣзной дороги[ѣ] части направить поэшелонно походом[ным]ъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказываю ускорить посылку частей войскъ, уже потребованныхъ Штаокр. Петроградскаго нр. 11688 Главковерх Керенскій. Соказвойскъ войсковой старшина А. Грековъ.

[VII. РАЗГОВОРЪ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО СЪ НАЧАЛЬНИКОМЪ ШТАБА СѢВ. ФРОНТА*]

— Начальник штаба просит к аппарату Наштасѣва.

Уже доложено, Наштасѣв сейчас придет. У аппарата Начальник штаба.

У аппарата генерал Духонин. Здравствуйте Сергѣй Георгіевич. Главковерх приказал немедленно передать вам лично слѣдующія двѣ телеграммы, которыя доложить Главкосѣву для немедленных распоряженій, я ихъ передаю. Вы у аппарата. Кто у аппарата.

Генерал Лукирскій у аппарата. Здравія желаю Николай Николаевич. Я вас слушаю хорошо.

Первая телеграмма Главкосѣв копія Комкор 42, копія Начдив 5, Кавказской Ставка из Петрограда Зимній Дворец, пр. 7 пр. 86**, 25/10, 2, 20. Приказываю с полученіем сего всѣ полки 5-й Кавказской казачьей дивизіи со своей артиллеріей, 23 Донскому казачьему полку и всѣм остальным казачьим частям, находящимся в Финляндіи подъ общей командой Начальника 5-й Кавказской казачьей дивизіи направить по желѣзной дорогѣ Петроградъ-Николаевскій вокзал распоряженіе Главнаго Начальника Петроградскаго округа Полковника Полковникова. О времени выступленія частей донести мнѣ шифрованной телеграммой. Случаѣ невозможности перевозки по желѣзной дорогѣ, части направить поэшелонно. [.....***] Все ли Вы получили и все ли ясно

Все ясно, но вмѣстѣ съ тѣмъ докладываю, что два полка первой Донской дивизіи только что прибыли въ Ревель, а другіе два полка вчера — 24 октября — утромъ отправились по желѣзной дорогѣ, распоряженіе Командирамъ [Командарма] 1 для расформированія пѣхотной дивизіи, отказавшейся исполнять боевые приказы.

Тогда Главкосѣвъ можетъ быть по оцѣнкѣ обстановки пошлетъ другія казачьи части, это всецѣло предоставляется ему, если нѣтъ возможности точно [исполнить] телеграмму въ отношеніи первой Донской. Обстановка такъ складывается, что необходима быстрота распоряженій. Сейчасъ мнѣ передали отъ генерала Левицкаго телеграмму съ просьбой доложить Главкосѣву: фактически данную минуту гарнизонъ Петрограда за исключеніемъ небольшого числа частей на сторонѣ большевиковъ или нейтраленъ. Зимній Дворецъ повидимому окруженъ, дѣло принимаетъ серьезный оборотъ поставьте объ этомъ въ извѣстность Черемисова. Вѣроятно, скоро не смогу говорить. Левицкій. Все будьте добры немедленно доложить Духонинъ.

Распоряженіе уже дѣлается, перевозка по желѣзной дорогѣ налаживается. Полагаю, что первыми прибудутъ въ Петроградъ роты самокатнаго баталіона, которыя находятся уже наготовѣ на ст. Батецкая.

* Сергѣй Георгіевичъ Лукирскій.
** Номеръ телеграммы перепутанъ см. V и VI.
*** Пропущена телеграмма VI.

Хорошо, надо поскорѣе[,] пока до свиданія. Копіи отвѣтовъ шифрованныхъ телеграммъ пришлите мнѣ.

Слушаю, сейчасъ все будетъ исполнено. Лукирскій.

[VIII. РАЗГОВОРЪ ГЕН. ЛЕВИЦКАГО СО СТАВКОЙ]

— Гдѣ Вы.

Ставка, оперативное. А Вы.

Генералъ Левицкій проситъ срочно генерала Духонина.

Доложено, сейчасъ результатъ скажу.

Тамъ ли.

Да, кто у аппарата.

Генералъ Левицкій.

У аппарата дежурный офицеръ подполковникъ Чебыкинъ. Генералъ Духонинъ доложить приказалъ, что онъ Васъ вызоветъ по окончаніи разговора съ сѣвернымъ фронтомъ.

Еще повторяю, прошу срочно, дорога каждая . . . . .

Генералъ Духонинъ просилъ передать мнѣ запиской если Вы найдете это возможнымъ.

Нѣтъ не могу, прошу его къ аппарату.

Сейчасъ доложу.

Генералъ Духонинъ говоритъ съ сѣвернымъ фронтомъ, какъ только кончитъ, вызоветъ васъ.

Передайте ему записку. Лично генералу Духонину. Фактически данную минуту гарнизонъ Петрограда, за исключеніемъ небольшого числа частей на сторонѣ большевиковъ или нейтраленъ. Зимній Дворецъ повидимому окруженъ, дѣло принимаетъ серьезный характеръ, поставьте объ этомъ въ извѣстность Черемисова. Вѣроятно скоро не смогу съ Вами говорить. Левицкій.

— У [аппарата] генералъ Духонинъ. Я прочиталъ Вашу записку, прочитавъ предыдущія двѣ телеграммы, передалъ по назначенію, вотъ все что могу Вамъ сказать. Сейчасъ передамъ вами сказанное. Богъ дастъ все обойдется. Крѣпко жму вашу руку, если нужно будетъ вызывайте. Спокойной ночи. Крѣпко жму руку. Отчего раньше не передали двухъ предыдущихъ телеграммъ.

Можно было только теперь сговориться съ заками [казаками].

Господь васъ хранитъ всего хорошаго. Все.

[IX. РАЗГОВОРЪ ГЕН. ЛЕВИЦКАГО СЪ ГЕН. ДУХОНИНЫМЪ утромъ 25-го Октября]

— Кабинетъ Начальника Штаба;

у аппарата генералъ Левицкій.

У аппарата Духонинъ. Доброе утро, очень радъ, что могу съ вами разговаривать. Съ Главкосѣвомъ наладилось за ночь передаю телеграмму [:] Главкосѣв приказалъ во исполненіе приказанія Главковерха немедленно одну изъ бригадъ 44-й пѣх. дивизіи подъ начальствомъ Начдив 44-й дивизіи съ двумя баттареями направить въ Петроградъ въ распоряженіе Гла[в]новокр Петроградскаго объ исполненіи Главкосѣв приказалъ срочно ему донести 25 октября 5841/Б, Лукирскій. Главкосѣв приказалъ 5-ю Кавказскую казачью дивизію

съ ея артиллеріей и 43-й Донской казачій полкъ, согласно полученнаго указанія Главковерха, немедленно направить подъ общей командой Начдив 5-й Кавказской Петроградъ распоряженіе Главковерха [Главновокр] Петроградскаго объ исполненіи Главкосѣвъ приказалъ срочно ему донести 25 октября 584[?]/Б. Лукирскій. — Главкосѣвъ, согласно указаній Главковерх приказал 13 и 15 Донскіе полки съ ихъ артиллеріей немедленно отправить по желѣзной дорогѣ въ Петроград въ распоряженіе Главновокр Петроградскаго объ исполненіи Главкосѣв приказалъ срочно донести 24 [25] окября 3834/Б. — 68068. Главкосѣв приказалъ въ измѣненіе распоряженія о направленіи первой Донской дивизіи съ ея артиллеріей въ первую армію немедленно отправить въ Петроградъ въ распоряженіе Главновокр Петроградскаго объ исполненіи Главковерх приказалъ срочно ему донести 25 октября 5838/Б. Лукирскій. Всѣ телеграммы за подписью Наштасѣва Лукирскаго. Кромѣ того 3 и 6 самокатные двинуты по желѣзной дорогѣ. Признаю необходимымъ на встрѣчу этимъ частямъ послать довѣренныхъ лицъ съ копіями этихъ телеграммъ для соотвѣтствующаго разъясненія людямъ[;] кромѣ того предложилъ сѣверному фронту послать съ частями своихъ выборныхъ представителей комитетовъ. Общеармейскій комитетъ при Ставкѣ оповѣщенный ночью о выступленіи большевиковъ противъ Правительства въ экстренномъ засѣданіи выразилъ рѣзкое осужденіе этому выступленію. Постановленіе разсылается по телеграфу на всѣ фронты армій и округа. Въ Ставкѣ совершенно спокойно, всѣ части вѣрны Временному Правительству. Что у васъ дѣлается теперь.

Здравствуйте Николай Николаевичъ. Въ Петроградѣ сейчасъ благодаря подавляющему количеству Петроградскаго гарнизона не осталось ни одной части въ полномъ смыслѣ этого слова на которую могло бы опереться Правительство. Въ эту исключительно роковую минуту наша армія подвергается неслыханному издѣвательству въ то время когда на фронтѣ оборванные и голодные русскіе люди грудью отражаютъ врага, здѣсь кучка сытыхъ людей, повліявшая на трусливый гарнизонъ захватываетъ власть въ руки и продаетъ Россію. Черезъ пятнадцать минутъ я передамъ вамъ воззваніе Верховнаго если вообще смогу передать. Вотъ все, что я сейчасъ могу сказать.

Хорошо сейчасъ это сдѣлаемъ, все время мысленно переносит[м]ся къ вамъ и переживаемъ душою все происходящее. Спросите пожалуйста Александра Федоровича нужно ли подробно обо всемъ оріентировать Главкофронтов кромѣ телеграммы ера[его] или вы сами уже говорили по этому поводу, что касается свѣдѣнія <Борисѣ> Карташевѣ и Гальпер[н]ѣ, правда ли это.

Это правда. считаю необходимымъ, чтобы Главкофронты были сейчасъ же оріентированы и могли оріентировать комитеты фронтовъ, сейчасъ идетъ офицеръ къ Александру Федоровичу за указаніемъ по оріентировкѣ войскъ.

Все хорошо. А что военныя училища и школы прапорщиковъ.

Николай [Никакой] активности не проявятъ и пассивности то же самое.

Буду ждать отъ васъ воззваніе и желательную оріентировку.

[X. РАЗГОВОРЪ ГЕН. ЛЕВИЦКАГО СЪ ГЕН. ДУХОНИНЫМЪ утромъ 25-го Октября]

— Генералъ Левицкій съ генераломъ Духонинымъ.

— Не можете ли Вы какъ очевидецъ происходящаго дать краткую оріентировку для Главкофронта[овъ].

Даю. Третьяго дня ночью Петроградскій Совѣтъ давно уже имѣющій преобладаніе большевиковъ и всѣми силами и средствами стремящійся сорвать планомѣрную работу Правительства выпустилъ приказъ гарнизону не исполнять приказаній Штаба Петроградскаго Округа, какъ органа Временнаго Правительства. Это было слѣдствіемъ отказа полковникомъ [Полковниковымъ] признавать права контроля надъ его дѣйствіемъ[ями] со стороны совѣта. Этотъ актъ призыва къ неповиновенію органамъ Временнаго Правительства заставилъ Министра Предсѣдателя ясно и опредѣленно вчера 24-го Октября въ совѣтѣ республики разъяснить создавшееся положеніе и указать линію поведенія Временнаго Правительства. Онъ называлъ большевизмъ своимъ именемъ и заявилъ о неуклонной твердости Временнаго Правительства и рѣшимости начать борьбу съ этимъ зломъ. Вслѣдъ за этимъ части Петроградскаго гарнизона подъ вліяніемъ бѣшенной агитаціи съ одной стороны въ глубинѣ души всѣми силами стремящимися[іяся] не идти на позицію перешли на сторону большевиковъ[;] изъ Кронштадта прибыли матросы и легкій крейсеръ. Разведенные мосты вновь наведены ими[;] весь городъ покрытъ постами гарнизона, но выступленій никакихъ нѣтъ. Телефонная станція въ рукахъ гарнизона, части находящіяся въ Зимнемъ Дворцѣ, только формально охраняютъ его такъ какъ активно рѣшили не выступать. Въ общемъ впечатлѣніе какъ будто бы Временное Правительство находится въ столицѣ враждебно[аго] государства, закончившаго мобилизацію, но не начавшаго активныхъ дѣйствій. Эта малая рѣшимость большевиковъ давно уже имѣющихъ фактическую возможность раздѣлаться со всѣми нами и даетъ мнѣ право считать, что они не посмѣютъ пойти въ разрѣзъ съ им[мн]ѣніемъ фронтовой арміи и дальше указаннаго не пойдутъ, но это оптимистическое мое мнѣніе можетъ оказаться и неосновательнымъ если армія еще болѣе рѣзко не подчеркнетъ своего мнѣнія, выраженнаго комитетомъ Ставки.

[XI. РАЗГОВОРЪ ШТАБА ЗАПАДНАГО ФРОНТА СО СТАВКОЙ утромъ 25-го Октября]

— Разговоръ полковника <съ> Кусонскаго съ полковникомъ Малявинымъ.

У аппарата полковникъ Малявинъ. Здравствуйте Павелъ Алексѣевичъ. Наштазапъ * въ виду событій въ Петроградѣ проситъ сообщить какія мѣры принимаются Ставкой для поддержанія порядка и не будутъ ли намъ даны соотвѣтствующія указанія. Вообще желательно, чтобы Ставка ставила насъ въ извѣстность о текущихъ событіяхъ и принимаемыхъ мѣрахъ, дабы можно было согласовать съ ними свои дѣйствія. У насъ Минскѣ пока спокойно, принимаемъ мѣры прежде всего для охраны телеграфовъ, телефоновъ штаба фронта и для поддержанія порядка. Малявинъ.

— Здравствуйте, Борисъ Семеновичъ, <Борисъ Семеновичъ> оріентировка о событіяхъ въ Петроградѣ будетъ дана всѣмъ фронтамъ черезъ часъ или черезъ два, ибо въ настоящее время заканчивается передача въ Ставку послѣднихъ свѣдѣній изъ кабинета Главковерха. Одновременно съ этой оріентировкой вѣроятно будутъ даны и указанія о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять для поддержанія порядка. Въ кратцѣ сообщу Вамъ слѣдующее: вчера Керенскій въ совѣтѣ Республики назвал большевиковъ германскими наемниками и просилъ поддержки

* Начальникъ Штаба Западнаго Фронта.

въ борьбѣ съ ними, совѣтъ обѣщал оказать поддержку, но къ вечеру выяснилось, что правительственная власть наполовину парализована, большинство войск, если не весь Петроградскій гарнизон, въ рукахъ большевиковъ, почему ночью сдѣланы экстренныя распоряженія о направленіи пѣхоты и конницы съ сѣвернаго фронта къ Петрограду. Связь Керенскаго со ставкою попрежнему полная. Могилевѣ совершенно спокойно, мѣстные совѣты на сторонѣ Правительства. Все.

[XII. РАЗГОВОРЪ ГЕН. ЛЕВИЦКАГО СЪ ГЕН. ДУХОНИНЫМЪ около 12 ч. дня 25-го Октября]

— Пожалуйста попросите генерала Духонина.

У аппарата генералъ Духонинъ.

У аппарата генералъ Левицкій. Дорогой Николай Николаевичъ, обстановка ухудшилась, Александръ Федоровичъ выѣхалъ навстрѣчу самокатнымъ баталіонамъ, я остался здѣсь одинъ и буду оставаться пока меня отсюда не выведутъ, чтобы до послѣдней крайности оріентировать мозгъ армій Ставки[у]. Въ общеармейскомъ комитетѣ есть два члена лично меня знающихъ, это отъ седьмой арміи солдатъ Пучковъ и отъ Восьмой арміи старшій унтеръ офицеръ Нетесовъ, я прошу васъ передать ему слѣдующую мою записку. [. . . . .]

[XIII. ТЕЛЕГРАММА НАЧАЛЬНИКА ШТАБА СѢВЕРНАГО ФРОНТА ВЪ СТАВКУ]

— Главковерх, копія Наштаверх, Гла[в]новокр Петроградскаго.

— Доношу примѣрный разсчетъ сроковъ прибытія Петроградъ войсковыхъ частей, направленныхъ туда согласно Вашего приказанія: 2-й самокатный баталіонъ 25-го Октября послѣ полудня. 5-й Кавказскі[о]й казачі[е]й дивизіонъ[и] и 43-го Донского Казачьяго полка — 2 полка 26-го Октября и прочіе утру 28-го Октября. 13-го и 15-го Донскихъ казачьихъ полковъ съ артиллеріей 27-го Октября вечеромъ. 9-го и 10-го Донскихъ казачьихъ полковъ съ артиллеріей 26-го Октября утромъ. Бригады 44-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями 30-го Октября днемъ. 23-го Донского казачьяго полка 26-го Октября вечеромъ. Вмѣсто бригады 45-й пѣхотной дивизіи наряжена бригада 44-й пѣхот. дивизіи, потому что два полка 45-й пѣх. дивизіи расположены на побережьѣ Моонзундскаго пролива, а другіе два перевозятся изъ 12-й арміи къ Ревелю и въ настоящій моментъ сильно растянуты по узкоколейнымъ путямъ, передача съ которыхъ на другія дороги крайне кропотлива и длительна. 25-го Октября.5845/В. Наштасѣв. Лукирскій.

[XIV. ТЕЛЕГРАММА КОМАНДУЮЩАГО 42 КОРПУСОМЪ ВЪ СТАВКУ]

Главковерх Главкосѣв.

— По сложившимся обстоятельствамъ отправка казачьей дивизіи въ Петроградъ не можетъ быть выполнена 25-го Октября нр. 4599 Б. Комкор. 42. — Надежный.

[XV. РАЗГОВОРЪ НАЧ. ШТАБА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО СЪ КОМИССАРОМЪ СТАВКИ днемъ 25-го Октября]

— Разговоръ Наштаверха съ Комиссарверхомъ.

— Прошу доложить Наштаверху не желаетъ ли переговорить со мной по аппарату и до отвѣта прошу не выключать аппаратъ и не давать штасѣва. Сiю минутку пошли докладывать. Тамъ ли. У аппарата Наштаверхъ.

У аппарата Комиссарверх. Положенiе съ каждой минутой сложнѣе. Марiинскiй Дворецъ занятъ большевиками, на Невѣ стоятъ два крейсера изъ Кронштадта, попытка занять нашимъ карауломъ телефонной станцiи при содѣйствiи юнкеровъ окончилась неудачей, такъ какъ юнкера были встрѣчены броневиками:[;] въ рукахъ Правительства лишь центральная часть города, включая Штабы и Зимнiй Дворецъ. Силы Правительства двѣ съ половиной школы юнкеровъ и батарея Михайловскаго училища и два броневика. Этихъ силъ достаточно [чтобы] продержаться 48 часовъ, но не больше и нѣтъ возможности безъ помощи извнѣ предпринять какiя либо активныя мѣры. На улицахъ внѣшнее спокойствiе, уличное движенiе продолжается, но очень грозно обстоитъ вопросъ съ продовольствiемъ. Временное Правительство Предпарламентъ засѣдаетъ. Генералъ-Губернаторомъ Петрограда назначенъ Кишкинъ. Неизвѣстно ли Вамъ въ какомъ положенiи посылка отряда съ сѣвфронта.

— Здравствуйте, Владимиръ Венедиктовичъ. Свѣдѣнiя, которыя я получилъ я сообщилъ генералу Левицкому, изъ нихъ Вы увидите, что войскъ назначено достаточно. По справкѣ, которую я взялъ сейчасъ у Навч[чв]осоверха * самокатные баталiоны въ ночь на сегодняшнее число со ст. Передольское и Батецкая отправлены по желѣзной дорогѣ въ Петроградъ. По моимъ разсчетамъ они должны были уже давно ро[при]дти по назначенiю. Неужели нѣтъ свѣдѣнiй объ ихъ приходѣ. Мнѣ передавали, что поѣхали ихъ встрѣчать, болѣе подробныхъ свѣдѣнiй о другихъ частяхъ нѣтъ, ибо сѣвфронтъ ихъ собираетъ, но я думаю, что войска продвигаются по желѣзной дорогѣ изъ Ревеля и черезъ Псковъ и Финляндiю. Какъ только Навчосоверх получилъ данныя о мѣстѣ нахожденiя эшелоновъ, я Вамъ тотчасъ же сообщу, я думаю, что къ завтрашнему утру безусловно должно подойти нѣсколько эшелоновъ. Мнѣ непонятно почему столь ничтожная силы[а] Правительства. Сегодня отъ комиссара казачьихъ войскъ я получилъ увѣренiе полной лойяльности 1-го Донского казачьяго полка, отчасти 14-го и лишь 4-й Донской не внушалъ довѣрiя. Что дѣлаетъ Константиновское училище, Николаевское Кавалерiйское, вѣроятно найдутся еще. Такъ что я думаю, что силы достаточно можно найти, необходимо лишь надлежащимъ образомъ организовать это дѣло, а тамъ начнутъ подходить войска съ фронта. У насъ спокойно. Комитетъ Общеармейскiй высказался противъ выступленiй большевиковъ и вошелъ въ связь со всѣми комитетами фронтовъ.

Я думаю, что начальникамъ приходящихъ эшелоновъ необходимо давать указанiя, что если имъ, по приходѣ въ Петроградъ, штабъ округа не будетъ въ состоянiи дать какiя либо указанiя, то имъ слѣдуетъ оставить охрану на вокзалѣ и немедленно идти къ штабу округа и къ Зимнему Дворцу, хотя бы на улицахъ имъ пришлось встрѣтиться съ препятствiемъ. Больше ничего не имѣю, буду сейчасъ говорить съ Комиссарсѣвом, если у Васъ нѣтъ ничего, то желаю всего добраго. Станкевичъ.

---

* Начальникъ военныхъ сообщенiй при Ставкѣ Верх. Главнокомандующаго.

Я считаю необходимѣйшимъ условіемъ высылку навстрѣчу подходящимъ войскамъ за 2—3 станціи особо довѣренныхъ лицъ изъ Петрограда, объ этомъ я сегодня ночью говорилъ генералу Левицкому, кромѣ того просилъ Штасѣв высылать съ эшелонами представителей армейских или фронтового комитета. Очень былъ бы Вамъ обязанъ, если бы около полуночи обрисовали положеніе. Сейчасъ мнѣ докладываютъ, что по другимъ проводамъ, какъ то Довмин и Огенквар * намъ почему то не отвѣчаютъ.

Слушаюсь въ 24 часа постараюсь быть у аппарата. Ваши указанія не только передамъ, но можетъ быть и самъ постараюсь выѣхать навстрѣчу. Больше ничего. Всего хорошего.

Видите ли Вы А. Ф.

Нѣтъ, онъ уѣхалъ навстрѣчу.

Меня это безпокоитъ, все ли благополучно. Возможно ли было благополучно добраться.

Были приняты всѣ мѣры и я надѣюсь, что ничего не случилось, а оставаться ему здѣсь было невозможно.

Я съ этимъ вполнѣ согласенъ и самое рѣшеніе безусловно правильно и наиболѣе раціонально въ сложившейся [обстановкѣ] и если проѣздъ черезъ городъ былъ обезпеченъ, тогда значитъ все хорошо. Пока до свиданія. Очень Вамъ признателенъ, что подѣлились со мной. Значитъ еще поговоримъ позже.

Такъ точно, до свиданія. Станкевичъ.

[XVI. СВОДКА ДАННЫХЪ О НАСТРОЕНІИ ФРОНТА къ 6 ч. в. 25-го Октября]

— Настроеніе войсковыхъ организацій на фронтахъ и въ Петроградѣ къ 18 час. 25 октября.

— Исп. комит. Румчерода **, освѣдомившись о событіяхъ въ Петроградѣ призналъ, что никакія выступленія въ настоящій моментъ недопустимы и что они наносятъ тяжелый ударъ революціи и увеличиваютъ силы контръ-революціи. Въ обращеніи къ войскамъ исп. ком. проситъ сохранить полное спокойствіе и заявляетъ, что онъ располагаетъ достаточными силами для ликвидаціи посягательствъ, какъ справа, такъ и слѣва. Общеармейскій комитетъ при Ставкѣ обратился къ Румчероду оказалъ[ть] ему поддержку въ обращеніи къ арміи.

— Предсѣдатель искозюм[мюз]а *** рѣшительно раздѣлилъ точку зрѣнія общеармейскаго комитета при Ставкѣ въ отношеніи недопустимости вооруженнаго захвата власти со стороны большевиковъ. Въ этомъ смыслѣ ожидается резолюція происходящаго въ настоящій моментъ засѣданія Искомюза.

— Искомзапъ. Члены Искомзапа **** въ разговорѣ съ членами общеармейскаго комитета при Ставкѣ выразили увѣренность, что Искомзапъ также раз-

* Довмин — домъ военнаго министра; Огенквар — окружной генералъ-квартирмейстеръ.

** Исполнительный Комитетъ Румынскаго Фронта, Черноморскаго Флота и Одесскаго Военнаго Округа.

*** Исполнительный Комитет Юго-Зап. Фронта.

**** Исполнительный Комитетъ Западнаго Фронта.

дѣлитъ точку зрѣнія общеармейскаго комитета. Резолюція къ 18 час. еще не была вынесена. Во 2 арміи настроеніе не опредѣлилось.

— Искомсѣв *. Члены Искомсѣва сообщаютъ, что вполнѣ опредѣлилось настроеніе 12 арміи въ смыслѣ осужденія выступленія большевиковъ. Настроеніе 5 арміи неопредѣленно. Есть основаніе предполагать, что выступленіе большевиковъ найдетъ тамъ поддержку. Таково же настроеніе и въ тыловыхъ организаціяхъ сѣвернаго фронта. Областной совѣтъ сѣверной области колебался въ своемъ рѣшеніи и опредѣленнаго отвѣта не далъ.

— Петроградъ. Розенблатъ, предсѣдатель совѣта при Военминѣ сообщаетъ членамъ общеармейскаго комитета, что выступленіе большевиковъ не нашло себѣ поддержки ни въ совѣтѣ Военмина, ни въ Ц. И. К. среди старыхъ членовъ С. Р. и С. Д..

— По полученіи резолюцій со всѣхъ фронтовъ, общеармейскія[й] комитеты[ъ] выпустить обращеніе къ арміи. Предполагается передать его на фронты до 24 час.

[XVII, XVIII, XIX. РАЗГОВОРЪ СТАВКИ СЪ ЗИМНИМЪ ДВОРЦОМЪ около 7 ч. в. 25-го Октября]

— Оже[дежу]рный офицеръ.

Пригласите къ аппарату для переговоровъ[. . .]. У аппарата Начсвязверх** полковникъ Сергѣевскій.

Попробуемъ сейчасъ пригласить, но кого надо.

Если есть то поручика Данилевича ***.

Нѣтъ его.

Кого-нибудь еще. Все равно кого.

Хорошо сейчасъ попробуемъ найти, если это будетъ возможно. Сейчасъ начался опять пулеметный обстрѣлъ не может[м]ъ выйти. Вотъ поручикъ Данилевичъ на счастье. Кто у аппарата.

У аппарата Генкварверх. Какія у Васъ событія.

Разрѣшите передать телеграмму, адресованную Наштаверху, которая вкратцѣ освѣтитъ Вамъ положеніе, а затѣмъ я дополню отъ себя.

[XVIII]

— 25 Октября 1917 года.

— Наштаверху.

— Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ объявилъ Правительство низложеннымъ потребовалъ передачу власти угрозой бомбардировки Зимняго Дворца пушками Петропавловской крѣпости и крейсера Авроры. Правительство можетъ передать власть лишь Учредительному Собранію. Рѣшило не сдаваться и передать себя защитѣ народа и арміи. Ускорьте посылку войскъ. 25 Октября нр. 11690. Министръ-Замѣститель Коноваловъ.

* Исполнительный Комитетъ Сѣвернаго Фронта.

** Начальникъ Связи при Верховномъ Главнокомандующемъ.

*** Офицеръ для порученій при Керенскомъ.

[XIX]

— (Разговоръ Генкваверха съ Данилевич[ем]ъ)

— Теперь добавлю отъ себя. Въ общемъ въ Петроградѣ день прошелъ спокойно. Была лишь днемъ незначительная перестрѣлка на углу Невскаго и Дворцового[й] площади. Возставшіе захватили Государственный Банкъ, Центральную Телефонную Станцію, Маріинскій Дворецъ, Предпарламентъ былъ удаленъ. Вечеромъ настроеніе прогрессируетъ. Около часу назадъ захваченъ кучкою людей въ 50 человѣкъ Петроградскій Штабъ. На сторонѣ Правительства лишь юнкера и казачій полкъ, да два орудія Михайловскаго артиллерійскаго училища. Министръ предсѣдатель уѣхалъ къ самокатчикамъ еще утромъ до сихъ поръ не возвратился. Полагаю, что онъ будетъ возвращаться не одинъ, а съ войсками, которыя окажутся преданными. Нынѣ и нѣсколько ранѣе шла и идетъ стрѣльба сравнительно рѣдкая и думая[ю] [нервная], такъ какъ нападеніе пока не произошло, и большевики держатъ себя сравнительно пассивно. Во время моего разговора съ Вами было 3, 4 орудійныхъ выстрѣла, которые, судя по звуку, идутъ изъ нашего стана. Временное Правительство въ полномъ составѣ сейчасъ въ Зимнемъ Дворцѣ и не думаетъ отсюда уходить до ликвидаціи конфликта. Вотъ кажется все изъ болѣе главнаго. Главноначальствующимъ надъ Петроградомъ назначенъ Кишкинъ съ двумя помощниками Пальчинскимъ и Рутенбергомъ. Понемногу налаживается организація и руководство тѣми немногими частями, которыя у насъ есть. Лично<,> думаю, что если дѣйствительно будетъ использовано хотя то что есть, то положеніе Правительства не безнадежно. Скажите дѣйствительно ли подойдутъ по Вашимъ свѣдѣніямъ къ Петрограду направленныя войска. Присутствіе ихъ полагаю успокоило бы возставшихъ и они расползлись бы по своимъ мѣстамъ не принимая боя, все. Данилевичъ.

— По нашимъ свѣдѣніямъ самокатные баталіоны должны были сегодня быть въ Петроградѣ, но по свѣдѣнію желѣзнодорожнаго телеграфа они задержаны кѣмъ то въ 70-ти верстахъ отъ Петрограда. Девятый и десятый Донскіе полки съ артиллеріей должны придти Петроградъ 26-го утромъ. 43 [23] Донской полкъ 26-го вечеромъ, два полка 5-й Кавказской дивизіи тоже 26-го, остальные утромъ 28-го, бригада 44-й дивизіи съ двумя батареями 30-го днемъ. По нашимъ свѣдѣніямъ Огенквар занятъ большевиками и наша связь съ нимъ прекратилась. На фронтѣ спокойно, значительное большинство комитетовъ высказалось противъ большевистскаго возстанія, комиссары свидѣтельствуютъ, что можно разсчитывать на спокойствіе въ арміяхъ. Въ Минскъ пріѣхалъ Чѐрновъ. Дитерихсъ.

Очень Вамъ благодаренъ за свѣдѣнія. Достаточно ли для Васъ оріентировка. Данилевичъ.

Да благодарю Васъ, вполнѣ ясно, мы спокойны и увѣренъ, что тяжелое положеніе пройдетъ почти само собой если Вамъ удастся сорганизовать даже тѣ немногія части, которыми Вы располагаете. Сдѣлаемъ все возможное, чтобы сохранить армію отъ раз[д]военности и удержать ее отъ гибельныхъ шаговъ, поддержавъ въ ней вѣрность Временному Правительству и твердость остаться на позиціяхъ. Дитерихсъ.

Я хочу еще разъ напомнить о посылкѣ подтвержденія войскамъ, слѣдующимъ въ Петроградъ, чтобы они попали бы къ намъ какъ можно скорѣе. Данилевичъ.

Все будетъ сдѣлано. Дитерихсъ.

[XX. ТЕЛЕГРАММА ГЕН. ДУХОНИНА МИНИСТРУ ЗАМѢСТИТЕЛЮ]

— Министру замѣстителю Коновалову.

— [на] 11690. Мѣры къ скорѣйшему прибытію войскъ принимаются. Поручикомъ[у] Данилевичемъ[у] сообщено предполагаемое время прибытія частей, но считаю долгомъ доложить, что въ районѣ, ближайшемъ Петрограду, задержки въ движеніи происходятъ независимо насъ. 7927. Духонинъ.

[XXI. РАЗГОВОРЪ ВЫРУБОВА СЪ КОМИССАРОМЪ Ю.-ЗАП. ФРОНТА Н. И. ІОРДАНСКИМЪ вечеромъ 25-го Октября]

— У аппарата Понаштаверх Вырубовъ.

У аппарата Комиссарюз Іорданскій. Здравствуйте Василій Васильевичъ. Мы недостаточно информированы. Станкевичъ присылаетъ телеграммы туманнаго содержанія я прошу Васъ освѣтить политическое положеніе и выяснить вопросъ о томъ, нужно ли посылать отрядъ юзфронта на помощь Правительству.

По свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ отъ Левицкаго, Станкевича, Коновалова положеніе дѣлъ въ Петроградѣ представляется слѣдующемъ видѣ: Петроградскій Совѣтъ объявилъ Правительство низложеннымъ. Правительство засѣдаетъ полномъ составѣ Зимнемъ рѣшило не сдаваться. Гарнизонъ повидимому почти весь на сторонѣ возставшихъ, но активности [не проявляетъ. Кромѣ ареста] Карташева другихъ арестовъ членовъ Временнаго Правительства не было. Вечеромъ была рѣдкая нервная перестрѣлка. Уличныхъ столкновеній не было. Подробная оріентировка сейчасъ передается Наштаверхом Главкофронтам. Главковерх выѣхалъ изъ Петрограда навстрѣчу вызваннымъ сѣвфронта войскамъ. Отправлены бригада 22 пѣхотной дивизіи, 2 донскихъ полка и 2 полка самокатчиковъ. Считаете ли возможнымъ по настроенію отправить какія либо части изъ фронта. По нашему мнѣнію отправленныхъ сѣвфронта частей достаточно если только они во время дойдутъ Петроградъ. Сейчасъ говорилъ Минскомъ, тамъ все спокойно. Сегодня Минскъ пріѣхалъ Черновъ. Вообще по всему фронту колеблющееся настроеніе только у комитетовъ 2-й и 5-й армій, остальные армейскіе, фронтовые и общеармейскій комитеты заняли вполнѣ опредѣленное положеніе. Предсѣдатель общеармейскаго комитета Полянскій сегодня уѣхалъ Харьковъ, обязанности предсѣдателя вступилъ Перекрестовъ. Вотъ пока самое главное, какъ у Васъ.

У насъ все спокойно. Сегодня выпущено возваніе, подписанное мною, Главкоюзом и Искомитюзом * и правленіемъ казачьихъ войскъ съ призывомъ къ спокойствію, такъ какъ командный составъ и демократическія организаціи юзфронта въ полномъ согласіи поддерживать[ютъ] Временное Правительство, которое охраняетъ страну и возваніе [завоеванія] революціи. Резолюціи о поддержкѣ Правительства вынесены и армейскими комитетами. Большевики здѣсь не будутъ имѣть активной поддержки и мы располагаемъ силами, чтобы подавить частичныя выступленія. Поэтому существуетъ предположеніе случаѣ необходимости взять иниціативу въ свои руки и если не послать отрядъ въ Петроградъ, то обезпечить спокойствіе Кіева, приведя тамошнихъ большевиковъ въ состояніе не-

---

* Главкоюзъ — Главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ; Искомитюзъ — Исполнительный Комитетъ юго-зап. фронта.

подвижности. Вообще я долженъ сказать, что рѣшительныя дѣйствія Правительства и его неколеблющаяся политика по отношенію къ анархическимъ элементамъ, срывающихъ[мъ] Учредительное Собраніе увеличить[ъ] активность поддержки фронта и вольютъ увѣренность въ дѣйствіе власти на мѣстахъ. Мы здѣсь настроены бодро и рѣшительно. Если встрѣтится надобность посылки отрядовъ юзфронта. [и] Если я вамъ буду нуженъ въ теченіе ночи прошу меня вызвать. Я буду ночевать здѣсь. Если больше ничего не имѣете позвольте отъ души пожелать силъ и бодрости. Еще вопросъ извѣстно ли Вамъ постановленіе совѣта Республики о передачѣ земли комитетов[ам]ъ.

Насколько я знаю такого постановленія не было, было лишь упоминаніе Министра Предсѣдателя о таковомъ намѣреніи Временнаго Правительства.

Благодарю и прошу увѣдомить меня о желательности посылки отрядовъ заблаговременно, чтобы не опоздать и не вызвать этимъ уступокъ Правительства, которыя по моему убѣжденію въ данный моментъ повлекутъ полную разруху на фронтѣ. Все. До свиданія. Іорданскій.

До свиданія. Переговорю Наштаверхом[,] заблаговременно Васъ увѣдомлю. Всего хорошаго.

[XXII. РАЗГОВОРЪ ГЕН. ДУХОНИНА СЪ ШТАБОМЪ СѢВЕРНАГО ФРОНТА между 10 часами в. и 1 часомъ н. въ ночь съ 25-го на 26-ое Октября]

— У аппарата Наштасѣв генералъ Лукирскій.

У аппарата Наштаверх. — Здравствуйте Сергѣй Димитріевичъ. Хотѣлъ у Васъ узнать, какія у Васъ имѣются свѣдѣнія относительно положенія настоящее время войскъ фронта, посланныхъ въ Петроградъ согласно Вашей телеграммѣ 5845 и насколько сроки прибытія, указанные въ ней будутъ соблюдены[,] насколько на это можно разсчитывать.

— Здравія желаю Николай Николаевичъ. Главкосѣв узнавъ, что я буду говорить съ Вами приказалъ мнѣ передать Вамъ, что онъ окончивъ разговоръ съ Главкозапом*, подойдетъ къ аппарату для переговоровъ съ Вами. Всѣ распоряженія, посланныя сегодня о направленіи названныхъ Главковерхом войсковыхъ частей Петроградъ и въ копіи представленныхъ[я] мною Вамъ, Главкосѣв сегодня въ 10 ч. вечера отмѣнилъ и эти послѣднія распоряженія я вновь представилъ Вамъ въ копіяхъ. О причинѣ отмѣны я не знаю. Главкосѣв указалъ мнѣ по телефону, что онъ выяснитъ мнѣ такое распоряженіе нѣсколько позже. Нынѣ войсковыя части и эти задержаны на мѣстахъ посадки или возвращаются съ пути. [Ко]мкоръ 3 коннаго прислалъ запросъ на мое имя, сообщая, что онъ имѣетъ личное приказаніе ввести первую Донскую въ Петроградъ отъ Главковерха и поэтому недоумѣваетъ получивъ послѣднее приказаніе объ отдач[мѣн]ѣ таковаго движенія. Мы сговорились съ нимъ, что для выясненія такого вопроса онъ пріѣдетъ сегодня часъ ночи въ Псковъ и лично явится къ Главкосѣву. Лукирскій.

— Я не понимаю чѣмъ вызывается такая отмѣна, буду ждать объясненія Главкосѣва. А гдѣ сейчасъ находятся самокатные баталіоны?

* Главкозапъ — Главнокомандующій Западнымъ Фронтомъ.

— По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ самокатные баталіоны должны были сегодня въ 3 часа дня прибыть въ Петроградъ.

Подожду Главкосѣва, если Вы мнѣ не можете объяснить отмѣны распоряженія.

Иду доложить объ этомъ Главкосѣву.

Здравствуйте Николай Николаевичъ. Вы что то начали сейчасъ говорить.

Генералъ Лукирскій мнѣ сообщилъ, что Вами отдано распоряженіе отмѣняющее отправку войскъ въ Петроградъ по приказанію Главковерха, чѣмъ это вызывается.

Это сдѣлано съ согласія Главковерха, полученнаго мною отъ него лично. Извѣстна ли Вамъ обстановка въ Петроградѣ.

Будьте добры мнѣ подробно сообщить обстановку и гдѣ сейчасъ находится Главковерх.

— Временное Правительство прежняго состава уже не существуетъ; власть перешла въ руки революціоннаго комитета; казачьи полки остались пассивны въ своихъ Петроградскихъ казармахъ, броневики перешли на сторону революціоннаго комитета. Сегодня вечеромъ кто-то повидимому правые элементы, назначили генералъ-губернаторомъ Петрограда Кишкина, принадлежность котораго къ кадетскимъ партіямъ извѣстна на фронтѣ. Это назначеніе вызвало рѣзкій переломъ въ войсковыхъ организаціяхъ фронта не въ пользу Временнаго Правительства въ Петроградѣ привело къ тому что революціонныя войска заняли Штабъ округа и повидимому прекратили дѣятельность генералъ-губернатора. Керенскій отъ власти устранился и выразилъ желаніе передать должность Главковерха мнѣ, вопросъ этотъ вѣроятно будетъ рѣшенъ сегодня же. Благоволите приказать отъ себя, чтобы перевозки войскъ въ Петроградъ, если онѣ производятся на другихъ фронтахъ, были прекращены. Главковерх у меня Не имѣете ли Вы что передать ему.

Можно ли просить его къ аппарату.

Невозможно въ его интересахъ. Будете ли Вы что-нибудь говорить.

Да. Мною получены слѣдующія свѣдѣнія изъ Зимняго Дворца. — Въ Петроградѣ день прошелъ спокойно. Была лишь днемъ незначительная перестрѣлка на углу Невскаго и Дворцовой площади. Возставшіе захватили Государственный Банкъ, Центральную телефонную станцію, Маріинскій Дворецъ, предпарламентъ былъ удаленъ. Вечеромъ настроеніе прогрессируетъ около часу назадъ захваченъ кучкою людей въ 50 человѣкъ Петроградскій Штабъ. На сторонѣ Правительства юнкера и казачій полкъ да два орудія Михайловскаго артиллерійскаго училища. Министръ Предсѣдатель уѣхалъ къ самокатчикамъ еще утромъ до сихъ поръ не возвратился. Полагаю, что онъ будетъ возвращаться не одинъ, а съ войсками, которыя окажутся преданными. Нынѣ и нѣсколько ранѣе шла и идетъ стрѣльба сравнительно рѣдкая и думаю нервная, такъ какъ нападенія пока не произошло и большевики держутъ себя сравнительно пассивно, во время моего разговора съ Вами было 3—4 орудійныхъ выстрѣла, которые судя по звуку идутъ изъ нашего стана. Временное Правительство въ полномъ составѣ въ Зимнемъ Дворцѣ и не думаетъ отсюда уходить до ликвидаціи конфликта. Вотъ кажется все изъ болѣе главнаго. Главноначальствующимъ надъ Петроградомъ назначенъ Кишкинъ съ двумя помощниками Пальчинскимъ и Рутенбергомъ. Понемногу налаживается организація и руководство тѣми немногими

частями, которыя у насъ есть. Лично думаю, что если дѣйствительно будетъ использовано хотя то что есть, то положеніе Правительства не безнадежно. Скажите дѣйствительно ли пойдутъ по Вашимъ свѣдѣніямъ къ Петрограду направленныя войска. Присутствіе ихъ полагаю успокоило бы возставшихъ и они расползлись бы по своимъ мѣстамъ, не принимая боя. Все. Данилевичъ. — Отъ всѣхъ фронтовыхъ комитетовъ и армейскихъ [и] общеармейскихъ[аго] комитетовъ[а] Ставки получилъ слѣдующее: комитеты всѣ безусловно на сторонѣ Временнаго Правительства, резолюція ихъ въ общемъ аналогична резолюціи совѣта Республики, то-есть требованія активной политики Правительства въ смыслѣ скорѣйшаго заключенія мира и передачи земли въ руки земельныхъ комитетовъ.

Я Васъ вызову часа черезъ полтора, чтобы сообщить рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, сейчасъ меня зовутъ, можете ли Вы тогда подойти къ аппарату.

— Сейчасъ я получилъ телеграмму Главкозапа и согласенъ съ нимъ что разъединеніе фронта въ настоящее время въ общемъ однообразнаго въ смыслѣ поддержки Правительства явилось бы чрезвычайно опаснымъ и сдѣлало бы положеніе нашихъ армій безумно тяжелымъ, при которомъ легко могъ бы быть поколебленъ фронтъ. Сейчасъ на фронтѣ спокойно, большевики притихли, фронтовой комитетъ западнаго фронта и съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ вынесли резолюцію, что всякое выступленіе большевиковъ и безпорядки будутъ подавляться силою оружія. Почтово-телеграфный союзъ высказался за поддержку Правительства. Телеграммы призывающихъ къ возв[ст]анію противъ Временнаго Правительства не принимались и не передавались. Прибытіе Петроградъ войскъ вѣрныхъ Правительству могло бы дать результатъ [при] пассивности войскъ, возставшихъ противъ Правительства, признаки этого — крайняя вялость и нерѣшимость большевиковъ. Если кандидатура Кишкина непріемлема, то въ такомъ случаѣ можно просить Временное Правительство замѣнить его другимъ лицомъ военнымъ. Если Главковерхъ Керенскій предполагаетъ передать должность Вамъ, то я во имя горячей любви къ Родинѣ умоляю Васъ разрѣшить мнѣ передать объ этомъ Временному Правительству, съ которымъ есть у меня связь, Васъ же не останавливать отданныхъ распоряженій о движеніи войскъ, назначенныхъ въ Петроградъ. Я убѣжденъ, что при надлежащей организаціи все обойдется безъ особыхъ кровопролитій, зато будетъ сохраненъ неприкосновенности фронтъ и Вамъ какъ будущему Главковерху не придется считаться съ весьма тяжелыми . . .

Извиняюсь Николай Николаевичъ, меня давно уже зовутъ, можно ли будетъ Васъ вызвать часа черезъ два.

Я считалъ только своимъ долгомъ освѣтить Вас[м]ъ, всю обстановку и возможныя послѣдствія, минута слишкомъ серьезная и отвѣтственная передъ Родиной.

Сейчасъ меня снова зовутъ, часа черезъ два я Васъ долженъ буду вызвать, пока все, что говорилось держите про себя, но имѣйте въ виду, что Временнаго Правительства въ Петроградѣ уже нѣтъ. Пока до свиданія. Черезъ два часа мнѣ будетъ крайне необходимо Васъ вызвать.

Слушаю, черезъ два часа я буду у аппарата, но содержаніе ленты извѣстно комитету, который находится тутъ-же въ одной комнатѣ со мной.

Отъ комитета это не секретъ, я говорю въ смыслѣ сношеній Вашихъ съ оставшимися въ Петроградѣ членами Временнаго Правительства.

[XXIII, XXIV. РАЗГОВОРЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ЗАПАДНЫМЪ ФРОНТОМЪ, ГЕН. БАЛУЕВА, СО СТАВКОЙ 25-го Октября между 10 ч. в. и 1 часомъ н.]

— Разговоръ Начвосоверха съ Главкозапомъ.

— У аппарата по порученію Наштаверха Начвосоверх проситъ къ аппарату Главкозапа.

У аппарата Главкозап. Здравствуйте Николай Іосифовичъ. Сейчасъ меня вызвалъ къ аппарату Черемисовъ сообщилъ, что въ Петроградѣ вся власть [перешла] въ руки революціоннаго комитета, генералъ губернаторъ[омъ] Петрограда назначенъ Кишкинъ и такъ какъ онъ кадетъ, то посылка войскъ въ Петроградъ является безцѣльной и даже вредпой, такъ какъ очевидно войска на сторону Кишкина не станутъ и просилъ меня объединить дѣйствія [и] взгляды на ближайшее будущее хотя бы двухъ фронтовъ сѣвернаго и западнаго, на это я ему отвѣтилъ очень жаль, что ваши войска участвуютъ въ политикѣ мы присягали Временному Правительству и не наше дѣло разсуждать [со]стоитъ ли Петроградскимъ губернаторомъ Кишкинъ или другой кто, а должны принять всѣ мѣры къ тому, чтобы сохранить свой фронтъ, чтобы не прибавить къ разрухѣ въ Россіи прорыва его нѣмцами и я не понимаю о какомъ объединеніи фронтовъ онъ говоритъ, такъ [какъ] объединеніе это должно быть сосредоточено въ Ставкѣ, гдѣ по закону въ случаѣ отсутствія Главковерха долженъ дѣлать Наштаверх, что у меня на фронтѣ пока все спокойно большевики притихли, а фронтовой комитетъ и съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ вынесли резолюцію, что всякое выступленіе большевиковъ и безпорядки будутъ подавляться силою оружія, вотъ что хотѣлъ я доложить Николай Николаевичу и въ то же время просить оріентировать меня и дать указанія, если вы это можете сдѣлать то буду очень вамъ благодаренъ.

[XXIV]

— У аппарата Главкозап.

А . . . очень прошу извинить за задержку. Вашу депешу докладывалъ Наштаверху, который непрерывно продолжаетъ говорить съ Главкосѣвомъ. Для Наштаверха переданное Вами явилось полной неожиданностью. По окончаніи разговора съ генераломъ Черемисовымъ Наштаверхъ передастъ соотвѣтствующія указанія. Связь съ Временнымъ Правительствомъ въ Петроградѣ все время была.

<Если> больше я ничего не имѣю сказать я только опасаюсь, чтобы сѣверный фронтъ не испортилъ мнѣ всего дѣла и не колыхнулъ бы моего фронта, необходимы быстрыя и рѣшительныя дѣйствія Николая Николаевича, чтобы удержать Главкосѣва въ должныхъ границахъ, и чтобы сѣверный фронтъ [не] отдѣлился въ своихъ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ отъ насъ. Я копію разговора приблизительно пришлю завтра съ нарочнымъ. Ожидаю указаній, а пока имѣю честь кланяться, желаю всего лучшаго, привѣтъ Николаю Николаевичу[;] въ пятницу я чуть чуть было не отдалъ Богу душу, или камни и[ли] воспалилась слѣпая кишка, только сегодня всталъ съ постели, еще разъ желаю Вамъ всего лучшаго. До свиданія. Балуевъ.

[XXV. КОПІЯ РАЗГОВОРА ГЕН. БАЛУЕВА СЪ ГЕН. ЧЕРЕМИСОВЫМЪ, сообщенная въ Ставку]

— Разговоръ генерала Балуева съ генераломъ Черемисовымъ

— У аппарата Главкозап.

Здравія желаю. У аппарата Главкосѣв. Благоволите сообщить извѣстны ли вамъ Петроградскія событія и какъ на нихъ реагируютъ арміи западнаго фронта.

— Здравствуйте, извѣстны. У меня на фронтѣ пока все спокойно. Фронтовой комитетъ, армейскіе комитеты и съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ вынесли резолюцію о вѣрности Временному Правительству, поддержкѣ его и о прекращеніи всякихъ выступленій крайнихъ лѣвыхъ и безпорядковъ силою оружія. Какихъ либо безпорядковъ на этой почвѣ я не ожидаю, хотя, фронтъ главнымъ образомъ большевицкій и съ моей стороны приняты мѣры къ тому, чтобы предупредить эти безпорядки. Точности, что творится Петроградѣ мнѣ неизвѣстно, знаю только что тамъ очень скверно, что туда отъ васъ посланы войска. Связь со Ставкой держу, если, что вамъ извѣстно подробнѣе, то буду благодаренъ если сообщите.

— Временное Правительство прежняго состава фактически не существуетъ, власть находится въ рукахъ революціоннаго комитета, войска Петроградскаго гарнизона за ничтожнымъ исключеніемъ оказались не на сторонѣ Временнаго Правительства. Нѣкоторые члены котораго арестованы, гарнизономъ заняты правительственныя учрежденія[;] съ Петроградомъ прервана связь. На сѣверномъ фронтѣ въ данную минуту объединившіяся организаціи фронта и тыла вырабатываютъ резолюцію, которую я вамъ сейчасъ же пришлю. На фронтѣ у насъ пока спокойно, постановленіе организаціи фронта ожидается не въ пользу Временнаго Правительства прежняго состава, но и захватъ власти совѣтами, также у большинства не встрѣчаетъ сочувствія. По послѣднимъ свѣдѣніямъ генералъ-губернаторъ[омъ] Петрограда назначенъ, безъ участія Керенскаго, кадетъ Кишкинъ, въ силу этого обстоятельства посылка войскъ въ Петроградъ является безцѣльной и даже вредной, такъ какъ очевидно войска на сторону Кишкина не станутъ. Было бы желательно во избѣжаніе анархіи объединить дѣйствія и взгляды на ближайшее будущее, хотя бы двухъ фронтовъ сѣвернаго и западнаго, вотъ это я хотѣлъ вамъ все доложить, дабы вы были оріентированы въ обстановкѣ.

— Очень жаль, что ваши войска участвуютъ въ политикѣ, мы присягали Временному Правительству и не наше дѣло разсуждать состоитъ ли Петроградскимъ губернаторомъ Кишкинъ или кто другой, а должны принять всѣ мѣры во первыхъ къ тому, чтобы сохранить свой фронтъ, чтобы не прибавить разрухи въ Россіи и прорыва его нѣмцами, а во вторыхъ я считаю большимъ несчастіемъ для Россіи, если власть будетъ захвачена такими безотвѣтственными партіями какъ большевиковъ, такъ какъ тогда будетъ анархія и гибель Россіи неизбѣжна, что же касается до объединенія фронтовъ, то это объединеніе должно быть сосредоточено въ Ставкѣ, гдѣ по закону въ случаѣ отсутствія Главковерха, всѣ распоряженія долженъ дѣлать Наштаверх, такъ что я не понимаю о какомъ объединеніи вы говорите нашихъ фронтовъ. То что вы сообщили о Петроградѣ мнѣ извѣстно.

— Все, что я вамъ сообщилъ не слухи, а достовѣрные факты. Временнаго Правительства не существуетъ. Министръ Предсѣдатель Керенскій отъ власти

устранился, власть и Петроградъ находятся всецѣло въ рукахъ революціоннаго совѣта, назначеніе Кишкина генерал-губернаторомъ вызвало немедленое занятіе штаба округа войсками. Донскіе полки не исполнили отданнаго имъ приказанія выступить на защиту Временнаго Правительства и остались въ Петроградѣ въ своихъ казармахъ, броневики перешли на сторону войскъ революціоннаго комитета. По нѣкоторымъ имѣющимся у меня даннымъ, указаній соотвѣтствующихъ обстановкѣ не [и] я, не [и] вы не можемъ получить изъ Ставки, такъ какъ судя по ея послѣднимъ телеграммамъ она не оріентирована въ положеніи дѣлъ, сейчасъ я буду говорить съ Духонинымъ и оріентирую его въ положеніи дѣлъ. Фронтъ конечно долженъ быть удержанъ противъ непріятеля, потому я и говорю о необходимости объединить дѣйствія хотя бы двухъ фронтовъ.

— Я употреблю всѣ силы къ тому, чтобы арміи несмотря ни на какую разруху въ Россіи знали бы только одно это удержать нѣмцевъ въ случаѣ ихъ наступленія, несмотря на то есть ли (въ телеграм. если) [sic!] и какое Временное Правительство, затѣмъ то, что Петроградъ въ рукахъ большевиковъ и Временное Правительство арестовано еще не значитъ, что все потеряно, такъ какъ кромѣ Петрограда имѣется обширная Россія и еще вопросъ, какъ она посмотритъ на все это, во всякомъ случаѣ я какъ солдатъ настоящее время признаю для насъ только одну политику — спасеніе Россіи отъ нѣмцевъ, и въ этомъ буду съ вами солидаренъ.

— Къ сожалѣнію вопросъ не ограничивается оперативной стороной, какъ бы мы сами этого не желали и вы вскорѣ убѣдитесь въ этомъ, такъ какъ комиссаръ сѣвернаго фронта несомнѣнно будетъ говорить съ вашимъ комиссаромъ, а наши комитеты съ вашими комитетами. Я считаю при настоящемъ положеніи дѣлъ, которое мнѣ достовѣрно извѣстно, мы не имѣемъ права уклоняться отъ политики и не считаться съ политическимъ настроеніемъ массы, мы обязаны съ этимъ настроеніемъ считаться, дабы фронтъ не оказался открытымъ для противника, сообщу вамъ дополнительные данные или попрошу Духонина сдѣлать это. Извиняюсь за безпокойство, пока имѣю честь кланяться.

— Напротивъ я очень радъ, что вы меня вызвали къ аппарату, но все-таки скажу на это, что я буду ждать указаній отъ Ставки. Мнѣ рѣшительно все равно кто будетъ стоять въ Временномъ Правительствѣ, лишь бы оно было и лишь бы оно уничтожило эту разруху царствующую въ Россіи. Я самъ хотѣлъ говорить съ Духонинымъ, но сейчасъ получилъ отъ него по аппарату, что онъ говоритъ съ Петроградомъ и проситъ обождать. Имѣю честь кланяться. Балуевъ.

— До свиданія. Черемисовъ.

[XXVI. РАЗГОВОРЪ ВЫРУБОВА СЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА поздно вечеромъ 25-го Октября]

— Пригласите гр. Толстого *, проситъ понаштаверх.

Сижу у аппарата прапорщикъ Толстой и подпоручикъ Шеръ **.

На сѣв. фронтѣ происходитъ что-то непонятное, нѣсколько тревожное.

* Пом. начальника Политическаго Управленія Военнаго Министерства.
** Начальникъ Полит. Управленія Военнаго Министерства.

Главкосѣв, который сейчасъ говорилъ по аппарату съ Наштаверхом, сказалъ, что он отмѣняетъ посылку войск на Петроградъ, ссылаясь на то, что генералъ-губернаторомъ Петрограда назначенъ Кишкинъ кадетъ и что вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства Кишкину довѣрія нѣтъ. Главкосѣвъ говорилъ съ Главкозапом желая установить общую точку зрѣнія от[ъ]чего Главкозап рѣшительно отказался указать[въ], что общая точка зрѣнія устанавливается Ставкой. Главкосѣв сказалъ, что Керенскій отъ власти и командованія устранился и что командованіе будетъ передано ему Черемисову. Мы этому не вѣримъ и совмѣстно с армейским комитетом сейчас выясняем обстановку у Комиссарсѣва [и] Искомсѣва. Только-что я говорил с Іорданским там все спокойно, всѣ дѣйствуют согласно и готовы поддержать Временное Правительство. Главкозап также указывает, что большевики притихли.

Я говорил между 9 и 10-ю часами вечера с Войтинским очень подробно и между прочим о Кишкинѣ и о посылкѣ войск в связи с тѣм, что я ему передал об осадѣ Зимняго Дворца и отношеніи циксорсода*. Войтинскій увѣрил меня, что Главкосѣв навѣрное измѣнит свое рѣшеніе относительно пріостановки отправки войск, что я передал циксорсоду, который сейчас собрал засѣданіе в Город. Думѣ, куда [поѣхалъ] Шер. Был ли разговор Наштаверха с Главкосѣвом [до то]го или послѣ того[?] Войтинскій во всяком случаѣ при сочувственном отношеніи циксорсон[д]а обѣщал всяческое содѣйствіе прибытіе[ю] войск с фронта, первые их эшелоны сегодня остановились в 70-ти верстах перед Петроградом. Принимаем мѣры, чтобы встрѣтить и информировать. Совершенно не понимаем, откуда могли быть у Главкосѣва свѣдѣнія об отказѣ Керенскаго от командованія и тѣм болѣе о передачѣ власти ему. Об этом не было и рѣчи. Настроеніе у правительства и Кишкина, с которым я долго говорил, около 19-ти часов, самое твердое в том смыслѣ, чтобы не капитулировать на предъявляемые ультиматумы, пока есть средства бороться. Сам Ал. /Гр и Ф/ Дрч. [Александръ Федоровичъ] уѣхали[лъ] около 12-ти часов дня из Зимняго Дворца, по имѣющимся свѣдѣніям, навстрѣчу войскам. Не вошел ли он в связь с Вами. Нельзя ли поговорить по проводу также с Полянским. Послѣднія свѣдѣнія Городская дума в полном составѣ, кромѣ большевиков, отправилась в Зимній Дворец с намѣреніем раздѣлить судьбы и отвѣтственность с Правительством, орудійная стрѣльба сейчас пріостановилась.

[XXVII. РАЗГОВОРЪ СТАВКИ СЪ ПОЛИТ. УПРАВЛЕНІЕМЪ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА около 1 часа н. въ ночь съ 25-го на 26-ое Октября]

— У аппарата подпоручикъ Шеръ.

— Не можете ли вы сказать обстановку даннаго момента въ Петроградѣ.

Обстановка такова: Невскій до Мойки свободенъ для движенія[,] отъ Мойки и до Зимняго Дворца и кругомъ замыкая и вправо и влѣво на Неву Зимній Дворецъ былъ оцѣпленъ, никого не пропускали патрули матросовъ и солдатъ Петроградскихъ полковъ, остальныя улицы свободны для движенія въ частности трамвайнаго, вокзалы заняты возставшими войсками, которыя патрулируютъ по улицамъ задерживая неимѣющихъ документовъ. Около Смольнаго Института, гдѣ помѣщался штабъ возставшихъ войскъ дежурятъ два бропевика и нѣсколь-

* Центральный исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

ко пулеметовъ на автомобиляхъ, въ общемъ же на улицахъ спокойно, столкновеній въ теченіе дня почти не было и толпа въ трамваяхъ на улицахъ вы[по]ражаетъ своимъ безразличіе[іемъ къ] происходящее[му]; въ Думѣ сейчасъ засѣдаетъ комитетъ спасенія революціи, составленный изъ представителей думы и той части центральнаго комитета, которая удалилась изъ Смольнаго института порвавъ съ большевиками, возставшіе поддерживаютъ порядокъ и дисциплину, случаевъ разгрома или погромовъ не было совсѣмъ[,] наоборотъ патрули возставшихъ задерживали шатающихся солдатъ торгующихъ папиросами и на Александровскомъ рынкѣ, фактическое соотношеніе силъ таково, что до поздняго вечера, когда началась осада Зимняго Дворца, возваніе [возстаніе] проходило безкровно; подходя къ тому или иному зданію, охраняемому правительственнымъ патрулемъ, возставшіе снимали его безъ всякого сопротивленія, планъ возв[ст]анія былъ несомнѣнно заранѣе разработанъ и приводился неуклонно и стройно. Комитетъ спасенія революціи въ данное время никакими силами не обладаетъ, но можетъ разсчитывать на части, идущія съ фронта. Сутки тому назадъ штабъ округа долженъ былъ констатировать, что онъ опирается лишь на женскій баталіонъ, двѣ-три роты юнкеровъ, роту ударниковъ и группу офицеровъ, пришедшихъ изъ госпиталей; броневыя машины заявили, что не желаютъ активно бороться за Временное Правительство и къ утру ушли; три казачьихъ полка, находящихся въ Петроградѣ въ теченіе всей ночи вели переговоры относительно своего прихода къ Зимнему Дворцу и къ утру прислали двѣ три сотни, разсѣявшіяся къ сегодняшнему вечеру. Крейсеръ Аврора, подошедшій къ Николаевскому мосту обстрѣливалъ Зимній Дворецъ; въ общемъ въ началѣ возставшіе не проявили большой рѣшимости и лишь только почувствовали отсутствіе сопротивленія [. . . . .] большевики растерянно ищутъ поддержку въ другихъ слояхъ говоря о совмѣстной работѣ. Ленинъ выступая сегодня въ Петроградскомъ совѣтѣ заявилъ, что немедленнаго мира ждать невозможно и рѣшительная политика мира не означаетъ немедленнаго прекращенія войны; какъ сложится власть сказать трудно, но можно предвидѣть, что соціалисты революціонеры меньшевики кооператоры и все что вправо отъ нихъ принимать участія въ власти не буде[у]тъ[,] этимъ объясняется уходъ изъ Смольнаго института меньшевиковъ и есеровъ, порвавшихъ съ повстанцами. Шеръ.

— Гдѣ сейчасъ члены Временнаго Правительства.

Они были въ Зимнемъ Дворцѣ и были арестованы часъ тому назадъ[;] гдѣ находятся не знаю. Министръ Прокоповичъ былъ арестованъ днемъ, но затѣмъ освобожденъ[;] всѣ [ли] члены Временнаго Правительства [арестованы] сказать не могу точно, ибо въ Зимнемъ Дворцѣ находилось большинство, но не всѣ.

Кто у насъ сейчасъ Главковерх.

Александръ Федоровичъ Керенскій.

Гдѣ онъ.

Мнѣ только что сообщилъ Вырубовъ, что онъ въ Псковѣ. Намъ было извѣстно, что онъ выѣхалъ навстрѣчу войскамъ, идущимъ съ фронта.

Извѣстно ли вамъ, что генералъ Черемисовъ остановилъ посылку въ Петроградъ поѣздъ[а] <движенія>, коему было приказано произвести распоряженіе Главковерха Керенскаго.

Да извѣстно, но комиссарсѣвъ передавалъ, что его [это] распоряженіе Главкосѣва было фактически отмѣнено, ибо поѣзда продолжали идти, провѣрить это не могли.

Какъ реагируетъ Военное Министерство на смѣщеніе Временнаго Правительства упраздненія[е] совѣта Республики и захватъ власти большевиками.

Военное Министерство случайно не занято еще возставшими войсками и проводъ является должно быть единственнымъ въ Петроградѣ не захваченнымъ[;] здѣсь сейчасъ находятся лишь офицеры политическаго управленія, рѣшившіе отказаться отъ всякой работы въ случаѣ захвата власти здѣсь въ управленіи. Гугши * и Главный штабъ заняты возставшими еще днемъ. Управляющій Военнымъ Министерствомъ генералъ Маниковскій былъ на засѣданіи Временнаго Правительства и очевидно арестованъ.

Благодарю васъ, вполнѣ оріентированъ.

Честь имѣю кланяться. Шеръ.

[XXVIII. РАЗГОВОРЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ЗАПАДНЫМЪ ФРОНТОМЪ СО СТАВКОЙ въ ночь съ 25-го на 26-ое Октября]

— Сейчасъ изъ Петрограда получилъ нѣсколько телеграммъ отъ военно-революціоннаго комитета, который сообщаетъ, что Зимній Дворецъ взятъ, Министры арестованы и революціонный комитетъ вмѣстѣ съ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и Петроградскимъ гарнизономъ призналъ власть военно-революціоннаго комитета, который требуетъ оповѣстить объ этомъ всѣхъ солдатъ армій фронта и тыла и кто будетъ противъ этого, тѣхъ немедленно арестовать. Программа новой власти немедленное предложеніе демократическаго мира, немедленная передача земель крестьянамъ, передача всей власти совѣтамъ и созывъ Учредительнаго Собранія, народно-революціонная армія должна не допустить <съ фронта войсковыхъ частей> отправки частей съ фронта въ Петроградъ и требуетъ этотъ свой приказъ объявить всѣмъ войскамъ немедленно. Что Временное Правительство арестовано видно изъ телеграммы центральнаго почтоваго комитета; изъ Москвы же имѣется телеграмма, что она порвала связь Петроградомъ[а] съ провинціями. Я прошу дать указанія Ставки и немедленно, такъ какъ телеграммы военно-революціоннаго комитета скрыть отъ войскъ не могу.

— Временное Правительство дѣйствительно арестовано за исключеніемъ Главковерха Керенскаго, который по словамъ генерала Черемисова пріѣхалъ въ Псковъ и приказалъ остановить движеніе войскъ на Петроградъ, имѣя въ виду, что въ Петроградѣ среди Временнаго Правительства поднялось вліяніе кадетъ. Я должна [доложу] сейчасъ вашу телеграмму Наштаверху. Долженъ сказать, что Ставка еще не получала никакихъ указаній отъ власти, которая нынѣ смѣнила Временное Правительство. Такъ какъ въ теченіе сегодняшняго дня изъ одиннадцатой[и] армій девять высказалось за поддержку Временнаго Правительства, то Ставка не можетъ взять на себя отвѣтственность рѣшать вопросы не согласовавъ ихъ съ желаніями армій. Пока больше ничего отвѣтить не могу.

Да, но мнѣ этого мало. Я считаю, что мы должны [быть] объединены Ставкой, нельзя, чтобы каждый фронтъ дѣйствовалъ самостоятельно, поэтому я прошу васъ доложить Николаю Николаевичу, что я буду ждать отъ него указаній сейчасъ. Балуевъ.

---

* Главное Управленіе Генеральнаго Штаба.

Позвольте васъ еще спросить, имѣете ли вы въ вашемъ распоряженіи войсковыя части, которыя безусловно поддержали бы Временное Правительство.

Ни за одну часть [поручиться] не могу, большинство же частей безусловно не поддержитъ, даже за <тѣ> части, которыя находятся около меня и тѣ годны развѣ только для того, чтобы остановить погромы и безпорядки, но для поддержки Временнаго Правительства наврядъ ли онѣ пригодны.

Слушаю я сейчасъ пойду докладывать.

— Будемъ ждать.

[XXIX]

— Здѣсь штабофицеръ для порученій при Главкозапѣ, капитанъ Корніевскій.

[Изъ] Ставки В. Г. 7936, Прбо 26/X Главкозапу.

— Ставка до сихъ поръ не имѣетъ никакихъ данныхъ судить о томъ, какая именно правительственная власть установилась въ Петроградѣ. До получ.[енія] оффиціаль.[ныхъ] данныхъ считаемъ, что мы не вправѣ скрывать отъ войскъ происходящихъ[ее] въ Петроградѣ, давая имъ разъясненіе при посредствѣ комитетовъ и сохраняя при этомъ должное спокойствіе и цѣлость фронта и избѣгая междуусобной брани. 7936. Духонинъ. 26 октября 1917 года.

— Передано лично въ руки Главкозапу офицеромъ для порученій, капитаномъ Корніевскимъ.

[XXX. РАЗГОВОРЪ СТАВКИ СЪ ШТАБОМЪ РУМЫНСКАГО ФРОНТА въ ночь съ 25-го на 26-ое Октября]

— Разговоръ генерала Незманова [Незнамова] съ генераломъ Дитерихсомъ.

— У аппарата генералъ-маіоръ Незмановъ [Незнамовъ].

У аппарата генералъ Дитерихсъ. Поздно вечеромъ 25-го члены Временнаго Правительства были арестованы въ Зимнемъ Дворцѣ возставшими Петроградѣ войсками. Повидимому настоящее время Петроградѣ формируется новое Правительство въ лицѣ военно-революціоннаго совѣта лозунгами котораго будутъ немедленный миръ и земля. Пока Ставка никакихъ оффиціальныхъ увѣдомленій отъ новаго Правительства не получала. Въ [Изъ] членахъ[овъ] прежняго Правительства Главковерх Керенскій по сообщенію генерала Черемисова пріѣхалъ 25-го Псковъ и остановилъ движеніе въ Петроградъ войскъ которыя были посланы съ сѣвернаго фронта, причиной этой отмѣны по словамъ генерала Черемисова послужило то обстоятельство, что среди членовъ Временнаго Правительства, остававшагося Петроградѣ значительное вліяніе перешло къ кадетамъ. При наличіи этой обстановки Ставка желаетъ получить отъ васъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ имѣются ли на вашемъ фронтѣ войсковыя части, которыя настоящій моментъ безусловно пошли бы на выручку Временнаго Правительства.

— Телеграммъ съ постановленіями армейскихъ комитетовъ пока не поступало, всѣ арміи запрошены; по телеграммѣ комиссарум[а] Тизенгаузена комиссарам всѣмъ и армком сообщается, что при штабѣ фронта сформированъ революціонный комитетъ, по[у]становлено наблюденіе за телеграфомъ приняты мѣры противъ случайнаго захвата его. Комитетъ предлагаетъ армейскимъ организаціямъ принять мѣры для сохраненія спокойствія на фронтѣ и обезпеченія сообщенія. На вечернемъ собраніи рѣшено организовать [на] фронтѣ дивизію изъ отборнѣй-

шихъ товарищей, рекомендованныхъ комитетами [съ] лозунгомъ Учредительное Собраніе[;] во что бы то ни стало не допустить попытки съ чьей либо стороны срывз выборовъ. Выборы должны начаться и закончиться въ указанные сроки. — Сейчасъ вызванъ сюда комиссара[ъ]. Въ Одессѣ городѣ пока спокойно, воспрещена[ы] сборщина [сборища] на улицахъ, назначены конные дозоры и съ [изъ] округовъ тревожныхъ донесеній нѣтъ.

— Я васъ спрашиваю не о томъ, Учредительное Собраніе будетъ обѣщано и новымъ Правительствомъ. Я же хочу получить отвѣтъ вполнѣ опредѣленный если [есть ли] у васъ на фронтѣ войсковыя части, которыя при настоящей обстановкѣ будучи двинуты на Петроградъ пошли бы безусловно на выручку прежняго Временнаго Правительства.

— Какъ я доложилъ опредѣленныхъ донесеній пока не поступило[,] личныхъ[о] думаю, что конница, которой до сихъ поръ не было никакихъ эксцессовъ исполнитъ приказаніе если таковое будетъ. Комиссаръ, который сейчасъ пріѣдетъ и который имѣлъ разговоръ съ комиссарами дастъ свѣдѣнія о другихъ частяхъ. Все.

— А скоро подойдетъ комиссаръ сюда къ аппарату.

Онъ сказалъ, что сейчасъ будетъ, живетъ близко.

Хорошо я подожду его у аппарата.

Комиссару звонилъ еще разъ по телефону. Комиссаръ прибылъ у аппарата здѣсь.

— Будьте добры дать комиссару мой вопросъ и оцѣнивъ все въ немъ изложенное дать опредѣленный отвѣтъ.

— У аппарата комиссаръ Румфронта Тизенгаузенъ. Генералъ-квартирмейстеръ мнѣ передалъ содержаніе вашего вопроса[;] мое глубокое убѣжденіе, что двинуть съ фронта войска для защиты лицъ самаго Правительства едва ли возможно, хотя безусловно нашлась можетъ быть часть, которая пошла бы безпрекословно при такихъ условіяхъ. Въ защиту Учредительнаго Собранія и для противодѣйствія попыткамъ срыва безусловно станетъ весь фронтъ и если бы послѣднее[му] грозила бы серьезной[ая] опасность<ю> за фронтъ можно было бы быть совершенно спокойнымъ. Въ этой плоскости вчера обсуждался вопросъ мѣстной фронтовой организаціей, гдѣ и высказывались подобныя соображенія. Свѣдѣній изъ армій пока еще не имѣю, вчера всѣ комиссары мною информированы, посвящены въ нашъ планъ созданій[я] особой воинской части для посылки въ Петроградъ и они должны были въ самомъ экстренномъ порядкѣ созвать совѣщаніе армейскихъ комитетовъ для выясненія опредѣленныхъ резолюцій; съ ихъ словъ можно заключить, что защита Учредительнаго Собранія весьма популярна. Составъ прежняго Правительства не особенно популяренъ въ войскахъ и какъ таковой мало интересуетъ солдатъ. Вотъ пока все, что могу сказать.

[XXXI. РАЗГОВОРЪ СТАВКИ СЪ ШТАБОМЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО ФРОНТА]

— У аппарата Генкварюз.

У аппарата генералъ Дитерихсъ. Поздно вечеромъ 25-го члены Временнаго Правительства были арестованы въ Зимнемъ Дворцѣ возставшими Петроградѣ войсками. Повидимому настоящее время Петроградѣ формируется новое Правительство въ лицѣ военно-революціоннаго совѣта лозунгами котораго будутъ немедленный миръ и земля. Пока ставка никакихъ оффиціальныхъ увѣдомленій

отъ новаго Правительства не получала, и въ [изъ] членахъ[овъ] прежняго Правительства Главковерх Керенскій по сообщенію генерала Черемисова пріѣхалъ 25-го Псковъ и остановилъ движеніе въ Петроградъ войскъ, которыя были посланы съ сѣвернаго фронта причиной этой отмѣны по словамъ генерала Черемисова послужило то обстоятельство, что среди членовъ Временнаго Правительства, оставшагося Петроградѣ значительное вліяніе перешло къ кадетамъ. При наличіи этой обстановки Ставка желаетъ получить отъ васъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ имѣются ли на вашемъ фронтѣ войсковыя части, которыя настоящій моментъ безусловно пошли бы на выручку Временнаго Правительства.

— Разговоръ Наштаюза съ генераломъ Дитерихсъ.

— Проситъ Наштаюз.

У аппарата генералъ Дитерихсъ.

Здравствуйте Михаилъ Константиновичъ. Главкоюзу неясно въ вашемъ разговорѣ съ генкварюзом слѣдующее: вы говорите, что Главковерх въ Псковѣ между тѣмъ по свѣдѣніямъ нашего искомитюза, полученнымъ отъ исполнительнаго комитета Ставки всѣ члены Временнаго Правительства арестованы другими словами арестованъ Министръ Главковерх Керенскій. Кромѣ того по тѣмъ же свѣдѣніямъ Черемисовъ отказывается исполнить приказаніе Наштаверха; наконецъ вы говорили, что среди членовъ Временнаго Правительства, оставшагося Петроградѣ значительное вліяніе перешло кадетамъ. Разъ войска сѣвернаго фронта, направлявшіяся Петроградъ были остановлены Главковерхом непонятенъ вашъ запросъ относительно возможности посылки войскъ нашего фронта, которыя могли бы въ настоящій моментъ безусловно пойти на выручку Временнаго Правительства. Все.

— Неужели вы два часа меня держали у аппарата для того, чтобы провѣрять мои сообщенія и въ концѣ концовъ не дать прямого со[от]вѣта на вопросъ я вамъ не говорилъ о посылкѣ войскъ куда нибудь и какія причины моего запроса вами[ъ] очевидно не понятны. Намъ надо было знать если [есть ли] у васъ части въ которыхъ при наличіи указанной мною обстановки можно было бы быть увѣреннымъ безусловно, что они пойдутъ.

— Передалъ Главкоюзу ваши слова онъ проситъ васъ обождать еще; что же доложить Главкоюзу, что вы обождете.

— Вашъ отвѣтъ меня вполнѣ удовлетворилъ и потому я не вижу причины почему еще мнѣ нужно ждать.

— Передалъ вамъ исключительно просьбу Главкоюза. Сейчасъ Генкварюз пошелъ къ Главкоюзу спросить причину просьбы обождать. Сейчасъ дамъ отвѣтъ. Главкоюз просилъ васъ подождать не въ томъ смыслѣ, чтобы вы стояли у аппарата, а хотѣлъ получивъ отъ васъ отвѣтъ болѣе опредѣленно освѣщающе[ій] обстановку поговорить съ военнымъ комиссаромъ, котораго онъ ждетъ съ минуты на минуту. У Главкоюза сейчасъ членъ искомитюза ждетъ только военнаго комиссара и сейчасъ приглашаемъ члена правленія казаковъ.

Могу оріентировку и сейчасъ вамъ сказалъ если хотите.

Прошу передать.

Въ теченіе 25-го октября возставшія части Петроградскаго гарнизона при почти полной пассивности какъ общества, такъ и войска, вѣрныхъ Правительству занимали одно правительственное учрежденіе за другимъ. Въ одиннадцать часовъ утра Главковерх выѣхалъ на автомобилѣ изъ города какъ намъ передано изъ Зимняго Дворца для встрѣчи шедшихъ въ Петроградъ войскъ сѣвернаго фронта оставивъ въ Зимнемъ Дворцѣ всѣхъ остальныхъ членовъ Временнаго

Правительства нѣкоторыхъ членовъ Военнаго Министерства чиновъ штаба округа и нашего Комиссарверха съ которымъ мы имѣли связь до десяти вечера. Подъ вечеръ генералъ Черемисовъ сообщилъ Наштаверху, что Главковерх пріѣхалъ въ Псковъ отказался отъ своихъ полномочій и предлагалъ назначить Главковерхом генерала Черемисова. Вѣроятно около одиннадцати часовъ вечера осажденные въ Зимнемъ Дворцѣ члены Временнаго Правительства послѣ незначительной перестрѣлки были арестованы. Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ повидимому раздѣлился меньшевики эс-эры и тѣ, кто правѣе примкнули къ членамъ городской думы, и образовали совѣтъ спасенія революціи а крайніе лѣвые вмѣстѣ съ военно-революціоннымъ комитетомъ объявили Временное Правительство низложеннымъ и власть перешл[а]<шая> въ руки этого совѣта. Мы знаемъ объ этомъ не отъ новой власти установившейся въ Петроградѣ, отъ которой до сихъ поръ указаній не получали. Отъ Главкозапа знаемъ, что имъ получена изъ Петрограда отъ военно-революціоннаго комитета телеграмма съ приказаніемъ немедленно объявить войскамъ о происшедшемъ переворотѣ и потребовать отъ войскъ подчиненія. Наштаверх при такихъ условіяхъ далъ указанія двѣ точки [sic!] не имѣя лично увѣдомленія отъ новой власти изъ Петрограда онъ предлагаетъ ничего не скрывать отъ войскъ изъ того, что дѣлается въ Петроградѣ, давая имъ соотвѣтственныя разъясненія при посредствѣ комитетовъ и комиссаровъ, сохранять спокойствіе, дабы не вызвать войскахъ междоусобицы и сохранить на фронтѣ положеніе. Вотъ все, что я могу сказать.

— Вчера вечеромъ у Главкоюза было освѣщеніе [совѣщаніе] подробности котораго мнѣ неизвѣстны. Но знаю, что правленіе нашихъ казаковъ получило отъ правленія изъ Кіева указанія принять мѣры по охранѣ штаюз и для установленія дежурства на телеграфѣ, дабы не допускать никого постороннихъ. Сейчасъ вашъ разговоръ доложу Наштаюзу и дамъ исчерпывающій отвѣтъ. Генералъ Махровъ.

Я буду ждать отвѣта у аппарата.

Хорошо.

[XXXII. ТЕЛЕГРАММА КОМИССАРА СѢВЕРНАГО ФРОНТА ВЪ СТАВКУ]

Говоритъ Комиссарсѣв Войтинскій. Передаю копію приказа Главковерх Главкосѣву. Эта копія должна быть передана Наштаверху.

Приказываю съ полученіемъ сего продолжить перевозку 3 коннаго корпуса къ Петрограду 315. Верховный Главнокомандующій Керенскій. 26 окт. 5 ч. 30 м.

[XXXIII. РАЗГОВОРЪ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ВЕРХ. ГЛАВНОКОМ. СЪ НАЧАЛЬНИКОМЪ ШТАБА СѢВЕРНАГО ФРОНТА утромъ 26-го Октября]

— Разговоръ генерала Лукирскаго съ генераломъ Духонинымъ.

— Наштасѣв Лукирскій у аппарата.

Генералъ Духонинъ у аппарата. Здравствуйте, Сергѣй Георгіевичъ, прошу васъ оріентировать меня въ обстановкѣ. У васъ ли Главковерх Керенскій.

Здравія желаю Николай Николаевичъ, доложу сейчасъ, что знаю, такъ какъ полныя свѣдѣнія собираюсь сейчасъ испросить у Главкосѣва какъ

мнѣ имъ указано было вчера. Вчера послѣ отдачи распоряженія по отмѣнѣ движенія войсковыхъ частей къ Петрограду пріѣхалъ Александръ Федоровичъ, который не раздѣляетъ мнѣнія Главкосѣва по [о] необходимости отмѣны движенія назначенныхъ войсковыхъ частей къ Петрограду. Однако передать распоряженіе съ подтвержденіемъ приказа о движеніи на Петроградъ не удалось, такъ какъ у аппаратовъ революціоннымъ комитетомъ, сформировавшимся въ Псковѣ были поставлены особые дежурные члены этого комитета Въ 5 съ половиною часовъ 26-го Александръ Федоровичъ выѣхалъ Островъ вмѣстѣ съ Комкоромъ 3-го коннаго, который пріѣзжалъ въ Псковъ въ 3 часа 26-го. Лично я Главковерха не видѣлъ, а доложилъ мнѣ объ его здѣсь пребываніи генералъ Барановскій, объяснивъ, что Александромъ Федоровичемъ принято рѣшеніе вмѣстѣ съ 3-мъ коннымъ корпусомъ въ полномъ его составѣ слѣдовать первоначально къ Лугѣ. У насъ получены слѣдующія телеграфныя сообщенія: 1) постановленіе фронтоваго казачьяго съѣзда, рѣшительно осуждающаго выступленія большевиковъ и призывающаго все казачество и всѣхъ у кого осталась еще совѣсть и любовь къ Родинѣ къ защитѣ Родины, 2) воззваніе объединенныхъ организацій партіи ес-ер, ес-д, центрофлота, армейскихъ организацій въ Петроградѣ и центральнаго исполнительнаго комитета<,> совдеповъ, призывающаго[ее] къ тому же. У насъ положеніе слѣдующее: 12-я армія рѣшительно и опредѣленно высказалась противъ большевиковъ и заявила, что она употребитъ всѣ свои силы, чтобы покарать бунтующую кучку большевиковъ. 1-я и 5-я арміи заявили, что они за Правительство не пойдутъ, а пойдутъ за Петроградскимъ совѣтомъ. Это я вамъ сообщаю рѣшеніе армейскихъ комитетовъ. Въ Петроградѣ по нашимъ свѣдѣніямъ произошло слѣдующее: Зимній Дворецъ, гдѣ сгруппировалось Временное Правительство послѣ штурма дошедшаго до рукопашной былъ взятъ большевиками и члены Временнаго Правительства отправлены въ Петропавловку. Большевики тѣмъ не менѣе должны праздновать пирровую побѣду, такъ какъ за ними нѣтъ никого, вся организованная демократія стала противъ нихъ, объединившись въ комитетъ народной обороны, въ который вошли и всѣ члены фронтовыхъ организацій находящихся въ Петроградѣ, а равно и весь составъ Думы. Этотъ комитетъ народной обороны выслалъ на всѣ окраины и въѣзды въ Петроградъ своихъ представителей для встрѣчи подходящихъ войскъ, которые къ сожалѣнію не подходятъ. 3-й конный корпусъ изъ района Острова 1-й арміи и Витебска если не продолжаетъ, то будетъ продолжать движеніе[;] распоряженіе объ этомъ Главковерхом отдано категорическое и мы его исполняемъ. Лукирскій.

— Очень вамъ признателенъ. Не можете ли вы точно установить гдѣ сейчасъ находится Главковерх и могу ли войти съ нимъ въ связь черезъ васъ. Необходимо немедленно установленіе этой связи прошу по исполненіи этого мнѣ телеграфировать, тако[ж]е прошу указать, [...]

ж[Ж]демъ Главковерха сегодня же въ Псковѣ, куда Главковерхом приказано перемѣститься штабу 3-го коннаго корпуса. Надежд[н]ой связи телеграфной между Псковомъ и Островомъ у насъ нѣтъ, но штасѣв можетъ принять вашу депешу и немедленно отправить ее съ офицеромъ на автомобилѣ навстрѣчу Главковерху. Все.

Хорошо передаю телеграмму. Главковерху Керенскому. — Прошу васъ немедленно по прибытіи штасѣв переговорить со мной по аппарату. Желая вамъ доложить вчера лично я просилъ объ этомъ Главкосѣва, но онъ не призналъ возможнымъ. Полагаю необходимымъ выдвиженіе Петрограду не только

3-го корпуса, но и другихъ назначенныхъ частей[;] конечно придется выѣхать походнымъ порядкомъ, такъ какъ состоялось постановленіе желѣзнодорожнаго союза не перевозить войскъ Петрограду. Очень прошу васъ, Сергѣй Георгіевичъ, послѣднюю фразу со словъ «полагаю необходимымъ» уничтожить и послѣ слова точка поставить мою фамилію. Можно васъ просить повторить эту телеграмму. Ожидаю повторенія начиная съ адреса.

Повторяю телеграмму: Главковерху Керенскому. Прошу васъ, немедленно по прибытіи въ Штасѣв переговорить со мной по аппарату. Желая вамъ доложить вчера лично я просилъ объ этомъ Главкосѣва, но онъ не призналъ возможнымъ. Духонинъ.

Такъ, простите, что я васъ затруднилъ, не откажите уничтожить зачеркнутый кусочекъ ленты. Если что-нибудь узнаете, то очень прошу меня оріентировать. Какое рѣшеніе принялъ Главкосѣв, я всю ночь поджидалъ его вызова.

Главкосѣв въ данный моментъ отдалъ распоряженіе продолжать передвиженіе по желѣзной дорогѣ частей 3-го коннаго корпуса. Посты революціоннаго комитета Главкосѣв приказалъ снять. Дополнительно къ свѣдѣніямъ, доложеннымъ мною о положеніи въ арміяхъ сѣвфронта докладываю еще слѣдующее: комфлотъ проситъ штасѣв не посылать ему шифрованныхъ телеграммъ, ибо такія телеграммы ему съ телеграфа не передаются. Повидимому это обусловлено наличіемъ въ морскихъ телеграфныхъ конторахъ дежурныхъ революціоннаго комитета. Лукирскій.

— Не знаете ли гдѣ находятся самокатные баталіоны, каково положеніе 12-й арміи и поведеніе ея комитета, гдѣ сейчасъ находится комиссарсѣв Войтинскій[,] съ нимъ желали бы переговорить члены общеармейскаго комитета, не можете ли вы его вызвать къ аппарату. Очень буду васъ просить оріентировать меня возможно чаще о передвиженіи войскъ, а также о мѣстонахожденіи Главковерха, если вы будете посылать офицера съ автомобилемъ, то не откажите передать слѣдующую депешу предсѣдателя общеармейскаго комитета.[...]

Самокатные баталіоны по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, полученнымъ еще вчера находятся примѣрно въ 70-ти верстахъ отъ Петрограда и здѣсь пріостановились. О рѣшеніи комитетовъ армій сѣвфронта я уже доложилъ въ началѣ нашего разговора, другихъ свѣдѣній у меня пока нѣтъ. Комиссарсѣв Войтинскій утромъ вмѣстѣ со мною былъ у Главкосѣва и при мнѣ докладывалъ о положеніи въ Петроградѣ, измѣняющемся не въ пользу возставшихъ. Настоящее время Войтинскій куда-то уѣхалъ, я послалъ уже за нимъ и полагаю, что черезъ часъ онъ подойдетъ къ аппарату. За это время на аппаратѣ будетъ говорить съ Петроградомъ генералъ Барановскій, котораго Петроградъ проситъ подойти къ аппарату. Оріентировать васъ буду немедленно во всемъ томъ, что будетъ доходить до меня изъ свѣдѣній объ слагающейся обстановкѣ и мѣстѣ нахожденія Главковерха. Телеграммы, продиктованныя вами на имя Главковерха отошлю съ офицеромъ Александру Федоровичу сейчасъ же. Лукирскій. Все.

— Вѣроятно будутъ приняты мѣры вами по охранѣ Главковерха во Псковѣ, можетъ быть еше добавимъ одну телеграмму Главковерху: Главковерху Керенскому. На фронтѣ армій спокойно. Выступленіе[й] сверхъ обычныхъ эксцессовъ пока нѣтъ, нахожусь полной связи съ Главкофронтами западнымъ юго-западнымъ, румынскимъ и кавказскимъ. На западный фронтъ проникли телеграммы революціоннаго совѣта большевиковъ я приказалъ соблюдать пол-

ное спокойствіе и держаться прочно на позиціяхъ дабы не поколебать фронта. Духонинъ. Очень вамъ признателенъ Сергѣй Георгіевичъ за все вами сообщенное и за вашу помощь, всего хорошаго. Духонинъ.

И вамъ добраго всего Николай Николаевичъ. Лукирскій.

[XXXIV. РАЗГОВОРЪ СТАВКИ СЪ ПОМОЩНИКОМЪ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТИЧЕСКАГО УПРАВЛЕНІЯ ВОЕН. МИНИСТЕРСТВА 26-го Октября послѣ 1½ ч. д. *]

— Жду отвѣта.

У аппарата подполковникъ Ольферьевъ. Сейчасъ передаю на фронты приказъ Керенскаго и воззваніе центр. испол. сов. рабоч. и сол. депутатовъ, уже на юго-западный фронтъ передалъ, что еще необходимо.

Очень радъ, очень радъ вотъ когда опять встрѣтились. Узнай, пожалуйста, на счетъ связи съ Москвой, а то она за сутки ничего отъ насъ не имѣетъ.

Сейчасъ говори[я]тъ, что Москва будетъ.

Надо Москву командвойскъ — Рябцеву и помощнику — Ротному передать оба воззванія и приказъ Керенскаго, а также бюллетень изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя мы дали въ разговорахъ съ Вырубовымъ и Перекрестовымъ наладьте, пожалуйста, такой информаціонный аппаратъ для передачи въ Москву и далѣе и во <имя,> что бы то ни стало обезпечьте связь непрерывную съ Москвой. А давно ты въ Ставкѣ.

Приму мѣры, пока еще Москвы нѣтъ.

— Пришелъ кто нибудь изъ комитета.

Перекрестовъ здѣсь, сейчасъ отъ комиссара членовъ комитетовъ получены свѣдѣнія, что воззванія получены здѣсь. Изъ Одессы получены свѣдѣнія, что воззваніе не передано. Приказъ Верховнаго получаемъ впервые. Содержаніе его рѣзко противорѣчитъ вчерашнему заявленію Главкосѣва [объ] устраненій[и] Керенскаго о сложеніи обязанности Верховнаго и желаніи передать постъ Верховнаго Главкосѣву. Сейчасъ передаемъ приказъ и воззваніе. Сейчасъ подойдетъ къ аппарату Перекрестовъ.

Разсчитываемъ, что В[н]аше положеніе за эту ночь не успѣло отразиться на распоряженіяхъ Ставки. Приказъ и воззваніе необходимо передавать какъ командному составу, такъ и комиссарамъ и комитетамъ за подписями представителей Ставки также и комитета для удостовѣренія подлинности ихъ и свидѣтельствованія единенія[;] подлинность могутъ подтвердить Венгеровъ и Смородиновъ, которымъ сейчасъ передаю ленту для дальнѣйшаго разговора.

— А что у Васъ сейчасъ дѣлается.

На улицахъ тихо, всѣ патрули чужіе. Правительство арестовано[,] въ рабочихъ раіонахъ совершенно спокойно[;] изъ разговоровъ выяснилось, что за исключеніемъ красной гвардіи широкія рабочія массы активнаго участія въ движеніи на Зимній Дворецъ не принимали. Новой власти нѣтъ и едва ли она образуется[;] у побѣдителей настроеніе какъ послѣ пировой побѣды и уже опредѣляются теченія кто за большевистскую власть, кто за болѣе широкую, складывается новый центръ общесоціалистической и демократической и признаніе будетъ за

---

* Время опредѣляется тѣмъ, что, какъ видно изъ XXXV, приказъ Керенскаго былъ переданъ въ Ставку въ 1½ ч. дня.

нимъ[;] по моему сегодняшняя пресса очень единодушна [въ оцѣнкѣ] преступной авантюры, но у центра пока только признаніе, а нѣтъ здѣсь силы, одно безъ другого мало. Продолжаю, все таки быть бодрымъ я сейчасъ ухожу, расчитываю на тебя насчетъ Москвы. Толстой.

[XXXV. РАЗГОВОРЪ ВЫРУБОВА СЪ ВОЙТИНСКИМЪ днемъ 26-го Октября] — 26-го октября 1917 года.

— Кабинетъ комиссарсѣва, комиссарсѣв у аппарата.

— У аппарата ли комиссарсѣв.

Да у аппарата.

У аппарата Понаштаверх Вырубовъ, очень прошу васъ оріентировать меня о положеніи Псковѣ. Въ тринадцать съ половиной часовъ говорилъ съ прапорщикомъ Толстымъ, отъ котораго по аппарату получилъ приказъ Главковерха, отданный 25-го въ Псковѣ. Приказъ этотъ изъ Пскова не полученъ, сообщите гдѣ Главковерх, ожидается ли онъ когда въ Псковѣ.

— Сообщаю вполнѣ секретно Главковерх былъ въ Псковѣ сегодня ночью[;] изъ Пскова онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ генераломъ Красновымъ въ Островъ, гдѣ сталъ во главѣ кавалерійской дивизіи, съ которою въ настоящее время и двигается по направленію Петрограда. 1-й эшелонъ, при которомъ находится Главковерх и Красновъ уже миновалъ Псковъ и съ особыми предосторожностями двигается дальше. Сообщаю о положеніи[:] 12-й арміи готовится отрядъ для отправки въ Петроградъ, куда выѣхалъ Мозуренко и Фоминъ изъ Центрископ[м]а, вѣроятно имъ будетъ поручено и руководство отрядомъ; въ 1-й арміи плохо, тамъ армейскимъ[ій комитетъ] провозгласилъ себя военно-революціоннымъ комитетомъ и проявилъ свою энергію тѣмъ что изгналъ врид* комиссара Смалдовскаго. Распространить 1-й арміи приказъ Керенскаго и возваніе пяти организацій пока не удается. 5-й арміи приблизительно то же самое, точныя свѣдѣнія получатся оттуда позднѣе; въ казачьихъ частяхъ настроеніе повышенное, быть можетъ даже слишкомъ повышенное. Псковѣ идетъ пока безкровная война между мной и военно-революціоннымъ комитетомъ, который установилъ контроль надъ аппаратами, кромѣ моего[;] пытаются останавливать эшелоны и собираются арестовать меня, все таки удалось отпечатать въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ приказъ и возваніе. Связь съ Петроградомъ и всѣми частями фронта тоже удается поддерживать, а въ ближайшемъ будущемъ думается удастся избавиться и отъ слѣжки на аппаратахъ, установлена связь съ Лужскимъ гарнизономъ, который самъ предложилъ помощь, воззваніе и приказъ удалось отдать открытой радіотелеграммой. Вотъ кажется все пока.

Вмѣстѣ со мной при нашей бесѣдѣ присутствовалъ предсѣдатель общеармейскаго комитета при Ставкѣ Перекрестовъ.

[XXXVI. РАЗГОВОРЪ ГЕН. ДУХОНИНА СЪ ГЕН. БАЛУЕВЫМЪ днемъ 26-го Октября]

— Доложите Главкозапу, что Наштаверх проситъ его подойти къ аппарату для переговоровъ.

* Временно исполняющій должность.

Хорошо. У аппарата Главкозап.

Сію секунду идетъ Нашталерх.

Здравія желаю Ваше Высокопревосходительство. Разрѣшите оріентировать васъ въ обстановкѣ. Наштасѣв доноситъ, что вчера послѣ отдачи распоряженій по отмѣнѣ движеній войсковыхъ частей къ Петрограду въ Штасѣв прибылъ Главковерх и заявилъ, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія Главкосѣва и приказалъ подтвердить приказъ о движеніи на Петроградъ, однако этого сдѣлать не удалось тотчасъ же, такъ какъ у аппаратовъ революціонныхъ комитетовъ были поставлены постовые дежурные члены. Вь 5 съ половиною часовъ 26-го Главковерх выѣхалъ въ Островъ, вмѣстѣ съ комкором 3-го коннаго[;] по словамъ генерала Барановскаго Главковерх принялъ рѣшеніе, вмѣстѣ съ 3-мъ коннымъ корпусомъ слѣдовать на Петроградъ. Сегодня Главковерх пред[по]лагаетъ быть въ Псковѣ и я буду съ нимъ говорить по аппарату. Обстановка, какъ она рисуется въ Петроградѣ сводится къ тому, что Временное Правительство кромѣ минпродовольствія Прокоповича и Главковерха арестовано и отправлено въ Петропавловскую крѣпость, въ арестѣ участвовала въ 200/3000 [200/300] человѣкъ группа[;] большевики тѣмъ не менѣе должны праздновать пирову побѣду, такъ какъ за ними не пошла вся организованная демократія объединившись въ комитетъ народной обороны, въ который вошли члены фронтовыхъ организацій находящихся въ Петроградѣ, а равно и весь составъ думы. Этотъ комитетъ выслалъ на всѣ окраины и въѣзды въ Петроградъ своихъ представителей для встрѣчи подходящихъ войскъ. Главкосѣвъ въ данный моментъ отдалъ распоряженіе продолжать передвиженіе по желѣзной дорогѣ и приказалъ снять посты революціоннаго комитета. — (связь перерывается).

— У аппарата Помнаштаверх Вырубовъ. До прихода Наштаверха по его приказанію передаю пока приказъ Главковерха. Приказъ Верховнаго Главнокомандующаго отъ 25 октября 1917. 314, подписанный Керенскимъ въ Псковѣ: «Приказъ. Наступившая смута, вызванная безуміемъ большевиковъ, ставитъ государство наше на край гибели и требуетъ напряженія всей воли мужества и исполненія долга каждымъ[;] для выхода изъ переживаемаго Родиной<и> нашей отъ смертельнаго испытанія въ настоящее время впредь до объявленія новаго состава Временнаго Правительства, если таковое послѣдуетъ каждый долженъ оставаться на своемъ посту и исполнять свой долгъ передъ истерзанной Родиной, нужно помнить, что малѣйшее нарушеніе существующей организаціи арміи можетъ повлечь непоправимыя бѣдствія открывъ фронтъ для новаго удара противника, поэтому необходимо сохранить во что бы то ни стало боеспособность арміи поддерживать полный порядокъ[,] охраняя армію отъ новыхъ потрясеній и не колебать взаимное полное довѣріе между начальниками и подчиненными[;] приказываю всѣмъ начальникамъ и комиссарамъ во имя спасенія Родины сохранить свои посты какъ и я сохраняю свой постъ Верховнаго Главнокомандующаго впредь до изъясненія воли Временнаго Правительства Республики. Приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, командахъ, сотняхъ, эскадронахъ и батареяхъ на судахъ и всѣхъ строевыхъ командахъ. А. Керенскій.

— У аппарата ли Главкозап.

У аппарата.

У аппарата Духонинъ. Продолжаю, на чемъ пропали [прервали]. 12-я армія рѣшительно и опредѣленно высказалась противъ большевиковъ и заявила, что она употребитъ всѣ свои силы, чтобы покарать бунтующую кучку большевиковъ. 1-я и 5-я арміи заявили, что они за Правительство не пойдутъ, а пой-

дутъ за Петроградскимъ Совѣтомъ[,] фронтовое казачество сѣвернаго фронта рѣшительно осуждаетъ выступленіе большевиковъ [и призываетъ] все казачество и всѣхъ у кого осталась еще совѣсть и любовь къ Родинѣ къ защитѣ Родины. Затрудненіе доставки войскъ къ Петрограду заключается въ постановленіи центральнаго желѣзнодорожнаго комитета не вес[з]ти войскъ, кромѣ оперативныхъ перевозокъ, но можетъ быть уладится и это, будьте добры сообщить обстановку на вашемъ фронтѣ. Такъ какъ начинаютъ проникать телеграммы съ разными распоряженіями большевиковъ, то мы установили въ Ставкѣ Могилевѣ и на станціи дежурство членовъ комитета для задержки телеграммъ, явно преступныхъ и агитирующихъ.

— Здравствуйте Николай Николаевичъ. Сегодня ночью отъ революціоннаго комитета изъ Петрограда пришла телеграмма, что власть захвачена революціоннымъ комитетомъ и онъ призываетъ всѣ войска подчиниться ему, телеграмму эту задержать нельзя было и я ее послалъ во всѣ комитеты, чтобы комитетамъ обсудить и резолюціи прислали мнѣ[;] въ Минскѣ <не> [власть] въ свои руки взялъ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, но ему еще противодѣйствуетъ фронтовый комитетъ[;] не знаю удастся ли фронтовому комитету побороть совѣтъ, но на гарнизонъ Минскѣ надѣяться не могу[;] пока съ [изъ] арміей[и] сообщеній объ нихъ [ихъ] постановленіи не имѣемъ. Сейчасъ явился караулъ отъ 37-го полка и объявилъ меня арестованнымъ и весь штабъ и требуетъ производить работу подъ контролемъ ихняго революціоннаго штаба. Положеніе вообще скверное и я не знаю, какъ изъ него выйду, комиссары тоже ничего не могутъ сдѣлать[;] вотъ все что могу сообщить вамъ.

Я сейчасъ поговорю комиссарверхомъ[;] необходимо дать знать фронтовому комитету, чтобы онъ принялъ съ своей стороны мѣры разъясненія этого невозможнаго положенія. А извѣстно ли это комиссару и прочимъ частямъ гарнизона, на чемъ основанъ этотъ арестъ. Вѣроятно чинамъ 37-го полка не была объяснена вся обстановка и послѣдующія разъясненія ея вотъ все.

37-й полкъ весь въ распоряженіи совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ[;] о происшествіяхъ никто не зналъ [знаетъ] и даже[ть] знать я не могу потому что все занято карауломъ и никто [никого] не выпускаютъ изъ штаба. Вотъ все что я могу сказать. Когда выяснится обстановка то сообщу вамъ, а пока до свиданія. Балуевъ.

— Со своей стороны приму мѣры для разъясненія [и] Вашего освобожденія. Я думаю, что оно не замедлитъ какъ только будетъ всѣмъ извѣстно распоряженіе позднѣйшее. Всего хорошаго. Слышалъ, что вамъ очень нездоровилось, какъ чувствуете себя. Духонинъ.

— Страшно скверно, еле дышу, дай Богъ, чтобы до вечера протянулъ. При этомъ вторые сутки не сплю, боюсь окончательно свалиться. Желаю всего лучшаго. Балуевъ.

— Всего хорошаго. Духонинъ.

[XXXVII. РАЗГОВОРЪ ВЫРУБОВА СЪ КОМИССАРОМЪ ЮГО-ЗАП. ФРОНТА, Н. И. ІОРДАНСКИМЪ днемъ 26-го Октября]

— Кто у аппарата.

Кабинетъ Начальника Штаба, у аппарата Понаштаверх Вырубовъ.

У аппарата Комиссарюз Іорданскій. Здравствуйте Василій Васильевичъ, въ какомъ положеніи дѣло.

Здравствуйте Николай Ивановичъ. Сейчасъ говорилъ с Войтинскимъ, который сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія, передамъ вамъ дословно ленту Войтинскаго.[.....] Минскѣ разногласіе между искомзапом и Минскимъ совѣтомъ послѣдній стоитъ повидимому на большевистской платформѣ и выставилъ вокругъ штаба фронта караулы, преданнаго ему 37 полка. Ждановымъ и общеармейскимъ комитетомъ принимаются мѣры къ ликвидаціи инцидента. Свѣдѣнія о ликвидаціи пока не получены. Сегодня говорилъ Довминымъ Толстымъ отъ него получилъ свѣдѣнія, что партія [и], подписавша[і]я воззваніе, которое вы вѣроятно получили совмѣстно съ городской думой образовали комитетъ народной обороны, такъ что большевики въ смыслѣ поддержки общественной повидимому совершенно изолированы хотя фактически они владѣютъ положеніемъ. Москвѣ положеніе еще не опредѣлилось[;] Кремль и штабъ округа въ рукахъ возставшихъ, городская дума объединила вокругъ себя всѣ преданные Временному Правительству элементы. Положеніе выясняется. Вотъ пока все самое главное, какъ у васъ.

— У насъ пока все спокойно, большинство за Временное Правительство[;] въ арміяхъ готовятся къ посылкѣ отряда на Петроградъ, сейчасъ будетъ засѣданіе искомитюза о дальнѣйшемъ поведеніи. Я предполагаю, что придется отправить хотя бы не большой отрядъ съ цѣлью моральнаго удовлетворенія. Приказъ Керенскаго полученъ, одна фраза возбуждаетъ недоумѣніе о возможности образованія новаго Правительства, если это означаетъ готовность идти на компромиссъ съ Петроградомъ, то это ошибка, лозунгомъ должно быть возстановленіе Правительства и созывъ Учредительнаго Собранія въ назначенный срокъ, между прочимъ скажите было ли вполнѣ лойяльно поведеніе Черемисова.

На послѣдній вопросъ, по имѣющимся у меня даннымъ [скажу] что нѣтъ не было вполнѣ лойяльно[;] такого же мнѣнія повидимому держится и Войтинскій, отвѣчающій [отмѣчающій] <въ> противорѣчіе[я] его распоряженія[й]. Впрочемъ отсюда разобраться очень трудно. Теперь, по словамъ Наштасѣва, который говорилъ сегодня съ Наштаверхомъ всѣ распоряженія о продвиженіи назначенныхъ войскъ Петроградъ подтверждены Главкосѣвомъ.

Прошу высказаться по 1-му вопросу. По поводу посылки отрядовъ.

Считаю необходимымъ къ этому готовиться, переговорю Наштаверхомъ и какъ только выяснится опредѣлённая необходимость васъ извѣщу. Относительно фразы приказа Главковерха она возбудила во мнѣ тѣ же недоумѣнія, но изъ переданнаго мною вамъ разговра съ Войтинскимъ можно заключить, что Главковерх на компромиссы не идетъ.

Благодарю за разъясненіе, мы смотримъ на положеніе какъ на неизбѣжное, [наступилъ] моментъ ликвидаціи большевизма и были бы совершенно выбиты изъ колеи, если бы повторились полумѣры 3-го и 5-го іюля. Прошу объяснить Наштаверху и Главковерху желательности посылки отрядовъ юзфронта съ морально-политической точки зрѣнія, кромѣ того позиція 1-й и 5-й армій можетъ придать этому отряду реальное значеніе, такъ какъ онъ отвлечетъ ихъ отъ поддержки большевиковъ. Пока больше ничего не имѣю. Но знаете ли вы о радіо, которое разсылаютъ большевики. Послѣднее адресовано корпуснымъ и дивизіоннымъ комитетамъ и призываетъ ихъ произвести всеобщіе выборы делегатовъ на съѣздъ Петроградъ помимо армейскихъ комитетовъ.

О радіо знаю, Наштаверху передамъ ваше соображеніе точно. Главковерхомъ прямой связи пока не имѣемъ, пока до свиданія, всего хорошего.

До свиданія.

[XXXVIII. РАЗГОВОРЪ СТАВКИ СЪ СОВѢТОМЪ ПОЧТОВО ТЕЛЕГРАФНЫХЪ ОРГАНИЗАЦІЙ]

— Разговоръ Начальника связи дѣйствующей арміи съ членомъ совѣта почтово-телеграфныхъ организацій.

— Здѣсь членъ комитета. Что нужно.

У аппарата Начальникъ связи дѣйствующей арміи. Со мною говоритъ членъ совѣта почтово-телеграфныхъ организацій [?]. Не откажите сообщить для доклада Наштаверху каково у васъ сейчасъ положеніе.

Обо всемъ этомъ уже мы говорили.

Значитъ новаго ничего, а связь съ Петроградомъ имѣете.

Да имѣемъ, но всѣ телеграммы идутъ только черезъ Москву.

Не можете ли сообщить, что дѣлается въ Петроградѣ по вашимъ свѣдѣніямъ.

Извѣстно, что совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ раскололся. Есеры меньшевики и интернаціоналисты отказались отъ большевиковъ, которые остались вездѣ одни.

Благодарю, при прошломъ разговорѣ вы говорили объ образованіи новаго Правительства, но не знали его состава, можетъ быть выяснилось.

Нѣтъ этотъ слухъ не подтвердился, извѣстно только что какой-то большевикъ явился въ центральный комитетъ Всероссійскаго почтово-телеграфнаго союза и заявилъ, что онъ Министръ Почтъ и телеграфовъ. Центральный Комитетъ категорически отказался признать его. Несмотря на всѣ его просьбы.

Отлично. Очень благодаренъ къ намъ пока еще никто не явился, все что имѣемъ пока отъ армій—говоритъ о поддержкѣ законной власти. Еще вопросъ связь у васъ югомъ не нарушается. И въ частности съ Кіевомъ.

Всѣ связи имѣемъ.

Такъ пожалуйста скажите гдѣ сейчасъ Керенскій.

Керенскій съ войсками идетъ къ Петрограду.

А какія войска, не съ сѣвернаго ли фронта.

Да совершенно вѣрно.

Ну пока всего лучшаго. Благодарю. До свиданія.

[XXXIX, XL. ОТРЫВКИ РАЗГОВОРА ТОВАРИЩА НАКАЗНОГО АТАМАНА ВОЙСКА ДОНСКОГО, М. П. БОГАЕВСКАГО, СО СТАВКОЙ]

— Разговоръ съ Ростовымъ.

— Товарищъ наказнаго атамана войска Донского Богаевскій. [......]

— Керенскій находится на сѣверномъ фронтѣ при войскахъ былъ во Псковѣ, гдѣ отданъ приказъ всѣмъ начальствующимъ лицамъ оставаться своихъ постахъ, какъ и онъ остается Главковерхомъ. Угодно ли вамъ краткую оріентировку[о] положеніи Петроградѣ. [......]

— Для провѣрки скажите кого вы знаете изъ офицеровъ Ставки. [......]

— Обстановка Петроградѣ такова: Правительство арестовано, переворотъ совершенъ большевиками, остальныя демократическія партіи вышли изъ организаціи совѣтовъ и призываютъ особымъ воззваніемъ[,] не повторяю[,] не исполнять большевистскихъ воззваній и приказовъ. По свѣдѣніямъ число активныхъ боль-

шевиковъ незначительно. О Главковерхѣ и его приказѣ вамъ передано. Распоряженію Главковерха идутъ къ Петрограду войска, онъ при нихъ. Вслѣдъ за симъ передаемъ телеграмму предсѣдателя общефронтоваго казачьего съѣзда въ Кіевѣ Агѣевъ[:] ковычки по агентскимъ извѣстіямъ мы знаемъ, что 1-й, 4-й, 14-й Донскіе полки якобы заявили, что они не исполнятъ приказанія Временнаго Правительства, мы полагаемъ, что это провокація[,] казачеству съ большевиками не по пути точка ковычки. — Комиссаръ казачьихъ войскъ при Главковерхѣ сотникъ Герасимовъ. Командиръ бригады Сибирской казачьей дивизіи полковникъ Бѣляевъ. Начсвязверх генеральнаго штаба полковник Сергѣевскій.

[XL]

Мы просимъ сообщить, въ какомъ положеніи находится Петроградъ и Временное Правительство. Имѣете ли Вы возможность передать Керенскому нашъ совѣтъ использовать казачьи войска для укрѣпленія власти и необходимости организаціи власти въ Донской Области, гдѣ обстоятельства и вся обстановка благопріятствуетъ этому. Отвѣчайте по распоряженію. Скажите пожалуйста, неизвѣстна ли Вамъ судьба казачьихъ войскъ, бывшихъ въ Петроградѣ. Благодарю и сообщу къ Вашему свѣдѣнію телеграмму на имя Керенскаго

[XLI. РАЗГОВОРЪ ВЫРУБОВА СЪ Гр. ТОЛСТЫМЪ за нѣсколько дней до или послѣ 25-го Октября *]

— А теперь прошу Вырубова въ кратцахъ высказаться по затронутымъ нами вопросамъ въ частности о Черемисовѣ и А. Ф. въ связи съ отношеніемъ къ этому Духонина.

* Датировка этого отрывка представляетъ значительныя трудности. Съ увѣренностью можно сказать, что въ непосредственный контекстъ съ приводимыми выше телеграммами оно не входитъ. Первое впечатлѣніе отъ начала отрывка, заставляющее упоминаемый въ немъ разговоръ съ Наштасѣвомъ отнести къ разговору XXXIII, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается неосновательнымъ. Разговоръ XXXIII происходилъ утромъ (во всякомъ случаѣ послѣ 5 1/2 ч. утра, когда Керенскій изъ Пскова уѣхалъ въ Островъ, о чемъ въ разговорѣ сообщаетъ Наштасѣвъ), а не около 12 ч. н. (24 час.)

Нельзя даже сказать, происходилъ ли данный разговоръ до или послѣ 25-го октября. Начало разговора, какъ будто, создаетъ увѣренность, что разговоръ происходилъ въ связи съ событіями 25 октября; академическій тонъ второй половины разговора разрушаетъ эту увѣренность и заставляетъ предполагать, что неповиновеніе Черемисова Керенскому происходило и раньше. Рѣшающій, казалось бы, аргументъ для отнесенія разговора ко времени послѣ 25-го октября — упоминаніе «Комитета Спасенія» колеблется указаніемъ компетентныхъ лицъ, утверждающихъ, что «Комитеты Спасенія» образовывались и до 25 октября и что это названіе не исключительно свойственно той организаціи, которая создалась непосредственно послѣ большевистскаго переворота.

Точно можно опредѣлить часъ разговора: изъ сопоставленія — 1) Данилевичъ выѣхалъ около 23 час. — 2) Данилевичъ выѣхалъ 5 часовъ тому назадъ — явствуетъ, что разговоръ происходилъ около 4 часовъ утра. Съ меньшей увѣренностью можно высказаться относительно дня разговора. Можно, однако, предполагать что разговоръ происходилъ нѣсколько дней спустя послѣ четверга [Въ противномъ случаѣ была бы непонятна простая ссылка на четвергъ («Съ Данилевичемъ я лично говорилъ . . . въ четвергъ») безъ болѣе точнаго опредѣленія]. Съ другой стороны, этотъ четвергъ былъ не «вчера». («Вчера въ Псковѣ былъ Данилевичъ»). Эти соображенія заставляютъ отнести разговоръ къ ночи съ пятницы на субботу, или съ субботы на воскресенье. 25-ое октября 1917 г. приходилось на среду. Данный разговоръ могъ происходить 27—29 или 20—22 октября.

Считаю поведеніе Духонина и Дитерихса эти дни вполнѣ спокойнымъ корректнымъ и лойяльнымъ. По послѣднему разговору Наштасѣв[а] около 24 часовъ считаю, что смѣщеніе Главкосѣва какимъ-либо путемъ кромѣ приказа Главковерха настоящее время можетъ вызвать осложненіе и сосредоточить вокругъ этого симпатію. Настоящее время судя по разговору Наштасѣва Главкосѣв выполняетъ всѣ приказанія Главковерха. Наштаверх по этому вопросу держится одинакового со мною мнѣнія. Мы полагаемъ, что расчеты послѣ. Считаю, что Главковерхом долженъ пока остаться А. Ф. Пока все.

Комиссарсѣв передавалъ, что немедленномъ смѣщеніи настаиваетъ между прочимъ штасѣв. Впрочемъ я, да и Станкевичъ, не навязываемъ[,] это можетъ быть если ты съ Перекрестовымъ переговоришь съ Савицкимъ, то дѣло и получитъ нормальный ходъ черезъ Главковерха, что по моему и нужно сдѣлать съ указаніемъ на нашъ разговоръ.

Значитъ на счетъ А. Ф. мы всѣ какъ будто согласны, въ томъ числѣ и Духонинъ. Савицкаго въ Псковѣ нѣтъ, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Минска — онъ въ Полоцкѣ. Вчера около 23 часовъ въ Псковѣ былъ Даниревичъ и вполнѣ информированный Наштасѣвом и главное Генкварсѣвомъ поѣхалъ къ А. Ф. Вѣроятно въ настоящее время онъ уже передалъ всю обстановку Псковѣ А. Ф. и ленты разговоровъ съ Наштасѣвом, Генкварсѣвом и Главкосѣвом.

Съ Данилевичемъ я лично говорилъ въ этой комнатѣ четвергъ вечеромъ. Насчетъ Генкварсѣва у меня со Станкевичемъ вполнѣ опредѣленныя особыя мнѣнія, такъ что его соображенія не могутъ рѣшительно ничего измѣнить. Это мы говоримъ на основаніи продолжительнаго личнаго сотрудничества и только очень жаль, что не другой поѣхалъ. Толстой.

Соображенія Барановскаго вполнѣ опредѣленно за смѣну Главкосѣва. Знаете ли Вы, что Войтинскій опредѣленно настаиваетъ на передачѣ обязанности Главкосѣва Барановскому, что встрѣтило со стороны Духонина и моей опредѣленно возраженіе. Считаю, что Данилевичъ информируетъ А. Ф. желательномъ направленіи именно въ томъ, что мы повидимому сходимся всѣ.

Съ Савицкимъ я лично говорилъ днемъ отъ трехъ до семи часовъ и послѣ разговора онъ въ Псковѣ пошелъ на засѣданіе Комитета спасенія, на которое пріѣхалъ Черновъ. Его отъѣздъ въ Полоцкъ, о чемъ онъ ни слова не говорилъ, болѣе чѣмъ сомнителенъ; если это опять со стороны нежелающихъ вашихъ прямыхъ разговоровъ. О передачѣ власти Главкосѣвом сегодня тоже была рѣчь въ разговорѣ нашемъ съ Савицкимъ, и мы знаемъ про ту комбинацію, о которой ты говоришь. Данилевичъ информируетъ какъ разъ обратно, между тѣмъ такое назначеніе безусловно и абсолютно только подорветъ послѣднее довѣріе къ назначающему. А когда именно Данилевичъ долженъ былъ выѣхать, пять часовъ тому назадъ или сутками раньше. И еще скажи о томъ, хорошо ли по твоему совмѣщается Духонинъ съ А. Ф. На будущее время и каковъ вообще твой взглядъ на счетъ отношенія главнымъ образомъ командного состава. Толстой.

Данилевичъ долженъ былъ выѣхать пять часовъ тому назадъ. Комиссарзап сообщилъ мнѣ, что разговаривалъ съ Савицкимъ изъ Полоцка, очевидно это ошибка и сегодня же постараюсь переговорить съ Савицкимъ. Я все-таки думаю, что Данилевичъ не будетъ информировать въ смыслѣ передачи обязанностей Главкосѣва Генкварсѣву. Полагаю, что Духонинъ вполнѣ сработался съ А. Ф. Прогозный [прогнозы] относительно будущаго командного состава сей-

часъ дѣлать трудно, если больше ничего не имѣешь сказать, шлю привѣтъ, можно ли будетъ говорить съ тобой сегодня поздно вечеромъ примѣрно около 23 часовъ.

Лучше позднѣе послѣ 24 часовъ. Я имѣлъ въ виду отношеніе командного состава не будущаго, а теперешняго, къ оставленію прежней комбинаціи Духонинъ А. Ф. Думаю, что возраженій не встрѣтится. Идемъ спать. Ты навѣрное спалъ, а я еще нѣтъ, а уже свѣтаетъ. Покойной ночи.

[XLII, XLIII, XLIV, XLV. ОТРЫВКИ РАЗГОВОРОВЪ]

— Изъ этихъ телеграммъ Вы видите, что положеніе очень тревожное. Здравствуйте, Борисъ Антоновичъ. Скажите пожалуйста какую занимали предыдущую должность. Генкварм 8, а передъ этимъ стард 19, какъ отчество Вашей супруги. Сейчасъ моментъ генералъ занятъ у телефона. Вѣра Александровна. Гдѣ мы въ первый разъ съ Вами встрѣтились. На маневрахъ, въ 13 году. Вы были посредникомъ при 12 кавалерійскомъ. Правильно, чтобы не задерживать телеграммы я окончу разговоръ, когда подойдетъ генералъ Барановскій, куда. Передамъ подполковнику Артемьеву. Больше ничего не скажите. Генералъ сейчасъ пріѣдетъ, куда-то ушелъ.

[XLIII]

— Тамъ ли. Генералъ Левицкій у аппарата. Все ли благополучно. Что можете добавить телеграммѣ начальника политическаго управленія 1906. Что значитъ 1906. Это нр. телеграммы начальника политическаго управленія. Шеръ. Кто у аппарата. У аппарата дежурный штабъ-офицеръ подполковникъ Чебыкинъ. Прошу передать . . . .

[XLIV]

— Разговоръ поручика Чернова съ

— Поручикъ Черновъ. Ага. Добрый часъ. Извиняюсь, что ушелъ не дождавшись васъ, но мнѣ сказали, что вы очень заняты. Здѣсь слушаютъ. Ага. У насъ тоже. Нѣтъ съ Петроградомъ и повидимому распоряженіе есть не давать связь только-что Витебскъ представилъ съ Петроградомъ. Убѣдившись что будетъ говорить представитель казаковъ. Результатовъ не знаю. Въ Кіевѣ пока неопредѣленно, все зависитъ отъ того, какую позицію займутъ украинцы, телеграфъ охраняется весьма надежными казаками . . . (связь прервана).

[XLV] *

— Именемъ сознательныхъ солдатъ и офицеровъ дѣйствующей арміи, горячо любящихъ свою Родину и готовыхъ за нее умереть, требую немедленнаго освобожденія Временнаго Правительства, возстановленій законной власти въ странѣ, которая одна только можетъ довести Родину до Учредительнаго Собранія — единственнаго хозяина земли Русской.

---

* Вѣроятно, настоящій отрывокъ составляетъ часть разговора XXXIII и долженъ заполнить отмѣченный на стр. 311 пропускъ.

Документы къ воспоминаніямъ Н. Вороновича

I

РЕЗОЛЮЦІЯ,

предложенная крестьянской секціей Сочинскаго Окружнаго Съѣзда въ декабрѣ 1918 года и принятая Съѣздомъ единогласно, при одномъ воздержавшемся.

Заслушавъ докладъ представителя Грузинской демократической республики о причинахъ и условіяхъ временнаго присоединенія Сочинскаго округа къ Грузіи, а также о правительственныхъ предначертаніяхъ по устроенію мѣстной культурно-хозяйственной жизни, Сочинскій Окружный Съѣздъ въ засѣданіи 2-го декабря 1918 года постановилъ:

Оставаясь по прежнему сторонникомъ возсоединенія Сочинскаго Округа съ Россіей, какъ только образуется въ ней единая твердая демократическая власть, созданная на принципѣ полнаго народоправства и возсоединенія отдѣльныхъ частей Россіи на федеративныхъ началахъ, съѣздъ считаетъ, что временное присоединеніе округа, основанное на резолюціяхъ соціалистическихъ партій и другихъ Сочинскихъ демократическихъ организацій, является актомъ отвѣчающимъ интересамъ трудовыхъ массъ, избавившимъ ихъ отъ ужасовъ реакціи. Находясь подъ покровительствомъ законовъ Грузинской демократической республики, крестьянство и другое трудовое населеніе округа имѣетъ возможность свободно осуществить свои давнишнія чаянія по устроенію мѣстной культурно-хозяйственной жизни, ввести демократическое земское самоуправленіе и провести справедливое надѣленіе землей трудящихся, согласно основныхъ положеній, принятыхъ Всероссійскимъ учредительнымъ собраніемъ.

Предсѣдатель Съѣзда П. Джанашія
Секретарь М. Климчукъ.

(Выписка изъ протокола Сочинскаго Окружнаго Съѣзда отъ 2-го декабря 1918 года).

II

МЕМОРАНДУМЪ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ВЕЛИКОБРИТАНСКОЙ ВОЕННОЙ МИССІИ ВЪ ТИФЛИСѢ.

Въ Іюнѣ прошлаго года крестьяне Сочинскаго округа, относившіеся отрицательно къ пришлымъ и неизвѣстнымъ имъ людямъ, захватившимъ въ свои руки власть въ округѣ, вошли въ контактъ съ находившимся въ сосѣднемъ Сухумскомъ округѣ отрядомъ войскъ Грузинской республики и съ его помощью заставили большевиковъ очистить Сочинскій округъ.

Съ приходомъ Грузинскихъ властей, хотя и медленно, но все-таки начали проводиться принципы демократическаго самоуправленія, котораго такъ жаждало мѣстное крестьянство.

Конечно, бывали случаи недоразумѣній между населеніемъ и отдѣльными агентами Грузинскихъ властей, но случаи эти возникли изъ-за самочинныхъ дѣйствій отдѣльныхъ агентовъ и воинскихъ чиновъ, и когда объ этомъ доводилось до свѣдѣнія властей, незаконныя распоряженія тотчасъ отмѣнялись и инциденты быстро ликвидировались.

Въ общемъ-же отношенія между большинствомъ населенія и грузинами были очень хорошими, что видно хотя-бы изъ рѣшеній Окружныхъ съѣздовъ.

Когда въ концѣ Августа черезъ Сочи проходилъ отрядъ Добровольческой Арміи въ числѣ 600 казаковъ (бѣжавшихъ отъ большевиковъ изъ Кубани горами въ Сухумъ, гдѣ они были снаряжены и вооружены Грузинскими военными властями), населеніе встрѣтило этотъ отрядъ также очень радушно. Но когда, подъ предлогомъ розыска оставшихся въ Округѣ большевиковъ, казаки подъ предводительствомъ своихъ офицеровъ начали производить обыски и избивать мѣстныхъ жителей, ничего общаго съ большевиками не имѣвшихъ, отношенія къ казакамъ и Добровольческой Арміи рѣзко измѣнились. Необходимо указать, что «карательная экспедиція» производилась казаками, которые руководились особымъ спискомъ, составленнымъ мѣстными реакціонерами (какъ напримѣръ, извѣстнымъ Казариновымъ, убійцей члена Государственной Думы Іоллоса), въ который вмѣсто «большевиковъ» попали всѣ мѣстные демократическіе дѣятели, часть которыхъ, хотя и принимали участіе въ работахъ Совдепа, но не по избранію большевиковъ, а будучи делегированы умѣренными элементами и крестьянами въ противовѣсъ большевикамъ.

Такимъ образомъ населеніе убѣдилось, что приходомъ казаковъ и добровольцевъ воспользовались сторонники стараго режима для сведенія личныхъ счетовъ со своими идейными противниками.

Вскорѣ послѣ описаннаго случая, мѣстныя демократическія организаціи вынесли резолюцію, въ которой указывалось, что Сочинскій округъ, который разсматривается, какъ нераздѣльная часть Россійскаго Государства, временно, впредь до воссозданія демократической Россіи, долженъ быть присоединенъ къ сосѣдней Грузинской демократической республикѣ.

Вынося такую резолюцію, всѣ мѣстныя демократическія организаціи, руководствуясь тѣми соображеніями, что Сочинскій округъ не можетъ, хотя бы и временно, существовать самостоятельно, а долженъ выбирать между двумя государственными образованіями — Грузіей и Кубанью (фактически находящейся въ рукахъ командованія Добровольческой Арміи), изъ которыхъ первая гарантировала Округу демократическое самоуправленіе, а вторая, т. е. Добровольческая Армія, ввела въ сосѣднемъ Туапсинскомъ округѣ ненавистный населенію полицейскій режимъ, отмѣнила выборы въ Городское Земское Самоуправленіе и назначила на всѣ административные посты прежнихъ приставовъ и урядниковъ.

Послѣ вынесенія этой резолюціи состоялся окружной крестьянскій съѣздъ, на которомъ крестьяне также присоединились къ ней, избрали Крестьянскій Комитетъ и поручили этому Комитету, дѣйствуя въ контактѣ съ грузинскими властями, скорѣйшій созывъ Земскаго Собранія.

Въ это время, когда началась предвыборная кампанія и составлялись списки гласныхъ, совершенно неожиданно войска генерала Деникина перешли въ наступленіе, окружили грузинскій отрядъ въ Сочи и заняли округъ. Мѣстные армяне, которыхъ побудили къ этому, съ одной стороны, провокація, съ другой — недавно ликвидированная грузино-армянская война, примкнули къ добровольцамъ, благодаря чему успѣхъ былъ обезпеченъ. Для русскаго населенія это наступленіе было полной неожиданностью, такъ какъ всѣ были увѣрены, что согласно обѣщанія англійскаго командованія, какъ только будетъ введено Земское Самоуправленіе, власть перейдетъ въ руки выборнаго Земства и Городской Думы, округъ будетъ нейтрализованъ подъ протекторатомъ Великобританіи, а Грузино-Добровольческій фронтъ будетъ ликвидированъ.

Теперь съ занятіемъ округа Добровольческой арміей — надежды крестьянъ и мѣстной демократіи рухнули: выборы земства отмѣнены, а всѣмъ дѣятелямъ крестьянскаго союза и другихъ демократическихъ организацій предъявлены обвиненія въ причастности къ большевизму и въ государственной измѣнѣ (за вынесеніе резолюціи о временномъ присоединеніи округа къ Грузинской республикѣ). Совершенно не разбираясь въ дѣйствительной политической физіономіи того или другого лица, разъ только это лицо не является сторонникомъ того строя, который желателенъ реакціоннымъ элементамъ, ему предъявляется обвиненіе въ большевизмѣ, и оно предается военно-полевому суду.

Такимъ образомъ большинство дѣятелей демократическаго блока и крестьянскаго союза принуждены скрываться, другая часть арестована и предана полевому суду, а нѣкоторые уже безъ всякаго суда разстрѣляны.

Такое положеніе возмутило крестьянъ, часть которыхъ, покинувъ свои дома и селенія, ушли въ горы, объявивъ партизанскую войну добровольцамъ. Несмотря на усилія тѣхъ, которые не желаютъ пролитія братской крови, въ округѣ идетъ братоубійственная война. Несмотря на завѣренія властей, мы утверждаемъ, что возстаніе крестьянъ не усмирено, что возставшіе находятся въ горахъ и считаютъ возможнымъ прекратить партизанскую войну только въ томъ случаѣ, когда добровольцы очистятъ Сочинскій округъ. Тридцать одно сельское общество Сочинскаго и Туапсинскаго округовъ вынесли единодушные приговоры и обратились къ англійскому командованію съ просьбой нейтрализовать округъ и избавить крестьянъ отъ владычества безконтрольныхъ и всемогущихъ агентовъ генерала Деникина, примѣняющихъ по отношенію къ демократіи систему террора. Приговоры эти на второй день праздника Св. Пасхи были переданы делегатами означенныхъ сельскихъ обществъ англійскому полковнику Файну въ Сухумѣ, но полковникъ Файнъ передалъ эти приговоры генералу Бурневичу, послѣ чего по отношенію къ обществамъ и подписавшимся подъ приговорами крестьянамъ начались новыя репрессіи.

Отчаявшись другимъ путемъ добиться гарантіи мирнаго и спокойнаго существованія, гарантіи производства въ скорѣйшемъ времени выборовъ въ мѣстныя самоуправленія, и не желая подпасть снова подъ власть прежнихъ полицейскихъ, крестьяне, которые вначалѣ враждебно относились къ большевикамъ, теперь, подъ вліяніемъ репрессій со стороны добровольцевъ, начинаютъ сильно лѣвѣть и видѣть въ лицѣ большевиковъ своихъ избавителей.

Во избѣжаніе дальнѣйшаго кровопролитія и во избѣжаніе усиленія большевистскихъ симпатій въ крестьянствѣ, мы, избранники крестьянства Сочинскаго округа и представители Сочинской демократіи, безъ различія національностей, обращаемся съ настоящемъ заявленіемъ къ высшему англійскому командованію и просимъ:

1. Нейтрализовать Сочинскій округъ, занявъ его союзными войсками.

2. Предложить генералу Деникину вывести изъ предѣловъ Округа отряды добровольцевъ.

3. Предоставить населенію свободное право, безъ всякаго посторонняго давленія и вмѣшательства, избрать земское и городское самоуправленія.

4. Освободить изъ заключенія арестованныхъ добровольцами представителей крестьянства и другихъ демократическихъ дѣятелей и

5. гарантировать населенію священныя права неприкосновенности личности и жилищъ.

При выполненіи означенной просьбы мы глубоко увѣрены въ томъ, что все населеніе округа будетъ съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ относиться къ представителямъ Британскаго командованія и что въ корнѣ прекратится анархія, и всѣ граждане смогутъ обратиться къ мирному труду.

Неудовлетвореніе просьбы многочисленнаго крестьянскаго населенія, которому надоѣли непрекращающіяся междоусобія и гражданская война, вызоветъ въ нихъ чувство разочарованія и приведетъ къ нежелательнымъ результатамъ, т. е. усиленію анархіи и дальнѣйшей гражданской войнѣ.

Предсѣдатель Сочинскаго Окружного Крестьянскаго Комитета,

Гласный Сочинской Городской Думы,
Б. Предсѣдатель Сочинскаго Окружнаго Съѣзда *П. Джанашія.*

Членъ Сочинскаго Окружного Исполнительнаго Комитета отъ крестьянскаго населенія и членъ Окружного Комитета по введенію земскаго самоуправленія *Н. Вороновичъ.*

Предсѣдатель Сочинской Городской Думы *С. Теръ-Григорьянъ.*

III

ПРИКАЗЪ № 282.

НАЧАЛЬНИКА 3 УЧ. СОЧИНСКАГО ОКРУГА.

При семъ объявляю для свѣдѣнія населенія ввѣреннаго мнѣ района, что согласно телеграфнаго распоряженія господина Начальника Сочинскаго округа отъ 20 Марта за № 301, — за всѣхъ лицъ призывного возраста, уклоняющихся отъ мобилизаціи, отвѣтятъ тѣ селенія, въ коихъ они проживаютъ, и семьи дезертировъ, причемъ сами дезертиры, въ случаѣ ихъ поимки, будутъ немедленно преданы военно-полевому суду для сужденія по законамъ военнаго времени, какъ за побѣгъ съ поста, что карается смертной казнью.

Начальникъ 3-го участка Сочинскаго округа

Доломановъ.

ПРИКАЗЪ № 3.

НАЧАЛЬНИКА КАРАТЕЛЬНАГО ОТРЯДА.

При семъ объявляю жителямъ Приказъ Начальника обороны Черноморскаго побережья отъ 29-го Марта слѣдующаго содержанія:

«Всѣмъ повстанцамъ вернуться въ свои деревни сегодня-же. Если это не будетъ исполнено, всѣ ушедшіе въ горы будутъ считаться врагами.

Генералъ Бурневичъ».

Даю знать населенію, что если настоящій приказъ не будетъ выполненъ сегодня-же, то я буду принужденъ принять самыя суровыя мѣры противъ измѣнниковъ.

Начальникъ отряда Полковникъ *Кардашевъ.*

29-го Марта 1919 года.

ПРИКАЗЪ № 5.

НАЧАЛЬНИКА КАРАТЕЛЬНАГО ОТРЯДА.

Настоящимъ довожу до свѣдѣнія населенія объявленіе Начальника обороны побережья Генерала Бурневича отъ 9-го Марта.

Со своей стороны предлагаю населенію безотлагательно къ 6 часамъ утра 2 сего Апрѣля прислать ко мнѣ въ селеніе Пиленково, хотя-бы по два человѣка отъ каждаго возставшаго селенія, для ознакомленія съ цѣлями возстанія, то есть, чего хочетъ населеніе отъ властей Добровольческой Арміи. Присланнымъ делегатамъ гарантирую жизнь и безопасность даже въ томъ случаѣ, если они выскажутся противъ Добровольческой Арміи. Однако, если и на этотъ разъ не будетъ выполнено мое приказаніе, то я буду вынужденъ поступить такъ, какъ указывалъ въ приказѣ № 4, а именно: безостановочно двигаться впередъ, сметая по пути слѣдованія всѣ строенія и уничтожая все имущество, и поступлю со всѣми деревнями, какъ съ Эстонской-Сальмэ.

Предлагаю жителямъ пощадить самихъ себя.

Начальникъ отряда Полковникъ *Кардашевъ.*

1 Апрѣля 1919 г. с. Пиленково.

IV

ДЕКЛАРАЦІЯ ЧЕРНОМОРСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

(Принята 18-го ноября 1919 года на делегатскомъ съѣздѣ крестьянъ Черноморской губ.)

«Въ октябрѣ 1917 года было разрушено единство великой Россійской революціи. Революціонная демократія раскололась на враждующіе лагери. Рабочіе были брошены на борьбу противъ крестьянъ, города противъ деревень. На аренѣ революціи появилась новая сила — реакція, которая использовала расколъ въ единыхъ дотолѣ рядахъ, выросла въ грозную силу, которая грозитъ отнять у народа добытыя его кровью и страданіями революціонныя завоеванія. Съ тѣхъ поръ вотъ уже два года какъ льется народная кровь. Сыны единой трудовой семьи, гонимые насильственными мобилизаціями, истребляютъ другъ друга во имя чуждыхъ и даже враждебныхъ имъ идеаловъ. Ни одна изъ двухъ борющихся силъ не черпаетъ свои идеалы въ революціонномъ сознаніи и волѣ широкихъ круговъ народа и не защищаетъ его реальныхъ интересовъ. Большевистская диктатура, во имя свѣтлыхъ идеаловъ соціализма, насиловала народную волю и тѣмъ лишила себя поддержки широкихъ массъ трудового народа.

Народный стихійный протестъ противъ новаго рабства создалъ и питалъ стараго своего врага — диктатуру царизма.

И въ этомъ процессѣ единая, грозная сила перваго періода революціи — демократія — распылилась.

Отъ имени народа говорятъ всѣ, — лишь не слышно голоса самаго народа. Ему какъ и въ старое время царизма дозволено лишь быть рабомъ и молча умирать. Доведенный до отчаянія безконечной и чуждой ему гражданской войной народъ стихійно возстаетъ по ту и по другую сторону гражданскаго фронта, чѣмъ затягиваетъ народную бойню, углубляетъ анархію и хозяйственную разруху и еще болѣе приближаетъ торжество реакціи.

Большевизмъ объективно осужденъ на пораженіе, грядущая реакція несетъ съ собой старое рабство народу.

Для выхода изъ этого трагическаго тупика необходимо втянуть въ борьбу съ реакціей самъ народъ за близкіе и понятные ему идеалы. И главную роль въ этомъ грядущемъ періодѣ революціи предстоитъ сыграть крестьянству.

Города экономически разорены и потеряли свое былое значеніе. Пролетаріатъ вслѣдствіе полнаго разрушенія промышленности распылился и пересталъ быть грозной, ведущей силой перваго періода революціи.

Деревня фактически никѣмъ не покорена — она никого не признаетъ. Крестьянство не раздавлено, не деморализовано и не хочетъ идти *ни за черными, ни за коммунистическими знаменами.* Овладѣть деревней механически невозможно. Отнять «землю и волю» никому не подъ силу.

И мы, Черноморское крестьянство, пережившее господство большевиковъ и съ оружіемъ въ рукахъ защищающее свою свободу отъ насилія и рабства Доброарміи, въ эту тяжелую для Родины годину рѣшили возвысить свой голосъ.

Мы вступили въ борьбу съ реакціей какъ самостоятельная третья сила — сила демократическая.

Мы не сложимъ оружія до *полной побѣды демократіи.* Мы отвергаемъ всякую диктатуру меньшинства надъ большинствомъ, отъ кого бы эта диктатура не исходила и какими-бы конечными лозунгами она не прикрывалась. Мы противуставляемъ ей диктатуру демократіи, т. е. всего народа. Лишь въ революціонномъ сознаніи и волѣ трудового народа, въ его самодѣятельности и иниціативѣ мы видимъ путь спасенія гибнущей революціи. Всякая диктатура меньшинства есть насиліе надъ народомъ и борьба съ нимъ. Одновременно бороться съ народомъ и звать его на борьбу преступно и безполезно.

И мы, делегатскій съѣздъ Черноморскаго крестьянства, для того, чтобы придать нашей борьбѣ съ реакціей организованныя формы и общероссійское значеніе, впредь до возсоединенія съ Всероссійской федераціей, постановляемъ:

1. Поставить ближайшей цѣлью борьбы образованіе Черноморской республики съ установленіемъ федеративной связи съ другими демократическими государственными образованіями, для совмѣстной съ ними борьбы противъ реакціи и за конечныя цѣли: Россійскую Федеративную Республику, которую мы мыслимъ какъ свободный союзъ свободныхъ народовъ. За народовластіе и соціальныя завоеванія революціи.

2. Выбрать Комитетъ Освобожденія Черноморской губ., отвѣтственный передъ крестьянскимъ съѣздомъ. Означенный Комитетъ осуществляетъ всю полноту власти на территоріи Черноморской губ. по мѣрѣ ея освобожденія впредь до созыва чрезвычайнаго съѣзда.

3. При наступленіи болѣе благопріятныхъ условій Комитетъ Освобожденія долженъ созвать чрезвычайный крестьянско-рабочій съѣздъ, который окончательно рѣшитъ судьбу Черноморской демократіи.

4. На время до чрезвычайнаго съѣзда Комитету Освобожденія предлагается: а) организовать планомѣрную вооруженную борьбу съ реакціей до полнаго изгнанія добровольцевъ изъ предѣловъ губерніи. б) Немедленно приступить къ переговорамъ съ Кубанской Радой на предметъ вхожденія Черноморья, какъ автономной единицы въ составъ Кубани, но при непремѣнномъ условіи полнаго разрыва Кубани съ Доброарміей и пополненія Рады свободно выбранными представителями гражданъ Черноморской губ. в) обратиться ко всей трудовой демократіи, какъ къ третьей силѣ, съ призывомъ сорганизоваться, выявить свою волю и биться съ реакціей подъ своими знаменами. г) обратиться къ Совѣту Народныхъ Комиссаровъ и партіи коммунистовъ съ предложеніемъ отказа отъ партійной диктатуры и требованіемъ образованія коалиціоннаго соціалистическаго Правительства. д) обратиться къ трудовой демократіи Европы и Америки съ протестомъ противъ помощи, оказываемой имъ Правительствамъ Россійской реакціи, и противъ экономической блокады, обрекающей широкія массы народа на голодную смерть, болѣзни и нищету.

V

ПРИКАЗЪ ЧЕРНОМОРСКОМУ КРЕСТЬЯНСКОМУ ОПОЛЧЕНІЮ № 3.

26 января 1920 года.

Пятьдесятъ вторая отдѣльная бригада Добровольческой арміи въ составѣ шести батальоновъ при четырехъ орудіяхъ и 20 пулеметахъ расположена въ раіонѣ Веселое-Шиловка-Адлеръ и занимаетъ позицію по правому берегу рѣки Псоу, отъ берега моря до сѣверной опушки селенія Михельрипшъ. Передовая линія (по рѣкѣ Псоу) занята сторожевымъ охраненіемъ, при чемъ наиболѣе сильныя заставы находятся: на Веселовскомъ мосту, — одна рота съ двумя пулеметами, на Шиловскомъ хребту (у сліянія Псоу съ Троицкимъ ручьемъ) — 1 рота съ 2 пулеметами и на сѣверной опушкѣ села Михельрипшъ — 1 рота съ 2 пулеметами. Резервы расположены: въ сел. Веселомъ — 1 бат., 4 орудія и 4 пулемета, въ сел. Шиловка — 1 бат. и 2 пулем., у Молдавскаго моста — 1 бат. и 4 пулем. и въ г. Адлерѣ — $1^1/_2$ бат. и 6 пулеметовъ.

Черноморскому крестьянскому ополченію на разсвѣтѣ 28-го Января АТАКОВАТЬ противника, сбить его части съ позиціи и занять переправы черезъ рѣку Мзымту, для чего:

1. ОТРЯДУ РОЩЕНКО. (120 штыковъ и 1 пулем.) Выступивъ сегодня въ 14 часовъ и обойдя горами черезъ Аибгу и Дзыхру лѣвый флангъ противника и соединившись въ Дзыхрѣ съ Аибгинскимъ отрядомъ (50 штыковъ) и Ахштырской ротой (80 штыковъ) — выйти въ ночь на 28 Января на Краснополянское шоссе въ районѣ Казачьяго брода. Въ 5 час. 28 Января атаковать съ тылу Молдовское предмостное укрѣпленіе и расположенный у моста батальонъ противника. Занявъ мостъ, оставить на немъ 100 штыковъ съ пулеметомъ, а съ остальными двигаться на соединеніе съ 1-й дружиной по тропѣ Черешня — Михельрипшъ.
2. ПЕРВОЙ ДРУЖИНѢ Скобелева и ТРЕТЬЕЙ ДРУЖИНѢ Казанскаго (всего 300 штык. и 2 пулем.). Сосредоточиться въ д. Сулево къ 20 час. 27 Января и къ 4 час.

28 Января тихо спуститься къ Псоу и при первыхъ выстрѣлахъ съ молдовскаго направленія атаковать заставы Добровольцевъ у сліянія Псоу съ Троицкимъ ручьемъ и въ сел. Михельрипшъ. По занятіи Шиловки и Михельрипша — выславъ развѣдку и походныя заставы на Веселое, двигаться черезъ Шиловскій гребень къ Мзымтѣ.

3. ВТОРОЙ ДРУЖИНѢ Дзидигури (120 штыковъ и 1 пулеметъ). Одновременно съ 1 и 3 дружинами спуститься къ Псоу и, прикрывая ихъ переправу, составить общій резервъ. По занятіи Шиловки и Михельрипша двигаться на Веселое, занявъ возвышенность между Веселымъ и Шиловкой, гдѣ ожидать дальнѣйшихъ приказаній, поддерживая связь съ 1 дружиной.

4. ОХОТНИЧЬЕЙ КОММАНДѢ Гвасалія (70 штыковъ и 1 пулеметъ). Къ 20 час. 27-го Января прибыть на сѣв. опушку Ермоловска. Въ 5 час. 28 Января начать демонстрацію противъ Веселовского моста, открывъ пулеметный огонь. Выслать дозоръ для связи съ 1-й дружиной. Въ случаѣ паники въ Веселомъ — атаковать мостъ и стараться проникнуть въ Веселое, выславъ немедленно второй дозоръ для связи съ 2 дружиной на Шиловскій гребень. Въ случаѣ очищенія противникомъ с. Веселое, оставивъ въ Веселомъ дозоръ для связи съ Дзидзигури, двинуться по дорогѣ на Адлерскую переправу.

5. Начальнику связи поручику Михлину провести къ 20 час. 27-го Января полевой телефонъ между Сулево и сѣв. опушкой Ермоловска, а по занятіи Шиловки — между Сулево и Шиловкой. Центральную станцію устроить въ Сулевской школѣ.

6. Общее начальство надъ 1, 2 и 3 дружинами принять моему замѣстителю Г. Э. Учадзе, которому прибыть въ Сулево къ 20 час. 27 Января. Въ его распоряженіе командируется начальникъ штаба 2 дружины В. Фовицкій.

7. Я буду находиться въ ночь съ 27 на 28 Января при охотн. ком. Гвасалія въ Ермоловкѣ. Пор. Михлину вмѣняю въ обязанность поддерживать безпрерывную связь между мной и Учадзе черезъ конно-ординарцевъ и телефонъ.

8. Всѣмъ командирамъ дружинъ и отрядовъ напоминаю мое распоряженіе о поддержаніи тѣсной связи съ сосѣдями и со штабомъ. Срочныя донесенія присылать мнѣ (на центральную телефонную станцію въ Сулево) въ 6, 8, 10 и 12 час. 28 Января. Въ 13 час. всѣ командиры частей получаютъ новую диспозицію.

9. Перевязочный пунктъ открыть въ Сулевской школѣ.

10. Плѣнныхъ направлять старостамъ Сулево и Эстонки (въ сельское правленіе).

11. Мои замѣстители — Учадзе и Казанскій.

Командующій ополченіемъ *Н. Вороновичъ.*
Начальникъ Штаба *М. Сергѣевъ.*

VI

ОБРАЩЕНІЕ КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНІЯ ЧЕРНОМОРЬЯ КЪ КУБАНСКОЙ РАДѢ.

Комитетъ Освобожденія Черноморья, избранный черноморскимъ Крестьянскимъ Съѣздомъ 18-го ноября и закончившій 3-го февраля первую часть своей задачи очищеніемъ Сочинскаго округа отъ деникинцевъ, обращается къ Кубанской Радѣ со слѣдующимъ заявленіемъ:

1. Черноморскіе крестьяне и рабочіе желаютъ мира и дружбы съ кубанской демократіей.

2. Принявъ на себя всю полноту власти, Комитетъ Освобожденія Черноморья обращается къ Кубанской Законодательной Радѣ съ призывомъ немедленно отозвать свои войска съ туапсинскаго фронта.

3. Комитетъ Освобожденія предлагаетъ Кубанской Законодательной Радѣ приступить, тотчасъ по снятіи туапсинскаго фронта, къ установленію экономическихъ соглашеній съ Черноморьемъ и прислать для этого своихъ представителей.

4. Комитетъ Освобожденія вступилъ черезъ своего правомочнаго представителя въ непосредственныя сношенія съ правительствомъ Грузіи, Азербейджана и Арменіи, а также западно-европейскими государствами и Соединенными Штатами Сѣверной Америки.

5. Прибывшему на миноносцѣ по занятіи нашими войсками г. Сочи парламентеру великобританскаго правительства даны всѣ вышеуказанныя разъясненія и отъ него получена гарантія невмѣшательства въ дѣйствія новой власти Черноморья.

Предсѣдатель Комитета *В. Филипповскій.*
Товарищъ Предсѣдателя *Н. Вороновичъ.*
Секретарь *С. Теръ-Григорьянъ.*

Сочи 9-го февраля 1920 года.

VII

ДЕКЛАРАЦІЯ ПО ТЕКУЩЕМУ МОМЕНТУ, ПРИНЯТАЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ФРАКЦІЕЙ СОЧИНСКАГО КРЕСТЬЯНСКО-РАБОЧАГО СЪѢЗДА.

Крестьянство Сочинскаго округа изнемогало отъ произвола и насилій властей Добрарміи, насиліемъ и вопреки волѣ мѣстнаго населенія захватившихъ округъ. Власти эти, подъ предлогомъ борьбы съ большевизмомъ, воздвигли безпощадныя гоненія на крестьянъ, раззорили ихъ хозяйства и звѣрскимъ образомъ шомполовали, вѣшали и разстрѣливали крестьянъ.

Единодушнымъ порывомъ, организовавшись вокругъ Комитета Освобожденія Черноморской губ., Сочинскіе крестьяне изгнали насильниковъ изъ предѣловъ своего округа и готовы оказать братскую поддержку крестьянамъ и рабочимъ сосѣднихъ Туапсинскаго и Новороссійскаго округовъ для того, чтобы помочь имъ также освободиться отъ произвола Деникинцевъ.

Крестьянство Сочинскаго округа, испытавшее на себѣ весь ужасъ безправнаго существованія подъ властью слугъ черной реакціи, торжественно заявляетъ, что оно готово до послѣдней капли крови бороться противъ всякихъ попытокъ новаго насильственнаго захвата своей территоріи. Всякая посторонняя сила сможетъ перейти черезъ границы округа только по трупамъ всего Сочинскаго крестьянства.

Трудящееся населеніе Сочинскаго округа желаетъ полнаго внутренняго самоуправленія и установленія у себя въ округѣ началъ истиннаго народоправства. Мы, крестьяне и рабочіе Сочинскаго округа, не ставимъ цѣлями своей дальнѣйшей борьбы завоеванія чужихъ территорій и не стремимся, подобно Добрарміи подчинять себѣ другіе народы. Мы жаждемъ прекращенія безсмысленной братоубійственной гражданской войны. Мы не хотимъ отдѣляться отъ Россіи въ самостоятельное государство и иначе не представляемъ себѣ Россію, какъ свободную федеративную республику, то-есть, какъ свободный союзъ свободныхъ народовъ. Но мы не хотимъ такого объединенія подъ властью насильниковъ и можемъ вступить въ переговоры о такомъ союзѣ лишь съ народными представителями сосѣднихъ областей.

А потому чрезвычайный съѣздъ крестьянъ и рабочихъ Сочинскаго округа, пополненный представителями трудящихся Туапсинскаго и Новороссійскаго округовъ, признавъ себя впредь до созыва губернскаго съѣзда единственнымъ правомочнымъ выразителемъ воли трудовой демократіи Черноморской губерніи, постановляетъ:

1. Вручить переизбранному на съѣздѣ Комитету Освобожденія Черноморья всю полноту власти въ губерніи, впредь до созыва губернскаго крестьянско-рабочаго съѣзда.

2. Поручить Комитету Освобожденія созвать такой съѣздъ тотчасъ послѣ освобожденія двухъ третей губерніи.
3. Одобрить всѣ рѣшенія делегатскаго съѣзда Черноморскихъ крестьянъ, состоявшагося 18-го ноября прошлаго года и предложить Комитету освобожденія продолжать работать, придерживаясь принятыхъ прошлымъ и настоящимъ съѣздами рѣшеній.
4. Предложить Комитету Освобожденія установить дружественныя и добрососѣдскія отношенія со всѣми сосѣдними народами и демократическими правительствами, а также и съ тѣми иностранными государствами, которыя не будутъ вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла.
5. Предостеречь Комитетъ Освобожденія отъ какихъ либо сношеній съ реакціонными властями Добрарміи или другими безотвѣтственными правительствами.
6. Поручить Комитету Освобожденія и Главному Штабу Черноморскаго Крестьянскаго Ополченія продолжать организованную вооруженную борьбу съ реакціей для защиты добытой кровью нашихъ братьевъ свободы и для защиты нашей территоріи отъ всякихъ попытокъ захвата ее посторонними силами.

Мы, крестьяне и робочіе Сочинскаго округа, увѣрены, что настоящая декларація будетъ правильно понята и встрѣчена съ сочувствіемъ всей Россійской и иностранными демократіями и что наши справедливыя желанія и стремленія будутъ поддержаны всѣми истинными друзьями мира и свободы.

Копіи настоящей декларации поручаемъ Комитету Освобожденія препроводить Кубанской Краевой радѣ, Правительствамъ Закавказскихъ республикъ, Московскому совѣту народныхъ комиссаровъ, иностраннымъ миссіямъ, находящимся на Кавказѣ и Югѣ Россіи, а также помѣстить въ Россійскихъ, Закавказскихъ и иностранныхъ газетахъ.

г. Сочи, 24-го февраля 1920 года.

VIII

НОТА КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНІЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ АНГЛІЙСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ЮГѢ РОССІИ.

Избранный 26-го февраля на Чрезвычайномъ Крестьянско-Рабочемъ съѣздѣ Комитетъ Освобожденія Черноморья, выполняя волю съѣзда, по вопросамъ, поднятымъ на съѣздѣ Представителемъ Англійскаго Правительства, сообщаетъ слѣдующее:

1. Черноморское крестьянство, неоднократно обманутое властями Добрарміи, возглавляемой ген. Деникинымъ, совершенно не довѣряетъ ни этимъ властямъ, ни ген. Деникину. А посему Комитетъ не можетъ вступать ни въ какіе переговоры съ ген. Деникинымъ.

2. Комитетъ Освобожденія отъ имени всей трудовой демократіи Черноморской губ. заявляетъ, что твердое рѣшеніе крестьянъ и рабочихъ освободить свою территорію Черноморской губ. отъ той власти, которая не признается и никогда не будетъ признана ими. Крестьяне безповоротно рѣшили или погибнуть въ этой борьбѣ или окончательно освободить Черноморье отъ власти Деникина.

3. Въ виду того, что съѣздъ поручилъ Комитету завязать дружественныя и добрососѣдскія отношенія со всѣми сосѣдними народами, Комитетъ желаетъ вступить въ переговоры съ избранными представителями казачества, почему еще разъ подтверждаетъ свою радіограмму отъ 9-го февраля Кубанской Радѣ.

4. Комитетъ находитъ явное противорѣчіе въ заявленіи премьера Ллойдъ-Джоржа въ Палатѣ Общинъ о прекращеніи военной помощи Колчаку и Деникину — съ заявленіемъ Особоуполномоченнаго Англійскаго Правительства на югѣ Россіи о продолженіи оказанія военной поддержки ген. Деникину.

Предсѣдатель Комитета *В. Филипповскій-Самаринъ.*

27-го февраля 1920 года. г. Сочи.

IX

ПРОЭКТЪ СОГЛАШЕНІЯ МЕЖДУ КОМИТЕТОМЪ ОСВОБОЖДЕНІЯ ЧЕРНОМОРЬЯ И КУБАНСКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

Представитель Комитета Освобожденія Черноморья В. Н. Филипповскій и Членъ Главнаго Штаба Черноморскаго Ополченія Москвичевъ съ одной стороны, Предсѣдатель Кубанскаго краевого Правительства Иванисъ и товарищъ предсѣдателя Верховнаго круга Дона, Кубани и Терека Мамоновъ съ другой стороны, въ присутствіи представителя Грузинскаго правительства — тов. предсѣдателя Главнаго Штаба Народной Гвардіи Республики Грузіи Д. Сагирашвили, 30-го Марта 1920 года въ городѣ Гаграхъ выработали между собой слѣдующій проэктъ соглашенія:

Пунктъ первый. Войска Кубанскаго краевого правительства, вошедшія на территорію Черноморской губерніи, не вмѣшиваются во внутреннюю жизнь края.

Пунктъ второй. Всѣ самоуправленія крестьянъ и рабочихъ остаются неприкосновенными.

Пунктъ третій. Населеніе Черноморской губерніи Кубанской краевой властью не можетъ быть мобилизовано для борьбы съ совѣтской властью.

Пунктъ четвертый. Крестьяне и рабочіе Черноморья не разоружаются и свободно расходятся по домамъ.

Пунктъ пятый. Крестьяне и рабочіе сохраняютъ право созыва крестьянско-рабочаго съѣзда для установленія отношеній къ Кубанской краевой власти и для созданія своей мѣстной власти.

Пунктъ шестой. Расквартированіе войскъ и всѣ сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ происходятъ черезъ посредство мѣстныхъ органовъ самоуправленія крестьянъ и рабочихъ.

30-го Марта 1920 года. Гагры.

Слѣдуютъ подписи всѣхъ перечисленныхъ въ текстѣ лицъ.

(Тифлисскія газеты отъ 3-го Апрѣля 1920 г.)

X

ПРОТЕСТЪ

ВСѢМЪ НАРОДАМЪ И НАРОДНЫМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВАМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ОБРАЗОВАНІЙ, СОЗДАВШИХСЯ НА ТЕРРИТОРІИ РОССІИ И ДЕМОКРАТІЯМЪ ЕВРОПЫ.

Двѣ недѣли тому назадъ войска Кубани, Дона и Терека безъ всякаго предупрежденія помимо воли и согласія крестьянскаго населенія Сочинскаго Округа, вторглись въ наши предѣлы и сразу заговорили языкомъ пулеметовъ и пушекъ. Стоявшая подъ Туапсе Черноморская рабоче-крестьянская армія отошла на Сѣверъ и предоставила Сочинское крестьянство собственнымъ своимъ силамъ Отобранныя у добровольцевъ пушки и пулеметы мы отдали на фронтъ Черноморской арміи, а сами остались почти безъ оружія. Наскоро сформированный небольшой крестьянскій отрядъ въ теченіе нѣсколькихъ дней старался сдержать натискъ стихійно-наступившей лавины казаковъ генерала Шкуро на границѣ Сочинскаго Округа, но принужденъ былъ отойти. Прибывшіе въ Гагры представители Кубанскаго правительства и Верховнаго Круга заявили нашимъ представителямъ, что казаки готовы пойти на какія угодно уступки, готовы не вмѣшиваться въ мѣстное самоуправленіе, но требуютъ, чтобы Сочинскіе крестьяне свободно впустили ихъ на свою территорію. Прежде чѣмъ вести какіе-бы то ни было переговоры, наши представители потребовали немедленнаго пріостановленія дальнѣйшаго вторженія корпуса Шкуро за предѣлы Сочинскаго Округа

Предсѣдатель Кубанскаго правительства Иванисъ и Товарищъ Предсѣдателя Верховнаго Круга Мамоновъ согласились на это, прося во время перемирія созвать Кре-

стьянскій съѣздъ, но генералъ Шкуро, который, какъ оказалось впослѣдствіи, дѣйствуетъ совершенно самостоятельно, признавая не Кубанское правительство, а исключительно генерала Деникина, согласившись на трехдневное перемиріе, нарушилъ его на слѣдующій же день и воспользовавшись тѣмъ, что крестьяне готовились къ съѣзду, занялъ безъ боя Сочи. Нѣсколько скрывая свои намѣренiи, генералъ Шкуро заявилъ нашимъ представителямъ, что онъ во что бы то ни стало займетъ не только Сочинскій, но также Гагринскій и Сухумскій Округа, а поэтому, гарантируя населенію жизнь и имущество, никакихъ другихъ гарантій не даетъ.

Наученые горькимъ опытомъ прошлаго, Сочинское крестьянство хорошо понимаетъ, что значатъ гарантіи Добровольческихъ генераловъ а поэтому рѣшило не поддаваться никакимъ завѣреніямъ этихъ генераловъ и уйти въ горы, гдѣ и защищаться отъ насильниковъ, предводительствуемыхъ Шкуро, Шифнеръ-Маркевичемъ и другими сотрудниками Деникина.

Жаждавшіе прекращенія братоубійственной войны, Сочинскіе крестьяне полагали, что съ изгнаніемъ Деникинцевъ для Сочинскаго Округа насталъ конецъ гражданской войны. Но оставшіеся безъ территоріи Добровольческіе генералы рѣшили использовать казачество для продолженія этой войны, перенеся его изъ предѣловъ Кубани на Черноморское побережье. Выдвинутые Верховнымъ Кругомъ лозунги справедливости и демократичности оказались пустыми словами и казаки силой орудія проливая крестьянскую кровь, хотятъ покорить Черноморскую губернію.

Бросая на произволъ судьбы свои семьи, оставляя незасѣянными поля, будучи безсильными задержать хлынувшую въ округъ лавину въ 70,000 казаковъ, Сочинское крестьянство заявляетъ всему цивилизованному міру свой протестъ противъ настоящаго нашествія, которое грозитъ всѣмъ намъ голодной смертью и полнымъ физическимъ истребленіемъ.

По Порученію делегатовъ отъ крестьянъ Сочинскаго Округа

Президіумъ Комитета освобожденія Черноморья

Селеніе Ахштырь, 5-го Апрѣля 1920 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО.

ПРЕДСѢДАТЕЛЮ ВЕРХОВНАГО КРУГА ДОНА, КУБАНИ И ТЕРЕКА И. П. ТИМОШЕНКО.

Милостивый Государь Иванъ Петровичъ.

Ознакомившись съ Вашими заявленіями, помѣщенными на столбцахъ Тифлисскихъ газетъ, я не могу удержаться, чтобы не обратиться къ Вамъ съ этимъ письмомъ и не выразить своего глубочайшаго изумленія по поводу данныхъ Вами мѣстной прессѣ разъясненій, совершенно расходящихся съ дѣйствительностью.

Меня особенно поражаетъ Ваше желаніе свалить вину за всѣ ужасы, происходящіе сейчасъ въ Сочинскомъ округѣ, съ больной головы на здоровую. По Вашимъ словамъ во всемъ виноватъ «Комитетъ освобожденія», который нарушилъ подписанное соглашеніе съ кубанскимъ правительствомъ. На это я долженъ отвѣтить, что или Вы совершенно не въ курсѣ происшедшихъ событій, или же (чему я не хочу вѣрить) сознательно искажаете факты.

Поэтому позволю себѣ напомнить Вамъ эту дѣйствительность.

30-го марта предсѣдатель К. О. Ч. Филипповскій, членъ главнаго штаба Ч. К. О. Москвичевъ, съ одной стороны, и предсѣдатель Кубанскаго правительства Иванисъ и тов. предс. Верховнаго Круга Мамоновъ — съ другой стороны, подписали извѣстный вамъ проектъ соглашенія. Проектъ этотъ долженъ былъ быть разсмотрѣнъ на объединенномъ пленарномъ засѣданіи «Комитета Освобожденія», и окончательно утвержденъ

или измѣненъ чрезвычайнымъ крестьянскимъ съѣздомъ. Для созыва съѣзда необходимо было временное прекращеніе военныхъ дѣйствій между крестьянскимъ ополченіемъ и войсками генерала Шкуро. Поэтому немедленно же былъ поднятъ вопросъ о трехдневномъ перемиріи. Для заключенія перемирія въ штабъ Шкуро выѣхали предсѣдатель К. О. Ч. Филипповскій, членъ главнаго штаба Трусовъ и товарищъ предсѣдателя верховного круга Мамоновъ. Перемиріе было установлено, но наши делегаты были чрезвычайно удивлены, когда, прощаясь съ ними, генералъ Шкуро заявилъ, что онъ «быть можетъ, не сдержитъ своего генеральскаго слова, и будетъ вынужденъ продолжать наступленіе». Затѣмъ штабъ Шкуро былъ предупрежденъ о томъ, что одинъ изъ отдѣльно дѣйствующихъ отрядовъ крестьянскаго ополченія сможетъ получить увѣдомленіе о перемиріи только поздно вечеромъ. Это предупрежденіе было передано лично начальнику передовой дивизіи генералу Агоеву, который сказалъ, что онъ приметъ это къ свѣдѣнію.

Однако, несмотря на такое предупрежденіе, придравшись къ тому, что названный отрядъ въ 4 ч. дня обстрѣлялъ казачью развѣдку, (кстати — обстрѣлъ былъ вызванъ передвиженіемъ, вопреки условіямъ перемирія, казачьяго разъѣзда) генералъ Шкуро заявилъ, что считаетъ перемиріе нарушеннымъ, перешелъ въ наступленіе, занялъ Сочи и не далъ возможности собрать окружной съѣздъ.

Но еще за нѣсколько часовъ до этого, наши телефонисты перехватили телефонограмму генерала Шкуро одному изъ начальниковъ отрядовъ, въ которой говорилось о томъ, что, въ виду эвакуаціи Туапсе, необходимо немедленно занять Сочи.

Я думаю, что теперь вамъ станетъ ясно, что, во первыхъ, никакого соглашенія не состоялось, ибо проектъ соглашенія не могъ быть разсмотрѣнъ ни пленумомъ «Комитета Освобожденія», ни крестьянскимъ съѣздомъ, и, во вторыхъ, что перемиріе было нарушено не крестьянами, а казачьимъ командованіемъ.

Не менѣе странно ваше заявленіе о какой то «провокаціи, сознательно или безсознательно распространяемой вокругъ факта оккупаціи казаками Сочинскаго округа». Вы говорите, что пришли къ намъ «какъ демократическая сила». Но я увѣренъ, что Вы отлично понимаете, что никакая демократія не позволитъ себѣ врываться вопреки волѣ другой демократіи въ чужой край, подвергать этотъ край полному разоренію и обрекать демократію этого края физическому истребленію.

Неужели Вы не знаете, что творитъ Ваша «демократическая сила» въ Сочинскомъ округѣ? Неужели Вы не читаете издающейся въ Сочи газеты, именуемой «Вѣстникомъ Кубанскаго Правительства»? Въ № 9 этой газеты совершенно ясно и опредѣленно сказано, что казаки, для спасенія себя самихъ и своихъ голодныхъ лошадей, принуждены истребить продовольственные запасы Сочинскихъ крестьянъ, потравить посѣвы и уничтожить сады. Но такъ какъ, — продолжаетъ Вашъ оффиціозъ, — казаки вынуждены сдѣлать это для своего спасенія отъ голодной смерти, то населенію рекомендуется не роптать, а спокойно умирать съ голоду, надѣясь, что при первой возможности кубанцы щедро вознаградятъ оставшихся въ живыхъ!

Извѣстно ли Вамъ, что генералъ Шкуро продаетъ на вывозъ весь валютный товаръ, имѣющійся въ Сочинскомъ округѣ и состоящій изъ табаку и саломаса? Знаете ли Вы, что этотъ табакъ свезенъ въ Сочи и Адлеръ, какъ натуральный налогъ для обмѣна на продовольствіе, въ которомъ такъ нуждается наше населеніе? Знаете ли вы, что подъ стоимость этого табака были выпущены размѣнные денежные знаки, находящіеся въ рукахъ населенія, и которые теперь ровно ничего не стоятъ такъ какъ обезпечивающій эти знаки товаръ вывезенъ спекулянтами, скупившими его за безцѣнокъ у Вашего генерала Шкуро? Извѣстно ли Вамъ что противъ такого ни чѣмъ не прикрытаго грабежа Вашему правительству заявленъ протестъ Сочинской городской управой и сельскими сходами.

Неужели такія дѣйствія Вы считаете «демократическими мѣропріятіями?»

Мнѣ кажется, что если Вы ознакомитесь съ содержаніемъ «Вѣстника Кубанскаго правительства», то Вы сами увидите, что сдѣланныя Вами въ Тифлисѣ заявленія совершенно расходятся съ дѣйствіями Вашего командованія въ Сочи. Ваши Сочинскіе коллеги

совершенно не отрицаютъ фактовъ уничтоженія у нашихъ крестьянъ всего продовольствія, сѣмянъ, посѣвовъ и наступившихъ вслѣдъ за этимъ голода и холеры. Они лишь заявляютъ, что сіе было неизбѣжно и вызвано извѣстными соображеніями.

На эти заявленія можно отвѣтить, что во первыхъ, всего этого можно было бы избѣжать, если-бы кубанское правительство не находилось въ полной зависимости отъ реакціонныхъ генераловъ, стоящихъ во главѣ казачьихъ войскъ, и во вторыхъ, что мѣстному населенію совершенно безразлично, какими соображеніями вызвано его разореніе незванными гостями, и какими принципами — демократическими или имперіалистическими — руководствуются эти гости.

Въ одной русской сказкѣ нѣкій карась на вопросъ, подъ какимъ соусомъ желаетъ онъ быть зажареннымъ, отвѣтилъ, что прежде всего, онъ совсѣмъ не хочетъ, чтобы его жарили, а если его тѣмъ не менѣе зажарятъ, то ему совершенно безразлично, подъ какимъ соусомъ его съѣдятъ! Черноморское крестьянство думаетъ такъ же, какъ и этотъ злополучный карась.

Я не въ состояніи отвѣтить на всѣ Ваши заявленія, ибо тогда письмо мое будетъ безконечно длиннымъ, но какъ избранникъ Сочинскаго крестьянства и какъ защитникъ его интересовъ, я обязанъ сообщить Вамъ, что хотя наше крестьянство страстно жаждало и жаждетъ прекращенія гражданской войны, нынѣ дѣйствующіе противъ Вашей «демократической силы» зеленые состоятъ исключительно изъ однихъ крестьянъ, которые были вынуждены взяться за оружіе для защиты своихъ семей отъ окончательнаго раззоренія ихъ Вашей «демократіей».

Я долженъ указать Вамъ также и на то, что до Вашего нашествія наше крестьянство относилось къ кубанцамъ съ самой теплой симпатіей и что проклятія голодныхъ и ограбленныхъ крестьянъ, которыя теперь несутся вслѣдъ уходящимъ казакамъ, должны быть отнесены не къ рядовому казачеству, которое само умираетъ съ голоду на берегахъ Чернаго моря, а къ тѣмъ вождямъ, которые сознательно или безсознательно вовлекли казаковъ въ Черноморскую авантюру.

Вся отвѣтственность за гибель казаковъ и населенія отъ голода и вспыхнувшей теперь въ Сочинскомъ округѣ эпидеміи азіатской холеры, должна лечь только на этихъ вождей.

Мнѣ кажется, что вмѣсто того, чтобы вести на страницахъ Тифлисскихъ газетъ ненужную полемику съ представителями Черноморскаго крестьянства, доказывая Вашу «демократичность», было бы гораздо проще, если бы Вы здѣсь въ Тифлисѣ откровенно заявили то, что говорятъ въ Сочи Ваши коллеги, а именно: что для спасенія казаковъ и ихъ лошадей Вы сознательно пошли на разореніе и физическое истребленіе крестьянскаго населенія Сочинскаго округа.

Заканчивая это письмо, я искренно желаю, чтобы ни одинъ народъ, ни одинъ край никогда бы не испытали тѣхъ ужасовъ, того голода и тѣхъ эпидемій, отъ которыхъ теперь гибнутъ крестьяне нашего несчастнаго округа, а съ ними вмѣстѣ и обманутые казаки.

Товарищъ предсѣдателя Комитета Освобожденія Черноморья
Предсѣдатель Главнаго Штаба Черноморскаго Крестьянскаго Ополченія
и Предсѣдатель Чрезвычайнаго Сочинскаго Окружнаго Съѣзда

Н. Вороновичъ.

24 апрѣля 1920 г. (Сухумская газета «Наше слово» отъ 30 апрѣля 1920 г.)

XII

ПРИГОВОРЪ.

Мы, нижеподписавшіеся, уполномоченные сельскихъ сходовъ Хостинскаго, Адлерскаго и Ахштырскаго районовъ Сочинскаго округа Черноморской губерніи, собравшись сего 17-го Іюня 1920 года, имѣли сужденіе объ арестахъ Совѣтскими властями Россій-

ской коммунистической республики избранныхъ нами на крестьянско-рабочемъ съѣздѣ 25-го февраля с. г. членовъ Комитета Освобожденія и другихъ нашихъ крестьянъ, которые бились съ кадетами за нашу свободу въ теченіе прошлой зимы.

Узнавъ о томъ, что наши избранники и товарищи посажены въ тюрьму, мы послали къ властямъ Россійской Совѣтской Республики ходоковъ съ просьбой отпустить ихъ на поруки всего крестьянскаго населенія. Однако въ Сочинскомъ Особомъ Отдѣлѣ нашимъ ходокамъ отказали въ этой просьбѣ.

Мы видимъ, что прибывшая къ намъ Рабоче-Крестьянская Совѣтская власть первымъ дѣломъ обратилась противъ крестьянъ. Мы видимъ также, что никакихъ совѣтовъ намъ не позволяютъ выбирать, а тѣ крестьянскіе совѣты, которые были у насъ при Комитетѣ Освобожденія — нынѣшняя Совѣтская власть разогнала.

Изъ приказовъ новой власти мы усмотрѣли, что насъ, крестьянъ, хотятъ поставить въ такое-же положеніе, въ какомъ мы находились при Деникинѣ.

Вмѣсто обѣщаннаго хлѣба, у насъ, раззоренныхъ Деникинцами и Шкуровцами, хотятъ отобрать послѣднее добро, которое у насъ еще уцѣлѣло.

Наше Крестьянское Ополченіе снова, какъ и при Деникинѣ, называютъ бандой, обезоруживаютъ и заставляютъ обратно уходить въ горы.

Все вышеуказанное мы не можемъ называть иначе, какъ насиліемъ коммунистической партіи большевиковъ. И мы постановили обо всѣхъ ихъ поступкахъ и притѣсненіяхъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, чтобы всѣ тѣ люди, которые имъ до сего времени довѣряютъ, знали, что Совѣтская власть большевиковъ для насъ, трудовыхъ крестьянъ, совершенно не подходитъ и мы такъ же точно желаемъ избавиться отъ нея, какъ избавились отъ кадетовъ. Въ чемъ и подписуемся.

(Двѣнадцать подписей и одинъ крестъ.)

Содержаніе

Документы

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

